

А. В. Ганин

ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ГЕНШТАБИСТОВ
ПРИ ЛЕНИНЕ
И ТРОЦКОМ

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГЕНШТАБИСТОВ
ПРИ ЛЕНИНЕ И ТРОЦКОМ**

А. В. Ганин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ГЕНШТАБИСТОВ
ПРИ ЛЕНИНЕ
И ТРОЦКОМ**

2-е издание, исправленное

Рецензенты:

В. И. Голдин, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки России,
президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, член бюро
Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
(Северный (Арктический) федеральный университет),
М. И. Мельтюхов, д.и.н., с.н.с.
(Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

*Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного
фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2
«Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)»*

Ганин А. В.

Г192 Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. — 2-е изд.,
испр. — М.: Кучково поле, 2017. — 680 с.; 16 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0757-9

Красная армия родилась не на пустом месте. Ее впечатляющая победа в Гражданской войне была бы невозможна, не перейди на сторону большевиков полторы тысячи наиболее квалифицированных офицеров старой русской армии, окончивших Николаевскую военную академию и составивших «мозг армии» Советской России. Их знания и опыт позволили большевикам создать многомиллионную и эффективную вооруженную силу.

Но, пожалуй, не было ни одного офицера, для которого события излома российской истории не стали бы личной драмой, связанной с выбором, с кем быть после того, как привычный мир рухнул. Советская повседневность старой военной элиты неоднозначна. Недоверие, аресты и расстрелы, контроль со стороны комиссаров создавали тягостную обстановку, порой толкали к открытой измене или к тайной работе на белых. Появились и такие военные специалисты, которые ярко проявили себя в новой армии, оказались приближены к партийному руководству и вошли в состав советской военной элиты.

Эта книга, основанная на уникальных, прежде неизвестных архивных материалах, включая недавно рассекреченные документы спецслужб и семейные архивы потомков офицеров, дает ответ на вопрос, почему элита Русской императорской армии пошла в Красную армию и что в итоге получила.

УДК 930
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9950-0757-9

© А. В. Ганин, 2017
© Оформление. ООО «Кучково поле», 2017

Содержание

Предисловие	9
Глава первая. «Нас еще судьбы безвестные ждут» (выбор)	15
Раскол Генерального штаба	17
Зачем? Мотивы вступления в Красную армию	26
Регистрация и учет	54
У кого больше?	70
Глава вторая. «Реввоенсовет нас в бой зовет» (служба)	77
Отцы-основатели РККА	79
Рабочий день	114
На фронте и в тылу	123
Идейные и приспособленцы	162
Взаимовыручка	182
Заговоры и измены	200
Злоупотребления	261
Униформа и награды	272
Пленные	285
На мирные рельсы	324
Судьбы	354
Глава третья. «Мы мчались, мечтая постичь поскорей грамматику боя, язык батарей» (подготовка)	367
Старая академия и ее потеря	371
Рождение новой академии	381
Школы и курсы	400

Глава четвертая. «Буржуазия в осаде нищих. Маузер революции у ее виска» (оппоненты)	421
Партийцы	425
Чекисты	461
Краскомы	490
Глава пятая. «И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром скрежещет, корми — не корми» (быт)	507
Жалованье	511
Питание	529
Жилищные условия и имущество	535
В минуты отдыха	545
Заболеваемость и смертность, социальное обеспечение	554
Заключение	564
Примечания	574
Избранная библиография	649
Список сокращений и аббревиатур	653
Именной указатель	656

Борис Слуцкий

Старые офицеры

Старых офицеров застал еще молодыми, как застал молодыми старых большевиков, и в ночных разговорах в тонком табачном дыме слушал хмурые речи, полные обиняков.

Век, досрочную старость выделив тридцатилетним, брал еще молодого, делал его последним в роде, в семье, в профессии, в классе, в городе летнем. Век обобщал поспешно, часто верил сплетням.

Старые офицеры, выправленные казармой, прямо из старой армии к нови белых армий отшагнувшие лихо, сделавшие шаг — ваши хмурые речи до сих пор в ушах.

Точные счетоводы, честные адвокаты, слабые живописцы, мажущие плакаты, но с обязательной тенью гибели на лице и с постоянной памятью о скоростном конце!

Плохо быть разбитым,
а в гражданских войнах
не бывает довольных,
не бывает спокойных,
не бывает ушедших
в личную жизнь свою,
скажем, в любимое дело
или в родную семью.

Старые офицеры
старые сапоги
осторожно донашивали,
но доносить не успели,
слушали ночами, как приближались шаги,
и зубами скрипели,
и терпели, терпели.

Предисловие

«Лапотная» Красная армия, которой предводительствовали талантливые полководцы из народа, одержала впечатляющую победу над белыми, до зубов вооруженными Антантой и руководимыми опытными царскими генералами. Такой стереотип восприятия Гражданской войны в России 1917–1922 гг. под влиянием официальной пропаганды складывался десятилетиями. Не вполне изжит он и по сей день. Ведь только около четверти века назад, благодаря усилиям ученых, в отечественную историю начали массово возвращаться имена офицеров старой русской армии, которые ковали победу красных.

Рассекречивание прежде закрытых архивов привело к обнаружению документов о широком участии дореволюционного офицерства, включая и генералитет, в создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). И хотя считается, что у белых оказалось больше офицеров, на красной стороне их все же насчитывалось не менее 75 000. Армию, высший командный состав которой в немалой степени составляли выходцы из дворян, уже сложно называть рабоче-крестьянской. А когда выяснилось, что в результате трагического раскола общества по разные стороны баррикад оказались отцы и дети, родные братья или же однокашники по военным училищам и академиям, был нанесен удар и по мифу о том, что с одной стороны сражались исключительно военные профессионалы-«золотопогонники», а с другой — сплошь «народные» полководцы. Последним гвоздем в гроб застарелого мифа о белых военных профессионалах, противостоявших красным дилетантам, стала сравнительно недавно выявленная автором этих строк статистика массовых перемещений офицеров между противоборствующими лагерями на протяжении всей Гражданской войны, что еще сильнее уравнило военную элиту сторон по качеству.

В результате победы красных развитие нашей страны на семьдесят с лишним лет пошло по особому пути, принесшему народам, населявшим территорию Российской империи, а позднее и СССР, как неисчислимые страдания, так и невиданную гордость за свое государство, ставшее одной из самых могущественных мировых держав. Но кто же вращал шестеренки механизма Красной армии, став творцом советской победы?

«У победы сто отцов, а поражение — всегда сирота» — гласит военная мудрость. Победа Красной армии была достигнута не только железной волей и революционным энтузиазмом партии большевиков, не только массовыми мобилизациями и беспощадным карательным аппаратом. Сегодня очевидно, что ее достижение было бы невозможно без опыта и знаний бывших офицеров, пошедших в новую армию в качестве военных специалистов (военспецов). Не умаляя заслуг других категорий командного состава Красной армии, отметим, что среди десятков тысяч бывших офицеров, оказавшихся у красных, наибольшую ценность для строительства вооруженных сил представляла сравнительно небольшая группа бывших офицеров Генерального штаба, олицетворявших интеллектуальную элиту старой армии, ее «мозг». Без вольного или невольного содействия примерно полутора тысяч высококвалифицированных генштабистов создать регулярную армию и победить многочисленных врагов большевики бы не смогли. Однако партийные триумфаторы практически сразу после Гражданской войны забыли о тех, кому обязаны победой. А вскоре вычеркнут из советской истории оказался даже человек, руководивший политикой привлечения бывших офицеров, вождь Красной армии, один из партийных лидеров того времени Лев Троцкий. В этой книге речь пойдет о судьбе корпуса офицеров Генерального штаба после революции и о той роли, которую сыграл Генштаб в победе Красной армии.

Чтобы попасть в сравнительно узкую корпорацию генштабистов, офицер должен был получить высшее военное образование, отучившись три года в стенах Императорской Николаевской военной академии, а затем быть причисленным к Генеральному штабу и переведенным в него. Численность генштабистов не превышала 3% русского офицерского корпуса, но к началу Первой мировой войны эти офицеры по сути руководили Русской императорской армией, занимая 100% должностей командующих войсками округов и их помощников, 78,4% должностей командиров корпусов, 63,7% начальников пехотных дивизий, 34% командиров бригад и 25% командиров полков¹, составляли 34% генералитета².

«У офицеров Генерального штаба нет имен», — сказал когда-то выдающийся деятель германского Генерального штаба генерал-полковник Ганс фон Сект. Имелось в виду то, что работа штабов носит

коллективный характер, при котором сложно или невозможно установить вклад каждого конкретного участника этой работы, авторство того или иного плана. Но это обстоятельство не мешает изучать ту роль, которую сыграли офицеры-генштабисты в событиях прошлого.

Учреждения, которое бы носило официальное наименование «Генеральный штаб», в Красной армии в годы Гражданской войны не существовало. Что не означает отсутствия в Советской России Генерального штаба как такового, как иногда ошибочно считают. Функции центрального аппарата Генерального штаба в Гражданскую войну оказались распределены между несколькими учреждениями — Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) старой армии и его преемником — Всероссийским Главным штабом (ВГШ), Высшим военным советом (ВВС) и возникшим на его базе Штабом Революционного военного совета республики (РВСР), а позднее — Полевым штабом РВСР и в конце Гражданской войны — Штабом РККА. Войсковое управление Генштаба оказалось сосредоточено в штабах фронтов, армий, дивизий и бригад.

Специалисты Генштаба состояли в Советской России на особом и тщательном учете. И хотя ненавистное для многих тогда слово «офицер» в Советской России не употреблялось и было заменено словосочетанием «военный специалист», фактически для генштабистов сделали исключение. В Красной армии их называли «лицами Генерального штаба» или генштабами. Поскольку в Красной армии были упразднены и воинские звания, рядом с фамилией делалась приписка «Генштаба». В результате даже в советских условиях офицеры-генштабисты оказались выделены в особую корпорацию внутри командного состава, хотя эта корпорация и не приобрела того вида, какой имела до 1917 г.

В Гражданскую войну дореволюционные нормы и правила, касавшиеся генштабистов, оказались размыты. В обстановке кадрового голода, в период невиданного социального слома, большевики стали использовать в своих интересах все возможные кадровые ресурсы. Даже тех, кто хотя бы кратковременно проучился в академии. В этой связи под генштабистами мы подразумеваем выпускников и слушателей (в том числе окончивших академию неудачно или прошедших неполный курс обучения) Военной академии, состоявших на учете как специалисты Генерального штаба или выполнявших в 1917–1922 гг. соответствующие функции. Наиболее точно сущность этих специалистов определили в Красной армии к концу Гражданской войны: специалисты с высшим общим военным образованием (для отделения их от выпускников специализированных военных академий — артиллерийской, инженерной, интендантской, юридической, военно-медицинской). Для обозначения выпускников

и слушателей старой академии, служивших в РККА, также употребим термин «военспецы-генштабисты». Выпускников и слушателей ускоренных курсов академии периода Первой мировой войны мы именуем курсовиками.

Офицеры-генштабисты представляли высокообразованную элиту (квалифицированное меньшинство) внутри офицерского корпуса русской армии. Расширение влияния и роли генштабистов в армии и обществе в конце XIX — начале XX в. вполне соответствует взгляду на этот период как на время упадка прежней аристократической элиты и замены ее в процессе развития военной науки и военного дела, усложнения вопросов организации армии специфической бюрократическо-технократической элитой из профессионалов военного дела. В военно-политической области начала создаваться своего рода иерархия знания, так в итоге и не оформившаяся.

Термин «технократия» происходит от двух греческих слов: *techno* — ремесло, мастерство и *kratos* — власть, т. е. власть специалистов. Иногда термин переводят как правление техников. Существуют различные словарные значения этого термина. Одно из них: технократия — это прослойка технических специалистов, входящих в число высших функционеров управления. Если вспомнить, что генштабисты называли сами себя техниками штабной службы, то параллель очевидна. По Н. Н. Головину, видному теоретику Генерального штаба, полководец — это творческое начало в военном деле, а штабные работники — техническая сторона управления. Генштабисты должны были владеть, если можно так сказать, ремеслом (технологией) создания и управления вооруженными силами. Это уникальное знание давало им серьезные военно-административные полномочия, даже при большевиках.

Складывавшаяся в руководстве РККА технократическая система управления, при которой власть принадлежит экспертам, была проявлением прагматизма в государственном управлении. Несмотря на революционный слом и враждебность старой военной бюрократическо-технократической элиты, большевики сохранили за ней функции военного руководства.

Старая военная элита воспринимала себя как хранительницу русской государственности в период крушения страны. При этом она была ограничена рамками прежнего служебного уклада, личными взаимоотношениями, системой ценностей и традиционализмом. Военспецы-генштабисты как представители старого офицерства в массе своей не обладали необходимыми по условиям Гражданской войны организаторскими (энергичность и инициативность, дисциплинированность, системность), политическими (гибкость, дипломатичность, политическая смелость и воля, умение подчинить все достижению результата) и моральными (энтузиазм, решитель-

ность, готовность и способность самосовершенствоваться, учиться на ошибках, перенимать опыт противника, проявить беспощадность, жестокость и хитрость, привлечь сторонников демагогическими призывами) качествами для победы.

Разумеется, большевики не давали технократам-генштабистам, еще недавно служившим опорой ненавистного царского режима, каких-либо полномочий за пределами их профессиональной компетенции. Все политические решения принадлежали партийному руководству. Несмотря на это, генштабисты уже в Гражданскую войну представляли собой элиту Красной армии. Впоследствии некоторая их часть вошла в состав государственной элиты СССР, которая объединила как представителей партийной номенклатуры, так и специалистов-технократов.

Советская история отвела большинству старых генштабистов не более двух десятилетий. Несколько сотен доживших до 1930–1940-х гг. оказались истреблены в результате массовых репрессий.

Гражданская война и создание РККА в этом смысле оказались «лебединой песней» старого Генштаба — последним периодом, когда он еще играл (пусть и по разные стороны баррикад) решающую роль в стране и в противоборствующих армиях. Пользуясь патронажем и благосклонностью вождя Красной армии Льва Троцкого, генштабисты заняли множество руководящих постов. К «бывшим» у большевиков существовало естественное недоверие. Многие военспецы изменяли красным, перебегая к противнику или сотрудничая с белым подпольем, часть попала под маховик репрессий. В целом же вклад старого Генштаба в создание и укрепление РККА трудно переоценить. Генштабисты не только вели Красную армию к победам на фронте и в тылу в оперативном и организационном отношении, но также готовили командные кадры и развивали военную науку (причем им тогда еще дозволялось свободно полемизировать по специальным вопросам даже с партийным руководством).

Эпоха 1917–1922 гг. была временем противоборства элит как во враждующих лагерях, так и внутри каждого из них. Это противоборство касалось и генштабистов. В РККА возникла контрэлита в лице слушателей академии Генштаба РККА, красных командиров (краскомов), враждебно относившихся к старым генштабистам, которые тоже были неоднородны и не всегда ладили друг с другом. С окончанием Гражданской войны и сокращением Красной армии роль старых генштабистов стала падать. Практически сразу после смерти В. И. Ленина в начале 1924 г. свои позиции в руководстве Красной армии начал утрачивать Троцкий, снятый с высших военно-административных постов в январе 1925 г. Во главе армии оказались новые люди, и в целом к середине 1920-х гг. ярчайшая эпоха становления советских Вооруженных сил завершилась.

В 1920–1930-е гг. краскомы как по естественным причинам в силу более молодого возраста, так и в связи с репрессиями, а также принятым в ту пору классовым подходом к комплектованию командного состава вытеснили старую военную элиту из руководства РККА. Но плеяда выпускников Николаевской академии, на долю которых выпал драматичный и переломный период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, оставила свой заметный след в истории России. Эти в большинстве своем достойные офицеры заслуживают благодарной памяти потомков. Изгибы исторической памяти причудливы и нередко зависят от политической конъюнктуры. Память об офицерах-генштабистах первой четверти XX в. оказалась полустертой. Сложным, подчас трагическим судьбам генштабистов Красной армии на изломе российской истории автор посвящает эту книгу.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Общепринятые сокращения сохранены (также см. Список сокращений и аббревиатур). Специальные сокращения восстановлены в квадратных скобках. Не оговариваемые в примечаниях выделения в цитатах сделаны их авторами. В цитатах сохраняется стиль документов, за исключением написания прописных букв. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**«Нас еще судьбы
безвестные ждут»
(выбор)**

Раскол Генерального штаба

Раскол армии и ее командного состава — одно из опаснейших явлений внутренней жизни страны, по своим последствиям чреватое Гражданской войной. Раскол воюющей армии влечет еще более непредсказуемые последствия. Последний год Первой мировой войны для России как раз и оказался годом такого раскола и временем оформления противоборствующих лагерей российской Гражданской войны. Тогда многое зависело от выбора профессиональных военных — представителей командного состава и военной элиты. Тем более что офицеры являлись по своей природе патриотами и государственниками, оплотом законности и порядка.

В общей сложности к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось свыше 250 000 офицеров, среди которых порядка 190 000 (76 %) составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны. В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. оставалось лишь 4 % кадровых офицеров¹. Для сравнения, среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60 %². Кадровый офицерский состав сохранили и казачьи войска. Генштабисты относились к кадровому офицерству и также в основном пережили войну.

Между кадровыми офицерами и офицерами военного времени существовала колоссальная разница. Кадровое офицерство являлось замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, нередко происходившие из офицерских династий, где, поколение за поколением, представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т. д.). В кадровом офицерстве сохранялись корпоративные традиции. Многие кадровые офицеры происходили из дворян. Однако на рубеже

XIX–XX вв. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий и даже делали в армии блестящую карьеру.

Кадровые офицеры, традиционно чуждые политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии, воспитывались на идеалах приверженности императору. Однако в офицерской среде все чаще появлялись политически активные люди, в том числе сторонники конституционной монархии или республиканского строя. Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е. К. Миллер, Н. Н. Юденич, адмирал А. В. Колчак) и многие видные военные работники Советской России (бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И. И. Вацетис, С. С. Каменев и Б. М. Шапошников, бывший подпоручик М. Н. Тухачевский).

Офицеры военного времени представляли собой иную среду. Источники производства в офицерские чины этой категории лиц крайне разнородны. Офицером военного времени мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Социальный состав офицерства военного времени был очень широк и демократичен. Существенно различались квалификация и уровень подготовки этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которого такие офицеры происходили. Они были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, обычно занимали младшие офицерские должности, и их сложнее отнести к военным профессионалам. Но, вполне естественно, эта среда была ближе солдатским массам, а среди офицеров военного времени закономерно встречалось множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко, С. Г. Лазо, М. К. Тер-Арутюнянц, И. Ф. Федько, Н. А. Щорс и др.). И конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революцию и активно поддержали большевиков. В период Гражданской войны появились новые категории офицеров — лица, произведенные в соответствующие чины в белых и национальных армиях.

Ко времени революции изменился и социальный состав генштабистов. По данным на 1908 г., выходцы из потомственных дворян составляли чуть более половины слушателей академии, процент

выходцев из крестьян, казаков и офицерских семей постоянно возрастал. Радикальные изменения в социальном составе Генштаба в сторону его демократизации произошли в период Первой мировой войны, когда началась ускоренная подготовка генштабистов на курсах военного времени.

Февральская революция 1917 г., можно сказать, не вызвала раскола офицерской корпорации, хотя повлекла за собой выход солдатских масс из подчинения офицерам и серьезную дестабилизацию обстановки. Раскол офицерского корпуса произошел позже, в августе–сентябре 1917 г., в связи с выступлением генерала Л. Г. Корнилова против ведшего страну к гибели Временного правительства. Среди генштабистов оказались те, кто активно поддержал Корнилова, те, кто сочувствовал ему, но не решался выступать активно, те, кто считал его выступление вредным, и даже те, кто, сотрудничая с Временным правительством, активно противостоял выступлению Корнилова. Октябрьский переворот и последовавшие события только усугубили этот раскол.

Важную роль в кристаллизации сторон Гражданской войны сыграли разложение армии, неподчинение солдат приказам, засилье комитетов и митингов, появление во главе соединений младших офицеров или даже нижних чинов, в том числе инородцев (особенно неприязненным было отношение кадрового офицерства к оказавшимся на командных постах евреям³), которые порой вели себя абсолютно бесцеремонно по отношению к заслуженным боевым генералам. Часть офицерства, возмущенная этими явлениями, уволилась из армии, другие пошли по пути вооруженного сопротивления развалу. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. сделал раскол офицерства необратимым.

Глубинных причин раскола офицеров-генштабистов коснулся генерал А. И. Деникин, по оценке которого в этом отчасти виновата система, принятая еще в Николаевской академии: «Всем своим укладом академия не могла воспитывать в своих питомцах сильной воли и твердого характера. Эти качества, придавленные школой, могли коваться только вне ее стен, в горниле жизни. Академия того времени приучала к перекрашиванию в защитные цвета. И не это ли обстоятельство сыграло известную роль в весьма пестром распределении офицеров Генерального штаба по всем фронтам Гражданской войны, по всем станам, и в особенности в легком восприятии многими большевицкой власти⁴. Понятно, что в Деникине говорило неприятие большевизма, однако фактор приспособленчества части генштабистов не приходится сбрасывать со счетов.

Деникину вторил журналист Г. В. Немирович-Данченко, отметивший, что «трехлетняя Гражданская война на юге, дав нам незабвенные образы героев духа, вписавших свои имена в летописи

бессмертия, выработала, однако, целое поколение молодых офицеров Генерального штаба, вздумавших в обстановке братоубийства продолжать прерванную в начале 1918 года штабную карьеру... наши “военспецы” сохранили строгую корпоративность при всех перипетиях борьбы белых с красными, поддерживая друг друга в трудные минуты. Можно было бы привести целый ряд примеров, когда, при взятии в плен какой-либо части и поголовном истреблении победителями строевых офицеров и добровольцев (а в соответствующих случаях коммунистов), офицеры Генерального штаба избегали этой участи, благодаря привилегированному положению, в какое ставило их специальное военное образование. В офицерах Генерального штаба нуждались и красные, и белые, а при таких условиях эти офицеры, быстро оценив свои преимущества, служили одинаково неискренно и тем и другим и в значительной степени способствовали тому, что Гражданская война на юге России приняла такой затяжной характер»⁵.

Рассуждая о расколе Генштаба, нельзя не коснуться проблемы разделенных фронтами офицерских семей. В большинстве случаев речь не шла об идейном расколе между близкими родственниками. Как правило, члены этих семей сочувствовали противникам большевиков и лишь в силу обстоятельств оказывались по разные стороны фронта. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Байовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сытиных (Ивана и Павла Павловичей) и множество других семей. Но документы не свидетельствуют о существенной разнице в мировоззрении кого-либо из этих братьев, служивших различным режимам. Расколотые семьи создавали благоприятную почву и для организации шпионажа через линию фронта⁶.

Если существовала возможность уйти к белым, те, кто оказался на советской территории, ею пользовались. Так, при занятии белыми Гатчины к ним перешел служивший в РККА бывший генерал А. К. Байов. Генерал Н. М. Тихменев, брат которого служил в РККА, сопереживал П. С. Махрову, оказавшемуся в аналогичной ситуации: «Все это очень печально... оказалось, что брат на брата пошел»⁷. Удалось документально установить порядка четырех десятков разделенных семей генштабистов (80 офицеров).

Родственники нередко пытались воссоединиться друг с другом, что видно из сведений о переходах из армии в армию. Нелишне отметить и то, что в РККА некоторые генштабисты служили целыми семьями. Например, братья Л. П. и И. П. Войшин-Мурдас-Жилинские, А. Н. и В. Н. Гатовские, А. С. и В. С. Гришинские, Александр и Алексей Евгеньевичи Гуторы, М. А. и С. А. Довгирды,

Н. Н. и П. Н. Жданко, А. И. и И. И. Кабаловы, И. И. и Н. И. Раттэли, В. А. и М. А. Соковнины, Г. М. и С. М. Шейдеманы, отец и сын В. И. и Н. В. Пневские, отец и сын Д. С. и А. Д. Шуваевы.

Белый генерал Петр Махров вспоминал о волнующем моменте получения на фронте летом 1919 г. весточки от своего родного брата Николая, служившего у красных: «Мне доложили, что меня хочет видеть по личному делу какой-то военный врач. Я приказал просить. Ко мне вошел небольшого роста тщедушный блондин с симпатичным лицом, с маленькими светлыми усиками и спокойными глазами. Он представился мне, назвав себя военным врачом, несколько дней тому назад попавшим в плен в нашу армию и поступившим на службу в армию генерала Врангеля. Я пригласил его сесть, ожидая, что он мне расскажет о своем личном деле. Он начал вполголоса:

— Я привез вам привет от вашего брата Николая Семеновича. Он просил передать вам, что он душой всегда с вами, что он очень страдает, не имея возможности перейти на сторону белых.

Я прервал доктора, спросив его:

— Так где же мой брат?

— Он командует бригадой в 28-й стрелковой дивизии, которая действует на севере под Царицыном против армии генерала Врангеля. В одном из последних боев я предупредил Николая Семеновича, что решил перейти на сторону белых. Вот он и дал мне поручение передать вам и вашему брату Василию Семеновичу свой привет и сказать, что он сам перейти не может, так как его жена Наталья Даниловна и дочь Тамара объявлены заложницами. Мы с Николаем Семеновичем большие друзья. Несчастный он человек! Им пользуются как военным “спецом”, и к нему приставлен комиссар, который следит за каждым его шагом.

Меня эта весть очень взволновала. Я вспомнил, как 26 июля мне сказал старик, сидевший на берегу Волги у маленькой церковки: “Брат на брата пошел... Светопреставление!” В данное время нас с Николаем разделяло пространство в 50 верст. Мы всем сердцем любили друг друга, но судьбой вынуждены идти один против другого, как враги.

Я поблагодарил доктора, спросил, не могу ли быть чем-нибудь ему полезным. Он, в свою очередь, поблагодарил меня и сказал, что ни в чем уже не нуждается. Я крепко пожал ему руку, и мы расстались. Я остался один в вагоне. В голове моей, как бурные потоки, неслись мысли. Я вспоминал наше детство, когда мы с братом беззаботно жили вместе с родителями в казенном имении Старый Борисов. Как мы веселились, играя в рощах, где пел многоголосый хор птиц, как мы ловили рыбу в Березине. Мне вспоминались сцены из нашей школьной жизни в соседнем городе Борисове, куда мы ходили в уездное училище, а потом учеба в Минском реальном училище, военном

училище, совместная служба в 119-м пехотном Коломенском полку, одновременное прохождение курса в академии Генерального штаба и разлука. Мой брат, женившись, уехал в 1913 году в Хабаровск, а я — в Севастополь. А дальше война 1914 года и наша последняя встреча во время августовских боев на Венденской позиции под Ригой. Только теперь, в августовских боях под Царицыном, после двухлетней разлуки, я получил через доктора весточку от Николая. И не думал я, что этот привет будет последним»⁸.

Трагедия Гражданской войны и связанные с ней личные драмы: лишения, расставания с родными и их гибель так или иначе затронули почти каждого офицера-генштабиста, даже если его близкие не служили в армии. Немало оказалось разделенных семей, где в разных армиях служили братья-офицеры, лишь один из которых принадлежал к генштабистам.

Раскол целых семей, когда люди одинакового происхождения, образования, круга оказывались по разные стороны баррикад, ярче всего подтверждает тезис о том, что социальное происхождение почти не сыграло никакой роли в выборе военной элиты. Как известно, непримиримые противники большевиков, вожди Белого движения генералы М. В. Алексеев (сын солдата), А. И. Деникин (сын крепостного), Л. Г. Корнилов (сын младшего казачьего офицера) происходили из низов. В то же время в Красной армии оказались некоторые генштабисты — представители старой родовой титулованной знати. Например, князя А. С. Андронников, В. А. Вадбольский, светлейший князь И. Г. Грузинский, бароны Н. А. фон Дистерло, В. Н. фон Майдель, Е. О. де Монфор, А. А. и С. Ф. фон Таубе. И хотя представителей титулованных дворянских родов было намного больше у белых, это не отменяет факта службы некоторой их части в Красной армии.

По разные стороны баррикад оказывались и люди, некогда сидевшие за одной академической партией. Например, генералы М. Д. Бонч-Бруевич и А. А. Самойло стали создателями Красной армии, а их сокурсник по академии генерал Л. Г. Корнилов организовывал Добровольческую армию.

Мало кто стремился воевать со своими. Донской казак по происхождению, курсовик, бывший подъяесаул Г. Я. Кутырев, служивший в РККА, не желая воевать со своими близкими, был против службы на Южном фронте. В связи с назначением туда он сообщал однокашнику: «Сия комбинация меня совершенно не устраивает и по очень серьезным мотивам — не могу же я драться на Южном фронте против дядюшек и тетюшек и тому подобное. Это было, видимо, учтено высшим командованием, почему есть такое распоряжение главкома, прошу вас, если возможно, отправить меня на Восточный фронт, хотя бы уборщиком, не назначать в 14-ю армию»⁹. В итоге осенью 1919 г. Кутырев отправился на Восточный фронт.

Не желали воевать и с прежними сослуживцами. Бывший генерал Н. П. Сапожников в показаниях по делу «Весна» (одному из первых крупных политических процессов 1930-х гг. против бывших офицеров) в январе 1931 г. не побоялся заявить: «Был случай, когда я просил не назначать меня на Сев[ерный] фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником»¹⁰. Другой бывший генерал, Е. А. Искрицкий, свидетельствовал, что «когда война приняла гражданский характер и на участке мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме и которых я не мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем красных войск, и предпочел уйти со строевой службы на чисто академически-научную»¹¹. Подобные заявления могли дорого обойтись неосторожным военспецам, тем выше ценность этих слов.

Сохранились данные о расколе высшего законосовещательного органа военного управления дореволюционной России — Военного совета. В 1917—1918 гг. его члены, в основном пожилые генералы, оказались перед выбором, с кем быть. Совет был упразднен 21 марта 1918 г. приказом наркома по военным делам № 223. По указанию управляющего делами Народного комиссариата по военным делам Н. М. Потапова его членов запрашивали относительно их желания служить в новой армии. Из 27 членов совета выпускниками академии были 19. В РККА захотели служить семеро (А. В. Брилевич, П. А. Гейсман, А. Ф. Добрышин, В. Н. Клембовский, Е. А. Радкевич, Д. В. Филатьев, В. Т. Чернявский), в том числе два негенштабиста. Одинадцать (в том числе четыре негенштабиста) пожелали выйти в отставку (Н. Д. Артамонов, А. А. Веденяпин, А. А. Гернгросс, В. Г. Глазов, П. К. Кондзеровский, Д. Д. Кузьмин-Караваев, И. А. Романенко, П. С. Саввич, Ф. И. фон Торклус, В. И. Троцкий, П. О. Щербов-Нефедович). Находились в отпуску и не дали ответа пять человек (Н. П. фон Ашеберг, В. В. Смирнов, К. Н. Ставровский, Н. Е. Туманов, П. А. Фролов), в том числе два негенштабиста, один из которых (Туманов) просил об отставке еще в ноябре 1917 г. Не были разысканы два человека (Н. Ф. фон Крузенштерн и Г. А. Якубович). Еще один, Д. С. Шуваев, служил в РККА в 1918 г., а Н. В. Рузский не дал ответа¹². В итоге в Красной армии и на учете РККА оказались восемь генштабистов, один из которых вскоре бежал в антибольшевистский лагерь. В белых армиях служили трое. Казнены красными трое. Остальные от участия в Гражданской войне уклонились.

Во взглядах офицеров недавно единой армии, оказавшихся по разные стороны баррикад, было довольно много общего. Показательно сопоставление выбора и убеждений двух знаковых фигур российской Гражданской войны — А. И. Деникина и Б. М. Шапошникова, первый

из которых возглавил Белое движение на Юге России, а второй стал видным работником РККА и впоследствии возглавлял советский Генеральный штаб. И Деникин и Шапошников по своим взглядам были патриотами России и государственниками. И тот и другой происходили из непривилегированных слоев населения, оба до революции придерживались либеральных убеждений, добивались служебных высот собственным каждодневным упорным трудом, критически воспринимали состояние старой русской армии и стремились по мере возможности исправить ситуацию, проявили мужество на полях сражений Первой мировой.

В отличие от ставшего политиком Деникина, Шапошников строго держался военной линии и не оставил свидетельств о своем отношении к событиям развала армии в 1917 г., но вряд ли это отношение было положительным. В выборе Деникина определяющую роль играло резкое неприятие разложения армии, пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни, которую вели большевики, к тому же ассоциировавшиеся с германским шпионажем. Важным этапом становления Деникина как политика стала поддержка им выступления генерала Л. Г. Корнилова летом 1917 г. Большое влияние на последующий выбор оказало совместное пребывание с руководителями этого выступления в полуторамесячном заключении в Быкове. Быховские узники были товарищами по прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Свою судьбу Деникин связал именно с ними. Деникин обоснованно считал, что дорога в Советскую Россию, где развернулся стихийный террор против офицерства, ему — одному из генералов-корниловцев — просто закрыта. В результате в конце 1917 г. он оказался на Дону в руководстве антибольшевистской Добровольческой армии.

Идейный выбор Шапошникова был в большей степени ситуативным. Его предопределили привычное для офицера невмешательство в политику, близость к солдатским массам, избравшим его в декабре 1917 г. на фронте начальником Кавказской гренадерской дивизии, пребывание весной 1918 г. на территории Советской России и стремление продолжить военную службу в новой армии, сохранив свое прежнее положение¹³. Служба у большевиков Шапошникову не казалась неприемлемой, хотя его судьба в межвоенный период складывалась отнюдь не просто.

К концу 1918 г. стороны Гражданской войны кристаллизовались и организовались. Большая часть генштабистов оказалась среди противников большевиков. Красные же смогли поставить себе на службу такое количество генштабистов, которое пусть и по минимуму, но позволяло им решать военные задачи. Белые, в отличие от красных, не смогли достичь должного военного единства, стать единым военным лагерем, что и предопределило их поражение.

Здесь надлежит упомянуть и о тех, кто устранился от участия в Гражданской войне. Пассивные участники были даже в рядах воюющих армий. Развал государства и армии воспринимался многими офицерами как личная трагедия. У некоторых это породило апатию. Отставной генерал В. А. Олохов, числившийся в РККА, но по состоянию здоровья едва способный нести какую-либо службу, утратил всякое желание служить и даже жить и говорил супруге: «Россия погибла, армия, дорогая армия обратилась в беспорядочную толпу»¹⁴. Не желавшие служить большевикам офицеры стремились уклониться от отправки на фронт, закрепиться на преподавательской или военно-научной работе, а если все же приходилось участвовать в войне, ограничивались простым исполнением приказов сверху без какой-либо инициативы. В группе устранившихся были также те офицеры, которые находились в 1917 г. за пределами России и не пожелали с началом Гражданской войны вернуться в охваченную смутой страну, и те, кто уехал из России, спасая себя и своих близких и не желая втягиваться в братоубийство. Были здесь и те, кто переехал или остался жить на бывших национальных окраинах империи (Польша, Финляндия, Прибалтика). За рубежом находились и многочисленные военные представители противоборствующих сторон, выполнявшие служебные поручения. Впрочем, последних нельзя считать уклонившимися от Гражданской войны.

Гражданская война традиционно изучается, исходя из приоритета партийно-политической борьбы. Как внутрикорпоративное противостояние дореволюционной военной элиты события 1917—1922 гг. еще не рассматривались. Между тем этот фактор, несомненно, присутствовал — нужно лишь понять его реальное значение. Мы, например, не знаем, что доминировало в выборе командующего советским Южным фронтом П. П. Сытина — идейные установки, вынужденное сотрудничество с большевиками или же стремление померяться силами и доказать своим более удачливым до революции однокашникам и сослуживцам, оказавшимся по другую сторону фронта, в антибольшевистском лагере, что он как военный профессионал тоже чего-то стоит. И возможно, не так уж далек от истины был видный кадетский деятель Н. И. Астров, писавший в эмиграции генералу А. И. Деникину о том, что «офицеры Генерального штаба поделили Россию на белую и красную и вели на ней поединок...»¹⁵

Зачем? Мотивы вступления в Красную армию

Судебный деятель и журналист Н. Н. Чебышев отмечал, что «Россию погубили офицеры Генерального штаба, так как это они создали Красную армию»¹⁶. Впрочем, подобное суждение кажется не особенно дальновидным, так как генштабисты создали и антибольшевистские армии. Тем не менее дореволюционных генштабистов у красных оказалось, к удивлению и недоумению современников, довольно много.

Гражданская война обернулась сложнейшим жизненным испытанием для офицеров, которые, как и все население бывшей Российской империи, оказались между красными, белыми и сторонниками национальных государств.

Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства. Не составляли исключения и офицеры. Немалая их часть устала от войны и потрясений 1917 г. Многие не желали быть втянутыми в братоубийственную войну и заняли нейтральную позицию. Как отмечал один из генштабистов, «после демобилизации старой армии много лиц Генерального штаба, оставшись без назначения, ушло с военной службы; много разъехалось по окраинам России, и теперь, когда они все нужны, многих недосчитываются»¹⁷. Период 1917–1918 гг. для офицеров был, пожалуй, наиболее трудным и противоречивым за все время Гражданской войны.

Свой идейно-политический и жизненный выбор офицерам приходилось делать, исходя из представлений о долге, чести, на основе их личного опыта по 1917 г., а также из тех конкретных обстоятельств, в которых эти люди оказывались. В отличие от основной массы офицества немногочисленные генштабисты находились на виду. Сделанный в неясной обстановке выбор, как правило, влиял на всю их будущую жизнь. Тем более что противоборствующие стороны быстро перешли к проведению в жизнь лозунга: «Кто не с нами — тот против нас!» и к репрессиям в отношении тех, кто не сразу к ним присоединился или служил у противника. Для белых военспецы стали ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и недостойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры являлись идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

Сложность заключалась в отсутствии выбора для порядочного человека. Как отмечал подполковник К. З. Ахаткин, «я не могу при всей подходящей обстановке в начале революции делать карьеру на этой революции»¹⁸. Старый режим обанкротился и дискредитировал сам себя, как в лице императорской власти («проклятого ца-

ризма»), так и в лице Временного правительства, лишь усугубившего ситуацию в стране. Идеи народовластия, торжества социальной справедливости опьяняли массы. Проникали они и в среду генштабистов. Так, генерал Е. З. Барсуков вспоминал, что вместе с генералом Н. Н. Стоговым в ноябре 1917 г. «мы пришли к заключению, что должны быть на своей родине и честно служить русскому народу, к которому мы принадлежали, и тому правительству, какое русский народ изберет»¹⁹. О том, что «нужно идти с народом», говорил тогда же сослуживцам по штабу Юго-Западного фронта и полковник Н. Н. Петин²⁰.

Генерал М. В. Фастыковский позднее свидетельствовал о том, как принимал непростое решение, к кому примкнуть в начале 1919 г.: «Оставаться в стороне от Гражданской войны, как делал до этого я, становилось уже невозможным. Надо становиться либо на одну сторону, либо на другую, и лучше, конечно, продумать все и прочувствовать, чтобы принять участие в борьбе на той стороне, которую укажет продуманное решение, а то иначе может захлестнуть слепой случай. И я задумался.

Разум говорил за то, что неминуемым победителем в борьбе должны быть большевики, ибо за ними вся толща народных масс, тогда как на стороне белых может быть лишь имущественная верхушка крестьян да значительная часть интеллигенции... Много-много доводов возникало у меня в мозгу в пользу того, что красная сторона — великан, а белая — лилипут. Исход борьбы при таких условиях был совершенно ясным.

Но чувства и привычки, выработавшиеся за время последних 20-ти лет моей жизни, подсказывали другое: на стороне белых была масса моих сослуживцев по старой армии (в ту пору я в моем представлении сильно приуменьшал численность офицеров, находившихся в Красной армии, не знал истинного положения дел), среди которых много людей, близких мне, с которыми я в прошлом привык считать себя единомышленником, т. к. в этом прошлом никогда не возникало таких вопросов, которые выдвинуты революцией сейчас. Какой-то голос задавал вопрос: неужели тебе не будет жаль разить этих людей, если ты станешь на сторону красных?

Но по мере обдумывания и взвешивания чаша весов все больше и больше клонилась в пользу красных. Возникли и такие вопросы: а как ты будешь чувствовать себя, если, став на сторону белых, тебе придется разить борющихся на стороне красных твоих двоюродных братьев-рабочих, тоже Фастыковских?

Результатом этих обдумываний было решение стать на сторону красных... Но все же нельзя сказать, чтобы червяк, могущий подтачивать и ставить под сомнение правильность принятого решения, был во мне окончательно вытравлен»²¹.

Генерал М. В. Фастыковский делал свой выбор уже тогда, когда картина событий начала проясняться. Однако в начале 1918 г. все было куда запутаннее. Среди символов темного прошлого оказались все, кто прежде пользовался какими-либо привилегиями, в том числе офицеры, «золотопогонники». Орды обезумевших от вседозволенности распропагандированных солдат жаждали крови тех, кого они считали своими угнетателями. Офицеры не могли спокойно появиться на улице в мундире. Откровенная уголовщина прикрывалась революционными лозунгами.

После прихода к власти новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из бывших офицеров им армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Вопрос привлечения офицерства на сторону советской власти был непростым, так как большевики и их союзники, левые эсеры, взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Само слово «офицер» уже вызывало подозрения в контрреволюционности и в Красной армии стыдливо маскировалось сочетанием «военный специалист».

В. И. Ленин и большевики для значительной части генштабистов были неприемлемы. В среде патриотически настроенного офицерства получил распространение взгляд на них как на врагов России, предателей, наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших позорный сепаратный Брестский мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Такой взгляд был недалек от действительности (хотя сводить деятельность большевиков к работе на немцев нелепо) и служил весомой причиной перехода в антибольшевистский лагерь. Свою роль играл и фактор антисемитизма, являвшийся одной из составляющих мировоззрения дореволюционного офицерства. Он обуславливался немислимой для старой России ролью евреев в большевистском руководстве и вытекавшими отсюда конспирологическими построениями возможного развития событий и миссии большевизма.

Большевики со своей стороны настороженно воспринимали офицерство, подозревая его в контрреволюционных намерениях. Некоторые партийцы болезненно отнеслись к появлению во главе большевизированных войск старорежимных генералов, а позднее — и к упразднению в армии выборного начала. Тем не менее пошедшие на службу к большевикам офицеры уже оказывались под защитой новой власти.

Сильное влияние на выбор офицеров оказывали внешние проявления новых порядков — упразднение чинов, оскорбительное для кадровых военных требование снять заслуженные многолетней службой, потом и кровью погоны, изъятие оружия, в том числе на-

градного. С большевизмом ассоциировались и солдатские банды, поэтому идти в Красную армию многие опасались. Подтверждалось это различными эксцессами, убийствами офицеров, началом красного антиофицерского террора.

Однако нет ничего однозначного. В феврале — марте 1918 г. именно ненавистные офицерам большевики возглавили защиту страны от германского нашествия, тогда как декларировавшие верность союзникам белые сил для такой борьбы в то время еще не имели и своими партизанскими действиями только затрудняли оборону страны красным.

Противостоявшая большевикам сторона, прежде всего лидеры зародившегося на Юге России Белого движения, не выглядела особенно привлекательно, хотя и боролась за интересы офицерской корпорации. Генерал Л. Г. Корнилов ассоциировался с неудачным выступлением против Временного правительства в августе 1917 г. Неудача произошла даже несмотря на то, что в тот период Корнилов держал в своих руках рычаги управления армией. Это не прибавляло веры в успех его нового начинания, когда Добровольческую армию приходилось создавать с нуля. К тому же генералы Алексеев и Корнилов принимали самое деятельное участие в свержении монархии, что не добавляло им популярности среди офицеров-монархистов.

При расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генштаба подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались²². В результате значительное их количество оказалось не у дел и без средств к существованию. Не только политическая ситуация в стране, но даже и собственное будущее для них оставались совершенно неясными. В такой обстановке началось австро-германское наступление на Востоке.

Бывший полковник Н. Е. Какурин вспоминал о революционных днях в Киеве: «Я первое время ходил как в тумане. Так же ходили и некоторые сослуживцы. Помню, однажды один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице Добровольческой армии, и т. д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т. е. до войны в союзе с Антантой до победного конца, русский народ как раз и не хочет, а значит, из кого же будет состоять армия — преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест»²³. По свидетельству Какурина, «приход армии

²² Так в документе.

[М. А.] Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение»²⁴.

Важную роль в выборе играли индивидуальные особенности офицеров, их субъективный опыт, в том числе опыт столкновений с солдатами. Эксцессы могли не иметь отношения к большевикам²⁵, но ассоциировались именно с ними. Как известно, едва не были растерзаны солдатами арестованные в Быхове сторонники генерала Л. Г. Корнилова. Чудом избежали самосуда видные в будущем лидеры Белого движения генералы Е. К. Миллер весной 1917 г. и П. Н. Врангель в начале 1918 г. Террор и репрессии только увеличивали число противников большевиков. Полковник Б. А. Энгельгардт так описывал причины своего перехода на сторону белых осенью 1918 г.: «Все, что мне пришлось пережить за последнее время, начиная с появления чинов ЧК у меня на квартире, потом постоянная угроза ареста, прятание по чужим квартирам, наконец, этот переход через границу [Украины], полный трагических переживаний, — все это вооружило меня против советской власти. Эта власть не только лишила меня моего имущества, она угрожала моей свободе, даже, может быть, жизни. В прочность этой власти я тогда не верил и на территорию Украины ступил с твердым решением принять участие в борьбе с Советами»²⁶.

На выбор офицеров влияли незавершенность мировой войны и продолжавшееся на территории России противоборство Антанты и центральных держав. Многие поначалу воспринимали мировую войну как фактор, более значимый, чем внутрироссийские события. Революция и Гражданская война лишь с высоты лет заслонили Первую мировую. Но тогда, в 1918 г., генштабисты, для которых приоритетом была верность союзникам, не считали зазорным сотрудничать со спецслужбами Антанты. Такие действия не казались предательством и шпионажем. Более того, само большевистское руководство до некоторых пор относилось к такому сотрудничеству достаточно спокойно и получало по этим каналам информацию.

Особенностью начального этапа Гражданской войны являлось сохранение в Советской России органов управления, штабов, учреждений, организаций старой русской армии (даже после ее демобилизации), в которых генштабисты (порой даже антибольшевистски настроенные) по инерции продолжали тянуть лямку и после захвата власти большевиками. Такие учреждения красные, взявшие под свой контроль практически весь аппарат управления старой армии, считали своими, однако реальность была сложнее. Генерал В. Е. Флуг справедливо писал: «Вообще в первое время после 25 октября 1917 г. новой власти пассивно подчинились [как] все центральные военные управления (Главный штаб, Главное управление Ген. штаба и пр.),

так и войска на фронте»²⁷. Резкого слома структур старой армии не произошло — эти учреждения трансформировались в новые, причем с сохранением значительной части прежнего кадрового состава.

Ситуация, сложившаяся в органах управления русской армией в 1917–1918 гг., напоминает движение экстренно тормозящего поезда, который какое-то время не может остановиться. Это был переходный, «инерционный» период, обозначавший трансформацию структур старой армии в структуры РККА²⁸. Этот период охватывал события с 25 октября 1917 по осень 1918 г.²⁹ Принадлежность ряда переходных структур к Красной армии была формальной, а их личный состав попал на службу в Красную армию просто в силу инерции³⁰. Как только это стало очевидным, начались массовые переходы служащих на сторону антибольшевистских сил. Некоторые офицеры вынашивали планы удержания контроля над военным аппаратом в своих руках, несмотря на наличие формального большевистского руководства. Фактически до мая 1918 г. в Советской России продолжало работать прежнее ГУГШ, преобразованное 8 мая 1918 г. в ВГШ. Сохранялся резерв чинов при начальнике Генерального штаба, в котором состояли десятки офицеров и генералов, позднее оказавшихся во главе белых армий. Не претерпела изменений Военная академия, позднее в полном составе перешедшая на сторону антибольшевистских сил. Сохранялся институт военных агентов, которые находились за рубежом и по сути были свободны в своем выборе, сотрудничать с советской властью или нет.

Громадное большинство офицеров, в том числе генштабистов, представляли собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху, продолжала оставаться на своих местах после октябрьских событий 1917 г. и тянуть лямку. В центре страны, контролировавшемся красными, в этом отношении было проще, на окраинах — сложнее. Попытка устранившись от вовлечения в Гражданскую войну, подняться над сторонами, в том числе в целях сбережения достоинства страны, вызывала репрессии со всех сторон. Для следования этому непростому выбору требовалась определенная смелость, а порой и изворотливость. Так было, например, с Военной академией, которая за период Гражданской войны работала в составе РККА, антибольшевистских сил Востока России и вновь оказалась у красных. Это уникальное учреждение оказалось спасено ценой самоотверженной работы его сотрудников, и прежде всего начальника академии генерала А. И. Андогского³¹. Показательно, что профессорско-преподавательский состав занял в отношении Андогского иждивенческую позицию: не желая запачкаться контактами с большевиками и презирая «беспринципность» начальника академии, они тем не менее стремились пользоваться всеми благами организованного усилиями Андогского благополучия.

На протяжении нескольких месяцев после захвата власти большевиками служба офицеров не претерпела существенных перемен. Поскольку новые хозяева России взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также в значительной степени прифронтовую полосу и Ставку, немалая часть офицерства таким путем перешли из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы Красной армии. Так, значительная часть работников Ставки, центральных органов военного управления остались на своих местах после смены власти, причем некоторые (например, сотрудники ГУГШ) несли службу вплоть до мая 1918 г.

Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Генерал А. А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»³². Подобная позиция едва ли являлась гражданской, но была распространена.

Перекликается с ней небезупречная позиция бывшего генерала С. И. Одинцова, храброго офицера, одного из пионеров воздухоплавания и интеллектуала, пошедшего на службу к большевикам. В 1918 г. он был командирован в составе советской делегации Х. Г. Раковского и И. П. Сытина в Киев для решения вопросов пограничного урегулирования с Украиной. В Киеве Одинцов встретился со своими старыми сослуживцами: генералами П. Н. Врангелем и М. А. Свечиным (родным братом видного советского военного деятеля А. А. Свечина). Врангель, зная о карьере Одинцова у большевиков, не подал ему руки. Желая произвести благоприятное впечатление на Врангеля, Одинцов заявил о готовности пожертвовать жизнью за родину. При этом, рассуждая о своей жертвенности, Одинцов заметил: «Я был и остаюсь монархистом. Таких, как я, у большевиков сейчас много. По нашему убеждению, исход один — от анархии прямо к монархии... в политике не может быть сантиментальностей^{*} и цель оправдывает средства»³³. Каким образом Одинцов собирался привести Советскую Россию к монархии, Врангель не написал.

^{*} Так в документе.

Встреча с М. А. Свечиным, однокашником Одинцова по училищу и академии, повлекла не меньшие переживания. О мотивах службы красным Одинцов рассказывал с большим смущением: «Нужно защищать интересы России... нельзя быть праздным зрителем! Нужно действовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацию, как военный эксперт для защиты интересов России»³⁴. Такое заявление вызвало гневную отповедь Свечина, представлявшего донское командование на Украине. Свечин ответил, что Одинцов служит убийцам России и преступникам, упрекнув того в пособничестве гибели генерала Н. Н. Духонина осенью 1917 г. Одинцов оправдывался: «Да, ошибся, не отрицаю, но пошел с добрыми намерениями, чтобы не допустить до зверской расправы, а защитить»³⁵. На это старый товарищ ему заявил, что теперь таким же образом Одинцов, очевидно, защитит и русские интересы, и посоветовал бежать к белым из своего поезда. Однако Одинцов отказался: «Не могу... раз взялся, по своей совести, должен докончить, какова ни оказалась бы моя доля»³⁶. Обнявшиеся при встрече старые друзья расстались сухо и в расстройстве. По всей видимости, груз переживаний оказался столь тяжелым, что в сентябре 1920 г. Одинцов в возрасте 46 лет умер от разрыва сердца.

Служивший в Ставке и затем пошедший в РККА бывший генерал-генштабист Л. К. Александров, обсуждая в феврале 1918 г. будущее со стремившимся к белым сослуживцем подполковником Д. Н. Тихобразовым, заявлял: «Я вас отлично понимаю. У вас жена на юге, и вас тянет на юг, к солнцу. Это больше отвечает вашим наклонностям, да и климат там лучше. Моя же жена живет в Могилеве^{*} и на юг не собирается. Вот я и остаюсь в Могилеве. Что же касается до политики, то этот вопрос тоже особого значения не имеет. Подумайте только, после Государя какой только сволочи мы не служили! Одной степенью больше, одной меньше... разница невелика! И еще вопрос, кто из них хуже: Керенский или теперешние!»³⁷

Можно согласиться, что на 1917 г. большинство кадровых офицеров еще не могли сделать осознанный политический выбор³⁸. Однако нельзя отказывать старому офицерству в способности осуществить такой выбор вообще. В особенности если речь идет об элите армии. Порой к выбору той или иной стороны бывших офицеров подталкивали сами события.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, стала сотрудничать с большевиками. В обстановке разрухи в стране, стихийного антиофицерского террора, упразднения прежних привилегий и знаков отличия, заключения «похабного» Брестского

^{*} Александров женился во время войны на могилевской жительнице (примеч. Д. Н. Тихобразова).

мира, на добровольное сотрудничество с такой властью решались многие. Но такие люди были.

С марта 1917 г. сотрудничал с большевиками начальник штаба Омского военного округа генерал А. А. фон Таубе, позднее организовавший формирования красногвардейцев. После июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н. М. Потапов, связанный с большевиками М. С. Кедровым и руководителем так называемой военки — военной организации большевиков — Н. И. Подвойским³⁹. По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»⁴⁰. Слушатель ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии капитан Б. А. Шехаев участвовал в организации красногвардейских отрядов в Петрограде⁴¹. Вместе с тем лишь единицы бывших генштабистов вступили в большевистскую партию.

Н. И. Подвойский вспоминал: «Все лучшие военные работники из Генерального штаба не саботировали и старались всеми путями оказать содействие нам в построении армии не из-за политических симпатий, не из-за персональных каких-либо соображений, а потому, что многие из них действительно были служителями государства и нашему новому режиму отдавали то, что считали необходимым отдать. Несомненно, следовало бы отметить [Н. М.] Потапова, [А. М.] Мочульского, [У. И.] Самсона, [С. И.] Одинцова, [В. Е.] Борисова, [А. А.] Балтийского и других... Они уверились, что, взяв власть в свои руки, мы не бросили войны, не отдали Россию на растерзание Германии, но что мы продолжаем войну до тех пор, пока не будет заключен мир, что мы приступили к заключению мира... Следовательно, аполитичность, отсутствие классового взгляда у некоторых из генштабистов и свойственная им ненависть к Германии позволили нам все же образовать около себя некоторую компактную добросовестную и знающую группу генштабистов, которая помогла в первое время строительства Красной армии самым реальным образом. Здесь следует отметить, что душой и организатором этой группы был начальник Генерального штаба Потапов, и, пожалуй, только благодаря ему мы были хотя бы обеспечены с точки зрения военно-технической...»⁴²

Интересное объяснение привел бывший капитан И. В. Высоцкий, отметивший, что перешел на сторону советской власти «не в силу понимания советской системы, а в силу уверенности в жесткости этой власти в отличие от мягкотелости Керенского, а также и вследствие призыва офицеров на службу в Красной армии»⁴³. Идея твердой руки для наведения порядка пользовалась популярностью в офицерских кругах поздней Российской империи. Генерал Н. Д. Зарин в своем дневнике записал 8 мая 1915 г.: «Обман, личный интерес,

карьеризм, протекционизм — Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»⁴⁴.

Еще сильнее потребность в твердой власти офицеры ощутили в 1917 г., когда оказались бессильны перед распространившейся в армии анархией, а пользовавшиеся вседозволенностью солдатские банды стали терроризировать офицерство. Бывший полковник С. Д. Харламов свидетельствовал: «Мне представлялось, что “все погибло”».

С началом же проявления твердой руки пролетарского управления, с началом создания своей новой Кр[асной] армии (где и мне, грешному, будет отведено хоть какое-нибудь место), я увидел, что Октябрьская революция не только разрушает, но она и создает что-то, причем это что-то имеет свои политические плюсы. Тут уже пробудилась и патриотическая нотка — хорошо сделал, что пошел служить, что никуда не дезертировал»⁴⁵.

Не случайно к Красной армии добровольно примкнули и прежде консервативно настроенные представители старой военной элиты, жаждавшие твердой власти и имевшие репутацию крайне правых. Например, бывшие генералы М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойло и др.⁴⁶ В этом ряду примечательна личность генерала В. Л. Попова. Выходец из деревни, коренной сибиряк из-под Иркутска и патриот Сибири, он сумел дослужиться до генеральского чина и проявить себя как исследователь Сибири. В 1906 г. в Иркутске был активным деятелем местного отдела «Союза русского народа», обретя славу черносотенца, а в 1918 г. в числе первых сибирских генштабистов примкнул к большевикам⁴⁷. За такой «багаж» его не любили в белом лагере, где он затем оказался, как либеральные сибирские политики, которых Попов преследовал до революции, так и те, кто вменял ему в вину службу большевикам. В итоге Попову пришлось уйти на гражданскую службу. В 1920 г. он попал в плен к красным и продолжил служить в РККА.

Множество бывших офицеров добровольно пошли в Красную армию по патриотическим соображениям, чтобы продолжать воевать с немцами, которые теперь угрожали Петрограду. Показания бывших офицеров Генерального штаба, проходивших в 1930–1931 гг. по делу «Весна», свидетельствуют о том, что при поступлении на службу к большевикам ими двигало, прежде всего, стремление защитить свою страну от внешнего врага, бороться за ее целостность и сохранение. Значительное количество высших офицеров Генштаба добровольно поступили на службу в войска завесы — созданные большевиками специально для защиты от германцев отряды вдоль демаркационной линии, впоследствии ставшие кадрами для развертывания массовой Красной армии⁴⁸. По этой причине, например, в РККА поступили бывшие генералы Е. А. Искрицкий, Д. П. Парский (впрочем, он и до революции симпатизировал идеям социальной справедливости

и радикальных общественных перемен⁴⁹), А. А. Свечин, полковник С. С. Каменев и др.

По свидетельству М. Д. Бонч-Бруевича, Парский пришел устраиваться на службу со словами: «Михаил Дмитриевич... я мучительно и долго размышлял о том, вправе или не вправе сидеть сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далек от социализма, который проповедают ваши большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чертом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления»⁵⁰.

В показаниях по делу «Весна» 22 февраля 1931 г. А. А. Свечин заявил: «Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги советской власти»⁵¹. Свечин отмечал: «Я отдался целиком делу, питаемый своими националистическими настроениями и готовясь к продолжению войны с Германией»⁵². Генерал не особенно верил в перспективы большевиков. «Я по-прежнему считал экономическую программу, выдвинутую Октябрем, практически неосуществимой и полагал, что естественная эволюция приведет к коренному ее изменению, причем всякие насильственные акты могут задержать и помешать этому процессу», — отмечал он впоследствии⁵³.

К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города⁵⁴. Всего более 8000 бывших офицеров в период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию⁵⁵. Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий.

В марте 1918 г. на службу в Высший военный совет (ВВС) поступил бывший полковник К. И. Бесядовский, отмечавший впоследствии, что это решение далось ему «не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров, которые тогда на службу призваны не были и не считали возможным служить, отворачивались от нас — добровольцев. Я же считаю, что в создавшейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем, и потому и стал на работу. Период Гражданской войны внутренне я переживал нелегко: с одной стороны, я понимал необходимость этой серии “претендентов” из белогвардейских главарей, а с другой — тягостно было сознавать, что врагами нашими являются люди, которые еще недавно были нашей, близкой нам средой. Но я ломал себя и работал»⁵⁶.

Немецкий фактор стимулировал и антибольшевистскую патриотическую активность. Белый офицер полковник К. Л. Капнин вспоминал о пребывании в Белгороде летом 1918 г.: «Немцы в глубине России, в нашем тихом, патриархальном городке... Не выдержал и разрыдался, как ребенок, ощущая все большую ненависть к большевикам, так унизившим всю Россию»⁵⁷. Красноречиво свидетель-

ство другого белого офицера, полковника Б. А. Штейфона, о вступлении немецких войск в Харьков весной 1918 г.: «Как офицеру, мне было непереносимо смотреть на эти отличные, с военной точки зрения, войска и сознавать, что моей армии более нет, а я — я только обломок кораблекрушения... Что нет уже России, моей прекрасной Родины, ибо если была бы Россия, то Харьков не мог видеть немцев... В душе горела горечь национальной обиды, вспоминался весь позор, пережитый с первого дня революции»⁵⁸. Схожие чувства испытывал в Киеве и бывший генерал А. Л. Носович («я не вынес вида гордых и наглых победителей»⁵⁹), впоследствии перешедший на сторону белых. Носович отмечал, что им «было принято решение ехать в Москву на предмет ориентировки в обстановке. Основанием такого решения была главным образом уверенность в том, что продвижение неприятеля в глубь России и предательство Рады⁶⁰ вызовут взрыв патриотизма во всех частях и новая война неизбежна. Мое решение ехать немедленно в Москву было одобрено ген. [В. М.] Драгомировым... Я ехал драться против общего врага, и в данное время для меня являлось не столь важным, кто сражается против немцев и продавшихся им украинцев»⁶¹.

Следующий всплеск патриотических чувств бывших офицеров в Советской России связан с обострением весной 1920 г. событий на советско-польском фронте. Бывший генерал Н. П. Сапожников вспоминал: «Гражданской войне, как войне братоубийственной, вызывавшей разруху, я не сочувствовал и с нетерпением ждал ее конца. Поэтому фронтную службу до начала белопольской войны я нес без внутреннего удовлетворения»⁶².

О том, насколько непросто давался выбор в пользу большевиков, свидетельствуют страницы дневника крупного военного ученого, бывшего генерала А. Е. Снесарева. Он проживал в семье сестры на своей малой родине в Острогжске Воронежской губернии и был приглашен в Москву военруком ВВС М. Д. Бонч-Бруевичем в апреле 1918 г. Бывший генерал согласился приехать, видимо, чтобы узнать обстановку. По приезде стало ясно, что отказаться от службы в РККА не получится. 7 мая 1918 г. Снесарев в связи с полученным распоряжением ехать в Царицын записал: «На душе неважно, втохался в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине “сошло с шурупов”»⁶³. Пытаясь избежать вовлечения в братоубийственную войну, Снесарев в мае 1918 г. обратился с письмом к М. Д. Бонч-Бруевичу, однако ожидаемого результата это письмо не принесло⁶⁴. Невозможным для себя он считал и отъезд за рубеж. 14 марта 1918 г. Снесарев писал брату по поводу идеи последнего бежать за границу: «Но с кем же страна останется и что с нею будет?»⁶⁵ В связи с отъездом в Царицын 22 мая в дневнике Снесарева появилась запись: «Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю,

на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется»⁶⁶. Здесь уместно привести цитату из раннего письма Снесарева сестре Клавдии от 4 октября 1901 г., в котором он цитировал впечатлившие его слова отца: «Папа говорил: “нет места, на котором нельзя было бы принести пользу”... я много читал на белом свете, но мудрее этого не вычитал...»⁶⁷ Руководствуясь этим девизом, и в рядах РККА Снесарев стремился приносить пользу Родине, а не режиму.

Как офицер-государственник, по взглядам Снесарев был близок руководителям белых армий и при ином стечении обстоятельств мог оказаться в рядах противников большевиков. Тем более что он дружил с генералом Л. Г. Корниловым (последний заочно стал крестным сыном Снесарева Александра и Георгия). Возмущение Снесарева вызвала германская оккупация Украины. Как и основной массе офицеров, Снесареву были присущи националистические взгляды, что до некоторой степени препятствовало его работе с Л. Д. Троцким и другими представителями новой власти, не имевшими русских корней.

Поддержали большевиков некоторые генштабисты, находившиеся за рубежом. Так, состоявший при российском посольстве в Северо-Американских Соединенных Штатах полковник И. И. Чубаков 5–6 февраля 1918 г. опубликовал в вашингтонской газете «The Evening Star» статью, в которой, обращаясь к американцам, отмечал, что во главе Советской России стоит подлинно народное правительство⁶⁸. Позднее, прибыв во Владивосток, был арестован за это белыми и предан суду. Однако суд так и не состоялся из-за покровительства Чубакову со стороны белого командования⁶⁹. Тем не менее Чубаков оказался «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность советской власти» и сослан в Тобольск⁷⁰. Впоследствии офицер перешел к красным, где подробно рассказывал о своих «страданиях» у белых. В результате ему удалось избежать преследований и поступить на службу в РККА.

В большевистской пропаганде в период службы в Персии обвиняли и начальника Персидской казачьей дивизии полковника Г. И. Клерже, отстраненного от должности 2 февраля 1918 г. при активном участии офицера дивизии полковника Реза-хана (основателя династии Пехлеви) с подачи англичан⁷¹, но позднее оказавшегося у белых на Востоке России. Соответствующую информацию белые получили от британского командования в Месопотамии. Обвинения осложнили карьеру офицера, но тем не менее он смог продолжить службу и даже руководил осведомительным отделом колчаковской Ставки, а затем получил производство в генералы.

Отдельные генштабисты, понимая риск быть втянутыми в братоубийство, ставили условием службы у красных привлечение их только на борьбу с внешним врагом. Например, бывший капитан Ф. Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля

1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»⁷². Ответы на такие обращения были стандартными: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»⁷³. Интересно, что и большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага⁷⁴. Однако уже летом 1918 г. с этими требованиями считаться перестали. Таким образом, часть офицеров оказалась обманом втянута во внутреннюю войну на стороне красных. Впрочем, в дальнейшем офицеры и так подлежали мобилизации.

Сохранились важные свидетельства о привлечении генштабистов к службе на внутренних фронтах. Генерал Б. И. Казанович, побывавший по заданию командования Добровольческой армии с тайной разведывательной миссией в Москве в июне 1918 г., вспоминал об одной московской встрече, грозившей ему разоблачением: «Меня на Арбате неожиданно взял под руку знакомый офицер Генерального штаба и стал громко выражать свое удовольствие, что видит меня целым и невредимым, так как считал меня расстрелянным, а затем стал жаловаться на свою судьбу: “Я служу по передвижению войск, но теперь нас начинают хватать и отправлять, хочешь, не хочешь, в штабы на внутренний фронт. Как вы думаете поступить?” Очевидно, он считал и меня состоящим на службе у большевиков. Я поспешил отделаться от него под каким-то предлогом»⁷⁵.

Среди старших офицеров было распространено заблуждение, что, оставшись служить на прежних местах, можно сохранить контроль над армией и не отдать ее в руки большевиков. Генерал А. Е. Снесарев записал в дневнике 6 апреля 1917 г.: «Кто может предвидеть роль... комитетов? И нельзя ли их сделать ор[удием] своей власти, дисциплины и проводниками своих намерений? Ведь больше средств нет, а тогда единственный исход приспособить имеющееся под рукой средство»⁷⁶. Генерал А. А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти [1917–1920] годы страдавая развалом армий, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?..»⁷⁷ Однако Брусилов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией.

⁷⁵ Так в тексте.

Любопытны показания бывшего генерала С. Г. Лукирского, данные в январе 1931 г.: «Наступившая Октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение* идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»⁷⁸

В прочность большевиков не верили. Некоторые искренне радовались свержению деструктивного Временного правительства, полагая, что большевики долго не продержатся и будут сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерского мировоззрения, властью. Генерал А. А. Брусилов и его единомышленники придерживались мысли, что большевики сгинут, а Россия останется⁷⁹. По свидетельству генштабиста П. П. Петрова, служившего в 1918 г. в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта: «Все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на Юге, и считали, что *в интересах русского дела надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат*». Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁸⁰ Однако действительность оказалась более суровой: сохранить в своих руках военное управление бывшим офицерам не позволили, взяв их под плотный партийный надзор. Осознав невозможность осуществить задуманное, приверженцы подобной тактики или переходили на сторону антибольшевистских сил, или ввязывались в рискованную подпольную работу.

Поступление в новую армию могло защитить от произвола на местах, унесшего в 1917–1918 гг. жизни сотен офицеров. На фоне широко практиковавшихся в Гражданскую войну дискриминации, арестов, взятия в заложники «буржуев», «бывших», представителей «эксплуататорских классов» (к каковым, конечно, относили и офицеров) лояльная служба в армии могла восприниматься как возможность избежать репрессий и обеспечить относительно спокойную жизнь. Однако и это оказалось иллюзией.

Свою роль играл и материальный фактор. В условиях политики «военного коммунизма» бывшие офицеры Генштаба были вынуждены поступать в Красную армию, будучи вместе с семьями обречены на голодное существование⁸¹. Зачисление давало жалование и продовольственный паек, позволявшие выжить в условиях хаоса и разрухи. К тому же многие не владели другими профессиями и выби- рали привычное ремесло. Но не следует преувеличивать значение

* Лукирский не указывает, кем.

** Курсив мой.

материального фактора в острейшем идеологическом противостоянии, расколовшем страну, армию и ее командный состав. О том, что материальные проблемы и собственное положение для некоторых генштабистов были совсем не главными, свидетельствовал в своем дневнике генерал А. П. Будберг: «Омский период украл у меня будущее, разбил последние иллюзии, лишил всяких надежд, что я доживу до восстановления России — России, а не своих потерянных прав, которые я похоронил безвозвратно и воспоминание о которых меня даже не тревожит»⁸².

Для кадровых офицеров военная служба была единственным занятием. Вне армии и в отрыве от любимого дела они себя не представляли, поэтому среди многих получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любому режиму, нуждающемуся в их услугах⁸³, лишь бы платили деньги. А. А. Свечин откровенно свидетельствовал о «ландскнехтских беспечности и беззаботности, характерных для старых военных специалистов, делавших свое дело и оставлявших истории ответы на вопросы, куда, зачем и для чего»⁸⁴. Впрочем, лояльность тех, кто готов был служить кому угодно за жалование и паек, была зыбкой. Как говорил бывшему генералу А. И. Верховскому другой бывший генерал А. А. Балтийский, «многие пришли к советской власти только потому, что “кушать” нечего. Они продают свои знания за деньги, тая глухую ненависть к строю, который лишил их чинов, орденов и даже куска хлеба»⁸⁵. Другой носитель подобных взглядов рассуждал так: «Я служу добросовестно за то жалование, которое мне платят. Мне платят мало — я мало работаю. Но работаю, как хорошая пишущая машинка. Что большевики ударят по мне, то я и выстукиваю. Ударят верную букву — я верную букву отобью. Ударят неверную — мне наплевать! Я и неверную отстукаю; не я решаю, не я и отвечаю. Но свое дело делаю»⁸⁶.

Характерно высказывание А. А. Свечина, который писал в 1919 г., что «армия может быть и белой, и серой, и красной, в зависимости от вкусов строителей армии, причем, однако, прочность и добротность окраски зависит исключительно от того, насколько казарма, пропускающая через свои стены новобранцев, действительно казарма, а не богоугодное заведение»⁸⁷.

Поступление в новую армию давало возможность продвижения по службе тем, кто не мог на это рассчитывать в старой армии. Антибольшевистски настроенный генерал И. А. Данилов, видимо, не без определенных оснований (хотя и не без преувеличения) отмечал наличие в 1920 г. в РККА группы «молодых офицеров старого Генерального штаба, окончивших курс академии в 1910–[19]14 [г]г. и произведенных во время германской войны в подполковники и полковники. Эти офицеры, занимавшие до войны должности старших адъютантов в штабах округов и перешедшие на соответствующие должност-

сти в начале войны в штабы армий и фронтов, где они играли громадную, но скрытую роль, и так как условия прохождения службы не позволяли им еще занять высшие должности, к чему они в своих честолюбивых помыслах стремились, ибо, надо правду сказать, что тип прежнего офицера Генерального штаба почти всегда совмещал в себе и тип карьериста, — они-то теперь в Красной армии получили наконец возможность протянуть руку к фельдмаршалскому жезлу, минуя все преграды цензовых условий прежней службы. Без принуждения, угроз и мобилизации они сами добровольно предложили советской власти свои услуги и, даже не будучи коммунистами, заняли высшие командные должности в Красной армии, что было сравнительно легко сделать при том безлюдье в военспечах, которое существовало в то время.

Научный военный ценз им дала старая академия, и им не надо было быть только “контрреволюционерами”, чтобы получить удовлетворение своим честолюбивым помыслам и условия отличной материальной жизни, как для самих себя, так и для их семей. Придется ли впоследствии держать им за это ответ, я думаю, вопрос этот их мало интересует, так как примеры из истории революций им указывали, что люди ловкие и смелые, не теряющиеся в обстановке, выходили сухими из воды при самых тяжелых условиях.

Вот к числу этих лиц и принадлежали командующие красными армиями, бывшие офицеры Генштаба, как польской, так и Гражданской войны. Впоследствии некоторые из них, уже распоясавшись, перешли в коммунисты и, благодаря этому, получили доверие советской власти и полное удовлетворение своего честолюбия. Командующий 4-й армией, бывший подполковник Генерального штаба [В. С.] Лазаревич в начале 1921 года был назначен главнокомандующим Туркестанским фронтом, где находится и в настоящее время, представляя из себя, собственно говоря, вице-короля этой области. Как коммунист*, он, конечно, пользуется такими благами жизни от советской власти, о которых он, вероятно, и не мечтал, будучи скромным слушателем академии. Характерно то обстоятельство, что наибольшее число деятелей этого типа дал бывший штаб Виленского военного округа; отсюда вышли Лазаревич, [А. С.] Белой, [Ф. П.] Шафалович** и другие»⁸⁸.

В РККА добровольно шли ради карьеры люди, обиженные или запятнавшие себя при старом режиме, неудачники, стремившиеся к самореализации. Например, таким путем в РККА попал генерал В. А. Ольдерогге. Во время Русско-японской войны в чине подполковника он служил правителем канцелярии дорожного отдела управ-

ления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству генштабиста С. А. Щепихина, за поставку гнилых шпал⁸⁹, по документам расследования — за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов⁹⁰), а когда афера раскрылась, оказался переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй⁹¹, причем его ходатайство о возвращении в Генштаб отклонили даже в мае 1917 г.⁹² В 1918 г. он добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог вновь служить по Генеральному штабу.

Однокашник генерала А. И. Деникина по юнкерскому училищу и академии (выпуск 1899 г.) генерал П. П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Недоброжелатели Сытина из числа участников Белого движения утверждали, что он имел проблемы по службе из-за карточного шулерства⁹³. Генерал А. В. Геруа отозвался о нем как о царском генерале «с замаранным личным прошлым»⁹⁴ и характеризовал следующим образом: «С внешностью и содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это “в наказание” в артиллерию... во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии... Когда случился большевистский переворот в Петрограде, Сытин... послал телеграмму с выражением строгого порицания большевикам и своей преданности правительству Керенского. Но через несколько дней, когда сверх общего ожидания обнаружилось полное банкротство последнего и вырисовалось возможное окончательное торжество большевиков, Сытин отправил телеграмму с выражением своей преданности Советам. При этом из солдатских комитетов он не вылезал... После уничтожения Ставки и водворения на развалинах ее пресловутого нового Главковерха обозного прапорщика [Н. В.] Крыленко он отправил к нему своего доверенного тайного посла, одного своего офицера Зарембу, который привез от Крыленко предписание “устранить корпусного командира и начальника штаба корпуса”. Это и было верхом желаний честолюбца Сытина, мечтавшего о poste корпусного командира. Но тут произошел неожиданный эпизод. Солдатский комитет, за которым он так ухаживал, назначил на эту должность солдата, приставив к последнему Сытина в качестве начальника штаба корпуса. Таким образом, честолюбие было больно уязвлено назначением на низшую должность.

Вскоре, однако, взбунтовав два корпуса, Сытин сделался как бы начальником штаба маленькой армии и объявил поход на Яссы, где в то время размещалась королевская главная квартира и штаб русского командования. Этот поход потерпел полное фиаско... и Сытин на нескольких десятках автомобилей со своими приверженцами, членами большевистских комитетов и денежными кассами уехал к ав-

* На самом деле в тот период В. С. Лазаревич оставался беспартийным.

** В тексте ошибочно: *Белый, Шафтолович*.

стрийцам, а затем через их расположение к большевикам»⁹⁵. Впрочем, есть все основания усомниться в достоверности и беспристрастности подобных дискредитирующих заявлений. Как бы то ни было, лишь в 1917 г. Сытин получил генеральский чин⁹⁶. Возможно, карьерные неудачи побудили его пойти на службу в новую армию, в которой он неплохо себя проявил в сфере военного управления и военной разведки. Тяжело продвигался по службе в старой армии и будущий советский главком И. И. Вацетис.

В РККА оказался и генерал А. А. Балтийский, о котором современник отозвался следующим образом: «“Правая рука” Троцкого... но только по сравнению с Брусиловым, он, конечно, всегда плавал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед бывшим военным министром [В. А.] Сухомлиновым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, недолго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен»⁹⁷.

Ужесточение условий службы в Красной армии, переход к принудительным мобилизациям генштабистов и отправка их на внутренние фронты привели к массовому дезертирству военной элиты. На протяжении 1918–1919 гг. из Красной армии бежали свыше пяти сот специалистов Генерального штаба.

В ряде случаев выбор офицеров предопределяли родственные связи. Один из первых генштабистов, присоединившихся к новой власти, генерал М. Д. Бонч-Бруевич, был связан с большевистским руководством через своего родного брата В. Д. Бонч-Бруевича — соратника В. И. Ульянова (Ленина) и социал-демократа с 1895 г., на квартире которого Ленин даже ночевал⁹⁸. Неясно, однако, каким образом Бонч-Бруевич мог состоять в близком родстве с видным деятелем наиболее антигосударственной партии и не иметь проблем в старой армии. Влияние родственных связей прослеживается и в выборе генерала Н. М. Потапова — еще одного из первых большевистских военспецов. По сообщению представителя семьи Потаповых, профессора В. В. Плошкина, мать генерала Надежда Александровна приходилась родной сестрой отцу старого большевика М. С. Кедрова — Сергею Александровичу⁹⁹. Таким образом, Потапов и Кедров являлись двоюродными братьями. Как известно, М. С. Кедров был личным другом В. И. Ленина и одним из создателей ВЧК. Первые контакты Потапова через Кедрова с большевистской военной организацией относились к лету 1917 г. — времени, когда большевики еще не находились у власти.

Рассмотрим классификацию причин поступления генштабистов в Красную армию, которую предлагали сами офицеры Генштаба. Сохранилось несколько подобных классификаций, составленных А. Л. Носовичем, Я. М. Лисовым и А. И. Андогским.

Широко осведомленный о положении в Красной армии автор, публиковавшийся в белой печати под псевдонимом А. Черноморцев (крупный белый агент в Красной армии бывший генерал А. Л. Носович, перебежавший к белым), разделял военспецов Красной армии на шесть категорий. «Первая — наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров Генерального штаба, добровольно пошедшие на службу в советские войска в марте, апреле и мае 1918 г. Большинство из них шло во имя идеи: “сопротивление германцам во что бы то ни стало”. Эти офицеры шли в армию на вольнонаемных условиях. Многие из них ставили непременным условием отправление на фронт против наступающих немцев и неупотребление частей, в коих они служат, в Гражданской войне.

Таковые условия “совдепцами” принимались, но уже в конце мая все офицеры, ставившие таковые условия, были взяты на учет и посланы на различные внутренние фронты. Многие из числа этой группы заплатились своей головой за свое доверие к большевикам и за свою слепую любовь к родине. Они шли тогда в Красную армию на муку и унижение. Эти мученики за идею шли командовать туда, где их поносили, избивали и издевались над ними. В конце же концов они были поставлены перед необходимостью идти против тех, на кого не поднималась у них их рука»¹⁰⁰. Многие офицеры из этой категории бежали на белый Юг.

Ко второй категории Носович относил «офицеров более слабых, как в нравственном, так, вероятно, и в умственном отношении. Это люди, принужденные к таковой службе голодом, нищетой и прочими условиями советской жизни. Но в некоторое их оправдание надо сказать, что все они были оставлены без всякой нравственной поддержки извне. Это та середина, для которой необходим не только временный пример, но и постоянное наблюдение»¹⁰¹. К этой группе принадлежали и семейные офицеры. В третью группу Носович определил тех, кто пошел в Красную армию для ведения подпольной антибольшевистской работы. К четвертой группе относились офицеры, выжидавшие, чья возьмет. Пятая группа состояла из идейных большевиков, а шестая — из намеренно изменивших долгу карьеристов и приспособленцев. При этом, как справедливо отмечал автор этой классификации, существовало множество переходных типов.

Генерал А. И. Андогский заимствовал эту классификацию, однако шестую группу в соответствии со своими личными переживаниями (самого Андогского, метавшегося во главе Военной академии между красными и белыми, обвиняли в приспособленчестве) сделал более привлекательной для белых. По его определению, к ней относились «офицеры, служащие в советских войсках из сознания долга содействовать образованию военной силы России и отнюдь не связанные с большевиками никакими идейными политическими

принципами. Таких очень много. Они не мирятся с засильем иностранцев и разрушением России и, будучи против большевиков и веря в их неизбежный крах в ближайшем, — работают по укреплению военной мощи России, дабы не отдать свою Родину на расхищение иностранцам, — в особенности в тот критический период, который наступит непосредственно после крушения большевизма в России и когда нужно будет объединять всю ее на почве истинно демократического государственного строительства. Эта группа офицеров увеличивается и ныне, видя, как последовательно разрушились все русские противобольшевицкие организации, несмотря на могучую иностранную материальную помощь. Эта группа офицеров обрекает себя на тяжелую и ответственную работу **в надежде, что русский народный организм постепенно оздоравливается и создаст народную демократическую власть своими изнутри нарастающими силами, а не при посредстве какого-либо иностранного вмешательства**, за которое неизбежно придется расплачиваться тяжелыми компенсациями»¹⁰². Но, вследствие самооправдания Андогского, эта категория мало чем отличалась от первой группы, выделенной Носовичем.

Расширенную классификацию причин перехода генштабистов на сторону РККА привел еще в феврале 1919 г. Генерального штаба полковник Я. М. Лисовой — достаточно осведомленный офицер Добровольческой армии, служивший в 1918 г. в военно-политическом отделе при генерале от инфантерии М. В. Алексееве. По его мнению, основными причинами этого явления были:

- «1) Тяжелое, безвыходное материальное положение, многочисленная семья и в связи с этим невозможность своевременного выезда [из Советской России],
- 2) Насильственное привлечение советскими властями к исполнению обязанностей офицеров Генерального штаба под угрозой расстрела,
- 3) Чрезвычайное строгое наблюдение, сковывающее каждый шаг и почти лишшающее какой бы то ни было возможности покинуть ряды советской армии,
- 4) Честолюбие и карьеризм некоторой части из них [генштабистов],
- 5) Широкое материальное обеспечение,
- 6) В корпусе офицеров Генерального штаба прежнего состава были, конечно, и отрицательные стороны — преувеличение значения последних отчасти также послужило одной из побудительных причин вступления в советские войска,
- 7) Соответствие во взглядах и убеждениях с представителями советской власти,
- 8) Наконец, на этот путь многие из них [генштабистов] пошли сознательно во имя идейной стороны работы — в самом лучшем,

конечно, значении этого слова, о которой по весьма понятным причинам распространяться еще рано»¹⁰³.

И Носович, и Андогский успели послужить в РККА в 1918 г., поэтому знали вопрос не понаслышке. Лисовой, занимавшийся разведывательной работой, также был осведомлен в этом вопросе, поэтому предложенные классификации могут считаться достоверными.

Вероятно, анонимный генштабист из РККА — знакомый генерала А. И. Деникина писал ему в эмиграцию в конце 1920-х гг.: «Революция внесла большую растерянность в нашу среду. Собственно, ни на одной категории русских граждан она не отозвалась так тяжело и нигде не вызвала таких противоречий между пониманием долга и практикой, как среди офицеров. И хотя бы кто пришел нам на помощь в нашем бездорожье и отчужденности. Да что говорить об этом Вам, когда Вы сами в одной из Ваших книг, которую я не без труда раздобыл, писали, что в дни революции “офицерство бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная”... Удивительно ли, что мы с большой оглядкой отнеслись к активным начинаниям общественных организаций в Москве и Петербурге, к формированиям Дв. и Др.¹⁰⁴ (офицерство их было ведь предано немцам), к агитации Савинкова, лево-эсеров и др.

Оставались пути к Вам или на Волгу... Так неужели Вы считали серьезно возможным массовое течение офицеров к перифериям, в очаги восстаний? Это — сквозь бушующие, озверелые массы солдат и народа, через сотни препятствий, лишенные средств и возможности избавить свои остающиеся семьи от голода и насилий. Без того офицерское звание стало тогда ненавистным и недостаточным поводом для кровавых эксцессов. А при обнаружении массового ухода не обратились ли бы они в поголовное истребление? То количество офицеров, которое перешло на белую сторону, не есть ли это максимум того, что по техническим условиям тогдашней обстановки могло перейти?...

Остались не только худшие, но и просто менее везучие.

Некоторые из нас пошли с места на службу к новой власти. Одни — потому, что были беспринципны, и таких вначале было не очень много. Другие — видя в том свой долг перед лицом немецкого нашествия. Третьи, из старших, для того, чтоб как-нибудь выручить офицерство. Ведь, например, А., К., С., С.¹⁰⁵ и многие другие оставались на службе с ведома Вашего и Алексеева... Часть их вернулась к Вам, другие ведь расстреляны.

В общем, только небольшая часть офицерства перешла вначале к большевикам. Масса его саботировала новую власть, так же как буржуазия, чиновники, вообще интеллигенция. Но сопротивление было сломлено. Почему, об этом говорить долго. Но мы ведь разделили только общую участь всей русской интеллигенции: не хватило порохи... Так

что, когда нам предложили на выбор — стенку или службу, мы выбрали службу, ставши невольными работниками советского аппарата»¹⁰⁶.

Свою классификацию офицерства в июле 1918 г. предложил и вождь РККА Л. Д. Троцкий в статье «Офицерский вопрос», опубликованной в «Известиях ВЦИК». Троцкий подразделил офицеров на «примазавшихся» и «перекрасившихся», которых нужно было искоренить; на тех, кто понял смысл революции и дух новой эпохи; на непримечательных службистов; на боевых контрреволюционеров, подлежащих истреблению, и на трусливо выжидающих обывателей-шкурников, безразличных к судьбам страны (Троцкий считал их резервом контрреволюции)¹⁰⁷.

На ту же тему рассуждал и белый генерал А. И. Деникин, по мнению которого причинами поступления офицеров в РККА были «инертность, слабоволие, беспринципность, семья, “профессиональная привычка”»¹⁰⁸.

Сопоставление классификации, предложенной самими генштабистами и Троцким, с тем, что известно по документальным материалам, позволяет вскрыть практически весь спектр мотивов поступления офицеров Генштаба в Красную армию до начала массовых мобилизаций. Мотивы эти сводятся к следующему:

- продолжение службы по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы Красной армии;
- стремление к профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить родине) безотносительно правящего режима (службисты);
- патриотический порыв в связи с наступлением немцев на Восточном фронте в феврале — марте 1918 г.;
- вера в твердую центральную власть;
- стремление удержать контроль над армией в руках офицеров-патриотов, поступление в армию для ведения подпольной антибольшевистской борьбы, содействия офицерству в советских условиях;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи;
- карьеризм и приспособленчество, желание обезопасить себя от репрессий;
- проживание, служба, родственные связи в регионах, контролировавшихся большевиками;
- идейная приверженность большевизму.

Любопытные наблюдения о поведении генштабистов в Гражданскую войну содержатся в показаниях бывшего генерала А. Г. Лигнау по делу «Весна» от 17–18 января 1931 г., хотя в документе и чувствуется направляющая рука следователя. Лигнау отмечал: «Октябрьская революция на фронте, ликвидировавшая офицерство как класс, сразу же вызвала с его стороны ярко враждебное к ней отношение.

Офицерство было лишено того привилегированного служебного положения, в котором находилось, лишено действительной неограниченной власти над солдатской массой и лишено тех материальных перспектив, которые предвиделись по окончании войны.

Особенно остро чувствовали вновь создавшееся положение мы, офицеры Генштаба, занимавшие исключительно выгодное служебное положение, обеспечивавшее нам блестящую будущность.

Офицерский состав по своему отношению к большевизму разделился на две основных категории.

Первая, сразу же ставшая по внешним проявлениям на сторону большевиков, всецело отдалась во власть солдатской массы, стремясь всемерно доказать ей свою глубокую приверженность новому политическому течению, для чего принимала самое широкое участие в митингах, шла навстречу и даже предупреждала стремления солдатской массы “кончать войну” и расходиться по домам.

Другая же часть, недостаточно гибкая и не оставившая еще прочно укоренившегося в ней чувства “офицерского долга”, не желавшая идти на компромиссы со своей “монархической совестью”, стремилась всеми силами уйти с фронта в тыл и там ожидать дальнейших событий. К этой части относилась и большая доля офицеров Генштаба как находившаяся в штабах и не связанная непосредственно со строевыми частями, т. е. с солдатской массой.

Как та, так и другая категория офицерства в общем затаила в себе непримиримо враждебное отношение к большевизму как к политической системе, ликвидировавшей офицерство как класс, и к большевикам как к людям, создавшим и проводившим эту систему в массы, влияние над которыми^{*} они быстро приобрели.

По ликвидации империалистического фронта до начала Гражданской войны наиболее активная и энергичная часть офицерства стремится в районы, не охваченные еще в полной мере большевизмом, и здесь под руководством офицеров Генштаба организует активную борьбу с большевиками.

Эти более агрессивные группы, опираясь на кулацки настроенные массы, как, например, казачество, украинских хуторян, сибирское крестьянство, — достаточно окрепшие, входят в договорные отношения с правительствами капиталистических стран и во имя борьбы с большевизмом становятся послушным орудием капитализма, стремящегося вернуть себе утраченное экономическое влияние на территории России.

Интервенция, как полное экономическое порабощение России, не смущает глубоких патриотических чувств руководителей борьбы

^{*} В документе несогласованно: *находившихся*.

^{**} В документе несогласованно: *которой*.

с большевиками в лице нас, бывших офицеров Генштаба, — наша цель уничтожение большевизма как политического фактора, какой угодно ценой.

Я лично сначала работаю в роли помощника воен[ного] министра в правительстве гетмана [П. П.] Скоропадского, а после его падения в армии Колчака.

Начинается Гражданская война.

Мы, офицеры Генштаба, оставшиеся на территории, не захваченной контрреволюционными группировками, втягиваемся помимо нашей доброй воли в круговорот политической жизни и, став перед необходимостью дать прямой ответ на формулу “кто не с нами, тот против нас”, идем работать с большевиками.

Оставаясь по-прежнему враждебно настроенными против сов[етской] власти, при неуверенности в исходе Гражданской войны и в расчете все же на падение соввласти при помощи интервенции, значительно бóльшая часть из нас, принимая призыв соввласти к совместной работе, стремятся занять положение, но менее одиозное в глазах будущих победителей — интервентов: центральные учреждения, военные учебные заведения и т. п.

Приглашения к непосредственному участию в Гражданской войне в рядах Красной армии и в действующих прифронтовых штабах встречают пассивное сопротивление в виде отводов под благовидными предлогами: неподготовленность к командованию крупными соединениями, незнакомство с методами Гражданской войны, состоянии здоровья, семейное положение и т. д.

В этих стремлениях мы, бывш[ие] офицеры Генштаба, встречаем широкое сочувствие и поддержку со стороны наших товарищей, занимающих ответственные должности, связанные с распределением генштабистов, и при помощи этих товарищей мы устраиваемся на “нейтральные” места.

Занимая те или иные должности, мы не можем отказаться от мысли о необходимости перестраховки себя на будущее, если исход Гражданской войны окажется неудачным для большевиков.

Значительная часть у нас, бывш[их] офицеров Генштаба, в ожидании конца Гражданской войны, стремится уйти в подполье, либо прозябая в качестве “бывших людей” на положении кустарей (портные, сапожники, игрушечники и т. п.), либо стремится устроиться на легкие должности в гражданских правительственных учреждениях, либо живя без определенных занятий на остатки своих сбережений и продаж своего имущества.

Основное побуждение всех нас сохранить себя в глазах возможных победителей на случай падения соввласти наименее скомпрометированными и, таким образом, получить больше шансов на восстановление своих утраченных прав и преимуществ.

Более экспансивные натуры, желающие предупредить события и в наибольшей мере себя перестраховать, идут на измену, передаваясь на белую сторону (Иван Павлович Сытин, [Л. М.] Болховитинов, [А. И.] Андогский, [Б. П.] Богословский и др.) и пытаюсь даже поднять восстание, как, напр[имер], [А. П.] Перхуров в Ярославле.

Война с белополяками знаменуется призывом Брусилова ко всем офицерам и к их патриотическому чувству.

Этот призыв воспринимается под углом зрения наших общих настроений. Мы призыв Брусилова объединиться для защиты родины трактуем как призыв к защите родины в нашем представлении, а не для защиты соввласти.

Конец Гражданской войны создал психологию, крайне для нас неблагоприятную, под непосредственным воздействием следующих фактов:

1. Белые армии, многочисленные и технически хорошо снабженные при широкой материальной помощи Антанты, разбиты слабой, хуже организованной и технически отсталой Кр[асной] армией.
2. Иностранные войска, действовавшие совместно с белыми, оказались небоеспособными, подверглись быстрому разложению под влиянием большевистской агитации.

Мы под влиянием исхода Гражданской войны и неудачи первой интервенции временно находились в состоянии своего рода психической депрессии.

Мы пришли к выводу, что расчеты на свержение соввласти рухнули, [пришлось] склонить головы перед неизбежным злом и обеспечить себе наиболее сытое существование, затаив в себе мечты о возвращении прежних “прав” и “преимуществ”, прикрыв свою политическую сущность под маской внешней лояльности.

Мы, бывшие офицеры Генштаба, переходили на вынужденную добросовестную работу, стремясь занять наиболее ответственные места, делая уже карьеру на советской службе.

Мы, хотя и связаны между собой единым мировоззрением и единым классовым сознанием, работаем пока каждый сам по себе, вступая даже во взаимную конкуренцию и интригу друг против друга во имя личного благополучия.

Этот период является периодом наибольшего насыщения нами (бывш[ими] генштабистами) центральных и правительственных учреждений и военно-учебных заведений: Штаб РККА со всеми отделами, ГУВУЗ, штабы военных округов, различные военные академии и особенно Военная академия РККА, КУВНАС, Воздушная военная академия, КУВНАС стр[атегических] окр[угов], ПС¹⁰⁹, Выстрел¹¹⁰, провинциальные нормальные школы и т. п.

Внешне лояльно, но по существу идеологически враждебно совласти, мы, бывшие офицеры Генштаба, на досуге анализируем миновавшие события, стремясь выяснить причины неуспеха белых армий и интервентов.

Анализ нас приводит к выводам, что основные причины победы совласти заключаются в следующем:

1. Явно враждебное отношение к белым и интервентам со стороны преобладающей массы крестьянства, воспринявшего большевизм полностью, жившего с совластью одними интересами и ждавшего только от нее осуществления всех своих интересов, особенно резко чувствовавшего власть белых после занятия ими территорий, оставленных большевиками.

2. Революционный энтузиазм и безусловная преданность совласти красных войск периода Гражданской войны, постоянно поддерживаемые крепко сплоченной партией, умевшей создавать решительный перелом в пользу совласти в критические моменты на фронте.

3. Неорганизованность и неподготовленность антисоветских элементов в тылу.

4. Отсутствие согласованности в действиях белых армий.

Как общее заключение, если бы обстановка сложилась иначе, совласть неизбежно была бы ликвидирована.

Сделанные выводы учитываются как урок на будущее время.

Период, непосредственно следующий за окончанием Гражданской войны, с возникшей хозяйственной разрухой дает нам первые проблески надежды на внутренние осложнения.

В связи с этим, учтя сделанные выше выводы, мы, уже объединенные первым призывом Брусилова и общими настроениями, проявляем стремления подготовиться к будущим событиям, не повторяя допущенных ошибок.

Основным вопросом пока у нас является более прочное объединение бывших офицеров вообще и офицеров Генштаба в первую очередь, как предназначенных на руководящую роль»¹¹¹.

Бывший подполковник А. Д. Тарановский считал, что 1918–1919 гг. в жизни генштабистов Советской России — это время «еще не веры в ее [советской власти] прочность, как период неустойчивого еще блуждания и искания своей, быть может, новой идеологии, благодаря изменившимся условиям»¹¹². К. Л. Капнин свидетельствовал, что весной — летом 1918 г. в Новороссийске при красных для него «жизнь была тяжела с моральной стороны и чем дальше, тем становилось тревожнее и напряженнее»¹¹³.

По мнению бывшего генерала Д. Н. Надежного, «значительную часть командного состава, в том числе и Генерального штаба,

¹¹¹ В документе несогласованно: *ждавшей*.

после Октябрьской революции толкнуло в ряды контрреволюции; с одной стороны, потеря служебных привилегий, а с другой стороны — недовольство развалом фронта, влекущим за собой позорное окончание войны. Организация новой армии и связанная с ней мобилизация дала возможность проникнуть в ее ряды контрреволюционно настроенному офицерству, которое в достаточной мере ее разлагало и приводило к измен[ни]ческим деяниям.

В отношении бывш[их] офицеров Ген. штаба нужно отметить две группировки: лиц, желавших обеспечить себя, на всякий случай, как бы нейтральной позицией в развивающихся событиях, которые постарались занять должности по учебному ведомству, и других, которые безоговорочно пошли на службу в ряды армии. Были и такие, которые попали в ряды армии по назначению. Те, которые пошли по учебному ведомству, стремились избежать активного участия в Гражданской войне, тем самым имели возможность в случае изменений политической обстановки объяснить свое пребывание на службе в Красной армии как не идущее вразрез со старыми идеалами»¹¹⁴.

Бывший генерал Е. А. Искрицкий на следствии по делу «Весна» сообщил: «Октябрьскую революцию я встретил не сочувственно, так как я ее не понимал и считал ее [событием], не отвечающим интересам русского народа. Главными причинами, побудившими меня к этому, были знаменитый приказ № 1, который я понимал как стремление безответственных элементов разложить армию во время войны, затем сильное впечатление произвело на меня убийство моих родных и близких.

Вместе с тем для меня было очевидно, что процесс большевизации России будет очень затяжной и что мы, представители старого режима, будем страдающей стороной, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Приемлемой формой русской государственности в противовес большевизму, мне казалось, будет та, которую признает действительной Учредительное собрание.

Когда я поступил работать в Красную армию, еще не был ликвидирован Германский фронт, и поэтому я считал возможным продолжать борьбу с немцами далее в рядах Красной армии.

Только после того, когда война приняла гражданский характер и на участке мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме и которых я не мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем красных войск, и предлагал уйти со строевой работы на чисто академически-научную. Привходящими обстоятельствами служили смерть моей жены и моя болезнь.

Этот период своей жизни и работы в Красной армии я могу охарактеризовать как наиболее рельефный в моей деятельности, в том отношении, что это было время, когда я был реакционен в своем отношении к сов[етской] власти.

Хочу отметить, что это были чисто субъективные переживания, не воплощавшиеся в конкретные практические мероприятия, направленные во вред армии.

В дальнейшем мои политические взгляды постепенно изменялись, поскольку я понял, что революция немислима без искупительных жертв, однако до последнего времени переживал и страдал от... подчас унижительного положения быв[шего] кадрового офицерства, которое я считал обидным и незаслуженным... Я понимал и видел, что нам, быв[шим] людям, становится все теснее и что мы ограничиваемся во всех областях до минимума»¹¹⁵.

Немалую роль в том, где оказывался офицер в Гражданскую войну, играл фактор случайности. Как отмечал один из флотских офицеров, «в нормальное время не играет никакой роли, в какую сторону вы пойдете, выйдя из дома. Во времена крупных событий это может иметь решающее значение. Вся ваша дальнейшая жизнь может измениться в зависимости от того, кого вы встретили, пойдя направо, а не налево»¹¹⁶. Как раз такой случай произошел в Екатеринбурге весной — летом 1918 г. со слушателем Военной академии бывшим полковником А. Г. Слефогтом, которому была ампутирована нога. Офицер решил навестить содержащуюся в заключении бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в лазарете в качестве сестры милосердия в Первую мировую войну. Однако ему не только отказали в просьбе, но и сам он оказался арестован¹¹⁷. В результате, когда вся академия перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на очевидные монархические симпатии и антибольшевизм, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну. Дальнейшая его судьба неизвестна. То время дает немало примеров подобных случайностей, влиявших на жизни и судьбы.

Регистрация и учет

Создание новой армии поставило на повестку дня вопрос о регистрации и учете кадров Генштаба. Особая роль генштабистов привела к тому, что они стали объектом самого тщательного персонального учета.

До революции этим вопросом ведало делопроизводство по службе Генштаба отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ. Эти же

функции оно сохранило и в 1918 г. Большевики, унаследовав весь центральный аппарат управления старой армией, включая регистрационный аппарат ГУГШ, получили существенное преимущество перед своими оппонентами. В результате первые списки генштабистов были составлены именно в Советской России. В дальнейшем в РККА сформировалась наиболее совершенная система учета генштабистов. Это подтверждается не только высокой точностью списков и все возрастающей их полнотой, но также и тем, что РККА в 1918—1922 г. с большим отрывом лидировала среди армий Гражданской войны по количеству составленных списков. Фактически начиная с 1918 г. ежегодно составлялось по одному-два больших общих списка Генштаба, не считая множества мелких.

В качестве дополнения к последнему дореволюционному печатному списку Генштаба на 1917 г. в красном лагере составили первый список Генштаба периода Гражданской войны. Список по состоянию на 1 марта 1918 г. был подготовлен в оперативном управлении ВГШ и датируется периодом не ранее 8 мая 1918 г., когда и возник ВГШ. Список показывал состояние корпуса офицеров Генерального штаба и изменения в нем на 1917 — начало 1918 г. Не обошлось без неточностей. По сути же, список отразил формальные назначения, а не реальное положение вещей.

По данным списка, на службе состояли 1200 генштабистов, 16 переведенных в Генштаб и 12 определенных на службу и не уволенных с нее на конец 1917 г. Итого 1228 офицеров (трое из них упомянуты как находившиеся у белых). Не вернулись из плена или числились пропавшими без вести еще 15 офицеров (среди них один умер и один, по данным списка, вернулся в Россию летом 1918 г.). Список не включал выпускников ускоренных курсов.

В связи с демобилизацией армии в феврале — марте 1918 г. многие штабы и управления, включая Ставку, были расформированы, генштабисты подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались¹¹⁸. Они просто разъехались по стране, получив документы об увольнении в длительные отпуска. Их адреса в ГУГШ отсутствовали. Штабы Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов вообще оказались отрезаны от Центральной России. Сведения из них поступали в ГУГШ крайне редко. Сравнительно полные данные были лишь по Северному фронту и некоторой части Западного.

Дезинтеграция страны, появление внутренних фронтов, разруха крайне затруднили централизованный учет генштабистов, который велся прежде. Однако первыми его восстановлением занялись красные. К весне — лету 1918 г. относятся их первые попытки провести, пока еще на добровольных началах, регистрацию выпускников академии.

Служивший в оперативном управлении ВГШ генштабист С. Д. Харламов вспоминал: «Я ведал отделением службы Генерального штаба. В начале [19]19 г.¹¹⁹ у нас была потребность в командн[ом] составе на 2 фронтах — Восточном и Южном. Приходилось чуть не ежедневно через посредство милиции выуживать генштабистов для пополнения фронтов. Учета их не было. В начале приходилось просто по памяти, что где-то в Москве встретил, или по далеко не полным сведениям, полученным из милиции, делать выборки. Это, конечно, не нравилось им, и я получил звание “гицеля” (ловитель бродячих собак).

По мере организации на местах военкоматов ко мне начали поступать учетные сведения на лиц, окончивших академию, и я приступил к составлению и печатанию списка Генер[ального] штаба»¹²⁰.

После короткого отдыха многие, оставшись не у дел и лишившись средств к существованию, начали писать в феврале — апреле 1918 г. в органы военного управления в Москву запросы, пытаюсь выяснить, не предполагаются ли новые назначения и каково положение бывших офицеров Генштаба. Эти прошения стали документальной основой начавшейся вскоре регистрации кадров Генштаба. Некоторые прошения содержали еле сдерживаемую обиду: «Если Генеральный штаб Российской республике больше не нужен, то прошу выслать мне документ о моей отставке...» — писал начальнику Генштаба 29 марта подполковник А. Н. Дульцев¹²¹. Подобные письма, которых было немало, связаны с традициями воинской дисциплины и с потребностью генштабистов материально обеспечивать свои семьи — к концу марта 1918 г. некоторые уже четвертый месяц не получали содержания. Политическая обстановка в стране и собственное будущее для офицеров оставались совершенно неясными.

12 апреля 1918 г. ВВС был утвержден доклад военрука М. Д. Бонч-Бруевича № 731¹²², возлагавшего на начальников главных управлений Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена) организацию учета лиц со специальной военной подготовкой и на начальника Генерального штаба — организацию учета бывших офицеров Генштаба. В докладе говорилось: «При проведении в жизнь военно-окружной реформы, для предстоящих новых формирований постоянной армии, а также для службы в частях завесы нужны офицеры Генерального штаба. В настоящее время правильный учет названных офицеров не ведется, без чего нельзя соответственно использовать имеющийся запас лиц с[о] специальной подготовкой. Полагаю необходимым поручить начальнику Генерального штаба незамедлительно установить и дальше вести учет всех офицеров Генерального штаба. Точно так же необходимо поручить всем начальникам главных управлений Народного комиссариата по военным делам установить

и вести учет всем офицерам и военным чиновникам по всем соответствующим военным специальностям. Все учетные списки в копии должны сообщаться в Аттестационную комиссию, образованную на основании приказа Народного комиссариата по военным делам № 268, от 5 апреля сего 1918 года»¹²³.

Затем вышло постановление ВВС «Об установлении регистрации во всей стране всех без исключения бывших офицеров Генерального штаба»¹²⁴ и началось составление секретных списков генштабистов, желавших служить в новой армии. Еще одним источником сведений стали непосредственные обращения генштабистов в делопроизводство по службе Генерального штаба. Весной — летом 1918 г. лично явились предложить свои услуги и высказать пожелания в отношении места предстоявшего назначения порядка 430 человек¹²⁵. Они были внесены в списки. Среди них оказались и те, кто впоследствии примет участие в Белом движении или станет видным деятелем национальных армий: будущий эстонский генерал Й. Лайдонер, получившие позднее известность как деятели антибольшевистского лагеря генералы Б. П. Богословский, В. Г. Болдырев, Б. В. Геруа, В. Н. фон Дрейер, В. Д. Космин, С. Н. Люпов, А. А. Мурузи, П. П. Петров, И. В. Тонких и многие другие.

Первые списки генштабистов, желавших служить в РККА, были составлены в делопроизводстве по службе Генерального штаба отдела 1-го генерал-квартирмейстера ГУГШ во второй половине апреля 1918 г.¹²⁶ Самый ранний датирован 17 апреля 1918 г. Для ориентировки бывших офицеров телеграммы с предложениями сообщать свои адреса предполагалось разослать во все столичные и провинциальные газеты через бюро печати¹²⁷. В дальнейшем учетная работа сосредоточилась в отделении по службе Генерального штаба оперативного управления ВГШ.

12 списков содержали сведения о 330 генштабистах или причисленных к Генеральному штабу. Учет не всегда велся тщательно и быстро, случались ошибки. Оперативное управление не могло поддерживать связь со всеми новыми формированиями, а назначения генштабистов часто в обход управления осуществлялись командирами без уведомления учетных органов. Подробные персональные сведения теперь стали в основном указываться в учетных карточках, частично сменивших прежние послужные списки и краткие записки о службе.

Задачей составителей списков было установить пожелания генштабистов в отношении назначений (в какие округа и на какие должности они стремились попасть), чтобы в дальнейшем предложить им соответствующие вакансии. Первые два списка получили военные руководители военных округов, районов и отрядов, а также представители ВВС¹²⁸. В штабах данные проверялись, отмечались неточности, вносились дополнения, согласовывались вопросы назначений,

сюда же присылались заявки на военспецов. Дополнения с мест активно шли в центр до августа 1918 г. После этого, видимо, централизованная система учета стала достаточно самостоятельной. Разумеется, эти списки еще нельзя рассматривать как перечень военспецов, служивших в РККА. Лишь в некоторых из них содержались сведения об уже получивших назначения, но, прежде всего, речь шла о пожеланиях.

Переход от добровольной к добровольно-принудительной регистрации был постепенным. Регистрация по постановлению ВВС № 8/8, принятому на заседании 11 июня 1918 г. и подписанному Л. Д. Троцким, Э. М. Склянским и В. А. Антоновым-Овсеенко, проводилась до 1 августа. В некоторых документах указывается на обязательный характер данной регистрации, касавшейся всех «лиц Генштаба»¹²⁹, однако это неверно: постановление начиналось со слова «предложить»¹³⁰. Опубликованное в газетах постановление гласило:

«1) Предложить в течение определенного, по возможности короткого срока всем служившим в Генеральном штабе лицам, не имеющим в настоящее время должностей, зарегистрироваться в оперативном отделе (в делопроизводстве по службе Генерального штаба) Всероссийского Главного штаба.

2) Все не зарегистрировавшиеся будут считаться не желающими продолжать далее службу и потому уволенными навсегда от службы в Генеральном штабе.

3) Из числа зарегистрировавшихся предлагать вакансии по мере их открытия; отказавшиеся от 2-х предложений считаются отказавшимися от дальнейшей службы в Генеральном штабе»¹³¹.

Главная угроза — увольнение навсегда от службы в Генштабе в случае не прохождения регистрации — в обстановке неизвестности, характерной для первой половины 1918 г., звучала весомо. Как видно из документа, допускалось не более двух отказов от предлагавшихся должностей, в противном случае генштабисты также подлежали увольнению.

Во исполнение этого постановления начальник ВГШ Н. Н. Стогов предлагал зарегистрироваться всем ранее служившим в Генштабе лицам, до сих пор не занимавшим должностей. Регистрация должна была осуществляться по месту жительства. Начальники штабов военных округов, управлений, инспекций формирования, штабов дивизий и отрядов были обязаны представить в оперативное управление ВГШ списки зарегистрированных лиц Генштаба, а также списки всех генштабистов, получивших назначения, и перечень вакантных должностей. Для не имевших назначений предлагалось сообщать фамилию, имя, отчество, прежний чин, год выпуска из академии и последнюю должность, подробный адрес и в примечании желаемую должность. Получившие назначения должны были указывать фами-

лию, имя, отчество, прежний чин, год выпуска из академии, занимаемую должность и размер месячного содержания¹³².

По мере заполнения вакансий предполагалось замещать должности не только полноценными генштабистами, но и причисленными к Генштабу с переводом их в Генштаб. До окончательного перехода к мобилизации генштабистов их некомплект оставался значительным (а ко времени перехода к новой системе многие уже бежали в антибольшевистский лагерь). В частности, в июле 1918 г. из 128 штатных должностей Генштаба в 20 штабах районов и отрядов завесы замещены были только 66. В некоторых штабах и управлениях некомплект доходил до 50–90% штатных должностей. К 24 июля 1918 г. зарегистрированных, но не получивших назначений насчитывалось только 18.

29 июля 1918 г. вышел декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 годов рождения на обязательную службу в РККА. Мобилизации проводились только в Москве, Петрограде и в семи губерниях — Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов.

Для организации призыва требовалась регистрация бывших офицеров, которая и начала незамедлительно осуществляться. В августе в Москве и Петрограде прошли массовые регистрации, сопровождавшиеся многочисленными арестами и ущемлением прав офицерства. Печально известна история регистрации офицеров, прошедшая в Москве в августе 1918 г. и организованная командующим Московским военным округом Н. И. Мураловым. Тогда тысячи офицеров (вплоть до 60-летних) оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев¹³³. Несчастные люди провели несколько дней с 6 по 13 августа 1918 г. без еды и в антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания¹³⁴. Задержанные не были обеспечены самым необходимым — кипяченой водой и кипятком, горячей пищей, соломой для того, чтобы на ней спать. Военный руководитель ВВС М. Д. Бонч-Бруевич писал начальнику ВГШ А. А. Свечину 14 августа 1918 г.: «Происходящая в Москве регистрация бывших офицеров с массовыми арестами, производя гнетущее впечатление на всю корпорацию бывшего командного состава, еще более ухудшает вопрос возможности добровольного поступления военных специалистов в войска»¹³⁵. Такой подход лишь способствовал оттоку офицеров из Советской России.

Летом 1918 г. датирован первый алфавитный список генштабистов новой армии, получивший название: «Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе в штабах отрядов, участков завесы

и Высшего военного совета». В этот список вошли данные на 92 человек, некоторые были вычеркнуты, имелись неточности и рукописные вставки. Список содержал сведения о фамилии, имени и отчестве, годе окончания академии и занимаемой должности и был подготовлен на основе присланных в ВГШ сведений¹³⁶.

На август 1918 г. некомплект генштабистов в штабах РККА оставался критическим. В войсках завесы, по данным В. Н. Егорьева, изложенным в письме председателю Высшей аттестационной комиссии от 13 августа 1918 г., не хватало 65 % сотрудников Генштаба. «И все это по той причине, — писал Егорьев, — что центральные и окружные управления не только отняли в свое время работников от фронта, но и интенсивно продолжают вычерпывать их в настоящем. А между тем на завесу возлагаются все новые и новые задачи...»¹³⁷ В штабе Восточного фронта имелось лишь четыре «лица Генштаба» и один слушатель, в штабе 1-й армии служили два слушателя, в штабе 2-й армии вообще не было ни одного генштабиста, в штабе 5-й армии насчитывалось семь слушателей. Боевым опытом обладали лишь четверо генштабистов, причем все они служили в штабе фронта. Главкомандующий Восточным фронтом И. И. Вацетис телеграфировал начальнику ВГШ А. А. Свечину 25 августа: «В опытных работниках на фронте ощущается острый недостаток, и вся работа держится на нескольких слушателях академии. Генштабистов [с] боевым опытом имеется всего четыре человека, которые все работают [в] штабе фронта, в армиях же таковых совершенно нет... Опытных генштабистов в армиях совершенно нет, отчего сильно страдает управление войсками, ибо его поневоле приходится отдавать в руки неопытных людей. Несмотря на мои многократные просьбы о командировании на фронт генштабистов, я не только не получаю таковых, но даже сформированные бригады и дивизии прибывают на фронт без своих штабов, которые почему-то остаются в тылу на местах, и войска здесь попадают под руководство совершенно чуждых им начальников. Убедительно прошу войти в тяжелое положение армий фронта и командировать достаточное число опытных генштабистов для работы во всех армиях по оперативным вопросам и по управлению войсками»¹³⁸.

Но Свечин ничего не мог предложить Вацетису в ответ. 12 сентября 1918 г. он телеграфировал в Арзамас: «Дальнейшее командирование лиц Генштаба [из] состава Все[ро]главштаба, увеличивая общий некомплект Генштаба некоторых управлений до шестидесяти процентов, доводит работу Генштаба этих управлений до полного напряжения и приведет к сокращению компетенции Все[ро]главштаба»¹³⁹. Требования Вацетиса, в случае их выполнения за счет работников ВГШ, вели к отправке четверти сотрудников на фронт, при том что и до этого некомплект генштабистов в отдельных управлениях был значительным. В частности, в оперативном управлении недо-

ставало 47 % таких специалистов¹⁴⁰. Из имевшихся двое сотрудников увольнялись, другие не могли или не желали переносить тяготы походной жизни.

Осенью 1918 г. в связи с переходом к массовой Красной армии учет генштабистов стал обязательным. 31 августа приказом Наркомвоена вводилась обязательная регистрация всех «лиц Генерального штаба»¹⁴¹. Для реализации этой меры все штабы и комиссариаты обязывались сообщать в ВГШ сведения обо всех «лицах Генерального штаба». ВГШ должен был в свою очередь составить список генштабистов, не занявших к 15 сентября должностей, чтобы отдать приказ об их отчислении от Генштаба. Судя по всему, такой приказ в итоге не последовал. В общей сложности к ноябрю было составлено 17 списков бывших генштабистов.

Острейшая нехватка лиц с высшим военным образованием, необходимых для развертывания многомиллионной Красной армии, привела к постановке на учет не только полноценных генштабистов, но и выпускников академии, окончивших ее без причисления к Генеральному штабу, по второму разряду или даже прослушавших неполный курс. Впрочем, такие военспецы начали фиксироваться в списках не сразу.

1 октября 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет. Среди прочего декрет предписывал призвать на действительную военную службу «бывших офицеров и военных чиновников, получивших высшее военное образование, в том числе и окончивших высшие военно-учебные заведения по 2-му разряду, а также прослушавших два первых курса, но не окончивших их вследствие войны... От явки по призыву никто не освобождается, кроме: а) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки) и одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке и удостоверенными надлежащими медицинскими свидетельствами, б) состоящих на службе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам»¹⁴². Таким образом, планировался массовый призыв всех лиц с высшим военным образованием, находившихся на территории Советской России, и даже тех, кто не смог пройти весь курс. Списки собирались к 15 октября 1918 г.¹⁴³ Уклонисты подлежали суду революционного трибунала.

14 ноября 1918 г. было издано постановление РВСР о призыве всех бывших офицеров, не достигших к 1 января 1918 г. 40-летнего возраста¹⁴⁴. Генштабисты попадали и под действие других мобилизационных документов: приказа РВСР № 4 от 11 сентября 1918 г. о призыве бывших офицеров 1890–1897 годов рождения; приказа РВСР № 275 от 23 ноября 1918 г. о призыве с 25 ноября по 15 декабря

на военную службу бывших обер-офицеров до 50 лет, бывших штаб-офицеров до 55 лет и бывших генералов до 60 лет; постановления Совета Рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 г. о призыве бывших офицеров из высших учебных заведений, в том числе учившихся, но не призванных или получивших отсрочки; постановления Совета Рабоче-крестьянской обороны от 3 марта 1919 г. о призыве окончивших интендантскую академию; постановления Совета Рабоче-крестьянской обороны от 29 апреля 1919 г. о призыве бывших офицеров ранее призванных возрастов, возвращавшихся из плена¹⁴⁵. Таким образом, выпускникам академии уже нельзя было на законном основании уклониться от службы в РККА, а немногочисленные исключения лишь подтверждали правило. Эти меры дали Красной армии свыше 50 000 военспецов, а также 9 000 лиц административно-хозяйственного состава¹⁴⁶.

Быстро организовать учет всех категорий выпускников академии не удалось. Многие второразрядники в 1918–1919 гг. состояли на службе, но не проходили ни по одному из известных списков «лиц Генштаба». Только к 1920 г. учет охватил все категории бывших офицеров, имевших хоть какое-нибудь отношение к академии.

Регистрация «лиц Генштаба», издание приказов по кадрам Генштаба, укомплектование ими полевых штабов действующей армии и издание списков Генштаба РККА были важнейшими задачами отделения по службе Генерального штаба оперативного (позднее — организационного) управления ВГШ. Проблема заключалась в том, что если назначения шли через оперативное управление ВГШ, данные о них имелись в наличии, если же назначения производились другими инстанциями, этих данных могло не сохраниться¹⁴⁷.

В материалах по инспектированию ВГШ в конце 1918 г. отмечено: «Обстановка оказалась обставленной столь тяжелыми условиями, что со стороны отделения по службе Генерального штаба понадобилось напряжение до крайности всех сил, чтобы постепенно достигать правильного течения в сфере, затрагивающей службу Генерального штаба.

Так, например, вопрос об регистрации, казалось бы, простой по существу, стал сложным до такой степени, что вызвал ряд докладов, постоянных вопросов и привел к приказу Реввоенсовета об однодневной переписи лиц Генштаба за ответственностью лиц и учреждений.

Требование положительных военных познаний и большого такта от начальника отделения обуславливают, и тем более при настоящей обстановке, желательность непрерывности в его работе.

Эта работа становится тем более сложной в настоящее время постоянных формирований: необходимо твердое знание военного механизма, ясное понимание взаимоотношений командных инстанций, знакомство со служебными и общими качествами многих лиц,

чтобы соответственным подбором обеспечить наилучший успех назначений.

Кроме того, отделению приходится вести весь учет и тех, кои кончили академию, но не служили в Генеральном штабе.

Громадный спрос на военных специалистов и все разнообразие военных условий требуют крайне напряженного внимания по сильному удовлетворению запросов»¹⁴⁸.

Идея однодневной регистрации родилась не от хорошей жизни, став крайней мерой в условиях невозможности быстро собрать сведения иными способами. Предполагалось провести перепись к 1 ноября 1918 г. под угрозой сурового наказания военного времени¹⁴⁹.

В записке о «лицах Генштаба», подготовленной отделением по службе Генштаба оперативного управления ВГШ и датированной 30 октября 1918 г., отмечалось: «По мере новых формирований армий растет потребность в лицах Генерального штаба. Особенно большую потребность предъявляют формирования на фронтах. С требованиями о командировании обращаются в оперативное управление, но последнее не в состоянии удовлетворить полностью эти требования. Причиной этого является, во-первых, очень ограниченное количество лиц Генерального штаба, оставшихся в пределах Республики, во-вторых, оставление по особым ходатайствам лиц Генерального штаба на должностях не Генерального штаба и, в-третьих, в особенности, неудовлетворительная регистрация.

Первая причина неустранима.

Вторую можно было бы устранить лишь установлением штатов должностей, кои должны быть замещаемы лицами Генерального штаба. Вне этих должностей лица Генерального штаба не должны быть назначаемы.

Что же касается третьей причины, то для устранения ее оперативным управлением с первых же дней воссоздания новой армии были приняты все меры к зарегистрированию всех лиц Генерального штаба.

Регистрация эта шла очень медленно, т. к. оперативное управление не имело возможности планомерно держать связь со всеми вновь формируемыми частями, учреждениями и, главное, назначения лиц Генерального штаба на различные должности проводились не через оперативное управление, а непосредственно лицами, стоящими во главе организуемой части или учреждения. При этом организаторы эти не считали нужным уведомлять оперативное управление о назначении лиц Генерального штаба. Таким образом, вести правильно регистрацию и учет лиц Генерального штаба

¹⁴⁸ В документе: *проводилось*.

оперативное управление не могло совершенно, приходилось путем расспросов и частных разговоров и сведений составлять не всегда верные списки.

Из случайных переписок приходится узнавать, что в некоторых штабах содержатся лишние лица, сверх штата, такие есть еще на должностях, ничего общего не имеющих не только с Генеральным штабом, но даже и с военным ведомством.

Дабы положить этому предел и иметь точные сведения о всех лицах Генерального штаба и должностях, ими занимаемых, необходимо произвести однодневную перепись всех лиц Генерального штаба...»¹⁵⁰

Судя по всему, к 1 ноября никакой переписи генштабистов организовать не удалось. Однако в это время наблюдается ужесточение требований к регистрации военспецов. Не случайно 13 ноября появился приказ РВСР № 208 за подписью Л. Д. Троцкого, И. И. Вацетиса и Э. М. Склянского, гласивший: «1) Всем частям войск, штабам, управлениям, учреждениям, заведениям и комиссариатам, в коих к 10-му ноября сего года состояли на службе или на учете лица Генерального штаба и окончившие академию Генерального штаба, но не переведенные в Генеральный штаб, донести по телеграфу в оперативное управление Всероссийского Главного штаба (Москва, Арбат, 37).

В донесении, сославшись на номер настоящего приказа, указать имя, отчество, фамилию и занимаемую должность. Про должность указать, штатная ли она для Генерального штаба или нет.

2) Все лица Генерального штаба обязаны лично удостовериться, что о них донесение сделано.

3) Лица Генерального штаба, не зарегистрировавшиеся по настоящему приказу, а равно и должностные лица, не донесшие о состоящих у них лиц[ах] Генерального штаба или донесшие неправильно, будут, невзирая на положение, ими занимаемое, подвержены строжайшим наказаниям военного времени.

4) Приказ этот подлежит исполнению по телеграфу»¹⁵¹.

Местные органы не отставали от центра. В одном из приказов Реввоенсовета (РВС) Северного фронта в ноябре 1918 г. было отмечено: «В целях соответственного использования лиц, получивших в свое время за счет государства (какого именно государства, в документе дипломатично не уточнялось. — А. Г.) основательную военную подготовку, предписывается всем бывшим офицерам, окончившим академию Генерального штаба по 2-му разряду, немедленно зарегистрироваться... Не зарегистрировавшиеся в недельный срок со дня опубликования настоящего приказа подлежат ответственности по законам военного времени»¹⁵². Таким образом, суровые меры были распространены и на второразрядников.

Проводившиеся сверху суровые распоряжения неизбежно смягчались при исполнении в силу того, что работой по регистрации

генштабистов в РККА в центре и на местах руководили сами же генштабисты. В частности, отделение по службе Генштаба оперативного управления ВГШ возглавляли бывшие Генштаба полковники С. Д. Харламов и А. С. Белой, подполковник Ф. П. Шафалович.

К 28 ноября 1918 г. был подготовлен список зарегистрированных отделением по службе Генерального штаба с 17 апреля 1918 г. — за все время проведения регистрации¹⁵³. Фактически этот список является первым полным списком выпускников академии, поступивших на службу красным. Всего в нем 486 человек, в том числе 352 довоенных выпускника (включая двоих умерших) и 134 курсовика, хотя многие из учтенных уже находились у белых.

Насущная необходимость требовала постоянного учета генштабистов и тщательного отслеживания изменений в их составе, поэтому велась работа по совершенствованию системы учета. Постепенно выстраивалась сложная, но жизнеспособная и эффективная система регистрации. Списки «лиц Генштаба» составлялись не только в центре, но и на местах. На штабы фронтов в 1919 г. возлагалась обязанность докладывать о состоянии «лиц Генштаба» ежемесячно¹⁵⁴. Для вновь зарегистрированных указывалась последняя должность в старой армии. Помимо фронтовых штабов регистрация на местах велась через отделы по личному составу административных управлений штабов военных округов, которые получали сведения от учетных отделов губвоенкоматов, губернских и уездных комиссаров по военным делам. Сведения о зарегистрированных периодически сообщались в центр¹⁵⁵.

Перемещением «лиц Генштаба» в действующей армии ведал Полевой штаб РВСР, который для пополнения этих лиц давал наряды ВГШ¹⁵⁶. Однако нередко случались накладки, например, назначения одних и тех же лиц на различные должности либо назначения не по специальности.

Вопрос о недостатках учета и распределения генштабистов поднимался на заседании РВСР 2 декабря 1918 г. В телеграмме РВСР от того же числа, направленной в Кремль, в Совет обороны и в ВГШ, отмечалось: «Реввоенсовет республики снова констатирует крайний недостаток лиц командного состава, особенно на более высокие командные посты, как командиров бригад, дивизий и прочие. Между тем в советских учреждениях сплошь да рядом на различных канцелярских постах заседают кадровые офицеры, и в том числе офицеры Генерального штаба. Представляется совершенно неотложным принять экстренные меры по мобилизации всех лиц, пригодных к занятию командных должностей, с передачей их в Революционный военный совет республики...»¹⁵⁷ Спустя пять дней появился декрет СНК «О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров», согласно которому в правительственных учреждении-

ях и управлениях могли оставаться на службе не более 10 % призываемых бывших офицеров¹⁵⁸.

Замещение вакантных должностей осуществлялось через перемещение более молодых «лиц Генштаба» из тыловых учреждений и управлений на фронты с заменой их лицами, не могущими по возрасту или состоянию здоровья нести полевую службу. По исчерпанию этого источника укомплектование предполагалось осуществлять за счет выпускников открывшейся в конце 1918 г. академии Генштаба РККА.

Параллельный ВГШ учет генштабистов велся в общем отделении оперативного управления Полевого штаба РВСР. Курсовик бывший капитан И. Д. Моденов, ставший начальником отделения, писал 24 ноября 1918 г. в докладе по поводу списков Генштаба: «В принятых от Высшего военного совета делах списки и сведения о лицах Генерального штаба значительно устарели; многих сведений по армиям и округам совершенно не имеется: списков лиц, состоящих в центральных учреждениях, не имеется; дела не систематизированы. В данное время весь имеющийся скромный материал систематизирован и дополняется из текущей переписки и из списков, имеющихся в организационно-учетном отделении; затребованы списки генштабов [генштабистов] из штабов фронтов, Всероссийского Главного штаба и штабов округов и состоящих в их ведении военных организаций и учреждений* и установлены срочные донесения к 1-му числу каждого месяца. Списки командного состава и комиссаров совершенно не велись. Затребованы списки из фронтов, Главного штаба и округов и установлены срочные донесения к 1-му числу каждого месяца. Все поступающие списки генштабов, командного состава и комиссаров будут заноситься в отдельные книги с разделением по фронтам и округам. По имеющемуся материалу... считаю, что общему отделению приходится создавать всю работу вновь...»¹⁵⁹

Учетная работа продолжалась и в ВГШ. К 15 июля 1919 г. ВГШ выпустил общий список «лиц Генштаба» РККА¹⁶⁰. В нем в алфавитном порядке указаны 417 человек, в том числе 288 генштабистов выпуска до 1914 г. включительно, 98 курсовиков и 31 окончивший неполный курс (в связи с началом Первой мировой войны или иными причинами) академии или окончивший ее неудачно. Этот список был точнее аналогичного, подготовленного в Полевом штабе РВСР также к 15 июля. Приводились данные о прежнем чине, выпуске из академии, годе рождения, занимаемой должности и подробные сведения о прежней службе. В списке значатся 178 бывших генералов (9 полных генералов, 42 генерал-лейтенанта и 127 генерал-майоров), 130 штаб-офицеров и 109 обер-офицеров. На фронте находи-

лись 37 генералов (21 % от этой категории), 54 штаб-офицера (41 %) и 65 обер-офицеров (60 %), остальные служили в тылу¹⁶¹.

Определенную роль в направлении генштабистов на службу сыграли и Особые комиссии по учету бывших офицеров, функционировавшие при РВСР в 1919–1920 гг.¹⁶² По этой линии на фронт был направлен бывший генерал А. М. Зайончковский¹⁶³, ранее занимавшийся архивной работой¹⁶⁴.

Сложности в учете кадров сохранялись и в 1919 г. Некоторые генштабисты безуспешно разыскивались на протяжении длительного времени. Фронты и армии не всегда в срок сообщали о перемещениях, а ВГШ и Полевой штаб, в свою очередь, не посылали в срок аналогичные данные на фронты¹⁶⁵. Непросто было выявить выпускников академии, служивших не в военном ведомстве (до февраля 1919 г. такой работы не велось¹⁶⁶) или вообще не учтенных ранее.

Особой проблемой стал учет перебежчиков, поскольку данные о них нередко поступали со значительным опозданием. В поисках участвовало регистрационное управление Полевого штаба. Как правило, инициатива в поиске перебежчиков исходила от Полевого штаба РВСР, тогда как ВГШ обычно такой инициативы не проявлял. В данном вопросе полномочия между Полевым штабом РВСР и ВГШ недостаточно четко разделялись. Первый занимался перемещением «лиц Генштаба», а второй — их учетом, что нередко вело к несогласованности, дублированию работы и ведомственным противоречиям. Нельзя полностью исключать, что ВГШ покрывал перебежчиков (учетом генштабистов там долгое время ведал бывший генерал С. А. Кузнецов, расстрелянный по делу «Национального центра»), однако это лишь предположение.

На 23 июля 1920 г. в отделении по службе Генштаба ВГШ были учтены 377 специалистов, 173 из которых значились в подчинении ВГШ и 204 — в подчинении Полевого штаба РВСР¹⁶⁷.

Списки издавались регулярно. Еще один общий список, составленный отчетным отделом организационного управления ВГШ, относится к 7 августа 1920 г. Издание продолжало линию ВГШ на выпуск детальных списков, тогда как Полевой штаб издавал краткие. В списке указаны 407 человек, в том числе 282 генштабиста, 88 курсовиков, 36 прослушавших неполный курс или неудачно окончивших и не учившийся в академии М. Н. Тухачевский¹⁶⁸.

С 10 августа 1922 г. генштабистов в РККА стали именовать лицами с высшим общим военным образованием, а с 23 ноября 1923 г. — лицами с высшим военным образованием. Учет всех лиц с таким образованием, а также переведенных и причисленных к Генштабу был сосредоточен в Штабе РККА. Привлекая на службу генштабистов, большевики вели тщательный учет и пленным белым, и тем, кто окончил академию неудачно, и даже тем, кто недоучился. Иногда эта

* В документе несогласованно: *организациях и учреждениях.*

ситуация доходила до абсурда, когда в качестве специалистов Генштаба учитывались лица, обучение которых в академии ограничивалось лишь несколькими неделями.

В 1922 г. управлением по командному составу Штаба РККА был подготовлен новый «Список лиц с высшим общим военным образованием» по данным на 1 августа 1922 г., содержащий сведения о 582 специалистах. Среди них 271 полноценный генштабист выпуска до 1914 г. включительно, 103 окончивших академию неудачно или прослушавших курс не в полном объеме (73 по второму разряду (в том числе два класса), по первому разряду, но без причисления, или два класса по первому разряду, три представителя выпуска 1915 г. и 27 причисленных к Генштабу в 1911 и в 1914–1915 гг.), 86 курсовиков, 99 выпускников красной академии выпуска 1921 г., 22 переведенных и причисленных к Генштабу приказами РВСР, в том числе без обучения в академии, и один причисленный приказом ВГШ.

Одним из наиболее объемных списков Генштаба стал «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии», содержащий сведения на 1 марта 1923 г. Этот список был издан отдельной книгой. В издании указаны 698 человек. Среди них 284 офицера Генерального штаба, 92 слушателя и выпускника академии, окончивших два класса либо полный курс по первому и второму разрядам и не причисленных к Генштабу, 97 слушателей и выпускников ускоренных курсов 1916–1918 гг., 221 выпускник военной академии РККА (93 — выпуска 1921 г. и 128 — 1922 г.), а также четверо переведенных в Генштаб без окончания академии (М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, А. И. Егоров, И. П. Уборевич)¹⁶⁹. По некоторым данным, в список включены 93 генштабиста, вступивших в РККА после службы в Белой или национальных армиях¹⁷⁰, т. е. либо те «лица Генштаба», которые попали в плен в ходе Гражданской войны и затем поступили на службу в РККА (например, А. Г. Лигнау¹⁷¹), либо офицеры, которые вернулись в начале 1920-х гг. из эмиграции, но прежде состояли на службе в антибольшевистских армиях (например, Я. А. Слэцов¹⁷²).

Массовость поступления бывших офицеров Генерального штаба в Красную армию производила на современников неизгладимое впечатление. Журналист Г. В. Немирович-Данченко в 1922 г. в Берлине писал о 75 % бывших офицеров Генштаба, служивших большевикам¹⁷³. Подобные оценки разделяли и генштабисты, стоявшие в руководстве Белого движения. Так, генерал А. И. Деникин отмечал, что особенно широко у красных был представлен Генеральный штаб¹⁷⁴. Журналист А. А. Валентинов в штабе П. Н. Врангеля 30 мая (12 июня) 1920 г. узнал, что красным служат свыше 80 % генштабистов¹⁷⁵. Разумеется, эти данные — значительное преувеличение.

Неудачи и поражения белым было проще объяснить более значительным, чем у них, представительством генштабистов в Красной армии¹⁷⁶, чем собственными просчетами. Подобное преувеличение напрямую свидетельствует о том, что руководство белых к концу Гражданской войны начало бояться Красной армии.

В РККА служили и выпускники иностранных военных академий. В Иркутске служил австрийский генштабист Ганс Димма¹⁷⁷. Французскую академию окончил П. Н. Рябов. В 1919 г. на Севере подвизался капитан Генштаба французской и итальянской армий Артур Цироне¹⁷⁸. По данным на ноябрь 1919 — январь 1921 г., в РККА служил выпускник румынской военной академии (выпуск 1915 г.) капитан Ромиро (Владимир) Иванович Попович. В 1920–1921 гг. в РККА числился германский генштабист подполковник (по другим документам — полковник) Иван Иванович Лелль (Делль)¹⁷⁹. Судьбы этих «ландскнехтов» в России не всегда складывались благополучно. В частности, Цироне и Лелля арестовали. Таких людей, как правило, не регистрировали как специалистов Генштаба, видимо, потому что старые военспецы, ведавшие кадровым учетом, не считали иностранцев подходящим ресурсом.

Несмотря на тщательный учет, далеко не все генштабисты служили по специальности. Некоторые должности необычны. Если в начале Гражданской войны, когда учет кадров Генштаба только налаживался, это было простительно, то позднее выглядело уже курьезом. Так, бывший капитан С. А. Пугачев в первой половине 1918 г. работал помощником кассира Сызрано-Вяземской железной дороги¹⁸⁰. Бывший полковник А. А. Постников по данным на июль 1919 г. командовал 2-й Мариинской сводной бригадой судоохраны и, судя по всему, занимался охраной речных судов в советском тылу, на Мариинской водной системе. Бывший подполковник П. Н. Аршеневский и вовсе работал в театре, при том что с 1919 г. состоял на учете¹⁸¹.

Учет кадров Генштаба, организованный в РСФСР, отличался высокой тщательностью, что свидетельствует о лучшей организации делопроизводства в сравнении с противниками большевиков. В Советской России существовали два параллельных органа учета кадров Генштаба в ВГШ и в Полевом штабе РВСР. Подготовленные этими органами списки дополняли и уточняли друг друга. Уже к 1919 г. учет кадров Генштаба вышел по своей основательности на дореволюционный уровень, учитывались как полноценные генштабисты, так и те, кто окончил академию неудачно. Качественно поставленный учет позволял проводить эффективные кадровые решения с учетом опыта и квалификации генштабистов.

У кого больше?

Добровольческий принцип комплектования дал Красной армии незначительное количество бывших офицеров. Набор значительно возрос с переходом к принудительным мобилизациям. К сентябрю 1918 г. было призвано 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября 1918 г. дали РККА к 7 октября 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врачей, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника¹⁸².

Численность военспецов возросла лишь к концу 1918 г., так как только 23 ноября 1918 г. РВСР издал приказ № 275 о призыве с 25 ноября по 15 декабря всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет, что дало новой армии свыше 50 000 военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава¹⁸³.

В данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии есть существенные разночтения. В официальных отчетах отмечалось, что в 1918 г. в РККА поступили 23,9 тысячи офицеров и чиновников, в 1919 г. — 80 тысяч и в 1920 г. — 18,4 тысячи¹⁸⁴. Итого 122,3 тысячи человек. Военные чиновники, по документам учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, составляли до трети от общего числа зарегистрированных¹⁸⁵. Однако для Гражданской войны характерно другое соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, из 122,3 тысячи офицеров и чиновников бывших офицеров могло быть около 108 тысяч. Но, возможно, в эту статистику включены и унтер-офицеры. По другим данным, с марта 1918 по 15 июня 1920 г. на укомплектование армии комсоставом было направлено 154 923 человека, в том числе 22 869 красных командиров¹⁸⁶. Остальные, т. е. 132 054 человека, представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 тысяч человек). За вычетом унтер-офицеров остается около 110 тысяч человек. Одних бывших офицеров могло быть порядка 98 тысяч.

На чьей же стороне оказалось русское офицерство? В исторической литературе не сложилось единого взгляда на этот вопрос. Причины кроются как в отсутствии достаточной источниковой базы для расчетов в связи с многочисленностью офицерства, так и в идеологических пристрастиях исследователей.

По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, с учетом пленных белых офицеров общая численность военных специалистов РККА оценивается в 75–78 тысяч человек, или около 30 % офицерского корпуса, на осень

1917 г., в том числе свыше 65 тысяч офицеров военного времени¹⁸⁷. По мнению С. В. Волкова, в 75 тысяч военных специалистов должны быть включены и военные чиновники¹⁸⁸. Волков занижает численность военных специалистов РККА и завышает этот показатель по белым армиям, но его рассуждения содержат внутреннее противоречие, поскольку он также отмечает, что в РККА могло служить не более 68 тысяч офицеров, или что их было примерно 50 тысяч (так как в состав 75 тысяч военспецов якобы входят еще 24 тысячи врачей и военных чиновников), или же что офицеров было только 55–58 тысяч¹⁸⁹.

Кавтарадзе предположил, что в антибольшевистских армиях могло служить 40 % офицерства и остающиеся 30 % уклонились от участия в войне или погибли¹⁹⁰. По оценке Волкова, во многом следующего за Кавтарадзе, но пытающегося оспаривать его данные, за период Гражданской войны погибли 85–90 тысяч офицеров, тогда как 28–30 тысяч, или 10 %, уклонились от участия в Гражданской войне (по предположению Волкова, две трети из них были репрессированы), в национальные армии перешли до 15 тысяч, или 5–6 % (по нашим подсчетам, значительно больше), а в Белом движении участвовали порядка 170 тысяч (проверка расчетов Волкова по его же материалам дает около 160 тысяч), или 62 % офицеров; Красной армии Волков отводит лишь 55–58 тысяч офицеров, или 19–20 %, из которых до 10 тысяч человек погибли. Около 70 тысяч офицеров, по его мнению, эмигрировали, 85–90 тысяч погибли, а 110 тысяч остались в Советской России¹⁹¹. Разумеется, эти подсчеты весьма приблизительны и не учитывают, например, такой значимый фактор, как переходы офицеров из армии в армию, когда один офицер сменял за Гражданскую войну несколько враждующих армий, что вовсе не было редкостью.

С учетом потерь, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могло пройти больше офицеров, чем считал Кавтарадзе, предположительно около 100 тысяч человек, что подтверждают представленные выше архивные статистические данные. Через белые армии могли пройти от 110 до 130 тысяч офицеров¹⁹², и до 30 тысяч офицеров прошли через национальные армии. Немалая часть офицеров каждого лагеря перетекали в остальные в качестве пленных и перебежчиков, поэтому дать окончательный ответ на соотношение офицеров в противоборствующих лагерях затруднительно.

Применительно к «академикам» от выпуска к выпуску картина могла различаться. Это отчетливо видно на примере последнего предвоенного выпуска академии 1914 г. На дополнительном курсе в 1913/14 г. учились 86 офицеров, включая пятерых офицеров болгарской службы. Четверо болгар вернулись на родину, один остался в России. Следы 12 офицеров затерялись, однако судьбы 70 человек проследить удалось. Не все окончили академию благополучно.

18 марта 1915 г. император повелел перевести в Генеральный штаб только 61 офицера выпуска 1914 г.¹⁹³ В период Первой мировой погибли четыре выпускника. Не менее 64 человек приняли участие в Гражданской войне. Как минимум двое офицеров от участия в ней уклонились — их следы обнаруживаются уже в эмиграции.

Выпуск дал много офицеров в белые и в украинские армии. У белых, а также в белом подполье на советской территории состояли 53 офицера (83 % участвовавших в Гражданской войне), через службу в Красной армии прошли 27 (42,2 %), в украинских формированиях оказались 17 человек (26,6 %), двое прошли через другие национальные армии. Подсчет по местам службы (армиям) дает следующие результаты: 64 выпускника, чье участие в Гражданской войне известно по документам, прошли через 99 мест службы. На белые армии приходится 53,5 % всех мест службы, пройденных этой группой офицеров, на Красную армию — 27,3 %, на украинские армии — 17,2 % и на прочие национальные армии — 2 %. Не менее 36 офицеров выпуска умерли в эмиграции. 11 человек были расстреляны или умерли в заключении. Умерли в СССР своей смертью только четверо. Судьбы остальных еще предстоит установить¹⁹⁴.

Распределение генштабистов отличалось от распределения всей офицерской массы. Во-первых, генштабисты в большей степени концентрировались в центре, в крупных городах и в штабах, т. е. на подконтрольных большевикам территориях, тогда как офицерство вообще было разбросано по стране. Соответственно, в силу обстоятельств генштабисты с большей вероятностью могли оказаться у красных. Во-вторых, из удаленных от передовой штабов было сложнее бежать к белым (тем не менее переходы на сторону противника являлись обычной практикой). В-третьих, офицерам военного времени, обладавшим гражданскими специальностями и не связывавшим свою жизнь с военной службой, было проще уклониться от военной службы, чем не имевшим другой профессии, находившимся на виду и высоко ценившимся всеми воюющими сторонами кадровым офицерам-генштабистам. В этой связи при общих расчетах процент уклонившихся от участия в Гражданской войне офицеров должен быть существенно выше процента уклонившихся среди военной элиты. В-четвертых, белые генштабисты, попадая в плен к красным, из-за нехватки высококвалифицированных кадров, как правило, зачислялись в РККА, тогда как белые офицеры без высшего образования попадали в Красную армию намного реже. Следовательно, процент генштабистов, служивших в антибольшевистских армиях, будет ближе к проценту офицеров всех категорий, участвовавших в борьбе с большевиками, чем аналогичный процент генштабистов Красной армии к общему проценту военспецов.

Автором этих строк составлена и на протяжении многих лет совершенствуется база данных по всем выпускникам и слушателям ста-

рой академии, принимавшим участие в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. Удалось установить, что в Гражданской войне так или иначе участвовали не менее 2837 выпускников и слушателей старой академии, включая ускоренные курсы периода 1916–1919 гг. Точные данные о годе выпуска 68 из них неизвестны, не менее 1813 являлись выпускниками и слушателями довоенной академии (часть выпускников ускоренных курсов (курсовиков) также окончили младший класс академии еще в мирное время, но они для упрощения расчетов отнесены нами к выпускникам ускоренных курсов). Выпускников и слушателей ускоренных курсов академии среди участников Гражданской войны оказалось не менее 956, в том числе 177 обучавшихся в 1919 г. в Томске.

Каким же был раскол Генштаба в процентных величинах? Точные расчеты осложняет то обстоятельство, что немало генштабистов успели послужить в нескольких противоборствующих лагерях. Чтобы установить относительно точные данные, целесообразно вести подсчет по местам службы офицеров. При таком подсчете РККА составляет 39,7 % всех мест службы генштабистов, Южный фронт белых — 27,2 %, Восточный фронт белых — 16,1 %, украинские армии — 10,7 %, Северо-Западный фронт белых — 0,8 %, Северный фронт белых — 0,7 %, прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне антибольшевистских фронтов — 1,6 %, прочие (кроме украинской) национальные армии — 3,1 %.

Расчет процентного соотношения только по выпускникам довоенной академии дает в РККА 38,1 %, у белых на Южном фронте — 32,9 %, на Восточном — 9,1 %, на Северо-Западном и Северном — по 0,9 %, в прочих формированиях — 2,3 %, в украинских армиях — 12,6 %, в прочих национальных армиях — 3,2 %. Таким образом, примерно 46,1 % мест службы выпускников старой академии принадлежали белым армиям, 15,8 % — национальным армиям и 38,1 % — Красной армии. Для оценки взглядов генштабистов и корпоративного единства показательно, что выбор довоенных выпускников академии мало отличался от выбора курсовиков.

Суммарно белые фронты составляли 46,4 % мест службы, превосходя соответствующий показатель в 39,7 % у красных. Таким образом, через ряды белых армий прошло несколько больше выпускников и слушателей академии, чем через Красную армию. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой академии, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее и оказалась у красных. Однако некоторое превосходство в количестве выпускников академии не принесло белым победы. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба (60,2 % мест службы при сложении

данных по белым и национальным армиям) и стали одним из факторов, приведших их к поражению.

Национальные армии составляли 13,8% мест службы «академиков». Столь высокий показатель достигнут исключительно за счет гетманской армии П. П. Скоропадского, которая считалась украинской национальной лишь формально и приняла в свои ряды буквально сотни выпускников академии. За вычетом этих данных процент выпускников академии в национальных формированиях остается крайне незначительным.

По формальному критерию службы только в одной армии можно сказать, что не менее 54% прошедших через РККА служили новой власти честно. То же касалось 52% служивших на белом Юге, 48,3% служивших на Севере, 45,2% служивших на Северо-Западе, 38,1% служивших у белых на Восточном фронте и только 22,1% прошедших украинские формирования. Таким образом, красные, наряду с белым Югом, занимают лидирующее положение по процентному соотношению верно служивших им выпускников академии (не служивших в других армиях).

Полученные данные свидетельствуют, что основной раскол в среде выпускников академии произошел между красными и белыми. Наиболее насыщенным кадрами Генштаба был Южный антибольшевистский фронт, затем — Восточный, примерно равное количество «академиков» оказалось в антибольшевистских формированиях на Севере и Северо-Западе, хотя на Северо-Западе данный показатель несколько выше, что связано и с большей значимостью этого фронта. Национальные армии за исключением украинских формирований гетманского периода насчитывали незначительное количество генштабистов.

Раскол общества в период революционных потрясений не мог затронуть корпус офицеров Генерального штаба. Истоки раскола военной элиты следует искать в событиях Первой мировой войны и 1917 г. Офицеры-генштабисты, не обладавшие политическим кругозором, оказались перед трудным выбором — с кем быть в условиях развала страны и армии. В обстановке неопределенности многие продолжали по инерции служить на прежних местах, некоторые заняли выжидательную позицию. Активный идейный выбор в пользу каждого из лагерей был уделом меньшинства. В целом военная элита разделилась на три враждебные части — красных, белых и сторонников национальных государств. Четвертая ее часть не являлась кому-либо враждебной, а представляла собой офицеров, уклонявшихся от Гражданской войны. Причины размежевания офицеров и их перехода в тот или иной лагерь были во многом схожими, хотя и имели свои особенности.

Кадровое офицерство традиционно воспринимало себя в роли носителя государственного начала. Не случайно многие предста-

вители военной элиты остро переживали революционные события и воспринимали их как угрозу гибели страны. Такое восприятие способствовало активному идейному выбору государственно мыслящих офицеров, поддерживавших прежде всего красных или белых.

Катализатором притока генштабистов в Красную армию стала защита Советской России от германского наступления в феврале — марте 1918 г. Тогда к большевикам примкнули десятки офицеров Генштаба. Последующий период развития Красной армии отмечен началом процесса учета кадров Генерального штаба. Привлечение генштабистов в РККА первоначально базировалось на принципе добровольности, летом 1918 г. на добровольно-принудительных началах и уже с осени 1918 г. стало принудительным.

Свою роль в выборе играли корпоративные связи генштабистов, прежняя служба, карьерные устремления. Социальное происхождение, как правило, большого значения не имело, так как во всех лагерях среди бывших офицеров были как представители титулованной знати, так и выходцы из низов. Подкрепляется это примерами расколотых семей генштабистов, в которых братья, пошедшие в разные армии, явно обладали схожим уровнем подготовки и мировоззрением. Таким образом, генштабисты примерно равной квалификации и похожих взглядов оказались в каждом лагере, несомненно, способствовало затягиванию и расширению масштабов Гражданской войны.

В системах учета кадров уже проявились особенности организации противоборствующих сторон. Так, наиболее качественные и развитые системы учета генштабистов возникли в Советской России. Антибольшевистский лагерь ничем похожим похвастаться не мог. Между тем от эффективности учета зависела и эффективность использования кадров Генштаба.

Анализ списков Генерального штаба, выявление биографических сведений обо всех выпускниках академии, принимавших участие в Гражданской войне, учет всех их перемещений позволили прийти к выводу о том, что распределение элиты было примерно равным между красными и белыми с некоторым перевесом в пользу белых, обусловленным вполне естественным стремлением к ним значительной части генштабистов в связи с традиционным жизненным и служебным укладом офицерства белых армий, заимствованным почти без изменений из старой армии.

Около 40% генштабистов оказались в Красной армии, однако для многомиллионной Красной армии наличных генштабистов не хватало. Столь высокий процент ушедших к большевикам позволял им пусть по минимуму, но все же обеспечить свою армию штабными работниками. В отличие от их противников большевики проявили значительную гибкость во имя конечного результата — победы.

Они привлекали на службу не только патентованных генштабистов, но и неудачно окончивших академию, достаточно демократично относились к привлечению на службу пленных белых генштабистов и даже тех, что прошли подготовку во враждебном лагере. В итоге превосходство антибольшевистских армий в кадрах Генштаба не сыграло особой роли по причине единства советского лагеря и разрозненности его врагов, а также в связи с более эффективной и ориентированной на результат кадровой политикой красных.

ГЛАВА ВТОРАЯ

**«Реввоенсовет
нас в бой зовет»
(служба)**

Отцы-основатели РККА

Отцами-основателями Красной армии были три военных специалиста — главкомы и бывшие полковники И. И. Вацетис и С. С. Каменев, а также военный руководитель ВВС бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич. Все они являлись по меркам своего времени высокообразованными офицерами, обладали академическим образованием и являлись выпускниками Николаевской академии. Все трое тогда были беспартийными и таковыми, за исключением Каменева, остались до конца жизни. С деятельностью каждого из них связан целый период истории советских вооруженных сил эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Однако, как нередко бывает, взаимоотношения создателей РККА не отличались теплотой, что так или иначе влияло и на вопросы военного строительства.

Одним из первых генералов, пошедших на службу большевикам, был Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (24.02.1870–03.08.1956), родной брат которого Владимир являлся давним сподвижником В. И. Ленина¹, а после прихода большевиков к власти занял важный пост управляющего делами СНК.

В старой армии Бонч-Бруевич обладал неоднозначной репутацией. Он был известен как ярый противник важных преобразований в Императорской Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны, инициированных группой известного военного ученого Н. Н. Головина. Будучи учеником знаменитого военного ученого генерала М. И. Драгомирова, Бонч-Бруевич и накануне Первой мировой войны продолжал отстаивать его устаревшие еще до Русско-японской войны взгляды на военное дело. Как это нередко бывает, различие во взглядах с другими сотрудниками по Николаевской академии привело к возникновению личной неприязни. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка Головина плетут заговор, и даже назвал их «младотурками» (по наименованию группы

турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи). В результате группа Головина оказалась изгнана из академии. Между тем политическая составляющая в деятельности кружка отсутствовала. В итоге и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии. Градус неприятия был таков, что преподаватели при его отъезде из академии в войска голосовали против организации традиционных проводов². Сторонники же Головина в целом хорошо проявили себя на фронтах Первой мировой войны.

Как ученик Драгомирова Бонч-Бруевич пользовался некоторым влиянием в военных кругах, но отношение целого ряда генштабистов к нему было презрительным: его считали грубым и тупым интриганом. Помимо причастности к разгону кружка Головина в предвоенной академии, Бонч-Бруевич сыграл важную роль в фабрикации печально известного дела полковника С. Н. Мясоедова в годы Первой мировой войны³. Современникам в его действиях виделись «властность, упорство, настойчивость, а также некоторая озлобленность»⁴.

Бонч-Бруевич сумел поймать революционную волну и приспособиться. Нетипичный для генерала русской армии факт — Бонч-Бруевич стал членом исполнительного комитета Псковского совета рабочих и солдатских депутатов, где проводил многие часы⁵. Параллельно он работал с прежней военной элитой. Стремясь к неформальному лидерству в среде офицеров Генштаба, он выступил инициатором создания объединения генштабистов с политическими целями. Сам он возглавил общество офицеров Генерального штаба Северного фронта. По задумке Бонч-Бруевича, деятельность фронтовых объединений генштабистов должна была возглавлять аналогичная организация в Ставке, а в мирное время — в ГУГШ⁶. В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич постарался показать, что никакого интереса к организации генштабистов не имел, и глухо упоминал о том, что возглавил ее по неискусственности в политике⁷. Едва ли это соответствовало действительности.

Бонч-Бруевич выступил против движения генерала Л. Г. Корнилова⁸. Начало его сотрудничества с большевиками изложено в показаниях по делу «Весна». Бывший генерал отмечал: «В момент Октябрьской революции я находился в Ставке, по приказам считался состоящим в распоряжении Верховного главнокомандующего; фактически я просто жил в г. Могилеве в отведенном мне № гостиницы “Франция”. 20го ноября 1917 г. в Ставку прибыл т. Крыленко и предложил мне от имени советской власти вступить в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего с тем, чтобы ликвидировать царскую армию и Ставку, на что назначается примерно три месяца. Я ответил, что целиком подчиняюсь советской власти и принимаю

назначение. Т. Крыленко сказал: “Действуйте!” Утром 21го ноября по указанию т. Крыленко я собрал старших начальников Ставки; и к ним пришел т. Крыленко и вел с ними, в моем присутствии, продолжительную беседу о задачах советской власти. По окончании беседы я спросил: “Все ли остаются на службе?” Помню, что 2 человека заявили, что уходят в отставку...”⁹

О своем отношении к советской власти Бонч-Бруевич сообщал: «Общее мое настроение заключается в том, что я с самого начала Октябрьской революции вполне понял и признал для себя обязательными те основания, на которых советская власть строит социалистическое государство. Став на такую точку зрения, я руководствовался ею во всех своих действиях и суждениях, исполняя все обязанности, порою весьма сложные, которые на меня возлагала советская власть, как в мирное, так и в военное время... теперь и отношения к старой военной среде несколько сгладились, потому что всем теперь ясно, что я был прав, ставши на точку зрения советской власти»¹⁰.

До революции Бонч-Бруевич придерживался крайне правых, черносотенных и антисемитских взглядов (по характеристике генерала [А. С.] Лукомского, был «правее правых»), а в первую русскую революцию даже призывал уничтожать революционеров без суда и следствия (непонятно, правда, как это сочеталось с деятельностью его родного брата — старого большевика)¹¹. В 1917 г. и позднее с ним, как и со знаменитым генералом А. А. Брусиловым, прежде целовавшим ручку представителям дома Романовых, чтобы подчеркнуть свою особую преданность¹², произошла резкая перемена. Как и Брусилов, Бонч-Бруевич оказался беспринципным карьеристом. Неудивительно, что он прижился в новых условиях, стал сотрудничать с возглавившим советское военное ведомство Л. Д. Троцким и даже, избежав репрессий, сравнительно благополучно дожил в СССР до глубокой старости¹³.

Осенью 1917 г. генштабисты из Ставки решили не подавать ему руки¹⁴. Генерал А. П. Будберг именовал его «мерзейшей памяти “Маскоттой”¹⁵ старичка Рузского»¹⁶. Быховские арестанты осенью 1917 г. даже отправили Могилевскому совету книгу Бонч-Бруевича с шутилой надписью «Дорогому Могилевскому совету от преданного автора»¹⁷. Полковник Б. Н. Сергеевский писал в эмиграции вдове генерала А. И. Деникина о Бонч-Бруевиче: «Мое мнение о нем было и осталось — это самый отвратительный из отрицательных наших генералов, как с точки зрения вопроса о генеральской годности, так и с общечеловеческой точки зрения».

По своим взглядам на военное дело — это один из наиболее тупых и бесталанных сторонников нашей школы 19-го века, притом совершенно бессовестный.

Человек, совершенно не терпящий каких-либо противоречий со стороны младших, даже если они стараются ему помочь...»¹⁸

В своих опубликованных воспоминаниях, которые в большей степени являются примером политической мимикрии, чем непредвзятым свидетельством прошлого, Бонч-Бруевич заискивающе писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»¹⁹ Однако сослуживцы Бонч-Бруевича не верили в его идейность, утверждая (мнение генштабиста А. Н. Ковалевского, изложенное в дневнике бывшего генерала А. Е. Снесарева), что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно дешево»²⁰.

Именно Бонч-Бруевич через родственные связи стал тем связующим звеном, которое соединило большевиков с генштабистами. Особенно важно для новой власти это было в первые месяцы ее существования, когда связи с генералитетом еще только налаживались.

Бонч-Бруевич стал знаменем для части генштабистов. Генерал П. С. Махров дал следующую характеристику: «Он был ловкий оппортунист, карьерист, стремившийся быть замеченным и отмеченным как ученый и передовой человек, но по существу дела он ни тем, ни другим не оказался. Творческого ума и ораторства лектора у него не было»²¹.

По оценке генерала А. Е. Снесарева, «политическое лицо Бонч-Бруевича такое: близкий когда-то подсобник ген. Драгомирова, всегда “густо черный”, занимавший в акад[емии] Ген. штаба правое крыло, он может быть только ярым и крайним монархистом, что подтверждается и его религиозностью, спускающейся до формальной церковности». Как человек властный и упорный, к тому же располагающий широкой базой подчиненных, он имеет самые широкие возможности для организации такого кружка или даже общества, которые выполняют всякие его указания, подсказанные Бонч-Бруевичу и его политическими взглядами, и яркой враждебностью его настроений»²².

По всей видимости, наиболее точно отношение к Бонч-Бруевичу в офицерской среде обрисовал полковник Д. Н. Тихобразов: «Судьба его не баловала. Никто его не любил. “Белые” считали его “красным”; “красные” видели в нем “белого”. Передовые старого режима окрестили его “черносотенцем”. Многие офицеры Генер[ального] штаба высказывались о нем, как о “с[укином] с[ыне]”»²³. Тем не менее Бонч-Бруевич отличался исполнительностью и заботой о близких ему офицерах, даже в трудных условиях Советской России.

Неудивительно, что назначение Бонч-Бруевича начальником штаба Верховного главнокомандующего уже в большевизированной армии было встречено с возмущением даже партийными работниками. Так, группа большевиков во главе с исполняющим обязанности

наркома торговли и промышленности А. Г. Шляпниковым 22 ноября 1917 г. подала в СНК решительный протест против назначения на высокий пост «отъявленного черносотенца»²⁴. И все же назначение состоялось.

Бонч-Бруевич вспоминал, как, завершив дела в Могилеве, приступил к организации Красной армии: «К 19 февраля 1918 г. я закончил все работы по расформированию штаба (Ставки) и, сдав городскому управлению быв[ший] губернаторский дом, в котором размещался штаб, переехал в гостиницу “Франция”. Отсюда я предполагал в качестве отставного вояки уехать в Чернигов, откуда 25 июля 1914 г. я выступил походом на войну во главе 176 пехотного Переволоченского полка»²⁵. Однако вечером поступила срочная телеграмма В. И. Ленина, приглашавшего Бонч-Бруевича со Ставкой прибыть в Петроград. На следующий день вечером он с бывшими генералами А. С. Гришинским, С. Г. Лукирским, Н. И. Раттэлем, Н. А. Сулейманом и др. выехали, а вечером 22 февраля прибыли в столицу.

Бонч-Бруевич возглавил оборону Советской России от внешнего врага. После совещания с Лениным и другими представителями новой власти он приступил к работе в Смольном, где разместился по соседству с кабинетом Ленина. 25 февраля Бонч-Бруевич в качестве военного специалиста вошел в Бюро Комитета революционной обороны Петрограда, руководившего обороной столицы. Петроград удалось защитить, немецкое наступление на Северо-Западе России остановилось. Позднее под руководством Бонч-Бруевича на западе страны для защиты от немцев возникла система войск завесы.

После подписания 3 марта 1918 г. Брестского мира СНК принял решение, а на следующий день издал декрет о создании нового центрального органа военного управления — Высшего военного совета, уполномоченного руководить всеми операциями на фронтах, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. Впервые во главе Красной армии были поставлены военные специалисты, что вызвало волну возмущения в партийных кругах. Тем более что ВВС формировался как орган, полномочия которого превышали власть коллегий наркоматов по военным и морским делам. Военным руководителем ВВС с правом прямого обращения к Ленину стал Бонч-Бруевич, а чуть позже, с 19 марта, председателем ВВС стал Л. Д. Троцкий, занявший также пост народного комиссара по военным делам.

Бывший Главковерх Н. В. Крыленко 4 марта 1918 г. написал партийному руководству гневное письмо о вреде назначений бывших офицеров в руководство РККА. Крыленко с гордостью указывал, что его сотрудники академий не заканчивали, но справлялись с управлением войсками и без военспецов. Бонч-Бруевича он оценивал как лучшего среди старорежимных генералов, но отмечал: «Что будет делать любой генерал, ясно уже из того, что сделал Бонч.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

Прежде всего, он всюду назначает своих знакомых генералов начальниками. Нам много раз приходилось наводить справки об одном генерале у другого. Эта среда, ненавидящая и завидующая друг другу, а тем более теперь, когда они все без работы. Их рекомендации всегда пристрастны и всегда отдают nepотизмом. А между тем [Д. П.] Парский, [И. Г.] Пехливанов* и [Ф. А.] Подгурский уже назначены»²⁶.

Однако курс на привлечение офицеров остался в силе. ВВС организовал учет воинских частей, соединил их в отряды завесы под руководством опытных военных руководителей, как правило, бывших офицеров-генштабистов. Бонч-Бруевич 16 марта 1918 г. направил Ленину доклад, в котором указал на необходимость сохранения завесы до замены ее отрядов частями регулярной армии²⁷. С мая отряды завесы развертывались в территориальные дивизии, получившие наименования по названиям соответствующих губерний, тем временем внутри страны шло создание военных округов.

О границах допустимого во взаимоотношениях с Лениным свидетельствует письмо Бонч-Бруевича председателю СНК от 27 мая 1918 г., в котором автор писал, что существует «фактически уже установившееся германское рабство» в России»²⁸. Обычному человеку подобные суждения в то время могли дорого обойтись.

Стремительное возвышение, несомненно, тешило самолюбие человека, для которого карьера была не пустым звуком. Бонч-Бруевич оказался первым и главным среди военных специалистов Советской России, считался приближенным Ленина и Троцкого, причем де факто являлся выдвиженцем первого. Еще был бывший генерал Н. М. Потапов, занимавший пост управляющего делами Наркомата по военным делам, но должность Бонч-Бруевича была более значимой (вскоре Потапов покинул ключевые посты в РККА). В таком привилегированном положении Бонч-Бруевич находился примерно до середины 1918 г. Тогда в РККА начали создаваться фронты, и в связи с эскалацией Гражданской войны на первый план вышла борьба с внутренним врагом, а не организация перспективной обороны на демаркационной линии с немцами, которой занимался Бонч-Бруевич, ждавший восстановления Восточного фронта против немцев. Соответственно, первенство в неформальной иерархии военспецов стало переходить к новым людям, связанным с управлением Красной армией на внутренних фронтах.

У Бонч-Бруевича появился сильный соперник, которым стал один из командиров латышских стрелков, бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис (11.11.1873—28.07.1938), зарекомендовавший себя перед партийным руководством успешным подавлением восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г. и назначенный после этого

в качестве признания заслуг главнокомандующим Восточным фронтом. Борьба за первенство среди военспецов сделала отношения Вацетиса и Бонч-Бруевича, не отличавшиеся теплотой и ранее, откровенно нетерпимыми.

Сын батрака, латыш по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Вацетис одним фактом того, что был инородцем и иноверцем, уже не располагал к себе оказавшуюся в РККА многотысячную массу бывших офицеров, не исключая и тех, кто, как и он сам, окончил академию Генерального штаба. Массовое выдвижение латышей на высокие посты во властной вертикали Советской России стало характерным явлением того времени. Достаточно отметить, что в ВЧК в 1918 г. они составляли 48,1% сотрудников и более 50% управленцев и специалистов, а в СНК — 11,1%²⁹. В обществе того времени латышские стрелки не без оснований воспринимались как преторианская гвардия большевистского режима, что также не добавляло симпатий главному.

Вацетис тяжело продвигался по службе, помогало личное упорство. Оснований любить старый режим это не прибавляло. Академию Генштаба он окончил неудачно — был лишь 52-м из 53 выпускников 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу³⁰. Впоследствии он объяснял академическую неудачу своим непокорным характером, натолкнувшись на традицию академии — не возражать оппонентам. Вацетис якобы уличил оппонента в незнании и ехидно заявил, что согласен со всеми уже высказанными и еще предстоящими замечаниями³¹. После такого демарша рассчитывать на высокий балл не приходилось.

Академическая неудача повлияла на Вацетиса, как влияла и на многих других³². В своих назначениях он старался избегать старых генштабистов и опирался на менее квалифицированные, чем он сам, кадры выпускников ускоренных курсов³³. Так, уже став главкомом, он настойчиво продвигал на пост начальника Штаба РВСР молодого курсовика П. М. Майгура, ранее бывшего у Вацетиса начальником штаба на Восточном фронте, а до этого служившего в штабе 3-й армии³⁴. О курсовиках Вацетис высоко отзывался еще летом 1918 г. Тогда он писал, что последние выпуски академии «обладают большим опытом [и] знанием»³⁵.

Еще в 1917 г. Вацетис стал одним из лидеров сплоченной группы своих земляков-латышей, с которыми не расставался и в Гражданскую войну вплоть до своего ареста летом 1919 г. Он явно стремился достичь карьерных высот. Вацетис обратил на себя внимание большевистского руководства в самом начале 1918 г., отличившись в борьбе с польским корпусом генерала И. Р. Довбор-Мусницкого в Белоруссии. С тех пор его позиции стали укрепляться. Весной 1918 г. он стал командиром Латышской стрелковой дивизии. Трамплином же к достижению высшего поста в РККА стали лояльное большевикам поведение и решительные действия в период подавления восстания левых эсеров в Москве

* В тексте ошибочно: Плеханов.

** Подчеркнуто в документе.

6–7 июля 1918 г. Успешное подавление было осуществлено, в значительной степени, благодаря Вацетису и верным ему латышским стрелкам. В результате большевистская власть в столице удержалась. Вацетис произвел тогда благоприятное впечатление на председателя СНК В. И. Ленина. Вместе с лидером большевиков и с Н. И. Подвойским они в тот тревожный день ели хлеб в секретариате Ленина, отламывая от одного куска³⁶. На всю жизнь будущий главком запомнил вопрос Ленина, обращенный к нему: «Товарищ, выдержим до утра?»³⁷ Благодаря успеху в подавлении восстания Вацетис уже через несколько дней возглавил борьбу с внутренней контрреволюцией на единственном тогда Восточном фронте.

Отношения с М. Д. Бонч-Бруевичем и С. С. Каменевым складывались у Вацетиса непросто. Вацетис прямо отмечал недоброжелательность по отношению к себе со стороны Бонч-Бруевича, когда стало известно о высоком назначении, причем связывал это с конкуренцией³⁸. С подчиненностью Вацетиса полной определенности не было. С одной стороны, Вацетис подчинялся ВВС и Бонч-Бруевичу как его военруку, с другой — работал напрямую с Троцким и Лениным, а по линии обеспечения войск зависел от оперативного отдела Наркомата по военным делам (Оперода), который возглавлял С. И. Аралов.

Конфликт имел долгую предысторию. Вполне возможно, что его истоки относятся к учебе Вацетиса в академии. Во всяком случае, Вацетис упоминал в мемуарах о конфронтации с не терпевшим возражений профессором на экзамене по тактике³⁹. Именно таким человеком был Бонч-Бруевич. Один из знавших его офицеров, вспоминая Офицерскую стрелковую школу, отмечал: «В особенности отличался полковник Бонч-Бруевич, тот самый, который так ревностно в настоящее время служит большевикам. Ему даже на его несправедливое замечание нельзя было возразить, да он и разговаривать не станет, а то вылетит из школы или поставят дурные отметки»⁴⁰.

Запомнившийся обоим конфликт⁴¹, видимо, случился уже в Могилеве в конце 1917 г. Бонч-Бруевич занимал тогда пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а Вацетис руководил оперативным отделом революционного Полевого штаба.

Вацетис вспоминал: «Разногласия между мною и М. Д. Бонч-Бруевичем носили непримиримый характер»⁴². Возможно, Вацетис, который был младше Бонч-Бруевича на три года по возрасту и младше по службе, считал этого бывшего генерала недостаточно энергичным для Гражданской войны. Бонч-Бруевич же, скорее всего, увидел в Вацетисе конкурента в борьбе за лидерство среди военспецов. Хорошим отношениям не способствовало и то, что Вацетис и Бонч-Бруевич в разное время были один для другого как начальником, так и подчиненным. Если в 1918 г. Вацетис, будучи главнокомандующим Во-

сточным фронтом, подчинялся Бонч-Бруевичу, то летом 1919 г. уже Бонч-Бруевич некоторое время по должности начальника Полевого штаба РВСР служил подчиненным Вацетиса.

Конфликт с Бонч-Бруевичем даже предопределил конфигурацию высших органов управления РККА. С этим связано создание поста главнокомандующего Восточным фронтом, а не военного руководителя, как ранее практиковалось в войсках завесы. Бонч-Бруевич, считавший, что вскоре должна возобновиться война с Германией, стремился насадить подобие завесы и на Востоке страны, хотя считал «чехословацкий» фронт второстепенным. Созданный здесь в июне Восточный фронт директивами ВВС № 2993 и 3017 переименовали в Восточный участок отрядов завесы (позднее, 4 августа, на Севере России по аналогии был создан Северо-Восточный участок отрядов завесы)⁴³. Эта мера развития не получила, а РВС опротестовал преобразование. В изъятие из правил 11 июля Вацетис получил от СНК именно должность главнокомандующего фронтом⁴⁴. Более того, при Вацетисе действовал полноценный РВС фронта, обладавший неограниченными полномочиями в прифронтовой полосе. Вацетис считал, что завеса с ее отрядами вместо армий годится только для ловли контрабандистов⁴⁵. Он сразу понял значимость Восточного фронта и планировал создать здесь серьезную вооруженную силу. Однако распоряжения Бонч-Бруевича в отношении этого фронта тормозили дело военного строительства на этом направлении и по сути отбрасывали его ко времени весны 1918 г. Сам Вацетис склонялся к ведению прямой переписки с В. И. Лениным в обход Бонч-Бруевича⁴⁶. 28 июля он писал Троцкому, пока еще в деликатной манере: «Хотя мы не сошлись во взглядах, но М. Д. Бонч-Бруевич обещал не мешать мне работать. Это было вполне разумное решение, ибо мне здесь на фронте лучше видно, что надо делать»⁴⁷.

Следующим шагом Вацетиса на пути к руководству Красной армией стало его героическое участие в боях за Казань в начале августа 1918 г. Тогда вместе с верными латышами он до последнего оставался в городе, участвовал в уличных боях и едва не погиб. В 1919 г., когда советская военная машина уже наладилась, такое окружение главкома, преданное ему лично, стало казаться советскому руководству подозрительным. Но в августе — сентябре 1918 г. важным было то, что именно под руководством Вацетиса были достигнуты успехи в борьбе с антибольшевистскими силами в Поволжье.

Вацетис считал Бонч-Бруевича карьеристом и конъюнктурщиком, интриганом и представителем верхушки реакционного генералитета⁴⁸. Все это было недалеко от истины. По его мнению, Бонч трудился «легкомысленно и лукаво», занимался «организационно-оперативной галиматьей»⁴⁹, а стиль его работы Вацетис в мемуарах даже именовал «бончизмом». Как итог деятельности Бонч-Бруевича

в 1918 г., по мнению Вацетиса, «в общем и целом получилось такое впечатление, что Высший военный совет довел Советскую Россию до полнейшей беззащитности»⁵⁰. Как полагал Вацетис, «М. Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого Генерального штаба, который он собрал в составе народной армии, благодаря чему старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела»⁵¹.

По свидетельству Вацетиса, «военрук Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич и его антураж, одним словом, высший генералитет старого Генерального штаба решили бросить ее [РККА?] в схватку in corpore». Военспецы Высшего военного совета (при Высшем воен[ном] совете был солидный штаб, долженствовавший при войне с Германией обратиться в Ставку) решили победить сопротивление главнокомандующего Вацетиса грубым и шумным оружием: они решили взять непосредственное руководство операциями на Восточном фронте в свои руки и ставить меня в положение не то военрука, не то технорука»⁵².

Намекая на негативное влияние своего оппонента, Вацетис отметил, что действительность Троцкого не интересовала, так как «он придавал больше веры фантастическим рассуждениям кучки авантюристов из верхушки старого Генерального штаба»⁵³. Отбрасывая конъюнктурный антитроцкистский пафос мемуариста конца 1920-х гг., нельзя не заметить его старую обиду в связи с непричислением к Генштабу. В другом отрывке оценка повторена: «Троцкий находился под влиянием реакционной верхушки старого Генерального штаба»⁵⁴.

Бонч-Бруевич, в свою очередь, платил Вацетису той же монетой: «Я частенько сталкивался... с плотным, простоватым и даже грубоватым Вацетисом»⁵⁵, «Вацетиса я как-то крепко одернул, воспользовавшись тем доверием, которое мне оказывал Ленин»⁵⁶, «Вацетис же... самочинничал, нанося этим немало вреда делу обороны.

Приказы Высшего военного совета он явно игнорировал. Но время от времени я все-таки получал от него телеграммы — весьма резкие по тону и странные по существу»⁵⁷.

На ненормальность отношений Бонч-Бруевича и Вацетиса обратил внимание один из руководителей ВЧК М. Я. Лацис, который писал Троцкому 31 июля 1918 г. из Казани:

«Дорогой Лев Давыдович!

В нашем “царстве” не все благополучно. Поэтому и пишу.

Я не военный и не стратег, поэтому обрисую положение... глазами преданного делу работника-организатора.

Я сижу тут всего с неделю и наблюдаю за работой штаба и главного командования. И что я вижу?

Начались интриги^{*}, эта ржавчина, съевшая прежнюю мощь армии и угрожающая теперешней.

Военный едва ли бы придавал этому особое значение, а мы, люди подземелья, видим в этом начало конца...

Восточным фронтом командует Вацетис. Рев. совет следит за каждым его шагом. На них возложена ответственная работа, и за нее они отвечают головами...

А у нас... стали командовать и на месте и в центре (Б[онч-]Бр[уевич]). Так, на месте того, чтобы предоставить т. Вацетису распределять силы по фронту, ему доверенному, Бонч-Бр[уевич] стал их направлять сам и как раз в те участки, которые, по мнению Рев[олюционн]ого совета, совсем в этом не нуждаются в данную минуту.

Вот это-то явление я и называю интригой. Оно так. Никакого другого объяснения... и не придумать.

Лев Давидыч. Я знаю, что я делаю, бросая это обвинение по адресу Б. Б., но за это обвинение я тоже берусь отвечать своей головой.

Дайте больше самостоятельности, избавьте от опеки, это единственная гарантия победы на Восточном фронте.

Вацетис пока вне всяких подозрений. Проявляет здоровый оптимизм и неутомимость в работе»⁵⁸.

На сложный характер взаимоотношений создателей РККА проливают свет скупые строки оперативных телеграмм. 2 августа 1918 г. Вацетис телеграфировал Бонч-Бруевичу с копиями Л. Д. Троцкому и С. И. Аралову: «Я просил прислать мне шесть лиц Генерального штаба и четырех военных инженеров. Вы только теперь, т. е. семь дней спустя после моего заявления о высылке мне вышеозначенных специалистов, снова запрашиваете, каких специалистов мне надо. Проволочка в столь критическое и требующее чрезвычайного напряжения всей наличной энергии время недопустима...»⁵⁹

3 августа 1918 г. на эту телеграмму последовал строгий ответ Бонч-Бруевича, в копии направленный Троцкому: «Предлагаю Вам обращаться за высылкой необходимых специалистов и прочими нуждами не ко мне лично, а к Высшему военному совету. Вам должно быть отлично известно, что в моем распоряжении по должности нет ни одного человека. Ваше замечание относительно моего семидневного промедления по существу неверно, так как заботой относительно высылки людей я не промедлил ни одного часа. Кроме того, предлагаю Вам в отношении лично ко мне быть строго дисциплинированным и не присваивать себе никем не данного Вам права делать мне замечания. Призываю Вас для пользы дела к строгому воинскому

* Всей корпорацией (лат.).

* Здесь и далее подчеркнуто М. Я. Лацисом.

подчинению. Военрук Высшего военного совета Бонч-Бруевич»⁶⁰. Как мы знаем, Бонч-Бруевич был из тех людей, которые не терпят возражений. Неудивительна его резкая реакция.

За Вацетиса на это ответил РВС Восточного фронта: «Право делать замечания Бонч-Бруевичу, как это сделано в телеграмме № 0831, дает Реввоенсовету революционный долг, который отходит на задний план у Бонч-Бруевича, утопающего в формалистике завес и академических изысканий, ничего общего не имеющих с живой действительностью. № 00911. РВС Данишевский, Лацис»⁶¹.

Троцкий пытался примирить конфликтовавших военспецов. 5 августа он телеграфировал в Казань К. Х. Данишевскому: «Вашу телеграмму 00911 считаю в корне неправильной. Вацетис в оперативном отношении подчинен [в] общем порядке военруку Выс[шего] воен[ного] совета. Если Реввоенсовет считает неправильными те или другие указания М. Д. Бонч-Бруевича, Реввоенсов[ет] может войти с представлением ко мне или председателю Совнаркома.

Соблюдение организационного порядка необходимо при всяких условиях. Целый ряд ваших нареканий против М. Д. Бонч-Бруевича основан на недоразумениях, плохой связи и провокационной путанице со стороны телеграфных белогвардейцев. Прошу верить, что все усилия и мои и Бонч-Бруевича направлены на обеспечение всем необходимым вашего фронта, самого важного сейчас для страны. Прошу не раздувать технических трений и конфликтов, возникающих неизбежно во всяком большом деле. Наркомвоен Троцкий»⁶².

В начале августа Вацетис отмечал, что Бонч-Бруевич произвольно распыляет войска по Восточному фронту, и просил возложить отправку пополнений на Восток не на Бонч-Бруевича, а на Оперод С. И. Аралова⁶³. В своем докладе «Ход военных действий на Восточном фронте», датированном 13 августа и адресованном В. И. Ленину⁶⁴, Вацетис описал всю историю того, как Бонч-Бруевич препятствовал укреплению Восточного фронта: «Во главе армий стояли совершенно неопытные люди, так что мне приходилось руководить не только армиями, но и их отдельными боевыми участками. Мною были затребованы через военрук[а] Высшего военного совета шесть опытных [лиц] Генерального штаба и четыре военных инженера для укрепления Казани. Но ни те, ни другие на фронт не прибыли»⁶⁵. Далее Вацетис отмечал, что «все наши мероприятия по посылке резервов на Восточный фронт приводили к нежелательным последствиям. Резервы слишком запоздали прибыть на помощь обороне Казани. По многим вопросам первой практической важности возникали совершенно нежелательные трения, как между мною и военным руководителем Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичем, так и между моими помощниками и военным элементом Высшего военного совета»⁶⁶. Каждая из сто-

рон предпринимала попытки втянуть в этот конфликт большевистских вождей в качестве союзников.

20 августа 1918 г. председатель Высшей аттестационной комиссии Наркомата по военным делам А. И. Егоров составил записку с предложением учредить в Советской России пост главнокомандующего и вместо коллегиального ВВС создать штаб главнокомандующего, куда бы влились штаб ВВС и Оперод. Записка была направлена В. И. Ленину и Н. И. Подвойскому. На документе имелась резолюция Ленина: «Т. Троцкий. Подумайте об этом. Не назначить ли Вацетиса Верховным главнокомандующим? Ленин»⁶⁷. Таким образом, идея назначения Вацетиса, лично известного Ленину, принадлежала самому большевистскому лидеру. Пост главнокомандующего всеми вооруженными силами республики был введен в Советской России 2 сентября 1918 г. и достался Вацетису.

Впрочем, Вацетис все время ходил по лезвию. Сам того не ведая, бывший полковник превратился для большевиков из заурядного, хотя и преданного, военспеца в политическую фигуру. Несмотря на безупречную репутацию Вацетиса, его большой вклад в спасение советской власти и ожидавшееся высокое назначение, Ленин 30 августа 1918 г. телеграфировал шифром в Свияжск Троцкому: «Надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел... как Вацетиса, так и командарм под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий?»⁶⁸ По всей видимости, Вацетиса спас Троцкий. Показательно отношение Ленина к Вацетису — всего через несколько дней после предложения назначить его главнокомандующим Ленин похожим вопросительным оборотом предлагал его же расстрелять. Подобный сумбур и непоследовательность едва ли свидетельствуют о продуманности ленинской военной политики в то время.

По характеристике бывшего генерала А. Е. Снесарева, встречавшегося с Вацетисом 23 сентября 1918 г., «у него [Вацетиса] просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет. Он держит себя уверенно, резонирует много, повторяет несколько раз любимые фразы, например: “Если вы умнее меня, то вам и карты в руки. Я уступлю свое место”. Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только. Если он талантлив, то это 1-й латыш из виденных мною, но едва ли он исключение... упрям он несомненно... О русском народе он говорит с худо скрытым презрением и повторяет, что ему нужна палка... Его мысль — не отводить войска в тыл или чуть, а практиковать их боем. Словом, ловкий инородец, взобравшийся наверх среди русского кладбища, ловко потрафивший власть имущим... В области Ген. штаба в нем виден недоучка, а потому и дилетант, а еще более фантазер... На мой вопрос, сколько Красной

армии, он отвечает незнанием, но прибавляет, что к весне будет вдвое больше, чем теперь. Что делается на Дал[ьнем] Востоке, он не знает и спрашивает об этом Парского... «Теперь прежней разведки нет»... И этот неготовый, полуспеченный специалист, вдобавок фантазер, стоит во главе всего дела. Какие же шансы?... А слова его и надежды — или полная неспособность реальной оценки обстановки, или дураченье нас... на кого и зачем?»⁶⁹ В данном случае Снесарев оказался излишне критичен, поскольку Вацетис на посту главкома зарекомендовал себя с хорошей стороны.

Видный большевистский военный деятель Н. И. Подвойский отмечал, что «во главе военного командования всеми вооруженными силами республики оказался революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии И. И. Вацетис»⁷⁰. По мнению генштабиста С. Д. Харламова, Вацетис «достаточно авторитетен среди рядового команд[о] состава. Думаю, в том числе и бывш[их] офицеров. Человек достаточно общительный, умеет разговаривать с массой. Знает многих, и его, конечно, многие знают...»⁷¹ Несомненно, у Вацетиса имелись значительные амбиции, а его письменный стол в награду за успешное командование Восточным фронтом украсил чернильный прибор «Наполеон» со статуэткой французского императора.

Летом 1918 г., вероятно, с целью укрепить положение Вацетиса и поощрить своего нового главного военспеца в болезненном и значимом для него вопросе, большевики, вопреки всем правилам, перевели его в Генеральный штаб. Перевод состоялся 30 августа 1918 г. (в тот же день, когда Ленин предложил его расстрелять) по решению заместителя наркома по военным делам Э. М. Скланского⁷².

Во второй половине августа 1918 г. на волне конфликта с Вацетисом, пользовавшимся благосклонностью партийных руководителей, Бонч-Бруевич стал просить об отставке по состоянию здоровья. Побудительной причиной ухода со службы он называл осознание факта, что ВВС свое отжил. Далее, однако, следовала проговорка, что Бонч-Бруевич не видел себя на должности главкома ни по возрасту, ни по идейной подготовке⁷³. Но, как мы знаем, в главкомы тогда прочли совсем другого кандидата, причем основного оппонента Бонч-Бруевича.

В этом смысле совпадение дат не кажется удивительным. Бонч-Бруевич стал просить об отставке 20 августа 1918 г. — в день, когда была озвучена идея учреждения поста главкома, назначения на него Вацетиса и упразднения ВВС. Тогда он направил рапорт Ленину: «Тяжелый труд, который я нес без малейшего отдыха с первого дня мобилизации 1914 года в течение всей войны и до настоящего времени, связанный с нравственными потрясениями военного времени, окончательно надломил мой организм. Ведя борьбу с болезненным состоянием в течение последнего времени, я все-таки, по признанию

врачей, не в силах побороть проявления больного моего организма и потому в данное время оказываюсь совершенно неспособным к работе по занимаемой мною должности.

Ввиду изложенного прошу для пользы дела уволить меня от службы.

Сознавая необходимость сохранить преемственность в работе и то ее напряжение, которого требуют современные тяжелые обстоятельства, позволяю себе рекомендовать моим заместителем в должности военного руководителя Высшего военного совета: или управляющего делами Народного комиссариата по военным делам Николая Михайловича Потапова, или главного начальника снабжений Евгения Ивановича Мартынова. Впредь до назначения одного из названных кандидатов — прошу разрешения сдать должность начальнику штаба Высшего военного совета Николаю Иосифовичу Раттэлю, который и вступит во временное исполнение должности военного руководителя Высшего военного совета»⁷⁴. К рапорту прилагалось заключение врачебного консилиума.

Троцкий, которому Ленин сообщил о просьбе Бонч-Бруевича, отставку первоначально давать не хотел⁷⁵. В телеграмме Ленину от 21 августа 1918 г. он прямо писал: «Что касается отставки Бонч-Бруевича, то предлагаю ее не принимать, а дать ему отпуск для поправления здоровья на две недели или на месяц. Он нам нужен, заменить его некем, лица, на которых он указывает, не годятся. Возможно, что его в мое отсутствие стали ущемлять...»⁷⁶ Самому Бонч-Бруевичу Троцкий телеграфировал о неожиданности его прощения⁷⁷.

После повторного ходатайства Троцкий был вынужден уступить⁷⁸. Скорее всего, серьезных проблем со здоровьем Бонч-Бруевич тогда не испытывал. Он жаловался на бессонницу, упадок сил и трудоспособности, частые головокружения с потемнением в глазах, припадки резких болей в области сердца и левой лопатки, отдающие в левую руку, и отеки под глазами. Консилиум врачей нашел неврастению с сердечными припадками, определив, что Бонч-Бруевич нуждается в «продолжительном полном отдыхе и в специальном физиотерапевтическом лечении»⁷⁹. На «дипломатический» характер болезни указывает тот факт, что примерно через месяц после ухода со службы Бонч-Бруевич не выдержал бездействия и устроился на работу в Межевой институт. 48-летний Бонч-Бруевич обладал крепким здоровьем и прожил еще 38 лет. Скорее всего, история с отставкой была обусловлена напряженностью в связи с конфронтацией с Вацетисом.

Словно осознавая неубедительность аргументов, 22 августа Бонч-Бруевич направил Ленину личное письмо с объяснениями: «В дополнение к моему рапорту спешу выразить Вам, что моя просьба об увольнении от должности [изложена], несмотря на искреннее же-

вание поддержать то дело, которому служу. Ведь если мне проситься в отпуск, то на мое место придет временный заместитель, к[ото]рый, конечно, будет воздерживаться от ответственных решений, а это принесет явный вред всему делу. Пусть вместо меня явится назначенный военный руководитель, вполне ответственный, тогда дело будет развиваться по налаженному плану. Временный заместитель работать не будет полным ходом. Вот причина моей просьбы уволить от должности, а не отпустить в отпуск.

Л. Д. Троцкий прислал мне телеграмму с указанием на отпуск; я ему ответил так же, как и Вам.

От работы я не уйду; потрепался за все это время, поправлюсь и опять явлюсь на работу.

Сердечно благодарю Вас за оценку моей работы»⁸⁰.

Уход Бонч-Бруевича имел организационные последствия. 26 августа он оставил пост военрука ВВС, а через полторы недели ВВС был упразднен. 24 августа Троцкий телеграфировал Ленину с копией Склянскому, что после размышления счел целесообразным уволить Бонч-Бруевича на общих основаниях и возложить текущую работу на Н. И. Ратгэля, не назначая заместителя. «Это облегчит необходимую реорганизацию в ближайшее время»⁸¹. Таким образом, добровольный уход Бонч-Бруевича способствовал скорейшей ликвидации ВВС.

С обязанностями главкома Вацетис успешно справлялся. Работа с полным напряжением сил, он в целом верно оценивал степень опасности, которую представлял тот или иной фронт для окруженной Советской России. Именно при нем белые были отброшены из Поволжья осенью 1918 г., а затем на Восточном фронте весной 1919 г. достигнута первая серьезная победа Красной армии — остановлено наступление колчаковских войск. С подачи Вацетиса партийное руководство в 1919 г. провело в жизнь идею военного единства советских республик⁸².

Вацетису были не чужды идеи корпоративной солидарности выпускников академии. При каждом удобном случае он старался поддержать военспецов, содействовать их скорейшему освобождению в случае ареста, помогать с назначениями. Более того, он позволял себе направлять большевистским вождям весьма откровенные и довольно резкие доклады, в которых с завидной горячностью заступался за арестованных спецов. Такие прямолинейность и смелость, очевидно, проистекали из непонимания особенностей карательной политики большевиков, нередко прибегавших к упреждающему террору против тех, кто показался потенциально нелояльным.

По всей видимости, Вацетис действительно проникся идеями большевиков. Показательна одна из его телеграмм в ВГШ от 29 августа 1918 г. таким же военспецам: «Работа генштабистов крайне важна

на боевом фронте, где решается, быть может, великая задача нашего будущего...»⁸³ Вацетис не был контрреволюционером — выдвинутые против него летом 1919 г. обвинения в заговоре и намерении «тряхнуть Москвой» весомых подтверждений не находят. Не случайно в октябре 1921 г. он не побоялся настаивать перед Лениным на снятии былых подозрений⁸⁴.

Недовольство военспецов своим положением и резкие слова в адрес большевиков могли звучать в серпуховской Ставке красных, но едва ли в этом вопросе кто-то шел дальше обывательских разговоров. Впрочем, Троцкий заметил, что Вацетис был или мог быть подвержен влиянию контрреволюционных элементов. По мнению Троцкого, изложенному в телеграмме на имя Ленина от 1 декабря 1918 г., «при главкоме необходим твердый и тактичный комиссар, но где его взять?»⁸⁵ При этом, думается, главком понимал, что, заняв высший пост в РККА, он навсегда отрезал себе пути к отступлению. В антибольшевистском лагере военспец такого ранга ждала неминуемая казнь. Против большевиков Вацетис пойти уже не мог — это было равносильно добровольному обречению себя на смерть.

Конфликт Вацетиса с Бонч-Бруевичем оказался заморожен до лета 1919 г., когда служебная необходимость вновь свела вместе двух непримиримых врагов. Возвращение Бонч-Бруевича, причем сразу на высокий пост начальника Полевого штаба РВСР, имело очевидные причины. Дело в том, что он, отойдя от дел, оказался в распоряжении СНК и не утратил связи с В. И. Лениным, которого регулярно снабжал своими аналитическими записками по различным военным вопросам. Благодаря этому Бонч-Бруевич постоянно напоминал о себе лидеру большевиков, пользовался его доверием и расположением и, можно сказать, оставался в кадровом резерве Ленина.

Когда Ленин в мае — июне 1919 г. задумал осуществить смену главного командования и начал готовить почву для дела Полевого штаба РВСР, он вспомнил о Бонч-Бруевиче. 15 июня 1919 г. вопрос о Ставке обсуждался на заседании ЦК РКП(б). На заседании было принято решение оставить Вацетиса в должности, а начальником Полевого штаба назначить Бонч-Бруевича, ввести в состав РВСР С. И. Гусева, переводившегося с Восточного фронта, с поручением ему и Бонч-Бруевичу сократить и изменить состав Ставки⁸⁶. 23 июня 1919 г. Бонч-Бруевич занял пост начальника Полевого штаба РВСР вместо бывшего генерала Ф. В. Костяева⁸⁷. На этом посту он находился до 22 июля 1919 г., пока не был заменен ближайшим сотрудником нового главкома С. С. Каменева П. П. Лебедевым. В эти недели вплоть до ареста Вацетиса Бонч-Бруевичу пришлось с ним работать, причем еще более тесно, чем в 1918 г.

О своих взаимоотношениях с Вацетисом в 1919 г. вспоминал сам Бонч-Бруевич: «Идти к Вацетису в подчинение я решительно

не хотел. Я не ладил с ним ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего военного совета. К тому же я был значительно старше его по службе. В то время, когда я в чине полковника преподавал тактику в академии Генерального штаба, поручик Вацетис был только слушателем и притом мало успевавшим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем положении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны — одним из пехотных полков.

Мой служебный опыт настойчиво говорил мне, что на высших постах в армии, во избежание неизбежных в таких случаях трений, никогда не следует становиться под начало младшего, менее опытного по службе начальника»⁸⁸.

Бонч-Бруевич в свойственной ему манере лукавил. Вацетис был слушателем академии, имея чин штабс-капитана, а Бонч-Бруевич в то время являлся подполковником и полковником. Разница между ними была не столь велика, как ее рисует Бонч-Бруевич. Последний был старше Вацетиса лишь на три года, даже на службу два офицера пошли одновременно (Бонч-Бруевич до этого учился в Межевом институте), но по службе Бонч-Бруевич действительно выдвинулся быстрее. Однако не из-за своих интеллектуальных или административных способностей, а, видимо, потому, что в большей степени ориентировался на карьеру. Трамплином для Бонч-Бруевича стали его служба в гвардии и окончание академии Генерального штаба. Возможно, повлияли дружба с генералом М. И. Драгомировым и обаяние имени последнего. Вацетис же довольно поздно поступил в академию — не через три года строевой службы, как было минимально установлено и чем воспользовался Бонч-Бруевич, а лишь через пятнадцать лет. При этом боевого опыта до Первой мировой ни тот, ни другой не имели.

Масла в огонь добавляла полученная Бонч-Бруевичем санкция Ленина работать независимо от Вацетиса. О наличии такого разрешения ему сообщил родной брат — В. Д. Бонч-Бруевич⁸⁹. Описание встречи с Вацетисом в мемуарах Бонч-Бруевича просто пышет ядом и язвительностью: «На следующий день с утра я отправился к Вацетису. Главнокомандующий жил в комфортабельном особняке местного фабриканта. Аляповатая роскошь, которой окружил себя в Серпухове Вацетис, не понравилась мне. Даже царскому генералу не приличествовало на войне изображать из себя этакого изнеженного барина, а уж пролетарскому полководцу подавно... Не понравилось мне и окружение главкома: заменившие прежних адъютантов многочисленные “порученцы”, такие же верткие и нагловатые, как и их предшественники; откормленные вестовые с тупыми лицами былых

денщиков и чуть ли не с нитяными перчатками на огромных руках; купеческая роскошь гостиной, превращенной в приемную главкома; подозрительное обилие пустых бутылок в прихожей, — словом, весь тот непривлекательный антураж, который был свойственен дореволюционному военному начальству из интендантов.

Вацетис еще спал, и это тоже не понравилось мне. Положение республики было напряжено до крайности... и уж кто-кто, а главнокомандующий мог не нежиться так поздно на роскошной кровати фабрикантши.

Прошло с полчаса, пока Вацетис встал и привел себя в порядок. Приняв меня все в той же гостиной, он с излишней готовностью предложил мне вступить в должность начальника своего штаба.

— Я назначен не к вам, а в Полевой штаб республики, — сказал я. — Отсюда ясно, что ваш начальник штаба должен по-прежнему нести службу.

— В таком случае я ничего не понимаю. Да, не понимаю, — повторил Вацетис и недоуменно поглядел на меня своими водянистыми глазами. — Это какая-то путаница...

Я терпеливо объяснил главкому, что никакой путаницы нет...

— Скажите, какие директивы в отношении ведения военных операций имеете вы от правительства? — перешел я к наиболее интересующему меня вопросу.

— Представьте, Михаил Дмитриевич, никаких директив, — растерянно сказал Вацетис.

Мое появление в Серпухове, да еще в не понятной для него роли застигло главкома врасплох, и он, видимо, не очень владел еще своими мыслями.

— Конечно, я не раз просил и директив, и указаний, но... Да, да, представьте себе, решительно ничего не получал в ответ, — начал жаловаться Вацетис.

Жалобы эти показались мне неискренними, и я коварно спросил:

— Стало быть, вы ведете операции по собственному усмотрению и на свой страх и риск?

Вацетис начал путано объяснять, что, конечно, какие-то директивы он все-таки получает, но все это не то, чего бы хотелось...

Расставшись, наконец, с главкомом, я понял, что между ним и правительством нет должного контакта, а без него руководить обороной нельзя; что, вероятно, и сам Вацетис понимает, насколько не справился с порученным ему делом, и продолжает командовать только по инерции, явно тяготясь этим делом»⁹⁰. Сам Вацетис вспоминал, что, будучи главкомом, начинал свой день в шесть утра, а в семь уже знакомился с оперативными сводками, не имел ни свободного времени, ни личной жизни⁹¹. Впрочем, упоминания о том, что главком питал слабость к алкоголю, скорее всего, достоверны.

Бывший капитан А. В. Панов, служивший в Полевом штабе РВСР, спустя много лет вспоминал о ненормальных взаимоотношениях двух основоположников РККА: «Бонч-Бруевичу не удалось сработаться с Вацетисом. Между ними часто возникали существенные разногласия. Причину разногласий объяснил впоследствии сам Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях... Однажды я был свидетелем такой сцены: Бонч-Бруевич подписал заготовленную в оперативном управлении директиву и передал ее Вацетису для подписи. Главком, прочтя директиву, вдруг встал со своего места и заявил: “Я этого не подпишу. Вы написали вопреки моему мнению. Потрудитесь переделать”. Но Бонч-Бруевич спокойно заявил, что как начальник штаба он в равной мере с главкомом ответствен за деятельность главнокомандования, а с мнением Вацетиса по данному вопросу он не согласен, о чем уже докладывал раньше. Поэтому текст данной директивы переделке не подлежит. Так и не стал Бонч-Бруевич переделывать директиву»⁹². Данное описание, несмотря на советские цензурные ограничения, касалось примерно двухнедельного сотрудничества этих военспецов. Трудно предположить, какие скандалы происходили между ними в действительности, если отдельные инциденты настолько запомнились мемуаристу, что он изложил их в деталях через сорок с лишним лет.

Троцкий был в курсе конфликтных отношений главкома с Бонч-Бруевичем⁹³. Если конфликт не являлся тайной, то какую цель преследовало решение ЦК назначить Бонч-Бруевича к Вацетису в Полевой штаб? Видимо, вовсе не организацию планомерной работы советской Ставки, а, скорее, дискредитацию и травлю главкома, подготовку его предстоящего смещения. К сожалению, в своих воспоминаниях Вацетис эти акценты не отразил, сосредоточившись на разоблачении троцкистов, к которым отнес и Бонч-Бруевича, что не соответствовало действительности. Суть происшедшего в интерпретации Вацетиса сводилась к интригам против него и его штаба со стороны руководства Восточного фронта⁹⁴. Основания для этого, безусловно, имелись. Но одними интригами РВС Восточного фронта проблема не исчерпывалась.

Независимое положение Вацетиса было терпимо до определенного предела. В разгар борьбы с Колчаком весной 1919 г. вопрос о смене главкома не был уместен, поскольку мог повредить успехам на фронте. Однако, когда стало ясно, что наступление Колчака заглохло, кадровая перестановка стала возможной.

Недоброжелателей у Вацетиса хватало. Так, его отношения с И. В. Сталиным осложняли конфликт в октябре 1918 г. в связи с событиями на Южном фронте и резкие телеграммы Вацетиса с критикой действий Сталина. По свидетельству Троцкого, Сталин с ненавистью относился к Вацетису⁹⁵. Неудивительно, что он оказался

одним из горячих сторонников чистки в Ставке⁹⁶. «Я никогда не проверял этого эпизода, — отмечал Троцкий. — Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий⁹⁷... за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига...»⁹⁸

Ненавидел Вацетиса и влиятельный латышский большевистский деятель К. Х. Данишевский — кандидат в члены ЦК РКП(б) (избран на VIII съезде партии) и заместитель председателя СНК Советской Социалистической Латвии, имевший прямой выход на Ленина. В июле 1919 г. Данишевский выступил перед ЦК с докладом, содержащим резкую критику главного командования. Его же в составе особой комиссии ЦК Ленин направил 5—6 июля в Серпухов для разбора дела Полевого штаба и руководства практической реализацией смены командования. В записке в ЦК, составленной 7 июля, именно Данишевский настаивал на срочной смене Вацетиса⁹⁹. Неприязнь Данишевского к Вацетису была настолько сильна, что даже спустя полтора десятка лет он не упомянул о Вацетисе в своих мемуарах, рассказывая об участии в подавлении левоэсеровского выступления в Москве 6 июля 1918 г.¹⁰⁰ Между тем Вацетис сыграл в тех событиях едва ли не решающую роль. Сам Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все — от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма¹⁰¹. Наконец, Вацетис слишком сработался с Троцким, что вызывало обеспокоенность Ленина. Назрел вопрос смены главкома.

Техническое исполнение смены командования возлагалось на Особый отдел ВЧК. Бонч-Бруевич как доверенное лицо Ленина работал над предстоящей реорганизацией штаба в тесном контакте с председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским, причем произвел на последнего «хорошее впечатление человека делового, без камня за пазухой»¹⁰².

3 июля 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято решение о смене главкома и назначении на этот пост С. С. Каменева — командующего Восточным фронтом. Утвержден был и перенос Полевого штаба из Серпухова в Москву. Вацетису планировали дать «почетное военное назначение с приличным окладом»¹⁰³. Вскоре ключевые посты в советской Ставке заняло прежнее руководство Восточного фронта.

Однако ни почетного назначения, ни приличного оклада Вацетис не получил. 8 июля в Серпухове прошли аресты Вацетиса и его окружения, преподнесенные как разоблачение некоего военного заговора. Вероятно, речь шла как об осознанной компрометации бывшего главкома, а через него и Троцкого, так и о перестраховке. Вероятно, существовали опасения, что Вацетис не захочет подчиниться

решению о своем смещении, тем более в Серпухове дислоцировался верный Вацетису 5-й Латышский стрелковый полк. Определенную роль играли и опасения партийной элиты относительно бонапартистского переворота.

По всей видимости, к 1919 г. Вацетис уже относил себя к советскому военно-политическому Олимпу, считал себя «неприкасаемым». Он достаточно свободно обращался к партийным руководителям. Арест явился для него полной неожиданностью и воспринимался с нескрываемой обидой и непониманием на протяжении многих лет. Даже в характеристике Вацетиса как преподавателя Военной академии РККА за 1924 г. отмечено, что «снятие его с должности главкома произвело на тов. Вацетиса огромное впечатление в свое время, от которого он не может освободиться и по сей день»¹⁰⁴. К моменту составления этой характеристики со смещения главкома прошло уже около пяти лет. Тем не менее эти события все еще болезненно переживались Вацетисом.

После ареста Вацетиса временное исполнение обязанностей сразу по двум должностям — главкома и начальника Полевого штаба — взял на себя М. Д. Бонч-Бруевич. Вацетис позднее утверждал, что и под арестом продолжал осуществлять управление войсками¹⁰⁵. Насколько это верно — большой вопрос. Но с арестованным, учитывая его огромный опыт, вполне могли консультироваться по наиболее трудным вопросам.

22 сентября 1919 г. арестованный Вацетис отправил письмо Ленину, в котором убедительно доказывал абсурдность выдвинутых против него обвинений¹⁰⁶. Возможно, это письмо сыграло свою роль в последовавшем примерно через две недели решении освободить опального главкома из тюрьмы. Второе такое письмо он отправил Ленину 27 октября 1921 г. (там уже затрагивался вопрос взаимоотношений с С. С. Каменевым и РВС Восточного фронта)¹⁰⁷. Президиум ВЦИК 7 октября 1919 г. принял постановление о прекращении дела¹⁰⁸. При этом ВЧК предлагалось установить за Вацетисом тщательный надзор. Никаких доказательств существования заговора чекистам обнаружить не удалось. В дальнейшем Вацетис уже значимой роли в руководстве Красной армии не играл. Интересно, что в 1921 г. Вацетис отправил свою семью (жену и троих детей) в Латвию, очевидно, намереваясь туда перебраться следом¹⁰⁹. Как мы знаем, карьера его в РККА уже закатывалась, никакой благодарности за свой вклад в победу РККА, кроме служебных неприятностей, он не получил, так что понять мотивы одного из создателей Красной армии можно. Тем не менее уехать он не решился, что впоследствии стоило ему жизни (из трех основоположников РККА только Вацетис оказался расстрелян).

Карьера Бонч-Бруевича в руководстве РККА также завершилась летом 1919 г., вскоре после выполненной им миссии по чист-

ке Полевого штаба. 22 июля 1919 г. он сдал должность начальника Полевого штаба П. П. Лебедеву¹¹⁰. С 31 августа 1919 г. Бонч-Бруевич был переведен в распоряжение начальника ВГШ, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР¹¹¹. За свою деятельность он не удостоился никаких наград. Лишь в 1926 г. получил благодарность РВС СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности¹¹².

Попытку вернуться в военное руководство Бонч-Бруевич предпринял в конце 1919 г. Тогда он представил В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому доклад о том, что к весне 1920 г. РККА помимо белых армий столкнется со скоординированными действиями армий западных соседей. В этой связи он предлагал разгрузить главкома от лишней работы по военному строительству и подготовке обороны страны. По мнению Бонч-Бруевича, ВГШ занят «текущими делами и в идейном отношении являет лишь случайное творчество, вытекающее из его собственного частного почина или возникающее по заказу свыше. Кроме того, личный состав Главного штаба подобран в соответствии с исполнительно-административной деятельностью, а потому к творческой работе по обороне страны он вовсе не пригоден»¹¹³.

«Ясно, что в ныне существующей военной системе, в ее центре Реввоенсовете, недостает органа, систематически непрерывно и ответственно работающего в области усовершенствования военного строительства, а также в области постановки обороны страны на должную высоту»¹¹⁴. Бонч-Бруевич отметил, что стране нужен орган для разработки оснований развития и пополнения армии, руководства военной разведкой и контрразведкой, объединения деятельности и службы Генштаба, руководства академией Генштаба РККА, направления деятельности военно-исторической комиссии, разработки общего плана обороны страны и мер повышения качества комсостава, выработки заданий по подготовке потенциальных театров военных действий. Таким органом должен был стать, по мысли бывшего генерала, всероссийский Генеральный штаб, начальник которого также курировал все назначения генштабистов. К проекту прилагались положение о начальнике Генштаба и штат, предусматривавший 106 человек. Не трудно предположить, что в роли начальника Генштаба и вершителя судеб военспецов-генштабистов Бонч-Бруевич видел самого себя. Тем более что с разведкой и контрразведкой он был связан по дореволюционной службе, и эта сфера его живо интересовала. Разумеется, проект не получил поддержки — большевики не собирались доверять военспецам военную контрразведку, уже закрепившуюся в чекистском ведомстве.

Третьим военспецом, ставшим во главе РККА, был Сергей Сергеевич Каменев (03/04.04.1881–25.08.1936). По свидетельству учившегося с Каменевым в академии и дружившего с ним будущего

белого генерала П. С. Махрова, «несмотря на его усидчивость, академия давалась ему трудно. На последнем, дополнительном курсе его положение было критическим по общей сумме баллов»¹¹⁵. Однако Каменеву досталась та же тема, которую за два года до того защитил брат Махрова Николай. Через П. С. Махрова он раздобыл доклад его брата, что позволило Каменеву получить 12 баллов за тему, за что он испытывал чувство благодарности к Махровым на протяжении многих лет. По мнению П. С. Махрова, Каменев «был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны... во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, попав в Красную армию, он служил большевистскому правительству так же честно, как и царю и Временному правительству»¹¹⁶.

Каменев оценивался начальством как «по всем отношениям выдающийся офицер Генерального штаба и отличный боевой строевой начальник»¹¹⁷. Офицер считался достойным выдвижения на генеральские должности.

На посту командира 30-го пехотного Полтавского полка Каменев проявил себя как твердый начальник, обладающий мужеством, распорядительностью и хладнокровием, любящий военное дело, знающий быт офицера и солдата и заботящийся о них. Забота о солдатах, видимо, сыграла роль в том, что Каменева в 1917 г. избрали командиром полка. Обладая опытом работы с комитетами, Каменев довольно рано примкнул к красным в качестве военного специалиста, добровольно поступив на службу в Красную армию. По всей видимости, он считал необходимым продолжение борьбы с внешним врагом, но первоначально не стремился к вовлечению в Гражданскую войну. С начала апреля 1918 г. Каменев служил в войсках завесы, прикрывавших территорию Советской России от возможного возобновления войны с Германией, являлся помощником военного руководителя и военным руководителем Невельского отряда завесы. С самого начала новой службы Каменев столкнулся с издержками первого периода существования Красной армии — партизанщиной, неподчинением приказам, присутствием в подчиненных отрядах уголовных элементов, дезертирством.

В августе 1918 г. Каменев был назначен помощником военного руководителя Западной завесы В. Н. Егорьева и военруком Смоленского района с подчинением ему районов — Невельского, Витебского и Рославльского. Задачей Каменева в это время являлись прием уездов Витебской губернии от оставлявших их немцев, а также формирование дивизий РККА. В сжатые сроки под его руководством были сформированы и отправлены на Восточный фронт Витебская дивизия и Рославльский отряд.

Заметили Каменева и стали выдвигать на крупные посты осенью 1918 г. Именно тогда, в сентябре 1918 г., он получил ключевой в тот

период пост командующего Восточным фронтом. Фронт в то время еще продолжал создаваться. Приходилось организовывать и штаб фронта, так как прежний штаб забрал с собой Вацетис, ставший главкомом. Возможно, это обстоятельство послужило основанием для конфликта двух последовательно сменивших друг друга на двух постах военспецов.

Каменев стремился уклониться от вовлечения в Гражданскую войну, предстоявшее назначение командующим на Восточный фронт его угнетало. Известный перебежчик генерал А. Л. Носович вспоминал: «В приемной нас было только двое. Каменев не находил себе места. Его нервное напряжение, казалось, было у предела истерии. Каменев сыпал такого рода фразами: “Нет, скажите, что мне делать... Они мне предлагают в командование Восточный фронт... Поймите, я же не могу идти против белых патриотов... Я же не могу быть заодно с большевиками... Я не могу командовать войсками против белых... Нет, я сойду с ума... Я уже сумасшедший...” Я начал его успокаивать как мог»¹¹⁸. Это свидетельство подтверждается и показаниями бывшего начальника ВГШ А. А. Свечина по делу «Весна». Свечин отметил: «В 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне как к начальнику Всероссийского Главного штаба поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я остановился на выборе С. С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба I армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта»¹¹⁹ выделился как дельный руководитель Невельского участка... В то время все офицеры старой армии, поступившие на службу в Красную армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте, и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с Гражданской войной... Под этим настроением С. С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду... Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и Склянскому на меня. С моими объяснениями Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной С. С. Каменев помирился лишь года через 3–4»¹²⁰. В других показаниях Свечин отметил, что Каменев, «целя свое место на Западном фронте в Смоленске, счел свое назначение на фронт Гражданской войны актом личной мести с моей стороны и жаловался Троцкому и [Э. М.] Склянскому. На этой почве сложились между мной и Каменевым враждебные отношения, продолжавшиеся 4–5 лет»¹²¹.

История назначения Каменева не являлась секретом в среде военспецов. Ее отголоски прослеживаются даже в советской авторизованной биографии Каменева: «Не без опасений и внутренних переживаний принял К[аменев] Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать — каким порядком можно управлять войсками фронта»¹²². Вацетис сполна поиронизировал на этот счет: «Теперь рассказанные истории покажутся немного забавными. Отказываться от поста командфронта! В старой армии в погоне за такой должностью генштабисты ломали друг другу шею. Но дело в том, что тогда, осенью 1918 года, Восточный фронт (чехословацкий) считался “братоубийственным” и среди лиц старого Генерального штаба было трудно найти человека, отправлявшегося туда беспрекословно»¹²³. Впоследствии Каменев смирился и служил добросовестно. В нем произошел какой-то внутренний надлом, поскольку дальнейшая его служба, по отзывам знавших его людей, представляла пример поведения безгласного человека, пресмыкавшегося перед комиссарами¹²⁴.

В мемуарах Вацетиса Каменеву досталось немногим меньше, чем Бонч-Бруевичу. Вот лишь некоторые примеры: «С. С. Каменев лгал самым беспардонным образом»¹²⁵, Каменев был «какой-то чужак Генерального штаба»¹²⁶, «Дисциплинка ничего себе!»¹²⁷.

Еще в декабре 1918 г. члены РВС Восточного фронта С. И. Гусев и И. Т. Смилга, а также заведующая политотделом фронта Г. И. Окулова-Теодорович сообщали председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о попытках Вацетиса сместить Каменева. Свердлов призывал Троцкого поддержать работников РВС и воспрепятствовать этому¹²⁸.

Углубление конфликта, вероятно, связано с участием Каменева в расследовании сдачи Перми. Тогда, в январе 1919 г., он обвинил в неудачах Вацетиса и начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева¹²⁹. Вполне возможно, это делалось при поддержке расследовавших дело И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского. Вацетис же возлагал вину на Каменева, который, по его мнению, и сдал белым Пермь без боя¹³⁰.

В 1919 г. Каменев сыграл важную роль в победе над колчаковскими армиями на Восточном фронте. Однако в самый разгар операций в результате конфликта с главкомом Вацетисом он был неожиданно снят с должности и вынужденно бездействовал несколько недель, хотя и пытался влиять на события на фронте. Вместо него фронт возглавил бывший генерал А. А. Самойло, присланный с Севера России. Назначение стало полной неожиданностью и для Самойло, вызвало протесты РВС и комиссаров 6-й отдельной армии, которой он командовал, поскольку партийцы опасались возможных проблем на фронте в решающий период¹³¹.

По этому поводу Самойло писал: «Мне не приходило, однако, в голову, что непредвиденное событие может разрушить мои надеж-

ды... Как ни неожиданно для меня было это предложение, я тотчас представил себе всю его нелепость. Как можно было в критический момент самых горячих боевых действий снимать с должности командующего — пусть даже виновного в боевой неустойке, но держащего в руках все нити такого сложного аппарата, как управление фронтом! Эта нелепость неизмеримо выростала в моих глазах оттого, что на замену Каменева выдвигался человек со стороны, находящийся совершенно не в курсе событий на фронте, не знающий войск и их начальников, не знающий ближайших сотрудников. Наконец, предложение было и противозаконно, так как замещать командующего можно лишь его начальником штаба как единственным человеком, стоящим в курсе дел и могущим без перерыва руководить боевыми действиями. Нелепость предстоящей перемены выростала еще больше при мысли, что моим собственным заместителем в 6-й армии являлся человек, очевидно, столь же незнакомый с условиями Северного фронта, как я с условиями Восточного»¹³².

Начальник Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяев 2 мая 1919 г. предварительно все же запросил мнение Самойло по поводу предстоявшего назначения. Самойло ответил: «Прежде всего, [я] солдат. Мое первое правило ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться. Положение[:] Восточному фронту очень трудно, и принять его при таких условиях, конечно, улыбаться не может. Обидно и бросать Северный фронт, так сказать, накануне решающих событий. Вот все, что могу сказать. Прибавить могу лишь свою признательность за доверие. Все»¹³³. После этого ему было предписано экстренным поездом выехать в Симбирск, сдав командование начальнику штаба. По пути предполагалась встреча в Серпухове с Вацетисом, для чего по прибытии в Москву необходимо было созвониться с последним по кремлевскому телефону.

Причины этой истории до сих пор не вполне понятны. Согласно оперативным телеграммам дело заключалось в допущенных Каменевым дефектах¹³⁴. Есть версия о том, что неожиданное назначение Самойло произошло по решению Вацетиса при поддержке Троцкого в результате конфликта Вацетиса с РВС Восточного фронта (непосредственно с Каменевым и С. И. Гусевым). Сам Вацетис позднее утверждал, что стремился лишь облегчить жизнь начальнику штаба фронта П. П. Лебедеву, которому Каменев якобы мешал проводить разработанный Вацетисом план¹³⁵. К началу мая срыв наступления белых на Восточном фронте уже наметился, и, возможно, Вацетис просто не хотел, чтобы Каменев пожал лавры победителя Колчака.

По свидетельству Самойло, штаб Восточного фронта во главе с П. П. Лебедевым и РВС были против его назначения, а бывший командующий Каменев и вовсе таил неприязнь еще с дореволюционных времен. Каменев даже продолжал жить в Симбирске на квар-

тире Гусева и после приезда Самойло и пытался через Гусева влиять на принимаемые решения¹³⁶. Более того, в середине мая Каменев с подачи Гусева¹³⁷ приехал в Москву, где встречался с Э. М. Склянским и В. И. Лениным, причем последний приказал Каменеву отправиться в Серпухов и договориться с Вацетисом¹³⁸. Главком же сообщил Каменеву, что тот был отстранен за невыполнение приказа и недисциплинированность. Лишь вмешательство члена РВСР С. И. Аралова несколько сгладило ситуацию.

Как отмечал Самойло в позднейшей автобиографии, «этот период явился для меня наиболее тяжелым в смысле сложившейся обстановки моей служебной работы»¹³⁹. Самойло подтвердил, что замена являлась инициативой Вацетиса и шла вразрез с мнением членов РВС фронта¹⁴⁰. Вацетис в мемуарах описывал ужасы травли Самойло группой Каменева (хотя сам тогда был не меньшим «троцкистом», чем обвиняемые им): «На почве зависти, конечно, против А. А. Самойло выступила целая группа недоброжелателей. Эти недоброжелатели орудовали как в Рев. Воен. Совете Восточного фронта, так и вне его. Троцкисты видели в А. А. Самойло человека, опасного для себя, который не постесняется раскрыть заговорщицкие замыслы троцкистов, а потому решили выжить его с Восточного фронта и вернуть С. С. Каменева. Против А. А. Самойло была поднята гнусная травля»¹⁴¹.

Из-за конфликта с РВС фронта и подчиненными Самойло едва выдержал на новой должности три недели. Уже 25 мая (фактически с 28/29-го) командующим армиями Восточного фронта вновь стал Каменев, а Самойло пришлось вернуться на прежнюю должность. Очевидно, подобные кадровые решения Вацетиса, не имевшие надлежащего обоснования и граничившие с самоуправством и сведением счетов, подрывали авторитет главкома. Нельзя исключать того, что эта история добавила Ленину еще один аргумент в вопросе замены главкома.

Но, по мнению Вацетиса, если бы командующим фронтом оставили Самойло, к середине августа Гражданская война на Востоке уже бы закончилась, «но этого энергичного командующего фронтом Р[еволюционный]В[оенный]Совет Вост[очного]фронта постарался вытеснить и очистил место бездарному и слабовольному стратегическому рамоли, чтобы сделать Восточный фронт инструментом в руках троцкистской политики... Для Колчака план С. Каменева являлся находкой: он мог драться сколько времени хотел западнее Урала, на Урале и в Сибири»¹⁴². Думается, Вацетис здесь несколько лукавил. По его свидетельству, «главное командование не скупилось в средствах воздействия на С. Каменева, чтобы заставить его бросить кунктаторский¹⁴³ способ действий, бросить тактику пуганой вороны. Но все было напрасно»¹⁴⁴.

Вацетис этой истории просто так не оставил и доверительное письмо Самойло с изложением недостатков организации фронта

направил 9 июня 1919 г. Ленину и Троцкому с сопроводительным письмом: «Ради пользы дела и создания нормальных условий работы на Восточном фронте считаю необходимым этот доклад довести до Вашего сведения»¹⁴⁵. В тот же день члены РВС Восточного фронта со своей стороны направили Ленину докладную записку, в которой директива Вацетиса была названа «крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции»¹⁴⁶.

Недовольство Вацетиса вызывали остановка фронта на реке Белой в июне 1919 г. (Каменев же позднее, исказив полученную директиву № 2192/оп от 6 июня¹⁴⁷, утверждал, что этот приказ исходил от самого главкома и он его выполнять не собирался¹⁴⁸), а также бездарное преследование белых, загонявшее их все дальше на Восток, и погоня за пространством вместо разгрома противника в Приуралье, которого добивался Вацетис¹⁴⁹. Его распоряжения Каменеву приобрели резкий характер. Например, в директиве № 2901/оп от 12 июня Вацетис отметил, что присланный Каменевым план не соответствует обстановке на фронте, намеченный удар придется в пустое пространство, а действия Каменева нарушают Полевой устав. Вацетис прямо указывал, что в деятельности Каменева заметны недопустимые упущения¹⁵⁰. В директиве № 2903/оп от 12 июня Вацетис даже указал Каменеву на его «недопустимое кунктаторство, совершенно не отвечающее ни общей политической, ни стратегической обстановке»¹⁵¹.

По мнению бывшего полковника Н. Е. Какурина, в директивах Вацетиса «многословие... и отсутствие четкой формулировки ближайших и последующих задач... и дало, на наш взгляд, повод к недоразумениям, в которых обе стороны могли считать себя правыми»¹⁵².

В 1921 г. Вацетис писал Ленину: «По вопросу о преследовании разбитых армий Колчака были недоразумения чисто тактического характера, а именно: я требовал вести преследование форсированным порядком, отдельными подвижными и гибкими, приспособленными для действий в Уральских горах, авангардами, а не громоздкими дивизиями и армиями, дабы не дать возможности северной группе войск Колчака, каковая была только потрепана, но не разбита, уйти через проходы Северного Урала в Западную Сибирь. Эти авангарды я предлагал усиливать по мере надобности за счет переходивших на нашу сторону в большом количестве войсковых частей Колчака, конечно, проделав с ними предварительно известную подготовку и отбор соответствующего элемента. Это один из видов революционной тактики, который в данном случае можно было применить с успехом. Помимо этого я требовал, чтобы остатки армии Колчака были ликвидированы не позже середины августа (конечно, того же 1919 года), не выпуская их из пределов Урала. На это свое требование я получил ответ от Реввоенсовета Вост[очного]фронта, коим в то время снова командовал тов. Каменев, что эта задача невыпол-

нима ранее поздней осени. Я не мог требовать больше того, что люди могли дать.

Но самое настоящее недоразумение у меня с Реввоенсоветом Востфронта вышло совершенно на другой почве, о чем тов. Смилга по не известным мне причинам почему-то совершенно умалчивает. Я категорически требовал переброски с Востфронта четырех безработных (за неимением перед собой противника) дивизий на Южный и Западный фронт против армии Деникина и Юденича, где у нас чувствовалась большая потребность в резервах. Реввоенсовет Востфронта всеми мерами тормозил эту крайне необходимую стратегическую меру и свел в конце концов к тому, что будто бы таковое снятие войска с Востфронта препятствует использованию успехов, достигнутых на Волге. Такое обвинение, конечно, — полный абсурд, что и подтвердили впоследствии события на Южном фронте, показавшие, что я был действительно прав, требуя еще в мае начать переброску дивизий на юг с Востфронта, каковые там действительно были совершенно свободны.

Реввоенсовет Востфронта действовал с точки зрения своей колокольни, а между тем в моих руках был стратегический рычаг всей войны.

Как политическая, так и стратегическая обстановка требовала разгрома армии генерала Деникина в кратчайший срок, и для этой цели я должен был найти необходимые силы.

Ведь было ясно, что главным театром военных действий является все-таки территория Европейской России, что здесь именно завязан узел окончательной победы, а потому рано было уводить все лучшие войска, каковыми у нас были армии Востфронта, с этого театра в Азию»¹⁵³.

9 июня 1918 г. Ленин, 13-го — Троцкий, а 15-го и 17-го — ЦК и РВСР поддержали распоряжения Вацетиса, признав необходимость переброски войск с Восточного фронта для ликвидации угроз на Юге и Северо-Западе и продолжения наступления на Восточном фронте¹⁵⁴. Однако РВС Восточного фронта со старыми большевиками С. И. Гусевым (которого Ленин знал около двух десятилетий), М. М. Лашевичем и К. К. Юреневым имел большее влияние на председателя СНК, чем беспартийный главком. Неудивительно, что в конечном итоге Вацетис проиграл, а руководство Восточного фронта в лице С. С. Каменева, П. П. Лебедева и С. И. Гусева заняло кабинеты в советской Ставке.

Критика Вацетиса раздавалась с разных сторон и накладывалась на собственные виды большевистского лидера. Ленин первоначально не собирался заменять Вацетиса Каменевым, а видел последнего кандидатом на замену начальнику Полевого штаба Костяеву¹⁵⁵, но Троцкий, знавший особенности характера Каменева, отметил, что

целесообразнее возвратить последнего на командный пост — «по своему складу это командующий, а не начальник штаба»¹⁵⁶. Свою роль сыграл и авторитет Каменева как победителя Колчака¹⁵⁷.

По собственному признанию Каменева, он плохо ориентировался в политической обстановке, видевшейся ему «как в тумане». Важную роль в его политическом становлении сыграл С. И. Гусев. Именно Гусев способствовал тому, что на Каменева обратил внимание Ленин. В июле 1919 г. в результате скандального дела Полевого штаба, ставшего проявлением политической борьбы группировок в большевистском руководстве, Вацетис был смещен и арестован вместе со своим ближайшим окружением, а новым главнокомандующим стал Каменев. Ближайшим соратником Каменева в Гражданскую войну как на Восточном фронте, так и на посту главкома являлся П. П. Лебедев — бывший генерал и талантливый генштабист. Перебрался в Ставку и покровитель Каменева Гусев, ставший военкомом Полевого штаба¹⁵⁸.

По мнению Вацетиса, Каменев заранее узнал, что будет назначен главкомом, и стал готовить наступление на Южном фронте. С этой целью, примерно за полмесяца до своего вступления в должность, еще на Восточном фронте он разработал план борьбы с Деникиным, предусматривавший действия по недопущению его соединения с армиями Колчака и наступления Южного фронта левым флангом через Донскую область. Реализуя свой замысел, он, если верить Вацетису, в обход главного командования и вопреки задачам своего фронта стал стягивать силы за правым флангом Восточного фронта для их будущего использования на Юге и удара от Саратова¹⁵⁹. Однако к моменту назначения Каменева главкомом такой план уже устарел, так как Колчак был разгромлен и соединение его с белыми армиями Юга России представлялось маловероятным. Тем не менее сразу после своего назначения Каменев с настойчивостью, заслуживавшей лучшего применения, взялся за реализацию собственного плана удара по Деникину, хотя существовавший к 22 июня 1919 г. план его оппонента Вацетиса, который предусматривал нанесение главного удара силами 14, 13 и 8-й армий (из района Полтава — Курск — Воронеж) через Донбасс к Новочеркасску¹⁶⁰, намного больше соответствовал обстановке¹⁶¹.

План Каменева (директива от 23 июля) предполагал начало операции в августе¹⁶². Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были нанести располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии. Эти армии сводились в Особую группу В. И. Шорина — бывшего командующего 2-й армией и Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте.

Каменев проявил большое упорство в отстаивании своего плана, предусматривавшего в противоположность плану Вацетиса главный

удар силами 9-й и 10-й армий через те районы, где красных ждало наиболее ожесточенное сопротивление антибольшевистски настроенного казачества. План Каменева поддерживал Ленин. В результате августовское наступление советского Южного фронта провалилось¹⁶³, а белые вышли на дальние подступы к Москве (дошли до Орла и Мценска, что несло угрозу главному советскому арсеналу — Туле), поставив под угрозу существование Советской России¹⁶⁴. Планы пришлось срочно менять и экстренно спасать положение посредством скоординированных действий фронтов, в результате чего удалось достичь перелома.

Вацетис в конце 1919 г. с обидой писал об утрате преемственности в советской стратегии при своем преемнике: «После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налицо имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение Ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождались неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте донского казачества. Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»¹⁶⁵.

Наглядна характеристика Каменева, данная Вацетисом: «Полковник Сергей Сергеевич Каменев был начальником оперативной части 1[-й] армии [П. К.] Ренненкампа. Своим бездействием и неумением оценить обстановку Каменев в значительной мере содействовал разгрому немцами армии [А. В.] Самсонова, а также беспорядочному бегству армии Ренненкампа в начале Великой войны»¹⁶⁶. Бонч-Бруевич тоже недолюбливал Каменева за его деятельность в 1914 г.: «Я давно и довольно близко знал Каменева и понимал, что не сработаю с ним. Его нерешительность, известная флегма, манера недоговаривать и не доводить до конца ни собственных высказываний, ни принятых оперативных решений, — все это было не по мне... во мне говорило не обиженное самолюбие, а боязнь совместной работы с таким офицером, которого я никак не считал способным руководить давно превысившей миллион бойцов Красной армией»¹⁶⁷. Бонч-Бруевич не видел продолжения своей службы при Каменеве. Личные взаимоотношения вновь повлияли на важнейший кадровый вопрос. К сожалению, сведений об отношении Каменева к Бонч-Бруевичу выявить не удалось — из всех троих основоположников РККА он единственный не оставил подробных воспоминаний.

Как главнокомандующий Каменев руководил борьбой на всех фронтах — против генерала Юденича под Петроградом, против поляков в период советско-польской войны (Каменев был разработчиком планов наступления на Польшу), против генерала Врангеля на Юге (в последнем случае Каменев лично участвовал в разработке плана Перекопско-Чонгарской операции). После завершения широкомасштабной Гражданской войны в ноябре 1920 г. Каменеву приходилось руководить операциями по ликвидации бандитизма, повстанческого движения, по подавлению восстания в Карелии (Каменев даже выезжал на театр военных действий), руководил он и борьбой с басмачеством, непосредственно находясь в Туркестане. Под руководством Каменева был ликвидирован Энвер-паша, пытавшийся противостоять большевикам под лозунгами панисламизма.

Каменев удостоился неоднозначной оценки современников и потомков. Недоброжелатели отзывались о нем как о «человеке с большими усами и маленькими способностями». Ленин, считавший Каменева своим выдвиженцем, также неодобрительно отзывался о новом главкоме. Ему ничего не стоило написать, например, в ноябре 1920 г.: «Глупый доклад главкома о Кавказе...»¹⁶⁸ В ответ на другой документ Каменева о борьбе с бандитизмом Ленин написал Склянскому: «Ответ глупый и местами безграмотный. Отписка бюрократическая вместо дела... внушите Пол[евому] штабу, что надо работать, а не отписываться»¹⁶⁹.

Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического

воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным советом (РВСР. — А. Г.) и Восточным фронтом. [И. Т.] Смилга и [С. И.] Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетиса и Каменева. — А. Г.) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт Великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения»¹⁷⁰.

В целом, Каменев пользовался расположением Ленина. Показателем высочайшего доверия Ленина стало удовлетворение советским лидером неоднозначного требования последнего в октябре 1919 г. Тогда главком потребовал предоставить ему право экспертной оценки правительственных директив по военным вопросам: «Имея же в виду, что военная обстановка во всем ее объеме и глубине наиболее известна главнокомандующему, я считаю необходимым, чтобы всякая директива правительства, предварительно облеченная ее в формулу решения правительства, сообщалась в проекте на заключение главнокомандования.

Если затем правительство все же признает необходимым дать директиву, не согласованную с заключением главнокомандования, то последнее, приняв ее к исполнению, обязуется представить правительству в письменном виде свои заключения о несоответствии полученной директивы»¹⁷¹. 22 октября 1919 г. требование было Лениным уважено¹⁷².

Именно при Каменеве Красная армия одолела всех врагов и вышла победительницей из Гражданской войны. Каменев являлся активным сторонником наступательной стратегии как единственно

возможного способа ведения боевых действий в Гражданской войне, крупным военным администратором, но был вынужден крайне осторожно вести себя в отношении партийного руководства и заискивать перед ним.

* * *

Будучи поставлены на высокие посты в новой армии, первые ее руководители из военспецов не только внесли огромный вклад в создание РККА, но также привнесли в военное строительство и сопровождавший их багаж жизненного опыта и взаимосвязей, что не замедлило отразиться на становлении армии.

Казалось бы, малозначительный конфликт Бонч-Бруевича и Вацетиса, возникший и усугубившийся на почве личной неприязни и соперничества, способствовал формированию Восточного фронта РККА не по прежнему образцу отрядов завесы, как предлагал ВВС. Затем на волне углублявшегося конфликта с Вацетисом и после того, как возникла идея упразднения ВВС и назначения Вацетиса главкомом, Бонч-Бруевич был вынужден подать в отставку. Одним из следствий этой отставки стало ускорение военно-административной реформы в РККА — упразднения ВВС, создания РВСР и его структур, а также учреждения поста главнокомандующего, которым после ухода из руководства РККА своего оппонента стал Вацетис.

Конфликт Вацетиса с его преемником на посту главкома Каменевым отразился на кадровых перестановках весны — лета 1919 г. Сначала Вацетис отстранил Каменева от должности командующего Восточным фронтом, как оказалось временно, а затем уже сам Каменев, в том числе в результате мощной поддержки РВС Восточного фронта, не только вернул себе прежний пост, но по решению партийного руководства практически вместе со своим штабом сменил Вацетиса и его окружение в советской Ставке.

В процесс смещения Вацетиса и кадровые игры оказался вовлечен Бонч-Бруевич. Возможно, сыграло свою роль известное партийным лидерам его неприязненное отношение к Вацетису. Сотрудничество двух непримиримых противников оказалось невозможным. Однако после ареста Вацетиса невозможной в силу личного фактора оказалась и совместная работа Бонч-Бруевича с Каменевым.

Неприязненные отношения высокопоставленных военспецов отрицательно сказывались на вопросах военного планирования, приводили к сложностям в управлении войсками и к отказу от реализации планов, разработанных оппонентами, даже если в них имелось рациональное зерно. Так, на Восточном фронте Каменев сначала не сумел разгромить живую силу противника в Приуралье, как того

хотел Вацетис, а лишь теснил ее. Затем Каменев, по-своему интерпретировав директиву главкома, по существу отказался ее выполнять. Коснулось это и отказа Каменева от реализации предложенного Вацетисом плана наступления на Южном фронте. Упорное выполнение Каменевым своего плана привело к неудачам на этом фронте в августе — сентябре 1919 г. и имело следствием то обстоятельство, что Советская Россия осенью 1919 г. оказалась на краю гибели. Лишь после этого вернулись к идее наступления на украинском направлении, которую прежде и при несколько иных условиях предлагал Вацетис. Таким образом, сложные личные взаимоотношения трех видных военных специалистов самым серьезным образом отразились на особенностях строительства Красной армии, кадровых изменениях в ее руководстве и вопросах военного планирования.

Рабочий день

Будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников писал: «Мы начали бы ломиться в “открытую дверь”, если бы приступили к докладательствам необходимости у начальника штаба большой работоспособности. Современное военное дело настолько усложнилось, настолько быстро шагает вперед, что необходимость идти нога в ногу с ним вынуждает к усиленной работе. Сутки современного начальника Генерального штаба не имеют излишествующих часов, а, наоборот, в них чувствуется недостаток, ибо нагрузка велика. Слов нет, что от такой нагрузки не далеко и до перегрузки, а затем переутомления и невравственности, а поэтому для начальника штаба очень важно нормализовать свою работу, может быть, прибегнув и к системе НОТ, необходимо поддерживать свое тело и дух, не доводя их до истощения. Мы не хотим давать рецептов нормальных дней начальника Генерального штаба, ибо у таких “высоких” людей должен быть свой “жанр” не только вести войну, но и работать»¹⁷³.

В годы Гражданской войны труд специалистов Генерального штаба был чрезвычайно напряженным и практически ненормированным. Это проистекало из факта катастрофической нехватки кадров Генштаба в армии, в результате чего многие специалисты вынужденно совмещали целый ряд должностей, что, разумеется, резко увеличивало нагрузку. Фактически именно бывшие офицеры-генштабисты вынесли на своих плечах всю техническую работу по созданию многомиллионной Красной армии.

Как отмечал Шапошников, «академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению ее в указанный срок»¹⁷⁴. В условиях Гражданской войны подобные навыки оказались особенно востребован-

ными. Сохранилось немало свидетельств о режиме работы офицеров Генштаба и его влиянии на психологическое состояние и здоровье. Условия службы военспецов в Красной армии были крайне тяжелыми, тем более что бывшие офицеры нередко воспринимались новой властью как заведомые враги, которых нет смысла жалеть, а необходимо использовать по максимуму. Фактически к военспецам относились как к безграничному ресурсу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Советский главком И. И. Вацетис вспоминал: «Я могу констатировать, что бывшие офицеры Генерального штаба несут свои тяжелые обязанности с большим самоотвержением, отдаются делу целиком и контрреволюционности в их среде не замечается... среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и приведении ее на ратное поле, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать, и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба...»¹⁷⁵ Ниже он писал: «В критический момент, когда будут колебаться шансы победы, я очень опасаясь, чтобы в эту минуту среди издерганных, изнервничавшихся, доведенных до состояния неуравновешенности лиц Генерального штаба не начались массовые самоубийства на почве отчаяния»¹⁷⁶.

Начальник Штаба РККА П. П. Лебедев, по воспоминаниям дочери, отправлялся на службу к 9 часам утра, приезжал домой обедать в 18 часов, отдыхал и вновь ехал на службу к 21 часу, возвращаясь домой в 3–5 утра. Так повторялось ежедневно без выходных. Таким образом, работать приходилось по 15–17 часов в сутки. Поддерживал силы Лебедев каждодневным употреблением 50 граммов водки¹⁷⁷.

Бывший полковник Б. М. Шапошников, занимавший должность начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР, по воспоминаниям сослуживца, бывшего капитана А. В. Панова, «в продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17–18 часов)... с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале — налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем — повышая ее производительность... Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве. Обыкновенно, закончив свой трудовой

день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колот дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4–5 часов, после “завтрака” из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намека на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах»¹⁷⁸. Панов свидетельствовал, что ночные доклады в Полевом штабе нередко затягивались до 3–5 часов утра, «это объяснялось тем, что к ночи накапливался более существенный материал для доклада, а также и тем, что к концу доклада и обсуждения событий обычно приходил заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский. До его прибытия Главком не решался распускать докладчиков, и потому всем приходилось ожидать Э. М. Склянского»¹⁷⁹.

Известно, что во второй половине 1919 г. сотрудники Полевого штаба работали в оперативном управлении с 10 до 16 часов, а затем с 21 до 23 часов. В административном управлении — с 10 до 17 часов. Однако на практике заявленный график не соблюдался, практиковались ночные вызовы сотрудников или вызовы в обеденный перерыв¹⁸⁰.

Бывший капитан Г. И. Теодори писал о себе и о своих товарищах по выпуску: «Все мы издерганы непрерывной работой, перестроены гонимы и гонимы от лица к лицу... неужели достаточно желанья т. [К. А.] Механошина, чтобы нас бросали из угла в угол...»¹⁸¹ Речь шла не только о тяжелой работе генштабистов, но и о единоличных решениях партийных функционеров, из-за которых военспецов произвольно перемещали с должности на должность. Теодори позднее писал председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «Я пишу эту краткую выдержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину моей трудовой жизни и того, как мне за нее отплачено». Число часов моей суточной работы были 17–19: я приходил в 9 час. утра, уходил в 2–3 часа ночи, усталый всегда»¹⁸². Курсовик Г. Я. Кутырев сообщал в 1919 г.: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста, — такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под наркозом»¹⁸³.

Бывший есаул С. К. Сидоровнин 20 ноября 1918 г. писал о своей работе в Высшей военной инспекции: «Здоровье больше не выдерживает беспрестанных командировок, тем более что все командировки, за исключением Курска, были одиночным порядком, почти всегда в конских вагонах»¹⁸⁴.

* Подчеркнуто Г. И. Теодори.

Работа на местах была ничуть не легче, чем в центре. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесарев писал супруге 18 июня 1918 г. из Царицына: «Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице [А. Л.] Носовича... Но хорошо, что занятия в 4 кончают, а остальное время мое... Не всегда, но все-таки»¹⁸⁵.

В штабе Каспийско-Кавказского фронта в марте 1919 г., по свидетельству начальника оперативного управления бывшего полковника Е. Н. Ригельмана, работа была организована следующим образом: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов Генштаба состою на службе только один я... за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. [К. Я.] Грасиса и начальника связи т. [Г. А.] Розенфельда, в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности письмоводители, коими в большинстве своем состоят совершенно незнакомые с военным письмоводством женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелочных вопросов, обучать начальников отделения системе сортировки и подшивки бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т. д., что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу начальника оперативного отделения, то эти работы принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до 3 и с пяти до 10–11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время кроме текущей переписки на меня возложено:

- 1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам);
- 2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя;
- 3) составление военно-географического описания всего района фронта к 1 апреля.

Для исполнения всех означенных работ, в особенности последней, для которой надо, так сказать, из-под земли доставать материалы, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно.

При создавшемся положении исполнение мною означенных выше работ возможно лишь при условии, не определяя срока их окончания, предоставить мне право исполнять эти работы постолько, посколькo будет возможно.

Кроме того, прошу не давать для исполнения в оперативное управление работ по формированию войск, хозяйственного характера и других, которые в настоящее время для быстроты исполнения проходят через вверенное мне управление, не имея к нему прямого отношения.

Прошу также о выписке хотя бы некоторого количества лиц Генштаба»¹⁸⁶.

Командующий 6-й армией А. А. Самойло и его начальник штаба работали до глубокой ночи¹⁸⁷. С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Начальник разведывательного отделения А. Н. Леонов в феврале 1920 г. был даже отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления¹⁸⁸.

Сопоставление напряженности работы в Первую мировую и в Гражданскую войны свидетельствовало, что в годы последней нагрузки были выше. 28 июля 1918 г. военрук Брянского района П. П. Сытин писал военруку ВВС М. Д. Бонч-Бруевичу из Карачева: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я тем не менее должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать, и в этом возрасте его уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет»¹⁸⁹. Сытин отмечал: «Теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1–2 час. ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рассудок от усталости»¹⁹⁰.

Курсовик Б. Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «В августе того же [1918] года я был командирован в штаб 5[-й] армии, оперировавшей под Казанью. Так как в сущности штаба армии как такового не существовало, то я по приказанию тов. Троцкого взял на себя задачу сформирования штаба армии, и одновременно мне же поручено было сведение в тактические единицы частей войск, действовавших под Казанью.

Во время этой напряженной работы, продолжавшейся круглые сутки, я заболел от переутомления и малярии. Будучи больным, я уехал из армии после взятия Казани, когда я буквально не мог уже двигаться. По выздоровлении я вновь поступил в штаб Приволжского военного округа...»¹⁹¹

В штабе 8-й армии Негродов тоже трудился буквально на износ: «Условия работы в штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов

утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки...»¹⁹² Военспец бывший генерал В. К. Гондель вспоминал, что в штабе вверенной ему 3-й стрелковой дивизии в 1919 г. приходилось напряженно работать, причем сотрудники штаба иногда не спали по несколько суток подряд¹⁹³.

В штабе 9-й армии, как сообщал в одной из телеграмм в конце 1918 г. генштабист Н. Д. Всеволодов, «нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперод [И. В.] Яцко, не досыпая... [расходуя всю?] энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]... буквально выбились из сил»¹⁹⁴. Курсовик Н. Н. Доможиров жаловался своему другу Теодори 11 февраля 1919 г.: «Я несу работу за 10-х, за 15-т[ь] человек, но такая работа может вывести и меня из строя, и тогда, смело могу думать, штаб развалится»¹⁹⁵. Разговор двух военспецов по прямому проводу завершался следующими словами: «Теодори, пока, всего тебе лучшего, держись, сколько можешь, я сам измотался до галлюцинации во сне. — Доможиров, держись пока крепко, будь здоров, всего наилучшего...»¹⁹⁶ Супруга Доможирова вспоминала, что ее муж работал буквально до обмороков, «отдавая все силы Красной армии»¹⁹⁷.

Штабная служба в прифронтовой полосе была сопряжена с опасностями. В городах действовало белое подполье, существовало множество недовольных, а страну наводняло оружие. Дочери С. С. Каменева Наталье запомнился эпизод семейной жизни при штабе Восточного фронта в Симбирске: «Варвара Федоровна, жена Сергея Сергеевича, и Наташа, давно уже привыкшие к походной жизни, полной тревог и ожиданий, надежд и опасностей, каждый вечер долгими часами стояли у окна и молча с нетерпением поглядывали на дорогу, поджидая Сергея Сергеевича.

Однажды ожидание сильно затянулось. Спустились сумерки, стало темнеть. Наконец им удалось разглядеть Сергея Сергеевича, быстро шагнувшего вместе с другими работниками штаба. Оставалось пересечь небольшой сквер, и они будут дома. Вот они уже вошли в сквер, и вдруг неожиданно раздались выстрелы. Не помня себя от страха, Варвара Федоровна с Наташей стремглаз бросились на помощь Сергею Сергеевичу и его товарищам.

К счастью, пули пролетели мимо, никого не задев. Сергей Сергеевич вместе с другими работниками спокойно продолжал путь.

Дома, сняв не торопясь шинель, он сел за стол и, как ни в чем не бывало, сказал жене:

— Давайте ужинать...»¹⁹⁸

Слушатель курсов академии Г. С. Горчаков, временно исполнявший должность начальника штаба 8-й армии, 17 октября 1919 г. телеграфировал начальнику штаба Южного фронта: «10 месяцев беспрерывно[,] не зная ни дня отдыха[,] с утра до глубокой ночи бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[альника] оперативного отделения, начальник[а] оперативного отдела и наштарма 8[-й]. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части, и был дважды тяжко ранен. Вываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями»¹⁹⁹. Месячный отпуск военспецу тогда был разрешен.

Даже в конце Гражданской войны военспецам, особенно высокопоставленным, приходилось перерабатывать. А. А. Самойло, став в 1920 г. начальником ВГШ, работал по 18 часов в сутки, причем через каждые два дня должен был делать доклады заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому, как правило, после полуночи, при этом Склянский принимал Самойло и его комиссара С. С. Данилова на час-два позже назначенного, так как, по мнению Самойло, «не умел распределить ни своего времени, ни дорожить временем подчиненных»²⁰⁰.

Бывший генерал В. Н. Клембовский 31 мая 1920 г. обратился к Э. М. Склянскому: «22-го мая я назначен для поручений при помощнике главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. Через 3 1/2 недели мне исполнится 60 лет, и этот возраст дает себя чувствовать: нет прежней энергии и трудоспособности; устаю; память не так крепка, как прежде; раны и контузия вызывают порою болевые ощущения, в особенности в зимнее время; слух, пострадавший от 6-летнего участия в 2-х кампаниях, с очень частым пребыванием в боях на артиллерийских позициях, притупляется; наконец, нервное напряжение, как результат деятельности в двух войнах и всего пережитого во время революции, подорвали здоровье и силы мои. При таких условиях я не чувствую себя способным исполнять обязанности, возлагаемые на меня новою должностью, в той мере, как это необходимо для пользы Родины в переживаемое ею серьезное время.

Но я еще не утратил способности к спокойной кабинетной работе: военно-научные исследования и труды, а равно педагогическая работа по подготовке красных офицеров увлекают меня и поддерживают во мне бодрость. По отзывам военно-педагогического персонала, самих обучаемых и командного состава тех частей, в коих я вел занятия по тактике, по военной игре и по изложению партизанских действий, эта деятельность моя приносит хорошие плоды.

Моя жена, страдающая сердечными припадками, не будет в состоянии перенести переезд на дальнейшее новое предназначенное мне местожительство; мне придется ехать одному, оставив жену и падчерицу, находящуюся на советской службе, здесь в Москве, что не может не отразиться неблагоприятным образом на моем душевном настроении, а следовательно, и на моей работе.

Все вышеизложенное побуждает меня убедительно просить об отмене моего назначения в Омск и об оставлении меня в Москве на занимаемой мною должности ответственного редактора военно-исторической комиссии, с правом продолжать преподавание по военным предметам в военно-учебных заведениях, а если возможно, то и члена Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики»²⁰¹. Склянский наложил резолюцию: «Ввиду острой нужды Сибири в серьезных военных силах прошу ускорить отъезд В. Н. Клембовского в Сибирь», но уже через несколько дней Клембовского решили направить на Юг.

Случалось, что некоторых военспецов со службы не отпускали, что приводило подчас к драматическим ситуациям. Так, начальник 54-й стрелковой дивизии генштабист Н. В. Лисовский 20 октября 1919 г. обратился к командующему 6-й армией с просьбой об отдыхе: «Я, работая непрерывно на Севере полтора года и более 14 месяцев на фронте, не имел дня отдыха. Неоднократные переброски с фронта на фронт, тяжелые условия боевой обстановки на Двине летом этого года и последнего наступления расстроили мое здоровье и нервы. Должность наштарма требует полного напряжения сил и энергии, чего я сейчас дать не могу и о чем как старый солдат честно заявляю. Я никогда не отказывался ни от каких поручений, как бы они ни были тяжелы, раз я был в силах их выполнить. На Двину уехал после серьезной болезни, раз этого требовала обстановка, но это было последнее напряжение моих сил... по долгу доношу, что без продолжительного отдыха не могу взять на себя столь ответственного поста...»²⁰² Речь шла о назначении Лисовского начальником штаба армии. Отказываясь от назначения, генштабист просил командарма Самойло о трехнедельном отпуске. Тем не менее с 27 октября он считался исполняющим должность начальника штаба армии. Ситуация

¹⁹⁸ В документе: *не имея*.

с Лисовским приобрела форму конфликта. До декабря 1919 г. он так и не принял должности начальника штаба армии и даже телеграфировал, что в связи с болезнью жены не может этого сделать. Самойло, однако, не собирался уступать и пошел на крайние меры: 15 декабря он издал приказ, направленный специально на обуздание своеволия Лисовского, о недопустимости отказа от повышения по должности, причем при повторном отказе полагался ревтрибунал. В сопроводительной записке Самойло указал: «Н[ачальнику] шт[аба]. Пр[ошу] заготовить приказ по поводу только что бывшей канители с назначением т. Лисовского (не указывая именно, с кем произошло) — о невозможности и недопустимости таких отказов и каждое распоряжение должно исполняться беспрекословно. 14/ХІІ. С[амойло]»²⁰³. В результате Лисовскому ничего не оставалось, как подчиниться²⁰⁴. Со 2 января 1920 г. он приступил к работе по новой должности.

Старый большевик И. И. Скворцов-Степанов, побывавший летом 1920 г. на Западном фронте, наступавшем на Варшаву, отмечал: «Удивительную культурную, социалистическую силу удалось создать Советской России из Красной армии! И замечательно верным путем идет она к разрешению вопроса о командном составе!»

Большинство тех военных специалистов, которых я встречал на Западном фронте, уже давно бьется в рядах Красной армии. Многие из них бывали на чехословацком, колчаковском, деникинском, оренбургском и туркестанском, на кавказском фронте, некоторые побывали на *всех* этих фронтах.

Все они утомились, устали, исхудали, обтрепались, — но никто не думает об отдыхе»²⁰⁵.

Несмотря на тяжелейшие служебные нагрузки, военспецы-генштабисты всегда находились под дамокловым мечом арестов и репрессий, что лишь усиливало атмосферу нервозности в их работе²⁰⁶. От репрессий не был застрахован никто: ни младший работник штаба дивизии, ни главнокомандующий. Аресты не только вырывали военспецов из рабочей обстановки, но наносили серьезный удар по их здоровью. В тюремном заключении у бывших офицеров возникали тяжелые заболевания. Освобожденные из-под ареста нередко нуждались в лечении, отдыхе и хорошем питании для восстановления сил.

В целом режим работы военспецов-генштабистов предопределялся чрезвычайной обстановкой Гражданской войны. Ненормированный рабочий день (порой по 18 часов практически без сна и отдыха) ложился на военспецов тяжким бременем, что усугублялось недоверием, пренебрежением и потребительским отношением к этим квалифицированным специалистам со стороны партийцев и красноармейской массы.

^{*} Курсив автора.

На фронте и в тылу

«Вскоре мы, большевики, выступим против Керенского, и первое, что мы сделаем — это вдребезги разобьем ваш Генеральный штаб», — говорил большевик М. С. Кедров генералу Н. М. Потапову в июле 1917 г.²⁰⁷ Казалось, между старой военной элитой и большевиками — целая пропасть. Однако в результате общения Потапова с Кедровым, а также Н. И. Подвойским «Октябрьские дни протекли совершенно безболезненно не только для Генерального штаба, но и для других центральных управлений и учреждений»²⁰⁸.

Большевики стремились заручиться поддержкой генералитета. М. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Мочульский, С. И. Одинцов, Н. М. Потапов, А. А. фон Таубе оказались в числе первых красных генералов из выпускников Николаевской академии. Важнейшим шагом по подчинению структур старой армии стало взятие под контроль Ставки в Могилеве 20 ноября 1917 г., когда солдатами был убит временно исполняющий должность Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин. В тот же день новым начальником штаба Ставки СНК назначил начальника гарнизона Могилева генерал-майора М. Д. Бонч-Бруевича.

Слушатель академии В. М. Цейтлин отметил 12 ноября 1917 г. в дневнике: «Заходил товарищ и возмущался, что прап[орщик] Крыленко назначен Верх[овным] главнокомандующим. Я не большевик, но смотрю здраво на вещи... чему в сущности удивляться. И Крыленко, по-моему, более нормально Главковерх, чем Керенский».

Почему же бесхарактерного присяжного поверенного можно назначать, а Крыленко — нет. А если Керенский мог... [сместить] Брусилова, Алексеева, арестовать Корнилова, то подавно Сов[ет] нар[одных] комис[саров] — сиречь Ленин, Троцкий имеют полное право подавно Духонина. Все равно, как и тогда, так и теперь, народ безмолвствует, интеллигенция боится.

Как сильными людьми Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет.

Определенно, открыто, от самого начала и до конца идут к своей цели, иногда, быть может, и не стесняясь средствами.

Ну разве они одни только считают, что цель оправдывает средства. А в общем власть их — безусловная сила»²⁰⁹. Стоявший на антибольшевистских позициях офицер постепенно менял взгляды, увидев в новой власти силу, способную прекратить хаос.

Основная масса генштабистов по привычке исполнять приказы оставалась на прежних местах службы, что и до 25 октября 1917 г. Несогласных с новой военной политикой устранили. 20 ноября 1917 г.

начальник Генерального штаба генерал В. В. Марушевский и временно управляющий Военным министерством генерал А. А. Маниковский (негенштабист) были арестованы по составленному накануне В. И. Лениным постановлению как саботажники и контрреволюционеры²¹⁰. После арестов управление военным ведомством перешло к коллегии народных комиссаров²¹¹, а исполняющим обязанности начальника Генерального штаба и помощником управляющего Военным министерством стал лояльный большевикам генерал Н. М. Потапов (ранее генерал-квартирмейстер ГУГШ). Уже 30 ноября арестованные генералы были освобождены, а следствие в их отношении прекратилось 28 июля 1918 г.²¹²

Постепенно большевики завоевали симпатии ряда представителей старой военной элиты. В это время новой власти уже помогали (помимо ранее примкнувших к ним видных генштабистов) генералы В. Е. Борисов, А. А. Балтийский, полковники В. П. Гильбих и У. И. Самсон фон Гиммельшерн. Этих интеллектуальных сил хватало для организации работы на первых порах. 22 декабря 1917 г. В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. И. Подвойский, П. Е. Дыбенко, К. А. Мехоношин и Э. М. Склянский встретились с представителями Военного министерства и ГУГШ. Управляющего делами Наркомата по военным делам Н. М. Потапова поражали простота и деловитость Ленина: «Неотразимое впечатление произвела обаятельная личность Владимира Ильича, его приветливое дружеское отношение к окружающим, его быстрое схватывание сущности вопросов, его краткие и меткие замечания. Мне чрезвычайно импонировала именно скромность, простота и в то же время исключительная деловитость всей обстановки»²¹³.

Большевики находили сознательную поддержку генштабистов и на местах. В Иркутске к красным примкнул генерал-лейтенант А. А. фон Таубе, вскоре принявший участие в разработке проекта Положения о Красной армии²¹⁴. В начале апреля 1918 г. он был избран временным начальником штаба Сибирского военного комиссариата — органа, в задачу которого входило руководство всей военной работой в Сибири.

В условиях управления военным ведомством коллегией неподготовленных лиц роль Генштаба возросла. По оценкам некоторых бывших офицеров, Потапов фактически играл роль военного министра²¹⁵. К декабрю 1917 г. разделение полномочий было следующим — В. А. Антонов-Овсенко должен был ликвидировать контрреволюционные выступления по всей республике, Н. В. Крыленко для руководства войсками отправился на фронт, а Н. И. Подвойский управлял военным аппаратом из Петрограда. Подвойский вспоминал о высших органах военного управления в начале 1918 г.: «Отсутствие налаженных аппаратов — информационного аппарата связи, Главно-

го штаба и невозможность использовать старый Генеральный штаб, почти уничтоженная Ставка»²¹⁶.

Тем не менее Народный комиссариат по военным делам смог опереться на аппарат старого Военного министерства. Не случайно один из первых генералов, перешедших на сторону новой власти, Н. М. Потапов, озаглавил свой очерк о тех событиях: «Как царское военное министерство стало народным комиссариатом по военным делам», за что удостоился критического замечания от советского публикатора этого документа, произвольно его переименовавшего²¹⁷. О том, что подобная эволюция действительно имела место, заявлял не кто иной, как вождь Красной армии, нарком по военным делам Л. Д. Троцкий на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «Старое военное министерство после октябрьского переворота было формально переименовано в народный комиссариат по военным делам. Но этот народный комиссариат по военным делам фактически опирался и не мог не опираться на тот организм, военный, который был получен из рук предшествовавшей эпохи... Народный комиссариат по военным делам опирался на эту огромную организацию [старую армию], на ее человеческий состав и на ее материальный аппарат, и в то же время в предвидении неизбежного крушения этой организации он, народный комиссариат по военным делам, создавал зародыш, эмбрион, новой армии, которая должна была в большей или меньшей степени в этот переходный период отражать структуру советского режима, ему соответствовать...»²¹⁸

Генштабисты приняли активное участие в мирных переговорах в Брест-Литовске. Троцкий якобы даже угрожал генералу В. В. Марушевскому репрессиями, если генштабисты не будут командированы на переговоры²¹⁹. В российскую делегацию на разных этапах входили генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов («черный»), генерал-майоры А. И. Андогский и В. Е. Скалон, полковники В. И. Шишкин, А. В. Станиславский, подполковники А. Н. Вагин, Ф. А. Мороз, К. Ю. Берендс, В. Г. Сухов, Д. Г. Фокке, И. Я. Цеплит, капитан В. В. Липский²²⁰. Генерал Скалон 29 ноября 1917 г. во время переговоров застрелился. Один из мемуаристов отмечал, что Скалон и Станиславский направлены были в Брест-Литовск Бонч-Бруевичем под конвоем²²¹. Ряд офицеров отказались участвовать в переговорах. В частности, профессора Военной академии М. А. Иностранцев и Г. Г. Христиани²²². Некоторые военные эксперты, участвовавшие в переговорах, позднее были вынуждены оправдываться, оказавшись под градом упреков со стороны участников Белого движения. Преследованиям со стороны белых на этой почве подвергся генерал Андогский.

Ставка сохранялась в Могилеве до февраля 1918 г., пока шла демобилизация старой армии. Тем временем после срыва советско-

германских мирных переговоров в Брест-Литовске 18 февраля 1918 г. началось немецкое наступление на Восточном фронте (операция «Удар кулаком»).

19 февраля начальник Генштаба Н. М. Потапов сообщил М. Д. Бонч-Бруевичу, что временно оперативную часть Ставки необходимо передислоцировать из Могилева в Петроград²²³. Решение на этот счет принял Ленин, выступавший в качестве сторонника привлечения военных профессионалов к созданию новой армии. На военном совете в вагоне Крыленко перед его отъездом в Петроград было решено расформировать Ставку и предоставить руководство войсками фронтам²²⁴. В беседе Бонч-Бруевича с Потаповым прозвучали некоторые важные мысли относительно трансформации органов управления старой армии в органы управления РККА. Бонч-Бруевич сообщал, в частности: «Никакого фактического воздействия на фронты Ставка теперь уже не имеет и тем более не влияет ни на Юго-Западный, ни [на] Румынский, ни [на] Кавказский фронты. Расформирование Ставки находится в самой последней стадии... Лично я с остающимися в Ставке лицами всецело завяз в ликвидации Ставки, которая является делом нелегким ввиду ее с лишком трехлетнего существования при разных режимах»²²⁵.

Видение дальнейшей конструкции органов военного управления было различным. Потапов 19 февраля сообщал Бонч-Бруевичу, что ввиду возможной активизации немцев на фронте желательнее иметь при Верховном главнокомандующем «если не вполне организованный штаб, то по крайней мере несколько лиц, которые бы специально следили за событиями на фронтах и сообщали главнокомандующим [фронтами] указания Главковерх[а]»²²⁶.

Бонч-Бруевич не без оснований указывал: «Что касается фронтов, то обязуюсь сообщить, что в боевом смысле их не существует, ибо войска самочинно бросают свои позиции и разбегаются, потому что им совершенно твердо внушено, что войны больше никакой не будет, почему они и впали в панику, когда раздались орудийные выстрелы немцев, остановить панику некому, так как комитеты и теперешние начальники потеряли всякий авторитет в войсках, никто их не слушает, о чем отовсюду поступают донесения. Все, что происходит, случайностью не является, об изложенном я докладывал и доносил во все инстанции заблаговременно, когда кое-что еще можно было сделать»²²⁷. По мнению Бонч-Бруевича, руководство военным делом после ликвидации Ставки должно сосредоточиться у начальника Генерального штаба.

Потапов на это возражал, так как аппарат ГУГШ не был приспособлен для такой задачи, не осведомлен об оперативных действиях Ставки и не имел никакого оперативного аппарата: «К сожалению, дорогой Михаил Дмитриевич, аппарат ГУГШ отнюдь

не может считаться приспособленным для выполнения той задачи, какую Вы намечаете, ибо за время войны ГУГШ комплектовался совершенно случайным элементом и притом в оперативных действиях Ставки был осведомлен лишь немногим подробнее, чем печать, сообщения для которой поступали ежедневно из Ставки, можно найти отдельных лиц, но аппарата, и в частности оперативного, в ГУГШ вовсе не имеется»²²⁸.

По мнению Бонч-Бруевича, кроме ГУГШ в стране уже не оставалось ни одного военного органа: «Николай Михайлович, я назвал Северный фронт, собственно его штаб организованным аппаратом, прошу понимать меня в том смысле, что он сохранил внешний облик организованного штаба, но лица, входящие в состав штаба, или очень юные неопытные офицеры, или совершенно штатские люди, быть может, пригодные для политической деятельности, но никак [не] для боевой. При таком условии Главное управление Генерального штаба из оставшихся еще штабов является после расформирования Ставки единственным во всем государстве военным органом, и если пополнить его теми лицами, которые остаются без дела после расформирования Ставки и о которых я просил письмом начальника Генерального штаба, то для надобности общего руководства управление Генерального штаба будет достаточно. Должен теперь же твердо выразить, что возвращение уходящих из Ставки лиц, нужных для боевого дела, равно как и всяких других, служивших в действующей армии, вновь к боевому делу возможно только при создании для них материальной и всякой другой возможности войти вновь в дело. Не могу скрыть, что бывшие офицеры, благодаря ничтожным окладам при дороговизне жизни, бедствуют, потому, конечно, бросились искать заработка, обеспечивающего существование их семей»²²⁹.

Обороной страны от немцев фактически руководили генштабисты²³⁰. Вечером 22 февраля 1918 г. Бонч-Бруевич с группой сотрудников приехал в Петроград, где взял на себя военное управление. Ближайшим его помощником был генерал-квартирмейстер Ставки, бывший генерал-майор Н. А. Сулейман. Участвовали в работе генералы-генштабисты С. Г. Лукирский, Н. И. Раттэль, А. С. Гришинский, М. М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем приехали 12 бывших офицеров Генштаба²³¹). На псковском направлении держались отряды бывшего полковника И. Г. Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерал-лейтенанта Д. Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерал-лейтенанта Д. П. Парского, в районе Дно — бывшего генерал-лейтенанта Ф. А. Подгурского.

Генштабисты сыграли важнейшую роль и в формировании войск завесы. Очевидец вспоминал о приезде молодых курсовиков

на псковский участок, где начинали формироваться войска завесы: «Еще через день или два, проснувшись утром, я увидел из окна вагона какой-то состав из новеньких вагонов на запасном пути рядом с нашим поездом. Была весна уже, окна вагонов были открыты. В окна были видны хорошо одетые, в новеньких френчах и гимнастерках, люди с очень интеллигентными лицами, с аксельбантами на плечах, на которых не было погон. Я спросил, кто это такие. Мне ответили, что это офицеры Генерального штаба, приехавшие формировать армию. Все будет по-старому, только вместо “командира” будет “руководитель”, вместо “дивизии” — “район”, вместо “бригады” — “участок”, вместо “полка” — “отдел”. Все эти части вместо номеров будут носить названия по географическим пунктам формирования, а корпусов не будет, но будут все же военные округа. Глядя на приехавших, я поверил, что все будет по-старому, если им только дадут сделать это дело до конца»²³².

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мирный договор. Россия вышла из Первой мировой войны. В тот же день решением Комитета революционной обороны Петрограда ликвидировались штабы Северного и Западного фронтов, вместо них стала создаваться завеса, задачей которой являлась защита центра страны от потенциального немецкого наступления²³³. Тогда же СНК принял решение, а на следующий день издал декрет о создании нового центрального органа военного управления — ВВС, который должен был руководить всеми операциями на фронтах, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. Часть руководящих работников Ставки оказалась в руководстве ВВС, нередко на прежних должностях.

Впервые непосредственно во главе Красной армии оказались военные специалисты, что вызвало волну возмущения в партийных кругах. Тем более что ВВС формировался как орган, полномочия которого превышали власть коллегий наркоматов по военным и морским делам. В связи с окончанием войны должность Верховного главнокомандующего была упразднена. По свидетельству управляющего делами Наркомата по военным делам Н. М. Потапова, ВВС занимался созданием новой армии, а наркомат работал над ликвидацией старой армии²³⁴.

Военным руководителем ВВС с правом прямого обращения к Ленину стал М. Д. Бонч-Бруевич. Его помощником был назначен бывший генерал С. Г. Лукирский. Политическими комиссарами стали П. П. Прошьян от левых эсеров и К. И. Шутко от большевиков. Для укрепления авторитета ВВС (наличие в его руководстве генерала старой армии воспринималось революционерами крайне негативно) 19 марта его председателем стал Л. Д. Троцкий, занявший также пост народного комиссара по военным делам. В ВВС вошли Э. М. Скланский как заместитель Троцкого, Н. И. Подвойский и его заместитель

К. А. Мехоношин, а затем В. А. Антонов-Овсеенко. Начальником штаба ВВС (ранее должность именовалась «помощник военрука») в июне 1918 г. стал бывший генерал Н. И. Раттэль. С 14 мая 1918 г. по новым штатам в ВВС появились оперативное и организационное управления, отделы военных сообщений, военно-хозяйственного инспектора, полевого инженера, инспекторов артиллерии и санитарной части.

Помимо военрука и его помощника в ВВС были должности генерал-квартирмейстера с двумя помощниками по оперативной части и по разведке, начальника военных сообщений, полевого инспектора артиллерии, полевого инженера, полевого интенданта, инспектора санитарной части. Кроме того, существовал отдел по формированию. С 14 мая 1918 г. отдел стал организационным управлением, было создано оперативное управление, полевым интендантом стал именоваться военно-хозяйственным инспектором. 20 июня вместо помощника военрука введена должность начальника штаба с подчинением ему управлений. В непосредственном подчинении военрука оставались инспекторы, которые затем также были подчинены штабу.

Бывшие сотрудники Ставки вошли в состав оперативно-организационного отдела ВВС. В марте — апреле 1918 г. аппарат Наркомата по военным делам был переведен из Петрограда в Москву, куда переехал и ВВС. После заключения Брестского мира многие красногвардейцы решили, что их миссия закончена, и стремились разойтись по домам. Бонч-Бруевич 16 марта направил доклад Ленину, в котором указал на необходимость сохранения завесы до замены ее отрядами частями регулярной армии²³⁵.

Бывший генерал Д. П. Парский критически оценивал первоначальный командный состав зарождавшейся Красной армии: «Подобранный в большинстве совершенно случайно, под влиянием крайней необходимости, он состоял частью из бывших офицеров, обыкновенно самого младшего возраста, часто далеко не из лучших, нередко малоопытных, а также из солдат и людей не военных»²³⁶.

Наиболее дальновидные представители советского руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построить. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Важным шагом по укреплению армии и по привлечению в нее бывших офицеров стал приказ ВВС от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов и держать их на случай, когда будет армия, для формирования штабов»²³⁷. Для перехода от добровольческого принципа комплектования ко всеобщей воинской повинности требовался военно-административный

аппарат, который удалось создать весной 1918 г. Важным преимуществом большевиков над их противниками стала возможность опереться на готовый аппарат управления старой армии.

Под руководством ВВС в апреле 1918 г. развернулось формирование органов местного военного управления, в том числе военных округов (Беломорского, Ярославского, Московского, Орловского, Приуральского, Приволжского и Северо-Кавказского), а также окружных, губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам. При формировании военно-окружной системы использовались фронтовые и армейские штабы старой армии, прежние корпусные штабы сыграли роль в формировании штабов войск завесы. Бывшие военные округа упразднились. Новые округа формировались, объединяя губернии по составу населения. У истоков советской военно-окружной системы стоял бывший генерал Л. М. Болховитинов. Военруками новых округов стали генералы-генштабисты: Ф. Д. Иоозович (Московский военный округ), Н. Д. Ливенцев (Ярославский военный округ), Д. Н. Надежный (Приуральский военный округ), В. В. фон Нотбек (Приволжский военный округ), Ф. Е. Огородников (Беломорский военный округ), А. Е. Снесарев (Северо-Кавказский военный округ), В. П. Широков (Орловский военный округ).

Формировался и политический аппарат РККА. К марту 1918 г. для организации партийного контроля и наведения порядка в войсках сформировался институт комиссаров (по два во всех частях, штабах и учреждениях). Органом, контролирующим их работу, стало Всероссийское бюро военных комиссаров во главе с К. К. Юреневым, созданное первоначально при ВВС.

ВВС организовал учет воинских частей, соединил их в отряды завесы под руководством опытных военных руководителей. Силы завесы были сгруппированы на наиболее важных направлениях (Северный участок и Петроградский район завесы, Западный участок и Московский район обороны, позднее постановлением ВВС от 4 августа 1918 г. на основе Воронежского района Западного участка завесы был сформирован Южный участок завесы, а 6 августа для обороны от интервентов и белых на Севере создавался Северо-Восточный участок завесы). В подчинении участков и районов находились отряды завесы, которые согласно предписанию ВВС от 3 мая 1918 г. развертывались в территориальные дивизии, получившие наименования по названиям соответствующих губерний.

Выпускник ускоренных курсов В. М. Цейтлин, оказавшийся в штабе военного руководителя Московского района, 20 марта 1918 г. изложил в дневнике свои впечатления от штаба: «Вчера был в штабе военного руководителя Московского района генерала [К. К.] Байова, не могу сказать, чтобы мне там понравилось. Во-первых, сплошной хаос, но, конечно, это извинительно — самое [начало], во-вторых,

набралось много всякой старой заваля Генерального штаба для получения денег, ходят из комнаты в комнату, торгуются из-за мест, — лавочка, да и только»²³⁸.

Формирования завесы стали быстро насыщаться кадрами Генерального штаба. Первый призыв в Красную армию прошел уже 12 июня 1918 г. ВВС наметил план формирования 30 дивизий. Как отмечалось в одном из официальных отчетов, «всеми этими мерами был положен конец произволу и кустарничеству в деле формирования; до того времени формирования новых частей носили беспорядочный и случайный характер, завися в своем успехе от инициативы и изобретательности отдельных лиц, которым эти формирования поручались»²³⁹.

Важную роль в первый год существования Красной армии играла еще одна структура военного управления — оперативный отдел Наркомата по военным делам, или Оперод. Фактически параллельно с оперативным центром в Петрограде (Наркомат по военным делам, Комитет революционной обороны, ВВС) в феврале — марте 1918 г. свой оперативный центр сформировался и в Москве. Впервые это учреждение заявило о себе еще накануне Брестского мира под названием «Отдел формирования отрядов», затем фронтовой и оперативный отдел штаба Московского военного округа, а позднее Оперод Наркомвоена. С переездом в Москву военных учреждений Оперод свою деятельность не только не прекратил (хотя существовал параллельно с оперативным управлением ВВС), но, наоборот, расширился и приобретал новые функции. Приказом народного комиссара по военным делам № 357 от 11 мая 1918 г. Оперод из ведения Московского военного округа перешел в ведение наркомата²⁴⁰. В связи с реорганизацией в отдел пригласили двух специалистов Генштаба, а с конца мая началось создание отделений Оперода (оперативного, военного контроля, связи, учетного, передвижения и общего, позднее возникли разведывательное, военно-топографическое, военно-политическое и военно-цензурное). Оперод вобрал в себя и органы военной разведки и контрразведки.

Постепенно возрастала бюрократизация. Так, в конце июня 1918 г. управляющий делами Народного комиссариата по военным делам ежедневно получал до 800 служебных бумаг: 40 % передавалось на исполнение, а остальные пересылались нижестоящим учреждениям²⁴¹.

Горячее обсуждение вызвал вопрос о необходимости создания в Красной армии Генерального штаба. По свидетельству Н. М. Потапова, «раздавались иногда любопытные замечания. Так, когда был поднят вопрос о том, что наряду с Главным штабом, ведающим, главным образом, вопросами комплектования и службы комсостава, нужно иметь еще для военно-оперативной работы Генеральный штаб,

раздавались замечания: “Мы ликвидировали генералов, а хотим оставить Генеральный штаб!”... Быть может, это замечание и не оказало никакого влияния на решение данного вопроса, но все же в результате голосования было принято, вместо двух органов, создание одного тяжеловесного и громоздкого аппарата, в виде Всероссийского Главного штаба»²⁴².

8 мая 1918 г. на базе ГУГШ (т. е. Генерального штаба) и Главного штаба был создан ВГШ. При реорганизации стремились, очевидно, избежать термина «Генеральный штаб» как буржуазного. Поскольку Всероссийская коллегия по формированию Красной армии со своей задачей в короткий срок не справилась, ее также включили в состав ВГШ²⁴³. Новый орган подчинялся Наркомату по военным делам. Организационно он получился громоздким. Во главе штаба находился Совет из начальника штаба и двух (позднее — трех) комиссаров. Структура ВГШ неоднократно менялась. В составе ВГШ в разное время находились управления: оперативное, организационное, мобилизационное, по командному составу армии, военных сообщений и военно-топографическое, а также военно-учебное управление, управления по всеобщему военному обучению и по ремонту армии. Кроме того, ВГШ подчинялись академия Генерального штаба и Центральный военный склад учебных пособий и приборов²⁴⁴. ВГШ руководили бывшие генералы-генштабисты Н. Н. Стогов, А. А. Свечин, Н. И. Раттэль, А. А. Самойло.

Если ВВС занимался подготовкой к войне с внешним врагом, созданием регулярной армии, то Наркомат по военным делам с Оперодом (заведующий — С. И. Аралов) — преимущественно вопросами борьбы с внутренней контрреволюцией, тогда еще осуществлявшейся партизанскими методами. Деятельность всех этих органов объединял в своем лице Л. Д. Троцкий как председатель ВВС и нарком. Наконец, ВГШ решал вопросы организации армии, формирования новых частей и обеспечения армии в административном, организационном и строевом отношении.

Отношения между этими структурами и их руководством складывались непросто. Свою роль играли как ведомственные противоречия, так и личная неприязнь. Конфликты возникали между Наркомвоенном и ВВС, между работниками Оперода и ВГШ (первые позиционировали себя как активных советских работников, считая, что в ВГШ концентрировались саботажники и контрреволюционеры)²⁴⁵. В то же время Оперод стал прибежищем для множества сомнительных личностей, в том числе агентов антибольшевистских сил.

В связи с восстанием Чехословацкого корпуса для защиты от интервентов и белогвардейцев постановлением СНК от 13 июня 1918 г. создавался Восточный фронт, на котором к концу августа действовали пять армий. В сентябре 1918 г. возникли Северный (коман-

дующий — Д. П. Парский) и Южный (командующий — П. П. Сытин) фронты, а также Западный район обороны (начальник — А. Е. Снесарев), 15 ноября преобразованный в Западную армию.

На плечи военспецов легла практически вся работа по формированию армии. По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, военспецы составляли 85 % командующих фронтами, 100 % начальников фронтовых штабов, 82 % командармов, не менее 91 % начальников армейских штабов, до 70 % начальников дивизий и свыше 50 % начальников штабов дивизий, более 90 % преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны²⁴⁶, что свидетельствует о их решающем вкладе в дело создания РККА.

Положение бывших офицеров в новой армии было непростым. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в Советской России, считали их конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Возник даже термин «спецеество», отражавший неприятие бывших офицеров в армии рабочих и крестьян.

Важнейшей задачей большевиков стало выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритет партии, должен был существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов (при том что буйные головы встречались и там, и там), поскольку становилось ясно, что одним принуждением эффективную армию не построить. В то же время многие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки.

Уже летом 1918 г. большевистское руководство озаботилось вопросом рационального использования генштабистов. 21 августа 1918 г. был издан приказ Наркомвоенно № 721, в котором «в целях равномерного распределения лиц Генерального штаба по всем штабам и управлениям» публиковались правила о назначении на должности Генерального штаба. По этим правилам должности Генштаба подлежали замещению исключительно зарегистрированными в оперативном управлении ВГШ специалистами. Сведения о назначениях должны были направляться в управление²⁴⁷.

Вопросы несения службы работниками высших штабов (от Ставки до штабов дивизий включительно) в старой и белых армиях регулировались «Положением о полевом управлении войск в военное время», изданным в 1914 г.²⁴⁸ Этот документ сохранял значение и в РККА. 7 сентября 1918 г. Наркомат по военным делам издал распоряжение о его переработке²⁴⁹. Над новым положением длительно работала специально созданная комиссия, в которую вошли военспецы-генштабисты (в частности, Н. С. Елизаров). Обновленное положение было утверждено РВСР 26 декабря 1918 г.²⁵⁰

Централизация военного управления набирала обороты. Еще в начале августа 1918 г. Н. И. Подвойский поднял вопрос о создании советской Ставки²⁵¹. 2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК по инициативе Троцкого и председателя ВЦИК Я. М. Свердлова был создан РВСР, к которому отошли функции ВВС, оперативного и военно-статистического отделов ВГШ и Наркомата по военным делам. Состав нового органа был следующим: председатель Л. Д. Троцкий, члены — К. Х. Данишевский, П. А. Кобозев, К. А. Мехоношин, Ф. Ф. Раскольников, А. П. Розенгольц, И. Н. Смирнов и главнокомандующий всеми вооруженными силами республики. Штаб ВВС был преобразован в штаб РВСР. Начальником штаба РВСР стал Н. И. Раттэль, ранее стоявший во главе штаба ВВС.

Несколько бывших офицеров входили в состав РВСР. Среди них бывшие полковники И. И. Вацетис и С. С. Каменев, бывший контр-адмирал В. М. Альтфатер, бывший подпоручик В. А. Антонов-Овсеенко, бывший штабс-капитан С. И. Аралов, бывший прапорщик Д. И. Курский, бывший мичман Ф. Ф. Раскольников. Из 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в Русско-японскую войну Антонову-Овсеенко термин «военспец» может относиться весьма условно), или 30,4% всех членов, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные были действительно квалифицированными военспецами, в партии не состояли.

РВСР постепенно оказались подчинены практически все органы военного управления: главнокомандующий, Высшая военная инспекция, Военно-законодательный совет, Всероссийское бюро военных комиссаров (упразднено в 1919 г., функции отошли к Политотделу, позднее преобразованному в Политическое управление РВСР), управление делами, Полевой штаб, ВГШ, Революционный военный трибунал республики, Центральное управление по снабжению армии, Высшая аттестационная комиссия, Главное военно-санитарное управление²⁵². Фактически Реввоенсоветом республики оказался поглощен Наркомат по военным делам, тем более что ключевые посты в этих двух органах занимали одни и те же лица — нарком по военным делам Л. Д. Троцкий, он же — председатель РВСР, и его заместитель в обоих органах Э. М. Скиянский. Таким образом, на РВСР было возложено решение важнейших вопросов обороны страны.

Даже противники большевиков высоко оценивали уровень организации РККА, наметившийся к осени 1918 г. В частности, такую оценку дал начальник украинского Генерального штаба полковник А. В. Сливинский²⁵³.

В итоге преобразований РВСР стал высшим органом военного управления. По замыслу создателей он должен был быть коллегиальным, однако реалии Гражданской войны привели к тому, что при фиктивном наличии большого числа членов реально участвовали в за-

седаниях немногие, и работа сосредоточилась в руках находившегося в Москве Скиянского, тогда как Троцкий самое горячее время Гражданской войны провел в разъездах по фронтам, организуя военное управление на местах.

Как уже отмечалось, пост главнокомандующего всеми вооруженными силами республики вводился в Советской России постановлением Президиума ВЦИК 2 сентября 1918 г. Первым главнокомандующим Восточным фронтом бывший полковник И. И. Вацетис. Летом 1919 г. его сменил бывший полковник С. С. Каменев.

Штаб РВСР, возникший 6 сентября 1918 г., был развернут в Полевой штаб РВСР, фактически ставший советской Ставкой эпохи Гражданской войны. Во главе штаба стояли бывшие генералы-генштабисты Н. И. Раттэль, Ф. В. Костяев, М. Д. Бонч-Бруевич и П. П. Лебедев. Полевой штаб непосредственно подчинялся главнокомандующему. В состав Полевого штаба был включен и Оперод. Структура Полевого штаба включала отделы: оперативный, разведывательный, отчетный (дежурство) и военно-политический²⁵⁴. Как и в ВГШ, структура менялась. Были созданы управления: оперативное, организационное, регистрационное, военный контроль, Центральное управление военных сообщений и Полевое управление воздушного флота. Важным достижением советского военного строительства было то, что наконец воплотилась в жизнь мечта многих генштабистов старой школы: Полевой штаб был освобожден от организационных и снабженческих вопросов и мог сосредоточиться на оперативной работе.

30 сентября 1918 г. был создан Совет Рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина, призванный координировать решение военных вопросов с гражданскими ведомствами, а также сдерживать ставшую практически неограниченной власть председателя РВСР Троцкого.

В результате изменений структуры РККА произошла реорганизация ВГШ, в котором сначала оказалось объединено с организационным, а затем расформировано оперативное управление, а все оперативные вопросы передавались в Полевой штаб РВСР. Из организационного управления выделялся мобилизационный отдел, ставший в ноябре 1918 г. самостоятельным управлением. Было выделено и управление военных сообщений, вошедшее в Полевой штаб РВСР. Управление военно-учебных заведений стало главным управлением, в самостоятельное управление был выделен отдел всеобщего воинского обучения, в непосредственное подчинение Совету ВГШ перешла академия Генштаба. ВГШ был придан Центральный военный склад пособий и приборов по снабжению Красной армии, причем создано особое управление, заведующее этим складом. Переданное в Центральное управление по снабжению армии управление по ремонту

ванию армии было возвращено ВГШ в декабре 1918 г. Кроме того, в ВГШ вошла военно-историческая комиссия для исследования и использования опыта войны 1914–1918 гг. и для изучения и описания действий Красной армии. В июле 1920 г. был учрежден хозяйственный совет ВГШ с хозяйственной базой²⁵⁵.

Территориальными органами военного управления, как и до революции, являлись военные округа. На протяжении 1918–1922 гг. было сформировано или восстановлено (после захвата белыми или ликвидации) 27 военных округов²⁵⁶. Округа сыграли важнейшую роль в формировании Красной армии. Тыловые подчинялись ВГШ, прифронтовые — Полевому штабу РВСР, РВС фронтов и армий. Ключевую роль в руководстве военных округов играли генштабисты. На местах создавалась сеть губернских, уездных и волостных военных комиссариатов. К концу Гражданской войны насчитывалось 88 губернских и 617 уездных военкоматов. Численность волостных военкоматов измерялась тысячами.

Структура полевого управления фронтов была следующей. Во главе фронта стоял Революционный военный совет (РВС), которому подчинялись штаб фронта, ревтрибунал, политотдел, военный контроль (контрразведка) и управление начальника снабжений армий фронта. Штаб фронта включал управления: оперативное (отделения: оперативное, разведывательное, общее, связи, морское, топографическое), административное и военных сообщений, инспекции пехоты, артиллерии, кавалерии, инженеров, управление начальника авиации и воздухоплавания²⁵⁷.

В годы Гражданской войны были созданы 11 основных фронтов Красной армии (Восточный, 13 июня 1918 — 15 января 1920 г.; Западный, 19 февраля 1919 — 8 апреля 1924 г.; Кавказский, 16 января 1920 — 29 мая 1921 г.; Каспийско-Кавказский, 8 декабря 1918 — 13 марта 1919 г.; Северный, 11 сентября 1918 — 19 февраля 1919 г.; Туркестанский, 14 августа 1919 — июнь 1926 г.; Украинский, 4 января — 15 июня 1919 г.; Юго-Восточный, 1 октября 1919 — 6 января 1920 г.; Юго-Западный, 10 января — 31 декабря 1920 г.; Южный, 11 сентября 1918 — 10 января 1920 г.; Южный (второго формирования), 21 сентября — 10 декабря 1920 г.).

За период Гражданской войны в РККА были созданы 33 регулярные армии, в том числе две конные. Армии входили в состав фронтов. Полевое управление армий составляли: РВС, штаб с отделениями: оперативным, административным, военных сообщений и инспекторами пехоты, кавалерии, инженеров, политический отдел, ревтрибунал, Особый отдел. В оперативном отделе имелись отделения: разведывательное, связи, авиации и воздухоплавания. Командующий армией являлся членом РВС. Назначения в РВС фронтов и армий осуществлял РВСР. Важнейшую функцию выполняли за-

пасные армии, направлявшие на фронт готовые пополнения. Советский главнокомандующий С. С. Каменев метко назвал такой способ комплектования войск фабричным. По данным Каменева, запасные армии дали фронту 34 % пополнений²⁵⁸.

По воспоминаниям попавшего к красным в плен генерала И. А. Данилова, штаб 4-й советской армии Западного фронта в 1920 г. выглядел следующим образом: «Во главе штаба армии стоит начальник основного штаба и, временно при операциях, начальник полевого штаба армии, которому подчинялось оперативное отделение штаба и который присутствует вместе с начальником штаба при операционных докладах Реввоенсовету и является как бы его помощником, выходя из его подчинения и действуя самостоятельно, когда он в отъезде, в поле. Как при том, так и при другом состоит комиссар, без ведома которого он не может отдать никакого распоряжения и приказа, а также и исходящие бумаги не действительны без подписи комиссара... Печать учреждения находится у комиссара, и он собственноручно ее прикладывает. Штаб делится на административное, хозяйственное, операционное, организационное и др. отделения*. К штабу принадлежат и инспекции...»²⁵⁹

Основным соединением РККА стала стрелковая дивизия, организованная по троичной схеме — из трех бригад по три полка в каждой. Полки состояли из трех батальонов, в батальоне было три роты. По штату в дивизии полагалось иметь около 60 000 человек, 9 артиллерийских дивизионов, автоброневой отряд, авиадивизион (18 самолетов), кавалерийский полк и другие части. Подобный штат оказался слишком громоздким, фактическая численность дивизий составляла до 15 тысяч человек, что соответствовало корпусу в белых армиях. Поскольку штаты не соблюдались, состав различных дивизий сильно различался.

Огромная работа по созданию многомиллионной Красной армии постоянно ставила на повестку дня вопрос о дефицитных генштабистах, которых остро не хватало практически на всех фронтах. 11 апреля 1919 г. начальник штаба Южного фронта В. Ф. Тарасов телеграфировал начальнику Полевого штаба РВСР и начальнику ВГШ: «Текущий напряженный период активных операций Юж[ного] фронта повелительно требует энергичной работы Генштаба, перегружая до крайних пределов работой весьма незначительное наличное число специалистов»²⁶⁰. В июне 1919 г. на Южном фронте все еще недоставало и половины необходимого числа «лиц Генштаба». Начальник штаба фронта Н. В. Пневский телеграфировал в РВСР 22 июня 1919 г., что «наличное в армиях незначительное число сотрудников Генштаба перегружено работой до крайности и совершенно не в си-

* Так в тексте, правильно: *отделы*.

лах справляться успешно со своими обязанностями»²⁶¹. Особенно тяжелой была ситуация в 14-й и во 2-й армиях.

Аналогичные сообщения поступали с Восточного фронта. 8 июня 1919 г. из штаба 5-й армии в Полевой штаб сообщали, что во всей армии имелось только два генштабиста, причем «отсутствие их отражается как на разработке операции, так и [на] налаживании штабной оперативной работы, благодаря чему высшие инстанции, зачастую неправильно ориентированные во время хода операции, вынуждены иногда ставить задачи частям, не соответствующие обстановке. Давно чувствовалось неправильное и неравномерное распределение генштабистов по армиям, теперь же с получением списка генштабистов из Полевого штаба республики это подтвердилось, из ознакомления со списком генштабистов видно, что в то время, когда в армии нет генштабиста даже на должности начальника оперативного отделения штарма, они в других армиях не только занимают должности помнаштадивов, но нашли себе применение по снабжению и даже младших помощников по делопроизводству в инспекциях... Убедительно просим в ущерб роскоши в других армиях немедленно командировать не менее трех генштабистов в 5[-ю] армию, где их почти совершенно нет»²⁶². Не лучше обстояли дела и в тылу, поскольку всех, кого возможно, направляли на фронт. В частности, к концу августа 1919 г. в академии Генштаба РККА некомплект достиг 90 % штатных преподавателей²⁶³.

В сохранявших партизанский характер украинских советских войсках проблема правильной организации штабов и насыщения их кадрами Генштаба стояла еще острее, чем непосредственно в РККА. Показательны результаты инспектирования 3-й Украинской советской Красной армии в июне — июле 1919 г. Высшей военной инспекцией. В отчете инспекции отмечалось, что в штабе армии практически отсутствовали подготовленные специалисты. Единственным работником с высшим военным образованием был начальник оперативного отдела Д. Т. Савинов, который «окончил в 1914 году 2 курса Военной академии; на войне в течение года исполнял обязанности начальника разведывательного отделения Новогеоргиевского укрепленного района; в 1915 году попал в плен, где пробыл до января сего [1919] года. Настоящую свою должность он исполняет с 22 апреля. Таким образом, если теоретическую подготовку т. Савинов и получил (без дополнительного курса академии), зато опыта для этой деятельности у него нет.

Роль начальника оперативного отделения равняется в сущности той роли, которую в старой армии выполнял генерал-квартирмейстер. Естественно, на этой должности должно быть лицо с соответствующей подготовкой и широким служебным опытом.

Наличие теоретической подготовки у т. Савинова дает ему возможность справляться с работой настолько, чтобы не делать резких

промахов в технической стороне дела, а также в разрешении оперативных вопросов сравнительно мелкого масштаба; отсутствие же широкого опыта сказывается ощутительно на некоторых неудовлетворительно разрешенных вопросах, чего не было бы допущено лицом с соответствующим служебным опытом.

Недостаточная служебная опытность для своей должности у тов. Савинова сказывается тем ощутительнее, что как высшее его начальство, так и непосредственные его подчиненные не имеют должной теоретической и практической подготовки.

Т. Савинов был бы прекрасным помощником начальника оперативного отдела, а также на должности менее ответственной — начальника оперативного или разведывательного отделений; на его же место необходимо назначить начальника из числа Генштаба с гораздо большим служебным опытом»²⁶⁴.

Результатом отсутствия подготовленных штабных работников стали серьезные затруднения при подготовке наступления на Бессарабию и при подавлении мятежа [Н. А.] Григорьева. В отчете инспектировавшей армию комиссии отмечалось: «Для подготовки этого наступления, прежде, чем отдавать простой приказ, для его выполнения необходимы крупные подготовительные работы оперативного отдела: а) собрать все доступные сведения о противнике, его силах и группировке, настроении в войсках противника и среди населения; б) сведения о местности, на которой предстояло действовать; особенно тщательно разведать и наметить места переправы через Днестр и собрать средства для этой переправы; в) сведения о своих войсках, о количестве боевого снаряжения, продовольствия и фуража; г) о соседних наших армиях.

В зависимости от перечисленных данных должен быть выработан план действий III армии; выбраны главнейшие и второстепенные направления удара; время начала действий и проч.

Следов всей этой подготовительной работы нигде не найдено; не найдено также и указаний по сему со стороны начальника штаба. Здесь полный пробел.

Не исследована даже река Днестр, которую, прежде всего, предстояло форсировать; не намечены переправы. Начальник штаба заявил, что у Маяки заготовлен мост для переправы через Днестр, а на остальном участке средствами переправы должны служить лодки; сколько же и где они — сведений не имеется.

Данных о разведке Днестра и средствах переправы в отделе вообще не имеется; не заметно, чтобы отдавались и распоряжения по этим вопросам.

Наступление наше должно было состояться как бы по инерции, чтобы дать работу для войск; последние должны были идти как бы вслепую, на авось. Шансы за и против не выставлены и не взвеше-

ны. Наступление, назначенное на 1 мая [1919 г.], не состоялось, и, несомненно, к лучшему. Начальник 5[-й] дивизии упросил дать отсрочку до 6 мая вследствие неготовности дивизии к наступлению; кроме того, хотели вытянуть к указанному числу на фронт и Григорьевскую дивизию.

В итоге пришлось действовать не против румын, а против Григорьева. Не была учтена обстановка, отсюда пришлось принимать скороспелые решения без определенного плана в действиях...

Распоряжения для подавления григорьевского наступления носят характер растерянности, без всякой предварительной обдуманности и плана.

А между тем, судя по имевшимся в штабе сведениям, Григорьев со своей дивизией давно не внушал доверия; с первых чисел мая это особенно подтверждалось, несмотря на телеграммы комфронта [В. А.] Антонова[-Овсеенко], для которого Григорьев, по-видимому, еще не был достаточно ясен.

Можно было наметить заблаговременно план своих действий для быстрой ликвидации его авантюры. Но следов этой работы в отделе нет»²⁶⁵.

В отношении операции против Григорьева был сделан вывод, что «если последняя благополучно для нас закончена, то не потому, что мы в вопросе управления хороши, а потому, что противник гораздо хуже нас»²⁶⁶.

Итог комиссия подводила неутешительный: «Все перечисленные упущения и другой материал, имеющийся в делах, достаточно наглядно говорят, что как начальник штаба г. [И. А.] Пионтковский, так и его сотрудники оперативного отдела не имеют достаточного опыта и подготовки, чтобы с успехом руководить работами штабна и быть соответствующим помощником командарму в деле управления войсками. Начальник штаба полон энергии, много работает, но к широким рамкам настоящей должности, требующей лица с гораздо большим опытом и специальными познаниями, он не подготовлен»²⁶⁷.

При отсутствии специалистов в армии не была налажена разведка, секретные документы хранились ненадлежащим образом. Нормальной работе мешала и слабая дисциплина. К примеру, штаб, не получая сведений от войск, направил в части своего сотрудника на автомобиле для сбора сведений, однако в одной из частей у штабного работника автомобиль конфисковали»²⁶⁸.

В качестве вывода о работе штаба комиссия сообщала, что «обнаруженные недочеты и упущения в штабе, в оперативном его отделе, — отнюдь не являются результатом нерадения, небрежности или злой воли сотрудников.

Наоборот, как высший командный состав, так и все ответственные работники оперативного отделения отдаются своей работе,

по-видимому, с полной энергией, почти круглые сутки за своей работой в штабе.

Красною чертою проходит везде одна главная причина означенных недочетов: отсутствие почти у всех должной теоретической подготовки и широкого служебного стажа, так необходимых для сложного и ответственного дела управления войсками.

Для того чтобы штаб в оперативном отношении был бы на высоте своего положения, настоятельно необходимо изменение в его личном составе:

а) назначение на должности начальника штаба армии и начальника оперативного отдела лиц из числа военных специалистов, получивших хорошую подготовку и практику в оперативной штабной работе;

б) доставление в штаб не менее двух лиц из числа Генштаба на должности начальников самых важных и ответственных отделений: оперативного и разведывательного;

в) сосредоточить в разведывательном отделении агентурную разведку о противнике, придав сюда и топографическое отделение;

г) отпустить необходимые для штабна технические средства, так как без них управление войсками будет ненадежным»²⁶⁹.

Главком И. И. Вацетис докладывал В. И. Ленину 18 апреля 1919 г.: «В штабах не хватает опытных работников с военно-научной подготовкой. У нас на штатных должностях не хватает больше 70-ти процентов Генерального штаба, а процент некомплекта на фронте достигает 82. Таким образом, вся тяжесть работы, требующей военно-научной подготовки и знания специальности, в штабах ложится на 15—35 процентов наличных работников, почему и получается перегрузка лиц Генерального штаба работой, особенно на фронте, доводящей их до крайнего переутомления и значительного процента заболеваемости среди этих первоклассных работников. Вообще должен свидетельствовать, что лица Генерального штаба, являясь руководителями операций, исполняют свою работу в высшей степени добросовестно, честно и с гораздо большей затратой энергии, чем это делалось и требовалось условиями службы старой императорской армии. Эти лица Генерального штаба исполняют свою тяжелую работу не ропща, не жалуясь, отказываясь даже от всякой личной жизни»²⁷⁰.

На 1 сентября 1919 г., в один из наиболее напряженных периодов Гражданской войны, 515 включенных в обзор военспецов-генштабистов были распределены следующим образом²⁷¹: в центральных управлениях (включая Центральное управление военных сообщений — ЦУПВОСО) служили 21,9%; в военных округах — 17,9%; в Полевом штабе — 7%; на Украине — 15,3%; на Западном фронте — 14%; на Южном фронте — 12,2%; на Восточном фронте — 5,4%; на Туркестанском фронте — 1,4%; в 6-й отдельной армии — 1,4%;

в 12-й отдельной армии — 3,5%. Таким образом, чуть менее половины всех генштабистов находились в тылу.

Максимальные силы генштабистов оказались сосредоточены против Юденича, Петлюры, поляков и Деникина. Возможность быстрой концентрации кадров высшей квалификации на угрожаемых направлениях (как и аналогичная возможность в отношении переброски дивизий РККА с фронта на фронт, действий по внутренним операционным направлениям) была обусловлена единством территории и центральным положением Советской России относительно своих противников. В условиях Гражданской войны это преимущество являлось неоспоримым, тем более что большевикам так или иначе требовалось преодолеть колоссальный дефицит подготовленных командно-штабных кадров для массовой армии. Например, если принять во внимание, что против Деникина работали генштабисты, находившиеся на Украине, на Южном фронте и в 12-й армии, получается, что здесь концентрировался 31% всех кадров Генштаба РСФСР (160 военспецов высшей квалификации). Разумеется, помимо них подготовкой и проведением операций на Южном фронте занимались многочисленные работники центрального аппарата, прежде всего Полевого штаба РВСР.

По данным на 1 ноября 1919 г., в РККА состоял 491 специалист Генштаба, в течение месяца убыли 82, вновь зарегистрированы в Полевом штабе РВСР 23. К 1 декабря 1919 г. числились 426 человек и еще 48 не значились по списку Генштаба, но также служили в армии²⁷². К концу 1919 г. по штатам в штабе фронта требовалось 25 специалистов Генштаба, в штабе армии — 13, в штабе дивизии — 5, в штабе бригады — 3. Средний некомплект генштабистов по Красной армии достигал чудовищного показателя в 85%. На дивизионном уровне некомплект нередко доходил до 100% (во всех дивизиях 1, 4, 5, 8, 11 и 12-й армий) или был близок к этому (в дивизиях 3, 7, 9, 13, 14-й армий), что обусловлено сосредоточением кадров Генштаба в вышестоящих (армейских и фронтовых) штабах. Некомплект армейских штабов был, как правило, значительно выше некомплекта фронтовых. Если в среднем некомплект фронтовых штабов (включая штаб 6-й отдельной армии) составлял 44,3%, то некомплект армейских — 63,6%.

Столкнувшись с кадровым голодом, советское руководство стало концентрировать дефицитные кадры военной элиты на наиболее важных направлениях. Так, в декабре 1919 г. важнейшим являлся Южный фронт, некомплект генштабистов в штабе фронта составлял всего 28%. На Западном фронте, где завершался разгром Северо-Западной армии белых и существовала угроза обострения борьбы с Польшей, конфликтов с Прибалтикой и Финляндией, некомплект генштабистов в штабе фронта отсутствовал. Штабы армий Западного

фронта также были насыщены кадрами Генштаба существенно выше прочих. Напрашивается вывод об особой значимости этого фронта для большевиков. Возможно, в связи с популярными тогда идеями экспорта революции.

Об отсутствии перспективы улучшения кадровой ситуации начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев сообщал начальнику штаба Южного фронта 7 декабря 1919 г.: «Три самых важных и крупных фронта (Южный, Юго-Восточный и Восточный) и 6[-я] армия находятся в одинаково тяжелых условиях [с] укомплектованием лицами Генштаба, и некомплект на них достигает на Южном и Восточном 90 процентов, [на] Юго-Восточном — 94 и [в] 6[-й] армии — 89 процентов. [В] несколько лучших условиях Зап[адный] фронт и Турк[естанский] фронт, где некомплект 71 и 74 процента, причем принимаются меры [к] укомплектованию за их счет вышеупомянутых фронтов. Из приведенного подсчета ясно, что запаса Генштаба нет, и улучшение можно ожидать только с выпуском со старшего класса академии, то есть не ранее лета 1920 года»²⁷³.

Уже к 1919 г. в РККА сложились устойчивые штабные коллективы, способные эффективно руководить войсками. Вопрос о конкретном вкладе генштабистов в стратегическое планирование неоднозначен, поскольку авторство того или иного плана возможно установить не всегда. Нельзя отрицать, что борьба с белыми проходила под общим руководством большевистских вождей, которые внесли в нее значительный вклад. Однако штатские Ленин, Сталин, Троцкий и бывший вольноопределяющийся Фрунзе не владели технологией подготовки и организации боевых операций. Основываясь на знании социальной природы Гражданской войны, большевистские лидеры могли предложить некую генеральную идею (например, Троцкий, считавший необходимым наступать на Юге не через Донскую область, а в обход ее, расколов лагерь белых на две части и содействуя донецким шахтерам и украинским крестьянам), но выработка способов ее реализации, безусловно, ложилась на плечи генштабистов.

Разработчиками планов наступления на Южном фронте в 1919 г. являлись И. И. Вацетис, С. С. Каменев и В. Н. Егорьев. В разработке плана контрудара по войскам Колчака на Восточном фронте участвовал Ф. Ф. Новицкий. Операции на Севере осуществлялись под руководством А. А. Самойло. Победа над Северо-Западной армией Юденича была одержана при активном участии Д. Н. Надежного, С. Д. Харламова и С. И. Одинцова. Операция против Русской армии Врангеля с переходом через Сиваш разработана коллективом штабных работников Южного фронта, сложившимся вокруг М. В. Фрунзе, причем непосредственное участие в подготовке операции принимали главнокомандующий С. С. Каменев и начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев²⁷⁴.

Стратегические реалии Гражданской войны существенно отличались от стратегии Первой мировой, а порой и от канонов академической науки. Так, кульминацией советского наступления на Севере в начале 1919 г. стала Шенкурская операция 6-й армии и красных партизан, проведенная 19–25 января 1919 г. Целью операции являлась ликвидация выступа, угрожавшего тылу. Как иронизировал командующий армией бывший генерал А. А. Самойло, «если бы такую операцию я представил профессору генералу [Н. А.] Орлову в академии Генерального штаба, то мне не видать бы Генерального штаба как своих ушей, так как мой план не только был труден и рискован, но вообще противоречил основному правилу военного искусства — не назначать соединения разрозненных частей, что называется, под носом у противника»²⁷⁵. Самойло несколько лукавил, поскольку речь шла не о соединении войск под носом у противника, а лишь об одновременной атаке укрепленного пункта с разных сторон, но расчет командарма оправдался. Операция блестяще завершилась освобождением Шенкурска от белых и интервентов, причем противника отбросили на 90 км к северу от города, была предотвращена угроза соединения антибольшевистских сил Северного и Восточного фронтов, захвачено 15 орудий, 60 пулеметов, 2000 винтовок, 5000 снарядов, 3 миллиона патронов, обмундирование на 3000 человек и четырехмесячный запас продовольствия на 5000 человек. В то же время белым удалось отступить, и план их окружения красными осуществлен не был.

Не обошлось и без ошибок, ведших к тяжелым последствиям. По оценке А. А. Свечина, в ходе Варшавской операции 1920 г. стратегические ошибки допускались на всех уровнях. Он привел пример, как командование 16-й красной армии 15–18 августа 1920 г. пассивно наблюдало за разгромом своих дивизий поляками, тогда как замысел польского командования можно было разгадать еще 13 августа²⁷⁶.

Тем не менее выдающийся вклад дореволюционной военной элиты в создание новой армии казался очевидным уже тогда. Еще в 1921 г. генерал А. И. Андогский справедливо отмечал, что «организация Красной армии и оперативное руководство ее боевыми операциями были выполнены **представителями старого Генерального штаба**, также в значительном количестве оставшимися на службе у большевиков... Таким образом, **старое офицерство, как строевое, так и Генерального штаба, сыграло видную и решающую роль в деле создания и в руководстве операциями советской Красной армии**»²⁷⁷.

Несмотря на впечатлявший современников приток бывших офицеров-генштабистов в Красную армию, существовали и противоположные тенденции, осложняющие ответ на вопрос о реальном вкладе генштабистов в успехи красных. Во-первых, наряду с мас-

совым привлечением генштабистов в Красную армию происходил и их массовый отток из РККА в форме дезертирства. Практически каждый третий выпускник Николаевской военной академии в 1918–1920 гг. бежал из Красной армии в различные антибольшевистские вооруженные формирования. К этой категории можно отнести и несколько десятков генштабистов, сознательно работавших в рядах Красной армии на противника как индивидуально, так и в составе целых подпольных организаций. Во-вторых, определить реальный вклад специалистов Генерального штаба в создание армии непросто — не случайно в XX в. появилась фраза о том, что у офицеров Генерального штаба нет имен. В-третьих, к специалистам Генштаба в Советской России относили лиц с различной подготовкой. Наряду с опытными генштабистами довоенных выпусков Военной академии (некоторые из них, правда, находились в преклонном возрасте и не обладали ни требуемым для несения службы состоянием здоровья, ни современными эпохе военными знаниями) здесь были менее подготовленные, но более политизированные выпускники и слушатели ускоренных курсов академии периода Первой мировой войны, те, кто окончил академию неудачно и до революции к генштабистам не относился, а также слушатели академии Генерального штаба РККА, продолжавшие свое обучение в период полномасштабной Гражданской войны, и, наконец, выпускники иностранных военных академий. Очевидно, все эти специалисты, далеко не одинаковые по своему потенциалу, не могли в равной степени содействовать успехам Красной армии.

Выпускники академии занимали ключевые посты в руководстве Красной армии. Академию окончили военруки ВВС (М. Д. Бонч-Бруевич и Н. И. Раттэль) и оба советских главкома (И. И. Вацетис и С. С. Каменев). Начиная с осени 1918 г. должности начальника штаба РВСР, начальника Полевого штаба РВСР (советской Ставки) и начальника Штаба РККА занимали исключительно бывшие офицеры Генерального штаба (Н. И. Раттэль, Ф. В. Костяев, П. П. Лебедев). То же самое касалось следующего по значимости поста — начальника Главного управления Генерального штаба и начальника ВГШ (преемника ГУГШ), который занимали Н. М. Потапов — в ГУГШ и Н. Н. Стогов, А. А. Свечин, Н. И. Раттэль, А. А. Самойло — в ВГШ. Таким образом, высшее советское военное руководство (уровень военных руководителей ВВС, главнокомандующих, начальников штаба РВСР, Полевого штаба РВСР, Штаба РККА и ВГШ) составляли исключительно военспецы-генштабисты. Основные руководящие должности в этих штабах также занимали выпускники Николаевской военной академии. Стоит отметить, что 12 октября 1919 г., в решающий период войны, пост начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР занял Б. М. Шапошников.

Имевшие ключевое политическое значение посты наркома по военным и морским делам, председателя РВСР, его заместителя и членов РВСР занимали в основном деятели большевистской партии. Генштабистов, за исключением главкомов Вацетиса и Каменева, на этом уровне не было. Подобное распределение кадров Генштаба свидетельствует о том, что им отводилась важнейшая, но вспомогательная роль, а руководящие решения закономерно оставались за партийной элитой.

О ключевой роли генштабистов свидетельствует широта их присутствия на следующих ступенях командно-штабной иерархии РККА — постах командующих и начальников штабов фронтов, групп армий и армий. На этих уровнях генштабисты занимали от 40 до 100 % руководящих постов: 100 % начальников штаба РВСР, Полевого штаба РВСР и Штаба РККА, начальников ВГШ, начальников штабов групп армий; 52,4 % командующих фронтами; 93,3 % начальников фронтовых штабов; 50 % командующих группами армий; 40,6 % командующих армиями; 71 % начальников армейских штабов²⁷⁸.

Генштабисты были широко представлены и в штабах военных округов. Так, к 1 сентября 1919 г. в Московском военном округе служили 17 генштабистов, в Петроградском — 37, в Орловском — 10, в Приволжском — 5, в Ярославском — 8, в Уральском — 4, в Западном — 11²⁷⁹. Из шести военных руководителей и командующих войсками Петроградского военного округа (7 должностей, так как В. М. Гиттис занимал этот пост дважды), занимавших этот пост в 1918–1922 гг., окончили Николаевскую академию двое, причем А. А. Бобрищев занимал этот ответственный пост с ноября 1918 по февраль 1920 г., а сменивший его генштабист И. В. Яцко — до ноября 1920 г. Таким образом, в наиболее острый период Гражданской войны округ возглавляли именно генштабисты старой школы. Начальниками штаба округа в 1918–1922 гг. были четыре человека, в том числе Л. К. Александров — дважды, и все они являлись выпускниками академии. Из пяти начальников штаба Приволжского военного округа периода 1918–1922 гг. академию окончили четверо. Интересно, что выпускники старой академии находились на этом посту и далее (с коротким перерывом во второй половине 1926 г.), вплоть до весны 1938 г., когда по известным причинам произошли ротация кадров и смена поколений комсостава РККА.

Сами генштабисты признавали, что наличие нескольких сотен специалистов с высшим военным образованием «дало возможность советскому командованию сформировать управление и штабы армий, чего без наличия этих кадров сделать вряд ли удалось бы»²⁸⁰.

Сочетание непреклонной политической воли большевистских вождей и квалификации генштабистов давало положительный результат. Например, при обороне Петрограда от войск Северо-За-

падной армии генерала Н. Н. Юденича осенью 1919 г. Душой обороны города стал председатель РВСР Л. Д. Троцкий, опиравшийся в том числе на опытных генштабистов. 17 октября, в день своего прибытия в Петроград, Троцкий сменил командование 7-й армии, назначив командующим вместо бывшего Генштаба полковника С. Д. Харламова более опытного бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д. Н. Надежного²⁸¹. Начальником штаба армии вместо временно исполнявшего должность менее подготовленного курсовика бывшего капитана А. Д. Лютова стал бывший Генштаба генерал-майор Л. К. Александров. Для достижения успеха Троцкий затребовал от высшего руководства страны присылки значительного имущества (19 октября 1919 г. — 3 бронепоезда, 125 пулеметов, миллион патронов) и подкреплений. Для усиления карательных органов Троцкий просил прислать известного чекиста Я. Х. Петерса. Моральный дух защитников города подкреплялся направлением в части коммунистов.

Фактически Троцкий взял на себя организационную работу по обеспечению защитников Петрограда всем необходимым (с чем в революционных условиях не могли справиться старые специалисты, сосредоточившиеся теперь на командно-штабной работе), своим авторитетом добивался присылки дефицитных пополнений и имущества для оборонявшейся «колыбели революции» 7-й армии. Председатель РВСР занимался кадровыми вопросами и вопросами стратегического планирования (например, выдвинул весьма дельные предложения по превращению Петрограда в неприступную крепость²⁸² или заблаговременно поднял вопрос о перспективах отношений с эстонцами при разгроме армии Юденича и отходе ее в Эстонию). Троцкий взял на себя общее верховное управление, наставлял местное военное и политическое руководство и, как отмечал он сам, давал «толчок инициативе фронта и ближайшего тыла»²⁸³. Председатель РВСР требовал применения самых жестких мер, вплоть до расстрелов паникеров из комсостава, со свойственной ему кипучей энергией проводил митинги, произносил речи, писал статьи. Польза от его присутствия в Петрограде для большевиков несомненна.

20 октября Троцкий телеграфировал своему заместителю Э. М. Склянскому: «Оба начальника дивизий 7-й армии и вообще комсостав никуда не годится. В этом одно из главных препятствий. Если прибыл Генштаба [В. В.] Любимов и не получил назначения, предлагаю немедленно выслать его в мое распоряжение»²⁸⁴. 21 октября на фронте произошел перелом в пользу РККА. В телеграмме В. И. Ленину и Э. М. Склянскому от 24 октября Троцкий сообщал: «[Д. Н.] Надежный вступил в командование 7-й армией в момент полного расстройств. Уже на второй день армия почувствовала уве-

ренное, твердое руководство. Бывший командарм [С. Д.] Харламов, растерявшийся под влиянием катастрофического отступления, ныне прекрасно работает как командир ударной группы под общим руководством Надежного. Считаю, что своевременное назначение Надежного сыграло важнейшую роль в спасении Петрограда»²⁸⁵. Южная группа Харламова должна была нанести главный удар со стороны Колпино во фланг гатчинской группе белых. Важную роль в разгроме белых сыграла и Северная группа под командованием выпускника академии С. И. Одинцова.

Троцкий писал о достижениях первых дней под Петроградом: «Командный состав, втянувшийся в неудачи, пришлось перетряхнуть, освежить, обновить. Еще большие перемены произведены были в комиссарском составе. Все части укреплялись изнутри коммунистами. Прибывали и отдельные свежие части. На передовые позиции выброшены были военные школы. В два-три дня удалось подтянуть совсем опустившийся аппарат снабжения. Красноармеец плотнее поел, сменил белье, переобулся, выслушал речь, встряхнулся, подтянулся и — стал другим»²⁸⁶. Уже в это время Троцкий выработал универсальную формулу побед в Гражданской войне. 16 октября 1919 г. он писал командующему 7-й армией Д. Н. Надежному: «Как всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера»²⁸⁷. Разумеется, одним из определяющих факторов победы красных под Петроградом стало трехкратное численное превосходство сил 7-й и 15-й армий, действовавших против войск Юденича²⁸⁸. При этом в числе причин поражения белых под Петроградом, по свидетельству участника событий с белой стороны, указана безответственность командования, не опасавшегося серьезных наказаний за неисполнение приказов и неудачи на фронте²⁸⁹. Не способствовали успехам белых ненадежность тыла и снабжения и безынициативность командного состава, не подталкивавшегося к активной работе комиссарами.

Вполне естественно, чем ниже был уровень должностей, тем меньше на них находилось генштабистов (исключение составляла крайне малочисленная категория начальников штабов армейских групп). Другой особенностью являлось то, что на штабных должностях процент генштабистов был намного выше, чем на командных того же уровня, что обусловлено спецификой службы Генштаба. Например, генштабисты среди командармов составляли 40 %, а среди начальников армейских штабов — 71–73 %. В условиях катастрофической нехватки кадров такой подход представляется оправданным, хотя, очевидно, имела место и противоположная тенденция к назначению на высшие должности наиболее образованных и квалифицированных работников. Не меньшую роль играл фактор лояльности командиров высшего звена.

Из 21 командующего фронтами не имели отношения к академии 10 человек (В. А. Антонов-Овсеенко, Р. И. Берзин, В. М. Гиттис, А. И. Егоров, М. А. Муравьев, П. А. Славен, И. Т. Смилга, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, В. И. Шорин). Некоторые являлись руководителями партийными работниками (Антонов-Овсеенко, Смилга, Фрунзе), другие считались близкими к большевистскому руководству или ценились как полководцы (Тухачевский). И если выпускники академии редко занимали по несколько высших постов (командующим двумя фронтами был только Д. Н. Надежный), то среди негенштабистов, близких партийному руководству, обилие подобных руководителей обращает на себя внимание. Так, В. М. Гиттис, А. И. Егоров и М. В. Фрунзе командовали тремя фронтами, М. Н. Тухачевский и В. И. Шорин — двумя. Эта особенность снижает процент генштабистов на руководящих постах. Если считать, что из 21 командующего фронтами негенштабистов насчитывалось только 10 человек, то получается, что генштабисты составляли 52,4 % в этой категории. Если же считать, что по факту 21 командующий занимал 30 постов, причем 18 из них принадлежали негенштабистам, то старый Генштаб получает 40 % постов командующих фронтами. На уровне начальников дивизий и начальников штабов дивизий представителей дореволюционного Генштаба было существенно меньше²⁹⁰.

К концу Гражданской войны (на апрель 1921 г.) выпускники старой академии занимали до 12,6 % должностей начальников штабов дивизий и отдельных бригад, слушатели старой академии на том же уровне составляли еще 7 % и слушатели академии Генштаба РККА — 5,6 %²⁹¹. Суммирование первых двух категорий дает 19,6 % выпускников и слушателей старой академии на этом уровне.

Генеральный штаб в Гражданскую войну раскололся почти ровно пополам с некоторым перевесом в сторону антибольшевистского лагеря²⁹². Однако численность противоборствующих армий была неодинаковой. Чем выше она была, тем сильнее ощущалась нехватка квалифицированных кадров. Например, в огромной по численности РККА генштабисты попросту растворялись. Следовательно, важно знать не только, какое количество генштабистов оказалось на той или иной стороне, но и то, насколько это количество покрывало потребность в таких кадрах.

Главком И. И. Вацетис в конце февраля 1919 г. докладывал В. И. Ленину об острой нехватке 40–80 % специалистов Генштаба, что тяжело сказывалось на военной работе, «лишая ее должной плановости и продуктивности»²⁹³. Командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский в 1920 г. жаловался сменившему Вацетиса главкому С. С. Каменеву на нехватку 80 % генштабистов до штатного количества²⁹⁴. В период советско-польской войны 1920 г. отмечалась «в области работы по организации штабов, особенно низших

войсковых соединений (дивизий и бригад)... бедность их лицами со специальной подготовкой их к службе Генерального штаба и стремление проявить свое руководство войсками до самых мелких деталей указаниями, каким именно способом надлежало войскам разрешить ту или иную задачу. Последнее обстоятельство можно объяснить недостаточной тактической подготовкой и опытом многих войсковых начальников, являвшихся непосредственными исполнителями той или иной операции, за которую в целом нес ответственность штаб»²⁹⁵.

Какова же была степень насыщенности противоборствующих армий кадрами Генштаба? Для этого требуется сравнить численность армий (исключив небоевой элемент) в определенные периоды с официальными списочными данными о генштабистах на близкие к этим периодам даты²⁹⁶. В РККА на апрель 1919 г. на одного специалиста Генштаба приходилось 863,2 военнослужащих, на июль — 739, на ноябрь — 966,8, на август 1920 г. — 1215,2. В колчаковской армии на февраль 1919 г. — 412,7; в деникинской на август 1919 г. — 286,5; во врангелевской на октябрь 1920 г. — 65,2. Красная армия ввиду большой численности была насыщена кадрами Генштаба существенно ниже своих противников. Особенно разительный контраст составляет сравнение по 1920 г., когда в Русской армии генерала П. Н. Врангеля на одного генштабиста приходилось только 65 бойцов, а в РККА — 1215, т. е. в 18 раз больше. В среднем получается, что РККА была насыщена кадрами старого Генштаба примерно в два раза ниже колчаковских армий и в три-четыре раза ниже деникинских. Если же учесть, что колчаковские войска считались по своему офицерскому составу слабыми, можно представить, какие трудности испытывала РККА. По наблюдению белого генерала Е. И. Достовалова, «Красная армия вырастала на наших глазах и перегнала нас в своем росте. И это несмотря на то, что у нас даже в рядах простых бойцов служили офицеры, несмотря на полную свободу военного творчества, на большое количество офицеров Генерального штаба и специалистов всякого рода... в Крыму они победили нас не столько своим численным превосходством, сколько выучкой, организацией и лучшим нашего управлением войсками... мы были загипнотизированы мыслью о несовместимости свободного военного творчества с большевистским режимом»²⁹⁷.

Очевидно, что на советских генштабистов ложился намного больший объем работы, чем, например, на деникинских (не случайно многие из последних числились в резерве чинов и даже не использовались белыми). Также очевидно, что, если рассчитывать соотношение военнослужащих к одному генштабисту из общей численности Красной армии (с учетом небоевого состава) в пять миллионов человек, пропорция окажется для красных просто катастрофической. В то же время многочисленность стала важнейшим преимуществом

Красной армии и одним из решающих факторов победы при отсутствии превосходства в командных кадрах.

Но сводить преимущества большевиков только к численному превосходству глубоко ошибочно. Одним из факторов победы красных стала их удивительная гибкость и организованность. Этот аспект касался и кадров Генерального штаба. Создание массовой Красной армии потребовало широкомасштабного привлечения на службу генштабистов. Как уже отмечено, требуемого для удовлетворения нужд массовой армии количества специалистов Генштаба в Советской России не было. Но нехватка кадров Генштаба привела к их более рациональному использованию в Красной армии. Советское руководство в этом вопросе проявило поразительную изобретательность, используя все возможные способы. Были задействованы бывшие офицеры, неудачно окончившие академию или недоучившиеся, но часто обладавшие не меньшим, чем патентованные офицеры Генштаба, багажом знаний и опытом, привлекались на службу выпускники ускоренных курсов, выпускники иностранных военных академий и даже бывшие белогвардейцы. Активно велась подготовка собственных кадров Генштаба.

Апофеозом прагматического отношения к генштабистам стало освобождение отдельных военспецов из-под ареста на время следствия и использование подследственных на службе. Одним из таких подследственных, оставшихся на действительной службе, являлся крупный специалист по организации тыла, бывший генерал М. М. Загю²⁹⁸. О своем участии в оперативной работе в период ареста в 1919 г. рассказывал бывший главком И. И. Вацетис²⁹⁹. Впрочем, подобный подход был сопряжен с большим риском в отношении возможных измен и диверсий репрессированных. В частности, проходивший по одному делу с Загю бывший генерал С. М. Языков, также освобожденный из тюрьмы и назначенный на службу, решил не искушать судьбу и летом 1919 г., не дожидаясь окончания следствия, бежал к белым.

Политика большевиков в отношении кадров Генерального штаба отличалась предельным рационализмом (насколько он возможен в условиях революционной смуты) и системностью. Способствовала этому и развитая система учета кадров Генштаба в Советской России, складывавшаяся с весны 1918 г., а к лету 1919 г. достигшая высокой степени точности и детализации данных³⁰⁰. Эта система существенно превосходила аналогичную практику противников большевиков. Качественно организованный учет позволял добиваться и качественно распределения кадров Генштаба по должностям.

Советское военное строительство ориентировалось на длительную перспективу, тогда как белые, несмотря на имевшиеся у них опыт и квалификацию, действовали во многом бессистемно³⁰¹. Все эти меры позволили красным существенно снизить имевшийся де-

фицит генштабистов и использовать немногочисленных квалифицированных специалистов более эффективно, чем противник.

Свою роль в подталкивании военспецов к активной работе сыграла угроза репрессий. Этот фактор неоднозначен. С одной стороны, репрессии или их угроза вынуждали военспецов работать ответственнее, но, с другой, создавали атмосферу недоверия. Частые и, как правило, необоснованные аресты и расстрелы военспецов не приносили пользы, снижали эффективность использования генштабистов, сеяли страх и безынициативность, способствовали изменам. Большевистские лидеры, в том числе В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Э. М. Склянский, несмотря на огромный объем выполняемой работы, находили время порой лично заступаться за арестованных и добиваться их освобождения. При этом, как позднее отмечал Троцкий, угроза репрессиями была одним из способов «военного нажима», применявшимся им и другими партийными лидерами для быстрого достижения нужных результатов в военной обстановке³⁰².

Многообразие способов покрытия кадрового дефицита красными демонстрировало ориентацию на результат, а также удивительную изобретательность большевистского военно-политического руководства. Как следствие, большевики в деле привлечения кадров Генштаба сумели организационно превзойти своих противников — военных профессионалов старой школы. Подобный итог неслучаен. Он был обусловлен консерватизмом, глубочайшим традиционализмом, рутинерством, безынициативностью и косностью дореволюционной военной элиты, стоявшей во главе антибольшевистского движения. Таким образом, недочеты военно-административной практики белых тоже сыграли роль в победе РККА.

Белые с недоверием относились к генштабистам, переходившим из Красной армии. Руководствуясь дореволюционными критериями, они не считали настоящими специалистами Генштаба и постоянно ограничивали в правах многочисленных курсовиков и тех, кто окончил академию неудачно. Кроме того, у белых, прежде всего на Юге, оказалось сконцентрировано такое количество генштабистов, которое им просто не требовалось для управления своими малочисленными армиями. Очевидно, что на каждые 65 бойцов Врангелю отнюдь не был нужен офицер Генерального штаба — достаточно было взводного или ротного командиров. В то же время белые армии из-за дезорганизации мобилизационного и карательного аппарата катастрофически страдали от нехватки рядового, а не командного состава, тем более старшего. На фронте недоставало младших офицеров, в связи с чем практиковалось производство в офицеры подпрапорщиков и унтер-офицеров³⁰³. Хромало и снабжение войск.

Помимо командно-штабной службы специалисты Генштаба были задействованы во многих других сферах, обеспечивавших побе-

ды Красной армии. Группа генштабистов курировала в РККА военные сообщения и службу связи. Генштабисты активно привлекались и в контролирующие органы. Так, большая группа выпускников академии трудилась в Высшей военной инспекции, проверяя правильность внутреннего устройства армии. Генштабисты перерабатывали для РККА уставы старой императорской армии и разрабатывали новые, составляли штаты и практически всю значимую документацию. Есть все основания говорить о весомом вкладе кадров Генштаба в подготовку и переподготовку командиров РККА, поскольку генштабисты стояли у истоков сети военно-учебных заведений Советской России, будучи самым широким образом задействованы на военно-педагогической работе. При этом многие воспринимали этот род деятельности как реальную возможность уклониться от прямого участия в братоубийственной войне. Наряду с уклонением от активной службы в РККА имела место и противоположная тенденция — немало генштабистов отдавали новой армии все свои силы и знания.

Интересно впечатление, произведившееся военспецами-генштабистами на военспецов из армейских офицеров. Отголоски этого содержит доклад о состоянии Красной армии бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В. В. Котомина, перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. Котомин отмечал: «Надо полагать, что значительный процент из них состоит в Союзе национального возрождения, но, безусловно, есть и такие, которые работают за совесть, оказывая огромную услугу большевизму. Хотя и знаю очень многих из офицеров Генштаба, работающих в Красной армии, но отнюдь не могу сказать об истинном характере их работы, что, несомненно, в будущем можно будет точно установить, так как сведения по этому вопросу, самые точные, имеются в Национальном центре. В общем, можно сказать, что большинство старших офицеров Генштаба пристроилось в тылу, только более молодые или добровольно, или по принуждению состоят на фронте»³⁰⁴.

Гражданская война, по мнению многих современников, развратила офицерство. Высокие назначения недостаточно опытных людей вели к ошибкам. Все это порождало такие нелестные определения генштабистов, как «вундеркинды», «стратегические мальчишки», «недоноски», высмеивавшие молодых и неопытных, но уже наделенных огромными полномочиями и управлявших войсками штабистов.

В связи с отсутствием в РККА воинских званий интересно понять, по какому принципу производились назначения. Как уже отмечалось, несмотря на отмену чинов, генштабисты в делопроизводстве Красной армии упоминались с приставкой «Генштаба» (например, Генштаба А. И. Верховский, Генштаба П. П. Лебедев). Именовались они «лицами Генерального штаба». Подобная обособленность была намеренной и требовалась, чтобы выделять квалифицированных

специалистов в комсоставе РККА. Несмотря на отмену чинов, последний чин в старой армии и год окончания академии указывались в различных списках «лиц Генштаба». Прежний служебный стаж и опыт принимались во внимание при назначении на новые должности. Наконец, 19 сентября 1919 г. Л. Д. Троцкий, С. И. Гусевым и С. С. Каменевым в качестве приложения к приказу РВСР № 1494 утверждены «Временные правила о продвижении на высшие командные должности лиц командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии и об аттестовании этих лиц». Согласно этим правилам продвижение совершалось в порядке постепенности, причем «лица командного состава, не имеющие служебного стажа по предыдущим командным должностям, не могут быть назначаемы на высшие командные должности»³⁰⁵. Исключения допускались лишь в особых случаях с санкции РВС, когда речь шла о наличии выдающихся способностей. Необходимый стаж командиров взводов, рот и батальонов составлял два месяца, командиров полков, бригад и дивизий — четыре месяца, для командующих армиями и фронтами сроки не устанавливались. Сроки могли сокращаться наполовину при наличии у командиров ордена Красного Знамени, при постоянной службе в боевых условиях и «для лиц с высшим военным образованием». Зачисление генштабистов в кандидаты на должности совершалось с согласия Совета ВГШ. Свою роль играли аттестации военных комиссаров и непосредственных начальников, дававшиеся не менее четырех раз в год (к 1 января, к 1 апреля, к 1 июля и к 1 октября)³⁰⁶.

Ключевые посты, как правило, доставались представителям старого Генштаба. Менее опытные курсовики оказывались на обочине, что вызывало недовольство с их стороны. Курсовик И. Ф. Ораевский вспоминал, что «в период Гражданской войны старые генштабисты захватили все высоты командования Красной армии, оттирая нас, молодых академиков, на третьестепенные и более опасные места и тем разделяя одних от других»³⁰⁷. Впрочем, в условиях кадрового дефицита на квалификацию военспеца не всегда обращали внимание, что порой вызывало критику, в том числе в печати³⁰⁸. Высокие назначения, на которые «бывшие» не могли бы рассчитывать в старой армии, повышали лояльность и стимулировали служебную активность. Так, бывший полковник С. Д. Харламов отмечал, что «получение ответственной должности команд[ующего] 7[-й] армии, должности, о которой я не мог бы и мечтать в старое царское время, окончательно делает меня не только просто лояльным гражданином, но и побуждает стремиться к скорейшему дальнейшему достижению полных побед над врагом»³⁰⁹.

Генштабисты в РККА должны были принаравливаться к существовавшему порядку. Характерно описание поведения одного из военспецов в 1920 г., оставленное пленным белым офицером, принятым в РККА: «Мой непосредственный начальник наштадив Куд-

рявцев, молодой человек 27–29 лет, окончивший перед войной одно из военных училищ и во время войны 6^{ти}-месячные курсы Военной академии, — душой и телом военный. Одевался по форме и носил все, что полагалось по его должности и заслугам (на левом рукаве: знак Генштаба — вышитый лист, ромб и пр.). Ругался Кудрявцев невероятно, и с утра в штабе висел мат.

— “Эй, даешь связь 1^й бригады, так его разэтак!” — кричит он или: “Ты что же (следует ругань), опаздываешь, сволочь!” и т. д. Но умел быстро ориентироваться и был прекрасным советчиком Дыбенко. Только последний редко позволял себе ругань, и если это происходило, значит, действительно вывели из равновесия начдива. Как я заметил, в то время без ругани трудно было расшевелить красноармейцев: связь, вестовых и пр., околачивающихся при штабах»³¹⁰.

Несмотря на впечатляющую победу Красной армии, в ее управлении не все обстояло благополучно. Так, по оценке А. И. Егорова, «отрицательным фактором в управлении являлась громоздкость всех наших штабных аппаратов, начиная со штабов бригад и кончая фронтовыми управлениями; впрочем, это обстоятельство в значительной мере сглаживалось стремлением командования всех степеней стать ближе к войскам и к их боевой работе, минуя штабные аппараты, принимая во внимание организационную неслаженность и техническую неустойчивость последних. Это выражалось в разговорах по телеграфу или по телефону с командирами частей и соединений, равно как и в выделении особых полевых органов управления — полевых штабов. Оба эти метода управления мы должны признать не отвечающими в полной мере технике штабной службы. Тем не менее положительное значение их огромно, и в будущем оба метода, по всей вероятности, найдут свое применение, но, конечно, в улучшенной и усовершенствованной форме»³¹¹.

Организация штабов вызывала нарекания. У командированных в 1919 г. на фронты слушателей академии Генштаба РККА складывалось впечатление, что «штабы плохо организованы и за отсутствием не только в достаточном количестве опытных старых генштабистов, но и просто толковых людей...»³¹² Многие штабы представляли собой лишь походные канцелярии с низким уровнем штабной культуры, отсутствием надежной связи и систематического ведения разведки, с доведением распоряжений до войск по телефону, сумбурными приказами и сводками³¹³.

Основными направлениями работы генштабистов являлись: оперативное, военно-административное, по военным сообщениям и, конечно, по военно-учебным заведениям. Генштабисты оказались на службе в разнообразных структурах РККА. Работали они и в корпусе военных топографов, и в органах снабжения РККА (например, начальником снабжений РККА некоторое время был бывший ге-

нерал Е. И. Мартынов), и в системе Всевобуча, и в военно-научных структурах.

Генштабисты сыграли видную роль в организации советской военной разведки. Они стояли у истоков создания Регистрационно-го управления Полевого штаба РВСР, ставшего головным органом военной разведки. В 1918–1919 гг. военная разведка еще не давала ощутимых результатов, однако к 1920 г. такие возможности у нее уже появились. Отдельные генштабисты проявили себя и как высокопрофессиональные разведчики. К примеру, в Тифлисе в 1920–1921 гг. работал в качестве советского военного атташе бывший генерал П. П. Сытин. Почти ежедневно Сытин готовил доклады для Москвы по самому широкому спектру вопросов — он освещал организацию и состояние вооруженных сил Грузии, соседних государств, положение Белого Крыма, переброски войск, предоставлял данные о поддержке Грузией антибольшевистского повстанчества на Северном Кавказе. В результате скрупулезной работы Сытина в августе 1920 г. удалось предупредить советское руководство о подготовке врангелевцами десанта на Кубань. К моменту высадки белых их уже ждали, и десант был разгромлен³¹⁴. В 1921 г. разведданные Сытина пригодились РККА при советизации Грузии.

В компетенции генштабистов находилась работа по составлению и переработке уставов и по разработке штатов. Бывший генерал Д. П. Парский занимался коренной переработкой военных уставов старой армии для нужд РККА. Когда в начале 1919 г. вышли два новых воинских устава, выяснилось, что они не отвечают потребностям армии. Парский предложил составить «Основной воинский устав Красной армии», который бы давал общие отправные данные для подготовки войск и боевой работы. Проект прошел широкое обсуждение в штабах в начале 1921 г., однако вызвал нарекания и не был утвержден³¹⁵. В августе 1919 г. разработкой сокращения штатов полевых войск занимался инспектор пехоты Полевого штаба РВСР Д. Н. Надежный.

Удивительно, но пока на фронтах гремели ожесточенные сражения с белыми, в Москве военспецы-генштабисты по-своему ожесточенно вели дискуссии на страницах военной печати. В 1918–1920 гг. здесь издавался военно-научный журнал «Военное дело», где печатались статьи как по актуальным событиям Гражданской войны, так и на военно-теоретические и военно-исторические темы, обобщался опыт Первой мировой, предоставлялась возможность для ведения острой полемики. Выпуск журнала и развитие военной мысли в РККА активно поддерживал Троцкий. Главным редактором являлся бывший Генштаба генерал-майор Д. К. Лебедев. В числе его активных сотрудников были бывшие генералы-генштабисты М. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Борисов, В. Н. Клембовский, А. А. Незнамов, Ф. Ф. Новицкий, К. И. Рыльский и др.

Журнал пользовался популярностью в среде военной интеллигенции, прежде всего, среди самих военспецов-генштабистов и среди партийных военных работников. В обстановке дефицита военной литературы «Военное дело» с интересом читали даже у белых³¹⁶, что свидетельствует о несомненном успехе издания.

Дискуссии порой отличались немалой остротой. В одном случае публикацию полемической статьи по вопросу о военной доктрине сопровождал редакционный комментарий о том, что редакция не видит надобности «в “ожесточенных” выражениях при научных спорах (они не усиливают доказательности, а наоборот)»³¹⁷.

Недоброжелатели иронизировали по поводу старорежимных доктринеров, заседавших в редакции: «Трагическая картина тупого мертвого переулка, в который попала русская военная мысль»³¹⁸. Ирония заключалась в том, что адресом редакции значился московский Мертвый переулок.

Помимо вопросов военной доктрины на страницах журнала активно обсуждалась возможная реорганизация органов высшего военного управления Советской России, находила отражение и борьба поколений генштабистов. В частности, довоенных выпусков Николаевской академии и ускоренных курсов эпохи Первой мировой.

В то время еще допускалась свобода мнений (в определенных рамках), а беспартийные военспецы на страницах журнала могли свободно полемизировать с большевистскими лидерами. Например, известный военный ученый А. А. Свечин своей статье «Милиция как идеал» дал подзаголовок «Критика тезисов Л. Троцкого»³¹⁹. Негативных последствий для Свечина публикация не имела. Правда, ехидный Троцкий ответил ироничной статьей «Программа милиции и ее академический критик»³²⁰. Трудно представить, чтобы офицер старой русской армии мог спорить в таком ключе с военным министром и не поплатиться карьерой. В этом отношении первые годы большевистской власти представляли куда большую свободу для творчества, чем имперский период.

В Советской России издавались и другие военные журналы, в том числе при штабах фронтов (например, при штабе Туркестанского фронта с участием генштабистов выходил журнал «Военная мысль», при штабе Западного фронта издавался журнал «Революция и война»). С конца 1921 г. при Военной академии стал выходить журнал «Военный зарубежник», публиковавший зарубежную военную информацию. Также с 1921 г. выходили журналы «Военный вестник» и «Военное обозрение». Печатались военные периодические издания, ориентированные и на менее взыскательную и хуже подготовленную аудиторию — строевых командиров и рядовых красноармейцев («Красный командир», «Красноармеец»).

Пульсировала военно-научная мысль и в газете «Известия Народного комиссариата по военным делам», где в 1918–1919 г. существовал неофициальный отдел, созданный в июне 1918 г. по инициативе И. И. Вацетиса и с одобрения Троцкого³²¹. В этом отделе публиковались военспецы, разворачивались острые и актуальные дискуссии. Впрочем, даже в среде рядовых военспецов возникло мнение, что генералы в газете писали статьи, которые только сами и читали, а до фронта ничего не доходило³²². В конце 1919 г. газета выродилась в скучный официоз, где печатались лишь приказы.

Эпоха Гражданской войны в Советской России стала временем подлинного расцвета военной науки. Целая плеяда специалистов трудилась в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при ВГШ, созданной в августе 1918 г. как Военно-историческая комиссия по описанию войны 1914–1918 гг. во главе с В. Н. Клембовским при секретаре В. И. Самуйлове и правителе дел Д. К. Лебедеве. Комиссия создавалась при военно-исторической части оперативного управления ВГШ. В состав допускались почти исключительно «лица Генерального штаба». Ответственными руководителями отделов являлись: 1-й отдел (подготовка к войне) — М. П. Каменский, 2-й отдел (оперативный) — Д. П. Парский, 3-й отдел (военно-технический) — Д. А. Долгов, 4-й отдел (военное искусство) — Я. К. Цихович, 5-й отдел (издательство — картография) — А. А. Балтийский, 6-й отдел (заведующий материалами комиссии) — В. Е. Борисов. Перед комиссией ставилась задача изучения опыта Первой мировой войны. 15 ноября 1918 г. комиссию упразднили, но после ходатайства начальника ВГШ Н. И. Раттэля в конце 1918 г. воссоздали по новым штатам при военно-историческом отделе организационного управления ВГШ под временным председательством известного военного ученого А. А. Свечина. Последний в итоге возглавлял комиссию до мая 1921 г.

Основной задачей комиссии являлось составление краткого стратегического очерка Первой мировой войны. Для этого ход войны делился на периоды и регионы и назначались составители по каждому периоду³²³. Помимо стратегического очерка в конце 1918 г. был намечен перечень из 22 монографий по истории Первой мировой войны, которые требовалось подготовить в первую очередь, в дальнейшем план расширился до 44 книг³²⁴. Планомерной работе над стратегическим очерком мешали разруха, плачевное состояние архивов. Отдельные монографии должны были стать основой общего очерка. За время работы комиссии были сданы в издательство 11 монографий, собран большой фактический материал. По другим данным, комиссия подготовила 39 работ по истории Первой мировой войны и 13 работ по истории Гражданской войны. В двух выпусках издан подготовленный В. Е. Борисовым «Краткий стратегический

очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт», содержащий обзор событий с начала войны по 11 ноября 1914 г. В 1920–1923 гг. в Москве в семи частях вышел «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» (ч. 1 — Я. К. Цихович; ч. 2 — Г. К. Корольков; ч. 3–4 — А. А. Незнамов; ч. 5 — В. Н. Клембовский; ч. 6–7 — А. М. Зайончковский). Подготовленная Ф. Н. Васильевым 8-я часть о Румынском фронте вышла в 1922 г. отдельно. Таким образом, свою основную задачу комиссия выполнила.

В мае 1919 г. увидел свет первый выпуск «Военно-исторического сборника» комиссии, экземпляры которого были направлены управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу и председателю СНК В. И. Ленину. Второй выпуск вышел в августе 1919 г. Всего до 1921 г. было издано четыре сборника и еще один подготовлен к печати. В 1919 г. комиссия распространила в комсоставе РККА анкету по вопросу о практическом использовании опыта войны.

Военно-научную стезю, как и родственную ей работу в архивном ведомстве, нередко выбирали те военспецы, которые не желали участвовать в Гражданской войне. В сложной обстановке Гражданской войны и острого дефицита кадров Генерального штаба в РККА работа комиссии была затруднена. Ряд ее сотрудников прошли через аресты (В. И. Селивачев) или даже были казнены (С. А. Кузнецов, В. И. Соколов), многие направлялись на фронты или получали ответственные назначения в РККА (Д. В. Баланин, Д. А. Долгов, П. И. Ермолин, А. Ф. Кадошников, В. С. Лазаревич, Д. К. Лебедев, П. В. Черкасов). В. Е. Борисов перешел на сторону белых. С ноября 1919 г. комиссия занималась популяризацией истории Первой мировой войны посредством организации публичных лекций и дискуссий. За период с 21 ноября 1919 по 6 мая 1920 г. прошло 68 публичных заседаний, рассмотрено 57 докладов, включая 23 по истории Первой мировой войны.

Новая реорганизация произошла в начале 1920 г. Комиссия теперь именовалась просто Военно-исторической. Троцкий возложил на нее помимо изучения истории Первой мировой войны составление истории РККА и стратегического очерка Гражданской войны. Комиссия также занималась разбором архивов войны. Штат на 1 апреля 1920 г. предусматривал 94 сотрудника, включая технический персонал, по списку и налицо имелись 72. Редактором-правителем дел к этому времени был Д. К. Лебедев, ученым секретарем А. В. Колосов. По штату предусматривались 9 редакторов и 32 сотрудника-составителя. В комиссии были секции: оперативная, по подготовке к войне и военному искусству, политическая, военно-морская. Штат предусматривал четыре должности начальников отделений (административного, двух архивных — по истории Первой мировой и по истории РККА и хозяйственного), военного картографа, трех чертежни-

ков, двух военных архивистов, пятерых старших и семерых младших делопроизводителей и другие технические должности. 30 апреля 1921 г. комиссия вошла в Штаб РККА. С 19 декабря 1918 по 7 июня 1921 г. прошло 114 заседаний редакционной коллегии. В сентябре 1921 г. комиссия была восстановлена как Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и Гражданской войн и позднее вошла в состав Высшего военно-редакционного совета (создан 4 ноября 1921 г.), а с 15 апреля 1923 г. находилась при РВС СССР как военно-историческая комиссия. 15 апреля 1924 г. упразднена, а на ее основе сформирован военно-исторический отдел Штаба РККА³²⁵.

Другим центром военно-научной мысли стала академия Генштаба РККА, в которой преподавали многие видные военные ученые, в том числе сотрудничавшие в военно-исторической комиссии. Профессорско-преподавательский состав из военспецов готовил труды по военно-теоретическим и военно-историческим проблемам. Попытки объединения военно-научных сил предпринимались с самого возникновения академии, однако до серьезного организационного оформления они дошли лишь осенью 1920 г., когда материально-техническая база академии существенно укрепилась. Тогда при поддержке партийной организации академии было создано Военно-научное общество (ВНО). У истоков общества стояли слушатели С. М. Белицкий, И. Г. Ключко, Ф. П. Никонов³²⁶. Председателем оргбюро ВНО стал комиссар академии В. Д. Виленский-Сибиряков. Постепенно структура ВНО усложнялась. К концу 1920 г. в нем было свыше десяти секций, отделы общества возникли при фронтовых, армейских и окружных штабах. Представители ВНО со временем появились в редакциях военных журналов. В дальнейшем ВНО перешло и к подготовке учебных пособий, справочной литературы. Общество организовывало доклады, дискуссии, издавало труды своих членов. Интенсивно изучался и обобщался опыт Гражданской войны, участниками которой были сами члены ВНО. Первый сборник трудов ВНО вышел уже в 1920 г. ВНО активно участвовало в дискуссиях начала 1920-х гг. В частности, о военной доктрине, по вопросам тактики и боевой подготовки войск. Фактически уже в 1920-е гг. ВНО стало ведущей военно-научной организацией в СССР.

Начальник академии А. Е. Снесарев в 1919 г. разработал и издал курс лекций «Философия войны», лично готовил или участвовал в разработке курсов лекций «Огневая тактика», «Современная стратегия», «Гражданская война», «Психология войны», «Военная география», «Афганистан». Позднее, в 1924 г., будучи уже профессором академии, перевел классическую работу К. фон Клаузевица «О войне». Развернутое предисловие к переводу впоследствии выросло в самостоятельную книгу «Жизнь и труды Клаузевица». Снесарев

участвовал в создании Восточного отделения академии, выступил инициатором учреждения опытно-психологической лаборатории.

В 1919 г. были опубликованы «Основы современной стратегии» А. А. Незнамова (курс лекций), «Военная география» С. Д. Харламова, «Устройство вооруженных сил Республики» В. И. Самуйлова (курс лекций), «Устройство тыла и тактика снабжения в действующей армии» Н. А. Сулеймана (курс лекций), «Записки по военной администрации для советских курсов по подготовке комсостава» М. М. Загу. А. А. Свечин подготовил не подлежавший оглашению «Краткий очерк Гражданской войны за январь — май 1919 г. (по Южному фронту)». Труд был сдан начальнику Полевого штаба РВСР, но дальнейшая судьба и местонахождение этой работы неизвестны. Готовили свои труды не только генштабисты, но и представители других специальностей. Тогда же вышли курсы лекций «Военно-инженерное дело» К. И. Величко, «Сведения по технике артиллерии» Е. В. Агокаса. Со второй половины 1920 г. у академии появилась собственная типография, что способствовало расширению издательской деятельности.

В годы Гражданской войны увидели свет «Тактика пехоты» Н. С. Елизарова, «Тактика конницы» С. М. Шейдемана, «Влияние оружия на ведение боя» В. Н. Свяцкого и др. В 1920 г. были изданы «Общая тактика» С. Г. Лукирского и «Общая тактика. Передвижение войск на войне и отдых» С. А. Кузнецова (курс лекций; автор книги был расстрелян в 1919 г. по делу военной организации «Национального центра», но труд вышел посмертно). Издавались военно-исторические труды: «Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 года» В. Ф. Новицкого и «История военного искусства» (вып. 1) А. А. Свечина (курс лекций, на правах рукописи). Широко известны своими научными трудами военспецы-генштабисты, пришедшие в академию уже ближе к концу Гражданской войны. Например, И. И. Вацетис, А. И. Верховский и Н. Е. Какурин.

В советском архивном ведомстве в период 1918–1922 гг. также трудилась целая плеяда выпускников Николаевской академии: А. Н. Апухтин, А. К. Байов, А. И. Верховский, П. Н. Воронов, П. А. Гейсман, П. Н. Гусаковский, Н. А. Данилов, А. М. Зайончковский, П. И. Измestьев, М. П. Каменский, Д. К. Лебедев, Н. П. Михневич, В. А. Олохов, С. Ф. Розанов, В. И. Селивачев, Н. Н. Стогов, Н. В. Хенриксон.

Неотъемлемыми составляющими деятельности генштабистов как интеллектуальной элиты армии были не только военно-научная и военно-историческая работа, но и преподавание. Важное преимущество Советской России в этом отношении давал контроль над развитым в культурном отношении центром страны, где имелась соответствующая инфраструктура: разветвленная сеть военно-учебных заведений старой России с их материально-технической базой, глав-

ные военные библиотеки и архивы, развитая полиграфическая база для издания научных трудов.

По оценкам исследователей, привлечение генштабистов к преподавательской работе на заурядных командных курсах было проявлением максимализма большевиков, стремившихся организовать свои военно-учебные заведения не по образцу школ прапорщиков, а по образцу военных училищ, и для ускоренной подготовки краскомов не требовалось³²⁷. Неудивительно, что по мере расширения масштабов Гражданской войны генштабисты из таких военно-учебных заведений изымались и направлялись на фронты.

Некоторые выпускники академии, несмотря на разгул Гражданской войны, самоотверженно работали ради сохранения военно-учебных заведений как государственного имущества. Впечатляет скромное подвижничество бывшего полковника А. С. Карпенко, который в разгар Гражданской войны на Украине, в калейдоскопе режимов, охранял бывшее Елисаветградское кавалерийское училище с февраля 1918 по апрель 1919 г. и в итоге передал это военно-учебное заведение в сохранности прибывшим из Твери 1-м советским кавалерийским курсам³²⁸.

Документы свидетельствуют, что большевики уделяли существенно большее в сравнении со своими противниками внимание выстраиванию работы со специалистами Генерального штаба. Помимо тщательного учета кадров их распределение также отличалось большой тщательностью, этим вопросом специально занимались, практически каждый военспец-генштабист был на счету, а отдельные генштабисты, по недосмотру числившиеся в театрах или речной охране, воспринимаются скорее как курьез. РККА обладала превосходством над противником и по части организованности центральных штабов и учреждений, полномочия между которыми грамотно распределялись. Так, Полевой штаб РВСР занимался вопросами фронта, а ВГШ обеспечивал тыл и пополнения. Высоким профессионализмом отличались и советские главнокомандующие. Централизация и системность в итоге победили.

Идейные и приспособленцы

Традиционное мировоззрение офицеров-генштабистов зиждилось на незыблемом принципе верной службы родине и императору, на стабильной и понятной, устоявшейся системе карьерного продвижения. Можно отметить такие составляющие мировосприятия большинства генштабистов, как патриотизм, монархизм, конформизм, религиозность, этноцентризм (шовинизм), консерватизм, верность долгу, апо-

литичность, алармизм, приверженность традициям, корпоративная этика и честь, протекционизм и патернализм в отношении подчиненных. Оценка некоторых качеств неоднозначна. Среди негативных черт представителей отечественной военной элиты выделяются косность и инертность, пьянство, взяточничество, карьеризм, самоуверенность, самомнение и снобизм, презрение к офицерам без академического образования, угодничество младших перед старшими. Отрицательными явлениями в службе генштабистов считались бюрократизация и система назначений по старшинству в ущерб способностям и квалификации.

В мировоззренческой системе и в жизни офицера-генштабиста могли присутствовать националистические и ксенофобские взгляды, нередко значимым был религиозный фактор, но политическая составляющая, как правило, отсутствовала. Участвовать в политической жизни считалось предосудительным. До революции офицеры Генштаба в частности и офицеры вообще редко вовлекались в политические процессы. А те, кто оказывался в них втянут, как правило, осуждались корпорацией, становились изгоями. К примеру, от офицера могли потребовать оставить службу, если выяснялось, что политическую активность проявляла его супруга³²⁹.

Тем не менее после Русско-японской войны офицерство стало пробуждаться. Но даже невинное стремление к профессиональному самосовершенствованию могло дорого обойтись генштабисту, если оно интерпретировалось как политическая деятельность. Именно так случилось с фактически разогнанным кружком преподавателей Императорской Николаевской военной академии, объединившихся незадолго до Первой мировой войны вокруг полковника Н. Н. Головина.

Предназначенные самой службой к тому, чтобы быть интеллектуальной элитой армии, отвечавшие за постановку разведывательной работы, за подготовку к будущим войнам, выполнявшие аналитические и прогностические функции, офицеры оставались «наивными младенцами» в том, что касается политических вопросов, дистанцировались от важнейшей составляющей общественной жизни. Генерал П. И. Залесский отмечал, что «офицер Генерального штаба шел в жизнь, создannую отцами, и продолжал вести себя по примеру отцов, не считаясь с ростом русского народа, его законными потребностями; не видел необходимости в радикальном изменении порядков жизни и службы; не предвидел будущего и тех неопикуемых мук, коими будут расплачиваться дети за грехи отцов!»³³⁰

Политической и партийной борьбы офицеры в большинстве своем не понимали, в идеологические различия возникших в начале XX в. партий не вникали, не были должным образом подготовлены к ситуации хаоса, возникшей в 1917 г., и не ожидали случившегося. Офицерам, как свидетельствуют выходцы из их среды, вообще свойственна

определенная наивность, обусловленная замкнутостью их круга общения, предопределявшегося служебной необходимостью, наличием государственного обеспечения и незначительными потребностями. Тем не менее в период 1917–1922 гг. генштабисты оказались втянутыми в политическую борьбу, хотя как служилые люди, обладавшие лишь сугубо профессиональной компетенцией в военной сфере, не были к этому подготовлены.

По своему менталитету и системе жизненных координат русские генштабисты, как и в целом представители элиты старой России, ко времени Гражданской войны уже выглядели безнадежно отсталыми людьми, не понимавшими природы происходящего и мыслявшими примитивными категориями темных обывателей.

Полковника (позднее — генерала) А. А. Самойло в разгар Первой мировой войны всерьез волновал следующий вопрос: «Я медлил, выжидая освобождения должности в своем родном Екатеринославском полку. Впрочем, я готов был принять и Ширванский полк. О мотивах этой своей готовности я охотно умолчал бы теперь, если бы не взятый мной принцип: выкладывать все начистоту. Дело в том, что Ширванский полк был единственным в армии, которому полагалось носить сапоги с красными голенищами!»³³¹ Казалось бы, выйдя из гимназических годов, я мог быть и менее легкомысленным. Как и чем это объяснить? Воспитанием? Средой? Странностью человеческого устройства? Судить не берусь»³³².

Для мировоззрения даже наиболее интеллектуально развитых офицеров Генерального штаба характерно восприятие большевиков исключительно как платных агентов германского Генерального штаба, что было значительным упрощением и искажением реального положения вещей. Так писал в декабре 1917 г. в своем дневнике выдающийся и проницательный отечественный военный деятель той эпохи генерал А. П. Будберг³³³. Так же рассуждал и генерал П. Н. Врангель³³⁴.

Характерно признание курсовика, гвардии капитана Д. А. Малиновского, который свидетельствовал даже летом 1919 г.: «Я как военный, офицер, как участник Европейской войны, вынес то впечатление от нашей революции, что ею воспользовались немцы. Я думаю, что наша революция в значительной степени носит характер искусственности, подготовленности ее откуда-то извне. Чьих рук это дело, я судить не могу. Но мне казалось все время, и я сейчас убежден, что все дальнейшее, что привело Родину к настоящему ее положению, это дело рук немцев. Они стали нас разваливать после переворота, после отречения государя императора от престола и воспользовались для этого, как орудием, господином Лениным, Троцким и другими подобными господами. Для меня большевизм — это порождение Германии, это орудие в борьбе с нами. Смотря на большевиков, как на слуг Германии,

я не мог и сейчас не могу себе представить, чтобы власть в Германской империи не приняла бы никаких мер к спасению жизни императрицы, немки по крови, связанной узами родства с германским императорским домом, а через нее и императора и их семьи»³³⁵. В то, что императрица Александра Федоровна являлась германской шпионкой, верил генерал В. И. Селивачев — один из выдающихся военных деятелей России того времени³³⁶.

Генерал В. Н. Касаткин наивно писал в эмиграции: «До 1917 г. существовала одна эра — эпоха христианская; после 1917 г. настала другая — антихристианская. Две тысячи лет тому назад пришел мир Христа и основал мир Добра и Любви. В 1917 г. пришел в мир Ленин и основал мир зла и ненависти»³³⁷. По мнению генерала М. В. Алексеева, изложенному в записной книжке осенью 1917 г., «большев[ики] в массе — мерз[авцы] и негод[яи]. Но у них есть решимость и готовность драться. У нас же — испуган[ный] обыватель прячется»³³⁸. Создавалась почва для расчеловечивания образа врага, в котором многие офицеры видели темную массу, инородцев, нехристей и предателей — агентов Германии. Неудивительно, что в Гражданскую войну приверженцы таких взглядов нередко становились проводниками белого террора и идей социального расизма.

Общим для многих офицеров чувством в период революции стали растерянность и дезориентация, неготовность и неспособность противостоять разлагающей пропаганде. Вовлеченный в политическую жизнь еще до революции и ориентировавшийся в этом вопросе несколько лучше своих товарищей по академии Б. А. Энгельгардт удачно охарактеризовал настроения конца 1917 — начала 1918 г. среди «бывших» людей, в том числе офицеров: «Представления о социализме и коммунизме у большинства этих людей... были самые примитивные, и поскольку они легко примирились со свержением царя и продолжали работать при Керенском, сдвиг от Керенского к Ленину не должен был казаться им непреодолимым. И Керенский и Ленин находились оба за границей их политических представлений, а разобраться в том, какая пропасть отделяла Ленина от вожakov Временного правительства, они не умели. Но всех этих людей пугали решительные меры, направленные к полной ликвидации старого уклада жизни. Они видели перед собой разрушение всего того, к чему они “привыкли”, того, что в их глазах олицетворяло русскую государственность»³³⁹.

Слушатель академии штабс-капитан В. М. Цейтлин 14 июля 1917 г. рассуждал в дневнике о положении и взглядах офицерства: «Временное правительство могут ругать все кто угодно и как угодно и требования предъявлять какие угодно. Но достаточно, чтобы требования исходили от офицеров, и начинается сразу: контрреволюция... да как они смеют... и т. д. Какие-то бесправные отщепенцы с массой обязанностей.

А если разобраться начистоту, то масса армейского офицерства крайне демократична, и если с кадетских лет и была воспитана “самодержавнейшим и благочестивейшим”, то Русско-японская война, революция 1904–[19]05* года, распутинщина и разгромы в течение нынешней войны, особенно отход 15-го года, заставили многих призадуматься. Только необходимость продолжения войны, абсолютная необходимость сохранить фронт давят сверху, сдерживая от личных выступлений.

Не будь войны, надо думать, многие из офицеров сами активно выступили бы за Госуд[арственную] думу, за ответственное министерство и за республику.

Ведь в сущности, чем армейский офицер, получающий гроши и не имевший никаких привилегий, был связан с царской властью и чем ему было бы хуже при другом образе правления... Только лучше.

Но революция сразу приказом № 1 озлобила офицерство, направила на него солдатскую массу. Офицеры растерялись, потеряли почву под ногами, особенно когда к революции стали подыгрываться такие генералы, как Брусилов и другие.

Самое интересное, что чаще всего “революционерами” стали гвардейцы, т. е. наиболее привилегированные, пользовавшиеся массой льгот, получавшие чины, оклады, принятые при дворе и пресмыкавшиеся перед царем. Сейчас часть таких карьеристов вовсю льнет к каждой новой власти, стараясь подчас предугадать, чья возьмет. Им все равно, кто барин, лишь бы устроиться получше у государственного пирога.

Видимо, это уже профессиональная привычка, выработанная службой в гвардии...

Я убежден, что если бы когда-либо большевики взяли власть (надо думать, этого не будет), то легче всего и прежде всех к ним пойдут на службу гвардейцы»³⁴⁰.

Лишь совместная служба с комиссарами и опыт Гражданской войны открывали глаза некоторым думающим офицерам, стремившимся разобраться в событиях. Воспоминания отдельных офицеров, в том числе негенштабистов, содержат уничтожающие признания: «Новый опыт с властью большевиков при анализе лишь много лет спустя доказывает, какими политическими младенцами мы были»³⁴¹. Белый подпольщик А. Л. Носович выражал надежду на то, что трагедия Гражданской войны научит офицерство работать и сделает их ум гибче³⁴². Некоторые, спустя годы, признали успехи красных, как, например, выпускник ускоренных курсов академии Н. Н. Ивановский, который в эмиграции отмечал, что «коммунизм до самого моего кон-

ца — не для меня, но надо отдать им справедливость. Они сумели заставить свою группу драться и сумели взнудать весь народ. Верно, жестокими путями, но после распушенной керенщины других путей с их точки зрения не было»³⁴³.

Были среди генштабистов и те, кто пытался разобраться в сущности большевизма. Анализовавший это явление генерал К. Л. Гильчевский заявлял в 1917 г., что идеи большевиков — «бредни, и как бы они красивы ни были, они не осуществимы, тем более в такой дикой и невежественной стране, как Россия»³⁴⁴.

Между тем новое время требовало людей с новым типом мышления, которые бы понимали социально-политическую природу революционных перемен и учитывали эти факторы в своей деятельности. В красном лагере за это отвечала выкованная годами подпольной работы и сплоченная партия, в белом — сами неподготовленные офицеры наряду с политическими деятелями образца 1917 г., что не замедлило сказаться на результатах.

Партийные военные работники невысоко оценивали политическую сознательность офицерства, не исключая и генштабистов. Как отмечал И. Т. Смилга, «в первую голову бросается в глаза их политическая невежественность. Генеральный штаб не составляет исключения, несмотря на то, что он в общем и целом, среди генеральных штабов других стран, стоит довольно высоко. Военные училища и академии вбили своим слушателям в головы ту мысль, что военное дело в принципе аполитично, что беспартийность и невежество в политическом отношении являются основными добродетелями военного деятеля... Я не буду говорить о тех, кто сознательно ушел в тот или другой лагерь. Их было меньшинство. Офицерству пришлось спешно нагонять потерянное. Его самоопределение происходило под давлением тяжелого пресса гражданской войны. Начинаются перебежки и измены. Их было тем более, чем серьезнее становилось наше военное положение. В настоящее время буквально то же самое можно сказать о наших противниках. Массовый переход офицерства из армии Колчака на нашу сторону неопровержимо говорит за это. Это офицер-середняк спасает свою шкуру... Он готов служить вообще “твердой власти”. Поэтому было бы величайшей ошибкой объяснять перебежки большинства бывших офицеров их белогвардейскими убеждениями»³⁴⁵.

Генеральный штаб не был изолирован от общества. Перемены в стране отражались и на генштабистах. Еще в начале XX в. среди офицеров получили популярность идеи конституционной монархии и республиканские взгляды. Будущий лидер Белого движения генерал А. И. Деникин в период учебы в академии помогал знакомым хранить запрещенную литературу³⁴⁶. Впоследствии он вспоминал, что его политические убеждения сложились именно в академические

* Так в тексте.

годы: «Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма»³⁴⁷. Впрочем, Деникина относят и к консервативно-либеральному течению³⁴⁸. Пошедший в Красную армию генерал С. Г. Лукирский в показаниях по делу «Весна» сообщил: «Я свой политический путь проделал, начиная с сочувствия партии октябристов, закончил его, оставшись национал-патриотом своей родины»³⁴⁹. Революционное прошлое имел генерал А. И. Верховский, ведший в юности политические разговоры с вестовыми манежа Пажеского корпуса, где он учился³⁵⁰.

Часть генштабистов на фоне катастрофы в Русско-японской войне и в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. нашла себя на ниве военной журналистики и публицистики, бичуя пороки старой армии и даже режима. К этой группе либерально настроенных офицеров можно отнести П. С. Махрова, Д. П. Парского и др. Тем не менее политически активные офицеры относились к абсолютно меньшинству, воспринимались как некое исключение. Как справедливо отмечал генерал П. И. Залесский, «без критики нельзя было вывести жизнь и работу армии из тупика невежества, из деятельности *вне* определенной военной доктрины, из непонимания действительности, жизни на “авось”, работы “как-нибудь”... Были, конечно, и исключения в лучшую сторону: Пузыревский, Драгомиров (М. И.), Самсонов, Мартынов, Клембовский, Новицкий (В. Ф.), Свечин (А. А.) и другие. Но об исключениях в лучшую сторону теперь не для чего вспоминать, так как самые блестящие из них не смогли дать русской военной жизни иного направления и оградить ее от катастрофы. Вероятно, для 160-миллионного народа все эти исключения были недостаточны, тем более что и из них только очень и очень немногие выступали открыто и определенно *против дурных порядков* в армии, а тем более во всей стране! Самодержавные “верхи” не допускали критики и в то же время сами были невежественны, неумны и недальновидны, не были настоящими хозяевами в своем деле»³⁵¹. А. И. Верховский отмечал 24 февраля 1917 г. в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодетельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава»³⁵².

До революции партийность в среде русского офицерства была явлением недопустимым и исключительным, хотя и тогда существовали отдельные лица, которые тайно состояли в партиях, нося при этом офицерские погоны. Кадровое офицерство воспитывалось на идеалах преданности императору и монархической идее. Политической жизни для офицеров до 1917 г. фактически не существовало. Характерно свидетельство генштабиста С. Д. Харламова в показаниях по делу «Весна»: «К моменту Февральской революции у большин-

ства офицерства, и у меня в том числе, четкого представления о платформах существовавших партий не было»³⁵³.

Февральская революция 1917 г. открыла офицерским массам дорогу к партийности и внесла существенные изменения в мировоззрение генштабистов. Некоторые приняли активное участие в революционной деятельности. Так, например, А. И. Корк, позднее прославившийся в рядах Красной армии победой на Перекопе, в 1917 г. был председателем солдатского комитета Западного фронта³⁵⁴. Отдельные генштабисты в 1917 г. группировались вокруг такого политического деятеля, как А. И. Гучков, который, как метко заметил современник, был «политическим карьеристом, избравшим критику военного ведомства трамплином для своих политических успехов... фактически [же] являлся лишь рупором оппозиционно настроенной военной молодежи»³⁵⁵. К ним относились А. И. Верховский и Б. А. Энгельгардт, связан с Гучковым был и генерал А. М. Крымов, отрицательно относившийся к последнему императору. Дружеские отношения с Гучковым поддерживал генерал Р. Д. Радко-Дмитриев. Безусловно, способствовали повышению политического сознания офицерства различные корпоративные объединения. С организацией «Республиканский центр» сотрудничал полковник В. Н. Доманевский³⁵⁶. Полковники В. М. Пронин и Д. А. Лебедев стояли у истоков «Союза офицеров Армии и Флота», возникшего в 1917 г. и ставившего своей задачей защиту интересов офицерства.

Курсовик В. В. Сергеев в очерке «Наша (старого Генштаба) идеология», подготовленном в связи с делом «Весна», отмечал: «Октябрьская революция была встречена нами, — старыми генштабистами, — стоявшими в большинстве на платформе Временного правительства, с испугом, как ведущая к полной гибели России. Установление диктатуры пролетариата, конечно, нами в массе не было понято. Я думаю, что большинством не понимается и теперь.

Почти все думали, что вновь установившаяся власть недолговечна, что судьбой истории — интервенцией и Гражданской войной она будет сметена... Та часть нас, которая, по многим причинам, не могла уйти за границу, перешла на службу в Красную армию, частично добровольно механически, частично в порядке мобилизации специалистов. Но то недоверие, которым советская власть нас все время окружала, продолжало питать нашу враждебность...

В процессе дальнейшего существования часть нас пыталась идти в ногу с жизнью Советов, выходя на общественную арену, часть же замкнулась в свои тесные кружки. Обе части, сталкиваясь друг с другом, все время продолжали питаться старыми идеологическими принципами дворянства и старого Генштаба, слабо пролетаризируясь...

В постоянство существования советской власти мы не верили. В каждый более-менее шаткий период ее жизни мы ожидали ее паде-

ния. Все грезили и жили надеждами на возвращение к старым временам, более старые тяготели к конституционной монархии, более молодые — к буржуазной республике»³⁵⁷.

Переходившие от красных к белым генштабисты искренне или с целью выслужиться порой становились в первые ряды бичевателей большевизма. Так, перешедший на сторону Колчака курсовик Б. Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский) сообщал 6 июля 1919 г. управляющему делами Совета министров в докладе о сущности большевизма, что большевизм — это «психическая болезнь страшной стихийной демонической разрушительной силы, которая может смести весь культурный мир, если не будет немедленно ликвидирована»³⁵⁸. Впрочем, вызывает вопросы психическое здоровье самого докладчика, подписавшегося уполномоченным «всего 100-миллионного населения Совдепии»³⁵⁹ и поставившего своей целью искоренение «большевик-фанатиков, психически заразно-больных бешеных людей»³⁶⁰.

Причины большевизма Ковалевский видел в Первой мировой войне. Власть партийного руководства он считал диктаторской³⁶¹. По примеру действий большевиков он призывал руководство белых к большей решительности, быстроте решений, сокращению канцелярщины³⁶². Среди предложений были и наивные идеи оторвать население от личных интересов³⁶³. При этом Ковалевский считал, что до весны и даже до осени 1920 г. белые своими силами не справятся³⁶⁴. В другом документе тот же автор призывал не использовать порожденные революцией слова: Гражданская война, демократия, буржуазия, пролетарий³⁶⁵. В качестве очередного «конструктивного» предложения, как победить большевиков, он предлагал повысить премию для перебежчиков за приносимую винтовку со 100 до 400–600 руб.³⁶⁶ На подобном детском уровне находились общественно-политические взгляды уже сравнительно опытного человека, успевшего отличиться в Первой мировой войне, дослужившегося в старой армии до подполковника³⁶⁷, а затем служившего как у красных, так и у белых.

Традиционалистскому мировоззрению кадровых офицеров в большей степени соответствовали условия службы в белых армиях. По этим причинам большинство представителей Генштаба в них и оказалось. Немало было и таких офицеров, которые не прижились ни в одном из лагерей. Член партии эсеров подполковник Ф. Е. Махин поступил в Красную армию для подпольной работы, дослужился до поста командующего 2-й армией на Восточном фронте, после чего перешел на сторону противника, чем способствовал потере красными Уфы, однако в антибольшевистском лагере офицер также не прижился, участвовал в эсеровском заговоре против атамана А. И. Дутова и был выслан из России³⁶⁸. Показательна судьба пол-

* Подчеркнуто автором документа.

ковника В. Д. Мацнева. В 1918 г. он служил в РККА, затем оказался на Белом Юге, однако не был причислен к Генеральному штабу, а попал под следствие, поскольку со штабом дивизии в 1918 г. остался в Терской области при установлении там советской власти³⁶⁹. Какие именно обстоятельства вынудили Мацнева к этому, белое командование не интересовало. В 1920 г. офицер вновь оказался у красных, но был направлен на принудительные работы на деревообрабатывающий завод³⁷⁰, существует версия о том, что вскоре его расстреляли³⁷¹.

Среди генштабистов нашлись только два члена большевистской партии со стажем до октября 1917 г. — А. И. Геккер и М. С. Свечников. Штабс-ротмистр Геккер, слушатель ускоренных курсов академии, вступил в партию в сентябре 1917 г.³⁷² и сделал за годы Гражданской войны головокружительную карьеру в рядах Красной армии. Уже весной 1918 г. Геккер руководил созданием частей РККА на Донбассе и возглавил Донецкую Красную армию. За время Гражданской войны Геккер командовал несколькими советскими армиями. Разумеется, значительное влияние на карьерный рост этого военспеца оказало его членство в большевистской партии. В своей автобиографии Геккер отметил, что работал вместе с армейскими большевиками уже с февраля 1917 г.³⁷³

Другим старым большевиком (с 1 мая 1917 г.) был полковник М. С. Свечников. Будучи начальником штаба 106-й пехотной дивизии, Свечников сопровождал большевистского лидера В. И. Ленина, возвращавшегося из эмиграции, проделав с ним путь от Таммерфорса до Петрограда. Считается, что именно общение с Лениным привело Свечникова в ряды партии³⁷⁴. Впрочем, его в партийной среде не любили и подозревали в карьеризме. По заданию партийного руководства Свечников участвовал в Гражданской войне на территории Финляндии в качестве военного советника финской Красной гвардии. В годы Гражданской войны он дослужился до командующего фронтом.

Партия большевиков, став партией власти, начала привлекать к себе как идейных приверженцев, так и «попутчиков» — карьеристов, ловцов конъюнктуры, стремившихся приблизиться к власти, получить иммунитет от репрессий или иные преимущества. Членство в партии постепенно становилось важным элементом социальной мобильности³⁷⁵. Неудивительно, что к большевикам тогда примкнули даже отдельные представители достаточно далекой от их идеалов старой военной элиты в лице бывших офицеров Генерального штаба. Мотивы примкнувших были различными.

В 1918 г. в большевистскую партию вступили слушатель академии бывший капитан А. А. Инно (Кульдвер) и обучавшийся в академии поручик А. А. Черевин. В марте 1919 г. в РКП(б) вступил бывший подполковник Л. Л. Клюев, в апреле 1919 г. партийцем стал

бывший полковник А. В. Косматов. В 1919–1920 гг. в партии состоял недавний курсовик штабс-ротмистр А. К. Семенов, исключенный впоследствии как бывший офицер³⁷⁶. В 1920–1922 гг. членом партии был курсовик бывший капитан Б. Н. Кондратьев. Партийный стаж с октября 1920 г. вел в прошлом капитан А. А. Мартягин. В годы Гражданской войны (не позднее 1921 г.) в партию вступил бывший подполковник, геодезист А. Д. Тарановский. Партийностью с 1921 г. мог похвастаться и бывший полковник Н. Е. Какурин. Впрочем, понять его мотивы можно — Какурин попал в РККА лишь в марте 1920 г. и стремился упрочить свое положение, скомпрометированное длительной службой в различных украинских антибольшевистских формированиях.

Таким образом, в 1918–1922 гг. в РККА насчитывалось всего лишь 11 бывших офицеров, ранее обучавшихся в академии Генштаба и вступивших в партию большевиков. Относительно общего числа «лиц Генштаба» Красной армии большевики составляли ничтожную величину в 0,7%. Разумеется, такой процент во многом определялся традицией аполитичности, присущей русскому офицерству и очевидным неприятием большевистской идеологии.

Бывший генерал Н. М. Потапов в 1925 г. отмечал, что не решился вступить в партию по предложению видных военных работников большевистской партии Н. И. Подвойского, К. А. Мехоношина и Э. М. Склянского, «опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать “примазавшимся” к партии. Я предпочел работать честно, оставаясь беспартийным»³⁷⁷.

Никто из генштабистов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не состоял в партии. Беспартийными были даже такие крупные советские военные деятели, как М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, С. С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), Ф. В. Костяев, П. П. Лебедев, Н. И. Раттэль и др., усилиями которых оказалась достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения. С другой стороны, их причастность к первому эшелону элиты РККА, казалось, не требовала дополнительных мер по укреплению статуса (несмотря на это, Вацетис и Костяев в ходе Гражданской войны арестовывались чекистами).

Сложно сказать, задумывались ли эти бывшие полковники и генералы о том, что с ними будет после Гражданской войны и каким окажется их место в новой иерархии военной элиты большевистской России. Как бы то ни было, состоявшие в карьерном плане еще до революции, эти бывшие офицеры не торопились примыкать к большевикам. Генштабовской молодежи, в отличие от старшего поколения, вступление в партию по карьерным причинам казалось

более целесообразным. Не случайно многие генштабисты, вступившие в партию накануне и в годы Гражданской войны, относились либо к последним предвоенным выпускам из академии, либо к выпускам ускоренных курсов периода Первой мировой. Служба в РККА бывших офицеров-генштабистов выпала на период, когда членство в партии еще не являлось обязательным условием пребывания на руководящих постах, к чему Советская армия пришла уже после Великой Отечественной войны. По этой причине вступление в партию старых генштабистов носило индивидуальный и добровольный характер.

Среди военспецов оказалось немало таких, кто сумел приспособиться к условиям и требованиям новой армии и даже сделал в ней стремительную карьеру. При отсутствии в Красной армии воинских званий карьера определялась должностями. В период 1917–1922 гг. для быстрого роста военспецам требовались личные качества и профессиональные умения, а также лояльность. Важную роль могла играть протекция со стороны того или иного партийного руководителя. Покровительственным и в целом доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты отличались Л. Д. Троцкий, С. И. Аралов (сам бывший офицер), М. В. Фрунзе. Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться из числа бывших офицеров И. И. Вацетис, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Корк, М. И. Василенко (успешный послужить в 1918–1919 гг. дважды у красных и один раз у белых на Восточном фронте), дослужившиеся до уровня главнокомандующих, командующих фронтами и армиями — высших постов в советской военной иерархии.

Определенный перелом во взглядах генштабистов произошел с окончанием Первой мировой войны в ноябре 1918 г., после чего обозначилась деструктивность Гражданской войны, затягивание которой грозило полным истощением и гибелью страны. Становилось очевидным, что участвовавшие в интервенции так называемые союзники преследуют собственные интересы, подчас направленные на разграбление и ослабление России. Таким образом, у мыслящих и патриотически настроенных белых генштабистов должно было складываться противоречивое чувство: белых поддерживали внешние силы, не заинтересованные в благе России. Углублению противоречий способствовали и события на фронте, где к 1920 г. красные контролировали практически все великорусские губернии, постепенно присоединив и национальные окраины. Следовательно, именно красные выступили собирателями русских земель. Все это не могло не породить массового разочарования белых офицеров в прежних идеалах борьбы, что выразилось в сдача в плен, эмигрантском «сменовеховстве» и возвращении на родину.

Всплеск патриотических настроений повлекла советско-польская война. Большевики попытались использовать эти настроения в своих интересах. С этой целью 2 мая 1920 г. было создано Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики — консультативный совет, занимавшийся обсуждением вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством А. А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвигания лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров. Эти события вызвали немалый резонанс как в Советской России, так и за ее пределами. Резонанс этот, прежде всего, был связан с неожиданными патриотическими нотками в большевистской риторике, прозвучавшими на фоне стремительно развивавшихся событий на польском фронте.

В состав совещания вошли бывшие генералы М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. И. Верховский, А. Е. Гутор (Алексей Евгеньевич), А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов, А. А. Цуриков. Все они являлись выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. В качестве представителей большевистской власти членами совещания стали А. Н. Александров, К. Х. Данишевский, Л. П. Серебряков, И. И. Скворцов-Степанов. Также в работе участвовали бывший генерал К. И. Величко и большевики Н. И. Подвойский и И. Ф. Медянцеv. Совещание было упразднено в сентябре 1920 г.

5 мая 1920 г. историк Ю. В. Готье записал в своем дневнике: «Наступление поляков продолжается, и Киев если не взят, то, во всяком случае, потерян заранее. Событие дня — образование “особого совещания” для принятия военных мер против поляков. Во главе совещания Брусилов; в составе его [А. А.] Поливанов, [В. Н.] Клембовский, [А. Е.] Гутор и другие генеральские ошметки Великой войны. Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправления большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов — это золотой мост для перехода на паек, так как якобы Гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы — ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны. Для России едва ли что может быть полезного от создающегося вновь положения войны: попытки наведения порядка в России при помощи белых безвозвратно разрушились вследствие глупости, неумения и ссор; Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм, вероятно, теперь по-

чти синонимы, а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией при помощи окраин, которые идут на Россию и будут от нее отрывать все, что могут. И вот в борьбу мира против большевизма вводится новое оружие — русское национальное чувство. Но на кого оно будет работать? Не на благо России, которую нужно защитить от поляков, а на благо и укрепление большевизма, который за ширмами национального чувства и пользуясь, как манекенами, именами Брусилова, Поливанова и других, будет продолжать разлагать мир и пытаться силой оружия внедрять коммунизм и анархию как можно шире. Вот почему я не жду ничего хорошего от тех новых явлений, которые наблюдаются в последние дни. Просвета нет, как прежде, а материальное и нравственное положение нас — военнопленных, покоренных интернациональными коммунистами, — от войны с Польшей в ближайшие месяцы может стать только еще более тяжелым»³⁷⁸. Так оценивали происходящее антибольшевистски настроенные представители старой интеллигенции в Советской России. Нельзя не отметить прозорливость суждения Готье о трансформации Гражданской войны от внутреннего братоубийства к борьбе внешних сил с Россией с помощью окраин бывшей империи.

Даже служивший на белом Юге полковник А. А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, боровшиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»³⁷⁹ В связи с созданием совещания фон Лампе записал: «Из 14 человек — 10 генералов, из них 9 “царских”³⁸⁰. Что это, полная растерянность или бесконечная уверенность в себе?

Ну, если наши генералы и на этот раз не сумеют забрать в руки Красную армию и вырвать влияние у советских воров, — тогда я готов признать, что нам нужна советская власть. Я не могу верить, что все эти господа с Каменевым стали коммунистами. Цуриков приехал в Екатеринодар (как попал он в Совдепию?), Зайончковский готовился быть с нами... словом, коммунисты они маринованные, и это случай, который не повторится.

Наличие Брусилова с его способностью приспособляться, конечно, едва ли поможет делу, но все же возможность открывается уж очень большая!... Неужели же все они смирились и покорно пошли на выучку к жиду Л. Троцкому-Бронштейну? Неужели же русские генералы так потеряли свое лицо. Не могу я этому поверить, никак не могу, надо чего-нибудь ждать!!»³⁸¹ Но надежды фон Лампе на правый военный переворот в Советской России не оправдались.

На заседании Политбюро 4 мая 1920 г. обсуждался вопрос о публикации письма Брусилова начальнику ВГШ Н. И. Раттэлю, в котором он предлагал создать Особое совещание. Споры вызвала необ-

ходимость упоминания о православных. Л. Б. Каменев и В. И. Ленин были против, но Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин и К. Б. Радек настаивали на полной публикации без купюр и редактирования³⁸². В итоге постановили напечатать письмо целиком, сопроводив комментарием Троцкого³⁸³. Е. А. Преображенский также предложил усилить надзор ВЧК за офицерством, что молчаливо одобрили участники заседания. 7 мая письмо было напечатано в «Правде».

Заигрывания с офицерами-патриотами нравились далеко не всем даже в ЦК³⁸⁴. Тем не менее члены совещания 30 мая 1920 г. опубликовали в «Правде» и в «Известиях» знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии, в котором призвали их вступать в Красную армию для защиты страны. Воззвание содержало и такие строки: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие бывшие товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и зываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своею честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию»³⁸⁵. Документ подписали бывшие генералы М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. А. Брусилов, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов. Воззвание сыграло немаловажную роль в привлечении еще колебавшейся части офицерства старой армии в Красную армию. Затем 2 июня было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России³⁸⁶.

Воззвание Особого совещания вызвало настоящую бурю негодования на страницах дневника фон Лампе: «До какой степени подлости могут пойти люди со страху или с голоду. Каждое слово возвания дышит этим страхом, каждое слово — подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о “Матушке-России”».

Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честны-

ми»³⁸⁷. При этом фон Лампе был согласен с необходимостью умерить пыл поляков.

В белом лагере стали распространяться разнообразные слухи о том, что Красную армию возглавили офицеры-патриоты или что генералитет арестовал большевистское руководство³⁸⁸. В сообщении агента ВЧК от 1 октября 1920 г. о деятельности антибольшевистской эмиграции отмечалось: «По имеющимся сведениям во главе военной организации в России стоят следующие генералы: Поливанов, Гутор, Клембовский, [П. П.] Сытин I, [И. П.] Сытин II. [А. И.] Гучков с давних времен еще до первой революции был в близких отношениях с генералом Поливановым, в бытность его товарищем военного министра, и вместе с ним составлял оппозицию правительству. С этой военной группировкой связан [Н. К.] фон Мекк, бывший на службе в комиссариате путей сообщения и занимающий там крупный пост. Связь этой группы с Гучковым идет через Ригу... В случае успеха в России все предприятия должен возглавить генерал [В. И.] Гурко, находящийся все время в Берлине и не принимающий для виду никакого участия в политической жизни...»³⁸⁹

Речь шла об антибольшевистской эмигрантской организации «Союз верных». Достоверность таких данных крайне сомнительна, хотя бы потому, что один из двух генералов Сытиных, Иван Павлович, к этому времени находился отнюдь не в России, а в эмиграции, причем до этого служил у белых. Что касается остального, то, вероятно, агент пользовался слухами. Не стоит исключать и возможной дискредитации белой эмиграцией подписавших воззвание верных большевикам спецов посредством дезинформации.

Чекисты должны были проверять поступавшие сведения, что в Гражданскую войну проводилось в форме арестов. Вскоре часть членов Особого совещания подверглась арестам, более напоминавшим организованную кампанию. Из подписавших воззвание были арестованы А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский.

Нельзя исключить и того, что аресты стали проявлением закулисной борьбы группировок в советском руководстве. В антибольшевистских кругах получили распространение суждения о том, что создание Особого совещания было победой русской патриотической группировки в советском руководстве, признаком поправления режима и поражением партии «Дзержинского и жидов»³⁹⁰. В ответ на это партийной верхушкой перед ВЧК якобы была поставлена задача скомпрометировать старый генералитет, обнаружив в его среде «белогвардейский заговор». Но такой версии противоречит оценка совещания самим его председателем как декоративного органа. По свидетельству Брусилова, это оказалась инсценировка, которая «со стороны правительства была белыми нитками сшита... делать дела они нам не давали, не веря нам»³⁹¹.

Как бы то ни было, война с Польшей породила волну патриотического подъема в офицерской среде, в том числе и среди генштабистов. Для большевиков имело значение то, что эта волна захватила широкие массы пленных бывших белых офицеров, сделав их лояльными³⁹². При этом патриотизм в среде генштабистов нередко переходил в шовинистические настроения (стоит отметить, что еще до революции поляков старались не принимать в академию Генерального штаба, так что почва для полонофобии у генштабистов существовала давно).

До наших дней сохранилось немного прямых свидетельств трагического размежевания бывших офицеров Генерального штаба в годы «Русской Смуты». Практически нет документов, содержащих прямой диалог людей из противоборствующих лагерей Гражданской войны. Поэтому немногочисленные сохранившиеся источники такого рода имеют огромное научное и историческое значение. Одним из этих редких свидетельств может считаться радиограмма видного советского военного специалиста Н. Н. Петина белому генералу П. С. Махрову, датированная 8 июля 1920 г.

Будучи начальником штаба ВСЮР, Махров (или те, кто действовал от его имени) направил к своему однокашнику по выпуску из академии (выпуск 1907 г.) Петину агента разведотделения штаба ВСЮР Л. М. Шиманскую с просьбой, памятуя о прежней дружбе, сообщить через нее секретные сведения о состоянии РККА. Его интересовала информация о 13-й армии красных, ее численности и вооружении, а также слабо защищенных участках фронта³⁹³. По некоторым данным, эту операцию готовил начальник врангелевской контрразведки (начальник Особого отдела штаба главнокомандующего) генерал Е. К. Климович³⁹⁴. Шиманская явилась на квартиру к Петину и передала ему шифровку и код.

Просьба Махрова поставила Петина перед непростым выбором — изменить ли большевикам, которым он добросовестно служил уже больше двух лет и у которых сделал вполне успешную карьеру, или же изменить своей прежней дореволюционной дружбе с Махровым. Если бы чекисты узнали об этой встрече и о том, что Петин о ней не доложил, участь его была бы незавидной. К тому же чекисты могли специально провоцировать Петина, дабы убедиться в его лояльности.

Естественно, что в конце Гражданской войны, исход которой к лету 1920 г. был предрешен, Петин не пожелал рисковать и расписался в лояльности большевикам, доложив о случившемся. Генштабовский корпоративизм в этой ситуации не перевесил, но не победила и большевистская идеология. Петин просто обезопасил себя, сообщив обо всем командующему войсками Юго-Западного фронта А. И. Егорову, после чего к делу подключились чекисты во главе

с заместителем начальника Особого отдела Юго-Западного фронта Е. Г. Евдокимовым. Явившуюся за ответом Шиманскую задержали. По коду Махрова Особый отдел выслал белым ложные данные о положении 13-й армии в Северной Таврии и ее численности, в результате чего наступление белых закончилось неудачей, а врангелевцы понесли большие потери.

Петин направил Махрову 8 июля 1920 г. следующий ответ по радио, опубликованный 13 июля в «Известиях Всеукраинского ЦИК» (Харьков): «Предложение Ваше, переданное мне через агента разведывательного отделения Вашего штаба Лидию Митрофановну Шиманскую, переслать Вам дислокацию частей Рабоче-крестьянской Красной армии, а также дать и другие секретные данные, касающиеся Красной армии, я получил. Как видно из опроса названного агента, отправка последнего произошла с Вашего ведома, причем паролем должны были служить Ваша фамилия и фамилия генерала Стогова. Чем могу объяснить я себе это обращение. Может быть, воспоминанием о нашей старой трехлетней академической дружбе или, быть может, той солидарностью во взглядах, которая существовала у нас в начале Октябрьской революции в отношении тактики большевиков³⁹⁵, но если это так, то я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере. С того самого момента, когда Вы с генералом Стоговым выехали из Бердичева перед вступлением туда призванных Украинской Радой немцев и австрийцев³⁹⁶, я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции беспорядком рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа. Остается еще одно предположение, что, подсылая ко мне агента с этим гнусным предложением, имелось в виду скомпрометировать меня в глазах советского правительства и этим вывести из строя в данный решительный момент борьбы одного из ответ-

ственных работников штаба Юго-Западного фронта³⁹⁷, того штаба, который один раз уже был умелым проводником оперативных распоряжений высшего командования по разгрому Добр[овольческой] армии Деникина.

Если это так, то должен сказать, что прием борьбы хотя и остроумный, но не совсем честный и в данном случае своей цели не достиг. Советская Россия меня уже [испытала] в должности начальников штабов фронтов: Северного — в период славной Шенкурской операции, Западного — в период кровавой борьбы за Петроград, Южного — разгрома Деникина и в настоящей должности — в период блестящих успехов на польско-украинском фронте. Придет час, и он уже близок, полного разгрома и Врангеля. Ваше обращение, конечно, отразилось на моем душевном состоянии, но нет худа без добра, оно дало мне право воспользоваться для ответа Вам радио, через которое я и обращаюсь ко всем своим прежним сослуживцам старой армии по должности командира 7-го Сибирского полка³⁹⁸, начальника штаба 34[-го], а затем 50[-го] армейских корпусов³⁹⁹ и генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта⁴⁰⁰ с призывом проснуться, прозреть и сложить оружие перед великими идеями социальной революции. Поверьте мне, поверьте тысячам ваших прежних братьев и друзей, ныне так же честно, как и я, работающим в Красной армии, что все, что говорится вам и пишется в заграничной прессе про советскую власть, есть ложь, продиктованная лишь страхом потери своей власти и капитала. Я обращаюсь с этим призывом, главным образом, к рядовому офицерству, гибнущему по воле руководителей правительств Антанты и врангелевского штаба, к офицерству, которое умышленно держится в слепоте и которое единственно гибнет вместе с темной массой солдат, так как представители Антанты и высшие белогвардейские руководители всегда успевают своевременно выехать за границу. Так было в Ярославле⁴⁰¹, так было в Архангельске⁴⁰², так было в Одессе⁴⁰³, так будет и в Крыму⁴⁰⁴. Генерального штаба Петин»⁴⁰⁵.

Текст послания высоко оценили члены РВС фронта И. В. Сталин и Р. И. Берзин. В документе присутствуют как элементы воззвания к белому офицерству в целом, так и фрагменты, лично обращенные к Махрову и напоминающие о событиях дореволюционной жизни, Петин в их числе не забыл упомянуть и о либеральных взглядах Махрова периода первой русской революции.

Действия Петина были продиктованы сугубым рационализмом. Его резкий ответ мог обуславливаться не только принципиальной поддержкой советской власти, но, прежде всего, соображениями личной безопасности. Петин прекрасно понимал, что шансов на победу у белых летом 1920 г. уже не было. В случае обнаружения его контактов с белыми эмиссарами вся карьера Петина у красных могла в одночасье закончиться, а сам он, скорее всего, оказался бы расстрелян.

Поэтому, взвесив все за и против, Петин решил не только не помогать белым, но и извлечь из потенциально опасной ситуации максимальную выгоду. На тот случай, если бы обращение к нему оказалось чекистской провокацией, он сообщил о случившемся. По согласованию с руководством было подготовлено ответное обращение Петина к Махрову и к белым офицерам с призывом сдаться в плен и прекратить борьбу. Таким образом, Петин не только уклонился от участия в антибольшевистском подполье и измены большевикам, но и сумел избежать наказания за связь с белым подпольем и даже продемонстрировал лояльность.

Конечно, радиограмма носила пропагандистский характер. Но она показывает всю глубину и непреодолимость раскола, произошедшего в русском обществе и в корпорации офицеров Генерального штаба. Формировавшиеся десятилетиями корпоративный дух и традиции взаимовыручки оказались не столь значимы в сравнении с непримиримыми идейными разногласиями, карьерными перспективами и стремлением к личной безопасности. Прежние друзья стали заклятыми врагами, при том что и те и другие были горячими патриотами своей страны, но видели ее будущее по-разному.

Патриотические убеждения служили мотивом для продолжения службы в РККА многим военспецам и после советско-польской войны 1919–1920 г. Один из военспецов писал генералу А. И. Деникину в эмиграцию в конце 1920-х гг.: «Но вот Гражданская война кончилась, и мы остались одни лицом к лицу, с одной стороны, к чуждому нам укладу жизни и службы, с другой стороны — перед грозной внешней опасностью, угрожающей России со всех сторон. Этими обстоятельствами определился наш подход к вопросу дальнейшей работы. Пусть Вас не удивляет, что подавляющее большинство, не исключая даже тех, которые оказали в прежнее время серьезные услуги белому движению и счастливо уцелели, теперь служат Красной армии по совести. Вы должны понять, что Россия ведь осталась, а защищать ее от внешних врагов, кроме Красной армии, больше никому. А враги сильны и многочисленны, и, как Вы сами хорошо знаете, заинтересованы не в том, какой в России строй, а в ее ослаблении. Не советскую власть собираются они свергать, а под тем или иным предлогом отнимать у нас Белоруссию, Украину, Новороссию, дальневосточные земли, хлебные, рыбные, угольные и нефтеносные источники. А если урезанная, голодная, нищая и никому не страшная тогда Россия будет управляться коммунистической властью — им наплевать! Пусть гниет — им спокойнее, им способнее будет переваривать добычу»⁴⁰⁶.

Существует точка зрения, что военная элита сторон в лице кадровых офицеров, и прежде всего генштабистов Красной и белых армий, в Гражданскую войну и после нее была морально готова к некоему взаимному компромиссу и к тому, чтобы присвоить себе пра-

во выбора дальнейшего пути развития России⁴⁰⁷. Представляется, что весомые основания для такого вывода отсутствуют. Братоубийственный конфликт характеризовался бескомпромиссностью и взаимным ожесточением. Даже наличие родственников по разные стороны баррикад не снижало накала страстей. Дореволюционная военная элита оказалась расколотой, причем среди генштабистов чаще встречались непримиримые и фанатично настроенные люди (в особенности в белом лагере). Белое командование отнюдь не собиралось прощать старших офицеров, пошедших на службу Третьему интернационалу. Военспецы многими белыми офицерами воспринимались как ренегаты, причем это отношение распространялось и на личностные характеристики (в отношении сослуживцев по старой армии вспоминали все их отрицательные проявления)⁴⁰⁸. В случае победы белых участь тех, кто активно сотрудничал с большевиками, была бы незавидной. Военспецы, в свою очередь, неприязненно смотрели на пленных белогвардейцев, поступавших в конце Гражданской войны на службу в РККА. Пути к примирению сторон отсутствовали, но в 1920 г. среди военспецов получили распространение идеи о возможности патриотического перерождения большевистского режима, перешедшего к собиранию земель Российской империи. Патриотическая идея оказалась перехвачена красными у белых, что усилило отток офицеров из антибольшевистского лагеря. Такая идейность была понятнее офицерскому мировоззрению, чем отвлеченные партийные доктрины.

Взаимовыручка

Дореволюционному корпусу офицеров Генерального штаба были присущи кастовость и корпоративная сплоченность. Революционные события раскололи корпорацию, но ужасы безвременья делали человека беззащитным перед произволом и ущемлением его прав, вынуждая объединяться с собратьями по несчастью. Неудивительно, что в целях самозащиты перед чужеродной средой в красном лагере стали укрепляться сплоченность и взаимопомощь внутри различных социальных и профессиональных групп. Не были исключением и генштабисты. Корпоративный дух генштабистов Красной армии поддерживался особым учетом кадров, их, до некоторой степени, привилегированным положением, сохранением приставки «Генерального штаба» перед фамилиями в документах. Более того, в 1917–1922 гг. генштабисты создали ряд формальных и неформальных объединений, в которых группировались по признаку принадлежности к академии или к одному из ее выпусков.

Возникший до революции фонд взаимопомощи офицеров Генерального штаба по инерции просуществовал при организационном управлении ВГШ, по крайней мере, до конца 1918 г. Средства хранились у казначея отдела по устройству и боевой подготовке войск ВГШ⁴⁰⁹. Само наличие фонда оставляет необычное впечатление того, что революционные потрясения не затронули некоторые стороны службы генштабистов. Единственное, что изменилось — офицеры в названии фонда стали именоваться бывшими офицерами⁴¹⁰. Значение фонда существенно выросло, поскольку положение семей генштабистов резко ухудшилось, а многие оказались буквально на грани выживания.

Характерно сообщение генштабиста Б. А. Левицкого в организационное управление ВГШ от 11 ноября 1918 г.: «Вчера, 10-го ноября с. г., я встретил на улице одиноко стоящего, оборванного старика, из разговора с которым выяснилось, что он отец покойного ныне Генштаба⁴¹¹ В. В. Макухина, который являлся его единственной опорой в жизни. Старику 72 года, он нищий. Я помог ему, чем мог, но сам едва свожу концы с концами...»⁴¹² Начальник общего отделения оперативного управления ВГШ Б. М. Иванов просил помочь деньгами на операцию жене, так как находился в тяжелом материальном положении, будучи обременен семьей⁴¹³. Помощь фонда могла стать спасительной, хотя материальную помощь старались оказывать лишь семьям умерших. К 9 ноября 1918 г. в фонде имелось 6425 руб. 10 коп.⁴¹⁴ Фонд сыграл немалую роль в деле оказания материальной помощи семьям генштабистов и исправно выдавал пособия нуждавшимся.

Свои неформальные организации создали курсовики, стремившиеся утвердиться в Генштабе. Им приходилось отстаивать свои позиции в борьбе со старым Генштабом. Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упряденными чинами, проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии значительно укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для их коллективной борьбы за свое положение в новой армии.

Из всех трех очередей ускоренных курсов Военной академии, завершивших обучение к 1918 г. включительно, наибольшую общественную активность и солидарность проявляли выпускники курсов 2-й очереди (так называемый выпуск 1917 г.). Курсовики 3-й очереди в основном оказались у белых на Восточном фронте, где господствовала традиционная для старой армии иерархия с определяющим значением старшинства в чинах и по выпуску из академии, а объединение молодежи мало что давало для продвижения по службе. Курсовики 1-й очереди были разбросаны по разным лагерям и по своему духу стояли ближе к довоенным выпускникам академии (многие окончили младший класс академии еще в 1914 г., а на уско-

ренных курсах лишь доучивались). И только курсовики 2-й очереди практически в полном составе оказались в Красной армии. Их многочисленность в среде специалистов Генштаба РККА позволяла им активнее бороться за свои права. Позднее, в 1919 г., эта борьба и корпоративное единство стали беспокоить большевистское руководство и повлекли меры репрессивного характера.

Организованные формы корпоративного единства сложились у курсовиков еще в академии. Это были порожденные событиями 1917 г. комитеты⁴¹⁵. Известно, что летом 1917 г. функционировал исполнительный комитет офицеров выпуска 1916 г. под председательством капитана В. Д. Песоцкого (товарищ председателя и секретарь капитан С. Н. Колегов)⁴¹⁶. В 1918 г. в академии существовали комитеты каждого класса. На заседании комитета старшего класса Военной академии 13 марта 1918 г. было принято решение в связи с окончанием курсовиками 2-й очереди академии переименовать комитет старшего класса в комитет выпуска 1917 г. Председателем комитета стал А. Л. Симонов.

Разъехавшись по стране, выпускники ускоренных курсов 2-й очереди не прекратили поддерживать связь. Причем речь шла не о частных взаимоотношениях, а о централизованной через комитет выпуска связи всех, осуществлявшейся посредством циркулярной рассылки почтотелеграмм.

Положение курсовиков в советской военной иерархии оставалось очень неопределенным, в том числе в вопросе назначений. Старые генштабисты предпочитали набирать себе в штабы своих опытных коллег, а не молодежь. В благоприятном разрешении этой проблемы свою роль сыграл и корпоративизм курсовиков. Приказ по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. за подписью исполняющего обязанности начальника Генштаба Н. М. Потапова гласил: «Поименованные в прилагаемом при сем списке слушателей Николаевской военной академии, успешно окончившие старший класс академии 2-й очереди в 1918 году... причисляются к Генеральному штабу, с тем, что для перевода в Генеральный штаб они должны в определенный срок выдержать экзамены по предметам старшего класса, выполнить работы по съемкам и сдать все темы дополнительного курса.

Неудовлетворительное исполнение какого-либо из всех этих условий должно повлечь отчисление невыполнившего от Генерального штаба, тем самым прерывая дальнейшее выполнение указанных испытаний. Также подлежат отчислению от Генерального штаба те из причисляемых, которые по выполнении всех условий получают в окончательном среднем менее 10 баллов.

Перевод в Генеральный штаб ныне причисляемых лиц может последовать лишь при наличии штатных должностей Генерального штаба»⁴¹⁷.

Таким образом, выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были причислены к Генштабу. Они рассматривали несколько вариантов своего вхождения в корпорацию генштабистов. Некоторые стремились продолжить обучение в дополнительном классе академии, если такой будет открыт. Впрочем, этот вариант считался маловероятным⁴¹⁸. Но предпочтительнее был вариант перевода в Генштаб без дополнительного обучения. Между тем из приказа от 23 марта не было ясно, в какие сроки академия даст выпуску законченное образование или переведет его в Генштаб. Основной задачей выпускников было получение полноценного образования и вхождение в корпорацию генштабистов без старорежимных условностей и ограничений, которые сопровождали прежнюю службу курсовиков и проявились в приказе от 23 марта. После этого важнейшим этапом корпоративной борьбы молодых выпускников ускоренных курсов, причисленных к Генеральному штабу, стало пробивание своего перевода в Генштаб. Немалая заслуга в этом принадлежала курсовику Г. И. Теодори.

По окончании старшего класса выпускники были направлены на срочную работу по формированию Красной армии в связи с угрозой германского наступления на Петроград. 3 марта 1918 г. конференция академии признала слушателей окончившими курс и ходатайствовала об их причислении к Генштабу. Однако 10 марта занятия были неожиданно прерваны до экзаменов, поскольку начальник академии получил распоряжение военного руководителя ВВС М. Д. Бонч-Бруевича о закрытии академии и об отправке слушателей в штабы военных советов Петроградского и Московского районов.

Выпускников уже активно использовали в новой армии, но прав полноценных генштабистов не давали. Патентованные генштабисты смотрели на них снисходительно и с предубеждением. Неопределенность положения породила недовольство. Курсовики — молодые амбициозные боевые офицеры, прошедшие горнило мировой войны, обоснованно воспринимали подобное отношение как унижительное и несправедливое.

Сам ход событий диктовал потребность коллективной защиты интересов выпускников. И вновь курсовики продемонстрировали свою корпоративную сплоченность. 29 марта 1918 г. причисленные к Генштабу офицеры Московского военного района провели общее собрание и составили резолюцию, в которой отмечали факт прерывания занятий в академии перед самым началом экзаменов не по воле слушателей. Однако на основании большого практического опыта слушателей, а также в связи с тем, что они прослушали в полном объеме лекции младшего и старшего курсов, конференция академии и ВВС признали их вполне подготовленными для занятия ответственных должностей. Тем не менее был отдан неопределенный приказ от 23 марта.

13 апреля аналогичное общее собрание провели причисленные к Генштабу Петроградского района. На собрании присутствовали лично или прислали представителей 74 выпускника. При обсуждении отмечалось, что к Генштабу обычно причисляли после экзаменов, а здесь причисление произошло до них, но не было окончательным, поскольку обставлялось рядом дополнительных условий. Перевод осуществлялся по удостоению начальства и при наличии вакансий. Таким образом, выпускники считали себя лишенными полноценного причисления к Генштабу и перевода в него. Обида усугублялась тем, что часть слушателей сдали экзамены в академию еще до Первой мировой войны, затем от полугода до двух лет прослужили в строю в годы войны и полтора-два года на должностях Генштаба до уровня начальников штабов дивизий включительно.

Один из первых острых конфликтов курсовиков 2-й очереди с выпускниками довоенной академии произошел весной 1918 г. и связан с именем бывшего капитана Г. И. Теодори, качества которого сделали его одним из лидеров курсовиков 2-й очереди. В связи с низкой оценкой квалификации курсовиков в Петрограде Теодори подготовил объемный доклад в защиту выпускников, в котором противники курсовиков обвинялись в государственной измене. Свой отпечаток на содержание документа наложили и личные качества автора — человека крайне самолюбивого, амбициозного и скандального, регулярно испытывавшего из-за этих особенностей серьезные жизненные и служебные неприятности⁴¹⁹. Товарищи по выпуску присоединились к докладу — на экземпляре Теодори расписались 24 причисленных к Генштабу, тем самым нарушив сложившийся еще в старой армии запрет на коллективные жалобы. Доклад, хотя и смягченный впоследствии, вызвал бурю⁴²⁰.

30 апреля курсовики штаба Северного участка и Петроградского района провели общее собрание. На заседании присутствовали не менее 18 человек⁴²¹. Собрание постановило признать необходимым «повлиять на “верхи и окрестности”, дабы не было выпадов против выпуска, признав за ним право на работу наряду со всеми офицерами Генштаба, а значит, ходатайствовать о переводе в Генштаб»⁴²².

Обращают на себя внимание амбициозные и агрессивные заявления и намерения молодых курсовиков «свалить всю корпорацию» либо насильно влиться в среду генштабистов. По сути речь шла о том, чтобы изгнать из зарождавшейся Красной армии наиболее квалифицированных специалистов Генштаба, окончивших полный трехлетний курс академии до Первой мировой войны. И это при том, что продолжительность подготовки курсовиков составляла лишь несколько месяцев и не шла ни в какое сравнение с аналогичным показателем у их старших коллег. Неудивительны сомнения одного из участников относительно способности курсовиков принять на себя всю работу

Генштаба. Курсовики не учитывали свое отнюдь не главенствующее положение в Советской России. Между тем большевистское военнополитическое руководство полагалось тогда на квалификацию опытных спецов, например, бывших генералов М. Д. Бонч-Бруевича, Н. М. Потапова и др. Руководствуясь пользой дела, большевистские лидеры никогда бы не допустили разрастания внутрикорпоративного конфликта между выпускниками академии до того, чтобы одна часть выпускников попыталась изгнать из армии другую. Тем не менее некоторые выпускники ускоренных курсов 2-й очереди об этом только и мечтали.

Очевидно, молодые курсовики с большим воодушевлением относились к своей службе в РККА, чем их старшие сослуживцы. Они считали себя центром советской военной машины, на котором все держится, пользовались благосклонностью комиссаров, так как были ближе им по возрасту, взглядам и социальному происхождению, чем старое кастовое офицерство, пытались добиваться решения своих проблем через неформальные связи в руководстве Советской России. Вполне возможно, подобные воззрения обусловлены карьерными устремлениями, которые сильнее в молодом возрасте. Новая армия при условии устранения старых генштабистов казалась генштабовской молодежи неплохой стартовой площадкой. Однако для укрепления своего положения молодым курсовикам надо было действовать сплоченно, что и происходило на протяжении 1918 — первой половины 1919 г., до тех пор, пока их сплоченность не стала вызывать явное неудовольствие и опасения большевистского руководства.

Конфликты курсовиков с представителями старого Генштаба не прекращались. 20 мая 1918 г. датировано «Открытое письмо причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года»⁴²³. В документе подробно описан конфликт, возникший в штабе Рязанского отряда завесы между помощником военного руководителя отряда бывшим генералом П. В. Чеснаковым и выпускниками курсов 2-й очереди Н. Я. Забегаловым, А. В. Кирпичниковым, А. П. Панкратьевым, С. К. Сидоровниным и В. М. Цейтлиным. Истоки инцидента восходят ко времени полевой поездки военспецов под руководством бывшего генерала С. М. Шейдемана 27 апреля — 4 мая 1918 г. Выполненная Цейтлиным работа не устроила помощника военрука бывшего генерала П. В. Чеснакова, который не взял доклад и потребовал его переделать. Цейтлин это сделать отказался. В результате было решено отчислить его от должности. История так бы и осталась заурядным конфликтом, если бы не вступились товарищи Цейтлина, подготовившие открытое письмо к своему выпуску с подробным описанием инцидента.

В письме давалась уничтожающая характеристика помощнику военрука Рязанского отряда Чеснакову, который некорректно вел

себя по отношению к курсовикам, не верил в успех создания Красной армии и, вполне возможно, был саботажником. Последующие события подтвердили справедливость этих подозрений. Чеснаков осенью 1918 г. уволился из РККА, а позднее бежал к белым и уже в 1919–1920 гг. служил в антибольшевистских формированиях на Юге России. В конце документа делался вывод о том, что среди старых спецов во главе РККА присутствуют рутинеры, травящие молодежь. Документ подписали Забегалов, Кирпичников, Панкратьев и Сидоровнин. Последний, как и генерал Чеснаков, также через некоторое время бежал из Советской России и далее служил в белом лагере. Цейтлин как заинтересованное лицо документ, естественно, не подписывал. Фактически это был публичный донос на представителя старого Генштаба. Попади такой документ в руки чекистов, бывший генерал Чеснаков мог пасть жертвой красного террора, особенно с учетом того, что в 1918 г. с подозреваемыми в контрреволюции особо не церемонились. Сам факт появления открытых коллективных писем военспецов с критикой старого Генштаба вполне характеризует атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров.

Подобные письма стали одним из основных методов борьбы курсовиков за свои права. В то время серьезное наказание следовало и за куда более безобидные поступки бывших офицеров, которым новые власти обоснованно не доверяли. Нельзя забывать и про антиофицерский террор, прокатившийся в 1917–1918 гг. по стране. Даже будучи обращенным к товарищам, письмо возбуждало подозрения и опасения. Последующие попытки курсовиков давить коллективным мнением на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа курсовиков подверглась арестам, а о своем корпоративизме выпускникам курсов академии 2-й очереди на некоторое время пришлось забыть.

Выпуск 1917 г. имел свой комитет (позднее — коллегия), а также отдельный капитал взаимопомощи, который контролировался комитетом выпуска. Капитал выпуска был образован 16 марта 1918 г. на заседании комитета и свободно существовал в условиях большевистского режима. Средства хранились при академии, а ответственным считался начальник академии. На 15 апреля 1918 г. в капитале имелось 534 руб. 17 коп. Годовой взнос с каждого выпускника составлял 6 руб., кроме того, 9 руб. вносилось на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной из села Кончанского⁴²⁴. В других документах указывается, что с 20 марта взнос на причт составил 1 руб. в месяц⁴²⁵. Поощрялись единовременные взносы. В частности, было установлено, что за единовременное внесение не менее 100 руб. давалось право пожизненного членства в капитале с освобождением

от обязательных ежегодных взносов. Из капитала взаимопомощи по решению председателя выпуска и при наличии шести подписей членов комитета выдавались ссуды нуждавшимся выпускникам. Так, например, 7 мая 1918 г. на заседании комитета выпуска 1917 г. постановили выдать ссуду бывшему капитану Б. Н. Скворцову в 350 руб. с обязательством ежемесячного погашения по 50 руб.⁴²⁶ Существовал и кооператив академии. В нем имелось 772 пая, включая 448 паев слушателей старшего класса, 248 паев слушателей младшего класса и 28 паев профессуры⁴²⁷. 14 октября 1918 г. путем ассигнования советским правительством 20 000 руб. возник теперь уже фонд взаимопомощи «лиц Генерального штаба» выпуска 1917 г.⁴²⁸ Эти средства были выданы одному из неформальных лидеров выпуска и члену его коллегии бывшему капитану Г. И. Теодори по докладу РВСР с тем, чтобы выработать порядок выдачи пособия. Порядок был разработан, доложен главкому и утвержден. Деньги хранились у Теодори⁴²⁹.

Неясно, зачем понадобилось вновь образовывать уже существовавший ранее фонд (возможно, прежние средства оказались вместе со старой академией у противников большевиков), как удалось добиться выделения средств и с какой целью большевики решили материально поддержать военспецов. Единственным объяснением является то, что к осени 1918 г. так называемый выпуск ускоренных курсов 1917 г. мог считаться единственным выпуском академии Генштаба, осуществленным в Советской России. Соответственно, отношение к этому выпуску было особым.

Сбор взносов осуществляла коллегия выпуска при Полевом штабе РВСР. Фонд взаимопомощи выпуска 1917 г. не имел отношения к фонду взаимопомощи офицеров Генштаба. Курсовики и здесь противопоставили себя старым генштабистам, но применяли двойные стандарты. Если выпуск 1917 г. помимо своего фонда мог пользоваться финансовой поддержкой общего фонда взаимопомощи офицеров Генштаба, то генштабисты других выпусков не могли воспользоваться средствами фонда выпуска 1917 г. Например, курсовик Н. Н. Долинский, оказавшийся в 1918–1919 гг. парализованным, осенью 1918 г. получил пособие сразу из двух фондов, кроме того, помощь ему оказал лично главком И. И. Вацетис. В общей сложности семья Долинского получила тогда 700 руб.⁴³⁰

На протяжении 1918–1919 гг. курсовики 2-й очереди активно обменивались информацией и пытались проводить политику протекционизма по отношению к своим однокашникам, добивались назначения своих товарищей на важные посты и противостояли различным репрессивным действиям властей. Еще 11 сентября 1918 г. Г. И. Теодори обратился к главкому И. И. Вацетису со следующим секретным и доверительным письмом: «Прошу Вас принять самые действительные меры к урегулированию вопроса о нас...

Я категорически докладываю, что [Н. Н.] Доможиров, [Б. И.] Кузнецов, [И. Д.] Чинтулов, [Г. Я.] Кутырев, я — люди одного склада. Мы не можем быть предателями, но работать в омуте “оговоров”, доносов и всякой политической грязи (которая особенно расцвела при [А. А.] Свечине, [В. И.] Шишкине и т. д.) невозможно. Пока здесь был Л. Д. Троцкий, он отзывчиво и честно берег нас, берег и ответственных представителей выпуска в лице моем, Доможирова, Кузнецова и др.; теперь, когда на очереди вопрос о колоссальной работе по созданию запасных частей, формированию частей, когда на очереди вопрос о создании до весны 1919 года армии, именно теперь лучших из нас всячески преследуют»⁴³¹.

Теодори даже выдвинул условия своей и своих соратников дальнейшей работы в Красной армии, что в военное время было недопустимо: «Если же все интриги и старания отдельных лиц увенчаются успехом, то безусловно работать во Всероссийском Главном штабе мы не будем, дабы не нести нравственную ответственность за тот характер работы, который там идет и будет идти. Предпочитаем тогда уйти в сторону от работы, ибо тогда фактически выяснится, насколько необходима была продуктивная работа отдела, та энергия и способность к творчеству и созидательному труду, которая за эти 2—3 месяца могла уже перейти к исполнению элементарных военных требований»⁴³². При этом отношение к ВГШ и его работникам у Теодори было резко отрицательным. Так, 21 сентября 1918 г. он направил Вацетису сводку ВГШ со следующей припиской: «Препровождаю сводку Всероссийского Главного штаба как исключительную по своей тенденциозности и провокации»⁴³³. Вероятно, это было связано с тем, что данное учреждение являлось средоточием старого Генерального штаба.

В разговоре Г. И. Теодори и Н. Н. Доможирова 11 февраля 1919 г. речь шла о необходимости лоббировать назначения из своей среды⁴³⁴. Фактически курсовики создали параллельную штабам РККА неформальную структуру, причем пользовались каналами связи РККА. В эту структуру входили их однокашники из штабов дивизий, армий и фронтов, а также из центральных органов военного управления. Неформальные контакты курсовиков не могли не вызывать подозрений со стороны большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию.

Наиболее ярко корпоративная солидарность молодых генштабистов проявилась в связи с арестом неформального лидера выпуска Теодори. Сразу 29 курсовиков в конце марта 1919 г. подписались под письмом Л. Д. Троцкому в защиту Теодори и еще одного арестованного курсовика, бывшего капитана В. В. Хрулева⁴³⁵. Хрулев был сравнительно быстро освобожден. Арест Теодори произошел «по шифрованному телеграфному распоряжению

тов. Кедрова»⁴³⁶ в марте 1919 г. в Двинске, где военспец находился в командировке по делам агентурной разведки. Генштабист провел в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в свое время занимался) почти два года, до 4 января 1921 г., после чего продолжил службу в РККА⁴³⁷.

26 марта 1919 г. группа курсовиков направила телеграмму по этому поводу начальнику Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяеву с копиями своим товарищам Е. И. Исаеву и А. К. Малышеву: «Зная Теодори, не допускаем мысли, что предъявленное ему обвинение имеет основание. Настаиваем [на] немедленном расследовании. Согласны взять на поруки. № 2622/нш. Генштаба [В. Ф.] Тарасов, Генштаба [А. И.] Медель, Генштаба [А. П.] Панкратьев. По поручению серпуховских товарищей [по] выпуску прошу внести предложение на решение Московских, препроводить копию депеши для сведения товарищам Ленину, Троцкому, Кедрову, здесь копия будет передана главному Вацетису и члену Реввоенсовета Аралову»⁴³⁸.

В случае с Теодори чекисты, возможно, впервые за всю Гражданскую войну столкнулись с организованным сопротивлением произволу. Возможно, именно активность курсовиков и их взаимовыручка сыграли роковую роль в деле Теодори, отодвинув его освобождение на долгих два года.

Произошедшее в тот период не укладывается в существующие стереотипы. Так, сразу 37 представителей выпуска 17 апреля 1919 г. подписали доклад Л. Д. Троцкому в защиту Теодори. Предлагалось получить подтверждение обвинений, чтобы исключить Теодори из своей среды и ходатайствовать об исключении его также из корпорации Генштаба. «В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в Республике, так как подобное явление не дает гарантии в будущем спокойной работы военным специалистам, как не застрахованным от арестов без предъявления обвинения, и ставит в то же время их в ложное положение в сфере еще не установившихся взаимоотношений с политическими работниками армии», — писали выпускники⁴³⁹. Копии обращения были направлены В. И. Ленину, И. И. Вацетису, С. И. Аралову и Ф. В. Костяеву.

Активные действия курсовиков встретили поддержку их старших товарищей. Главком И. И. Вацетис о ситуации с арестом Теодори даже написал в своем докладе, отправленном 18 апреля В. И. Ленину. Вацетис писал о несправедливости ареста Теодори и об аресте в штабе Приуральского военного округа вообще всех генштабистов, а также просил разобраться в деятельности председателя Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова, известного самоуправством и ранее⁴⁴⁰. Интуиция под-

сказала Вацетису вычеркнуть из обращенного к большевистскому диктатору доклада фразу «личная месть Кедрова», а вместо «предлагаю немедленно» освободить Теодори главком вписал смиренное «прошу»⁴⁴¹.

В отношении репрессий против генштабистов Вацетис отмечал: «Считаю своим долгом доложить, что постоянное несправедливое и оскорбительное отношение к лицам Генерального штаба, находящимся на службе у советской власти, ими не заслуженное, не даст той продуктивности работы этих лиц, которые особенно нужны в настоящее время, когда борьба на всех фронтах достигает кризиса. Работа не может протекать спокойно, когда каждый специалист, не считаясь с занимаемым постом и его заслугами перед Республикой, может всегда и только на почве личных отношений быть арестован. Такие условия службы, не гарантирующие от беспричинного ареста, в то время когда работа требует особого напряжения, приносят только вред. Работа специалистов по управлению и созданию армии может быть продуктивной и спокойной только тогда, когда каждый будет гарантирован в своей неприкосновенности и политическая атмосфера не будет давить его психологию.

Прошу также принять во внимание, что вследствие временных неудач на Восточном фронте многие впадают в алармистическое настроение, вследствие чего создается весьма вредная для дела приподнятость нервного настроения. Это замечается среди комиссаров и несомненно передается и штабным работникам.

Во время моего посещения Восточного фронта я вынес впечатление полного подавления духа лиц Генерального штаба, работающих на Восточном фронте. Здесь несомненно нужно провести некоторую грань, далее которой натягивать струну подозрения и издевательства над лицами Генерального штаба со стороны кого бы то ни было недопустимо во имя нашей конечной победы над нашими многочисленными врагами^{*}.

Если этого сделано не будет, то с нашими первоклассными штабными работниками, доведенными постоянными придирками и личным режимом до отчаяния, может случиться то же самое, что случилось с нашей Брестской делегацией, доведенной до высшей степени отчаяния постепенно увеличивавшимися требованиями^{**}⁴⁴².

Я крайне обеспокоен тем, чтобы не случилось так и с теми лицами, которые стоят во главе самых ответственных работников в штабах, в том случае, если некоторые меры сдержанности по отношению к ним не будут приняты и проведены в жизнь в кратчайший срок.

Для создания нормальных условий работы является необходимым гарантировать всем лицам Генштаба, состоящим на службе в Красной

* Подчеркнуто красным карандашом. Возможно, В. И. Лениным.

** Далее вычеркнуто: *бессердечно победителя*.

армии, полную неприкосновенность свободы, допустив аресты только по предъявлении конкретных обвинений и только с ведома их непосредственного начальства»⁴⁴³.

21 апреля троим представителям выпуска 1917 г. — Е. И. Исаеву, Б. И. Кузнецову и Г. Я. Кутыреву — Вацетис, Аралов и Костяев выдали мандат на прибытие в Особый отдел ВЧК к Кедрову для ознакомления с делом Теодори. Вацетис и Костяев выступали как их старшие товарищи по службе Генштаба, Аралов генштабистом не был, но также являлся бывшим офицером. Очевидно, что по духу эти люди были гораздо ближе друг другу, чем арестовывавшим их чекистам. Возможно, поэтому в деле Теодори они выступили как союзники. Именитые подписанты просили оказать содействие трем ходатаям, причем специально указывалось, что «означенные представители правомочны задавать вопросы Г. И. Теодори и тов. Кедрову по существу дела Теодори с целью полного выяснения сущности дела, а не контроля или следствия, почему просится оказать полное содействие для получения всех данных дела и о вызове Г. И. Теодори для получения сведений представителями в присутствии заведывающего Особым отделом тов. Кедрова»⁴⁴⁴.

23 апреля трое представителей выпуска приехали в Москву, чтобы разобраться в случившемся и, по возможности, вызволить своего однокашника. На следующий день они встретились с Кедровым. Удивительно, что эта встреча вообще состоялась. Во время встречи Кедров сообщил ходатаям, что некоторые детали может знать только Ленин (следовательно, если Кедров не преувеличивал, Ленин уже был в курсе дела⁴⁴⁵) и личные вопросы в отношении Теодори недопустимы.

Идя навстречу просьбам, Кедров привел выдержки из дела. Из цитат картина виновности Теодори не складывалась⁴⁴⁶. Он обвинялся в бегстве в Латвию, однако абсурдность этого признал сам Кедров. Прочие обвинения были более серьезными, но и их удалось опровергнуть. Среди них причастность к шпионажу и интимная связь с машинисткой Полевого штаба В. П. Троицкой, подозревавшейся в шпионаже, а также прием через нее на службу в оперативный отдел разных лиц и сношения с руководством объединенной офицерской организации. Как выяснилось, Троицкая имела связь со многими, в том числе ответственными партийными работниками. От оговора Теодори она отказалась уже 20 апреля 1919 г.⁴⁴⁷ Назначение всех лиц на службу санкционировали Аралов и поручители, но принят был только один человек. Однокашники считали, что связь с Троицкой — это никакой не шпионаж, а «индивидуальная особенность Теодори в половой жизни»⁴⁴⁸. Причастность к офицерской организации (видимо, военной организации «Национального центра») выражалась в том, что Теодори посещал бывших генералов В. И. Селивачева и Н. Н. Стогова, которых знал по прежней службе. Кедров удивил-

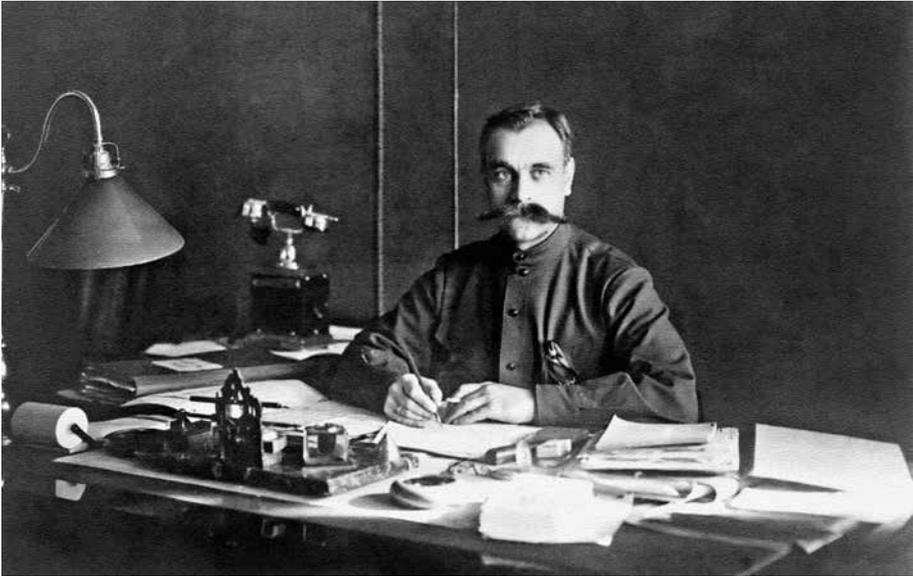

1 Вождь Красной армии Л. Д. Троцкий в 1923 г. был запечатлен на монументальном полотне художника Ю. П. Анненкова

2
3
4

5

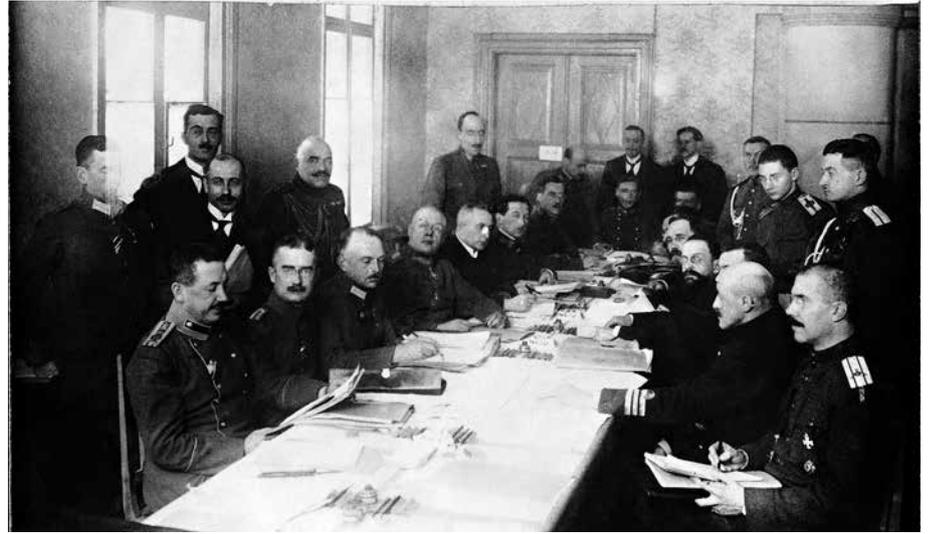
2 Бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич стал одним из создателей Красной армии

4 Бывший генерал Н. М. Потапов стал сотрудничать с большевиками еще летом 1917 г., а в ноябре того же года возглавил Генеральный штаб

3 Бывший полковник И. И. Вацетис летом 1918 г. возглавил Восточный фронт, а осенью стал советским главнокомандующим

5 Летом 1919 г. И. И. Вацетиса на посту главкома сменил другой бывший полковник — С. С. Каменев

6

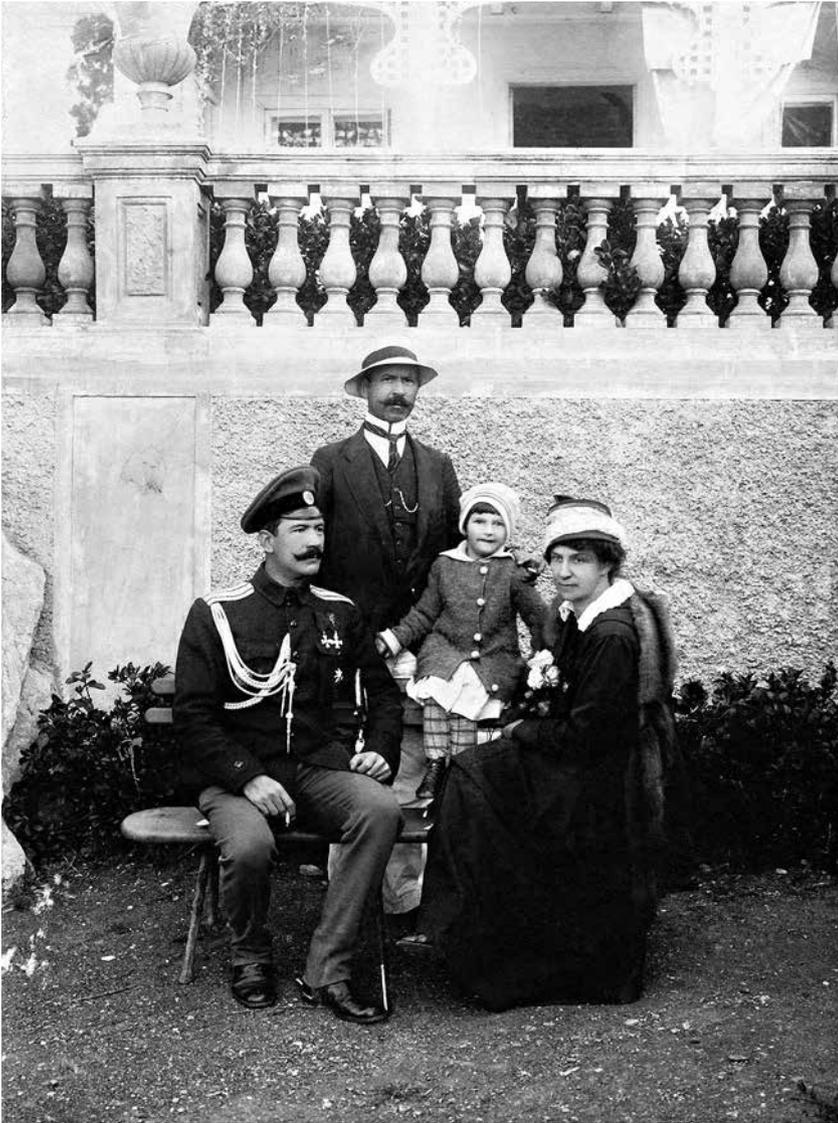
7

6 Группа генштабистов с конца 1917 г. участвовала в мирных переговорах в Брест-Литовске. Среди них — подполковник Д. Г. Фокке (сидит крайний справа) и капитан В. В. Липский (стоит крайний справа). Оба позднее покинули Советскую Россию

7 Некоторые офицеры воспринимали свое участие в мирных переговорах как позорную страницу биографии, хотя, судя по этому снимку, встреча с военными представителями недавнего противника была интересной и вызвала положительные эмоции

8

8 Болгарин на русской службе полковник И. Г. Пехливанов. Под руководством Пехливанова первые части Красной армии в феврале — марте 1918 г. вели успешные бои с немцами под Псковом, однако уже осенью Пехливанов бежал из Красной армии. На фото — в окружении семьи в Гурзуфе в 1917 г. (Семейный архив М. В. Арсеньевой, София)

9

10

11

9 Бывший генерал А. Е. Снесарев летом 1918 г. руководил борьбой с донскими казаками в районе Царицына (Архив семьи Снесаревых, фото предоставлено А. А. Комиссаровой)

10 Бывший генерал Л. М. Болховитинов стал создателем советской военно-окружной системы, но вскоре оказался у белых (НИА, публикуется впервые)

11 Генерал Д. П. Парский выступает на митинге в 1917 г. В марте 1918 г. Парский руководил обороной Советской России под Нарвой

— 19 —

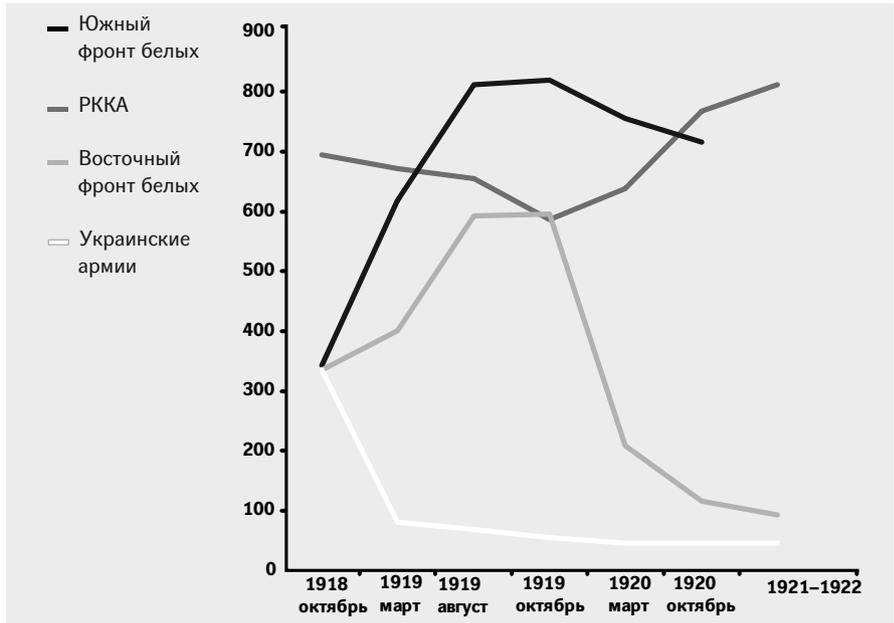
№ по инв. № по инв. № по инв. № по инв.	ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО		Дата рождения	Дата вступления в службу	ЗАНЯТАЯ ДОЛЖНОСТЬ И ПУТЕВАЯ СЛУЖБА
	Фамилия	Имя и отчество			
720	Наполеоновский	Иван Александрович	1868	1905	Машинист II к 4 июня 1917 г.
724	Зайченко	Владимир Иванович	1898	1917	Воев. дружин. Подполковник воен. округа 6 с мая 1918 г.
725	Зарубин	Владимир Иванович	1911	1919	Воев. дружин. частной Тылвоен. службы, в отпуске.

12–13 С весны 1918 г. в Красной армии начала создаваться разветвленная система тщательного учета кадров Генерального штаба, а к лету 1919 г. учет кадров уже вышел на дореволюционный уровень. Страница печатного списка Генерального штаба к 1 июля 1919 г., подготовленного во Всероссийском Главном штабе, и страница чернового рукописного списка, который вели работники Полевого штаба Реввоенсовета республики (РГВА, публикуется впервые)

№ по инв.	ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО	Год поступления	ЗАНЯТАЯ ДОЛЖНОСТЬ	ПРИМЕЧАНИЕ
51	Зайченко Александр Михайлович в отпуске - в отпуске	1902	Воев. дружин. Подполковник. Служба X. 247	
6	Зайченко Владимир Иванович в отпуске - в отпуске	1888	Артиллерия 13. 401 Служба 3	
7	Зайченко Владимир Иванович в отпуске - в отпуске	1898	Воев. дружин. Подполковник. Служба 284. 189	
8	Зарубин Владимир Иванович в отпуске - в отпуске	1911	Воев. дружин. Подполковник. Служба 284. 177	

14 В годы Гражданской войны некогда единый Генеральный штаб раскололся, значительная часть офицеров оказалась в Красной армии

15 В периоды успехов на фронте многие генштабисты переходили к победителям, однако, когда начинались неудачи, могли уйти к противнику

16
17

18

16 Партийным представителем на Юге был И. В. Сталин, относившийся к военспецам с большим недоверием

17 Одним из близких сотрудников Сталина был К. Е. Ворошилов, также отличавшийся «спецееством»

18 Восточный фронт летом 1918 г. стал первым фронтом Советской России. Здесь в тяжелейшей боевой обстановке создавались первые советские дивизии. Именно отсюда ведет свою историю массовая Красная армия. Нарком Л. Д. Троцкий принимал большое личное участие в создании и укреплении фронта

19

20

19 Лидер большевиков В. И. Ленин долгое время не подозревал об истинных масштабах привлечения бывших офицеров в Красную армию

20 Правой рукой Троцкого был Э. М. Складский. В то время как Троцкий ездил по фронтам, Складский оставался в Москве и осуществлял непосредственное руководство работой военного ведомства

21
22

21 На примере расколотых офицерских семей особенно ярко виден братоубийственный характер Гражданской войны. Генерал М.А. Свечин оказался у белых

22 В свою очередь, его брат А.А. Свечин (тоже генерал) стал видным советским военным деятелем (НА ИРИ РАН)

23
24

23 Генерал И.П. Сытин служил в войсках Деникина

24 Его брат П.П. Сытин возглавил советский Южный фронт (РГВА)

25
26
27

25 Из офицерской семьи Махровых Н.С. Махров попал в Красную армию. Фото 1902 г.

26 Его брат П.С. Махров служил у белых (BAR)

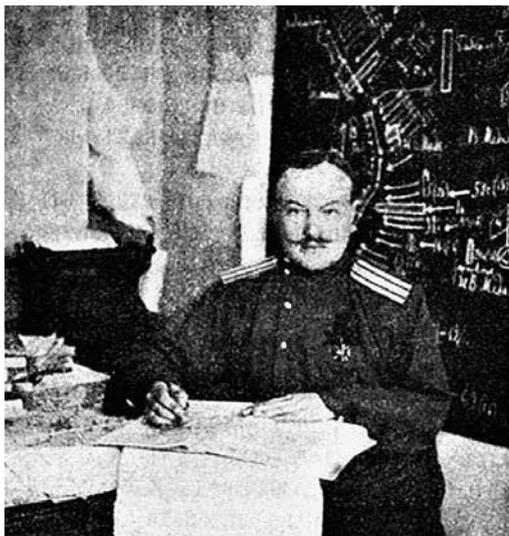
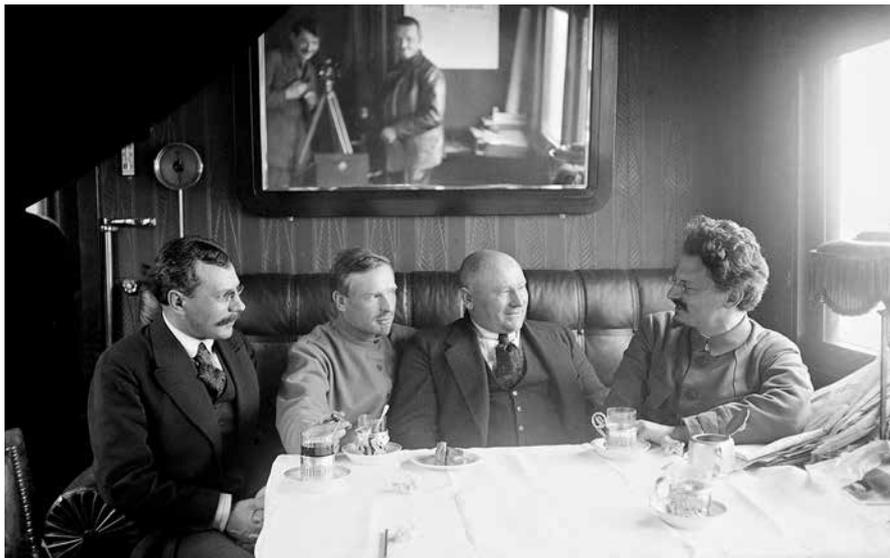
27 Там же служил и третий из братьев — В.С. Махров (BAR)

28
29

28 Из семьи Тихменевых генерал Г.М. Тихменев попал к красным. Фото 1916 г. (Они защищали Россию. СПб., 2014)

29 Его брат, генерал Н.М. Тихменев, оказался у белых

30 Л. Д. Троцкий (крайний справа) и И. И. Вацетис (второй справа) сработались уже летом — осенью 1918 г.

31 Генерал Н. Н. Стогов в Красной армии возглавил Всероссийский Главный штаб, однако тайно руководил подпольной антибольшевистской военной организацией «Национального центра» (Кавалеры ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия. Альбом. Белград, 1935)

32 Генерал А. И. Андогоский возглавлял Военную академию, вместе с которой в Казани в августе 1918 г. перешел к противникам большевиков. Фото около 1917 г.

33 Генерал А. Е. Снесарев (сидит в центре) на фронте. Рядом с ним (второй слева в первом ряду) будущий перебежчик из Красной армии полковник А. Л. Носович. Март 1917 г. (Архив семьи Снесаревых, фото предоставлено А. А. Комиссаровой)

34 Одним из наиболее высокопоставленных перебежчиков из Красной армии был бывший полковник Ф. Е. Махин, командовавший летом 1918 г. 2-й армией на Восточном фронте. Рис. А. Л. Билица (журнал «Русский архив»)

35 Еще одним изменившим красным командармом стал бывший полковник Б. П. Богословский, незадолго до измены назначенный командующим 3-й армией на Восточном фронте (фото предоставлено А. М. Кручинным, Екатеринбург)

36
37

38
39

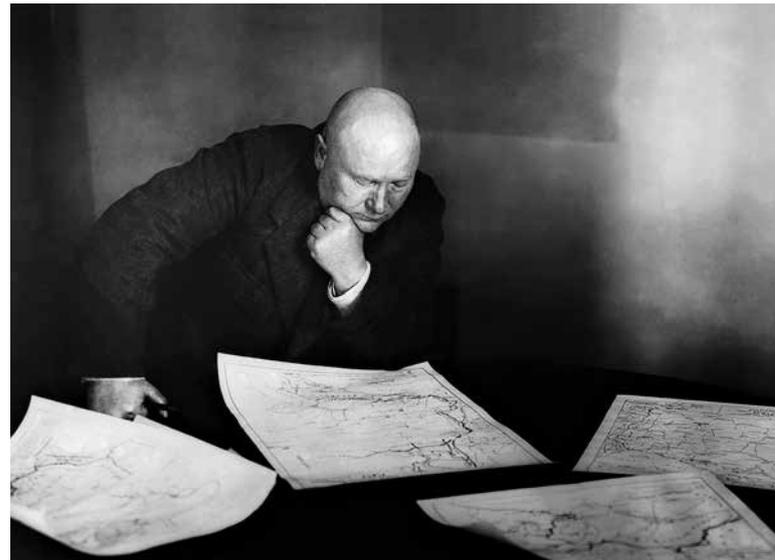
36 Лидер выпускников ускоренных курсов второй очереди в РККА Г.И. Теодори под арестом

37 Курсовик И.Д. Чинтулов

38 Курсовик Е.И. Исаев, арестованный по делу Полевого штаба Реввоенсовета республики

39 Курсовик В.М. Цейтлин (АВИМАИВВС)

40

41

40 И.И. Вацетис изучает схемы боевых действий (Латвийский военный музей)

41 Бывший генерал П.П. Лебедев и бывший полковник С.С. Каменев вместе работали сначала на Восточном фронте, а затем в Полевом штабе Реввоенсовета республики

42 Видный партийный деятель М. В. Фрунзе (второй слева) сработался с бывшим подполковником В. С. Лазаревичем (четвертый слева). На фото — в штабе Южной группы Восточного фронта. 1919 г. (РГВА)

43 Изучение оперативной обстановки в штабе Южной группы Восточного фронта. В центре — М. В. Фрунзе, слева — В. С. Лазаревич. 1919 г. (РГВА)

44 Выпускники академии среди работников штаба 16-й армии. Июнь — июль 1919 г. Сидят: бывший капитан В. Л. Баранович (третий слева), командующий армией бывший генерал-лейтенант А. В. Новиков (четвертый слева), начальник штаба армии бывший капитан В. В. Сергеев (со знаком Николаевской военной академии, шестой слева), начальник оперативного отделения штаба армии бывший капитан М. А. Дулов (восьмой слева). Стоит крайний справа — помощник начальника оперативного отделения штаба армии бывший капитан Н. Е. Варфоломеев (НА ИРИ РАН)

45
46

47

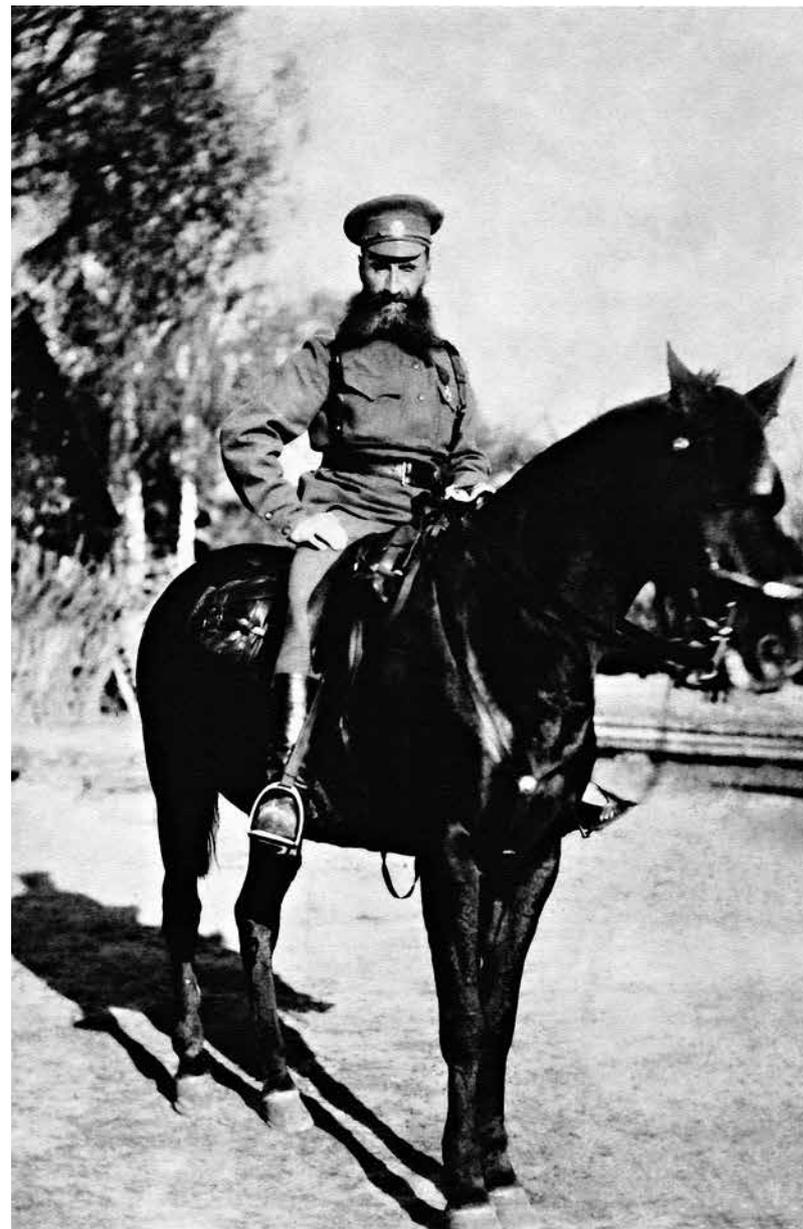

45 Командующий 15-й и 6-й армиями, кавалер двух орденов Красного Знамени и Почетного революционного оружия за штурм Перекопа и Юшуня и освобождение Крыма А. И. Корк. Фото 1914 г. (Семейный архив Ю. М. Строева)

46 Бывший полковник Н. Н. Петин — один из разработчиков плана разгрома войск А. И. Деникина (РГВА)

47 Л. Д. Троцкий беседует с С. С. Каменевым

48

48 Помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В. И. Селивачев. Фото 1915–1917 гг. (Семейный архив О. Н. Хлестова)

49
50

51
52

49 Бывший штабс-ротмистр А. И. Геккер создавал Красную армию на Донбассе, а позднее командовал несколькими советскими армиями (РГВА)

51 Один из организаторов советских ВВС бывший капитан М. П. Строев (Рихтер) в 1920 г. попал в плен к белым, а позднее вернулся на службу в Красную армию, сумел избежать репрессий и впоследствии даже стал генералом. Фото — вторая половина 1940-х гг. (РГВА)

50 Бывший генерал А. А. Самойло успешно руководил операциями Красной армии на Севере

52 Руководивший разгромом деникинцев и петлюровцев в 1919–1920 гг. командарм М. И. Василенко начинал Гражданскую войну летом 1918 г. в Поволжье в рядах противников большевиков (НА ИРИ РАН)

53
54

55
56

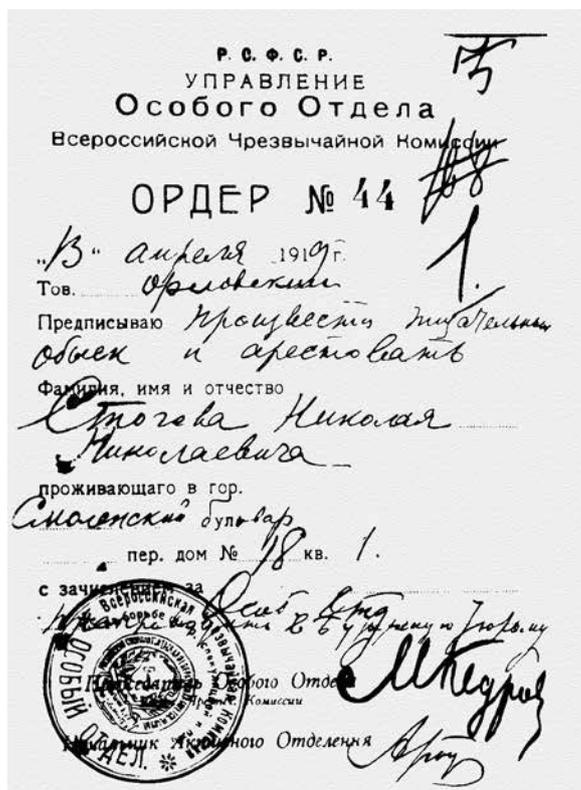
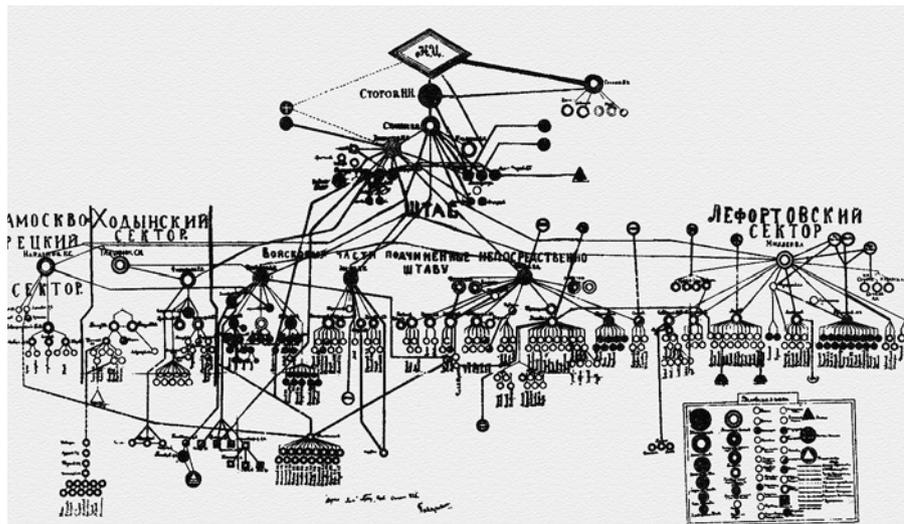

53 Начальник штаба 13-й армии бывший генерал А. М. Зайончковский передал белым саквояж с оперативной документацией в период решающих боев под Орлом в октябре 1919 г. (Архив автора)

54 Командарм Е. Н. Сергеев. 4-я армия, которой командовал Сергеев, летом 1920 г. смогла глубже других продвинуться на польскую территорию. 1920 г. (журнал «Старый Цейхгауз»)

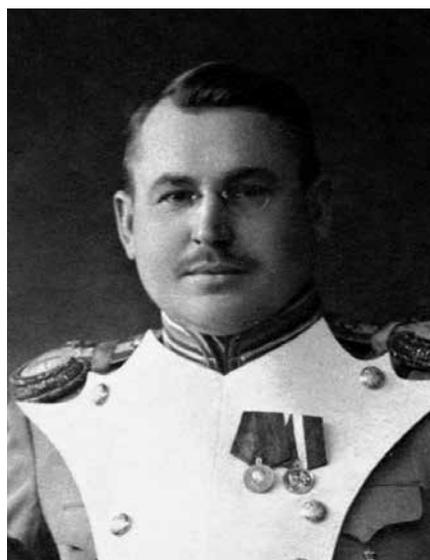
55 Полковник М. С. Свечников был первым генштабистом, вступившим в большевистскую партию еще в 1917 г. Фото 1928 г. (Архив автора)

56 Главный редактор первого советского военно-научного журнала «Военное дело» бывший генерал Д. К. Лебедев позднее уехал в Эстонию. Фото 1927 г. (Национальный архив Эстонии, публикуется впервые)

57 Схема военной организации «Национального центра». 1919 г. (Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2)

58 Ордер на арест руководителя военной организации «Национального центра» бывшего генерала Н. Н. Стогова. 13 апреля 1919 г. (Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2)

59 Служивший в штабе группы войск Сумского направления бывший подполковник А. И. Парв тайно работал на белых (Национальный архив Эстонии)

60 Начальник штаба 55-й стрелковой дивизии бывший подполковник А. А. Лауриц осенью 1919 г. перешел на сторону белых, передав им важнейшие данные о положении частей Красной армии (Национальный архив Эстонии)

61 Здание Полевого штаба Реввоенсовета республики в Серпухове. 2012 г. (фото А. В. Ганина)

Петрогр. 10 IX 1918. М. Пашерная ул,
 № 22, камера 15.
 Товарищу Склянскому — заступни-
 честву — пишу письмо, а также
 честно, лояльно [в Ревизион. Упр.
 отг. воен. комиссаров. Петр. Трудов. Ком.]
 Вы меня знаете по Михайлову,
 комиссару Глав. Упр. Ген. Штаба,
 который всегда за меня ручает
 ся. С тех пор, помните, я был фев-
 раль на фронте, потом вы дали
 мне письмо сюда к Зремьшу, Ваш п. в. ч.

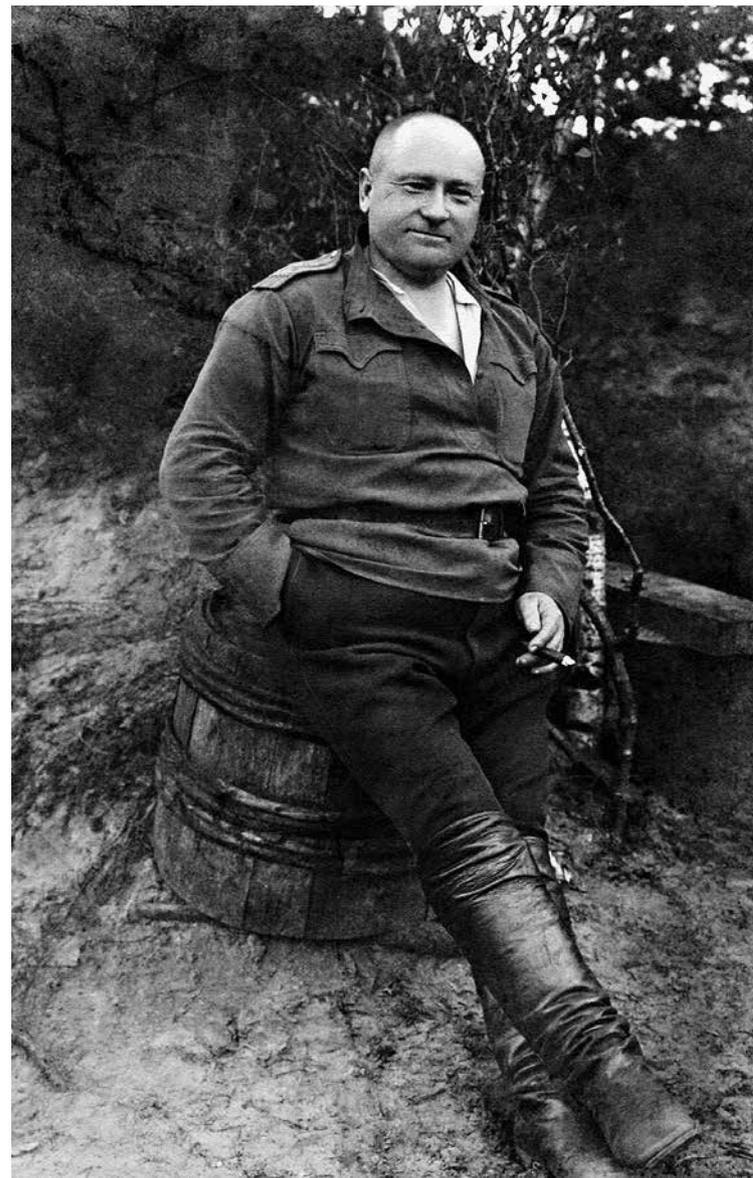

62 Письмо арестованного бывшего генерала А. Д. Шеманского члену Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому с просьбой о заступничестве. 10 сентября 1918 г. (РГВА)

63 Бывший глава русской военной разведки полковник Н. К. Раша был расстрелян в 1918 г. (Семейный архив Н. А. Сергеевой)

64 Бывший военный министр Временного правительства генерал А. И. Верховский в советское время арестовывался пять раз и в конечном итоге был расстрелян. На фото — Москва, 3 декабря 1935 г. (Софронов Ю. И. Дневник Верховского. М., 2014)

65 И. И. Вацетис с сигарой. 1917 г. (Латвийский военный музей)

70

71

70 Л. Д. Троцкий, Э. М. Склянский, Н. И. Муралов, С. С. Каменев обходят парадные расчеты на Красной площади. 1 мая 1921 г. (Степанов А. Б. Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011)

71 Одно из крыльев здания Академии Генерального штаба РККА в Москве на Воздвиженке. 2015 г. В верхнем этаже располагалась квартира А. Е. Снесарева. Именно здесь проходили знаменитые георгиевские вечера, на которых бывшие офицеры вспоминали о прежней жизни (фото А. В. Ганина)

72

73

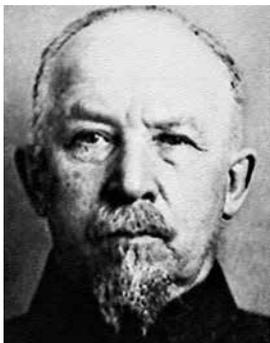

72 Участники первого съезда командующих войсками РККА. Слева направо: нижний ряд — неизвестный, А. И. Корк, неизвестный, В. С. Лазаревич, Н. И. Муралов, С. С. Каменев, С. И. Гусев, А. И. Егоров, К. Е. Ворошилов, И. Ф. Федько, неизвестный; средний ряд — неизвестный, И. П. Уборевич, Д. А. Петровский, И. Э. Якир, П. П. Лебедев, неизвестный, Н. Н. Петин, С. М. Буденный, Б. М. Шапошников, неизвестный; верхний ряд — двое неизвестных, Р. А. Муклевич, И. Х. Паука, Н. В. Соллогуб, В. Е. Гарф, В. Л. Барановский, неизвестный, П. М. Ошлей, неизвестный. Август 1921 г. (Архив семьи Барановских. Фото предоставлено Ю. А. Беликовым)

73 В. С. Лазаревич перед строем красных командиров. Кадр кинохроники (кинохроника предоставлена Д. В. Федориным, кадр атрибутирован автором, публикуется впервые)

Репрессий 1930-х гг. не избежали ни бывшие белогвардейцы, ни те,
кто служил советской власти верой и правдой

74
75
76

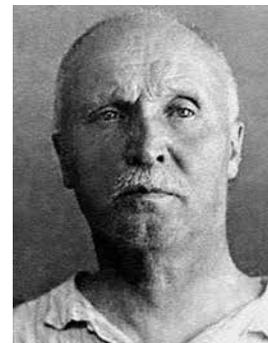
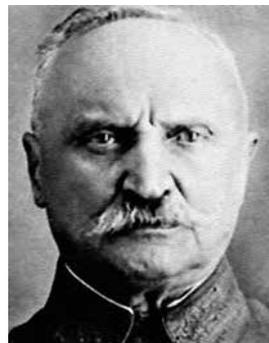
83
84
85

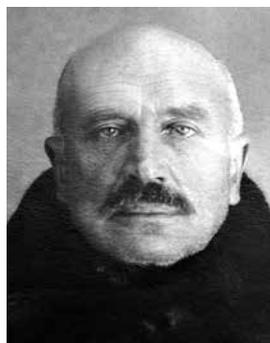
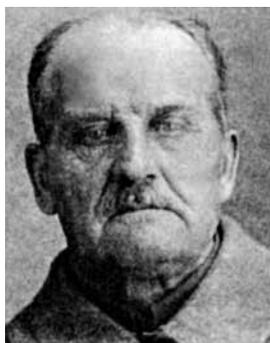
77
78
79

86
87
88

80
81
82

89
90
91

74 А.А. Балтийский

75 В.Л. Барановский (ГАСБУ)

76 М.А. Баторский

83 С.Г. Лукирский

84 Вл.И. Моторный (ГАСБУ)

85 В.А. Ольдерогге (ГАСБУ)

77 И.И. Вацетис

78 А.И. Верховский

79 И.В. Высоцкий (ГАСБУ)

86 Н.Н. Петин

87 Н.И. Раттэль

88 А.А. Свечин. 1938 г.

80 В.С. Лазаревич

81 А.Г. Лигнау. 1931 г.
(ГАСБУ)

82 К.К. Литовцев (Шильдбах)
(ГАСБУ)

89 М.С. Свечников

90 В.Г. Серебрянников.
1930 г. (ГАСБУ)

91 П.П. Сытин

92 Члены РВС СССР. Сидят слева направо: И.Э. Якир, А.И. Егоров, С.С. Каменев, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, М.К. Левандовский. Стоят слева направо: К.А. Авксентьевский, Б.М. Шапошников, И.П. Белов, А.И. Корк. Декабрь 1927 г.

ся налаженности связи выпуска Теодори и наличию самой организации выпускников, существовавшей фактически как параллельная штабам РККА неформальная структура. Выпускники на это ответили, что связь осуществляется лишь персональная с целью поддержки служебных и материальных интересов друг друга.

25 апреля представители выпуска составили доклад в поддержку Теодори на имя главкома, председателя Реввоентрибунала и начальника Полевого штаба РВСР. В докладе сообщалось: «Из частной беседы с тов. Кедровым пришли к заключению, что, несмотря на месячный срок пребывания Теодори в тюрьме, до сего времени конкретных данных по обвинению его нет»⁴⁴⁹. Аралов просил Кедрова отдать ему Теодори на поруки «для использования его знаний ввиду большого недостатка Генштабов»⁴⁵⁰. Арестованному был разрешен телефонный разговор с Араловым, в ходе которого он интересовался, знает ли о его аресте Троцкий и каково положение жены и сестры, а также других невиновных курсовиков.

Наряду с Теодори весной 1919 г. был арестован и его однокашник, начальник штаба Приволжского военного округа И. Н. Полковников, являвшийся одним из «пионеров лиц Генштаба, энергично принявшихся за дело создания Красной армии»⁴⁵¹. Уже по получении предписания о его аресте сослуживцы выступили в поддержку своего товарища. Генштабист М. М. Петров писал: «Я заявляю, что предписание ареста Ивана Полковникова подрывает его моральные силы, будет незаслуженной обидой Полковникову за честную, полезную и энергичную работу на пользу советской власти. В настоящее трудное время советская власть не должна терять таких полезных деятелей, каковым является для нее Полковников. Для общей пользы дела я убедительно прошу отнестись особенно осторожно к намеренной мере. Полковников — член выпуска 1917 года, выпуск знает Полковникова, и его арест, боюсь, породит неуверенность в работе других лиц выпуска»⁴⁵².

5 мая курсовики отправили телеграмму Л. Д. Троцкому: «Председателю реввоенсовета Троцкому по месту нахождения. Копия шта[б] Вост[очного] фронта Генштаба Бардинскому. Серпухов 5-го мая. Получив уведомление от лиц Генштаба выпуска 1917 года шта[б] Вост[очного] фронта, что на врученную ими Вам просьбу Хрулева Вами дан был ответ в положительную сторону при условии соответствующего ходатайства от ближайших родственников Хрулева или от коллектива выпуска. Настоящим докладываем, что представителями выпуска еще 27 марта № 111/Б ходатайствовалось о спешном разборе дела Хрулева, как и Теодори. Докладом 17-го апреля № 112/17 было возбуждено повторное ходатайство об освобождении Теодори и, кроме того, были к Вам делегированы представители выпуска Генштаба Кутырев и Кузнецов [с] целью доклада [об] общем

положении как специалистов, но не могли быть Вами приняты за Вашим выездом из Москвы на фронт. 23-го апреля по вызову председателя Особого отдела ВЧК тов. Кедрова прибыли в Москву представители выпуска Исаев, Кутырев, Кузнецов [с] целью ознакомления [с] делом Теодори, результатом коего был доклад главкому, председателю Ревтрибунала Республики и на[чальнику] шта[б]а Реввоенсовет[а] об отсутствии конкретных данных обвинения с ходатайством о проведении [в] жизнь доклада членов выпуска 17 апреля [№] 112/17. С одной стороны, не получив никаких ответов по целому ряду ходатайств о Хрулеве и Теодори, [с] другой стороны, поступили сведения о новом аресте выпуска 1917 года Генштаба Моденова и предполагаемом аресте Генштаба Полковникова и ряде арестов и обысков Генштаба других выпусков без объявления причин и соблюдения приказа Реввоенсовета Республики от 29-го сентября 1918 года № 6, представители выпуска решили [осуществить] вторичную посылку делегатов к Вам [с] целью ходатайства [об] освобождении арестованных без конкретных обвинений и выяснения ряда вопросов [в] связи [с] произведенными арестами и того вреда делу, который приносит личный террор. Докладывая об изложенном, просим [у] Вас приема нашей делегации. № 113/18. По уполномочию выпуска Исаев, Кутырев, Малышев, Кузнецов, Виноградов»⁴⁵³.

Однако Теодори был освобожден лишь через два года. Мощная кампания в его поддержку встретила большевистских лидеров. Впервые Генеральный штаб в лице молодежи и старших офицеров проявил единодушие. Дальнейшее усиление корпоративного духа генштабистов, осознание ими своей силы могло привести к идее свержения большевиков, тем более что в Полевом штабе РВСР в Серпухове находились верные Вацетису латышские стрелки (5-й латышский стрелковый полк), а на ключевых постах оказались его выдвиженцы, в том числе курсовики. Вполне возможно, Ленин решил перестраховаться и поставить зарвавшихся военспецов на место посредством длительного тюремного заключения их лидера. А вскоре возникла идея арестовать и остальных фигурантов событий вокруг Теодори и заменить вообще все высшее военное руководство республики из числа бывших офицеров.

Определенную роль в этих событиях сыграл М. Д. Бонч-Бруевич, который вспоминал, что «в Полевом штабе было очень мало опытных офицеров Генерального штаба. Большинство штабных принадлежало к офицерам, окончившим ускоренный... выпуск Военной академии, известный под именем “выпуска Керенского”. Эта зеленая молодежь играла в какую-то нелепую игру и даже пыталась “профессионально” объединиться... генштабисты “выпуска Керенского” решили действовать скопом и попытались давить на меня в таких вопросах, решение которых целиком лежало на мне.

Очень скоро я заметил, что вся эта нагловатая публика преследует какие-то цели политического характера и старается вести дело если и не прямо в пользу противника, то во всяком случае без особого на него нажима.

Поведение генштабистской “молодежи”, кстати сказать, не такой уж юной по возрасту, не нравилось мне все больше и больше⁴⁵⁴. Если верить воспоминаниям Бонч-Бруевича, он отчитал курсовиков, а те сообщили обо всем в Москву, что повлекло приезд Дзержинского в Серпухов и его беседу с Бонч-Бруевичем. Впрочем, курсовики вряд ли бы обратились в ВЧК с жалобой, скорее сам Бонч-Бруевич донес об их подозрительном поведении. Тем более что в мемуарах Бонч-Бруевич, отличавшийся склонностью к доносам даже по мелочам⁴⁵⁵, упоминает сразу о нескольких встречах с председателем ВЧК в связи с состоянием Полевого штаба.

Летом 1919 г. в ходе дела Полевого штаба РВСР были арестованы все три ходатайствовавшие за Теодори: Б. И. Кузнецов, Е. И. Исаев и Г. Я. Кутырев. Арестам подверглись и их старшие товарищи И. И. Вацетис и Ф. В. Костяев. Из заступавшихся за Теодори репрессий избежал лишь комиссар С. И. Аралов, возможно, благодаря комиссарскому иммунитету. По итогам этой операции наиболее активные в общественной жизни курсовики⁴⁵⁶ и поддерживавшие их старые генштабисты были арестованы, а по генштабовскому корпоративизму нанесен мощный удар, после которого корпоративное единство выпускников Николаевской академии в Советской России стало в значительной степени лишь достоянием истории.

Тем не менее взгляды генштабовской молодежи не были забыты. Даже после Гражданской войны служебный статус курсовиков иногда ставился под сомнение со стороны военно-политического руководства. Это, в свою очередь, как и прежде, порождало ответную реакцию в форме коллективных писем курсовиков в свою защиту, укрепления корпоративной самоорганизации и взаимовыручки.

Обеспокоенность курсовиков вызвала речь главного начальника военно-учебных заведений Д. А. Петровского на всесоюзном совещании по территориальному формированию в марте 1924 г. в связи с его предложением пересмотреть список лиц с высшим военным образованием. Замячила давно забытая угроза возвращения к дореволюционному бюрократическому подходу, когда их пытались считать временной заменой в условиях дефицита кадров и предлагали продолжить обучение после войны. Заявление Петровского было очевидным недоразумением, поскольку противоречило изданным в 1918 г. в РККА приказам о причислении и переводе курсовиков в Генштаб. Противоречило оно и той важнейшей роли, которую сыграли курсовики в создании Красной армии. Кроме того, предло-

жение почему-то не касалось других ускоренных выпусков. Но заявление породило обширное коллективное письмо курсовиков⁴⁵⁷, в котором были подробно описаны заслуги выпуска перед Советской Россией и Красной армией. Курсовики обратились в Штаб РККА за разъяснениями. Помощник начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевский заверил их в том, что их служебный статус не изменится.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны, когда позиции старых генштабистов стали теснить комиссары и красные командиры, старый Генштаб пытался организовать себя. Так, в Харькове по предложению начальника штаба войск Украины и Крыма Н. В. Соллогуба, а также Н. С. Махрова в 1921 г. возникло «Общество ревнителей военных знаний на Украине», призванное под предлогом военного самообразования и изучения опыта Первой мировой и Гражданской войн объединить кадровое офицерство в целом и генштабистов в частности⁴⁵⁸. Насколько можно судить, дело было представлено как инициатива М. В. Фрунзе по повышению образования командиров⁴⁵⁹. Впрочем, каких-либо данных о деятельности этой организации обнаружить не удалось.

Важность противодействия корпоративному сплочению генштабистов большевистское руководство осознало не сразу. Лишь в 1919 г., когда целые группы молодых выпускников курсов академии начали пытаться диктовать свои условия высшим партийным деятелям, корпоративизм был воспринят как угроза, которая в перспективе могла бы вылиться в попытку военного переворота. Тогда же при помощи ВЧК были проведены аресты наиболее активных курсовиков, в результате чего организационные формы корпоративного единства последних оказались ликвидированы.

Позднее в рамках борьбы с потенциальной угрозой бонапартистского переворота было упразднено наименование «Генеральный штаб». Обоснование этому можно увидеть в одном из документов, приуроченных к десятилетию Военной академии РККА в 1928 г.: «В Красной армии упразднен институт Генерального штаба. Наличие лиц Генерального штаба всегда создает некоторую касту в армии, которая противопоставляет себя всей массе армии»⁴⁶⁰. Среди слушателей академии Генштаба РККА также зародились идеи корпоративной солидарности, выросшие в попытки самоорганизации. Но угроза этого, уже по сути красного корпоративизма была осознана только по окончании широкомасштабной Гражданской войны, а ее устранение также сопровождалось кадровыми чистками.

До революции корпоративизм генштабистов распространялся лишь на экономическую взаимопомощь и поддержку, а также вопросы престижа. С 1917 г. он начал стремительно политизироваться. Генштабисты вступили в активную борьбу за свои права, привилегии и влияние на государственную власть. Но значимой силы военная

элита без поддержки солдатских масс не представляла. К тому же события 1917–1922 гг. продемонстрировали отсутствие единства и глубокий раскол внутри корпорации генштабистов по идеологическому (между красными, белыми и националистами) и, в меньшей степени, поколенческому (выпускники академии до Первой мировой войны и выпускники ускоренных курсов) признакам. Свою роль в этих противоречиях сыграла и отмена чинов, внешне приравнявшая бывших генералов и прапорщиков.

В Советской России корпоративизм старых генштабистов носил неорганизованный характер и сохранялся лишь в самоидентификации военспецов как генштабистов. Его пережитки проявлялись в делопроизводстве в форме сохранения прежней иерархии генштабистов, когда бывшие офицеры указывались с прежними чинами, либо в форме указания на год выпуска из академии. На первый план в советских условиях вышли более крикливые и беспринципные молодые генштабисты — выпускники ускоренных курсов, прежде всего 1917 г. Впрочем, репрессии весны — лета 1919 г. нанесли серьезный удар по лидерам неформального объединения курсовиков и существенно умерили их пыл.

Генштабисты, осмелившиеся связаться в политические игры с партийным руководством, не осознавали своего места и роли в Красной армии и в Советской России. Л. Д. Троцкий и другие большевистские лидеры прекрасно понимали, что не в интересах созданного ими режима насаждать привилегированную кастовость и корпоративный дух генштабистов, ибо подобный корпоративизм мог быть чреват развитием событий по бонапартистскому сценарию. В результате генштабистам довольно жестко было указано на их место в советской военно-политической иерархии.

* * *

Итак, попытки объединения и самоорганизации бывших офицеров в Советской России были подавлены партийным руководством при помощи ВЧК. В целом не приходится говорить о значимой политической роли бывших офицеров в Советской России. Можно согласиться, что стремление военной элиты определять развитие страны еще не свидетельствует о ее способности к действительной выработке той или иной модели и реализации перехода к ней⁴⁶¹. Исторический опыт развития России в XIX–XX вв. говорит о крайней политической слабости отечественной военной элиты, ее неготовности и неспособности не только к самостоятельной выработке модели развития страны, но даже к тому, чтобы взять власть и удержать ее. Военная элита Советской России и СССР всегда находилась под жестким контролем

партийных структур и тесно связанных с ними органов госбезопасности, в связи с чем ее возможности участвовать в политической борьбе в качестве самостоятельной силы (а тем более узурпировать власть в результате военного переворота) представляются весьма условными.

В результате Гражданской войны корпорация генштабистов утратила прежние позиции в элите страны. Если до 1917 г. генштабисты оказывали прямое влияние на принятие важнейших военных и политических решений, то в Советской России они оказались в положении бессловесных исполнителей указаний партийного начальства. Довольно точно это выразил В. В. Шульгин: «Разве все русское офицерство было в рядах белых? Разве мало его было в рядах Красной армии? Одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много. Однако никому не приходит в голову говорить, что коммунистической партией руководили офицеры; и, наоборот, все говорят уверенно, что Белое движение велось офицерством. Почему? Да потому, что в Красном стане русское офицерство было на роли “быдла”, а в Белом — оно было “первенствующим сословием”»⁴⁶². Реальное место генштабистов видно из простого факта, что в Советской России любого из них от младшего штабного работника до главнокомандующего можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что представлялось невероятным до революции.

Конечно, низводить военспецов-генштабистов до роли простых винтиков советской военной машины не вполне правильно. Оказавшись на руководящих постах, они привнесли в новую армию как свой багаж знаний, так и определенные взгляды и традиции прошлого. Это влияние распространялось и на красных командиров, которые порой стремились подражать «бывшим». Не случайно в белой эмиграции Красную армию сравнивали с редиской, которая снаружи красная, а внутри белая. Влияли генштабисты и на политические решения. Как следствие, появились некоторые основания для утверждений, что Красная армия находится в руках офицерства.

Старый Генеральный штаб стоял во главе Белого движения, что предполагало и политическое руководство этим движением. В этом смысле Гражданская война может восприниматься и как борьба старых генштабистов за свою ведущую роль в новой России, какой бы она ни была. Эту борьбу старый Генеральный штаб проиграл. Выиграло же в той борьбе большевистское руководство, использовавшее генштабистов различных категорий в интересах укрепления собственной власти.

Невинными попытками взаимовыручки бывшие офицеры в сложных условиях Гражданской войны не ограничивались, защита своих интересов предполагала воздействие на партийное руковод-

ство, определявшее все стороны советской повседневности. Однако лидеры большевиков обоснованно усмотрели в попытках такого воздействия выход офицеров за отведенные им рамки бессловесных технических исполнителей партийных приказов и угрозу своей власти. Последовали репрессивные меры, в результате чего взаимовыручка генштабистов в советских условиях свелась почти исключительно к пока еще разрешенным частным дружеским взаимоотношениям. В 1920—1930-е гг. стали считаться предосудительными уже и они, а среду бывших офицеров наводнили многочисленные сексоты, провоцировавшие своих товарищей и докладывавшие органам госбезопасности обо всех сколько-нибудь значимых частных встречах и разговорах. По мере роста взаимного недоверия «бывшие» все больше оказывались в одиночестве, а взаимопомощь уходила в прошлое.

Заговоры и измены

«Никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», — говорил коммунист Карл Радек⁴⁶³. Опыт российской Гражданской войны подтвердил правоту этих слов. Многие офицеры, претерпев в 1917—1918 гг. невиданные прежде унижения, мечтали о реванше. Консервативной психологии офицерства были намного ближе белые армии. Соответственно, в рядах Красной армии не могли не возникнуть разнообразные подпольные антибольшевистские организации, в которых участвовали и офицеры-генштабисты.

В начале Гражданской войны подпольные организации были распространены едва ли не по всей территории Советской России. Современник отмечал, что «в январе 1918 года в России существовало множество контрреволюционных организаций, возглавляемых гражданскими и в основном военными лицами. По крайней мере десять офицеров из моего бывшего полка, живших в Москве, состояли в этих тайных организациях... Несмотря на всю конспирацию, большинство подобных организаций действовали крайне непрофессионально. Кроме того, в их рядах были предатели и шпионы... во всех этих тайных организациях витал дух романтики. Они могли существовать лишь до той поры, пока у большевиков не была налажена служба тайной разведки»⁴⁶⁴.

Важную роль в разведывательной работе белых сыграли их крупные агенты в руководстве РККА. Эти агенты действовали как в составе организаций, так и индивидуально. В феврале 1918 г. выдающимся контрразведчиком, бывшим следователем по особо важным делам при штабе Западного фронта В. Г. Орловым в Петрограде по предложению представителей союзников с согласия генерала М. В. Алексее-

ва, по плану, одобренному бывшим главнокомандующим Кавказской армией генералом Н. Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде, было организовано тайное разведывательное бюро в составе 80 сотрудников. Члены организации проникли в большевистские учреждения. Организация вела сбор важной информации в интересах генерала Алексеева и союзников. В марте 1918 г. организация внедрилась в штаб военного руководителя Петроградского района генерал-лейтенанта А. В. фон Шварца. Штаб Шварца был связан с союзниками, в том числе с британским дипломатом Робертом Брюсом Локкартом. Организацию раскрыли, а генерал Шварц бежал из Советской России⁴⁶⁵. В своем рапорте белому командованию Орлов отмечал: «Как только выяснилось, что задуманная цель создания белогвардейских частей в центре большевизма провалилась, большинство чинов штаба во главе с ген. Рыльским ушло, а затем, дабы не претерпеть судьбы расстрелянного Щас[т]ного⁴⁶⁶, ушел и сам ген. Шварц, а один из его ближайших помощников Генерального штаба полковник Борис Петрович Поляков был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и ему как помощнику ген. Шварца было предъявлено прямое обвинение в измене Советской Республике, выразившейся в формировании белогвардейских частей и в сношении с союзниками.

На место генерала Шварца был назначен генерал Парский, являвшийся типичным деятелем красноармейского типа»⁴⁶⁷.

Мощную подпольную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» в Москве и городах Верхней Волги создал Б. В. Савинков, выдававший себя за представителя Добровольческой армии. Политически организация ориентировалась на эсеровскую партию, но в ее состав входили антибольшевистски настроенные офицеры, не обязательно разделявшие партийные установки. Начальником штаба военного подполья был полковник А. П. Перхуров, командированный в Москву в марте 1918 г. одним из вождей Белого движения на Юге России генералом Л. Г. Корниловым. Перхуров считал, что в случае восстания в Москве сможет вывести на улицы 300—400 вооруженных подпольщиков⁴⁶⁸. Члены организации Савинкова в июле 1918 г. подняли целый ряд восстаний в Москве, Муроме, Рыбинске и Ярославле (последнее было наиболее крупным).

Как вспоминал Г. И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов-революционеров красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание наших ячеек»⁴⁶⁹. В 1917 г. (по другим

⁴⁶⁵ Так в тексте.

данным, в 1906 г.⁴⁷⁰) в партию социалистов-революционеров вступил Генштаба подполковник Ф. Е. Махин, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. он по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию⁴⁷¹.

Оказавшись в рядах РККА, подполковник Махин вскоре достиг высоких постов — стал начальником уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией. Во многом в результате его измены и дезорганизующих распоряжений в начале июля 1918 г. красным пришлось оставить Уфу (хотя решение о сдаче города и было уже принято до назначения Махина). За неделю пребывания на своем ответственном посту Махин сумел изменить оперативный план штаба и захватил важные документы. При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеху, фактически сдал ему город⁴⁷² и передал чехам захваченные документы. Уже через день после его перехода на станции Миньяр в 110 км к востоку от Уфы произошло соединение двух групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и постановлением Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) был произведен в полковники⁴⁷³.

В служебных документах Махина в начале июня 1918 г. значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»⁴⁷⁴ — на территориях, где позднее были развернуты вооруженные силы Комуча. Подобное прошение — не случайность. Еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал⁴⁷⁵. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии. Просьба Махина была удовлетворена. Не исключено, что аналогичные просьбы В. О. Каппеля о переводе в штабы Приуральского, Приволжского или Ярославского военных округов⁴⁷⁶ также обусловлены связями с антибольшевистским подпольем. Уже летом 1918 г. центры этих военных округов, особенно Самара и Ярославль, стали очагами сопротивления большевикам⁴⁷⁷.

С организацией Савинкова был связан еще один крупный белый агент в Красной армии — генерал А. Л. Носович. В мае 1918 г. по распоряжению руководства «Союза защиты Родины и Свободы» (Носович также упоминал штаб московского отдела Добровольческой армии) и содействовавшей последнему французской военной миссии генерала Лаверна Носович поступил в РККА, получил должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. Немаловажным было то, что он являлся старым сослуживцем военного

руководителя округа бывшего генерала А. Е. Снесарева. Впоследствии Носовича назначили начальником оперативного управления 10-й армии, в июле — сентябре 1918 г. он возглавлял военный совет Северо-Кавказского военного округа и РВС Южного фронта. В период с мая по сентябрь 1918 г. Носович и, вероятно, его помощники, в том числе бывший полковник А. Н. Ковалевский, вели разведывательную и подрывную работу в пользу белых⁴⁷⁸. Первоначально Ковалевский не знал о характере работы Носовича, но, по мнению последнего, также был антибольшевистски настроен и к началу августа уже был осведомлен о том, что Носович работает на противника. Подпольщики разжигали конфликты в советском руководстве, жесткими приказами стремились вызвать беспорядки в войсках. Однако с прибытием в Царицын И. В. Сталина их деятельность оказалась на грани провала. В начале августа подпольщики были арестованы, но освобождены в результате вмешательства сотрудников Высшей военной инспекции, куда также проникла белая агентура. Свою связь с подпольем Носович отрицал, заявляя, что «пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что во всяком случае я не о 2-х головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора»⁴⁷⁹.

В дальнейшем Носович продолжил свою работу. В октябре 1918 г., находясь на ответственном посту помощника командующего советским Южным фронтом и исчерпав возможности для продолжения своей нелегальной работы, Носович бежал к донским казакам, передав им информацию о положении на фронте, планах красного командования, шифры и коды⁴⁸⁰. Белые встретили Носовича недоброжелательно. Он едва смог избежать серьезных репрессий. В своих неопубликованных воспоминаниях он впоследствии высказал нелицеприятное мнение о белом командовании: «И действительно эту квинтэссенцию кретинизма трудно не пропустить: больно уже стыдно за действующих лиц.

Итак: хотели расстрелять; два раза судили: оба раза оправдали и не воспользовались его (Носовича. — А. Л.) сведениями о Красной армии»⁴⁸¹.

По свидетельству полкового товарища Носовича Б. А. Энгельгардта, Носович даже заявил: «Довольно с меня, к черту белых, красных... эмигрирую»⁴⁸². Ковалевский остался и был расстрелян. О своих заслугах перед Красной армией Ковалевский говорил: «Я первый, который это дело там поставил, как агентурную разведку... Я специалист, и очень незаурядный, в области разведки»⁴⁸³. Впрочем, эта квалификация Ковалевскому не помогла.

Курсовик И. Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна» в 1931 г. отметил, что «в январе 1918 г. в комитет Военной академии (Генштаба) поступило письмо ген. Алексева, быв[шего] наштаверха, обращение к молодым генштабистам, нечто вроде завещания. В нем ука-

зывалось [:] ввиду создавшейся обстановки на территории России ген. Алексеев признает, что не все смогут собраться к нему, а потому предлагает оставаться на местах, поступать на службу и работать, не забывая основной задачи воссоздания Великодержавной России. Это смысл его обращения. Его унес с собой шт[абс]-кап[итан] Симонов — пред[седатель] комитета. Я не помню состава комитета, не знаю, кто может это подтвердить. Б[ыть] м[ожет,] бывш[ий] кап[итан] конной артиллерии Григорьев Ю. И., был военруком в Москве. Помню со слов Симонова, информированного полк[овником] Андогским, нач[альником] академии, что подобного рода обращение якобы было направлено и к старым генштабистам в Гл[авное] упр[авление] Генерального штаба. Проверить эту версию я тогда не мог, но мне кажется она вполне правдоподобной. При данной установке возникновение военной организации, возглавляемой Генштабом, ясно. При этом ясно, что она могла возникнуть отдельными ячейками, которые подчас работали, вероятно, независимо, а затем смыкались»⁴⁸⁴. Вопрос доверия такого рода свидетельствам остается открытым. Известно, что Алексеев отправлял послания своим знакомым в Советскую Россию. Нельзя исключать того, что отправлялись призывы целым штабам и учреждениям. Разумеется, подобными обращениями могли руководствоваться ценившие мнение Алексеева генштабисты.

Как и в Белом движении, в белом подполье тоже не было единства. Московские подпольные организации в 1918 г. разделились в соответствии с ориентацией на Германию (организация генерал-майора С. А. Довгирда) или страны Антанты, а также по партийной принадлежности (эсеры, кадеты, монархисты) и целям борьбы (установление белой диктатуры, созыв Учредительного собрания, восстановление монархии). Созданный лидерами кадетов «Национальный центр», как и командование белых, ориентировался на Антанту. «Правый центр» выступал за возрождение монархии и германскую ориентацию. Политические деятели даже в подпольных организациях занимались составлением отвлеченных проектов будущего устройства России, а подлинная разведывательная работа велась в основном бывшими офицерами.

С весны 1918 г. в Москве действовал «Союз возрождения России», одним из создателей которого был генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Организация была связана с партией меньшевиков. Болдырев руководил центральной военной организацией союза, зарегистрировался в Красной армии, но затем через Украину перебрался в Поволжье и осенью 1918 г. занял пост главнокомандующего антибольшевистскими силами на Востоке России. Летом 1918 г. в Москве Болдырев занимался подбором кадров для органов военного управления антибольшевистскими силами на Востоке России. На встрече с эмиссаром Добровольческой армии генералом Б. И. Казановичем

Болдырев сообщил: «Видите ли, у нас войск настоящих еще нет, а намечены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется восстание, но там происходит какая-то ерунда, и нам нужен человек, который объединил бы все это»⁴⁸⁵. Казанович ответил отказом. В Петрограде военной организацией союза руководили народный социалист В. И. Игнатъев, а также генералы-генштабисты А. И. Верховский и М. Н. Суворов⁴⁸⁶. Работал на белых и генерал С. Н. Розанов, посланный в качестве агента с белого Юга⁴⁸⁷.

Существенную роль в поддержке антибольшевистского подполья играли дипломатические представительства союзных держав в Москве, а также представители союзников на местах. Так, в Казани летом 1918 г. находилась французская военная миссия капитана Борда, которая взаимодействовала с разведкой белых. В Царицыне работал французский консул Шарбо, сотрудничавший с белым подпольем (в частности, с Носовичем)⁴⁸⁸.

Серьезные последствия для красных имел переход к белым в июне 1919 г. командующего 9-й армией бывшего Генерального штаба полковника Н. Д. Всеволодова. Он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны. Его переход к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга», в которой он не без преувеличения написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Фрагменты этой статьи представляют при критическом к ним отношении значительный интерес в рамках рассматриваемой темы. Всеволодов, в частности, писал: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта... вместо нанесения могущественного удара при помощи 9[-й] и 10[-й] армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами»⁴⁸⁹.

Саботажники-генштабисты для красных были куда опаснее в центральных учреждениях и штабах. Так, значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник управления по командному составу ВГШ (июнь — сентябрь 1918 г.) генерал-лейтенант А. П. Архангельский. Как вспоминал генерал А. Н. Нищенков, «он много добра сделал многим офицерам, многих спас буквально от смерти и сам удрал от большевиков, взяв отпуск... Я его и напутствовал, когда он задумал удрать из Москвы от большевиков»⁴⁹⁰. При его реабилитации военно-полевым судом на белом Юге «суд нашел, что генерал-лейтенант Архангельский фактически состоял на службе у большевиков с 25-го октября 1917 года по 15-е сентября

1918 года, занимая должности первоначально начальника Главного штаба (до его расформирования), а затем начальника управления по командному составу армии Всероссийского Главного штаба, причем по его личному признанию он, Архангельский, сделал это не “по добросовестному заблуждению”, а вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного министерства ввиду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы государственного управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства, а впоследствии с мая 1918 года и по лозунгу выдающихся политических деятелей правых партий, возглавлявших военную организацию... суд вполне определенно установил, что он не только никакими личными целями и видами не руководствовался, а, наоборот, рискуя своей головой, вел постоянную тяжелую борьбу с большевиками и их комиссарами, в частности: в Петрограде — с прапорщиком [А. Я.] Семашко и в Москве — с [Л. М.] Караханом, всегда отстаивая интересы генералов и офицеров, и в этом отношении достигал иногда реальных успехов, т. к. ему удалось до своего ухода: 1) сохранить и вывезти в Москву ценные и важные документы Главного штаба, необходимые в будущем — при возрождении надлежавшей русской армии; 2) успел удержать дела пенсионного отделения, предназначавшиеся к передаче в комиссариат социального обеспечения, — при Главном штабе, благодаря чему вопрос о пенсиях и пособиях разрешался по пенсионному уставу достаточно быстро и насколько возможно в пользу офицеров; 3) оказывал услуги Добровольческой армии, давая ей ценные и важные сведения о положении Красной армии; 4) сообщил Добровольческой армии о заключенном немцами с Троцким дополнительном тайном договоре, по которому немцы настаивали на принятии советской властью энергичных мер к решительному подавлению чехословацкого движения, мятежа генерала Алексеева и к удалению союзников с Мурмана и из Архангельска; 5) несмотря на декрет о воспрещении отъезда из Москвы офицеров, добился по просьбе группы офицеров командирования значительного числа их на Уральский фронт (в Пермь), благодаря чему некоторым из них удалось пробраться к чехословакам; 6) делая все для поддержания и отстаивания интересов офицерства, предупреждал тех из них, коим грозила опасность попасть под “чрезвычайку”, и этим путем дал возможность нескольким офицерам избежать ареста и скрыться; 7) пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании и таким образом вообще, не принося большевикам никакой пользы, по возможности тормозил их деятельность, чем и вызвал с их стороны подозрение в саботаже и удаление

от должности, и 8) вообще во всей своей деятельности, будучи по характеристике одного из свидетелей, кристаллически чистым, стремился, насколько был в силах, нести принятый им на себя “тяжелый крест службы у большевиков”, оставаясь верным долгу русского офицера»⁴⁹¹. По одной из оценок, благодаря его стараниям, «большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного ими числа стрелковых дивизий, предполагавшихся к посылке на добровольческий фронт»⁴⁹². В сентябре 1918 г. Архангельский бежал из Советской России на Украину, откуда перебрался к белым.

Архангельский не был одинок в своей борьбе. На белых работал и начальник оперативного управления ВГШ генерал-майор С. А. Кузнецов, который курировал вопросы учета и назначения генштабистов. Именно он весной — летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В. О. Каппеля, Ф. Е. Махина, И. И. Смольникова-Терванда. Кроме того, Кузнецов передавал белым важную документацию, которая проходила через него⁴⁹³.

Крупную фигуру в военно-политической элите Советской России представлял бывший генерал-лейтенант Н. Н. Стогов. 8 мая 1918 г. он стал первым начальником ВГШ — одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Уже в 1918 г. Стогов сотрудничал с объединенной офицерской организацией (военной организацией «Национального центра») — антибольшевистским вооруженным подпольем в Москве⁴⁹⁴. С подпольем был связан и бывший генерал-лейтенант В. И. Селивачев. Начальником штаба организации состоял бывший генерал-лейтенант В. И. Соколов, также находившийся на службе в комиссии по исследованию и использованию опыта войны, что, впрочем, не давало ему особых возможностей для ведения подпольной работы в РККА. Стогов же считался руководителем организации.

Большевики так и не разоблачили бывшего генерала, хотя наречения на него поступали. Так, комиссар ВГШ И. Л. Дзевялтовский докладывал 19 июля 1918 г. в Наркомат по военным делам: «Роль Всероссийского Главного штаба я понимал как руководящую и направляющую деятельностью всех управлений, работа которых направлена на быструю и энергичную организацию Рабоче-крестьянской Красной армии. Но Всероссийский штаб до сих пор плохо выполнял свою роль. Приказы, которые выходили из стен штаба, не заключают ничего иного, как перемещения, назначения, увольнения делопроизводителей, а, казалось бы, они должны были бы явиться тем зеркалом, в котором отразилась бы вся работа, если бы таковая была произведена. До сих пор такое положение объясняется тем,

⁴⁹¹ Так в документе.

что начальник Всероссийского Главного штаба Стогов совершенно не желает считаться с тем, что существует совет штаба, в своей деятельности старается обособиться от комиссаров, сам же не сторонник живой и энергичной работы для Советской республики, в дело создания Красной армии не только не верит, наоборот, считает наши цели иллюзией. На существующий строй смотрит как на временный и высказывается, что большевиков ждет та же участь, что и Керенского. Такую работу я не могу считать честной, и пользы для дела, конечно, не может быть, тем более что за начальником штаба по его примеру следуют в большей или меньшей мере начальники управлений, а за ними и весь низший состав. Получается такое впечатление, что вновь созданные управления напоминают правительственные учреждения в ноябрьские дни, когда саботаж являлся особым родом занятий, такое же приблизительно положение и теперь, только он принял законные формы, явно о нем не говорят и открыто не борются. Чтобы не быть голословным, укажу на конкретные примеры непонимания начальником Всероссийского штаба, несмотря на указания комиссаров, той линии, которая проводится народным комиссариатом, вернее, это не непонимание, а лишь желание затормозить:

- а) Продолжительный и упорный отказ подписать приказ по резолюции тов. Троцкого о переводе причисленных в Генеральный штаб.
- б) Отказ подписать приказ о реорганизации фельдъегерского корпуса, несмотря на резолюцию тов. Мехоношина.
- в) Нежелание внести новый порядок в назначение пенсий.
- г) Поддержка вредных правительству военных агентов за границей и т. д.

Вообще та атмосфера и обстановка, которые создаются начальником штаба, не создадут доверия к Всерос[ийскому Главному] штабу, а тот налет консерватизма и бюрократизма, которые практикуются Стоговым, приведут к тому, что штаб не пойдет впереди, руководя делом, а будет плестись в хвосте. Создание Красной армии несколько не выиграет от присутствия штаба, как можно с уверенностью сказать, что до сих пор штаб не оказывал влияния на Красную армию. Необходимо заменить немедленно начальника Всероссийского штаба человеком свежим, энергичным, желающим честно работать с советской властью, не консерватором и монархистом в военном деле, а понимающим дух революции, отрешившимся вполне от возможности воскрешения старых форм, старых взаимоотношений.

Задача это неотложная. Поэтому прошу народный комиссариат рассмотреть этот доклад в возможно скором времени»⁴⁹⁵.

Стогов находился под подозрением, неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. Вообще в 1918–1919 гг. были арестованы практически все руководители антибольшевистского военного подполья в Москве. По всей

видимости, ВЧК активно использовала для разоблачения подполья провокаторов из бывших офицеров, наблюдала за подозреваемыми. Трудно представить, чтобы в таких условиях белое подполье могло успешно работать.

Один из руководящих работников ВЧК В. Р. Менжинский отмечал, что «связи организации («Национального центра». — А. Г.) в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-]учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглавштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»⁴⁹⁶. Подобную оценку следует считать преувеличенной.

По итогам ликвидации «Национального центра» первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., заявил: «Из документов [Н. Н.] Щепкина, которые мы захватили, известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»⁴⁹⁷. Докладчик отмечал опасность использования подпольем возможностей Красной армии, различных советских структур и даже военной техники в интересах белых. В частности, по данным Павлуновского, подпольщики из «Национального центра» пользовались одной из советских радиостанций для организации связи с белым Югом⁴⁹⁸. Тем не менее связь с Деникиным у московских подпольщиков оставалась неустойчивой.

Каковы были позиции подпольщиков в руководстве РККА? Известно, что среди сотрудников Стогова по ВГШ оказались несколько его единомышленников — противников большевиков. Серьезной фигурой в подполье был 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ, начальник военно-статистического отдела и разведывательной части ВГШ и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший полковник А. В. Станиславский. Фактически через Станиславского руководство разведкой и контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме в связи с наличием параллельных ВГШ структур, находилось в руках противников большевиков. Начальник французской военной миссии в Москве выдал ему свидетельство о том, что Станиславский «честно поддерживал связь с французской миссией, давал сведения по разведке, не считаясь с тем, что мог быть за это арестован»⁴⁹⁹. За эти заслуги генштабист был представлен к награждению офицерским крестом французского ордена Почетного легиона. В сентябре 1918 г. Станиславский бежал на Украину.

В итоге ВГШ приобрел репутацию оплота контрреволюции. Многие генштабисты, работавшие в штабе, прошли через аресты, некоторых расстреляли, в том числе по делу «Национального центра». По-настоящему мощные административные рычаги у подпольщиков имелись в 1918 г., тогда как позднее члены организации, за некоторым исключением, оказались отстранены от важных постов в советском военном руководстве. Летом — осенью 1919 г. чекисты смогли ликвидировать военную организацию «Национального центра», однако генералу Стогову удалось бежать к белым.

По делу Локкарта («Заговор послов») был арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения с принудительными работами выпускник ускоренных курсов военной академии Е. М. Голицын, служивший в РККА⁵⁰⁰.

В московской подпольной организации «Правый центр» в 1918 г. состоял член Высшей аттестационной комиссии РККА бывший генерал-лейтенант Я. К. Цихович⁵⁰¹, служивший в РККА с 1918 по 1920 г., а затем бежавший из Советской России в Польшу⁵⁰². Тот факт, что многие участники подполья смогли избежать репрессий, не свидетельствует в пользу качественной работы советской контрразведки. Достаточно отметить, что, по свидетельству генерала Б. И. Казановича, на заседании «Правого центра» в 1918 г. помимо Циховича присутствовал контр-адмирал А. В. Немитц⁵⁰³, занявший в 1920—1921 гг. ни много, ни мало пост командующего морскими силами Советской России⁵⁰⁴.

Судя по всему, генштабистов, поступивших в РККА по заданию различных антибольшевистских организаций, было существенно больше. Не случайно руководитель военной организации московского «Национального центра» Н. Н. Стогов однажды сказал начальнику артиллерии той же организации А. Е. Флейшеру: «Странно, что все мы — я (то есть Н. Н. Стогов), Архангельский А. П., А. Мочульский, П. П. Лебедев и многие другие (фамилий Н. Н. Стогов не называл) — пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла “Национального центра”) специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А. М. Мочульский, П. П. Лебедев) предались на сторону советской власти...»⁵⁰⁵ Как следствие, борьба с персональным предательством была обозначена на I съезде Особых отделов в декабре 1919 г. как наиболее приоритетное направление деятельности этих органов⁵⁰⁶.

О контактах осторожного П. П. Лебедева с антибольшевистским подпольем в Гражданскую войну действительно упоминали фигуранты дела «Национального центра» еще в 1919 г.⁵⁰⁷ Участник Белого движения на Востоке России, курсовик, полковник А. Г. Ефимов писал военному историку Б. Б. Филимонову 25 сентября 1933 г., что «Красная армия создана фактически старыми офицерами, мечтавшими превратить ее в русскую. Я говорю, конечно, не о шкурниках,

а о тех офицерах, которые не за страх, а за совесть работали по созданию Красной армии и тайно думали с ее помощью уничтожить большевиков. К числу таких принадлежала и большая группа офицеров Ген. штаба во главе с начальником штаба красной Ставки (В[оенно]-рев[олюционн]ый сов[ет]) генер[алом] Лебедевым (Павел Павлович). При политической отсталости нашего народа мечтать о том, чтобы надуть старую, опытную в демагогии партию большевиков, было большой наивностью»⁵⁰⁸. Источник такой уверенности Ефимова остается неизвестным. Много лет спустя после Гражданской войны в эмигрантской газете «Возрождение» в связи со смертью Лебедева была опубликована заметка, где отмечалось, что покойный поддерживал контакты с белыми, в частности, со своим однофамильцем Д. А. Лебедевым, ставшим начальником штаба адмирала А. В. Колчака; утверждалось, что П. П. Лебедев верил в превращение РККА в национальную русскую армию и был причастен к возвращению в Советскую Россию генерала Я. А. Слащова⁵⁰⁹.

Что касается разведывательной работы московского подполья, то ущерб Красной армии от нее оказался невелик. По оценке члена РВСР С. И. Гусева, документы, изъятые у одного из руководителей московского «Национального центра» Н. Н. Щепкина, свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, поскольку добытые материалы в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными⁵¹⁰. Список донесений, поступивших на протяжении 1919 г. из московского «Национального центра» в разведывательное отделение штаба главнокомандующего ВСЮР, отнюдь не впечатляет⁵¹¹. Не способствовало успехам и поразительное непонимание руководителями подполья сущности большевизма. Так, генерал Стогов в своих рассуждениях о красных не шел дальше того, что они были представителями мирового еврейского заговора⁵¹².

На генерала Б. И. Казановича, тайно побывавшего в Москве летом 1918 г., московские подпольные организации произвели впечатление чего-то несерьезного. Генерал А. И. Деникин впоследствии писал, что «Московские центры» поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2 1/2 года

⁵⁰⁸ Т. е. «Правый центр» и «Национальный центр».

борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...»⁵¹³ Деникин имел в виду выпускника академии, бывшего генерала В. И. Селивачева, в августе — сентябре 1919 г. командовавшего группой войск Южного фронта.

Существовало антибольшевистское подполье и на Северо-Западе России. Как отечественные, так и иностранные наблюдатели скептически оценивали его возможности⁵¹⁴. Еще с марта 1918 г. бывший генерал Б. В. Геруа, назначенный начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы, переправлял офицеров в белые войска на Севере России. В подпольной антисоветской организации в Петрограде летом 1918 г. состоял генерал Г. О. Раух. Собственную агентурную сеть в Петрограде создал и бывший начальник петроградского охранного отделения, в прошлом генерал К. И. Глобачев⁵¹⁵. Подпольной деятельностью он занялся по просьбе бывшего генерала В. П. Никольского⁵¹⁶. Агентура Глобачева работала на «Правый центр», кроме того, генерал взаимодействовал с британским разведчиком Сиднеем Рейли.

В 1917—1918 гг. в Петрограде существовала военная организация «Правого центра», штабом которой руководил бывший полковник Б. П. Поляков, а контрразведывательное отделение возглавлял бывший капитан Р. Д. Мергин⁵¹⁷. В 1919 г. во главе подготовки вооруженного выступления в Петрограде, которое должно было начаться при подходе к городу частей Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича, стоял еще один офицер Генштаба, полковник В. Я. Люндеквист. Этот генштабист был мобилизован в РККА в феврале 1919 г., служил на должностях начальника штаба 1-й стрелковой дивизии, временно командующего бригадой 19-й стрелковой дивизии, начальника штаба Петроградской группы 7-й армии, командующего Олонецким фронтом и, наконец, начальника штаба 7-й армии. Первоначально деятельность полковника Люндеквиста в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. В сентябре 1919 г. бывший офицер Генштаба разработал и переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступающей Северо-Западной армией. Однако решения о вооруженном выступлении в Петрограде ни в дни максимального продвижения армии Юденича 20—21 октября 1919 г., ни позднее он так и не принял. Уже в ноябре 1919 г. Люндеквист был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян⁵¹⁸. Имеются данные об антибольшевистской работе в Петрограде в пользу Северо-Западной армии начальника сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота, в прошлом подполковника В. Е. Медиокритского⁵¹⁹.

По нуждающимся в проверке агентурным данным белых, служивший в штабе советского Северного фронта бывший капитан К. А. Умнов «оказал много ценных услуг союзникам и различным тайным организациям»⁵²⁰.

Есть сведения о наличии белой агентуры и в окружении советского главкома И. И. Вацетиса. Так, в разведсводке колчаковской Ставки от 1 марта 1919 г. упоминалось о беседе белого агента с Вацетисом в Полевом штабе РВСР в Серпухове 19 февраля. В ходе разговора агент узнал, что «большевики намереваются повести наступление демонстративное [на] уфимском направлении седьмого марта, а главный удар на пермском направлении двадцать второго марта. Из того же источника усиление красных для нанесения главного удара [на] пермском направлении возможно за счет оренбургского фронта. Агенту полного доверия нет. Эти сведения совпадают с агентурными данными нач[альника] раз[ведывательного] от[деления] Сибирской [армии]»⁵²¹.

Важную роль в организации разведки на советской территории, особенно на начальном этапе Гражданской войны, в 1918 г., сыграла сеть так называемых центров Добровольческой армии — фактически представительств белого командования в крупных городах Юга России и Украины. Центры стали создаваться весной 1918 г. и выполняли множество функций, в том числе занимались пропагандой, вербовкой кадров для белых армий Юга России, организацией снабжения белых армий и разведывательной деятельностью⁵²². Летом 1918 г. территория Украины, Крыма, Северного Кавказа была разделена на районы, подчиненные центрам. Руководителей центров назначал лично генерал М. В. Алексеев. Практически все они были генштабистами. Центры подчинялись одновременно трем инстанциям — военно-политическому отделу Добровольческой армии, осведомительному отделению и штабу армии. Условия работы центров были различными. Если на гетманской Украине они существовали практически открыто, то на советской территории могли действовать только нелегально. Часть центров существовала лишь на бумаге. Ввиду отсутствия постоянной связи с центрами их ежемесячно должен был объезжать офицер Генштаба из штаба армии. По мере расширения территории Юга России, контролировавшейся белыми, центры, оказывавшиеся на этой территории, расформировывались⁵²³.

Бывший депутат Государственной думы В. В. Шульгин в Киеве создал организацию «Азбука», которая в дальнейшем финансировалась Деникиным (руководство организации перебралось в Екатеринодар). Сотрудники организации получили псевдонимы по названиям букв старославянского языка. Помощником начальника организации был Генштаба полковник А. А. фон Лампе, получивший кодовое имя Люди⁵²⁴. Организация занималась пропагандистской деятельностью, содействовала отправке к белым офицеров, а также

вела разведку на советской территории. В ряде случаев кадровый состав центров и «Азбуки» совпадал. Так, киевский центр возглавлял генштабист, полковник В. П. Барцевич, также руководивший местным отделением «Азбуки» (псевдоним Фита).

Выдающимся белым разведчиком был начальник агентурной части разведывательного отделения полковник В. Д. Хартулари. Это был храбрый офицер, в 1918—1919 гг. неоднократно с огромным риском ездивший с белого Юга в командировки на советскую территорию и даже на другие белые фронты через Советскую Россию. В начале осени 1918 и весной 1919 г. Хартулари приезжал в Москву для координации работы белого подполья. Однако судьба этого разведчика оказалась трагичной. ВЧК начала охоту за ним, и в 1920 г. в результате предательства одного из его бывших сотрудников Хартулари попал в руки работников Особого отдела Кавказского фронта, став фигурантом дела «Волк» о раскрытии белогвардейского подполья на Кубани. Поведение Хартулари вызывает уважение. Чекистам не удалось сломить белого разведчика. Хартулари покончил с собой в тюрьме Екатеринодара, оставив предсмертную записку: «Я — полковник Генштаба В. Д. Хартулари. Со мной кончается подпольная деятельность господина Деникина. Организации у меня еще нет, есть несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... Контрреволюция на юге кончилась... Советская власть непобедима»⁵²⁵. Этой запиской разведчик пытался спасти свою агентуру, так как на самом деле организация у него существовала и остался он на советской территории с целью разведывательной работы.

Антибольшевистское подполье в рядах РККА на Украине весной — летом 1919 г. тоже было достаточно мощным. Строительство Красной армии и советских спецслужб здесь существенно отставало от аналогичных процессов на территории РСФСР. Разумеется, это давало более широкие возможности для работы белого подполья.

Белые агенты, работавшие в украинских советских формированиях, были связаны с Киевским центром Добровольческой армии. В это время центром руководил полковник Н. В. Ерарский. Следует признать, что публиковавшиеся в советское время данные о раскрытии организации Ерарского⁵²⁶ не соответствуют действительности, хотя бы потому, что на самом деле руководители организации (полковники Ерарский и Н. З. Неймирок) благополучно попали к белым, тогда как по официальной чекистской версии были расстреляны.

Занимавший пост начальника оперативного отдела, а затем начальника штаба группы войск Сумского направления бывший подполковник А. И. Парв в своем рапорте отметил, что, не имея связи с белыми, сосредоточил свои усилия на срыве операций красных, причем был вынужден действовать наугад. Во многом благодаря дея-

тельности А. И. Парва белые 28 июля взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось доведено до того, что большевикам пришлось оставить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых.

Другой белый подпольщик, подполковник Н. Ф. Соколовский, дослужился у красных до помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. Соколовский преднамеренно составлял невыполнимые расчеты мобилизации в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н. И. Подвойский утверждал расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет»⁵²⁷. О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 000 человек при 65 000 лошадей⁵²⁸. Некомплект же к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 000 человек и 134 000 лошадей⁵²⁹.

Антонов-Овсеенко был информирован о вероятном наличии белой агентуры в украинских советских штабах. Так, еще 23 февраля 1919 г. в Орле он получил записку, в которой отмечалось, что в штабе армий Украинского фронта, возглавляемом бывшим полковником В. П. Глаголевым, не все благополучно. Проверкой занялся Особый отдел, и при обысках были найдены компрометирующие сотрудников штаба документы и погоны⁵³⁰. Впрочем, при чистках чаще страдали невинные люди, в том числе, видимо, хранившие свои офицерские погоны как воспоминание о прежней службе. Весной 1919 г. на фотографии штаба гетмана П. П. Скоропадского был опознан бывший генерал-майор М. В. Басков, занимавший к этому времени должность начальника оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта по рекомендации Глаголева. За эту фотографию Басков был снят с должности, судим и расстрелян⁵³¹, хотя в нашем распоряжении нет данных о его связях с подпольем. Впоследствии история Баскова нашла отражение в образе военспец-изменника Басова в фильме «Адъютант его превосходительства».

Белые агенты пытались максимально оттянуть части красных с деникинского фронта, направив их на запад и юго-запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, при содействии Соколовского красными 30 августа был оставлен Киев, хотя ему не удалось организовать окружение советской группировки.

Оба агента были офицерами Генерального штаба, кавалерами Георгиевского оружия за Первую мировую войну, т. е. храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом. Совокупность этих данных позволяла им успешно вести свою крайне рискованную работу. Наиболее мощным стимулом для работы подпольщиков были личные убеждения. Впрочем, как справедливо отметил в свое время еще В. Г. Бортневский, «светлые страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек...»⁵³²

Сохранились отдельные упоминания и о работе подпольщиков на Восточном фронте. Так, выпускник ускоренных курсов академии полковник Б. Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский), перешедший к белым, сообщал в докладе от 6 июля 1919 г. управляющему делами Совета министров Верховного правителя, что сдал белым без боя города Оса и Воткинск, а в период с 5 марта по 7 апреля 1919 г. активно содействовал «при невозможно тяжелых условиях» разгрому белыми левого фланга 2-й советской армии⁵³³. Кроме того, Ковалевский писал о том, что было сорвано наступление 2-й армии красных 29—30 марта 1919 г. с целью выйти на линию Оханск — Оса — Бирск⁵³⁴. По учетным данным РККА, Ковалевский в 1918 г. был освобожден от службы врачебной комиссией, однако позднее был мобилизован, а весной 1919 г. значился начальником штаба 7-й стрелковой дивизии 2-й армии.

Туркестан стал еще одним регионом, где активно работали белые подпольщики, а также британская разведка. Здесь в 1918 г. возникла Туркестанская военная организация, руководителями которой были генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, бывший помощник туркестанского генерал-губернатора действительный статский советник Е. П. Джунковский, полковник П. Г. Корнилов (родной брат основателя Добровольческой армии генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова), полковник Г. В. Блаватский (выполнял обязанности дежурного генерала штаба организации), бывший комиссар Временного правительства в Ташкенте адвокат А. Д. Арсеньев и инженер П. С. Назаров (он должен был стать премьер-министром и министром финансов в будущем правительстве). В рядах РККА успешно действовал член организации полковник В. В. Фенин.

Организация действовала с лета 1918 г. в Ташкенте, имела отделы в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и подотделы в более мелких пунктах, вела работу по объединению офицеров для организации антибольшевистского восстания в Средней Азии. Агенты организации действовали в частях Красной армии. Кроме того, было много сочувствующих. Штаб организации установил связь с вождями повстанческих отрядов: ханом Джунаидом, главой туркменских пле-

мен, и Адиз-ханом (Азиз-ханом), главой текинских племен. Члены организации были разбиты на шестерки: каждый член организации вербовал еще пятерых, те, в свою очередь, еще пятерых каждый и т. д. Всего в организации состояло около 3000 человек. Однако из-за конспирации точного числа членов не знало даже руководство.

Из-за нехватки оружия и денег организация была вынуждена заключить соглашение с англичанами⁵³⁵, которые издавна преследовали свои интересы в Туркестане. Летом 1918 г. главной задачей британской разведки в Туркестане была борьба с попытками германотурецких сил проникнуть в Афганистан и развязать там религиозную войну⁵³⁶. Кроме того, англичане противодействовали и большевикам как сторонникам германцев. Британская военно-дипломатическая миссия прибыла в Ташкент с разрешения Туркестанского Совнаркома 14 августа 1918 г. из Кашгара. По соглашению с англичанами, организация должна была поднять восстание против советской власти в разных районах Туркестана. По мнению британского разведчика подполковника Ф. М. Бейли, одновременное выступление позволило бы разгромить туркестанских большевиков⁵³⁷. Тем не менее активность подпольщиков не осталась незамеченной Туркестанской ЧК. В результате было арестовано около 50 членов организации, остальным пришлось временно свернуть свою деятельность.

Список генштабистов, участвовавших в деятельности антибольшевистских подпольных организаций, этими данными не исчерпывается. Но разведывательную работу в советском тылу вели не только опытные генштабисты и профессионалы шпионажа и контршпионажа. Такие люди скорее были исключением, а преобладали дилетанты. Тем более что даже костяк белых разведчиков — офицеры старой армии — в абсолютном большинстве не обладали никаким опытом конспиративной деятельности. Но, как справедливо отмечал один из первых исследователей советских спецслужб С. С. Турло, «в эпоху Гражданской войны, когда буржуазия еще надеялась услышать звон кремлевских колоколов, тогда шпионажем занимались все. Занимались и буржуазия, и интеллигенция, и офицерство, и ученые. Занимались шпионажем и офицеры Генштаба, и просто разные командиры. Доходило до того, что люди из “благородного” общества, “хорошо воспитанные” родители в целях этой “священной миссии” благословляли своих детей 15—16 лет на разврат. Здесь было все испытано, чтобы спасти Россию от большевиков»⁵³⁸.

Часть офицеров по традиции воспринимали какую-либо подпольную работу как подлость, что-то нечестное и непорядочное. Характерно высказывание бывшего штабс-капитана М. И. Алафузо, служившего у красных, но желавшего победы белым: «Не скрою, я сочувствую белым, но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У вас в штабе поработал совсем немно-

го, а уже чувствую, что становлюсь патриотом армии. Обидно, что нас все время бьют. Плохо мы воюем... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более — клятве. Ведь придется же мне присягу у вас принимать?! Не изменю. Понимаете — не изменю! Задача офицера, как сказано в наших уставах, защищать родину от врагов внешних и внутренних. И этот долг, если я поступил к вам на службу, я выполняю честно»⁵³⁹. Такой подход резко ограничивал круг белых подпольщиков в офицерской среде.

Белые подпольщики в РККА, как одиночки, так и члены организаций, несмотря на колоссальный риск, оказали немалую помощь белым армиям, способствовали срыву целого ряда операций РККА, сдавали целые города. При этом мы не располагаем какими-либо данными о том, чтобы генштабисты белых армий работали на красных. Это отличие носит принципиальный характер и связано с тем, что идеи большевизма не получили распространения в среде белой военной элиты, а других мотивов такого рода работы быть не могло. Не работали белые генштабисты в своих штабах и на представителей национальных государств, что в свою очередь связано с неприятием белыми национального сепаратизма, противоречившего идее единой и неделимой России.

Но отдельные, даже крупные, успехи белых агентов не переломили ход войны в пользу антибольшевистских сил. Одиночки не могли перебороть систему создававшейся Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. Генерал А. И. Деникин справедливо заметил об успехах белых агентов в РККА, что, «свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий»⁵⁴⁰. В итоге подвиги и смертельный риск, которому подвергали себя белые подпольщики, оказались напрасными.

В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте. К примеру, начальник штаба 13-й армии бывший генерал от инфантерии А. М. Зайончковский в октябре 1919 г. при отступлении красных из Орла приказал своему адъютанту остаться в городе и передал белым кожаный саквояж с оперативной документацией и планами командования 13-й армии. Тем самым Зайончковский предупредил штаб I армейского корпуса Добровольческой армии о высадке и дальнейших действиях советской Ударной группы в составе Латышской стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии червоного казачества. Вполне возможно, это было сделано бывшим генералом с целью продемонстрировать белым свою лояльность и подстраховаться на фоне приближения армий Деникина к Москве. Штаб Корниловской ударной группы по получению оперативных документов противника разработал план действий

по ликвидации возможного глубокого прорыва красных. Однако белое командование по разным причинам (в основном из-за отсутствия резервов) не сумело использовать уникальную возможность разбить противника, пользуясь точными данными о его расположении и намерениях⁵⁴¹. Как впоследствии свидетельствовал генерал А. И. Деникин, «группировка сил противника не была для нас тайной. Но ввиду отсутствия у нас резервов парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей перегруппировкой войск»⁵⁴².

Думается, справедливы слова генерал-майора А. А. фон Лампе, который впоследствии отмечал в своем дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»⁵⁴³.

Помимо заговоров и подпольной работы широкое распространение в РККА получили переходы «лиц Генерального штаба» на сторону противника. Начались они фактически сразу после того, как летом 1918 г. образовались устойчивые антибольшевистские фронты, а привлечение генштабистов в РККА от добровольных методов перешло к добровольно-принудительным и принудительным.

Бывший советский главнокомандующий С. С. Каменев отмечал еще в 1920-е гг.: «В этой же теме (командного состава Красной армии. — А. Г.) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»⁵⁴⁴. К сожалению, этот призыв ни в советское время, ни позднее услышан не был, и проблема старательно замалчивалась.

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно говорил советский вождь В. И. Ленин⁵⁴⁵. Об изменах военспецов многократно упоминал и Л. Д. Троцкий, причем в одном из выступлений конца 1919 г. дал краткий анализ этого явления: «У нас оказалось немало предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага... Приливы и отливы были в этом процессе и у нас, происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, а прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и удачи, наше международное положение»⁵⁴⁶.

Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»⁵⁴⁷. Командующий советским Южным фронтом

А. И. Егоров отмечал, что «наряду с многочисленной группой честно решивших работать в рядах новой революционной армии, связавших свою судьбу с пролетариатом, находилось немалое количество колеблющихся, случайно или под давлением различного рода обстоятельств попавших в армию, стремившихся при первом удобном случае изменить и перейти на сторону белых или же проводивших свою изменническую работу тайно, продолжая оставаться в рядах Красной армии»⁵⁴⁸. Таким образом, этот сюжет нельзя считать надуманным или малозначительным.

В докладной записке по ВГШ, адресованной в августе 1918 г. коллегии наркомов, говорилось о тяжелых последствиях необдуманной политики большевиков в офицерском вопросе: «Проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классово-вой борьбы, а борьбы с профессией, и притом с такой, которая необходима для государства при всяких условиях его жизни.

По всем данным, подтвержденным многочисленными регистрациями офицеров, число их в стране очень велико. Отсюда видно, что призыв[ы] офицеров во враждебные правительству лагеря (прокламации Алексеева и др.) не имели в их среде заметного успеха. Огромная масса офицеров оставалась доньше нейтральной, а не враждебной правительству. Но настоящие исключительные репрессии, не вызванные активным проявлением офицеров, делая их положение безвыходным, не могут не толкать их на открытую вражду, на переход на сторону ведущих борьбу с правительством.

При этом врагами делается лучшая, более энергичная и нравственно чистая часть офицеров. Среди же прочих эти репрессии только разовьют «офицерскую проституцию», то есть показную верность ради шкурных благ с затаенной готовностью проявить истинное настроение при первой возможности. Открыто стоящее ныне офицерство загоняется в подполье со всеми последствиями такого положения вещей»⁵⁴⁹.

Сейчас мы обладаем сравнительно полным документальным материалом, согласно которому дезертиры составляли порядка 35,5% всех военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА в годы Гражданской войны (в расчет приняты те генштабисты, которые бежали из Красной армии, — 561 человек)⁵⁵⁰. Переходы на разных фронтах и в различные временные периоды имели свои особенности. Говоря о причинах переходов генштабистов из лагеря в лагерь, следует обратить внимание на характер Гражданской войны, в ходе которой по другую сторону фронта оказался не внешний противник, а свои соотечественники, такие же русские офицеры, часто бывшие сослуживцы, однокашники по академии или училищу, друзья, а иногда даже родные братья, отцы и дети. Такой «домашний» характер противостояния и предопределил закономерность переходов через линию фронта.

Долгое время в 1918 г. многие генштабисты в Советской России не верили, что их против желания будут направлять на внутренний фронт вместо борьбы с германским наступлением (наличие внешней угрозы являлось важным объединяющим фактором); когда же это произошло, начались измены. Однако противники вовлечения военспецов в Гражданскую войну были не только в среде их самих, но и среди большевиков. Вовсе не случайно один из представителей новой власти писал в газете «Правда» в конце 1918 г., что «послать какого-нибудь генерала вести войну против однокашника генерала [П.Н.] Краснова — это все равно, что поставить охранять овец от бурого медведя серого волка, и, пожалуй, хуже, ибо медведь — волку в некоторой степени враг, чего нельзя сказать в отношении одного контрреволюционера к другому»⁵⁵¹. Это высказывание вполне перекликается с недоумением бывшего генерала Н. Н. Стогова в отношении другого бывшего генерала А. Е. Снесарева: «Как же это вы будете воевать против Петра Харитоновича[?]»⁵⁵². Имелся в виду один из лидеров донской контрреволюции, однокашник Снесарева по академии генерал П. Х. Попов. Тем не менее воевать стали, причем начавшееся противоборство для генштабистов иногда приобретало характер личного соперничества — кто из бывших «академиков» кого переиграет.

Пересечение линии фронта не могло быть простым делом. Человеку легче оставаться на одном месте, и только при крайних обстоятельствах он способен отправиться в неизвестность. Тем более когда речь идет о национальной катастрофе и легко можно не только лишиться единственного источника пропитания, каким являлась служба, но потерять в случае провала саму жизнь. Однако и в этих условиях офицеры Генерального штаба расставались со службой и, рискуя жизнью, переходили через линию фронта к белым. С учетом неприятия в их среде идей большевизма такие переходы были неизбежны, что признавали сами большевистские лидеры.

По воспоминаниям подполковника И. С. Ильина, летом 1918 г. в Самаре, «направляясь в штаб, я увидел идущего мне навстречу высокого военного в потрепанной солдатской шинели без погон. Остановил меня — спросил, где штаб. Оказывается, это ген. [С. Н.] Розанов, только что перешедший линию фронта. Пока мы шли в штаб, он рассказывал свою эпопею. Он командовал в Пензе полком. Во время войны был нач[альником] штаба дивизии, а потом корпуса. Когда началась революция, пробрался в Пензу, там скрывался, а затем, узнав о восстании чехов, стал пробираться к белым...»⁵⁵³

Вождь Красной армии Л. Д. Троцкий в своей программной статье «Военные специалисты и Красная армия» в конце 1918 — начале 1919 г. писал: «Если англо-французский империализм окажется в силах беспрепятственно двинуть против нас могущественную армию, в таких условиях, при которых наши непосредственные поражения

покажутся очевидными “замиренным” пролетариатом общественным кругам, из этих последних начнется дезертирство в лагерь наших политических врагов. Дезертирство это будет тем шире и опаснее для нас, чем менее выгодно будет для нас соотношение военных сил и чем менее благоприятна вся мировая обстановка... когда царизму пришлось туго, “царские генералы” изменили ему, заняв по отношению к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу... Если специалисты изменили тому классу, в духе которого они воспитывались, когда этот класс оказался явно и бесспорно слабее своего противника, не может быть никакого сомнения в том, что те же специалисты несравненно легче изменят пролетариату, когда он окажется слабее своего смертельного врага. Но *сегодня этого нет, и у нас есть слишком много оснований думать, что этого не будет*. Чем лучше, шире и полнее мы используем специалистов сейчас, когда они вынуждены нам служить, чем лучше мы построим, при их содействии, наши красные полки, тем меньше будет возможности у англо-французов наступать на нас и вводить наших специалистов во искушение»⁵⁵⁴.

Мотивация переходов в разные периоды Гражданской войны различалась. На начальном этапе некоторые генштабисты оказались в рядах РККА случайно, только в силу захвата центра страны большевиками, вследствие добровольно-принудительной регистрации или же из патриотических позиций — в стремлении бороться с немецким нашествием. Мало кто хотел воевать против своих однокашников и друзей по прежней службе, разве что часть молодежи, окончившей ускоренные курсы и стремившейся закрепить свое положение в Генеральном штабе. После того как стороны разгоравшегося конфликта летом 1918 г. кристаллизовались, многие офицеры решили переменить свой выбор. В обстановке 1918 г., когда РККА и советские карательные органы еще только создавались, пересечь линию фронта было проще, чем в кампанию 1919 г.

Случаи переходов уже с несколько иной мотивацией зафиксированы и в 1919—1920 гг. В 1919 г. на первый план выходят конъюнктурные соображения (в связи с победами А. И. Деникина), а также стремление избежать репрессий в результате участия в антисоветском подполье (например, бегство генерала Н. Н. Стогова). Кроме того, сужение кольца фронтов вокруг Советской России в некоторой степени облегчало переход, поскольку не надо было далеко уезжать и риск разоблачения уменьшался. В годы внутренней войны были возможны различные перемещения генштабистов из одного лагеря в другой. Больше всего этот процесс напоминает движение молекул.

Измены бывших офицеров-генштабистов таили в себе куда большую опасность в сравнении с изменами обычных военспецов или с солдатским дезертирством. К белым уходили командующие

армиями, работники фронтовых, армейских и дивизионных штабов, сотрудники центральных управлений. Все эти люди по своему статусу имели доступ к совершенно секретной информации стратегического значения. Кроме того, «лица Генштаба» как квалифицированные специалисты в области военной администрации, обычно находившиеся на ответственных постах, могли передать противнику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар. Такие случаи действительно имели место, иногда они приводили даже к крупным неудачам на фронте, но эффективных способов борьбы с ними красные так и не нашли. Уже упоминалось о том, что летом 1918 г. бывший подполковник Ф. Е. Махин фактически сдал чехам Уфу. И этот пример не единичен. Осенью 1918 г. бежал к белым с важными оперативными документами и помощник командующего советским Южным фронтом бывший полковник А. Л. Носович. Эти ситуации были возможны и в 1919 г. В частности, серьезные последствия имел переход к белым командующего 9-й армией бывшего полковника Н. Д. Всеволодова. Наряду с командармами Ф. Е. Махиным, Б. П. Богословским и Н. А. Ждановым, он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны.

Изменники выдавали белым ответственных советских работников. К примеру, оказавшийся в 1919 г. у белых бывший военный руководитель Одесского военного округа генерал-лейтенант К. К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду ВСЮР персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов совета, Нейдомковский, был белыми расстрелян⁵⁵⁵. Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. был захвачен красными в Сухуме. Военной коллегией Верховного трибунала 3 января 1922 г. Литовцев был приговорен к расстрелу, однако приговор был смягчен и уже в ноябре того же года бывшего перебежчика освободили.

Некоторые переходы вели к гибели недавних сослуживцев изменника. Бывший подполковник А. А. Лауриц в 1918—1919 гг. служил в Красной армии заведующим 2-м отделением и заведующим отделом подготовки войск административного управления штаба Орловского военного округа, начальником штаба Орловского укрепленного района⁵⁵⁶, состоял в распоряжении начальника штаба 13-й советской армии и в должности начальника штаба 55-й стрелковой дивизии. В ночь на 11 октября 1919 г., в период максимальных успехов Деникина на пути к Москве, Лауриц, отправившись со взводом красноармейцев на разведку, перешел к белым⁵⁵⁷. Генштабист обладал важнейшими данными о положении частей РККА в районе Орла и изложил их белому командованию.

В результате его бегства в районе станции Золотарево Мценского уезда, восточнее Орла, был захвачен штаб 55-й дивизии с временно исполнявшим должность ее начальника бывшим генерал-майором, георгиевским кавалером А. В. Станкевичем, ранее — помощником командующего 13-й советской армией. Интересно, что брат пленного начдива, генерал-лейтенант В. В. Станкевич, служил у Деникина, но умер от тифа в феврале 1919 г. Высокопоставленный пленник отказался служить белым и был 12 октября повешен на глазах у дочери, причем сам надел на себя петлю⁵⁵⁸. По некоторым свидетельствам, после казни на теле Станкевича белые выжгли пятиконечную звезду⁵⁵⁹. Посмертно Станкевич был награжден орденом Красного Знамени, по постановлению РВСР его тело в ноябре 1919 г. перезахоронили с воинскими почестями в братской могиле у Кремлевской стены. Лауриц же благополучно служил у белых, получил чин полковника, а эмигрировав, поступил на службу в эстонскую армию⁵⁶⁰.

К спорным случаям относится переход или пленение бывшего генерал-майора Д. А. Мельникова. Он перешел на сторону белых (попал в плен) в конце 1919 г. в ходе рейда IV Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова (Мамонтова) по тылам Южного фронта РСФСР, будучи начальником 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта. В начале сентября Мельников получил назначение на должность начальника штаба Тульской добровольческой пешей дивизии, а затем был назначен начальником штаба конной группы⁵⁶¹. По одной из версий, столь стремительный карьерный рост генерала в армии своих недавних противников обусловлен какими-то заслугами Мельникова перед белыми. Однако более реальной кажется версия о недостатке у Мамантова опытных генштабистов, к тому же Мельников как специалист по военным сообщениям, прекрасно знавший обстановку в красном тылу, был в этом отношении для казаков весьма ценным приобретением⁵⁶².

Генштабист С. Д. Харламов на допросе по делу «Весна» в марте 1931 г. дал показания против тогда уже давно расстрелянного С. А. Кузнецова, а также отметил, что «из назначенных на фронты многие довольно быстро умудрялись “попадать в плен”». Из таких могу отметить: Нечволодов Александр Семенович — удрал с Южн[ого] фронта.

[А. Л.] Носович, [А. Н.] Ковалевский⁵⁶³ — оба с Южного фронта.

Борисов Вячеслав Евстафьевич — с Южного.

Карлсон Карл Карлович при отходе от Риги.

Позже дезертировали:

Лебедев Дмитрий Капитонович — в Эстонию⁵⁶⁴

Цихович Януарий Казимирович в Польшу

Бардинский Иван Алексеевич в Польшу (не проверено)⁵⁶⁵.

Важной особенностью многих переходов через линию фронта являлся их индивидуальный характер. Эта особенность столь решительного, связанного с риском для жизни поступка почти всегда предполагает наличие умысла, т. е. осознанность решения, достаточно сильную мотивацию и персональную ответственность перебежчика.

Еще одной причиной бегства генштабистов из Красной армии были семейные обстоятельства. По этой причине 28 сентября 1918 г. неожиданно сбежал к белым инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И. Г. Пехливанов⁵⁶⁶. Находясь в Луге, Пехливанов набросал карандашом рапорт Военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военсовету»⁵⁶⁷.

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы об аресте Пехливанова и предании его суду, такой документ был составлен к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать свою семью в Крым. Мотивы оставления прощального рапорта неизвестны.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л. М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного участка Генштаба Иордан Георгиевич Пехливанов рапортом от 28/15 сентября, за номером 404, сообщил Военному совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки Пехливанов бежал в направлении Крыма. Приметы его[:]: высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. Пехливанов родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию^{**} его военно-революционному суду»⁵⁶⁸.

Спустя много лет после Гражданской войны, в феврале 1932 г., о бегстве Пехливанова кратко упомянул в своем донесении органам госбезопасности о бывших офицерах Генштаба секретный сотрудник

* Подчеркнуто в документе читателями.

** В документе ошибочно: *предания*.

ОГПУ Г. И. Теодори: «Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления Сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, [И. Д.] Чинтулов и [А. И.] Верховской — [Ф. И.] Балабин и [В. И.] Шишкин»⁵⁶⁹. Это донесение содержит сведения о тех слухах, которые циркулировали в кругах военспецов в период Гражданской войны и перемежались с официальной информацией. Но вполне возможно, что упомянутые Теодори военспецы действительно помогли Пехливанову бежать.

Пехливанов оказался единственным высокопоставленным перебежчиком из Красной армии, чью семью было предписано арестовать в соответствии с распоряжениями об ответственности членов семей перебежчиков⁵⁷⁰. Однако семья Иордана Георгиевича находилась вне досягаемости советских органов госбезопасности, и приказ этот остался невыполненным.

Троцкий призывал армейское командование решить проблему переходов на сторону противника из-за места проживания семьи. Летом 1919 г. в связи с переходом к противнику военспецов под Харьковом он писал: «Когда Харьков оказался захваченным, эти “специалисты” предпочли остаться при своих семьях. Многие из них в своем политическом невежестве думали, вероятно, что сдача Харькова означает крушение советской власти, ибо среди старого офицерства немало политически невежественных простаков, которые воображают, что Деникин может задержать ход революции... Конечно, эти командиры, мечущиеся из одного лагеря в другой или просто боящиеся оторваться от своих семейств, представляют собою не лучший человеческий материал. Насколько же предусмотрительно ставить их в такое положение, когда место жительства их собственной семьи склоняет их к тому, чтобы перейти в лагерь противника. На ком здесь вина? — На военной советской организации»⁵⁷¹.

Не всегда переходы были преднамеренными, некоторые происходили в силу обстоятельств. Например, курсовик С. И. Костров, учившийся в Военной академии, получив разрешение, выехал весной 1918 г. в Оренбург, чтобы навестить мать, которую давно не видел, однако в связи с блокадой города восставшими казаками ему пришлось там остаться⁵⁷². Впрочем, при сильном желании возможность эвакуироваться с красными отрядами у Кострова была, однако, опасаясь репрессий, он предпочел скрываться до освобождения города казаками. В дальнейшем Костров сделал неплохую карьеру у белых, дослужившись до полковника, исполняющего должность начальника оперативного отделения штаба Отдельной Оренбургской армии и обер-квартирмейстера штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Вообще же сознательные переходы от попадания в плен нередко отделяет довольно тонкая грань, в связи с чем иногда сложно опреде-

лить, с каким именно из этих явлений мы сталкиваемся. Например, заместитель Троцкого Э. М. Склянский разыскивал военного руководителя Приволжского военного округа В. В. фон Нотбека, который, по нашим данным, остался в Самаре при занятии ее чехами. Однако в ответ на запрос Склянскому в августе 1918 г. сообщалось, что Нотбек не сам остался в городе, а был задержан там чехами⁵⁷³.

События в Самаре следует рассмотреть подробнее, поскольку в данном случае идет речь о коллективном переходе на сторону противника штаба Приволжского военного округа. В городе размещался штаб бывшей 1-й армии Северного фронта, переформировывавшийся в штаб Приволжского военного округа. Настроения работников штаба выразил в своих мемуарах бывший полковник П. П. Петров. По его словам, «все мы тогда плохо знали или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что в интересах русского дела надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат. Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁵⁷⁴ Петрову вторил в своих показаниях на следствии по делу «Весна» в январе 1931 г. С. Г. Лукирский⁵⁷⁵. Итак, бывшие генштабисты с приходом к власти большевиков решили удерживать в своих руках аппарат управления старой русской армией для возобновления в будущем борьбы с германцами, но при этом старались избегать вовлечения в Гражданскую войну.

В штабе формировавшегося Приволжского военного округа служили десять генштабистов: военный руководитель В. В. фон Нотбек, его помощник и начальник штаба округа Н. В. Пневский, начальники управлений К. Ю. Берендс, П. П. Петров и А. И. Крюгер⁵⁷⁶. Также там служили Г. К. Акинтьевский (начальник отдела), Л. А. Текелин (начальник отдела), М. Я. Саввич (делопроизводитель), Н. М. Щербаков (начальник отдела) и И. М. Финицкий (делопроизводитель)⁵⁷⁷. По свидетельству П. П. Петрова, к работникам штаба в конце мая присоединился и будущий белый генерал В. О. Каппель. В целом штаб округа (бывший штаб 1-й армии) представлял собой устоявшийся коллектив работников, костяк которого служил вместе уже более полугодя⁵⁷⁸. Соответственно, и решение о присоединении к той или иной стороне Гражданской войны в такой сформировавшейся группе работников могло приниматься коллективно.

Н. И. Подвойский вспоминал о своей встрече с работниками штаба округа: «Был случай в Самаре, когда я приехал, положение на фронте было самое трагическое, казалось, там есть большой аппарат, военно-окружной комиссариат — 350 человек государственных людей с большими именами, Пневский, Руднев и другие. Я сказал: вам придется взять на себя руководство обороной. — Как руководство обороной, это внутренняя борьба. Я говорю, внутренняя или внешняя — это определяет государственная власть, а в настоящий

момент вы — те государственные силы военные, которые могут способствовать государству, чтобы никакие мятежи, никакие потрясения государственного организма не происходили в Самаре. Завтра благоволите разработать план.

Первый раз в жизни мне пришлось слышать от умного человека и от людей, проработавших чуть не 40 лет, как Пневский, прошедший все стажы, чтобы он сказал такую нелепость: «Но нас приглашали заниматься административной работой». Это человек, которого учили, начиная от кадетского корпуса и военного училища, что ты — государственный человек, государственная точка зрения никаких рассуждений не допускает, если тебе правительство и твое непосредственное начальство приказывает, ты не имеешь права рассуждать. Деморализация прошла так глубоко, что позволила продиктовать такую реплику»⁵⁷⁹. На самом деле причина была не в деморализации старых опытных генштабистов, а в их наивной вере в то, что можно будет избежать втягивания в Гражданскую войну. Однако рано или поздно им пришлось делать свой выбор.

Петров писал, что симпатии штабных работников были на стороне антибольшевистских сил, однако о последних мало что было известно. Более того, основным условием своего сотрудничества с советской властью генштабисты выдвинули непривлечение их на внутренний фронт. 8 июня 1918 г. Самара была занята чехословаками, и здесь началось формирование Народной армии Комуча. Значительная часть персонала штаба (офицеры, чиновники, телеграфисты, писаря, хозяйственная часть) перешла на сторону антибольшевиков. По некоторым данным, указание штабу округа остаться в Самаре было дано Подвойским⁵⁸⁰. С другой стороны, Петров отмечал, что перед приходом чехов часть штаба была отправлена в Симбирск⁵⁸¹. Это же подтверждает и официальная история Приволжского военного округа, в которой указано, что эвакуация производилась по приказу Подвойского. Часть сотрудников с комиссаром А. Ф. Долгушиным (в прошлом — матросом, членом Центрального комитета Балтийского флота) добралась до Симбирска и далее должна была выехать в Казань, куда предполагалось передислоцировать штаб округа, другая группа с комиссаром А. Н. Войтовым (в прошлом — председателем армейского комитета 1-й армии, штаб которой был преобразован в штаб округа) ушла в Саратов и далее выехала в Москву. В составе этой группы был и начальник штаба округа Пневский⁵⁸². Есть данные о том, что уже после захвата штаба противником комиссар Войтов и военрук Нотбек издали секретный приказ о том, чтобы служащие поодиночке ехали в Симбирск⁵⁸³.

Из одиннадцати генштабистов к белым перешли восемь: фон Нотбек, Петров, Каппель, Акинтьевский, Щербаков, Текелин, Саввич и Финицкий. К перебежчикам не присоединились Пневский, Крюгер и Берендс. У неприсоединившихся были свои причины. Начальник

штаба округа бывший генерал Пневский остался с большевиками, так как не верил в успех антибольшевистского сопротивления, и уехал в сторону Саратова, несмотря на то, что группа перешедших на сторону антибольшевистских сил работников штаба уговаривала его присоединиться к ним⁵⁸⁴. Подобное решение в той обстановке потребовало с его стороны больше мужества, чем присоединение к остальным. Возможно, он попал под влияние комиссара Войтова.

Бывший генерал Крюгер был уже в немолодом возрасте и тяжело болел, осенью 1918 г. он считался совершенно не пригодным к строевой службе⁵⁸⁵. Вероятно, по этим причинам летом 1918 г. он избежал перехода к противнику. Бывший подполковник Берендс не перешел вместе с остальными только по случайному стечению обстоятельств, что видно из его письма генштабисту А. С. Белому от 21 июня 1918 г.: «Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне все, что Вы знаете о судьбе штаба Приволжского в[оенного] о[круга], которая мне, несмотря на все старания, до сих пор неизвестна и крайне тревожит.

Я из числа многих командированных из штаба, 1-го июня выехал в Вологду, чтобы перевезти свою семью в Самару.

За мое отсутствие произошли известные Вам события, которые не позволяют до сих пор присоединиться к штабу, ни получить о нем ни от кого никаких известий.

Я считаю необходимым поставить в известность ГУГШ о своем местопребывании и своем выжидании момента, когда я смогу явиться в свой штаб, но, не имея точных сведений о его судьбе, этого пока сделать не могу.

Если будет признано правильным мое решение выжидать, то прошу это санкционировать, в противном случае прошу соответствующих указаний. Быть может, необходимо прибыть лично за указаниями в Москву; в последнем случае укажите, куда я должен прибыть. Неопределенность и неизвестность положения меня тревожит, тем более что я не имею права считать себя свободным, занимая должность начальника мобилизационного управления штаба окр[уга]. Без работы сидеть я не привык и потому счел необходимым Вас просить оказать мне любезность ответить на мои вопросы в этом письме...»⁵⁸⁶ Таким образом, Берендс попросту в Самаре отсутствовал и не имел возможности выбрать, к кому присоединиться.

Нельзя не признать самарские события крайне благоприятными для основной массы штабных работников, которым фактически не пришлось ничего предпринимать, чтобы оказаться в антибольшевистском лагере (они даже продолжили работу в том же здании, лишь переменяв вывеску), где, если верить мемуарам Петрова, они и хотели оказаться. В то же время те немногие генштабисты, которые по идейным причинам не хотели переходить к противникам больше-

виков, смогли избежать этого. Интересно, что Текелин и Финицкий в конце Гражданской войны вновь попали в РККА.

Можно привести другие примеры коллективных переходов генштабистов от красных к белым. В первую очередь, это история с переходом практически в полном составе в июле — августе 1918 г. к белым на Восточном фронте (Екатеринбург и Казань) академии Генерального штаба⁵⁸⁷.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И. Т. Смирге с копией начальнику академии А. И. Андогскому: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил Революционному военному совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство*, дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого, и стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени»⁵⁸⁸. Грозную телеграмму воспроизвели в приказе по академии 21 июля.

Угрозы Троцкого оказались бесполезны, и белые за несколько дней приобрели сразу свыше двухсот специалистов Генерального штаба. Слушатели академии в этих событиях сыграли отнюдь не последнюю роль. В Екатеринбурге, где располагалась академия, существовало антибольшевистское подполье, в которое входила и группа офицеров академии во главе с бывшим подполковником К. Ю. Румшей. Несколько слушателей академии (Н. Н. Ахвердов, Л. К. Гершельман, Н. А. Деллинггаузен, Д. А. Малиновский и Г. В. Ярцев⁵⁸⁹) даже планировали освобождение царской семьи из дома Ипатьева, но ничего предпринять не смогли. 21 июля отряд Румши ушел из города на соединение с чехами.

В результате перехода академии на сторону антибольшевистских сил противники красных существенно укрепили свои кадры Генштаба. Помимо профессорско-преподавательского состава к белым попали и многочисленные слушатели. Всего в антибольшевистских

формированиях на Востоке России оказались не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди. В РККА из слушателей старшего класса остались к осени 1918 г. не менее 28 человек⁵⁹⁰, причем среди оставшихся по причине болезней, отпусков, командировок или арестов были противники большевиков и даже белый подпольщик К. Н. Староскольский, позднее также перешедший к белым. Не менее четырех слушателей уже в 1918 г. попали в национальные армии (в том числе уехав в отпуски). Два слушателя погибли на Урале летом 1918 г. Местопребывание еще семи летом — осенью 1918 г. предстоит уточнить. Таким образом, 80,6 % слушателей перешли к противникам большевиков на Востоке России и лишь 13,3 % остались в РККА. Кроме них, в разных местах на сторону антибольшевистских сил перешли 80 слушателей младшего ускоренного курса, 12 остались в РККА, 16 находились в отпусках, и данные еще о семи неизвестны⁵⁹¹. Следовательно, 69,6 % слушателей младшего курса попали в антибольшевистский лагерь и только 10,4 % остались в РККА.

Непродуманностью и неосторожностью была продиктована командировка группы из выпускников курсов 2-й и 3-й очереди академии в первой половине 1918 г. по распоряжению ГУГШ на Кавказ. Скорее всего, в связи с возвращением на Кавказский фронт, где они служили до академии⁵⁹², в регион были командированы среди прочих и местные уроженцы — казаки и представители кавказских народов⁵⁹³. Возможно, к отправке выпускников академии на Кавказ был причастен генерал-майор Я. Г. Багратуни. Как удалось установить, «от ноября 1917 до февраля 1918 г. Багратуни, будучи в Петрограде армянским военным комиссаром, перевел с Западного фронта и из России до 40 тыс. армян-воинов на Кавказ. Его коменданты имелись в Харькове, Ростове и других местах»⁵⁹⁴. Ничего удивительного нет в том, что вскоре связь с этими офицерами прервалась, а позднее их следы обнаруживаются в белом лагере. Другие известные случаи командировок на Кавказ также вели к побегам.

Иногда из Красной армии «исчезали» целые штабы. Так, 27 августа 1918 г. бесследно исчезла группа военспецов, прибывших в Пермь из Москвы на укомплектование формирующейся дивизии: начальник штаба Пермской дивизии генштабист А. А. Сандецкий, его помощник Н. П. Альбокринов, командир 5-го Пермского полка Н. Н. Трухин, а также В. С. Александровский, В. А. Бек, А. Н. Быков, П. Е. де-Бур и К. В. Паас⁵⁹⁵.

По всей видимости, еще один групповой побег был совершен генштабистами, находившимися в 1919 г. на госпитальном лечении в Петрограде (Н. Н. Долинский, Н. И. Дроздовский, П. П. Каньшин, М. Н. Суворов)⁵⁹⁶. К сожалению, подробности этого перехода неизвестны, неизвестно и то, находились ли без вести пропавшие в одном госпитале или же в разных. Во всяком случае, двое из них (Дроздов-

* Так в документе.

ский и Суворов) после исчезновения оказались у белых, данных же о том, куда попали остальные, пока нет.

При эвакуации Екатеринослава 22 июня 1919 г. в городе осталась почти весь полевой штаб 14-й армии, включая трех выпускников и слушателей академии: начальника штаба С. И. Шкляр-Олексюка, начальника оперативного отдела А. Н. Ягоду и состоявшего для поручений при командарме К. Е. Ворошилове Б. Ф. Черниговского-Сокола⁵⁹⁷. Кроме них, остались состоявший для поручений при начальнике штаба, начальник административного отдела, начальники организационного и оперативного отделений, помощник начальника разведывательного отделения, переводчики, лица, состоявшие в резерве комсостава, делопроизводители и даже уборщики. Показателем довольно жесткой для красных ситуации с кадрами было то, что заменивший Шкляр-Олексюка К. Ф. Монигетти также вскоре перешел к белым при оставлении Киева⁵⁹⁸.

Массовые переходы генштабистов к белым происходили и при вступлении денкинцев в Киев, когда многим казалось, что победа белых уже предрешена. Киев был крупным центром и пятым по состоянию на 1914 г. городом Российской империи по численности населения (более полумиллиона жителей). Поскольку это был и крупный военный центр бывшей империи, здесь проживало множество офицеров. Большой город давал возможность укрыться в нем тем, кто не рисковал переходить через линию фронта. Оставаясь в крупном городе после ухода красных, можно было добиться того эффекта, что не перебежчик под пулями переходил линию фронта, а сама линия фронта переходила через такого человека. Этот вариант давал возможность беспрепятственно перевести через линию фронта и членов семьи. Так и случилось, когда 18 (31) августа 1919 г. денкинцы заняли город.

Предыстория событий была следующей. Летом 1919 г. Вооруженные силы на Юге России под командованием генерала А. И. Деникина неудержимо рвались к Москве. Под ударами добровольцев и казаков пали Харьков, Екатеринослав, Царицын, Камышин, Полтава. Советские тылы успешно громил конный корпус генерала К. К. Мамантова. Казалось бы, власти большевиков скоро наступит неминуемый конец. Такие взгляды разделяли тогда многие, не включая членов большевистской партии⁵⁹⁹. Не могли их не разделять и бывшие офицеры, находившиеся на советской территории, а подчас и на советской военной службе. Неудивительно, что наиболее выигранным решением многим из них при сложившихся обстоятельствах казалось вскочить в уходящий поезд, присоединившись к белым накануне их триумфа. Это позволило бы избежать ответственности за службу красным и уклонение от участия в борьбе с большевиками.

Разумеется, помимо тех, кто переходил к белым по конъюнктурным соображениям в связи с их победами, были и те, кто стремился к ним вполне искренне, но по каким-то причинам не мог сделать этого раньше. Именно таких людей описал очевидец: «В надежде на уход большевиков офицерство бежало в Киев из Москвы, из Петрограда, из Могилева, из Чернигова, из Казани. Ожидая прихода добровольцев, люди прятались в лесах, в погребах, на чердаках, в стогах сена; один прапорщик около суток провел в канализационной трубе; какой-то капитан прожил около недели в купальнях; шесть человек приехали в лодке и скрывались в камышах»⁶⁰⁰.

3 (16) сентября 1919 г. главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н. Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»⁶⁰¹. Как отмечал генерал В. Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горело желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу, и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»⁶⁰².

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлось... На другой день мне удалось наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить, кроме того, свое *curriculum vitae*^{*} от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — военную судебно-следственную комиссию. Эта

* Досл: ход жизни (лат.); автобиография.

комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, поколебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными, — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»⁶⁰³

Массовость перехода на сторону белых бывших офицеров в Киеве была действительно поразительной, однако нас интересует лишь небольшая, но наиболее квалифицированная часть перешедших — офицеры-генштабисты. Таковых было около трех десятков человек. И хотя далеко не все попавшие к белым ранее служили в РККА, но в обязательном порядке все они проверялись судебно-следственной комиссией на предмет причастности к службе большевикам⁶⁰⁴. Тогда проверочным комиссиям пришлось немало потрудиться. Для захваченных в Киеве офицеров была разработана специальная анкета, в которой помимо прочего имелись следующие острые вопросы: почему не уехали в Добровольческую армию, чем занимались при петлюровской Директории, есть ли родственники в Добровольческой армии и в Красной⁶⁰⁵.

Перебежчикам приходилось оправдываться. Причисленный к Генштабу капитан А. М. Кныш 1 (14) сентября 1919 г. писал в рапорте начальнику Полтавского отряда о том, что у красных не служил: «Представляя при сем переименованные ниже документы, свидетельствующие о непричастности моей к службе в армии большевиков, как непосредственно после окончания мною старшего класса Николаевской воен[ной] академии в марте 1918 года, так и во время моего пребывания (вследствие болезни легких) в городе Киеве в настоящем году, прошу о прикомандировании меня к штабу вверенного Вам отряда для несения службы, впредь до назначения на штатную должность»⁶⁰⁶.

Работа следственной комиссии под председательством полковника Поповиченко была организована следующим образом. Офице-

рам, врачам и военным чиновникам выдавались карточки, согласно которым они должны были являться по 100 человек ежедневно в следственную комиссию. Комиссия начинала работать с 9 утра 26 августа (8 сентября) 1919 г. по улице Левашевской, 26⁶⁰⁷. Ранее комиссия располагалась по другому адресу. Один из прошедших через комиссию офицеров вспоминал: «Во дворе толпилось около ста офицеров. Тут можно было видеть все возрасты, чины и ордена... Я записался. Мой номер был не то 60-й, не то 70-й.

На всякий случай я стал поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватил, я протискался к двери, на которой висел список...

Допрос продолжался минут 10—15. Во дворе на “очистившихся от большевизма” набрасывались с вопросами: как и что? Но те только махали руками и поскорее уходили. Все томились...

— Зачем эта реабилитация? — спрашивал кого-то капитан с густыми, рыжими усами и с инженерским значком, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10 000 офицеров. Если на каждого из них комиссия потратит 5 минут только, то это займет больше месяца...

В этот день я прождал во дворе с 9 часов до трех; за это время комиссия отпустила около 40 человек. В три часа председатель заявил, что занятия кончены. Все пошли по домам. Было пыльно, жарко...»⁶⁰⁸ Мемуарист не смог предстать перед комиссией и на следующий день, когда «перед дверью была страшная давка»⁶⁰⁹. Не удалось это и в следующие дни. Проходившие реабилитацию считали ее лишь потерей времени, тогда как у белых явно не доставало войск, а в период реабилитации белое командование не могло использовать оказавшихся в его распоряжении многочисленных офицеров⁶¹⁰. В конце концов автор мемуаров все же попал на прием, однако его дело, как служившего у красных, было отправлено в контрразведку, где после новых мытарств с офицера взяли подписку о невыезде, а дело передали в военную судебно-следственную комиссию, потребовав от мемуариста привести двух свидетелей, после чего решение комиссии было утверждено комендантом города, и эпопея с реабилитацией наконец завершилась, заняв почти два месяца.

Настоящей «притчей во языцех» стала история одного генштабиста, опубликованная в газете «Киевлянин». Этот офицер «прибыл в Киев с женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документов у него не оказалось: не то он их потерял, не то их отняли большевики. Контрразведка засадила его в тюрьму. Заключение вывело несчастного из душевного равновесия: он психически заболел. Жена, оставшаяся на улице, обращалась ко всем властям, но без успеха. Она дошла до того, что стала на улицах просить милостыню. Кто-то из знакомых встретил ее и посовето-

вал обратиться к [В. В.] Шульгину. Тот напечатал эту историю в газете. Что было дальше — я не знаю»⁶¹¹.

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться. Между тем десять тысяч офицеров являлись крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла позволить Деникину одержать победу. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям, арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

Все офицеры, кроме генштабистов, реабилитировались в местной следственной комиссии. Высокопоставленных перебежчиков в белом лагере ждали далеко не с распростертыми объятиями. Для офицеров Генштаба была создана Особая следственная комиссия в Таганроге, которую последовательно возглавляли генералы от инфантерии Н. Ф. Дорошевский и В. В. Болотов. И там уже отношение было более строгим, не случайно комиссию иронически прозвали «генеральской чрезвычайкой»⁶¹². Комиссия рассматривала дела перебежчиков, изучая их в двух аспектах — мог ли перебежчик вступить в антибольшевистскую армию ранее и не занимался ли он подпольной антибольшевистской работой в рядах Красной армии. Чем выше был чин военспеца, тем суровее было отношение к его обладателю⁶¹³. Требовалось пройти через многомесячную процедуру реабилитации, а при невозможности реабилитироваться — через военно-полевой суд, который принимал решения в зависимости от того, насколько тесно сотрудничал тот или иной офицер с красными. Приговоры предусматривали разжалование в рядовые, направление на каторжные работы и даже смертную казнь, хотя последняя в отношении старших генштабистов не применялась. Подобная политика сочувственно воспринималась вождями и ветеранами Белого движения, фронтовым офицерством, особенно участниками Первого Кубанского (Ледяного) похода, многие из которых крайне враждебно относились даже к тем офицерам, кто хотя бы самое непродолжительное время успел прослужить в Красной армии. Многие более дальновидные современники считали подобную практику крайне вредной для белых и даже приведшей их помимо прочего к поражению.

Перебежчики-генштабисты, представлявшие особую ценность для белых, незамедлительно направлялись в Таганрог, в штаб главнокомандующего, обычно в распоряжение генерал-квартирмейстера этого штаба. Начальник штаба 7-й пехотной дивизии полковник

Г. А. Эверт, получивший указание отправлять генералов-генштабистов, желавших служить во ВСЮР, в штаб главнокомандующего, срочно телеграфировал в Полтаву начальнику штаба V кавалерийского корпуса генерал-майору П. А. Кусонскому 1 (14) сентября 1919 г. с вопросом, как быть с прочими офицерами Генштаба⁶¹⁴. 7 (20) сентября был получен ответ Кусонского о том, что все офицеры Генштаба подлежали отправлению в штаб главкома⁶¹⁵. Таким образом, руководство ВСЮР, несмотря на избыток командных кадров в целом и кадров Генштаба в частности, придавало большое значение переходам этих офицеров на свою сторону.

В ночь на 5 (18) сентября 1919 г. в Таганрог в прицепном вагоне екатеринославского поезда из Киева отправилась первая группа перешедших в числе 22 генералов и штаб-офицеров, в основном негенштабистов⁶¹⁶. 11 (24) сентября состоялась отправка в Таганрог еще одной группы из 28 офицеров при девяти членах семей⁶¹⁷.

Бывший курсовик капитан И. Г. Баковец, служивший в должности начальника штаба интернациональной бригады и захваченный в плен на Черниговском направлении, впоследствии вспоминал при даче показаний по делу «Весна» 20 октября 1930 г.: «В 1919 году, будучи под арестом у белых при контрразведке в Киеве на Фундуклеевской улице (в одной из гостиниц), моя жена в целях освободить меня обращалась, кажется, к матери генерала [П. А.] Кусонского с просьбой посодействовать через сына своего к освобождению меня из-под ареста и спасению от наказания, какое меня ожидало. Меня в лучшем случае ожидало разжалование в рядовые и лишение орденов и вообще всего, а в худшем случае — расстрел за службу на ответственных должностях в Красной армии. Мне известно, что всех царских генштабистов и офицеров от командира полка и выше направляли для реабилитации в Ставку на Дон, меня же не отправили, несмотря на то, что я у красных был начальником штаба бригады, и, полагаю, потому, что академию я окончил при сов[етской] власти в 1918 году. Просидев около двух недель в контрразведке на Фундуклеевской улице, я был на два дня освобожден. На допросе я был два раза, где спрашивали у меня, главным образом, мою биографию. Мне ничего не предлагали, как равно и не предлагали сотрудничать. По истечении этих двух дней ко мне явились на квартиру и опять арестовали, числили уже за Освагом⁶¹⁸. Я полагаю, это потому так, что на допрос меня водили на Левашевскую улицу (Липки, возможно, и другая улица). В Осваге меня допрашивали один раз — опять об автобиографии, но здесь я уже пользовался большей свободой. По Киеву ходили слухи, что в Осваге нескольких расстреляли (вообще), и в городе находили убитыми неизвестно кем. Это создавало у меня боязнь за свою голову, и к этому периоду относятся хлопоты моей жены перед старой Кусонской о помиловании меня, кото-

рые, однако, не увенчались успехом. Тогда я от себя подал заявление на имя генерала [А. М.] Драгомирова, которого знал как бывшего командира корпуса, где я служил в должности к[оманди]ра б[атальо]на по старой армии. Заявление было подано адъютанту Драгомирова лично (имел возможность свободно ходить по городу). В заявлении я указывал свой чин, должность и часть по старой армии, указал о своей службе в Красной армии, напомнил дипломатически, что служил в полку его корпуса, и, сославшись на наличие семьи, я просил о помиловании меня. Ответа на это заявление не последовало, и меня увезли в Вознесенск под конвоем...»⁶¹⁹ Впрочем, в показаниях, данных неделей позже, Баковец указал, что по заявлению на имя Драгомирова его все же освободили и направили на службу рядовым в Киевский караульный батальон⁶²⁰.

Бывший капитан А. И. Батрук, рассуждая на следствии по делу «Весна» о том, как он остался в Киеве, отмечал: «В начале августа, ко времени подхода деникинских и петлюровских частей к г. Киеву, я был назначен на должность начальника штаба пластунской бригады, выехать с которым своевременно не успел и временно задержался в Киеве из-за своего нездоровья. Вследствие быстро развернувшихся операций я не смог установить в штабе обороны г. Киева местонахождение штаба бригады, а значит, и не мог к нему присоединиться. В дальнейшем мне следовало с ближайшей военной частью отступить из Киева, но этого я не сделал, отчасти из-за своего нездоровья и нездоровья жены, а также из-за боязни подвергнуть свою семью репрессиям со стороны белых, как семью офицера, ушедшего с частями Красной армии из Киева; судить о том, насколько я был прав или неправ в последнем отношении, я не берусь, но должен сказать, что оставление мною рядов Красной армии, может быть, недостаточно оправдываемое совокупностью перечисленных обстоятельств и подлежащее суровой каре, все же не вызывалось особыми симпатиями к белым, о политической установке в работе которых я, еще находясь на службе в центральном бюро связи и информации при штабе наркомвоен Украины, из сводок знал; полагаю, что это произошло потому, что в то время у меня не было определенно установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь.

По приходе в Киев деникинцев меня, после регистрации, как офицера Генерального штаба, направили для реабилитации в штаб Деникина в г. Таганрог, куда и прибыл в начале сентября.

Дело с реабилитацией затянулось больше чем на месяц, и уже только в октябре я был направлен в штаб Добровольческой армии в Харьков для назначения на должность; так как уже наступили холода, я в штабе армии получил разрешение поехать в Киев и взять теплые вещи. По возвращении из Киева я в штабе Добровольческой

армии узнал, что я вновь откомандировываюсь в Таганрог в штаб Деникина, куда я и уехал; в Таганроге я узнал, что меня предали военно-полевому суду за службу и деятельность в Красной армии; на суде, состоявшемся в ноябре месяце, мне вменили в вину то обстоятельство, что я будто бы являлся организатором связи Красной армии, вероятно, сопоставляя это с названием “центральное бюро связи и информации при наркомвоен Украины”, где я служил; такое обвинение, удивившее меня своей, можно сказать, военной безграмотностью, было опровергнуто свидетельскими показаниями подполковника [П. Я.] Бугай и генерал-майора Соколова, служивших в штабе наркомвоен Украины, перешедших к белым и установивших истинный характер моей работы в Красной армии; все же, по приговору суда, утвержденному начальником штаба Деникина, меня направили рядовым в один из полков 2^й пехотной дивизии. После суда я заболел и был помещен для излечения в госпиталь в Таганроге. Все пережитое мною в армии Деникина: и отвратительные условия помещения и питания, и презрительное отношение со стороны “коренных деникинцев” к нам, “красным советчикам”, и приговор суда, все это подавляюще подействовало на мою и без того угнетенную психику и не могло не настроить меня против окружающей обстановки...»⁶²¹

Иногда допускались различные послабления. Так, например, генерал-майору Т. М. Протазанову 27 августа (9 сентября) 1919 г. был разрешен проезд из Киева в Харьков, а уже оттуда в Таганрог⁶²². Выпускнику ускоренных курсов капитану А. С. Ролько был разрешен проезд в Одессу на 12 дней для сопровождения жены Анны Дмитриевны и ее сестры Евгении Дмитриевны Нестеровой. Разрешение было действительно до 20 сентября (3 октября) 1919 г.⁶²³ Впоследствии Ролько вспоминал о своих мытарствах в это время: «В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев[олюционн]ого в[оенного] сов[ета] 6^й армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц[ер] Ген. штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября [19]18 г.” по январь [19]19 г.”, и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн[ого] тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участ-

⁶¹⁹ В документе несогласованно: *перешедшими к белым и установившими*.

⁶²² Так в документе, правильно: 1919 г.

⁶²³ Так в документе, правильно: 1920 г.

вовал в эвакуации белых из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинополь] и при содействии Сов[етской] торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю»⁶²⁴.

Начальник штаба Полтавского отряда предписал 31 августа (13 сентября) коменданту станции Киев оказать содействие в отправлении из Киева в Тифлис еще недавно числившегося в резерве при штабе Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР⁶²⁵ бывшего генерал-майора С. И. Верховского ввиду сухотки спинного мозга и ослабления зрения⁶²⁶.

На сторону белых в Киеве организованно перешла целая группа ответственных работников штаба 12-й советской армии. По оценке работника разведывательного отделения штаба 12-й армии, «все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками “контра”»⁶²⁷. Наиболее высокопоставленными перебежчиками в составе группы из штаба 12-й армии были начальник военных сообщений 12-й армии генерал-майор С. М. Языков, выпускник академии 1904 г., и его помощник генерал-майор П. Н. Буров, выпускник академии 1903 г. У красных оба числились пропавшими без вести при эвакуации Украины⁶²⁸.

Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2661 от 11 (24) ноября 1919 г. был сформирован военно-полевой суд по делу генерала Булова под председательством генерал-лейтенанта Н. А. Илькевича и в составе генерал-майоров Б. Н. (?) Григоровича, А. В. Корвин-Круковского, Н. Г. Синеокова и С. М. Трухачева. Суд приговорил Булова к четырем годам каторжных работ⁶²⁹. Между прочим, Буров был георгиевским кавалером (награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за прорыв немецких позиций у озера Нарочь) и героем Первой мировой войны. Буров рассказал о случившемся протопресвитеру Добровольческой армии и флота Г. Шавельскому, который впоследствии вспоминал: «Булова я знал еще по академии Генерального штаба и после следил за его службой. Пришедши ко мне, Буров, как на духу, рассказал мне и про свою “службу” у большевиков (в течение года он сменил у них пятнадцать мест, значит, фактически не служил), и про свое семейное положение: его жена с двумя детьми в это время голодала в Харькове (я читал ее письма), жила в неотапливаемой комнате, с закрытыми ставнями, чтобы теплее было; ели горячее через день; все распродала; исхудала так, что не могла сидеть на деревянном стуле, дети покрылись нарывами. Буров плакал навзрыд, рассказывая про свое горе»⁶³⁰. Шавельский сумел добиться у начальника штаба

ВСЮР генерал-лейтенанта И. П. Романовского изменения приговора, и Буров был помилован.

Помимо Языкова и Булова на сторону Деникина тогда перешел однокашник Языкова по академии бывший генерал-майор К. А. Моравицкий, занимавший посты начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба 12-й армии и помощника командующего армией. Он также числился пропавшим без вести при эвакуации красными Украины⁶³¹. По всей видимости, объединяющую роль сыграл фактор совместного обучения всех троих в академии. Кроме того, на сторону белых перешел (однако неизвестно, в Киеве или нет) состоявший для поручений при начальнике военных сообщений 12-й армии капитан М. А. Михайлов.

Моравицкий обвинялся белыми в том, что, «зачислившись добровольно на службу к большевикам и занимая весьма ответственные должности в Красной армии, не выполнил принятого на себя обязательства сообщать в Добровольческую армию сведения о красных войсках и не приложил никаких усилий уклониться от большевистской службы или хотя бы устраниться от занятия столь ответственных должностей, принося своею деятельностью, напротив, несомненно большую пользу большевикам...»⁶³²

В Киеве на сторону белых из рядов РККА перешли видные деятели антибольшевистского подполья подполковники Н. Ф. Соколовский и А. И. Парв, занимавшие у красных должности помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР и начальника оперативного отдела штаба группы войск Сумского направления соответственно. Если верить их собственным свидетельствам, Соколовский внес значительный вклад в сдачу белым Киева, а Парв содействовал занятию белыми Полтавы и Сум⁶³³.

Курсовик капитан В. К. Дмоховский был направлен в Таганрог, но в распоряжение начальника военных сообщений генерала Н. М. Тихменева⁶³⁴, т. е. в данном случае командование обратило внимание на профессиональную специализацию этого офицера.

Сдачи высшего комсостава происходили и вокруг Киева. Так, например, начальник штаба Полтавского отряда полковник Г. А. Эверт телеграфировал 25 августа (7 сентября) дежурному генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала Бредова при сем препровождаю перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й Сводн[ой] Советской дивизии бывшего генерала Жданова с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»⁶³⁵. Речь шла о генерал-майоре Н. А. Жданове, выпускнике академии 1903 г. В прошлом Жданов был командующим 11-й и 12-й советскими армиями. В РККА он числился пропавшим

без вести при отступлении от Киева⁶³⁶. Ценного перебежчика сначала доставили в Полтаву в штаб V кавалерийского корпуса, а 24 августа (6 сентября) его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала штаба главкома⁶³⁷.

Существовала еще одна категория офицеров, попавших к белым. Их трудно отнести к перебежчикам, поскольку речь идет о заключенных киевских тюрем, которые вышли на свободу после взятия Киева белыми. Среди них также были офицеры Генштаба. Например, пожилой генерал В. Е. Бухольц (Бухгольц) — ветеран Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., окончивший академию еще в 1876 г. Находясь в эмиграции, он вспоминал: «12 мая / 29 апреля 1919 года подвергся на квартире в Киеве ночному обыску большевиками и был ими арестован как контрреволюционер и посажен в Киевскую чрезвычайку. Через неделю после опроса был приговорен к содержанию в концентрационном лагере до окончания Гражданской войны. Но так как этот лагерь был еще не готов, то из чрезвычайной комиссии я был препровожден под конвоем в Киевскую губернскую Лукьяновскую тюрьму в общий тюремный корпус, а после серьезного припадка нервного потрясения с тяжелым головокружением содержался в тюремной больнице.

29 июня, в день Св. Петра и Павла, был перевезен в навозной телеге в концентрационный лагерь, которым оказалась пересыльная тюрьма военного ведомства с ужасными моральными, антигигиеническими и питательными условиями жизни и содержания. Через неделю я заболел кровавым поносом, перешедшим в холеру, и по настоятельному требованию женщины-врача был отправлен пешком в Киевский военный госпиталь в арестантское отделение, где подвергался оскорблениям как сменявшихся ежедневно караулов большевицких банд, так и больных солдат их армии. 18 августа 1919 года, после четырехмесячного лишения свободы, я был освобожден из-под ареста пришедшей в Киев и обратившей большевиков в бегство дивизией генерал-лейтенанта Бредова. А 8 сентября ввиду дошедших до Киева сведений о наступлении на Киев с севера, из Черниговской губернии, новых большевицких банд, я эвакуировался из Киева в Ростов...»⁶³⁸ До отъезда из России Бухольц числился в рядах ВСЮР.

Среди перебежчиков стали появляться и своеобразные рекордсмены. Еще генерал А. Г. Шкуро отмечал (правда, о рядовых бойцах), что «были ловкачи, умудрявшиеся по три-четыре раза послужить в каждой из враждебных армий»⁶³⁹. Некоторые офицеры за время Гражданской войны 1917—1922 гг. тоже успели совершить сразу по несколько переходов, побывав в рядах противоборствующих сторон по два и более раз. Среди военспецов РККА лидирует К. И. Сербинович, бежавший в 1919 г. из РККА на Украину. Позднее он был

направлен белым командованием на Дальний Восток, арестован красными в Благовещенске в 1920 г. и после полугодичного пребывания в тюрьме бежал, сумев вновь пробраться к белым. Таким образом, он дважды бежал от красных. Возможно, еще одним лидером по числу побегов был курсовик Х. В. Гуртовенко, зарегистрированный в 1918 г. в РККА, а затем в украинской армии, в 1919 г. — вновь в РККА и как пропавший без вести.

Маршруты отдельных перебежчиков порой бывали экзотичны. Так, Н. А. Безобразов, поступивший в 1919 г. на ускоренные курсы академии в Томске, в 1918 г. оказался в Советском Туркестане. Покинул его он, уехав в Памирский отряд, а затем через Гиндукуш попал в Индию, откуда проехал во Владивосток и далее в Сибирь. Как свидетельствовал сам перебежник, «Северную Индию я прошел через перевал Барогил[ь]⁶⁴⁰ по Читральской полувластной провинции, по долине реки Обидар через крепость Кала и Дрош, на перевал Лаварай, по независимой разбойничьей стране Дир, откуда спустился в долину реки Чах-Дара, где начинается собственно Индия»⁶⁴¹. П. И. Олейников начал Гражданскую войну в рядах РККА, служил в войсках завесы, затем перебрался на гетманскую Украину, где пытался устроиться на военную службу, служил в украинских войсках, попал в плен к полякам, будучи военнопленным, завербовался на службу в Западную добровольческую армию, после разгрома которой в конце 1919 г. оказался интернирован в Германии, затем получил приглашение приехать в Польшу для участия в формировании русских частей и осенью 1920 г. занял пост генерал-квартирмейстера штаба Русской народной Добровольческой армии генерала С. Н. Булак-Балаховича⁶⁴². За период 1918—1920 гг. Олейников прошел путь от штабс-капитана до подполковника.

Смены различных армий были обычным явлением. Так, известный военный теоретик генерал Н. Н. Головин первоначально числился в РККА, затем оказался в украинской армии, потом попал в Добровольческую, а позднее в колчаковскую. При этом действительную сложность мог представлять собой только его уход от красных, остальные переходы, по сути, происходили внутри одного антибольшевицкого лагеря. Похожий путь, но в иной последовательности (украинцы — добровольцы — РККА), проделал полковник С. Д. Григорьев. А. Я. Крузе первоначально в 1918 г. служил в РККА, затем попал к белым, дослужился у них до генерала, после попал в плен к красным и в конце Гражданской войны вновь, как ни в чем не бывало, продолжил службу в РККА, а впоследствии даже стал генералом Советской армии и в годы Великой Отечественной войны командовал корпусом. В чем-то похожие перипетии выпали на долю колчаковских генералов В. И. Оберюхтина, Г. В. Леонова, полковников М. И. Москаленко, А. Д. Сыромятникова и других офицеров.

В 1918–1921 гг. из рядов РККА дезертировали (некоторые числились в РККА формально), а также пропали без вести не менее 561 специалиста Генерального штаба, в основном занимавших важные посты в Красной армии. Из этой цифры исключены те, кто эмигрировал из Советской России в установленном законом порядке и по согласованию с советским руководством (например, Д. К. Лебедев), те, кто получил академическое образование уже после перехода к белым, не учитывались и многочисленные белые эмиссары, неоднократно переходившие линию фронта во время разведывательных командировок (например, Б. И. Казанович, Д. А. Лебедев, В. Е. Флуг). Рассмотрены по возможности только случаи сознательного перехода военспецов к противнику, хотя отсутствие данных не позволяет точно судить о каждом конкретном эпизоде.

В конце войны в обстановке разложения, развала и разгрома антибольшевистских армий, эпидемии тифа белые генштабисты в массовом порядке, в составе своих штабов, учреждений или частей, стали сдаваться в плен красным. В дальнейшем многие из них продолжили службу в РККА. Однако эти сдачи в плен, происходившие иногда в безвыходной ситуации, имели мало общего с добровольными, осознанными и заранее запланированными, часто сопряженными с большой опасностью для жизни, как правило, индивидуальными переходами через линию фронта от красных. После Гражданской войны некоторые белые генштабисты в частном порядке стали возвращаться в Советскую Россию, но это также совершенно иное явление.

Непосредственно из рядов Красной армии в годы Гражданской войны дезертировали 35,5% от общего числа военспецов-генштабистов. Иными словами, каждый третий генштабист, попавший в РККА, оказался в итоге перебежчиком. Приходится только удивляться способности к побегу некоторых военспецов, возраст и физическое состояние которых как будто никак не позволяли им бежать. Так, например, Н. Д. Ливенцев был даже отстранен от должности военного руководителя Ярославского военного округа без объяснения причин, а на самом деле за дряхлость и нераспорядительность. Тем не менее Ливенцев смог бежать на белый Юг.

По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, из 70 генштабистов, значившихся в «Дополнительном списке Генерального штаба», составленном по сведениям Наркомвоена УССР, к 1 сентября 1919 г. в РККА продолжали служить лишь 14 человек, остальные пропали без вести или бежали к белым⁶⁴³.

По образовательному цензу 302 перебежчика являлись выпускниками и слушателями ускоренных курсов и 259 прошли полноценное (за исключением некоторых недоучившихся офицеров) обучение в Николаевской академии до Первой мировой войны. Столь

внушительный перевес курсовиков связан с единственным случаем их массового перехода на сторону белых в 1918 г. в составе Военной академии.

По-настоящему массовым был лишь отток военспецов из РККА в 1918 г. — на Восточный и Южный фронты антибольшевистских сил, а также на Украину и в 1919 г. на Южный фронт. В этих направлениях в общей сложности бежали из РККА 500 генштабистов, или 89,1% от общего числа генштабистов-перебежчиков. В подобном распределении нет ничего удивительного — чем мощнее были антибольшевистские фронты, тем больше генштабистов туда направлялось. Как известно, самым мощным из антибольшевистских фронтов был Южный. Однако наибольшее число перебежчиков в 1918 г. мы встречаем на Восточном фронте. Парадокса здесь нет, поскольку такое преимущество связано с переходом к белым академии Генерального штаба, в составе которой к ним попали все преподаватели и практически все слушатели старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди.

Усилению «южного» потока способствовало и то, что в 1918 г. существовала возможность (в том числе легальная) уехать с территории Советской России на относительно спокойную Украину и там отсидеться. Более 50 генштабистов тогда так и поступили. Однако по данным на август 1918 г., возможно, в целях предотвращения переходов, военное ведомство уже не позволяло уезжать в отпуски за границу тем, кто находился на службе. Так, например, получил отказ в выезде на Украину З. И. Зайченко, который хотел повидаться с семьей, оставшейся в Киеве⁶⁴⁴.

Как и следовало ожидать, в 1919 г. белый Юг уверенно лидирует по числу переходов. В 1919 г. возрастает число переходов и на Северо-Западном фронте. Кроме того, целый ряд военспецов дезертировали из РККА, но не были зарегистрированы ни в одной из антибольшевистских армий. Такие лица числятся пропавшими без вести.

В 1920 г. переходы почти сходят на нет. С одной стороны, все, кто хотел бежать, уже смогли это сделать. С другой, в связи со впечатляющими победами Красной армии стало очевидным поражение белых.

Распределение переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника по годам было следующим: 1918 г.— 393 человека (в том числе формально), 1919 г.— 159, 1920 г.— 6, 1921 г.— 3. Вполне логично, что абсолютное большинство переходов относится к 1918–1919 гг. В 1918 г. противоборствующие стороны Гражданской войны еще находились на стадии своего оформления, антибольшевистские силы одержали свои первые победы, а 1919 г. стал временем наиболее впечатляющих их успехов, кроме того, в 1918–1919 гг. еще не было очевидно, какая из сторон одержит победу. Не случайно

в 1920–1922 гг. побеги генштабистов из РККА практически сошли на нет, а если и происходили, то не в направлении какого-либо белого лагеря, а за границу.

По воинским званиям на момент оставления РККА (последний чин в старой армии) перебежчики распределялись следующим образом: 108 генералов, 162 штаб-офицера, 289 обер-офицеров, по двум звания неизвестны. Таким образом, генералы старой армии составили 19,3% перебежчиков, штаб-офицеры — 28,9% и обер-офицеры — 51,5%. Перевес молодежи можно объяснить не только ее многочисленностью, но и той значительной опасностью, с которой были сопряжены переходы. На подобный риск легче могли пойти молодые офицеры.

Впрочем, риск существовал не всегда. Как уже отмечалось, порой достаточно было не эвакуироваться из какого-либо крупного населенного пункта (в сельской местности или небольшом городе это было гораздо заметнее), чтобы фронт сам «перешел» через того или иного военспеца, нужно было просто выждать время. По всей видимости, так попали к белым бывший генерал В. Е. Борисов в Киеве, бывший полковник К.-Р.-Г. К. Карлсон, оставшийся в Риге при отходе от города армии Советской Латвии⁶⁴⁵, бывший генерал Л. М. Болховитинов в Екатеринодаре, где у него находилась семья, и многие другие. В связи с отсутствием сплошной линии фронта и низкой плотностью войск сторон не особенно трудно было сдать ся и на фронте. Например, известный перебежчик А. Л. Носович просто уехал на служебном автомобиле 24 октября 1918 г. под видом рекогносцировки и попал к донским казакам вместе со своим адъютантом и шофером. В принципе, достаточно было отклониться от полосы железной или шоссеиной дороги, чтобы сравнительно безопасно попасть в лагерь противника и без транспортного средства.

Сложнее приходилось военспецам, находившимся в центральных штабах и управлениях. Им нужно было не только перейти линию фронта, но сначала добиться командирования в прифронтовую полосу. Некоторые бежали из РККА под предлогом болезни (например, курсовик Б. Н. Тюренков⁶⁴⁶) или лечения. Иногда побег оформлялся как отпуск (случай В. Е. Борисова), поездка к родным или назначение. Например, генштабист К. А. Людсканов-Цанков 16 февраля 1919 г. был командирован в Астрахань, но к месту назначения не прибыл⁶⁴⁷, а поступил на службу к Деникину. А. И. Мартынов не вернулся из командировки по закупке лошадей на Украине в октябре 1919 г.⁶⁴⁸, в том же месяце он уже числился у белых. Начальник оперативного отделения группы войск Сумского направления А. И. Парв не возвратился из командировки в Киев, в дальнейшем служил у белых и в эстонской армии⁶⁴⁹.

Удобно было бежать и при отступлении. Как уже говорилось, при отходе советских войск от Киева на сторону белых, оставшись в городе, перешли около трех десятков генштабистов. Генштабист Г. Д. Суходольский остался в Курске при занятии его белыми, В. К. Затеплинский — в Воронеже⁶⁵⁰, позднее оба служили у Деникина.

Потери пленными и в основном перебежчиками командно-начальствующего состава и штабных работников 8-й армии в сентябре — октябре 1919 г. составляют целый список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части⁶⁵¹. На следующий день в связи с загадочной смертью временно командовавшего армией В. И. Селивачева исчез начальник штаба 8-й армии А. С. Нечволодов. 2 октября при переводе штаба 8-й армии из города Усмань Тамбовской губернии на станцию Колодезная Воронежской губернии сбежали к белым начальник разведывательного отделения В. А. Желтышев и сменивший Нечволодова временно исполняющий должность начальника штаба армии В. Ф. Тарасов, в прошлом — начальник штаба советского Южного фронта⁶⁵², — очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее, при отступлении 8-й армии, исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В. В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР⁶⁵³. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник оперативного отдела Б. П. Лапшин⁶⁵⁴, остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А. Н. Коновалов⁶⁵⁵.

Оттоку военспецов из РККА способствовали контрреволюционные выступления внутри Советской России. Так, выпускник ускоренных курсов 2-й очереди бывший штабс-капитан А. К. Македонский, служивший делопроизводителем оперативного отдела штаба Ярославского военного округа, «с момента белогвардейского мятежа в гор. Ярославле (6 июля 1918 года) на службу не являлся и исключен из списков штаба как неизвестно где находящийся»⁶⁵⁶. Между прочим, еще в конце мая — начале июня 1918 г. он просил о назначении «на должности по Генеральному штабу в Казани, Москве или в одном из приволжских городов»⁶⁵⁷. 22 июня 1918 г. Македонский выехал из Москвы в Ярославль к новому месту службы, но не прослужил там и двух недель. На 1919–1920 гг. он проходит по документам ВСЮР и Русской армии. Вообще ситуация со штабом Ярославского округа была непростой. По мнению окружного комиссара В. П. Аркадьева, «чины штаба округа перешли на сторону белогвардейцев и из всего штаба остался только один служащий Веденеев. Из этого видно, что работа как всего штаба Ярославского военного округа, так, в частности, и работа разведки совершенно остановились»⁶⁵⁸.

К числу переходов относятся и спорные случаи, происходившие, прежде всего, в выделяемый нами «инерционный» период. В 1918 г. некоторые военспецы лишь формально числились в РККА, успели только зарегистрироваться и иногда получить назначение (например, В. О. Каппель), после чего переходили к белым. Для многих переход от красных происходил лишь на бумаге. Наиболее характерен пример будущего лидера Белого движения на Севере России генерала Е. К. Миллера, который в 1918 г. находился за границей в качестве военного агента при итальянской главной квартире и, скорее всего, даже не подозревал, что числится в Красной армии. Только приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. было уволено от службы 13 военных агентов, еще трое были отозваны в Россию⁶⁵⁹.

Мы уже отмечали такую особенность начального этапа Гражданской войны, как сохранение в РККА штабов и учреждений старой армии. Было бы упрощением, к примеру, отнести к РККА такой орган, как резерв чинов при начальнике Генерального штаба. Он был создан для «образования запаса лиц Генерального штаба из числа оставивших должность в действующей армии, для различных поручений, вызываемых обстоятельствами военного времени»⁶⁶⁰. Офицеры, состоявшие в таком резерве, значились в документе как находившиеся в распоряжении начальника Генерального штаба. До большевиков их учетом ведала канцелярия отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба. Однако по инерции решение связанных с резервом Генштаба вопросов даже в конце весны — летом 1918 г. продолжалось через прежнюю канцелярию, хотя новой властью 8 мая 1918 г. был создан ВГШ.

Если посмотреть на список лиц Генштаба, состоявших на лето и даже осень 1918 г. «в распоряжении начальника Генерального штаба», то увидим в нем такие знаковые фигуры русской Гражданской войны, как Н. Н. Головин, М. И. Занкевич, Е. К. Миллер, С. Н. Розанов, Г. Д. Романовский. Все они вскоре выдвинулись на первый план в антибольшевистском лагере. Были в этой категории и офицеры, некоторое время в 1918 г. действительно служившие большевикам. Тем не менее фактически этот резерв (до 50 военспецов) не имел прямого отношения к РККА, а являлся рудиментом прежней армии, в котором по инерции продолжали состоять ранее числившиеся там офицеры (некоторые находились при этом даже за пределами России), кстати, в основном противники большевиков. Это, пожалуй, наиболее яркий пример. Но есть и другие.

Уже упоминавшийся штаб 1-й армии Северного фронта практически в полном составе в мае 1918 г. прибыл в Самару для переформирования в штаб Поволжского военного округа, «лица Генштаба» формально служили несколько месяцев красным, но при первой воз-

можности перешли на сторону Народной армии самарского Кому-ча⁶⁶¹. Можно ли таких военспецов отнести к красным? По меньшей мере, это повод для дискуссии. Впрочем, по формальным признакам они, безусловно, какое-то время состояли в РККА, а следовательно, оказавшись у белых, могут считаться перебежчиками.

Что же ждало перебежчиков в антибольшевистском лагере? Очень часто там их ожидал вовсе не радушный прием. Как отмечал генерал В. Н. фон Дрейер, «во времена Деникина отношение к этим несчастным людям было самое несправедливое. Теряя при побеге свои семьи, все свое имущество, лишь для того, чтоб под знаменем освобождения пойти против большевиков, они находили в “стане белых” не забвение их прежней подневольной службы, а судебные и военно-следственные комиссии, а в первое время даже пулю в лоб или петлю на шею. В этом отношении многие высшие начальники Добровольческой армии были поразительно бессердечны и безжалостны»⁶⁶².

Один из анонимных свидетелей тех событий отмечал: «Не странно ли то, что в то время, как Троцкий употреблял все усилия, чтобы оградить необходимое ему бывшее кадровое офицерство от расправы красноармейцев и своих сочленов из РКП, из Вцика и Реввоенсовета, в то же самое время в белых армиях относились к ним с суровым осуждением и грозили стенкой»⁶⁶³.

Одной из причин сокращения количества переходов следует считать негативное отношение, существовавшее в антибольшевистском лагере, особенно на Юге России, к бывшим офицерам, служившим у большевиков. На Юге, где наличествовал избыток генштабистов, имела место практика обязательного предания военно-полевому суду всех перешедших из числа бывших военспецов.

Такой подход оформился уже в 1918 г. К сожалению, нам известны данные лишь о некоторых военно-полевых судах над генштабистами, приведенные в приказах главкома ВСЮР за 1919–1920 гг., а документы более раннего периода сохранились фрагментарно. Суду подлежали все служившие у большевиков безотносительно возраста и заслуг, не исключая и георгиевских кавалеров. В частности, в октябре 1919 г. суду был подвергнут 63-летний геодезист, Генштаба генерал-лейтенант М. Л. Бачинский. Генерал был приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами каторжных работ с освобождением от наказания «за старостью»⁶⁶⁴. Генерал-майора А. А. Котельникова судили сразу за службу у красных и у петлюровцев⁶⁶⁵.

Обычным вердиктом судов была смертная казнь, заменявшаяся освобождением из-под суда, разжалованием или каторжными работами. Это, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольче-

ской армии и флота Г. Шавельского, «в июле этого [1919] года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»⁶⁶⁶. Как отмечал анонимный военспец, «когда развивались события на Волге, у Орла, у Гатчины, конечно, мы ждали своего поражения как избавления. Но ждали мы с двойственным чувством, думая: “А что будет с нами, как отнесутся?” А у некоторых, хотя и чуждых идеологически новому режиму, но добровольно или случайно завязших в нем поглубже, уже тогда копошилась мысль: “Еще неизвестно, чья возьмет, еще поборемя. Этак будет надежнее”»⁶⁶⁷.

Вместе с тем по-настоящему суровых приговоров в отношении генштабистов-перебежчиков у белых не выносилось. Генерал В. В. Буняковский, к примеру, был арестован на три недели, после чего в декабре 1919 г. прощен⁶⁶⁸, генерал В. Е. Борисов был освобожден по возрасту. По свидетельству А. А. фон Лампе, за службу у красных разжаловали в рядовые только трех генералов: И. П. Сытина, Л. Л. Родцевича-Плотницкого и Л. М. Болховитинова⁶⁶⁹, причем Сытина вполне могли казнить. Фон Лампе через печать содействовал его спасению. Похоже, сильнее всех пострадал генерал Болховитинов, но о его судьбе писали многие мемуаристы, т. е. несправедливость в его отношении уже тогда для здравомыслящих людей была очевидна и привлекала внимание.

Бывший генерал Болховитинов был одним из первых видных военных специалистов РККА. Весной 1918 г. ему было поручено проведение реформы местных военных комиссариатов⁶⁷⁰. В дневниках А. Е. Снесарева (дальнего родственника Болховитинова) нашли отражение взгляды на Гражданскую войну самого Болховитинова, свидетельствующие, что тот был далеко не в восторге от большевистского режима. Так, грузовики с революционными солдатами Болховитинов именовал не иначе как «б...возами»⁶⁷¹, заявлял, что «убил бы» бывшего советского Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко⁶⁷². По наблюдению Снесарева, перед большевистским руководством Болховитинов явно заискивал, что вызвало неприятие у Снесарева, тогда как в разговорах наедине с последним заметно правед в суждениях⁶⁷³. По оценке П. С. Махрова, Болховитинов был патриотом и выдающимся офицером Генерального штаба⁶⁷⁴. Эти оценки соответствуют свидетельству протоиерея Г. Шавельского, который встретил своего старого знакомого Болховитинова летом 1918 г. в Москве. Бывший генерал при встрече заявил Шавельскому: «Вас удивляет, вероятно, что я тут... Мне предложили должность инспектора пехоты. Я ее принял. Но, ради Бога, не думайте, что я с этими негодяями! Если Бог поможет мне сформировать хотя бы два на-

стоящих корпуса, столбов не хватит для виселиц, чтобы перевешать этих разбойников»⁶⁷⁵.

Болховитинов был арестован белыми в Екатеринодаре в августе 1918 г., куда приехал к семье. За службу у красных он был разжалован в рядовые и около года прослужил нижним чином, после чего ему «за проявленные в боях мужество, доблесть и распорядительность» был возвращен чин генерал-лейтенанта⁶⁷⁶. Небезынтересно, что, по свидетельству Г. Шавельского, «в армии преобладал взгляд, что всех перебежчиков из [Советской] России, особенно генералов, надо вешать. И когда ген. Болховитинов не был повешен, а лишь разжалован в рядовые, многие возмущались этим»⁶⁷⁷. В роли «ястребов» в этом вопросе, судя по всему, выступала молодежь, в считанные месяцы занявшая руководящие посты в Добровольческой армии и стремившаяся продемонстрировать свою антибольшевистскую принципиальность. Болховитинов учился в академии вместе с А. И. Деникиным, но это не смягчило его участь.

Генерал В. В. Чернавин вспоминал: «Ген. Болховитинов был очень талантливым офицером Генерального штаба, имел большой штабной и военно-административный опыт, обладал способностями организатора крупного масштаба. В мировую войну он по заслугам сделал блестящую карьеру, достигнув, имея всего 45 лет от роду, высокого и ответственного поста начальника штаба Кавказского фронта... Казалось бы, что отмеченные выше данные предопределяли ген. Болховитинова к очень большой роли в Гражданскую войну, когда он осенью 1918 г. бежал из Москвы на Кубань. Этого не произошло. На “белом” Юге России он признан был человеком неприемлемым. Причины лежали в левом политическом курсе, взятом Болховитиновым во время революции, и в том, что после октябрьского переворота он, как и ряд других видных русских генералов, по предложению сов[етского] правительства принял участие в деле организации вооруженной силы... Лишь в январе 1920 г. он был привлечен к делу Кубанской властью и занял пост члена кубанского правительства по военным делам (т. е. военного министра)»⁶⁷⁸.

В письмах Болховитинова супруге нашло отражение его возмущение столь различным отношением к нему и к другим перебежчикам, сразу устроившимся у белых на хорошие места. О том, что они были связаны с белым подпольем, Болховитинов не написал, возможно, потому, что не знал этого: «Покорность [А. П.] Архангельского, конечно, весьма приятная и похвальная: известное дело — “повинную голову и меч не сечет”, а посему сия кротость уже получила надлежащую мзду: он зачислен в резерв чинов, что служит преддверием к дальнейшему продвижению, с чем я их и “проздравляю”... ты ясно поймешь причину такого невероятного разного отношения ко мне и, скажем, к [А. Л.] Носовичу или еще лучше к Архангельскому, который зани-

мал должность в Главном всероссийском штабе, управляя отделом укомплектования и командного состава. Невероятно, но факт! Зная Архангельского, могу предположить, что, выкручиваясь перед современными богами, он, вероятно, нагнал немало про мою деятельность: все ведь это мелкие, трусливые людишки...» (письмо от 13 (26) марта 1919 г.)⁶⁷⁹. При этом генерал отмечал, что о его деятельности в Москве был осведомлен британский разведчик Сидней Рейли, приехавший на белый Юг⁶⁸⁰. Таким образом, возможно, Болховитинов тоже был связан с антибольшевистским подпольем.

Б. А. Штейфон вспоминал о своей встрече с Болховитиновым в 1919 г.: «Однажды я пообещал командиру Самурского полка выдать имевшееся в моем распоряжении телефонное имущество. Командир обещал прислать приемщика. Вечером мне доложили, что меня желает видеть какой-то солдат. Раскрылась дверь, и с вопросом “можно войти?” на пороге обрисовалась представительная фигура в солдатской шинели с унтер-офицерскими нашивками.

В вошедшем унтер-офицере я немедленно признал бывшего генерал-лейтенанта Л. М. Болховитинова. Он был во время Великой войны начальником штаба Кавказского фронта и для меня, тогда капитана Генерального штаба, являлся чрезвычайно высоким начальством. Он знал меня прекрасно, так как я служил в штабе армии. Направляясь ко мне, “унтер-офицер Болховитинов”, конечно, был осведомлен, кого он встретит, но для меня его появление было жутким.

— Узнаете?

— Еще бы не узнать! Здравствуйте, Леонид Митрофанович.

Мы сели и на некоторое время забыли о телефонном имуществе. Оказалось, ген. Болховитинов одно время служил у большевиков, а затем перешел в Добровольческую армию. Согласно тогдашним правилам, он был судим, разжалован и послан рядовым на фронт. Как “хорошо грамотного” его назначили в команду телефонистов.

Мы душевно поговорили около двух часов. Л[еонид] М[итрофанович] заходил ко мне еще несколько раз. Впоследствии он был прощен, и затем, в Крыму, я встретил его прежним энергичным генералом.

Генерал Болховитинов уже умер — и пусть Господь судит его за вольные и невольные прегрешения. Во всяком случае, у меня сохранилось о нем воспоминание как о крупном, незаурядном человеке. Свое разжалование он переносил с большим достоинством.

Теперь, когда многие былые страсти перегорели, ясно, что система подобных судов была по идее ошибочна, ибо удерживала от перехода к нам тех, кто подневольно служил у красных. Фронт, всегда более чуткий в подобных вопросах, чем тыл, очень скоро признал несправедливость и вредность указанных судов и личной инициативой, молчаливо, но убежденно воспринял иной порядок: коммунистов уничтожал, а всех остальных принимал в свои ряды.

Во всяком случае, в 1918 году примеры ген[ералов] Болховитинова, [И. П.] Сытина и других давали несомненное удовлетворение широким офицерским кругам. Жестокие времена порождали и жестокую психологию»⁶⁸¹.

Известие о репрессиях в отношении Болховитинова вскоре дошло до Советской России и негативно повлияло на отношение военспецов к переходам на сторону белых⁶⁸². При этом его сослуживец писал генералу А. И. Деникину из СССР в эмиграцию: «Того у вас не знают, скольких людей он выручил из беды, может быть, спас от смерти, став попутчиком власти и пожертвовав своим именем. Когда-нибудь узнаете»⁶⁸³.

Отвечая на письмо, Деникин отметил, что прохождение через процедуру официальной реабилитации спасало перебежчиков от суда общественного мнения, намного более сурового⁶⁸⁴. По мнению Деникина, Болховитинов пошел к большевикам в самом начале добровольно, а среди его бумаг были найдены записки, в которых одобрительно говорилось о коммунизме, что давало основание для расследования. Кроме того, позднее из советской печати стало известно, что Болховитинов якобы работал на красных и в белом лагере⁶⁸⁵.

По свидетельству А. И. Деникина, с сентября 1918 по март 1920 г. суду было предано порядка 25 генералов, но смертной казни никто из них не подвергся, причем все разжалованные в рядовые к концу 1919 г. были восстановлены в прежних чинах⁶⁸⁶.

Только 14 (27) декабря 1919 г. был издан запоздалый приказ главкома ВСЮР об амнистии перешедшим из Красной армии офицерам⁶⁸⁷. Поскольку судебные дела продолжали тянуться и далее, выходили приказы об их прекращении, очевидно, амнистия не стала автоматической. 29 апреля (12 мая) 1920 г. генерал П. Н. Врангель издал еще один похожий приказ, согласно которому предписывалось всех офицеров и солдат РККА, сдавшихся белым, «освободить от всех кар и ограничений и восстановить в правах, преимуществах, выслуженных до 1-го декабря 1917 года и по вступлении в войска Вооруженных Сил Юга России»⁶⁸⁸. Аналогичный приказ предписывал провести такие же действия в отношении перешедших из национальных армий⁶⁸⁹.

Конечно, в ряде случаев суд играл реабилитирующую для бывших военспецов роль. Бросается в глаза кажущаяся внешняя формальность практики предания суду (в частности, предавались суду и оправдывались в том числе и известные белые подпольщики из РККА). Но думается, что подобная практика в условиях Гражданской войны была неоправданной роскошью для белых, рассчитанной в основном на успокоение фронтовой массы, ненавидевшей большевиков. Такой подход обернулся для белых катастрофой. Разжалованные и ошельмованные военспецы могли принести значительную пользу отнюдь не в качестве простых телефонистов или каторжников, а, например,

будучи направлены в армию адмирала А. В. Колчака, где, даже несмотря на переход академии, нехватка опытного командного состава и квалифицированных штабных работников достигла значительных масштабов.

Впрочем, суровое отношение к перебежчикам и пленным из бывших офицеров обычно не распространялось на личные взаимоотношения между бывшими однокашниками по академии. В этом плане интересно свидетельство военного журналиста А. А. Валентинова, который пересказывал историю о перелете к белым в январе 1920 г. капитана М. П. Строева (Рихтера). По его словам, «опустился он под Тихорецкой в наше расположение, несомненно, по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились уже к Новороссийску, и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скрывал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд Ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры Генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно. Ротмистр князь К. (офицер для поручений при генерале Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу Генштаба. Об инциденте доложили генералу Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Генерал Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прошения. Позже вина Строева была доказана»⁶⁹⁰.

О необходимости дифференцированного подхода к пленным военспецам писал генерал Д. В. Филатьев в докладной записке «Оценка взаимного стратегического положения противобольшевистских и большевистских войск», составленной 4 февраля 1919 г.: «В отношении командования, т. е. генеральского и офицерского состава, советская армия не имеет преимуществ перед Донской, Кубанской и Добровольческой армиями, но, несомненно, значительно превосходит армию адм. Колчака, в которой чисто по географическим условиям должен ощущаться большой недостаток генералов и офицеров.

Приходится еще думать, что в отношении командного состава на пользу Троцкого пошел приказ по Добровольческой армии*, грозивший карами тем, кто не оставит немедленно ряды Красной армии и не перейдет на сторону добровольцев. Каково же должно быть душевное состояние тех, что попали в Красную армию или ее управление по набору? Да если и не по набору, то лишь из-за того, что семьям буквально было нечего есть. Кроме того, уйти или уехать из Совдепии совсем не так просто, особенно для человека без средств; мытарства же по железной дороге под видом крестьянина или рабочего доступны

* № 148 (примеч. Д. В. Филатьева).

только офицерам выносивым и молодым. Хотя многие из офицеров для того только и поступали в советские войска, чтобы при первом столкновении перейти на противоположную сторону, однако при строгом надзоре такие переходы очевидно не легки, а для семейных, кроме того, есть еще одна тревога: уйдешь, расстреляют семью, а если не удалось уйти, впереди ждет жестокая расправа от добровольцев.

При такой альтернативе возможно, что человек, особенно слабый духом, из невольного сотрудника Троцкого делается сознательным его помощником, рассчитывая на то, что успех Троцкого, во всяком случае, избавит от того возмездия, которое неизбежно при его поражении. Конечно, такие чувства очень низки, но в жизни героические натуры встречаются редко, а остальные — все люди среднего типа, не слишком сильные в борьбе. Исходя только из этого соображения, не следовало бы ставить на одну линию всех вообще генералов и офицеров, служавших в Красной армии, и явных предателей вроде [М. Д.] Бонч-Бруевича, [Н. А.] Сулеймана, [Н. И.] Раттеля, [А. А.] Свечина, [Д. П.] Парского, [П. П.] Сытина, [А. Е.] Снесарева, [В. Н.] Егорьева, [Алексея Евгеньевича] Гутора* и [Л. М.] Болховитинова, так искусно скрывавшего свою интимную близость к Троцкому. Равным образом не заслуживают пощад и разные неизвестные точно по фамилиям командующие фронтами и армиями и так называемые «руководители военных районов», которые, быть может, шли сначала к Троцкому, искренно веря в его намерение воевать с немцами, но которые тем не менее остались на своих местах и тогда, когда стало очевидным, что советская власть и не помышляет о борьбе с Германией. К тому же вначале большевики, как известно, никого не задерживали и всем позволяли выходить в отставку, так что кто хотел, тот мог уходить свободно, а если остался, то, значит, сделал это сознательно. Наконец, трудно уклониться от мобилизации, но никакая сила не может заставить человека принять на себя командование фронтом или армией.

Вот и следовало бы различать категории лиц, служавших у Троцкого, карая одних и входя в положение других, а главное, не забегая вперед с угрозами, которыми можно только ухудшить свое же положение. После победы будет время разобраться, кто в какой мере виноват»⁶⁹¹.

Эффективные способы предотвращения переходов отсутствовали. В РККА существовали определенные трудности с учетом кадров Генштаба, в результате чего о некоторых генштабистах вспоминали по прошествии длительного времени с момента их перехода к противнику. Так, запрос о местонахождении курсовика Х. В. Гуртовен-

* Если верно, что он пошел в главнокомандующие и наступал на Киев (примеч. Д. В. Филатьева).

ко относится к маю 1919 г.⁶⁹², тогда как еще летом — осенью 1918 г. он значился на службе в украинской армии. Поиски велись по инициативе Полевого штаба РВСР, обращавшегося в ВГШ. В данном вопросе полномочия не были достаточно четко разделены, что вело к несогласованности, дублированию работы и ведомственным противоречиям. Показательно, что в переписке не содержалось каких-либо обвинений в адрес перебежчика, просто устанавливалось его местонахождение. Не исключено, что проволочки в деле поиска исчезнувших генштабистов связаны с тем, что поиски первоначально вели не чекисты, а такие же военспецы, как и те, что бежали. Корпоративный дух оказался сильнее должностных обязанностей. Лишь при невозможности найти человека информация передавалась ВЧК.

В январе 1920 г. был составлен список пропавших «лиц Генштаба», в который вошли 18 человек (в том числе В. Е. Борисов, Н. Д. Всеволодов и др.), в основном исчезнувших в кампанию 1919 г. Между прочим, в документе было отмечено: «Ввиду того что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского Главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета республики проведено не будет»⁶⁹³. В другом списке без вести пропавших, также относящемся к 1920 г., значатся 47 человек, из которых 45 пропали без вести или перешли к противнику, в том числе некоторые известные перебежчики⁶⁹⁴. Таким образом, красные продолжали рассчитывать на военспецов, многие из которых уже около года служили у белых. В борьбе большевиков с переходами возможны были лишь последующие карательные действия, но они не могли возратить ранее перебежавших.

Важную роль в контроле над «лицами Генштаба» играли военные комиссары и органы ЧК. Однако ни те, ни другие не могли предотвратить переходы генштабистов на сторону противника. Кроме того, основная масса фактов измены и саботажа со стороны военспецов приходилась на 1918—1919 гг., когда еще не было ясно, кто победит в Гражданской войне, а эффективная система контроля не сложилась. В то же время делались попытки возложить ответственность за переходы военспецов на опекавших их комиссаров. В телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф. Ф. Раскольниковца Троцкому от 29 июля 1918 г. говорилось о том, что командующий 3-й армией генштабист Б. П. Богословский в Казань не приезжал, находился постоянно в Екатеринбурге, где преподавал в академии Генштаба, и «ответственность за его измену падает на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге»⁶⁹⁵. Иногда комиссары не только не предотвращали переход, но даже бессознательно способствовали ему. Советский главком И. И. Вацетис вспоминал, что ему известно несколько пере-

ходов генштабистов к противнику, но причины не были установлены. Но один случай Вацетису был хорошо известен и произошел только из-за невозможности терпеть оскорбления комиссаров⁶⁹⁶.

Репрессии были фактором, не сдерживавшим измены, а, наоборот, способствовавшим им. Так, Н. Д. Всеволодов в 1918 г. был арестован, причем власть не считалась с его тяжелым положением. Мало того, что сам арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда, будучи еще в декабре 1917 г. признанным негодным к строевой и административной службе⁶⁹⁷, летом 1918 г. тяжело болела его жена. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н. М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г. И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявляющуюся им в моем присутствии корректность по отношению советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»⁶⁹⁸. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Он получил разностороннее представление о порядках, царивших в РККА и Советской России. По освобождении он как инвалид и доброволец был направлен главкомом Вацетисом в октябре 1918 г. в Нижний Новгород на должность начальника штаба Приволжского военного округа. Лишь по прибытии выяснилось, что эта должность уже занята. Тогда Всеволодов по собственному желанию отправился на Южный фронт. В октябре — ноябре 1918 г. он сформировал штаб 9-й советской армии. Работа была не из легких и требовала огромного напряжения сил, поскольку армия первоначально находилась в жутком состоянии. Ее фронт достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100—120 верстах от штаба армии. Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В. И. Киквидзе, что имело огромное военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться.

Всеволодов просил перевода на Кавказ и предоставления полугодового отдыха, но постоянно под разными предлогами (до формирования штаба, до окончания операции и т. д.) получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было отклонено категорически⁶⁹⁹. Тогда он решил пройти освидетельствование и в феврале 1919 г. даже заявил другому генштабисту А. С. Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать больного инвалида»⁷⁰⁰. Кстати, Ролько за это позднее получил выговор, поскольку телефонная линия занималась частной беседой (в 1919 г. сам Ролько попал к Деникину, позднее эмигрировал, но вернулся в Россию, был арестован, а затем вновь поступил в РККА). По-

следний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и, разумеется, ему вновь было отказано⁷⁰¹. Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики просто хотят его использовать в своих интересах до полного истощения. Осознав это, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону Деникина. Впрочем, сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову (в документе — В.), «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»⁷⁰².

Известно еще несколько случаев побегов, вызванных арестами или связанных с ними. Так, отсидев восемь месяцев в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения⁷⁰³, в армию Юденича в 1919 г. бежал генштабист Б. П. Поляков. Некоторые случаи и вовсе напоминают кадры приключенческих фильмов. Бывший полковник Г. К. Ерофеев был арестован «вследствие ряда недоразумений»⁷⁰⁴, оказал при аресте сопротивление⁷⁰⁵, а затем и вовсе сбежал при этапировании в Москву. 13 августа 1918 г. была разослана следующая телеграмма: «Всем Советам. Всем совдепам. В ночь с 31 июля на 1 августа из скорого поезда 4 Смоленск — Москва бежал в пролете Митино — Издешково военрук Орловской дивизии Ерофеев, арестованный за контрреволюционную деятельность. Ерофеев 40 лет, рост выше среднего, брюнет с усами без бороды. Предписываю задержать бежавшего Ерофеева, отправить в Москву в [распоряжение] Чрезвычайной [комиссии]. Наркомвоен»⁷⁰⁶. Уже 14 сентября 1918 г. Ерофеев поступил на службу в Добровольческую армию и служил на белом Юге до конца Гражданской войны.

Ерофеев был не единственным генштабистом, бежавшим прямо из-под стражи. Точно так же при этапировании в Москву из Могилевской ГубЧК в конце 1919 — начале 1920 г. совершил побег бывший Генштаба полковник К. К. Лисицын (ранее уже дезертировавший из РККА)⁷⁰⁷. В 1919 г. был арестован ВЧК генштабист Н. Н. Стогов, однако осенью 1919 г. он бежал из концлагеря, некоторое время нелегально пробыл в Москве и затем с риском для жизни перешел через линию фронта к А. И. Деникину⁷⁰⁸.

Первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., заявлял, что «перед особыми отделами стоит тройная задача. Во-первых, борьба с персональным предательством, во-вторых, фронтовой контрреволюцией и, в-третьих, с технической контрреволюцией»⁷⁰⁹. Но что касается чекистов, то им практически не удалось предотвратить случаи измены среди «лиц Генштаба», и проводившиеся репрессии, в абсолютном большинстве случаев, затрагивали невинных людей.

Измены военной элиты в лице специалистов Генерального штаба, как и прочих спецов, были неизбежным следствием различной

социальной базы белых и красных. Хотя значительная часть военной интеллигенции приспособилась к новым условиям, все же ее представители были в основном чуждым РККА элементом, а отношение к ним далеко не всегда оставалось благожелательным. Тысячи людей были использованы большевиками в своих целях, а затем, когда их опыт и знания уже не требовались, фактически выброшены — подверглись гонениям и истреблению. Старым генштабистам было гораздо ближе антибольшевистские вооруженные формирования, где служили их прежние товарищи. В итоге за время Гражданской войны различными путями из РККА в белые или национальные армии, а также в неизвестном направлении бежали около трети специалистов Генерального штаба.

Это явление было по-настоящему массовым, чему есть объяснение. Прежде всего, распределение кадров Генерального штаба на начальном этапе Гражданской войны оказалось во многом случайным. Некоторые из тех, кто в силу обстоятельств находился тогда на территории Советской России, попали на службу в РККА в 1918 г. случайно, вопреки своим убеждениям. Кто-то, наоборот, поступил в новую армию сознательно, для отражения немецкого наступления, но никак не стремился воевать со своими недавними сослуживцами и друзьями. Для таких людей существовало три выхода из этой ситуации: смириться и подчиниться указаниям начальства; попытаться избежать службы на фронте и прямого содействия красным, устроившись на преподавательскую работу или уйдя в отставку, или же перейти в антибольшевистский лагерь либо бежать за границу.

Распространению переходов способствовали внутренний характер войны, сильно облегчавший конспирацию, а также отсутствие сплошной линии фронта и быстрые ее изменения, позволявшие просто остаться в том или ином пункте и сдать в плен. Неразбериха, существовавшая в 1918 г. у красных, и нахождение РККА и советских органов госбезопасности в стадии формирования также давали дополнительные шансы на успех переходов, в связи с чем именно в 1918 г. лидирует по числу измен генштабистов. В 1919 г. чаша весов в Гражданской войне на какое-то время склонилась в пользу белых, почему и произошло немало переходов, носивших, очевидно, конъюнктурный характер.

Возможности предотвратить массовые переходы большевики не имели из-за проблем с учетом военспецов (хотя учет генштабистов в РККА был поставлен лучше, чем у их противников) и перегруженности работой штабов и управлений, которые, как показала практика, не могли вести розыск семей перебежчиков для их наказания. Репрессии лишь усиливали поток перебежчиков. Несколько человек сумели бежать к противнику прямо из-под ареста. Массовые

переходы сошли на нет сами по себе в 1920 г., когда стало очевидным поражение антибольшевистских сил.

И все же, несмотря на частые измены военспецов, большевикам удалось поставить себе на службу несколько сотен генштабистов. Настоящей опорой большевиков стали не менее 580 выпускников академии, которые в 1918—1920 гг. не служили во враждебных большевикам армиях, не состояли в антибольшевистских подпольных организациях и в составе РККА прослужили не менее двух лет каждый. Многие из них в это время совершенно незаслуженно подвергались репрессиям, но именно этим людям красные, в значительной степени, обязаны своей победой в войне. Помимо них еще несколько сотен генштабистов служили в РККА на протяжении только одного из трех решающих лет Гражданской войны.

Представляется отчасти справедливой оценка бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича: «Конечно, были изменники, перебежавшие к белым, но не они определяли лицо поступившего в Красную армию офицерства. Бегство к белым было зачастую вызвано не столько сознательным стремлением “предать” новую армию, сколько личными обидами, расстроенной психикой, а то и просто неумением противопоставить себя родным или сослуживцам, оказавшимся в белом стане»⁷¹⁰.

11 августа 1918 г. Троцкий писал в приказе по Красной армии и Красному флоту № 21: «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (то есть “офицеры Генерального штаба” последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались геройски. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых “генштабов” немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и крестьянскую Красную армию возрожденной России»⁷¹¹.

Троцкий отмечал: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»⁷¹².

Красная армия численно росла и набиралась опыта в ходе войны. Ее вожди, поставив себе на службу десятки тысяч военных специалистов и в их числе сотни специалистов Генерального штаба, несмотря на все издержки, включая массовые измены военспецов, отсутствие опыта у новых красных командиров, сумели, соединив старый опыт и новые методы управления, «железом и кровью» создать мощную и эффективную вооруженную силу, которая в итоге одержала победу в Гражданской войне.

Злоупотребления

Гражданская война, политика «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры, сопровождавшиеся разрухой, всеобщим дефицитом и голодом, предъявляли особые требования к людям, облеченным властными полномочиями. Разумеется, наряду с кристально честными руководителями находились и те, кто был не прочь воспользоваться служебным положением в личных целях. Не были исключением и генштабисты. Они как представители дореволюционной элиты особенно ощущали ограничения военного времени, поскольку привыкли к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции.

Не случайно именно с близкими к высшему советскому военному руководству военными специалистами весной 1919 года произошел один из ярких скандалов, связанных с попыткой контрабанды большого количества дефицитных продуктов.

Главными фигурантами этого дела оказались достаточно приметные в советской военной иерархии личности: родной племянник советского главнокомандующего И. И. Вацетиса — 24-летний бывший прапорщик Э. И. Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Е. И. Исаев. Оба были впоследствии арестованы по делу Полевого штаба РВСР.

Подлинники бумаг были отправлены в Серпухов члену Реввоенсовета республики С. И. Аралову, а копии сохранились в личном архиве председателя СНК Латвийской ССР П. И. Стучки⁷¹³.

Начало этой истории относится еще к марту 1919 г., когда из Риги в Двинск прибыли три вагона с разнообразным имуществом. Содержимое вагонов 13 марта было поручено досмотреть коменданту штаба армии Советской Латвии В. А. Ухенбергу и секретарю политотдела РВС Р. Я. Кисису. В вагоне № 528, находившемся в распоряжении советского главкома (в котором ехал в качестве начальника вагона его племянник), Ухенберг обнаружил нечто, глубоко его поразившее.

Если верить акту о конфискации, датированному 16 марта, в вагоне перевозили: 500 пачек спичек и 554 отдельные коробки, 31 разбитую коробку спичек, 122 пачки большого и 14 пачек малого размера цикория-ванили, 240 колод русских и 463 колоды германских игральные карт, 7³/₄ фунта русского чая, 12¹/₂ фунта плиточного чая, 46 пачек шнурков для ботинок по 72 пары (всего 3312 пар), 5 пачек туалетной бумаги, около 3 фунтов сахарного песка, около 3 фунтов кофе, сверток с сушеными овощами около фунта, 12 пачек сахарина, 80 фунтов германского кофе-суррогата, 1/4 фунта солодового кофе, 3 большие банки томата, банку казенных консервов, 15 бутылочек искусственного меда, 2 коробки сливочных конфет, 5 фуражек, 26 полубутылок коньяка, одну полубутылку зубровки, 447 бутылок шампанского (разбито 4), 25 бутылок красного вина, 43 бутылки коньяка, около 60 фунтов сливочного масла, 7 свертков с мукой, крупным горохом и жженым ячменем для кофе⁷¹⁴. Думается, содержимое вагона способно поразить размахом не только живших в голодном 1919-м, но и наших современников.

Нормы вывоза из Советской Латвии в РСФСР тогда составляли: фунт сахара, 5 фунтов мяса, 3 фунта масла, 10 фунтов хлеба или 7 фунтов муки, 1/8 фунта чая, 1/2 фунта какао. Также разрешалось вывозить одежду: пальто или шубу, 3 костюма, 6 комплектов белья, 2 пары обуви, 3 шляпы и 4 галстука. Между прочим, вывозимая одежда должна была быть ношеной. Женщинам разрешалось провозить 3 лифчика. Книги можно было вывозить только по специальному разрешению. Вывоз мебели и нешитой материи был запрещен. Впрочем, едушие по служебным делам могли брать с собой больше товаров в соответствии с мандатом⁷¹⁵.

Обнаруженное было конфисковано и доставлено в кладовую при комендантской части штаба армии Советской Латвии, но акт об этом составлен только через три дня после обыска и конфискации. В этом документе по причинам, вероятно, известным только работникам РВС армии Советской Латвии, не были указаны 1000 сигар (впрочем, в одном из документов говорилось, что они не были изъяты⁷¹⁶, но по каким причинам — не указано). Также первоначально указывалось, что в вагоне везли 12 ящиков спиртного. Весь ли провозившийся алкоголь был перечислен в акте при счете не по ящикам, а по бутылкам — опять-таки неизвестно.

Количество изъятого сокращалось от документа к документу. Так, во внеочередной шифротелеграмме в Серпухов Аралову из штаба армии Советской Латвии от 15 марта среди изъятого указывались 462 бутылки шампанского, 46 бутылок коньяка, 44 бутылки красного вина⁷¹⁷. Однако в личном архиве П. И. Стучки обнаружился еще один акт о конфискации, датированный 13 марта, где указано, что конфисковали только 438 бутылок шампанского, 44 бутылки конья-

ка, 25 бутылок красного вина⁷¹⁸. Однако «при конфискации в вагоне означенные ящики вина были частью заделаны*, частью открытыми, и при перевозке со станции на Шоссейную 37 один ящик с красным вином упал с грузовика и около 35 бутылок оказались разбитыми. По документам, выданным при получении означенного вина из склада, должно было быть 50 бут. красного вина, 50 бут. коньяка и 500 бутылок шампанского...»⁷¹⁹ В документах была очевидная путаница — если изъяли 25 бутылок вина, то разбить 35 никак не могли. Возможно, следы дефицитных напитков составители запутывали преднамеренно. На самом ли деле упал с грузовика и разбился ящик красного вина или же его присвоили участники конфискации, история умалчивает.

Началось расследование. Э. Вацетис и Исаев обвинялись «в незаконном провозе ненормированных предметов со спекулятивной целью»⁷²⁰, поскольку документов на право вывоза всего этого богатства у них не оказалось. Чтобы избежать суровой ответственности за спекуляцию, оба фигуранта дела перешли в наступление, упирая в том числе на свои связи на самом веру советского военного руководства.

Уже в день обыска (по другим документам, на следующий день⁷²¹) Исаев отправил телеграфную жалобу председателю РВС армии Советской Латвии К. Х. Данишевскому, в которой указал, что при обыске у него исчезли красный бумажник с 7300 руб. казенных денег и две секретные бумаги доклада по командировке главкому Вацетису⁷²². «Пострадавшие» жаловались на «повальный» обыск и конфискации, причем даже пытались дать законное объяснение наличию у них перевозившихся запасов. В частности, утверждалось, что вино они везли для профилактики эпидемий в Серпухове, где располагался Полевой штаб РВСР, масло покупалось совершенно открыто в присутствии милиции по пути. В одном из документов прямо говорилось, что это были «припасы, купленные при совершенно свободной торговле и для законных потребностей»⁷²³. Более того, Э. Вацетис и Исаев требовали все изъятое доставить в Серпухов⁷²⁴.

Эти заявления явно противоречили происходившему при обыске, когда пассажиры отказывались от вещей⁷²⁵, «никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от Контроля были запрятаны под матрасами, запакованы на дне ящиков, корзин и т. д.»⁷²⁶. По одной из версий, при обыске и вскрытии купе Исаева присутствовал только Вацетис. Самого Исаева не было, бумажник Исаева при этом не был похищен. К тому же никаких заявлений о незаконности действий властей непосредственно при обыске сделано не было. Несколько очевидцев утверждали, что Вацетис при обыске в купе Исаева тоже не присутствовал⁷²⁷. Это же подтверждал и он сам⁷²⁸.

* В документе: *заделанных*.

Э. Вацетис и Исаев путались в показаниях: то заявляли, что продукты и товары нужны были для питания служащих поезда, то для солдатской лавочки 5-го латышского стрелкового полка, располагавшегося в Серпухове для охраны Полевого штаба. При этом не упоминались ни мешок шнурков, ни корзина с карточными колодами. Позднее даже утверждалось, что карты приобрел для своих нужд проводник⁷²⁹.

В связи с телеграммой Исаева комендант штаба армии Советской Латвии, секретарь политотдела и делопроизводитель комендантской части 25 марта 1919 г. направили в РВС армии рапорт, в котором отмечали: «В телеграммах на [чальника] штаба Реввоенсовета Республики Костяева от 19/III. 1919 г. № 1287/оп. и в телеграмме состоящего для особых поручений при главкоме всеми вооруженными силами республики Генерального штаба Исаева от 14/III.—19 г. № 03, сообщенных нам для дачи объяснений, заключается явно ложное, неправильное освещение фактов о производстве обыска и конфискации известных вещей в вагоне I/II класса № 528 13го марта на ст. Двинск.

Ознакомившись [с] содержанием указанных телеграмм, мы заявляем в ответ на них следующее:

1) Мандат на право осмотра всех вагонов, находящихся на Двинском [вокзале?] в целях обнаружения незаконно вывозимых вещей был от Реввоенсовета армии Советской Латвии от 13 марта с. г. № 641 как у коменданта штаба [армии] Советской Латвии тов. Ухенберг[а], так и у секретаря политотдела Реввоенсовета тов. Кисиса.

Выдан был также мандат о конфискации вина и сигар в означенном вагоне от 13/III. 1919 года за № 647.

2) Никаких разрешений властей на право вывоза конфискованных в вагоне вещей для солдатской лавочки лицам[и], проезжающим[и] в означенном вагоне, предъявлено не было, что конфискованные вещи не были предназначены для целей солдатской лавочки 5[-го] латышского стрелкового полка, видно хотя бы из того обстоятельства, что никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от контроля были запрятаны под матрасами, запакнованы на дне ящиков, корзин и т. д. Наконец, истинное назначение таковых вещей выясняет тот факт, что одна телеграмма определяет конфискованные съестные припасы для корма служащих поезда, а другая — для солдатской лавочки. Но обеими телеграммами совершенно забыты те тысячи колод карт (целая корзина) и мешок ботиночных шнурков, которые к общему удивлению обнаружили в том же вагоне и главное без хозяина.

3) Одно уже то обстоятельство, что некоторые ящики вина оказались не заделанными, принудило нас произвести обыск в вагоне. Что же касается желания бывшего начальника вагона Вацетиса выяс-

нить дело в Реввоенсовете, то это выявилось лишь в упрек Реввоенсовету, что последний не пригласил его для объяснений. Когда тов. Ухенберг предложил немедленно послать в Реввоенсовет — последовал отказ Вацетиса. Обнаружив (как указано в пункте 2) незаконную перевозку предметов, мы, конечно, решили обыскать весь вагон.

Начальник вагона — адъютант главкома вооруженными силами республики Вацетис — при обыске решительно заявил, что о вещах кроме вина, сигар и собственного его купе он ничего не знает, что они пропущены наверное по небрежности охраны вагона.

4) Совершенно не обоснованным и не честно злостным является обвинение в похищенном бумажнике с семью тысячами триста рублей казенных денег и секретных документов. Для вскрытия указанного купе был приглашен проводник, который обыкновенным ключом открыл двери купе, из чего следует, что здесь в отсутствие хозяина купе Исаева был свободный доступ для проводника и других. При вскрытии купе и обыске такового у дверей стоял в качестве приглашенного свидетеля Вацетис, причем обыск в купе был произведен единолично комендантом штаба армии Советской Латвии тов. Ухенбергом, после чего купе в присутствии того же Вацетиса было проводником закрыто и не открывалось более во все время обыска.

5) Акт о конфискации был составлен, на котором расписался уполномоченный на то адъютантом главкома (он же был начальником вагона) тов. Вальтер, причем ни им, ни кем-либо другим из следовавших в указанном вагоне лиц никаких претензий о незаконных действиях при конфискации заявлено не было и в акте не оговорено (копия акта передана тов. Вальтеру). Означенный акт препровожден Реввоенсовету армии Советской Латвии при рапорте от 14 марта с. г. за № 1492.

6) Отметая решительным образом обвинения, брошенные указанными телеграммами тов. Ухенбергу и др., заявляем, что содержание телеграмм, пытающееся нарисовать картину “открытого грабежа на большой дороге”, не соответствует действительности, и к самой строгой ответственности должны быть привлечены лица, излагающие перед Революционными учреждениями ложные факты с целью прикрытия явной спекуляции»⁷³⁰.

17 апреля по этому делу раньше других был допрошен Исаев. Он показал следующее: «Я был командирован главкомом Вацетисом в Ригу 4/III в вагоне, предоставленный мне № 528 и платформа с автомобилем. В Ригу я прибыл 8 или 9 марта по выполнении определенных военных заданий. В Риге пробыл 3 дня мой вагон с Э. Вацетисом, адъютант[ом] главком[а], т. Вал[ь]тер[ом], 4 чел. охраны, 2 шофера[ми] и 2 проводника[ми], кроме этих людей в вагоне ехал заведывающ[ий]

⁷²⁹ В документе сокращение неразборчиво.

⁷³⁰ Так в документе.

хозяйст[вом] 5[-го] полка Лапшевский и с ним несколько человек, ехали с согласия главкома. Вагон со всем[и], кроме меня, двинулся из Риги 12/III и остановился по приезду в Двинск на одни сутки, дожидаясь моего приезда, я же задержался в Риге делами службы.

По приезду в Двинск мне доложили, что в вагоне № 528 был обыск и отобрано все принадлежащее ехавшим.

Из всего отобранного мне принадлежали 37 фунтов масла — куплено для поезда главкома и лежало у меня в купе, кроме того, не оказалось в моем купе после обыска коробочки конфет в $\frac{1}{4}$ фунта.

Из вещей, отобранных у меня, больше ничего не взято. Но не нашел у себя в купе по моем возвращении после обыска 7300 р. (семь тысяч триста рублей) в красном бумажнике, в котором, кроме денег, были бумаги всякого рода (удостовер[ения], тел[еграфные?] квитанц[ии], фотогр[афия] отца), все это: бумажник, документы и деньги в нем исчезли, безусловно, благодаря обыску, кроме того, вместе с бумажником хранились секретные документы, которых также не оказалось. Должен указать, что за 6 часов до отправки вагона из Риги явился ком[иссар] внут[ренних] дел (фамилию не знаю) и, обратившись к Э. Вацетису, заявил, что он должен осмотреть вагон. Вагон им был осмотрен, и явившиеся сомнения в законности провозимых вещей им были разрешены совмест[ным] посещ[ением] с Э. Вацет[исом] продов[ольственного] отдела, после чего он, извинившись за беспокойство, не препятствовал движению вагона.

Косвенно я знаю, что вино, приобретенное Э. Вацетисом через продовольст[венный] отдел г. Риги, предназначалось для поезда главкома по случаю распрост[ранения] эпидемии и помощи лечебным заведениям г. Серпухова.

Также знаю, что заведыв[ающий] хозяйст[вом] 5[-го] полка тоже что-то закупил для солдатской лавки 5[-го] полка.

По своем возвращении в купе вагона я нашел картину сплошно-го хаоса — все было, видимо, перерыто, как будто в каждой щели подзревался нелегальный груз, несмотря на то, что им категорически было указано оставить, ввиду моего отсутствия, мое купе в покое»⁷³¹.

Председатель РВС армии Советской Латвии и председатель Ревтрибунала республики К. Х. Данишевский секретно телеграфировал члену РВСР С. И. Аралову 7 апреля 1919 г.: «Передаю на Ваше усмотрение материал по поводу обыска в вагоне Исаева. Ясно, что в данном случае имеем дело с попыткой воспользоваться именем и поручением главкома для приобретения вещей, не подлежащих вывозу из Латвии, и вообще использовать положение в корыстных целях». Говорить

⁷³¹ Здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом, видимо Араловым.

⁷³² Со слова «попыткой» и до конца предложения подчеркнуто также и синим карандашом.

в данном случае, что шампанское и коньяк приобретены для борьбы с эпидемией, смешно. Игральные карты и пр. наверное (в старом значении этого слова — наверняка. — А. Г.) не приобретались и для лавочки 5го полка, и мне кажется, что во всем этом деле 5^й полк служит только ширмой. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, для чего и для кого предполагались вина, кто виновен в вывозе карт и прочего, это должно выясниться следствие. Не заслуживает внимания заявление Исаева и др. о краже и грабежах при обыске. Обыск был произведен только коммунистами под их личной ответственностью. Что бы Вы им [ни] сделали с этим делом, но Эрнест Иванович должен быть удален из Серпухова. Ему не место около главкома. Всего хорошего»⁷³².

Эта телеграмма Данишевского вполне сочетается со следующим отрывком из письма арестованного главкома Вацетиса В. И. Ленину от 22 сентября 1919 г.: «[Н. Н.] Доможиров, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем Реввоенсовета. Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т. е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу»⁷³³. К. Х. Данишевский был последовательным противником Э. Вацетиса и его дяди. Главком Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все — от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма»⁷³⁴.

В защиту пострадавших еще 19 марта 1919 г. выступил начальник Полевого штаба Ф. В. Костяев. 30 апреля на помощь пришел и главком Вацетис, сообщивший председателю трибунала при РВСР Аралову, что культурные вина отпускались для санитарной части поезда главкома по его приказу правительством Советской Латвии безвозмездно (думается, не последнюю роль здесь играли личные связи Вацетиса и его латышское происхождение) для лечения тифа и испанки. Вацетис отметил, что в Риге все было осмотрено и разрешено к вывозу. В Двинске же по распоряжению штаба армии Латвии на основании предписания члена РВС армии Советской Латвии А. Э. Даумана вина были отобраны. Вацетис просил истребовать вина обратно»⁷³⁵. Рассмотрение дела затянулось до августа 1919 г., оно шло параллельно с арестами в Полевом штабе в мае — июле 1919 г. и со следствием по делу Полевого штаба РВСР.

1 мая 1919 г. следствие во главе с военным следователем С. В. Пузицким было вынуждено констатировать, что закупки вина действительно шли для солдатской лавки 5-го полка и поезда главкома Вацетиса и не являлись спекуляцией. Возможно, это решение было вынесено под влиянием вмешательства главкома»⁷³⁶.

Что же с остальным конфискатом? Следователь подошел к этому вопросу основательно. В частности, 7 мая он навел справки у врача Полевого штаба, являлись ли лечебным средством коньяк и шампанское⁷³⁷. Врач сообщил, что коньяк полезен при слабости и упадке питания, а шампанское — при тяжелых заболеваниях, где имелаась сердечная слабость⁷³⁸.

В итоге дело ничем не кончилось. Уже 24 июня сам обыскивавший вагон Ухенберг был привлечен к ответственности. 7 августа 1919 г. Ревтрибунал постановил, что при обыске им были нарушены элементарные правила, в результате чего виновных в злоупотреблениях обнаружить не удалось. Это было поставлено ему на вид, а дело прекращено⁷³⁹.

Эта история не повлияла на положение главкома Вацетиса, с которым были тесно связаны фигуранты дела. Участь главкома, его племянника и генштабиста Исаева была предрешена в связи с делом Полевого штаба, в рамках которого все они были арестованы в июле 1919 г. На фоне борьбы группировок в советском военно-политическом руководстве история с возможными, но труднодоказуемыми злоупотреблениями в окружении главкома оказалась не столь значимой и отошла на второй план.

Бытовая сторона жизни военспецов, даже высокопоставленных, в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и толкало на подобные злоупотребления. Следует, однако, отметить, что ради пользы дела большевики были готовы мириться с наличием в руководстве Советской России явных коррупционеров и закрывать глаза на некоторые нарушения, в особенности если речь шла о незаменимых работниках⁷⁴⁰. И все же вышеприведенный пример не мог быть типичным, ведь речь шла о приближенных к высшему военному руководству.

Обычные же военспецы на хищения и спекуляции шли не от хорошей жизни. Генштабист болгарского происхождения И. Д. Чинтулов пошел на должностное преступление по причине существования на грани выживания. По данным на апрель 1921 г. военспец был помощником начальника оперативного отдела оперативного управления Штаба РККА. Тогда Чинтулов был арестован за попытку незаконной продажи спирта и, несмотря на то, что преступление даже не было совершено (Чинтулов все возвратил), приговорен к расстрелу. Однако приговор не привели в исполнение, и Чинтулова вскоре освободили.

Генштабист подробно описал случившееся в показаниях по делу «Весна»: «Жизнь в Москве становилась все труднее в продовольственном отношении. Ничтожный военный паек, малый оклад не обеспечивали пропитания, носили, что можно, на рынок. В конце концов все понемногу иссякло и перспектив никаких. Тут назрела необходимость предпринять что-либо. Эта обстановка толкнула

меня на незаконное получение спирта, который я собирался продать. Стоимость всей сделки 250 р. ([в] золотом исчислении). Однако через несколько дней я в своих действиях сознался своему начальству, и спирт был возвращен, не будучи продан. Тем не менее через месяц меня арестовали, судили Воен[ной] коллегией Верховного трибунала. Приговор — расстрел. Через 70 дней он был изменен 5-тилетними принудительными работами. С 16 сент[ября] 1921 г. я был на службе в управлении трудовых армий, занимал должность начальника одного из его управлений. Затем за его упразднением переведен инспектором Наркомтруда. С января 1922 г. наказание мое было лишь условным, и я имел возможность в апреле поехать в отпуск в г. Одессу, где рассчитывал повидать своих родных, застигнутых войной 1914 г. в Одессе. К сожалению, отца не застал, он уехал регулировать свои пенсионные дела в Болгарию, где ему была объявлена амнистия. В Одессе, в обстановке жизни впроголодь я заболел тифом (сыпным) и выехать обратно в Москву не мог. В Москве за это время успели меня обокрасть до нитки и выселить из квартиры. Я долго, несколько месяцев, испытывал последствия тифа и только в ноябре, проводив мать в Болгарию, поступил вновь на военную службу, устроиться на иной службе мне не удалось, хотя и хотелось»⁷⁴¹.

Впрочем, свидетельство военспеца содержало неточности. В его подлинных служебных документах обнаружилось подробности дела. Удалось найти рапорт Чинтулова от 9 июля 1921 г. начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву, проливающий свет на этот арест: «Приговором Р[еволюционного] В[оенного] Трибунала Республики от 28/IV с. г. я приговорен был к расстрелу. На заседании 18 июня Президиум ВЦИК нашел возможным расстрел заменить 5-ью годами общественных принудительных работ. В постановлении Президиума ВЦИК не указано о лишении меня гражданских прав и права служить по специальности в Красной армии или вообще в советских учреждениях, отбывая там наказание. Посему считаю себя вправе просить Вас о затребовании меня на службу по специальности. Если же паче чаяния будет признано, что служба моя в Красной армии невозможна, прошу о том меня уведомить»⁷⁴².

Вместе с рапортом было отправлено и личное письмо Лебедеву: «Многоуважаемый Павел Павлович! Со страшно тяжелым душевным гнетом, с чувством избитого до полусмерти человека, но ни на минуту не потерявшего сознание, я рискую обратиться к Вам, быть может, для того, чтобы еще больше согнуться под бременем новой неудачи. Тем не менее жажда вырваться из тюремной грязи так сильна, что иначе поступить не могу. В моем рапорте изложена просьба о назначении на любую должность. Если бы Вы нашли возможным удовлетворить ее, меня необходимо затребовать через Народный комиссариат юстиции. Как именно сделать вызов, Вам видно много

лучше, чем я мог бы это изложить, но одним из обстоятельств, могущих очень ускорить дело, является именно требование, предъявленное именно учреждением прежней моей службы. Это, конечно, вовсе не значит, что я должен служить в Штабе РККА, а как генштабист могу быть затребован в резерв Генштаба для любого назначения по Вашему усмотрению. До меня дошли сведения о том, что главнокомандующий против моего затребования штабом. Это сильно меня обескураживает, если только слухи — правда. В заключение позвольте выразить Вам и главному сердечную признательность в помощи, оказанной для спасения моей жизни. Не откажите в любезности о принятом Вами решении уведомить мою жену для передачи мне. Уважающий Вас И. Д. Чинтулов»⁷⁴³.

В показаниях по делу «Весна» Чинтулов перечислил те обиды и страдания, которые перенес за советский период, выводя из этого необходимое следователям признание в своей мнимой контрреволюционности: «Значительную роль играли личные обиды, наносимые мне неоднократно за все время службы советской власти. Я перечислю: необоснованный, на мой взгляд, арест в 1919 г. на 20 дней, отсутствие наград за Гражданскую войну, несмотря на напряженную и полезную работу, жестокое мое осуждение к расстрелу в 1921 г. по ничтожному проступку, невзирая на мое до следствия сознание, высылка в Туркестан, смещение в 1926 г., придирки по службе и невнимание к моей работе, весьма старательной, и необоснованный арест в 1927 г.»⁷⁴⁴.

Злоупотребления с казенным спиртом, ставшим в Гражданскую войну настоящей валютой, были широко распространены. Не обходилось и без традиционного его нецелевого употребления не для спекуляций, а вовнутрь. В этом обвинялся однокашник Чинтулова по академии, начальник разведывательного отделения штаба Западного фронта В. Е. Стасевич, в ведении которого находилась разведка в отношении Польши. Стасевич, «состоя в означенной должности, допустил злоупотребления по службе, выразившиеся в том, что расходовал непроизводительным образом хранившийся под его наблюдением для агентурных надобностей в разведке спирт, частью выдавая спирт сотрудникам, а частью употребляя его на устраиваемые им попойки»⁷⁴⁵. За это военспец постановлением Реввоентрибунала Западного фронта от 2 октября 1919 г. приговорили к году тюремного заключения с принудительными работами и исключили из списков Генштаба. Однако уже в апреле 1920 г. Стасевич вновь значился в армии. Пьянство же было одним из распространенных пороков комсостава РККА, равно как и ее противников, хотя особенно сурово не наказывалось.

Генштабист В. Р. Канненберг свидетельствовал в показаниях по делу «Весна»: «Военный коммунизм, со всеми тягостями для меня, заставлял меня нередко входить в плутовство для получения нескольких пайков, ибо мы голодали, — военный коммунизм был для меня

неприемлем. НЭП был принят мною несколько благожелательнее, так как явилась возможность все достать, но политики советской власти я не понимал, а потому отнесся к нему подозрительно»⁷⁴⁶.

16 августа 1919 г. решением Реввоентрибунала при РВС Западного фронта к 20 годам тюремного заключения был приговорен бывший подполковник, в прошлом начальник снабжения Эстонской Красной армии Д. Г. Фокке. Столь суровый приговор был вынесен за то, что в марте 1919 г. с целью получения незаконной выгоды Фокке составил подложный счет на реквизируемую бумагу, присвоив в результате 22 500 руб. народных денег⁷⁴⁷. Впрочем, Фокке вскоре освободился, не отбыв в заключении и года.

Еще одним злоупотреблением военспецов, вызывавшим обеспокоенность партийного руководства, стал распространившийся nepотизм, т. е. привлечение на службу родственников. В условиях голодного существования, дефицита и разрухи в Советской России устройство в штабы родных и близких существенно повышало семейное благосостояние, гарантировало паяк и жалованье. К тому же на фронте совместная служба позволяла не терять близких из вида и не расставаться с ними. Так, видные военспецы командующий Северным фронтом Д. П. Парский и его начальник штаба Ф. В. Костяев привлекали своих супруг к работе в качестве личных секретарей, что вызывало нарекания и даже расследование в связи с возможным разглашением секретных данных. Комиссар штаба 6-й армии Н. Н. Кузьмин с возмущением писал в Высшую военную инспекцию о наличии в штабе Северного фронта пятнадцати родственных пар⁷⁴⁸.

Непотизм процветал в штабе Беломорского военного округа в 1918 г. Военрук Ф. Е. Огородников трудоустроил в штаб сына Кирилла, начальник административного управления штаба округа Е. Е. Шишковский — своего родственника (сына или брата) Николая Евгеньевича⁷⁴⁹. Похожая ситуация складывалась и в Северо-Кавказском военном округе, где в мае — июне 1918 г. служили исполняющий должность начальника административного управления штаба И. К. Серебренников и секретарь управления О. И. Серебренникова, исполняющий должность заведующего оперативным отделом мобилизационного управления Е. Н. Ригельман и письмоводительница отдела Е. П. Ригельман, последняя в 1919 г. фигурирует на той же должности в разведывательном отделении штаба 11-й армии⁷⁵⁰.

От местных военных учреждений не отставали в центре. Для поручений при коменданте ВВС состоял К. М. Бонч-Бруевич — сын военрука совета М. Д. Бонч-Бруевича⁷⁵¹. В ВГШ переписчицей канцелярии работала родственница начальника ЦУПВОСО М. М. Загю Мария Михайловна Загю⁷⁵². Переписчицей комендантской части комендатуры при ВГШ с ноября 1919 г. состояла М. А. Грундштрем⁷⁵³, очевидная родственница состоявшего в распоряжении начальника

ВГШ А. Г. Грундштрема. Генштабист А. О. Зундблад занимал пост помощника начальника организационного управления ВГШ, а исполняющим должность старшего делопроизводителя отчетно-организационного отдела того же управления служил Г. Зундблад⁷⁵⁴. Упомянутый Е. Е. Шишковский трудоустроивал родственников в структуры РККА и в дальнейшем. Так, его супруга Л. И. Шишковская стала переписчицей комиссии по исследованию и использованию опыта войны⁷⁵⁵.

Подобные примеры можно продолжать. Так, например, А. Н. Гатовского в 1919 г. обвиняли в том, что его деятельность как начальника снабжения 19-й стрелковой дивизии «выражалась лишь в том, что он на разные должности по отделу снабжения назначил своих знакомых разных тетюшек, бабушек, которые ничего не делали»⁷⁵⁶.

Опасность этого явления (чреватого сплочением военспецов, изменами и переходом к противнику целыми семьями), быстро получившего широкое распространение, скоро была осознана большевистским руководством, после чего стали приниматься меры искоренения совместной службы родственников. 27 июля 1918 г. был даже выпущен декрет СНК о недопустимости совместной службы родственников в учреждениях, однако законодательно искоренить эту практику не удалось. Родственники не могли служить вместе на должностях, «оказывающих влияние на ход дела»⁷⁵⁷, но могли служить в разных отделах. Декрет не распространялся на строевые части, в которых служба родственников считалась полезной для большего сплочения личного состава⁷⁵⁸. Аналогичные меры предпринимались и против совместной службы однополчан по старой армии и белым армиям⁷⁵⁹.

Среди прочих возможных злоупотреблений, инкриминировавшихся генштабистам, было разглашение военной тайны. В этом, например, обвиняли штаб Северного фронта, работники которого во главе с командующим Д. Н. Надежным по недосмотру в январе 1919 г. подписали и передали открытым текстом телеграмму, не указав ее секретный характер⁷⁶⁰.

Очевидно, что служба старой военной элиты в Красной армии протекала не безоблачно. В ряде случаев сами генштабисты совершали крупные или мелкие служебные проступки. Впрочем, наказание за них следовало менее строгое (или вскоре смягчалось), чем по обвинениям в контрреволюции.

Униформа и награды

Старого кадрового офицера в Красной армии нередко можно было без труда распознать в массе командиров и красноармейцев. Многие

сохранили выправку, старались держаться с чувством собственного достоинства, одевались подчеркнуто строго. Супруга бывшего капитана С. А. Пугачева вспоминала, что тот за всю Гражданскую войну ни разу не появился на службе «без чистого подворотничка, считая, что его внешний вид дисциплинирующе влияет на окружающих»⁷⁶¹.

До революции генштабисты обладали особыми присвоенными им форменными отличиями. Это был не только знак академии Генштаба, но также белый (серебряный) аксельбант и черный бархатный воротник.

В годы Гражданской войны генштабисты проявляли приверженность традициям в униформе и знаках отличия разными способами. Маршал Советского Союза С. М. Буденный вспоминал о своей первой встрече с военным руководителем Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесаревым летом 1918 г.: «Вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной армии И. В. Сталиным Андрей Евгеньевич [Снесарев] приехал на участок 37-й стрелковой дивизии... Когда нас, группу командиров, представили А. Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к “золотопогонникам” с неприкрытой враждой, и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: “Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал”. Потом мы видели его уже без погон»⁷⁶². В дальнейшем Снесарев, однако, не отказался от демонстрации своей приверженности тем же принципам, но в несколько иной форме.

Ношение погон военспецом РККА само по себе могло быть опасным для жизни и здоровья с учетом неприязненного отношения рядовой массы к царским офицерам. Командованием и чекистами подобные действия могли обоснованно расцениваться как демонстрация контрреволюционности. Наконец, в боевой обстановке человека в погонах могли попросту принять за белого и застрелить.

Намного более распространенными стали иные способы демонстрации военспецами-генштабистами приверженности корпоративным традициям, а заодно своей принадлежности к Генеральному штабу. В условиях отмены прежней формы одежды самым простым и очевидным путем продемонстрировать свой корпоративизм и образовательный уровень, не подвергая опасности жизнь и здоровье и не вызывая подозрений особистов, стало ношение на френчах и гимнастерках академического знака⁷⁶³.

Это явление не могло поощряться, поскольку подчеркивало обособленность, кастовость части командного состава. Но свидетельства о серьезной борьбе с ним обнаружить не удалось. Возмож-

но, на фоне массы других проблем, с которыми сталкивалась РККА, такие проявления казались безобидными мелочами. Более того, в августе 1920 г. в РККА даже обсуждалась возможность разработки собственного знака Генерального штаба⁷⁶⁴. Впрочем, каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось. И все же академический знак с императорским двуглавым орлом на правой стороне груди и знак красного командира с красной звездой на левой (или же значок-кокарда в виде красной звезды на фуражке) выглядят как малосовместимые элементы старого и нового.

Коль скоро армейское начальство сквозь пальцы смотрело на ношение академических знаков и даже само обсуждало возможность введения их аналога в Красной армии, военспецы считали возможным носить эти знаки своей принадлежности к образованной корпорации. Тем не менее демонстративное ношение императорского орла с коронами не могло не представлять собой форму определенного фрондирования порядков в РККА и в Советской России, требовало смелости у тех немногих военспецов, кто считал подобную демонстрацию для себя возможной. Вполне естественно, широкого распространения ношение знаков не получило, но до нас дошли несколько фотоснимков, свидетельствующих о бытовании этой практики. Наличие знаков старой военной академии на мундирах советских военспецов наглядно демонстрирует преемственность и взаимосвязь старой армии и РККА, представляет собой элемент самоидентификации бывших офицеров в советских условиях.

Еще удивительнее, что и в Красной армии генштабисты были наделены специальной униформой, что наряду с приставкой «Генштаба» и другими отличительными особенностями подчеркивало их особый статус и укрепляло корпоративный дух. Из организационного управления ВГШ 2 сентября 1920 г. был направлен запрос в Политическое управление РВСР по поводу введения униформы о «желательности оценки проектируемого мероприятия с точки зрения желательности выделения особой, как бы привилегированной группы лиц из общего уровня военнослужащих...»⁷⁶⁵ Подобные нововведения вели к росту корпоративизма генштабистов, выделяя их из общей массы командиров, поэтому необходимо было принять решение о целесообразности намеченных мероприятий. Проект получил одобрение.

В решающий период Гражданской войны особой формы одежды «лица Генерального штаба» не имели. В основном носили защитное обмундирование без знаков различия — френчи, рубахи с шароварами или галифе. В качестве обуви — традиционные хромовые сапоги. Однако в конце войны своя униформа у них все же появилась. Идея введения такой формы относится ко второй половине 1920 г., когда оставались считанные месяцы до разгрома Русской армии генерала П. Н. Врангеля, ознаменовавшего окончание крупномасштабной

Гражданской войны. В это время в организационное управление ВГШ стали поступать предложения с мест о введении соответствующего обмундирования. Предложения аккумулировались и обрабатывались в комитете по выработке форм обмундирования и снаряжения РККА, входившем в состав ВГШ. Наконец, к началу сентября 1920 г. комитет выработал свой проект новой формы и представил его на утверждение начальнику ВГШ А. А. Самойло⁷⁶⁶.

По предположению А. Б. Степанова, новая форма, документы о введении которой не сохранились, была утверждена начальником ВГШ в конце августа — начале сентября 1920 г.⁷⁶⁷ Однако в августе 1920 г. эта форма еще никак не могла быть утверждена, поскольку и в сентябре проект находился на стадии обсуждения⁷⁶⁸.

Генштабисты РККА получили вместо шинелей светло-зеленые кафтаны или полукафтаны с отложными бархатными воротниками, отворотами и обшлагами, малиновые гимнастерки с черными «разговорами», белые аксельбанты, алые фуражки со звездой и алые с желтым кантом полугалифе. Должностное положение генштабистов обозначалось количеством рядов сутажа на воротнике и обшлагах и его цветом.

По реконструкции А. Б. Степанова, четыре ряда сутажа золотистого цвета обозначали должность командующего фронтом (четыре ромба), три ряда золотистого цвета — должность командующего армией (три ромба), два золотистого цвета — должность начальника дивизии (два ромба), один золотистого цвета — должность командира бригады (один ромб), четыре ряда серебристого цвета — должность командира полка (четыре квадрата), три серебристого цвета — должность командира батальона (три квадрата). Так, на кафтане бывшего генерала В. Н. Егорьева из собрания мемориального музея А. В. Суворова в Санкт-Петербурге — четыре ряда золотистого сутажа. Кроме того, есть данные о том, что серебристый цвет использовался для обозначения красных офицеров, золотистый — для выделения высшего состава.

Новая форма была апофеозом эклектики, сочетая в себе символику старого Генштаба (черный бархат как приборный цвет Генерального штаба, белые аксельбанты), красный цвет, обозначавший новые веяния, и древнерусский покрой одежды, напомилавший одежду стрельцов. Не удивительно, что эта форма с преобладанием староружимых особенностей в среде «академиков» не прижилась.

Существенные перемены в новую форму были внесены широко известным приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., коснувшимся формы одежды всей РККА⁷⁶⁹. Согласно приказу генштабисты получили петлицы черного бархата с красным кантом, красный кант на шаровары, а также эмблемы и шифровки белого (серебристого) металла или шитья⁷⁷⁰.

С августа 1922 г. генштабисты стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием», и возник вопрос об отмене особой формы одежды. Но решение вопроса несколько затянулось⁷⁷¹. В конце концов в связи с устранением категории «лиц Генштаба» как отдельного корпуса комсостава РККА особую форму одежды отменили приказом РВСР № 2256 от 26 сентября 1922 г. Причем было отмечено, что «этим лицам впредь должна быть присвоена форма одежды той части войск или того штаба, управления и учреждения, в коих они состоят на службе»⁷⁷². Это стало ударом по корпоративному духу генштабистов Красной армии. Логику большевистского руководства в этом вопросе понять нетрудно — в армии нельзя было допускать распространения неформальных взаимосвязей внутри командного состава, как недопустимо было выделять какую-то группу командиров.

Лишь 2 мая 1923 г. приказом РВСР № 938 постоянному и переменному составу Военной академии РККА было установлено приборное сукно черного цвета с красной окантовкой, нарукавные знаки различия носились по должностям, которые слушатели занимали до поступления в академию⁷⁷³. Разумеется, подобное нововведение трудно сравнивать по значимости для корпоративного духа с установлением особой форменной одежды генштабистов.

Даже до революции определение заслуг штабных работников для представления их к наградам было непростым вопросом — в силу своей специализации генштабисты не часто рисковали жизнью на передовой, а оценить их вклад в управление войсками было затруднительно.

В Красной армии ситуация с награждением военспецов-генштабистов только усложнилась вследствие враждебного отношения большевиков к классово чуждым бывшим офицерам, при котором в наградных вопросах особую роль стал играть фактор лояльности. В период Гражданской войны у военспец-генштабиста было гораздо больше шансов получить пулю в затылок, чем орден Красного Знамени. Количество расстрелянных выпускников академии примерно втрое превышает количество награжденных. В подобной атмосфере эффект от поощрения многократно возрастал.

Орден Красного Знамени был учрежден 16 сентября 1918 г. Право производить награждения принадлежало РВСР. При анализе награждений следует учитывать субъективные факторы, поскольку, как известно, награды не всегда вручаются справедливо и всем, кто их достоин. Среди субъективных факторов: случайное стечение обстоятельств, близость к какому-либо большевистскому военно-политическому руководителю, наградная практика и политика на том или ином фронте, фактор партийности, отсутствие у награждаемого арестов при широком распространении последних в условиях классовой

войны и подозрительного отношения к бывшим офицерам. Немаловажно и то, что часть командиров была награждена непосредственно в период Гражданской войны, а другие — лишь по прошествии длительного времени после событий 1917–1922 гг. Этот фактор имел значимые причины политического характера. Например, в годы Гражданской войны на второго советского главкома С. С. Каменева обрушился целый поток наград, тогда как первый главком И. И. Вацетис подвергался лишь гонениям⁷⁷⁴, а орден получил много лет спустя после войны, когда вышел из опалы.

Нами выявлены сведения о 45 выпускниках Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР за заслуги в Гражданскую войну⁷⁷⁵. Награжденные составляли 2,8% от общего числа военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА за Гражданскую войну. О том, насколько мизерной была эта цифра, свидетельствует статистика награждений, согласно которой к 1 сентября 1928 г. орден получили 14678 человек. К 1 сентября 1920 г. из лиц командного состава орденом были награждены 1866 человек⁷⁷⁶. Статистика зримо отражала классовый подход к награждениям и представления большевистского руководства о незначительности той роли, которую сыграли бывшие офицеры Генерального штаба — представители военной элиты старой России в победе Красной армии.

16 награжденных были слушателями и выпускниками ускоренных курсов академии периода Первой мировой (курсовиками), а в мирное время в академии обучались 29 будущих советских орденосцев. Таким образом, генштабисты с довоенным стажем составляли 64,4% всех награжденных «академиков» и 35,6% приходилось на курсовиков, тогда как соотношение между ними в Красной армии колебалось в диапазоне 67,7–73,9% для генштабистов старших выпусков и 25,8–32,3% для курсовиков. Следовательно, удельный вес курсовиков среди награжденных был несколько выше, чем их процент в командном составе РККА. Генштабовская молодежь смогла лучше зарекомендовать себя перед новой властью и проявила себя более активно на полях Гражданской войны. С другой стороны, молодые военспецы должны были быть ближе к войскам и имели больше шансов отличиться не на ниве штабной работы, а непосредственно участвуя в боях. Например, известен случай посмертного награждения курсовика Я. К. Ивасиова, скончавшегося в ноябре 1919 г. от тифа, «за ряд боевых подвигов, проявленных им во время службы на Восточном фронте»⁷⁷⁷.

Еще выше был процент награжденных среди слушателей новой академии Генштаба РККА, считавшихся в большевистском руководстве своими, «красными генштабистами». В одном из документов даже отмечалось, что первый советский орден уже в 1921 г. имели до половины выпускников⁷⁷⁸, однако это преувеличение — на самом

деле награждены были 22,8 % и 26,2 % слушателей первого и второго выпусков академии соответственно⁷⁷⁹.

Пик награждений генштабистов пришелся на 1920–1921 гг. (14 и 15 награждений соответственно), тогда как в 1919 и в 1922–1924 гг. награждений в среднем производилось в 2–3 раза меньше.

Повторные награждения было разрешено производить с 19 мая 1920 г. После этого среди награжденных стали появляться свои рекордсмены, получившие по несколько наград. Были в их числе и военспецы-генштабисты. По два ордена Красного Знамени РСФСР получили А. И. Корк, В. С. Лазаревич и Е. Н. Сергеев⁷⁸⁰, причем Сергеев и Корк получили второй знак ордена подряд, под номерами 2 и 3 соответственно⁷⁸¹. Впоследствии по количеству орденов их догнал Н. В. Лисовский. Обращает на себя внимание тот факт, что ни один из военспецов-генштабистов не был отмечен максимальным или близким к такому количеством орденов. В Советской России было несколько случаев награждения четырьмя (7 человек) и тремя (68 человек) орденами Красного Знамени РСФСР, однако лиц с высшим общим военным образованием среди них не было.

Крупными военными деятелями среди награжденных были И. И. Вацетис, А. И. Геккер, Н. Е. Какурин, А. И. Корк, С. С. Каменев, В. С. Лазаревич, П. П. Лебедев, С. А. Меженинов, Д. Н. Надежный, В. А. Ольдерогге, Н. Н. Петин, А. А. Самойло, Б. М. Шапошников.

Орден получили руководители основных фронтов Гражданской войны и командующие некоторыми армиями. Определение их заслуг не составляло труда и следовало из достижений соответствующих фронтов. Награждены были командующие Восточным фронтом против войск адмирала А. В. Колчака С. С. Каменев и В. А. Ольдерогге, командующий 7-й армией, оборонявшей Петроград в 1919 г., Д. Н. Надежный, командующий 6-й отдельной армией, освободившей европейский Север России от белых и интервентов, А. А. Самойло, временно командующий 9-й армией А. А. Душкевич, командующий 2-й армией и начальник штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов Ф. М. Афанасьев, командующий 3-й и 4-й армиями В. С. Лазаревич, другой командующий 3-й и 4-й армиями Н. Е. Какурин, командующий 4-й армией Е. Н. Сергеев, командующий 15-й армией А. И. Корк, командующий 16-й армией Н. В. Соллогуб, командующий 11-й и 13-й армиями А. И. Геккер, причем командующие 3, 4, 15 и 16-й армиями — Лазаревич, Сергеев, Корк и Соллогуб — были награждены одним приказом, в основном за успехи в боях первых дней советского наступления 4–5 июля 1920 г.⁷⁸²

С учетом того, что одни и те же военспецы за период 1917–1922 гг. занимали по несколько высших ответственных должностей, орден имели все пять выпускников академии, командовавших Восточным фронтом (Вацетис, Каменев, Самойло, Лебедев, Ольдерогге),

один из двух генштабистов, руководивших Западным фронтом (Надежный), единственный генштабист, командовавший Кавказским фронтом (Афанасьев), и один из двух генштабистов, руководивших Северным фронтом (Надежный). Поразительно, что орденом не был награжден ни один из двух генштабистов, командовавших важнейшим для РСФСР Южным фронтом. Единственный генштабист, стоявший во главе Каспийско-Кавказского фронта, также не был отмечен этим орденом. Подобные явления объяснимы — к концу Гражданской войны, когда шло массовое распределение наград, руководящие посты в армии заняли генштабисты — выходцы с Восточного фронта во главе с Каменевым, которые, очевидно, оказывали непосредственное влияние на наградную политику. Поток наград для работников Западного фронта был обусловлен большой значимостью фронта и его немалыми успехами в период советско-польской войны. Вместе с тем на Южном, Юго-Западном, Кавказском, Туркестанском, Украинском фронтах командные посты длительное время занимали лица, не имевшие высшего военного образования (В. М. Гиттис, А. И. Егоров, М. В. Фрунзе, В. А. Антонов-Овсеенко, М. Н. Тухачевский), но являвшиеся видными военно-политическими деятелями, и вопрос признания заслуг руководящих военных работников на Юге был в большей степени политическим.

Ситуация с награждениями начальников фронтовых штабов — следующей ступени командно-штабной иерархии — была такова: из шести начальников штаба Восточного фронта орден имели трое (Соллогуб, Лебедев, В. Е. Гарф); из девяти «академиков» на должности начальника штаба Западного фронта в 1919–1922 гг. — семеро (Петин, Лазаревич, Соллогуб, Меженинов, М. А. Баторский, А. М. Перемытов, Н. Н. Шварц); из четырех начальников штаба Южного фронта — лишь один (Петин); из двух начальников штаба Юго-Восточного фронта — двое (Ф. М. Афанасьев и С. А. Пугачев); из трех начальников штаба Кавказского фронта — трое (все те же Афанасьев и Пугачев, а также В. В. Любимов); из двух начальников штаба Южного фронта второго формирования (против генерала П. Н. Врангеля) — один (И. Х. Паука). Орденосцем был и единственный генштабист — начальник штаба Юго-Западного фронта (уже упоминавшийся Н. Н. Петин). Однако не были награждены ни один из двух начальников штаба Северного фронта, ни один из двух начальников штаба Украинского фронта, ни один из трех начальников штаба Туркестанского фронта. Причина была в периферийном характере этих фронтов и в отсутствии на Северном и Украинском фронтах крупных успехов. Приоритет по количеству орденосцев этой категории также оказался у представителей Западного и Восточного фронтов. Не исключено, что часть награжденных получили ордена благодаря связям с большевистскими

деятелями. Например, Каменев был связан с В. И. Лениным, Соллогуб и Лазаревич были сотрудниками М. В. Фрунзе, Петин работал с И. В. Сталиным.

Если на фронтовом уровне большинство командующих фронтами и начальников фронтовых штабов (за заслуги на этих или других должностях) в ходе Гражданской войны или позднее получили орден Красного Знамени (на этом уровне достаточно было формального определения заслуг — за успехи фронта награждаются командующий и его начальник штаба), то на уровне командующих армиями и начальников армейских штабов награждения встречаются уже значительно реже.

Приказы о награждении военспецов являются ценнейшим источником для определения их вклада в военное строительство. В приказе о награждении Б. М. Шапошникова отмечалось, что «в течение своей длительной деятельности на высоко ответственной должности начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР тов. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы, во всех ее подробностях, полевых органов, в борьбе с врагами Социалистического Отечества.

Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы Республики с окружавшими ее кольцом врагами, вплоть до настоящего момента — почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. Шапошников с присущей ему инициативой и твердым проведением разработанных им лично боевых операций вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью»⁷⁸³.

Если оперативные документы редко позволяют судить об авторстве операций, то такую информацию можно почерпнуть из наградных приказов. К примеру, Н. В. Соллогуб в период советско-польской войны был награжден «за тщательную подготовку форсирования р. Березины и умелое исполнение этой операции, после чего войска 16 армии стремительным ударом разбили противника и овладели г. Минском, захватив исправный подвижной состав и другие многочисленные трофеи»⁷⁸⁴. Некоторые приказы были гораздо более подробными, содержали детальные описания боевых действий и совершенных награждаемыми подвигов.

Награждения генштабистов практиковались как за конкретные подвиги, так и за руководство войсками в период длительных операций. Так, например, начальник 30-й стрелковой дивизии Е. Н. Сергеев свой первый советский орден получил за руководство дивизией в период с 4 октября по 15 ноября 1919 г., т. е. за время с начала советского контрнаступления на Восточном фронте и до взятия красными

столицы белой Сибири — Омска⁷⁸⁵. Командовавший 6-й отдельной армией А. А. Самойло был награжден по совокупности заслуг за весь период командования армией в 1918—1920 гг.⁷⁸⁶ Среди выпускников и слушателей академии, награжденных орденом, были три ветерана различных антибольшевистских армий — М. И. Василенко, Н. Е. Какурин и В. В. Попов.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г. представления к награждению орденом за период Гражданской войны (до 1 января 1923 г.) запрещались. В том же году вместо республиканских орденов Красного Знамени (РСФСР и других советских республик) учреждался единый орден Красного Знамени СССР. Однако в порядке исключения награждения за Гражданскую войну продолжались, как выдавались и знаки прежнего образца. В 1928 г. к десятилетию РККА ордена Красного Знамени была удостоена группа военных и политических деятелей, среди которых были и те, кто в силу конъюнктурных причин не получил эту награду ранее. Награждение осуществлялось постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1928 г. в ознаменование 10-летия РККА, «отмечая заслуги в руководстве и личном участии в боевых операциях нижепоименованных военных и политических работников в тяжелые годы гражданской войны»⁷⁸⁷. В основном в списке награжденных были партийные функционеры (С. М. Киров, А. И. Микоян, М. Л. Рухимович и др.), однако оказался здесь и бывший главнокомандующий, заслугам которого в Гражданской войне власть наконец воздала должное. В том же году орден получил соратник М. В. Фрунзе генштабист Ф. Ф. Новицкий. К 10-летию 1-й Конной армии был награжден и видный деятель советской военной авиации М. П. Строев (Рихтер). Военспецы-генштабисты награждались орденом Красного Знамени и в дальнейшем, но уже, как правило, не за заслуги в годы Гражданской войны. К примеру, бывший капитан Е. А. Шиловский, прототип Вадима Рощина из «Хождения по мукам» А. Н. Толстого (приходившегося Шиловскому тестем), стал советским генералом и был неоднократно награжден орденом Красного Знамени СССР в годы Великой Отечественной.

Помимо ордена Красного Знамени генштабисты получали и другие награды, подчас весьма своеобразные. Это могли быть предметы антиквариата, ставшие в результате революционных потрясений достоянием республики. К примеру, один из братьев Раттэлей был награжден золотой табакеркой императрицы Екатерины II, усыпанной драгоценными камнями и со специальной надписью на внутренней стороне крышки⁷⁸⁸. Широко распространены были награждения золотыми и серебряными часами и портсигарами с соответствующими надписями. Часы и портсигары можно было получить от ВЦИК, РВСР или различных РВС, а также от местных Советов. С. Н. Богомягков, например, помимо ордена Красного Знамени за годы

Гражданской войны удостоился серебряного портсигара и золотых часов. М. В. Молкочанов стал владельцем наградных золотых и серебряных часов и серебряного портсигара. В. А. Ольдерогге помимо ордена Красного Знамени был награжден золотыми часами за ликвидацию Врангеля, а также золотыми часами на браслете от Киевского губисполкома за пятилетие службы в Красной армии⁷⁸⁹. В условиях дефицита ценились и практиковались награждения предметами одежды. Так, В. Е. Климовских 15 августа 1920 г. получил от РВС Западного фронта золотые часы и кожаный костюм.

Подлинным признанием таланта военспецов, любви и уважения к ним подчиненных были коллективные избрания почетными красноармейцами. К примеру, С. А. Пугачев в 1922 г. постановлением всех военнослужащих части стал почетным красноармейцем учебно-кадрового полка Отдельной Кавказской армии с занесением имени на красную доску полка. В том же году он был зачислен почетным курсантом 2-х Кавказских кавалерийских курсов, а также отдельной учебной бронероты № 4. В 1923 г. стал почетным красноармейцем Кавказского кавалерийского полка, затем почетным курсантом 21-й пехотной Бакинской школы, а в 1926 г. — почетным красноармейцем 1-й роты 2-го Армянского стрелкового полка⁷⁹⁰.

В качестве своеобразного поощрения дети начальника Полевого штаба РВСР П. П. Лебедева за заслуги отца перед революцией были лишены дворянства и допущены в комсомол без пятилетнего стажа в так называемой юнсекции, которого требовали от прочих дворянских детей (дети недворянского происхождения могли вступить в комсомол после полутора лет стажа в юнсекции)⁷⁹¹.

Практиковались награждения оружием (как холодным, так и огнестрельным). Главком Каменев собрал целый арсенал подобных наград. В апреле 1920 г. он был награжден Почетным Золотым оружием (саблей) от ВЦИК за победы на Восточном фронте, а в январе 1921 г. получил Почетное огнестрельное оружие — пистолет «Маузер» со знаком ордена Красного Знамени на рукоятке (кроме него такой награды был удостоен только С. М. Буденный). Почетным революционным оружием за взятие Перекопских и Юшуньских позиций был награжден А. И. Корк. Всего таких наград к 1926 г. удостоились 20 человек, включая двух военспецов-генштабистов⁷⁹². Эти награждения имели общегосударственное значение, а награда в виде Почетного огнестрельного оружия считалась еще более высоким награждением по сравнению с Почетным холодным оружием.

Существенно меньшее значение имели локальные награждения оружием, практиковавшиеся как местными органами власти, так и отдельными военными или политическими руководителями. И. Т. Алексеев в 1921 г. получил револьвер «Браунинг» от командующего 9-й Кубанской армией И. П. Уборевича за взятие Новорос-

сийска, произошедшее за год до этого⁷⁹³. Наградное оружие от СНК Азербайджана получил в 1920 г. М. И. Василенко, который также был награжден золотыми часами от РВС Кавказского фронта, а в 1923 г. — серебряным портсигаром от Омского губисполкома⁷⁹⁴.

Участники боевых действий, приведших к созданию национальных советских республик, награждались соответствующими национальными наградами. Такие награды получали и военачальники общегосударственного уровня. Так, главком Каменев летом 1922 г. получил орден Красной Звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики за организацию борьбы с Энвер-пашой, а в сентябре 1922 г. украсил грудь военным орденом Красного Знамени Хорезмской народной советской республики «за помощь хорезмскому трудовому народу в его борьбе за свое освобождение и за заслуги в борьбе с врагами трудящихся всего мира»⁷⁹⁵. Некоторые награды были настоящей экзотикой и вряд ли носились самими награжденными. К примеру, П. В. Куликов был отмечен в октябре 1924 г. орденом бухарской Красной Звезды 2-й степени и халатом 1-й степени.

Наряду с этим практиковались поощрения военнослужащих благодарностями в приказах. Иногда более высокая награда по каким-то причинам заменялась более низкой. Так, например, бывший Генштаба подполковник Л. Н. Ростов вместо ордена Красного Знамени постановлением РВС 7-й армии был награжден золотыми часами № 5585464 с надписью «Честному воину Красной армии от Петроградского Сов[ета] Раб[очих] и Красноарм[ейских] Депутатов»⁷⁹⁶.

Отдельно стоит сказать о тех военспецгах-генштабистах, которые, несмотря на свои выдающиеся заслуги перед РСФСР, по причинам политического и конъюнктурного характера не были отмечены орденом Красного Знамени. Среди них несколько высших военных деятелей, внесших значительный вклад в победу РККА: М. Д. Бонч-Бруевич, В. Н. Егорьев, Д. П. Парский, П. П. Сыгин, Н. И. Раттэль, Ф. В. Костяев, Л. Л. Клюев, А. А. Свечин, М. С. Свечников, А. Е. Снесарев. Таких людей было немало. Больше всего их среди тех, кто отличился в начале Гражданской войны, в период 1917–1918 гг.

Удивительно, что наградами оказался обойден даже не находившийся в 1917–1922 гг. в опале М. Д. Бонч-Бруевич, получивший лишь в 1926 г. благодарность РВС СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности⁷⁹⁷. Попытки добиться справедливости не увенчивались успехом. Например, бывший командующий советским Южным фронтом в 1918 г. и советский военный атташе в Грузии П. П. Сыгин вовсе не имел наград за Гражданскую войну. Лишь к 10-летию Красной армии он получил золотые часы с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР» и грамоту «За проявленное Вами мужество, энергию и решительность в борьбе трудящихся против врагов Советского отечества в должно-

стях военрука Брянского района и Командующего войсками Южного фронта в 1918 г.», а в 1929 г. Сытину предоставили персональную пенсию⁷⁹⁸. 19 октября 1932 г. на заключение наградной комиссии было направлено заявление Сытина о награждении его орденом Красного Знамени «за участие в деле советизации Грузии»⁷⁹⁹. О награждении за свою не менее значимую деятельность на Южном фронте в связи со сложившейся в стране политической конъюнктурой Сытин, видимо, просить не отважился. Ходатайство Сытина не сочли возможным удовлетворить. В том, что он так и не получил ордена, могли сыграть свою роль непростые взаимоотношения, которые сложились у Сытина в 1918 г. с И. В. Сталиным и его окружением.

Особенно неприятным для таких, как Сытин, лояльных большевикам бывших офицеров должно было казаться отсутствие у них ордена на фоне тех орденосцев, которые пришли в РККА гораздо позже, под конец Гражданской войны, и тем более после службы в антибольшевистских армиях. К таким военспецам принадлежал бывший Генштаба полковник Н. Е. Какурин, оказавшийся в РККА после двух лет службы в различных украинских армиях, что не помешало его награждению орденом Красного Знамени в 1921 г. за подавление антоновского восстания. Впрочем, это был исключительный случай.

Неотъемлемой частью мрачных страниц советской истории стало лишение многих прославленных орденосцев — героев Гражданской войны их заслуженных наград, что было связано с репрессиями. В частности, постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1940 г. был лишен ордена Красного Знамени И. И. Вацетис⁸⁰⁰, расстрелянный двумя годами ранее. При свидании арестованного Какурина с семьей в 1935 г. его дочь заметила, что отец «был в своем некогда опрятном кителе, но не было на нем привычного ордена боевого Красного Знамени. Темнело лишь выгоревшее круглое пятно»⁸⁰¹.

Наградная практика первых лет советской власти отличалась своеобразием. В новых условиях резко возросло значение политического аспекта наградений, свою роль, если речь идет о высшем военном руководстве, играли лояльность и близость награжденного к партийным лидерам. Однако наибольшее влияние на наградную политику Советской России начала 1920-х гг. оказало то, что героический пантеон Гражданской войны создавался победителями, причем не теми, кто строил Красную армию с нуля в самый трудный период ее истории, а теми, кто одержал победу в кампании 1919–1920 гг. Именно они сохранили за собой руководящие посты в армии после войны и смогли с лихвой пожать лавры победы. Разумеется, обойденные не могли не чувствовать обиду. Тем более что некоторые из них не только не получили положенных наград, но вместо этого прошли через аресты, в результате которых оказались оттеснены от руководства Красной армией.

Сам факт того, что в РККА награждали бывших офицеров-генштабистов, причем в условиях не всегда доброжелательного к ним отношения, многократно повышал значимость такого рода поощрений.

Пленные

Перелом в Гражданской войне знаменовал массовое появление в комсоставе РККА бывших генштабистов-белогвардейцев, попавших в плен и затем принятых на службу. Отношения с ними у тех военспецов-генштабистов, что постоянно служили в Красной армии, складывались очень не просто.

Генштабисты попадали в плен как в результате массовых сдач, так и поодиночке. Причины этого явления различны и во многом ситуативны. Свою роль играло естественное патриотическое желание бывших офицеров русской армии не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Часть офицеров стремилась остаться в родных местах даже при смене власти. Некоторых привлекала служба в Красной армии, доказавшей на полях сражений Гражданской войны свою высокую боеспособность и разгромившей всех врагов. Несомненно, сказывались и разочарование в борьбе, усталость от войны, стремление к мирной жизни, наличие родственников на советской территории. На отдельных фронтах в суровых климатических условиях офицеры сдавались в плен, оказавшись в почти безвыходном положении, не имея возможности куда-либо эвакуироваться или отступить. Разумеется, в плен попадали и те, кто находился в беспомощном состоянии — например, заболевшие. Попадали в плен и непосредственно в ходе боев. Следует отметить, что прямое дезертирство генштабистов из белых и национальных армий и добровольный переход на сторону красных были распространены намного меньше обратного процесса — дезертирства от красных к их противникам, что обусловлено самой природой противоборствовавших сторон Гражданской войны. Добровольные сдачи в плен свидетельствовали не только об обреченности противников большевиков, но и об их мужестве ввиду неопределенности служебных и жизненных перспектив, а также о мировоззренческом переломе⁸⁰².

Пожалуй, первым случаем массового перехода генштабистов из антибольшевистских армий к красным стали события на Украине на рубеже 1918–1919 гг., связанные с падением режима гетмана П. П. Скоропадского и приходом к власти радикальных украинских националистов. Тогда немало офицеров поспешило присоединиться к красным. Как показывал на следствии по делу «Весна» бывший войсковой старшина украинской гетманской армии А. И. Батрук, «более

чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедило меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привела меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно, и поэтому я решил не связывать свою судьбу с У.Н.Р., с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро...»⁸⁰³ Следующий период массовых сдач в плен на Юге относится уже к 1920 г.

В разгар Гражданской войны с пленными генштабистами не церемонились, особенно в удаленных от центра регионах, слабо контролировавшихся Москвой. Уже упоминался случай расстрела в 1919 г. бывшего генерала М. В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться с гетманом П. П. Скоропадским⁸⁰⁴.

Предписания о том, как надлежит поступать с пленными в случае их приема в РККА, относятся к 1919 г.⁸⁰⁵ Эти документы предусматривали направление пленных на другие фронты. Вопрос о пленных в Советской России курировала Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), созданная весной 1918 г. для урегулирования вопроса о пленных и беженцах Первой мировой войны. В 1919 г. ее функции были распространены на пленных и беженцев Гражданской войны. Из ведения Наркомата по военным делам коллегия перешла в НКВД РСФСР. Работа в отношении военнопленных, в особенности бывших офицеров, проводилась в тесном контакте с органами ЧК. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1919–1920 гг. руководил Центропленбежем (в 1920 г. реорганизованном в Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения) член коллегии ВЧК А. В. Эйдук, причастный к расстрелам бывших офицеров. Принимали участие в работе с пленными и представители военного ведомства, стремившиеся пополнить состав РККА квалифицированными кадрами с высшим военным образованием. Общие принципы обращения с пленными белыми офицерами, в том числе поступавшими в Красную армию, и соответствующие инструкции были разработаны и стали применяться на практике только в 1920 г. в связи с ростом потока пленных. Основой такого рода документов стала инструкция для 6-й отдельной армии, действовавшей на европейском Севере России⁸⁰⁶. Особый

отдел ВЧК до 22 апреля 1920 г. разослал особым отделам фронтов и армий телеграмму об отношении к пленным офицерам. Пленные подразделялись на пять категорий: 1) офицеры-поляки; 2) генералы и офицеры Генштаба; 3) контрразведчики и полицейские чины; 4) кадровые обер-офицеры и офицеры из студентов, учителей и духовенства, а также юнкера; 5) офицеры военного времени, за исключением студентов, учителей и духовенства. Представителей 1-й и 4-й категорий предписывалось отправлять в концлагеря, за поляками был предусмотрен особо тщательный надзор в связи с событиями советско-польской войны. 5-я категория подвергалась фильтрации, лояльных отправляли в трудовые армии, остальных в места заключения, как для 1-й и 4-й категорий. Представителей 2-й и 3-й категорий направляли в Москву, в Особый отдел ВЧК⁸⁰⁷. Таким образом, офицеры-генштабисты, по сути, единственные из всех бывших белых офицеров вследствие своей значимости для красных выделялись в особую категорию учета, не подлежавшую прямой отправке в концлагеря и иные места заключения.

В потоке пленных офицеров, исчислявшемся десятками тысяч человек⁸⁰⁸, генштабисты были единичны, но именно они представляли для красных наиболее ценный ресурс специалистов. Большевицкая политика в отношении пленных отличалась дифференцированностью, одним из проявлений чего стало отношение к генштабистам.

2 июня 1920 г. был издан декрет СНК «Об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа бывших офицеров, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов», нацеленный на расширение сдачи белых офицеров в плен⁸⁰⁹.

В обращении управления по командному составу ВГШ в политическое управление РВСР отмечалось, что «большинство быв[ших] офицеров, служивших в белой армии, принадлежат к трудовому классу, оказались в рядах белых случайно, часто автоматически, силою стечения обстоятельств, путем насильственной иногда мобилизации, что подтверждается часто массовыми их переходами при первом случае в ряды красных бойцов»⁸¹⁰. Составлением специального приказа о бывших белых по просьбе Особого отдела ВЧК занимался комиссар ВГШ Д. И. Курский. Касательно пленных руководство РККА стремилось избежать вокруг бывших белых офицеров «атмосферы недоверия и гнета, с одной стороны, и чувства подавленности и изоляции, с другой»⁸¹¹.

После пленения бывшие белые офицеры ставились на установленный приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. и подтвержденный постановлением Президиума ВЦИК от 9 июля 1923 г. особый учет (местный и общий (центральный) — в штабах округов,

фронтов и отдельных армий и в управлении по командному составу армии ВГШ соответственно)⁸¹².

Фильтрацией бывших белых офицеров занимались Особые отделы ЧК. Пленные заполняли анкеты в трех экземплярах. Типовая анкета включала 38 пунктов и содержала предупреждение о строгой ответственности за неверные сведения или уклонение от ответов⁸¹³. Для проверки излагаемых сведений с интервалом в несколько дней нужно было заполнить не одну, а несколько однотипных анкет. Если сведения различались, заполнявший анкету мог быть заподозрен в неискренности.

При фильтрации пленных обращалось внимание на деятельность офицеров в период службы у белых. Чекисты старались отслеживать карателей, лиц, участвовавших в расправах над партизанами и коммунистами. Так, например, колчаковский полковник В. Н. Кусов в конце 1920 — начале 1921 г. находился под арестом за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых. В 1922—1923 гг. он вновь находился под следствием по тем же обвинениям.

Крайне интересны анкеты пленных колчаковских генштабистов, особенно раздел, в котором от них требовали изложить взгляды на революцию и Гражданскую войну. От написанного в этом разделе могли зависеть жизни и судьбы этих людей, поэтому он представлял удивительный образец человеческой мимикрии, когда слабо ориентировавшиеся в политике люди были вынуждены придумывать ту или иную версию своих взглядов, которая бы, по их предположениям, могла понравиться новым властям. Так, бывший капитан Н. А. Плотников 7 февраля 1920 г. записал: «Сочувствую рабочему люду и трудящимся», отметил, что революция дает «новое усовершенствованное бытие и строительство, покоящееся на принципах свободы ч[елове]ка»⁸¹⁴. Бывший войсковой старшина В. Е. Шайтанов писал в анкете в январе 1921 г. о своем политическом настроении: «Рад всегда служить народу»⁸¹⁵. Распространенным среди пленных явлением было занижение в анкетах своего чина у белых, указание на службу не добровольно, а по мобилизации. Имели место также попытки сокрытия службы у белых, когда реальное местопребывание человека в антибольшевистских формированиях заменялось в служебных документах вымышленными данными о службе в РККА. Иногда эти истории напоминали детектив, как в случае с колчаковским генералом А. Я. Крузе, белогвардейское прошлое которого в учетных документах РККА оказалось заменено фиктивными данными о службе у красных⁸¹⁶. Некоторыми пленными всячески раздувались и излагались в выгодном для себя ключе истории о том, как их преследовали в период службы у белых. Штабс-капитан П. Я. Демин, еще в 1918 г. разжалованный у белых в рядовые «за недостойное для каждого военнослужащего поведение во время боя»⁸¹⁷, в красном

плени свидетельствовал, что был разжалован якобы за отказ командовать сотней⁸¹⁸. Разумеется, последнее интерпретировалось как акция неповиновения белым.

Массовые сдачи в плен высокопоставленных белых офицеров начались в конце 1919 — начале 1920 г. на Восточном фронте, где сложилась практически безвыходная для белых ситуация. Белые генштабисты в Сибири оказались перед выбором между уходом от преследующих красных в голодную и холодную тайгу и сдачей в плен с перспективой избежать страданий. Нашлись как непримиримые, отправившиеся в суровый Сибирский Ледяной поход, так и те, кто предпочел сдаться, не видя смысла в продолжении затянувшейся, но уже проигранной войны. Тогда сдались в плен сотни офицеров, в том числе целый ряд выпускников Военной академии.

Массовой добровольной сдачей представителей командного состава, включая офицеров-генштабистов, отмечены события под Красноярском в начале января 1920 г. Здесь в плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, среди которых немало генералов, что свидетельствует о деморализации командного состава колчаковских войск. Выпускниками и слушателями академии среди пленных были: Б. А. Березин, Г. А. Владимирова, А. К. Гайко, Н. И. Герасимович, В. А. Гирш, Н. И. Гуммель, В. В. Каплинский, братья Б. Г. и Н. Г. Кривцовы, Г. В. Леонов, Насонов, Г. Ф. Одноглазков, Н. М. Переверзев, П. К. Семенов, И. М. Финицкий, Н. Ф. Щербинин⁸¹⁹. Одной лишь 5-й армией были взяты в плен более 30 выпускников академии, многие из которых занимали высокие командно-штабные должности в колчаковских армиях⁸²⁰.

К 4 февраля 1920 г. в разведывательном отделе штаба 5-й армии оказался зарегистрирован 31 пленный генштабист⁸²¹. В числе колчаковских пленных в Советскую Россию вернулись и слушатели большевизированного ускоренного курса академии, зачисленные летом 1918 г., но так и не доучившиеся. Среди вернувшихся были П. П. Бурин, Д. И. Вяткин, Ф. В. Егоров, Г. С. Иванов, Л. Н. Леви, К. И. Фиол, братья П. М. и С. М. Шаранговичи. Слушавших курс в течение месяца было решено не считать слушателями академии, но держать на особом учете⁸²².

Пленных генштабистов нередко арестовывали, содержали в тюрьмах и лагерях, причем арест использовался для проверки их лояльности. Например, бывший подполковник П. Н. Соколов содержался в лагере военнопленных при Канском уездном военкомате⁸²³. Бывший генерал А. П. Перхуров — один из руководителей Ярославского антибольшевистского восстания 1918 г. и ветеран колчаковской армии — был заключен в концлагерь «до окончания Гражданской войны»⁸²⁴. Для некоторых офицеров преследования завершились расстрелом. Так, видный участник Белого движения бывший

капитан М. Н. Руссет, попав в плен, был арестован Красноярской ГубЧК⁸²⁵, затем освобожден, прослужил некоторое время в РККА, но 30 августа 1920 г. был вновь арестован Омской ГубЧК и в конце марта 1921 г. расстрелян за шпионаж.

Бывший капитан В. Ф. Тарасов, осенью 1919 г. бежавший из РККА, был в 1920 г. взят в плен и содержался в Вологодском лагере принудительных работ. Окружной военный комиссар Беломорского военного округа просил откомандировать его в штаб округа под личную ответственность комиссара, однако Особый отдел ВЧК не позволил этого. Любопытен и показателен механизм такого рода переписки. Ходатайство было организационным управлением ВГШ направлено на заключение Особого отдела ВЧК, а ответ получен комиссаром управления, а не военспецами⁸²⁶, которым, видимо, не доверяли.

Помимо концлагерей и тюрем белогвардейцев направляли на исправительные работы. Деникинский полковник В. Д. Мащев, оставшийся в Азербайджане и захваченный красными, был направлен в отдельную рабочую роту военнопленных-белогвардейцев при государственном деревообрабатывающем заводе⁸²⁷.

Для облегчения своей участи пленные подавали прошения и ходатайства. Например, пленный колчаковец, бывший слушатель академии Д. И. Вяткин, занявший у красных должность младшего помощника начальника штаба 30-й стрелковой дивизии по оперативной части, 26 января 1920 г. в Красноярске просил начальника штаба 5-й советской армии зачислить его в академию Генерального штаба РККА для продолжения обучения⁸²⁸. Аналогичное ходатайство подал бывший слушатель П. П. Бурин, занявший пост красноярского уездного военрука⁸²⁹. Некоторые в целях выживания даже пытались выдать себя за жертв белого режима, попавших в плен к белым, а не перешедших к ним добровольно в 1918 г., в том числе из рядов Красной армии. Порой такие рассказы приобретали полуанекдотический оттенок, а эпизодические служебные неприятности в белом лагере осознанно преувеличивались. Так, бывший подполковник С. Н. Колегов сумел добиться признания того, что он был захвачен белыми в плен, а не оказался в антибольшевистском лагере добровольно. Бывший полковник И. И. Чубаков утверждал, что был «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность советской власти» и сослан в Тобольск⁸³⁰. Сведения о попытке предать офицера суду содержатся также в документах белых⁸³¹. При этом в списке офицеров Генштаба колчаковских армий к 24 февраля 1919 г. он указан в своем чине, без каких-либо ограничений⁸³². В начале 1920 г. генштабист был назначен для особых поручений при командующем 5-й советской армией⁸³³.

Пленные белогвардейцы иностранного происхождения (или даже тех национальностей бывшей Российской империи, которые после Гражданской войны сохранили национальную государствен-

ность, как, например, прибалты) имели возможность избежать преследований и уехать на родину. В частности, красными в январе 1920 г. на станции Тайга был взят в плен слушатель ускоренных курсов академии в Томске, поручик 1-го Югославянского полка Мартин Май, служивший у белых в штабе Сибирской армии. Офицер болел тифом. Выдержав непродолжительное тюремное заключение и лишившись всех документов, он в 1921 г. уехал на родину⁸³⁴. В том же году был исключен из списков как иностранный подданный и уехал в Эстонию после непродолжительной службы в РККА бывший колчаковский капитан П. Г. Ойнас⁸³⁵. Как уроженец Литвы был уволен от службы в 1921 г. бывший деникинский капитан Н. П. Пашковский⁸³⁶. Бывший генерал А. Г. Лигнау планировал в 1921 г. уехать в Латвию, но остался из-за протеста супруги⁸³⁷.

Пленных колчаковских генштабистов Особый отдел 5-й армии в марте 1920 г. командировал в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и далее в распоряжение начальника ВГШ⁸³⁸. В Москву были направлены вместе с семьями Н. Н. Белкин, Ф. М. Бредш, П. К. Гренгаген, К. Г. Дегтярев, С. С. Дзюбенко, Г. К. Иванов, С. И. Ильин, С. Н. Колегов, А. П. Колесников, А. С. Кононов, Г. М. Кравец, А. Г. Лигнау, Н. А. Михайлов, Н. Д. Молотов, М. С. Перестай, В. Д. Песоцкий⁸³⁹. Пленные остро нуждались во всем необходимом, в том числе в предметах обмундирования и белье. А. С. Кононов в рапорте на имя начальника штаба 5-й армии от 15 марта 1920 г. писал: «Часть генштабистов, выпущенных из тюрьмы, не имеет денег и голодает» и просил дать довольствоваться в столовой Михайлову, Колесникову, Колегову и Песоцкому⁸⁴⁰. 16 марта 1920 г. подполковник В. Д. Песоцкий подал начальнику штаба 5-й армии рапорт о том, что у него нет одежды. «Хожу, напр[имер], в чужих сапогах, которые должен вернуть перед отъездом», — писал бывший офицер. «Все мои личные вещи были взяты партизанами, что видно было из документов»⁸⁴¹. С аналогичными просьбами обращался и подполковник С. Н. Колегов⁸⁴². Командируемым в Екатеринбург и Челябинск из красноярского военного городка, благодаря ходатайству Кононова, выплачивали по 1000 руб. аванса.

Нередко негенштабистов записывали в генштабисты. Возможно, это было простой ошибкой, но, быть может, делалось сознательно, чтобы спасти этих людей от репрессий, поскольку к дефицитным специалистам Генерального штаба относились иначе. Не исключено, что по этой причине в генштабисты записали даже знаменитого организатора женских ударных частей в 1917 г. М. Л. Бочкареву, которая на 1920 г. имела чин поручика⁸⁴³.

Пленные были крайне ослаблены после всего пережитого, в марте 1920 г. одна группа колчаковских генштабистов даже не смогла выехать в Москву из-за эпидемии тифа. Не могли выехать Н. Н. Белкин,

С. С. Дзюбенко, С. Н. Колегов, А. П. Колесников, Н. А. Михайлов (оставшись в Сибири, этот офицер обрек себя на смерть, так как в июне 1920 г. был расстрелян в Омске)⁸⁴⁴. Когда в марте 1920 г. колчаковских генштабистов в массовом порядке отправляли из Сибири в Москву, осталась группа в составе Г. П. Автономова, С. Н. Колегова, Н. М. Пресницкого, А. Н. Псарева, Л. М. Толубаева и В. Е. Шайтанова. Автономов, Пресницкий, Псарев и Шайтанов сдались красным в плен одновременно⁸⁴⁵. Их отправка в центр состоялась лишь 11 ноября 1920 г., а до этого пленные содержались в лагерях. Пленные писали в Полевой штаб РВСР с копией начальнику Особого отдела Петроградской ЧК: «11-го ноября с. г. мы были с партией военнопленных армии Колчака, преимущественно офицеров, по распоряжению Омской Губчека из Омского лагеря военнопленных отправлены в Москву, откуда по распоряжению В.Ч.К. были переотправлены в Петроград и с 26-го ноября с. г. находимся во 2-м Петроградском лагере принудительных работ особого назначения (Арсенальная набережная, 5), числясь содержанием за Особым отделом Петроградской Чека»⁸⁴⁶. Просьбой всех бывших колчаковцев была отправка в Москву, в распоряжение Полевого штаба.

Характерна судьба выпускника ускоренных курсов капитана А. И. Мезенцева. Колчаковский офицер (начальник разведывательного отделения штаба Южной армии), он после пленения оказался арестован, но быстро вышел на свободу. 4 февраля 1920 г. его вновь арестовал Особый отдел штаба 5-й армии в Красноярске, а затем Мезенцев был переведен в Омск и Москву. Содержался в Кожуховском концлагере. Освободился из-под ареста в Москве 4 августа 1920 г. Затем преподавал на 17-х пехотных командных курсах в Казани. 29 сентября 1921 г. был вновь арестован в помещении ВЧК как бывший колчаковский офицер при наведении служебной справки. Как отмечал 14 октября 1921 г. сам арестованный, «29 сентября 1921 г. я со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений пошел в В.Ч.К., дабы получить ответ “не имеет ли В.Ч.К. препятствий о назначении меня на должность н[ачальни]ка мобилизационного отделения Г.У.В.У.З.-а”. Запрос был сделан помкомиссаром⁸⁴⁷ Г.У.В.У.З.-а ввиду того, что я служил в колчаковской армии. При наведении справок в 17[-м] отделении В.Ч.К. меня арестовали. На мой вопрос, за что я арестован, получил ответ[:] за службу у Колчака. В Красной армии служу уже 2^й год. До назначения на службу в Красную армию, я за службу в колчаковской армии прошел Особый отдел В.Ч.К. при штабсе 5[-й] в Красноярске, Особый отдел представительства В.Ч.К. при Сибревкоме в Омске, Особый отдел В.Ч.К. в г. Москве и последним после допроса был освобожден 5го августа 1920 для назначения на должность в Красную армию. Всего следствие велось с 20 января 1920 г. до 5 августа 1920 г. Служа 2^й год в Красной

армии, ни в чем предосудительном замечен не был и имею на этот счет удостоверение от комиссара и н[ачальни]ка политической части Приволжского окружного упр[авления] военно-учебных заведений, кое отобрано при моем аресте. Приехал в Москву 8 сентября в отпуск после болезни брюшного тифа и стал ходатайствовать в Г.У.В.У.З.-е о переводе меня из Казани в Москву»⁸⁴⁸.

Мезенцев был заключен на 10 дней во внутреннюю тюрьму ВЧК, после чего переведен в Бутырскую тюрьму⁸⁴⁹, но так и не допрошен. В связи с затягиванием дела 27 октября 1921 г. он обратился с повторным заявлением в Политический Красный Крест, в котором изложил обстоятельства ареста еще подробнее. Благодаря этому описанию можно представить механизмы работы особистов в конце Гражданской войны в отношении бывших белых офицеров.

Мезенцев писал: «В настоящий момент идет 5^я неделя, как я арестован, но до сего времени дoproшен не был. Арест мой произошел следующим образом. 29 сентября с. г. я пошел со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений в Особый отдел В.Ч.К. (Лубянка, 2), в коем просилось сообщить ему: “Не имеет ли препятствий В.Ч.К. о назначении меня на должность начальника мобилизационного отделения”. Запрос этот вызван был тем, что я ранее служил в колчаковской армии. Должность эта в Г.У.В.У.З. была мне предложена начальником штаба Г.У.В.У.З.-а на поданный мною рапорт с ходатайством о переводе из Казани, где я состою преподавателем 17^х пехотных командных курсов по тактике, а в Красной армии служу 2^й год. Придя [в] В.Ч.К., я пошел к управляющему делами и подал бумагу, и, видимо, его секретарь положил резолюцию — к гражданину Артузову; отправился я к нему, он, посмотрев сношение, сказал, что ответ будет дан скоро, но я попросил, что нельзя ли таковой получить сегодня, т. к. через два-три дня мне придется ехать на старую должность. Тогда т. Артузов положил резолюцию[:] 17[-е] отд[еление] т. Иванову дать справку. Найдя 17[-е] отд[еление], я подал, как видимо, т. Иванову бумаги с указанной резолюцией, он, посмотрев их, сказал[:] обратитесь, указав рукою, к какому-то (фамилии не знаю), видимо, его помощнику или секретарю, я подошел к нему, и он стал расспрашивать, кто я такой, где я служу и почему я в отпуску по болезни после тифа и у меня удостоверение по болезни от М.О.В.С.У., а не казанской комиссии, я ему ответил, что комендант города послал меня на переосвидетельствование, где я и получил взамен отобранных документов и выданных мне казанским военным госпиталем по постановлению комиссии того же госпиталя. Тогда у меня, отобрав пропуск и удостоверение личности, он куда-то ушел, затем вернулся и повел к другому лицу, где это лицо меня снова начало спрашивать о моей службе в колчаковской армии, а затем мне объявили, что я арестован. Но дело в том, что после моего добровольного пленения под г. Крас-

ноярском я прошел три Особых отдела: 1) Особый отдел при штабе 5[-й], где я за отсутствием конкретных обвинений, после 2¹/₂-месячного заключения в тюрьме и лагере, я был освобожден[;] 2) Особый отдел представительства В.Ч.К. при Сибревкоме в Омске, где тоже был освобожден, и 3) третий раз в Москве Особый отдел В.Ч.К., где тоже после опроса следователями т. т. Калинина и Цейтлина* (точно не помню) был также освобожден 5го августа 1920 г. из Кожуховского лагеря. В данное время снова меня арестовывают при наведении справки, коя указана выше. Перевод я получил потому, что я перенес в течение почти одного года сыпной и брюшной тиф, и здоровье стало плохое, и при наличии голода в Казани я не мог продолжить там службу, т. к. дороговизна на продукты стала повышаться очень сильно. Кроме того, и сам климат, где малярия все время, т. е. весна, лето и осень сильно действовали на мое подорванное здоровье. Обращаюсь к Вам с просьбой о содействии моего освобождения, т. к. я уже за службу в колчаковской армии был после семи (7) месячного сидения по тюрьмам и лагерям освобожден самим же Особым отделом В.Ч.К., а за службу в Красной армии я ничем опорочен не был и в отобранных у меня документах есть удостоверение о моей службе в Красной армии. После брюшного тифа у меня сильное малокровие и вообще чувствую себя плохо. Прошу Вашего содействия»⁸⁵⁰.

Мезенцева в конце концов допросили. Следователь заверял его: «Вы будете выпущены из тюрьмы, я никогда не вру»⁸⁵¹. До середины января 1922 г. он терпел, однако затем подал заявление, что, если до 23 января 1922 г. не будет ответа о его судьбе, он объявит голодовку. Не получив ответа, 24 января Мезенцев начал голодовку, сообщив об этом в Политический Красный Крест. Наконец 7 февраля 1922 г. военспец освободили⁸⁵². После освобождения он работал школьным учителем физкультуры. 22 апреля 1932 г. был арестован за антисоветскую агитацию, освобожден 22 июля 1932 г., лишившись права проживания в Московской и Ленинградской областях на три года. С 1935 г. проживал в Московской области, работая счетоводом плододомбината им. Бадаева. В 1937 г. он был в последний раз арестован и расстрелян⁸⁵³. Подобные мытарства бывших белых были типичным явлением той эпохи.

В заявлении другого пленного колчаковца П. К. Семенова отмечено: «Уже истекает шестой месяц, как я, б[ывший] оф[ицер] Генштаба, служивший в армии Колчака, передал себя в распоряжение командования Красной армии в Сибири. Первые два месяца был арестован [при] обследовании ОО Ч.К. штаба и назначен в распоряжение нач[альника] Всеросглавштаба, а в дальнейшем через ГУВУЗ получил назначение на должность инструктора, впоследствии пре-

подавателя [на] 1^х Московских кавалерийских ком[андных] курсах; с начала мая, кроме того, состоял сотрудником ГУВУЗа по организации слета ком[андных] курсов республики. Моя семья[,] мать-старуха и жена[,] после сыпного тифа, потеряв все свое имущество в Сибири разграбленным, лишены в настоящее время меня как работника, не имея абсолютно средств к жизни.

Все вышеизложенное побуждает меня просить Вас:

1) Содействовать ускорению моего дела и назначению меня на службу (допрошен еще не был).

2) Переслать мое ходатайство, при сем прилагаемое, т. Брусилову»⁸⁵⁴.

Пленные белогвардейцы наивно верили в чудодейственное вмешательство председателя Особого совещания при главкоме А. А. Брусилова, который в действительности был таким же, как и многие военспецы, подневольным работником.

Трагична судьба руководителя Ярославского восстания 1918 г. полковника (впоследствии — колчаковского генерала) А. П. Перхурова, сдавшегося в плен красным партизанам в Сибири в марте 1920 г. Первоначально красные Перхурова отпустили, он устроился на службу в РККА, но 19 мая 1921 г. был арестован в Екатеринбурге и обвинен в организации антисоветского заговора. Сам арестованный осенью 1921 г. признавался, что не имел представления о заговоре и никаких сведений следствию дать не мог.

Перхуров писал в Политический Красный Крест в связи с арестом: «19/V — [19]21 я был арестован у себя на квартире в г. Екатеринбурге во время выполнения данной мне из учреждения спешной работы и доставлен в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где от меня потребовали показаний о каком-то заговоре в г. Екатеринбурге, во главе которого я якобы состоял. Не имея ни малейшего представления о существовании какого бы то ни было заговора, а тем более не имея никакого касательства, я, несмотря на примененные ко мне репрессии, никаких иных сведений дать не мог. Насколько мне известно, следствие выяснило, что фактических данных, подтверждающих существование заговора и моей причастности к заговору, — нет.

Во время последних допросов в июне и июле м[е]с[я]ц[е] мне был задан вопрос: “Не был ли я в 1918 г. в Ярославле во время восстания?” На это я дал утвердительный ответ сразу и затем подробно изложил в письменном показании все, что знал относительно этого восстания и той роли, которую я в нем играл. Все это было написано мною в Екатеринбурге, и с тех пор меня не допрашивали, если не считать двух вызовов меня в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где со мной беседовали, но не записывали моих слов, представители советской власти, фамилии которых я не знаю. В Москве из Бутырск[ой] тюрьмы один раз вызывали в ВЧК, но вернули обратно

* Так в документе.

без допроса. 2/Х — [19]21 г. Бутырк[ая] тюрьма. В Ярославск[ом] восстании я командовал силами повстанцев и руководил обороной города. В общем нахожусь в заключении 19^и м[е]с[я]ц с 2 1/2-месячн[ым] перерывом, когда был в резерве при штабе Приур[альско-го] в[оенного] о[круга]»⁸⁵⁵.

В другом заявлении от 21 сентября 1921 г. Перхуров сообщил: «Находясь в течение 1 1/2 года в заключении с перерывом в 2 1/2 месяца, перенеся сыпной тиф, заболев цингой, я совершенно обессилел, т. к. кроме тюремного довольствия ничего не получал. Семья и родные находятся в таком положении, что помочь ничем не могут, да и связь с ними не установлена.

На основании изложенных причин обращаюсь с просьбой снабдить меня: 1) хотя [бы] одной сменой белья, т. к., кроме одетого на мне, ничего не имею; 2) сменой теплого белья, а особенно теплыми портянками или носками и перчатками, т. к. руки и ноги обморожены еще в Японскую кампанию, и 3) съестными припасами, могущими поддержать падающие силы; 4) полотенцем и носов[ым] платком; 5) котелком или кастрюлькой для пищи и б) если возможно, табакком и трубкой»⁸⁵⁶. Проведший более двух лет в заключении заговорщик и контрреволюционер был сочтен опасным и в июле 1922 г. расстрелян⁸⁵⁷. По свидетельству его сокамерника по внутренней тюрьме ВЧК, перед отправкой в Ярославль, где проходил судебный процесс над Перхуровым, решивший его участь, генерал заявил: «Я знаю, что иду на расстрел. Но я мундира своего не запятнал и смерть встречу спокойно»⁸⁵⁸.

Бывший колчаковский полковник Л. А. Текелин, арестованный после пленения, писал: «До настоящего времени я никакого участия в политических делах не принимал и оставался на строго беспартийной платформе. Во время революции оставался на своем посту в штабе I армии бессменно до полной демобилизации армии.

С организацией Красной армии поступил в штаб Приволжского военного округа.

С взятием Казани чехословаками попал в плен белых, где служил до взятия Красной армией Новониколаевска.

Как председатель Военного экономического общества Сибири я сдал общество красным и был приглашен [на] их службу в Центральное управление красноармейских лавок.

С приездом в Москву был откомандирован во Всероглавштаб, т. к. ЦУКЛ был[о] расформирован[о], и подходящей должности мне не оказалось.

В.Ч.К. дал мне удостоверение на право служить в Красной армии, и я прослушал повторительные курсы для бывших офицеров и перед получением должности в организупре или в ГУВУЗе был арестован»⁸⁵⁹. Позднее Текелин был расстрелян. В мае 1921 г. арестован

Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян полковник С. Д. Григорьев.

Не все пленные с безропотной покорностью смотрели на аресты и расстрелы. Некоторые, будучи непримиримыми антибольшевиками, продолжали бороться. Например, группа пленных колчаковских курсовиков из числа гвардейских офицеров совершила побег из плена. Очевидно, эти пленные не рассчитывали на снисхождение советской власти. Бежали бывшие подполковники: барон Н. А. Деллингсгаузен 2-й и Д. А. Малиновский, причем последний бежал из Иркутска к забайкальскому атаману Г. М. Семенову. Бежавшие прожили долгую жизнь в эмиграции. Из тюрьмы Благовещенска в 1920 г. после полугодовой отсидки бежал генерал-майор К. И. Сербинович, затем продолживший службу в антибольшевистских формированиях Востока России. Для Сербиновича это был уже не первый побег. В конце 1918 г. он был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу к белым и уехал на Восток России, где и попал в плен к красным. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать. На Юге России происходили аналогичные случаи. Кубанский офицер Г. З. Семенихин в апреле 1920 г. попал в плен под Сочи, сумел бежать и вновь присоединился к белым, после чего оказался в эмиграции. Полковник М. А. Завгородний в 1918—1919 гг. служил в украинских формированиях, затем оказался в РККА, перешел к белым, эмигрировал в Болгарию, позднее вернулся к белым, попал в плен, некоторое время прослужил в РККА, после чего был зарегистрирован в Русской армии генерала П. Н. Врангеля, а затем из эмиграции приехал в Советскую Россию и опять оказался в РККА. Таким образом, к красным он попадал трижды.

Еще одним участком Восточного фронта, где была пленена целая группа колчаковских генштабистов, стал фронт против уральского казачества. Здесь в 1920 г. также оказались в почти безвыходной ситуации возможного похода по голодным ледяным степям сотни офицеров, среди которых были и генштабисты. Многие из них сдались в плен. Интересно свидетельство полковника И. А. Антипина, данное в ходе допросов по делу «Весна». Антипин вспоминал, что служил в РККА, но летом 1919 г. в связи с обыском у матери, приведшим к обнаружению его наградного оружия и к припадку матери, перешел к уральским казакам. Антипин участвовал в отступлении остатков Уральской армии до Форта Александровского и далее в составе отряда атамана В. С. Толстова отступал в Персию, но «в районе залива Кара-Бугаз [Кара-Богаз-Гол] от него отделились и в количестве 22—24 чел. сдались в плен. Это было числа 29—30 апреля 1920 г.»⁸⁶⁰ После этого нас передали в Красноводский Особый отдел, затем [в] Асхабадский Особый отдел (при штабе 1^и Красной армии), оттуда были переведены в Особый отдел штаба Турк[естанского] фронта, откуда 10—11 ноября 1920 г.

я был по амнистии освобожден и в декабре 1920 г. в составе быв[ших] белых офиц[еров] [перевезен в Москву] (3 вагона без конвоя были направлены в Москву, где встали на особый учет при штабе Моск[овского] военн[ого] округа). По прибытии в Москву я сначала работал по разгрузке дров на вокзале (с конца декабря до апреля 1921 г.). С апреля месяца 1921 г. работал в разных госучреждениях на разных низкооплачиваемых должностях до февраля 1928 г.»⁸⁶¹.

В других показаниях Антипин отмечал, что сдался в плен по причине трудности похода по безводной пустыне и слабого здоровья после перенесенного сыпного тифа, а также в связи с недоверием атамана Толстова к казакам и разочарованием в белых⁸⁶². В период 5–7-дневного пребывания в красноводской тюрьме пленных допросили. В Асхабаде также был проведен допрос, а вызов в Ташкент поступил от командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. При этапировании в Ташкент пленные были оставлены без присмотра на станции Катта-Курган, после чего добирались в Ташкент самостоятельно. В Ташкенте Антипина как ранее служившего в РККА изолировали от остальных. Он был заключен на три недели в тюрьму Особого отдела Туркестанского фронта, которым руководил известный организатор красного террора Г. И. Бокий. Коллегия Особого отдела приговорила Антипина к пяти годам концлагеря, после чего 23 июня 1920 г. он был переведен в ташкентский исправительный дом. Однако 11 ноября пленного амнистировали. Как отмечал Антипин, «по освобождении я обязан был явиться в распоряжение штаба Туркфронта, чтобы встать на учет, но штаб Туркфронта не мог сделать этого без визы Особого отдела, и меня обязали явиться вновь в Особый отдел. Поступив там в распоряжение следователя, меня вновь начали опрашивать, подтвердив ранее данные мною показания, я был штабом Туркфронта взят на учет»⁸⁶³. В Москве Антипин состоял на особом учете как бывший белогвардеец вплоть до 2 ноября 1927 г., когда был снят с учета постановлением ЦИК СССР, упразднившим особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников в СССР.

Касаясь Уральской армии и пленения ее командного состава, нельзя не упомянуть о начальнике штаба этой армии генерале Владимире Ивановиче Моторном, старший брат которого, Виктор, на протяжении всей войны служил у красных. В своих показаниях по делу «Весна» Владимир Моторный писал: «Февральскую революцию встретил несочувственно. Октябрьскую — с недоумением. Мне казалось тогда, что небольшая группа лиц захватила власть в свои руки, но что этот захват ненадолго. Все это привело меня в стан активных борцов против советской власти. По окончании Гражданской войны, которую я провел в должности начальника штаба Уральской белой армии, мне была сохранена жизнь, и я был принят в ряды РККА. Это

меня примирило с советской властью, и я начал, как мне казалось, честно ей служить»⁸⁶⁴.

Пленные белые офицеры с 1920 г. направлялись на ускоренные трехмесячные курсы политической и военной подготовки (каждые курсы на 1000 человек)⁸⁶⁵. Для генштабистов в 1920 г. работало специализированное учебное заведение — повторительные курсы для бывших офицеров, учившихся в академии Генштаба. На эти курсы, в частности, были направлены следующие пленные белогвардейцы: К. В. Акутин, М. П. Базыленок, И. М. Богацкой, Ф. М. Бредш, А. Н. Власенко, В. К. Головкин, М. З. Дьяконов, С. И. Земцов, С. И. Ильин, А. Г. Колчин, А. И. Мезенцев, Н. А. Морозов, В. И. Моторный, Б. М. Перепеловский, В. Н. и М. Н. Пестряковы, Н. В. Соколов, Л. А. Текелин, В. Н. Цедерберг, Л. Н. Шибаев, М. Е. Шохов и др.⁸⁶⁶ Временно исполняющим должность управляющего делами курсов значился А. Н. Власенко. По другим документам, курсы именовались временными повторительными курсами для бывших офицеров, работали в бывшем ресторане «Прага» на Арбате и длились в сокращенном виде три недели. Слушатели размещались в том же здании, где имелось общежитие, получали солдатский паек⁸⁶⁷. Руководил курсами бывший Генштаба полковник В. Я. Жуков. Пленным читали курсы из программы военных училищ, рассказывали об устройстве РККА, преподавали политграмоту и историю последних войн. Военные предметы вели преподаватели академии Генштаба РККА, военные специалисты, в том числе из бывших офицеров Генерального штаба. Лекции по авиации читал В. Н. Гатовский, курс организации РККА — А. Е. Гутор (Алексей), «важно заявлявший, что он достиг большого доверия среди коммунистов и около него нет даже комиссара. Историю последних войн и причины их поражений читал Верховский, бывший военный министр при Керенском. На менее интересных лекциях слушатели, а иногда и сам профессор засыпали, что объяснялось общей слабостью на почве недоедания. Все профессора обращались к нам — господа — и никогда не называли товарищами, исключение представлял один Гутор»⁸⁶⁸. Бывшие белые с трудом воспринимали политическую грамоту, не относились к ней всерьез. Кроме того, им казалось, что военспецы-профессора испытывали плохо скрываемую неловкость перед пленными⁸⁶⁹. Сами пленные стремились воспользоваться курсами, чтобы, как вспоминал кубанский казачий офицер Ф. И. Елисеев (негенштабист), «получить легальную свободу и устроить свою судьбу, кто как умеет или найдет возможность»⁸⁷⁰. Лучшим лектором считался А. И. Верховский, державший на протяжении часа в напряжении аудиторию в 500 слушателей⁸⁷¹. По окончании учебного процесса на курсах Верховский собрал вокруг себя группу слушателей — старших офицеров (генералов и полковников) и откровенно спросил: «Господа!.. Как могла разбить

вас эта сволочь?»⁸⁷² Ускоренные курсы политической и военной подготовки были упразднены по миновании в них необходимости 11 января 1921 г., слушатели подлежали передаче в резерв округов по месту нахождения курсов⁸⁷³.

По свидетельству пленного генерала И. А. Данилова (негенштабиста), военспецы держали себя по-разному, «для ознакомления нас с системой советской военной администрации был прислан профессор академии Генерального штаба, бывший генерал-лейтенант [С. П.] Михеев и бывший военный министр Керенского — Верховский. Насколько второй поразил нас своей наглостью и дифирамбами советской власти, настолько первый своей забитостью и приниженностью. Казалось, что ему было совестно смотреть нам в глаза, и вся его фигура выражала, что он волей-неволей из-за своего существования и своей семьи, под страхом расстрела, должен служить советской власти. Мы это поняли и по окончании лекции, окружив его, старались высказать ему наши симпатии, что произвело на него впечатление»⁸⁷⁴.

В связи с острой нехваткой в РККА квалифицированного состава многие пленные довольно быстро стали получать новые ответственные назначения. Например, в январе 1920 г. в Гурьеве был взят в плен выпускник академических курсов в Томске капитан Поспелов, ранее занимавший пост начальника штаба 4-й Илецкой дивизии белых. Начальником 25-й стрелковой дивизии И. С. Кутяковым офицер был оставлен в штабе дивизии для работы, поскольку, как впоследствии свидетельствовал сам Кутяков, «тогда все красные сотрудники были больны тифом. За короткий срок, благодаря своим большим знаниям, т. Поспелов был оставлен в дивизии и не отправлен в концентрационный лагерь»⁸⁷⁵. Впоследствии Поспелов участвовал в советско-польской войне. Примечательно, что специалистом с «большими знаниями» был назван всего лишь выпускник младшего класса сибирских ускоренных курсов, проучившийся в академии не более четырех месяцев. Исходя из этого, нетрудно представить уровень военных знаний других работников штаба дивизии. Бывший генерал П. С. Максимович стал военным руководителем Сибирского окружного военкомата, бывший ротмистр А. К. Хведкевич — заведующим 1-м отделением мобилизационной части административно-мобилизационного отдела Енисейского губвоенкомата⁸⁷⁶, бывший полковник А. А. Мирошников был зачислен в резерв состава при Енисейском губвоенкомате, бывший подпоручик Л. Н. Климонтович получил назначение временно исполняющего должность старшего инструктора Всеобуча Красноярского уездного военкомата. Некоторые выпускники колчаковских ускоренных курсов акаде-

мии устроились на преподавательскую работу уже в Сибири в 1920–1921 гг. Позднее часть из них прошли через аресты за белогвардейское прошлое. Аналогичные ситуации происходили и на Юге России. Так, начальник оперативного управления Отдельной Кавказской армии П. М. Стрыхарь и военком Черняев в июле 1921 г. ходатайствовали перед начальником оперативного управления Штаба РККА об оставлении при штабе армии бывшего слушателя ускоренных курсов К. В. Чугункова как знатока Кавказа⁸⁷⁷. Судя по всему, Чугунков ранее служил у белых.

На службу пленных в РККА налагались серьезные ограничения, свидетельствовавшие о продуманности этого вопроса. В каждой воинской части их численность не должна была превышать 15 % состава (то же касалось и гражданских учреждений⁸⁷⁸). Пленных предписывалось не назначать на службу в те места, где произошло пленение или добровольная сдача, требовалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства. Отступления от последнего не допускались в отношении казаков⁸⁷⁹. На протяжении первого года службы бывшие белые офицеры не могли пользоваться отпуском, а по истечении года снимались с особого учета. Порядок снятия определялся приказом РВСР № 1035/180 от 14 мая 1921 г.⁸⁸⁰ Теперь ходатайствовать о снятии с учета должны были сами пленные. Эта процедура была фикцией, поскольку бывшим пленным продолжали не доверять, выделяли их из общей массы, накладывали ограничения (например, запрет проживания в приграничной зоне), постоянно перерегистрировали, а сведения об их прошлом находились в компетентных органах⁸⁸¹.

К 1 января 1921 г., по данным отчета Наркомата по военным и морским делам, на особом учете в Красной армии находилось около 12 000 бывших белых офицеров и, видимо, унтер-офицеров, что составляло 5,53 % состава РККА⁸⁸². На протяжении 1921 г. приняли на учет еще 2390 человек, 4000 переведены в Наркомат труда, а затем уволены в бессрочный отпуск. Но в результате сокращений на службе остались только 1975 человек, или 2,3 % состава, «из которых 33,3 % увольнению вовсе не подлежат, как высококвалифицированные специалисты»⁸⁸³. Стоит отметить, что белые пленных красных командиров ценили куда меньше.

Несколько генштабистов были взяты в плен на Севере России. Отношение к ним здесь в целом было более суровым, чем на Юге и Востоке. 21 февраля 1920 г. части РККА вошли в Архангельск. Тех, кто не успел эвакуироваться за границу, ждала тяжелая участь. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров, а затем еженедельных перерегистраций и репрессий. Уже в феврале — марте были расстреляны генерал-лейтенант П. М. Баранов и штабс-ротмистр Л. П. Червинский,

⁸⁷² Так в документе, правильно: *генерал-майор*.

в сентябре — полковник И. С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом, — полковники Н. А. Волков и Л. В. Костанди. При попытке перебраться в Финляндию в районе Онеги была арестована и этапирована в Москву супруга генерала С. С. Саввича⁸⁸⁴. Задержана была и супруга генерала Н. А. Клюева (впоследствии оказалась в эмиграции)⁸⁸⁵.

Пленные белогвардейцы на Севере, как и в других регионах, заполняли анкеты бывших офицеров белых армий. В документах требовалось точно указывать данные о семейном положении, сведения о родителях, адреса, занимаемые должности (особо выделялась служба в полиции до 1917 г.), состояние здоровья, добровольно или по мобилизации служили у белых, в каких боях участвовали, индивидуально или при массовой сдаче попали в плен. Кроме того, запрашивали наименование Особого отдела, через который проходили пленные, место и причину ареста. Запрашивалось участие во всех революциях, отношение к ним (если не сочувственное, то почему), политические настроения, партийность, наличие родственников в РККА и у белых (в том числе на территории белых) или в царской полиции. Наконец, требовалось указать двух видных советских или партийных работников, знавших анкетированного⁸⁸⁶.

Интересно дело полковника Л. В. Костанди. Этот достойный офицер, вероятно, разочаровался в Белом движении и при эвакуации решил остаться на Севере в качестве командующего Архангельским округом и коменданта города. Эмигрировать Костанди не хотел, заявляя, что за границей ему не место⁸⁸⁷. Кроме того, он предполагал, что в Советской России его ждут жена и дети (в действительности они перебрались в Прибалтику). По другой версии, Костанди остался якобы «с ведомо главнокомандующего и по просьбе профессиональных союзов»⁸⁸⁸ с целью спасти оставшихся в Архангельске белых офицеров⁸⁸⁹. При этом одно не исключало другого.

В период смены власти на Севере Костанди действительно играл видную роль, но с занятием Архангельска красными с ним перестали считаться. Отношение к оставшемуся офицеру вызвало возмущение члена РВС 6-й армии Н. Н. Кузьмина, телеграфировавшего в Москву 13 марта 1920 г.: «Срочно. Секретно. Вне очереди по обоим адресам. Москва. ВЧК Менжинскому, копия Реввоенсовет Республики. Архангельск. 13 марта. Я просил [и] настаиваю выделить вопрос [о] Генштаба Костанди. Просил Реввоенсовет Республики, если он не желает его знания использовать широко, дать мне наштадивом. За верность его ручаюсь своей головой. Человеку, расстрелявшему более четырехсот офицеров, можно поверить, когда он ручается за одного. Эйдук вообще скрывает всю мою политическую работу [в] Архангельске и расходится мнением [с] нач[альником] Особ[ого] отдела. Прошу, если Реввоенсовет Республики согласен, прошу Костанди

не арестовывать и разрешить мне его доставить [в] Москву или отдать мне [в] мое распоряжение»⁸⁹⁰.

Однако просьба Кузьмина уважена не была, а Костанди 14 марта 1920 г. оказался арестован Особым отделом 6-й армии за службу у белых. Из Архангельска он 25 марта был доставлен в Москву, где помещен в Кожуховский лагерь и числился за Особым отделом ВЧК. Пробыв более года в заключении, 37-летний полковник был расстрелян в апреле 1921 г. По некоторым данным, в связи с восстанием в Кронштадте⁸⁹¹.

Не пощадили и другого ветерана антибольшевистских формирований на Севере России, бывшего ординарца легендарного «белого генерала» М. Д. Скобелева полковника И. С. Кашубу. Офицер знал несколько восточных языков, но даже это не спасло его от расстрела осенью 1920 г., при том что большевики активно разрабатывали тогда планы советизации стран Азии и остро нуждались в лингвистах. Похоже, информация об этих знаниях Кашубы попросту не дошла до заинтересованных органов в Москве. Расстрелян он был по распоряжению архангельских чекистов⁸⁹².

На Север высылали многих пленных с других фронтов. Прежде всего, захваченных на Юге и на Востоке России. Их участь нередко определялась решениями коллегии «тройки» Особого отдела охраны северных границ республики. Решениями этого органа были приговорены к расстрелу бывшие колчаковские офицеры Л. А. Текелин, И. М. Чебеняев⁸⁹³. Таким образом, ничто не могло защитить пленных от произвола на местах. Аналогичные факты известны и по другим регионам. Например, в Сибири бывший Генштаба полковник В. В. Ракитин был 13 марта 1920 г. арестован за службу у Колчака, 29 апреля приговорен ликвидационной комиссией ВЧК 5-й армии к заключению в концлагерь за приверженность правительству Колчака⁸⁹⁴ и уже 15 мая приговорен к расстрелу по единоличному решению полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского (в прошлом — первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК)⁸⁹⁵.

Взятый в плен в Иркутске в феврале 1920 г. Генштаба генерал-майор К. М. Слесарев, возглавлявший на протяжении 12 лет Оренбургское казачье юнкерское училище, телеграфировал 30 апреля 1920 г. начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, с которым, вероятно, был знаком по прежней службе: «Прошу распоряжения и разрешения назначения преподавателем военных наук [в] открываемой [в] Иркутске военной школе красных офицеров, с 1908 года января по январь 1920 года непрерывно состоял [в] должности начальника Оренбургского военного училища, [в] настоящее время состою [на] учете Особого отдела ВЧК пятой армии, [при] перемене власти [в] Иркутске был арестован следственной комиссией, освобожден [за] отсутствием состава преступления, ревтрибунал постанов-

ление последней утвердил, [в] крайнем случае прошу распоряжения штабурму пять и иркутскому губвоенкому об срочном откомандировании [в] Ваше распоряжение. 30 апреля 1920, Иркутск. Генштаба Константин Слесарев»⁸⁹⁶. Слесарев поступил на службу в РККА, однако уже в марте 1921 г. во время антибольшевистского восстания в Западной Сибири был арестован по обвинению в пособничестве повстанцам и расстрелян⁸⁹⁷.

Ф. Э. Дзержинский признавал высокий профессиональный уровень пленных спецов. 5 августа 1923 г. он писал в Политбюро: «Мы очень бедны спецами. Из своего опыта на транспорте должен сказать, что спецы, оставшиеся у нас, — самые худшие, без инициативы, без характера. Тянут лямку, чтобы жить. Самые лучшие, подвижные и инициативные у нас спецы — это полученные нами и почему-либо не расстрелянные — от Колчака, Деникина и Врангеля»⁸⁹⁸. Далее предлагалось разрешить бывшим белым военным специалистам возвращаться на родину из эмиграции.

Позднее, в 1920-е гг., белогвардейское прошлое во многих случаях воспринималось с оттенком юмора. Например, дело арестованного в феврале 1923 г. колчаковского генерала А. Т. Антоновича было прекращено 30 января 1926 г. Сибирским краевым судом ввиду того, что «преступление носит исторический характер, и Антонович в настоящее время не является социально опасным для советской власти»⁸⁹⁹. Таким образом, декларировалось, что обвинение в контрреволюционности утратило свою актуальность. Впрочем, спустя каких-то пять лет все вернулось на круги своя. В ходе дела «Весна» 1930—1931 гг. бывшим офицерам активно инкриминировались именно контрреволюционные настроения, не говоря уже о белогвардейском прошлом.

Красные последовательно проводили в жизнь тотальный учет бывших белых генштабистов, имевших хоть какое-то отношение к учебе в академии, стараясь использовать в своих интересах максимум специалистов. Даже в 1921 г., по окончании широкомасштабной Гражданской войны, составлялись их отдельные списки с указанием занимаемых должностей. ВГШ 13 октября 1920 г. информировал штаб Беломорского военного округа о том, что учету подлежат «все когда-либо обучавшиеся в академии Генштаба лица, хотя бы и не закончившие курса»⁹⁰⁰.

В этой связи закономерно и то, что на службу привлекались генштабисты, окончившие академию непосредственно в Белой Сибири. Начальник Штаба РККА П. П. Лебедев в мае 1922 г. писал о необходимости «причисленных к Генеральному штабу сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»⁹⁰¹. Проверить данные о наличии у пленных академического образования, полученного там, красные не могли. Эта проблема была отмечена уже в конце 1920 г.⁹⁰² Сложности возникали и с другими офицерами, заявлявшими о своем

обучении в академии. Например, 31 марта 1920 г. начальнику Полевого штаба РВСР из Ейска была направлена докладная записка некоего Н. И. Карасева, автор которой писал: «Прослужив 19 месяцев в Красной армии и занимая в течение последних 9 месяцев должность завуча [нрзб] советских пех[отных] курсов, попал в плен к белым, состоял под судом и следствием деникинской контрразведки и сидел в заключении в г. Ейске. В настоящее время, когда я снова среди моих красных товарищей, прошу Вашего распоряжения о назначении меня на службу, где бы я мог положить все силы и знания на пользу революции как бывший капитан, окончивший военное училище мирного времени и академию Генштаба геодезическое отделение военного времени (курс 8 месяцев)»⁹⁰³. По нашей базе данных, включающей сведения обо всех слушателях ускоренных курсов, Карасев не проходит. Нельзя исключать того, что, зная в целом благожелательное отношение красных к бывшим белым генштабистам, стали появляться пленные, выдававшие себя за эту категорию лиц, но никакого отношения к ней не имевшие.

Множество пленных оказалось захвачено на Юге России. Еще в феврале 1920 г. советское командование предполагало, что в районе Херсона и Одессы могут быть пленены генштабисты, о чем начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников сообщал начальнику штаба Юго-Западного фронта 23 февраля 1920 г.⁹⁰⁴ Предположения Шапошникова вскоре подтвердились, так как в Одессе штабом 14-й советской армии такие лица действительно были зарегистрированы⁹⁰⁵.

Как и в других местах, пленные на Юге тоже заполняли анкеты, где нужно было указывать свои политические взгляды. Деникинский полковник М. Ф. Костенко отметил в анкете: «Стою на платформе советской власти (сторонник коммунистического строительства)»⁹⁰⁶, заявил, что сочувствует коммунистической партии⁹⁰⁷. Бывшие белые, как и на других фронтах, живописали ужасы своего подневольного пребывания в антибольшевистском лагере. Так, например, бывший капитан А. Я. Яновский, попавший к белым осенью 1919 г. при занятии деникинцами Курска, свидетельствовал о том, что был арестован, подвергался побоям и лишь благодаря заступничеству прежних товарищей сумел освободиться, но и после освобождения оставался под следствием и надзором курского уездного воинского начальника⁹⁰⁸. Проверить достоверность многих подобных рассказов не представляется возможным, но известно, что обратно в РККА Яновский попал в декабре 1919 г. в том же Курске. Впоследствии Яновский, несмотря на белогвардейское прошлое, был награжден орденом Красного Знамени за операции в Грузии.

В плен попадали и генштабисты украинских армий. Например, бывший Генштаба полковник Н. Е. Какурин, рассуждая впослед-

ствии о своем переходе к красным весной 1920 г., отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими, у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии наконец ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще чисто [из] патриотических убеждений»⁹⁰⁹.

7 мая 1920 г. Какурин, прибывший в столицу 1 мая, был арестован в Москве Особым отделом ВЧК. Какурин не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в московский Политический Красный Крест. По его словам, «сущность дела заключается в том, что, по-видимому, Особый отдел В.Ч.К. инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2–3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям и вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, за что и попал в польском проскрипционном списке*, при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский Главный штаб. В ряде заявлений в Особый отдел В.Ч.К., Всероглаштаб и н[ачальни]ку оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2^й месяц.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин»⁹¹⁰. По освобождении генштабист поступил на службу в РККА и блестяще там себя проявил.

Широко известна сдача в плен на Северном Кавказе командования Кубанской армии во главе с генералом Н. А. Морозовым весной 1920 г. Генерал В. А. Замбржицкий свидетельствовал о вере Морозова в возможность примирения с красными, о его разочаровании в Белом движении и готовности воспринять советскую идеологию как новую государственническую идею. Основой таких взглядов, по мнению Замбржицкого, стали надежды на установление в стране твердой власти в противовес хаосу у белых⁹¹¹. Любопытно совпадение этой оценки со свидетельством самого Морозова из показаний по делу «Весна»: «Крах Деникина и моральное разложение кубанских и донских частей показали мне, что Белому движению пришлось иметь

дело не с анархией, а с каким-то более прочным государственным образованием. Однако я считал, что для меня как для белого дорога в Сов[етскую] Россию закрыта, пока случайный разговор по телефону с включившимся красным командованием 34[-й] дивизии не дал мне мысли о возможности мирно покончить бесцельную борьбу, причем мне за бегством старших начальников пришлось остаться с казаками за старшего.

Я переходил на сторону красных с весьма смутным представлением о сов[етской] власти, считая ее, однако, единственной государственной властью и интересуясь вместе с моими товарищами тем загадочным строительством, которое ведется в стране.

Действительность 1920 года при близком знакомстве с нею меня сначала разочаровала; мне вскоре стало ясно, что военный коммунизм не удержится, я полагал, что он будет сметен стихийным крестьянским движением, с которым уцелевшим из нас придется иметь дело.

Опыт Кронштадта, Тамбовского, махновского и пр. крестьянских движений убедил меня, что анархия как неизбежный их спутник грозит стране развалом, иностранным вмешательством, закабалением и реакцией»⁹¹².

Свидетельство Морозова достоверно. Его телефонный разговор с временно исполняющим должность начальника 34-й стрелковой дивизии РККА П. В. Егоровым привел к мирным переговорам с красными в районе Сочи возле грузинской границы. Переговоры кубанских представителей во главе с атаманом Н. А. Букретовым и командования 34-й дивизии завершились заключением перемирия и капитуляцией Кубанской армии белых 21 апреля (4 мая) 1920 г. По данным самого Морозова, при сдаче в плен были зарегистрированы 34000 казаков⁹¹³.

Морозов вспоминал о своих мытарствах после сдачи красным: «После перехода я находился в концентрационном лагере в г. Костроме до августа м[еся]ца 1920 года, откуда отправлен был в г. Москву в распоряжение штаба Московского округа на курсы белых офицеров. После прохождения этих курсов, длившихся около м[еся]ца, я был назначен преподавателем военной академии в г. Москве»⁹¹⁴. Среди пленных действия Морозова оценивались по-разному. Многие были недовольны окончанием борьбы с большевиками и позорной сдачей в плен, считали Морозова предателем⁹¹⁵. Часть пленных была привлечена к службе в РККА в связи с эскалацией советско-польской войны.

Некоторые попадали в плен буквально в беспомощном состоянии, что, однако, не смягчало отношения к ним. Например, курсовик В. З. Макшеев был захвачен красными в больнице Полтавы, будучи больным тифом. В мае 1920 г. он без документов добрался до Москвы и подал рапорт начальнику ВГШ о прибытии. Будучи направлен

* Так в документе.

из штаба в Особый отдел ВЧК, оказался задержан и попал в тюрьму⁹¹⁶. Пленных порой отлавливали прямо на улицах. Так, в январе 1921 г. был арестован в Москве (якобы по доносу как бывший колчаковец) слушатель ускоренных курсов академии, ранее служивший у Колчака, К. А. Звиргзд⁹¹⁷. Позднее он был расстрелян.

Пленные белогвардейцы рассчитывали на снисхождение и щеголяли знанием советских законов и воззваний. К примеру, захваченный в плен 9 июня 1920 г. в районе станции Сальково генерал А. П. Ревшин писал из Бутырской тюрьмы в Политический Красный Крест, что «при налете красной кавалерии на рассвете 9/VI на штаб 3[-й] кавал[ерийской] дивизии в д. Ново-Михайловка (на Сиваше), вышел без оружия к налетевшей кавалерии, почему вполне подхожу под декрет т. Ленина об полной амнистии за свою службу у белых. Причина выхода без оружия — воззвание Брусилова к офицерам.

Просил т. Брусилова исходатайствовать амнистию и назначить на Запад[ный] фронт по специальности; т. Сталина (который допрашивал меня в Харькове и принял в моей судьбе большое участие, поместив в отдельную комнату и привезя меня в Москву в своем поезде) просил о предоставлении военной или гражданской службы и ходатайства об освобождении. Прошу Красный Крест о переводе в лагерь для военнопленных и дать какую-либо работу. Ревшин»⁹¹⁸.

Другое заявление Ревшина содержало следующее объяснение: «Я военнопленный, кроме вещей, находящихся на мне, у меня ничего нет, деньги у меня отобраны. Прошу сообщить в Тверь, набережная Волги, дом Гордеевой, Сергею Дмитриевичу* Агокас⁹¹⁹ мою просьбу переслать мне при первой возможности: одеяло, какую-нибудь маленькую подушку, полотенце, носки, носовой платок. Прошу передать эту сделать через Полит[ический] Красный Крест, так как меня могут перевести в другое место заключения.— 27 июля [1]920 г.»⁹²⁰. Наконец, 10 августа 1920 г. датировано еще одно заявление бывшего генерала: «Ввиду невозможности заняться чем-либо в общей камере тюрьмы и желая продолжать изучение немецкого языка, прошу ходатайство о переводе меня в один из лагерей для военнопленных»⁹²¹. Однако просьбы не помогли, и Ревшин был расстрелян.

В 1920 г. в штаб советского Юго-Западного фронта доставили перебежчика из Русской армии П. Н. Врангеля некоего поручика Яковлева, который сообщил о наличии у белых тайной офицерской организации из 30 генштабистов различных штабов, стремившихся договориться о сдаче врангелевской армии красным под гарантию амнистии, причем потенциальным кандидатом в командующие такой армией назывался генерал А. А. Брусилов. До прибытия Брусилова армию должен был возглавить генштабист Соколовский⁹²². На-

сколько эти сведения соответствовали действительности, история умалчивает, но на фоне массовых сдач предшествующего периода такая новость советскому руководству не казалась невероятной. Ленин в начале сентября 1920 г. серьезно отнесся к этой информации и потребовал приложения всех усилий для организации сдачи белых. В частности, было выпущено соответствующее воззвание к белым за подписью Брусилова, всерьез готовившегося осенью 1920 г. в соответствии с предложением заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского занять странный пост командующего армией военнопленных⁹²³.

Влияние знаменитого воззвания группы генералов во главе с А. А. Брусиловым к бывшим офицерам на сдачи в плен генштабистов не прослеживается. Их массовое пленение относится к более раннему периоду: на Востоке России — к рубежу 1919–1920 гг., а на Юге России — к периоду оставления белыми Новороссийской области в феврале — марте 1920 г. и эвакуации с Кавказа весной 1920 г. В меньшей степени подобные явления относятся к разгрому Врангеля в Крыму осенью 1920 г., когда из Крыма смогли эвакуироваться практически все генштабисты, которые хотели это сделать.

Под печально известные крымские расстрелы конца 1920 г. попали генералы И. М. Васильченко, Г. Я. Кислов, Н. А. Крутиков. Возможно, расстрелян был и генерал И. В. Свирчевский. Нельзя сказать, что все пленные были обречены. Практиковался избирательный подход, порой учитывавший сложную и переменчивую обстановку Гражданской войны. Например, так произошло с генштабистом Г. Д. Суходольским, попавшим в плен к белым, а затем к красным. Суходольский был арестован 20 марта 1920 г. Особым отделом Кавказского фронта, но уже 8 апреля 1920 г. приказом по следственной части Особого отдела Кавказского фронта был признан невиновным, причем в документе отмечалось, что «Особый отд[ел] Кав[казского] фронта, рассмотрев дело по обвинению в вооруж[енной] борьбе против советск[ой] власти Суходольского Геннадия, нашел:

- 1) Дело направлено из штаба Кав[казского] фронта при записке коменданта штаба.
- 2) Суходольский Геннадий, бывший полковник Генштаба, в продолжение 1 года и 4 месяцев занимал ответств[енные] посты в оператив[ных] отделах Крас[ной] армии, пользуясь доверием высшего комсостава и исполняя свои обязанности добросовестно.
- 3) Суходольский попал в плен к белым при обстоятельствах весьма вероятных, т. к. падение Курского укрепрайона произошло чрезвычайно неожиданно.
- 4) Суходольский вполне мог бы отступить с белыми, чего он, однако, не сделал, а добровольно передался пришедшим частям т. Буденного.

* Так в документе, правильно: *Викторовичу*.

5) По общему смыслу показаний обвиняемого, обстоятельства, сопровождавшие его пленение, правдоподобны.

А посему, руководствуясь революционной целесообразностью и сознанием долга, постановил: Суходольского Геннадия признать невиновным и направить его в ряды Красной армии»⁹²⁴. Однако Суходольский, несмотря на такой документ, в 1920 г. был арестован повторно на курсах для бывших белых офицеров и осенью 1920 г. отправлен в Архангельск.

Есть свидетельство, что отношение к пленным колчаковским офицерам в Советской России было лучше, чем к деникинцам, поскольку пленные с Восточного фронта считались мобилизованными белыми, тогда как ветераны южнорусского Белого движения — идейными добровольцами. На все это влияло более суровое отношение белых к пленным красноармейцам, практиковавшееся на Юге⁹²⁵. Однако в отношении генштабистов ситуация была обратной — именно колчаковские генштабисты при попадании в плен в наибольшей степени подверглись различным репрессиям. При большей численности взятых в плен в сравнении с Югом России в Красной армии оказался меньший их процент.

Арестная практика ВЧК представляет определенный интерес. Так, бывший деникинский полковник Н. А. де Роберти приехал в Москву самостоятельно в штабном вагоне 10 июня 1920 г. На следующий день он был арестован. Обвинений предъявлено не было, допросов не проводилось. Арестант предполагал, что репрессии последовали из-за принадлежности к бывшим белым офицерам. Вот как описывал участие в Гражданской войне и арест он сам: «По мобилизации служил в Добр[овольческой] армии с конца августа 1918 г. по июнь 1919, когда, вследствие различных несогласий, был отчислен от должности нач[альника] штаба 1[-й] дивизии и был под следствием и судом, но дело закончилось по докладу Главн[ой] воен[ной] прокуратуры, ввиду обнаружения явного пристрастия, не утверждением. Когда была эвакуация Добр[овольческой] армии в Крым, отказался от эвакуации, имея в виду остаться в Новороссийске, и по прибытии туда Кр[асной] армии зарегистрировался. В апреле переболел сыпным тифом, по выздоровлении был опрошен в ЧК и ввиду обстоятельств добровольного оставления не был арестован, а был командирован в Екатеринодар в особ[ый] отдел 9[-й] армии, где вновь допрашивался и также вследствие выяснившихся обстоятельств не был задержан подобно отдельным пленным офицерам, а получил на руки предписание ехать в Москву и экстр[енный] отзыв для самостоятельного следования. Собираясь ехать, был в числе остальных пассажиров в вагоне арестован и по выяснении полной непричастности к какому-то делу отпущен и отправился в Москву, куда прибыл 10 июня. На следующий день, т. е. 11[-го] числа, явился в В.Ч.К. и там, неожиданно для себя, был аре-

стован, как было сказано, для допроса, и через сутки препровожден в Бутырскую тюрьму. Допроса еще не было. Полагаю, что арестован вообще как бывший белый офицер, но прошу содействия в смысле моего допроса, дабы выяснить более подробно вышеизложенное»⁹²⁶. Де Роберти направил письма председателю Особого совещания при главкоме А. А. Брусилову и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому.

Письмо Брусилову повторяло заявление в Политический Красный Крест. В обращении на имя Дзержинского де Роберти писал: «Я вполне понимаю, что нельзя претендовать на свое задержание, т. к. необходимо разобраться в обстоятельствах как прежней службы, так и причины, обусловившей нахождение здесь бывших офицеров, но я прошу Вас прочесть нижеследующее... Прошу Вашего распоряжения о моем допросе, на коем выяснится, что я, полковник Генер[ального] штаба, имевший полную возможность эвакуироваться в Крым, предпочел остаться, дабы служить в Советской республике и принести ей посильную помощь своей спец[иальной] подготовкой и знаниями. Это мое решение было продиктовано различными соображениями, из них первым было разочарование в задачах Добр[овольческой] арм[ии]...»⁹²⁷

Арестованные не только подвергались высшей мере наказания, но и освобождались. При этом положение освобожденных оставалось тяжелым. А. С. Ролько писал в Политический Красный Крест 4 января 1922 г., после освобождения: «29 декабря я выпущен из тюрьмы. До сего времени я не устроился, т. к. много формальностей. Угол я имею, но пишу получаю ежедневно — 1/2 фунта хлеба и суп. Это всего лишь раз в день. Я очень ослаблен, и такое питание меня ослабляет. Прошу помочь мне выдачей продуктов на несколько дней»⁹²⁸.

По завершении активной фазы Гражданской войны в конце 1920 г. стали вводиться разнообразные ограничения в отношении службы в РККА бывших белых, которые коснулись и пленных генштабистов. Уже в 1921 г. в Штабе РККА отмечалось, что бывших белых нужно избегать использовать на ответственной работе.

Бывших белых офицеров и военных чиновников по приказу РВСР № 101/18 от 11 января 1921 г. предписывалось использовать для работ в гражданских учреждениях. Единственное исключение делалось для высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, к которым относились и генштабисты⁹²⁹. Заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский утвердил Временные правила использования бывших офицеров и военных чиновников из числа военнопленных и перебежчиков белых армий в гражданских и военных учреждениях. Пленные этих категорий передавались в Нарродный комиссариат труда для использования в гражданских учреждениях. В военном ведомстве подлежали использованию лишь высококвалифицированные военспецы с высшим военным образованием,

причем только в ГУВУЗе, Главном военно-инженерном, Главном артиллерийском и Главном хозяйственном управлениях. Также в ГУВУЗе могли использоваться и лица без высшего военного образования, но признанные соответствующими использованию в военно-учебном ведомстве. Особо отмечалось, что «генштабисты подлежат использованию только для ГУВУЗа и академии Генерального штаба»⁹³⁰.

Таким образом, военное руководство пыталось не допустить возможного взятия ветеранами антибольшевистской борьбы под свой контроль Красной армии. Затем началась демобилизация, коснувшаяся в соответствии с приказом РВСР № 1128/202/С от 24 мая 1921 г. бывших белых офицеров как нежелательного в РККА элемента⁹³¹. Впрочем, в приказе имелся подпункт 1 о том, что специалисты с высшим военным образованием должны оставаться на службе. Некоторые пленные генштабисты прослужили в РККА сравнительно короткий промежуток времени. Уже в 1921 г. пленных стали увольнять из РККА по демобилизации бывших белых. 9 октября 1921 г. был издан секретный приказ РВСР № 2289/396, согласно которому допускались отдельные увольнения нежелательных или бесполезных в РККА лиц с высшим военным образованием, служивших в белых армиях⁹³². В этот период были уволены, например, бывшие подполковник-колчаковец Н. Н. Белкин, штабс-капитан-колчаковец П. И. Газов, деникинский ротмистр Н. Н. Полетаев⁹³³. В бессрочный отпуск тогда же был уволен и колчаковский полковник К. Г. Соломаха⁹³⁴.

Интересна градация, применявшаяся в Советской России в отношении слушателей сибирской академии. По предложению первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова от 9 июля 1921 г., одобренному 11 июля П. П. Лебедевым и С. С. Каменевым, тех, кто не окончил ускоренные курсы академии в Сибири, следовало передавать на учет командного управления и поступать с ними, как и с прочими бывшими белыми офицерами, в соответствии с приказом № 1128/202/С. Окончивших курсы считали генштабистами и зачисляли в ГУВУЗ на общих основаниях⁹³⁵, увольнять их не требовалось. Но бывших колчаковцев в Красной армии не причисляли к Генштабу и не переводили в него.

Почти весь командный состав вооруженных сил закавказских республик, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, был захвачен в плен частями Красной армии при советизации Закавказья в 1920–1921 гг. К пленным генштабистам национальных армий отнеслись так же, как и к белым. Например, бывший полковник В. Н. Соколов был арестован 10 июня 1920 г. по ордеру Особого отдела 11-й армии «как лицо ком[андного] состава азербайдж[анской] армии и бывший офицер»⁹³⁶, причем помимо него арестован также «почти весь командный состав азербайджанской армии»⁹³⁷. Арестованного 18 августа 1920 г. доставили в Москву. Соколов обратился

к председателю Особого отдела ВЧК с предложением своих услуг Красной армии. О своих злоключениях он писал в Политический Красный Крест: «Вернувшись из России в Тифлис в ноябре м[еся]це 1918 г., я нашел там свою семью, которую не видел около года, в очень тяжелом положении: средств не было, второй ребенок на почве недостаточного питания был болен серьезной мозговой болезнью, от которой через 9 месяцев умер. Болезнь ребенка и отсутствие денег не давали мне возможности выехать в Россию, почему я был вынужден поступить на службу в Азербайджане.

С установлением в Азербайджане советской власти я добровольно остался служить в Советской армии.

26 мая в г. Елизаветполе вспыхнуло восстание, я, как живший в татарской части, был захвачен восставшими, и мне ими было предложено присоединиться к ним. Я категорически, несмотря на угрозы быть убитым за отказ, отказался и передал свой отказ в письменной форме руководителям восстания, а копию передал для пересылки тов. [С. С.] Шевелеву, командовавшему советскими войсками. 6 дней я скрывался от преследования восставших вместе с группой сотрудников Губ. Ч. К., которые, по ликвидации восстания в городе, единогласно свидетельствовали о моем отношении к восстанию, а тов. Шевелев получил своевременно копию моего отказа. За проявленную мною твердость, несмотря на серьезную опасность для моей жизни, я на следующий же день после освобождения был назначен начальником штаба 20[-й] дивизии, т. е. тех войск, которые подавляли восстание, и в течение 10 дней до своего ареста участвовал в крайне напряженной работе по ликвидации восстания в районе уезда. 10 июня телеграммой нач[альника] Особого отдела XI армии я был арестован, как служивший в азербайджанских войсках, и отправлен в Баку. Как выяснилось, О[собому] о[тделу] армии не было известно, что я не был причастен к восстанию и после восстания был назначен нач[альником] штаба 20[-й] сов[етской] дивизии. После допроса в Баку мне было сказано, что я как специалист должен быть отправлен в Москву для использования. Куда я и прибыл 18 августа. Василий Соколов»⁹³⁸.

За три месяца существования советской власти на территории Армении было арестовано около 1400 офицеров, включая 20 генералов и 30 полковников⁹³⁹. Пленных офицеров армянской армии Особый отдел 11-й армии, действовавшей в Закавказье, направлял в начале 1921 г. в концентрационный лагерь г. Рязани для фильтрации. Среди них — бывший генерал Д. И. Андриевский, позднее оказавшийся в эмиграции. В заключении по делу полковника П. П. Атаева, окончившего ускоренные курсы Генштаба Кавказского фронта, отмечалось (орфография и пунктуация документа сохранены): «1920 года декабря 24 дня я, военный следователь Особ[ого] отдела XI армии Ковалев рассмотрел дело за № ... Командированных в Баку

в Шт[аб] армии XI из Главштаба С.С.Р. Армении 1. Атаева Петра Петровича 47 лет по обвинению их как офицеров контрреволюц[ионно-го] Дашнакского правительства. Нашел[:]

Атаев в 1896 году окончил Тифлисское военное училище, полковник. У дашнаков занимал должность н[ачальни]ка Инспекторского отдела военного [штаба] армянск[их] войск.

Все эти ответственные посты являлись ближайшими помощниками своего контрреволюционного правительства.

По восстановлении Соввласти в Армении остались на своих местах и были командированы в Баку в штаб армии для ознакомления с делопроизводством в Красной армии. Со своей стороны полагаю, что им как преспешникам дашнаков — дело строительства Советвласти вообще и Красной армии — чуждо, а поэтому, считая их противниками Советской власти, элементом вредным и неблагонадежным, полагаю необходимым заключить в Концентрационный лагерь в г. Рязань.

Отобранные у них оружие и деньги и пр. конфисковать.

Военноследователь “подпись”

Резолюция: Утверждается. Деньги и отобранное возвратить тем же Нач[альник] Особ[ого] отдела армии XI Панкратьев 21/XII 20 г.»⁹⁴⁰.

Сохранилось датированное 3 февраля 1921 г. коллективное прошение группы армянских офицеров, в том числе Атаева, уже из Рязани в ГубЧК. В этом документе подробно описаны мытарства пленных: «После советизации Армении прибыл в г. Эривань командарм XI^и Геккер и, видя незнакомство комсостава Главштаба С.С.Р. Армении с постановкой дела в штабах Красной армии, предложил командировать в штаб XI^и армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения означенного дела и возвращения в Армению с целью инструктирования остальных лиц комсостава штабов.

Нарком по военным делам С.С.Р. Армении выбрал нас — 6 лиц комсостава Главштаба из числа наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др. и не принимавших никакого участия, ни активного, ни пассивного в антибольшевистской борьбе, и командировал нас в гор. Баку в штаб XI^и армии, снабдив всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Ависа Нуридджаняна и комиссара Р.С.Ф.С.Р. при командарме С.С.Р. Армении тов. Сильяна.

Выехали мы из Эривани 14 декабря прошлого года и прибыли в г. Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень внимательно, как [к] командированным лицам дружественной и союзной державы, прикомандировали к штабу и обставили возможными удобствами, а на другой день пригласили в штаб и отправили в Особый отдел штарма XI^и. Здесь, после заполнения анкетных листов и допроса следователем, нас заклю-

чили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации. Через 5 суток 27 декабря нас отправили к этапному коменданту [нрзб] в Баку...»

Еще через 5 суток, 1 января с. г. нас отправили на вокзал, где комендант Особого отдела нам заявил, что нас отправляют в распоряжение Рязанского губернского комиссариата для назначения по специальности в части Красной армии.

12 января с. г. мы прибыли в Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем долгом довести до Вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и других, а служа все время в войсках Армении, никакого участия не только активного, но и пассивного в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении мы с полной охотой остались служить в Красной армии С.С.Р. Армении. Советское военное начальство Армении, проверив нашу прошлую службу, нашло ее незапятнанной, поэтому вполне доверчиво отнеслось к нам и командировало нас для изучения штабного дела (с целью возвращения в Армению для инструктирования остальных штабных работников); ясно, что если бы наше военное начальство считало нас контрреволюционерами, то оно само арестовало бы нас и никуда бы не командировало; факт самого командирования доказывает, что мы контрреволюционерами не были и являемся ярыми сторонниками советской власти.

Ввиду изложенного просим не отказать в распоряжении о скорейшем рассмотрении и разрешении нашего дела и, если нет особых препятствий, командировать нас во Всероссийский Главный штаб, дабы дать возможность выполнить задачу нашего командирования.

Петр Атаев, Ашот Тониев, Срапион Хачатурян, Гарегин Мусаелян, Гар. Тер-Никогосов, Дей-Карханов Варган»⁹⁴¹. Как видно из документа, эти офицеры не считали себя военнопленными и тщетно пытались протестовать⁹⁴².

Отдельные представители высшего и старшего командного состава были отделены от младших офицеров и содержались в тюрьмах. Спустя несколько месяцев офицеры были освобождены и амнистированы, некоторая часть вступила в армянскую Красную армию и в РККА. Достаточно отметить, что начальником штаба Наркомата по военным делам Советской Социалистической Республики Армении стал бывший Генштаба полковник В. Ф. Притоманов, ранее служивший в армянской армии, причем по направлению с белого Юга.

На излете Гражданской войны, в 1921–1922 гг., когда случаи пленения белых офицеров уже стали редкостью, над отдельными

⁹⁴⁰ Далее фрагмент утрачен.

группами пленных проводились показательные судебные процессы. Широкую известность получил процесс генерала А. С. Бакича и его соратников, сдавшихся в плен в Монголии и на территории Урянхайского края в конце 1921 г. Процесс этот состоялся в Новониколаевске в мае 1922 г.⁹⁴³ По делу проходили несколько выпускников Военной академии: генерал И. И. Смольнин-Терванд, полковник С. И. Костров, подполковники М. Т. Евстратов и В. Н. Троицкий, причем Смольнин-Терванд был приговорен к расстрелу, а остальные выпускники осуждены на различные сроки заключения.

Трагична судьба профессоров старой Военной академии, оставшихся после окончания Гражданской войны во Владивостоке. В начале декабря 1922 г. академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Б. М. Колюбакин, Г. Г. Христиани и А. И. Медведев были арестованы. Не выдержав тягот, все трое вскоре скончались.

12 апреля 1922 г. было издано постановление Всеукраинского ЦИК об амнистии бывшим генералам, командующим армиями, сражавшимся против Советской республики, всем членам самозванных правительств и членам ЦК антисоветских партий. Всем этим категориям лиц въезд на территорию УССР разрешался только «при действительном проявлении ими искреннего раскаяния»⁹⁴⁴. Как определялось такое раскаяние — неясно. К этому времени чекистами стали широко практиковаться провокационные действия в отношении бывших белых офицеров. Еще в начале Гражданской войны стало ясно, что заговоры проще предупредить, арестовав потенциальных заговорщиков, чем дожидаться их реального возникновения. Провокаторы предлагали бывшим офицерам вступить в подпольную организацию. Искали бывших белых, скрывавшихся от власти, и контрразведчиков⁹⁴⁵. Подобные действия не только выявляли противников режима, но и заставляли «бывших» с опаской воспринимать приглашения в реальные подпольные организации.

Отношение генштабистов, служивших у большевиков, к своим прежним товарищам, попавшим в белые армии, а затем взятым в плен и поступившим в РККА, не могло быть однозначным. Свое влияние оказывал фактор прежней совместной учебы, службы, дружеских или даже родственных связей. С другой стороны, «коренные» генштабисты РККА должны были испытывать определенные опасения — не потеснят ли их бывшие белые, не займут ли они более значимые посты, отодвинув тех, кто с самого начала отдавал свои силы и знания на пользу Советской России. К примеру, в начале 1924 г. бюро партийных ячеек Военной академии РККА направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором содержалась жалоба на засилье спеццов в армии. Особо отмечалось значительное увеличение в сравне-

нии с периодом Гражданской войны численности бывших офицеров Генштаба, что все еще не позволяло красным генштабистам становиться во главе армии⁹⁴⁶. Понятно, что подобное увеличение было возможно только за счет пленных.

Многие захваченные красными в плен офицеры-генштабисты, оказавшись в рядах РККА, действительно зарекомендовали себя в новой армии с самой лучшей стороны. Одной из причин могло быть стремление выслужиться и избежать репрессий. Например, ветеран украинских армий Н. Е. Какурин принял участие в советско-польской войне, где блестяще себя проявил, причем с 24 октября 1920 г. ему был доверен высокий пост командующего 3-й советской армией. В 1921 г. Какурин вступил в РКП(б) и в том же году за участие в подавлении антоновского восстания был награжден орденом Красного Знамени. Подобное награждение для военспеца, всего за год до этого перешедшего к красным из лагеря украинских националистов, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным. В 1922 г. Какурина наградили бухарским орденом Красной Звезды 1-й степени за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами. Также Какурин получил золотые часы от Тамбовского губвоенкомата и от Бухарского ЦИК.

Высокие должности в РККА занимал и бывший колчаковский капитан М. И. Василенко, в 1919–1920 гг. последовательно командовавший 11, 9 и 14-й армиями и награжденный орденом Красного Знамени. Небезынтересно, что Василенко ранее состоял в партии левых эсеров.

Определенный интерес представляет практика снятия бывших белых генштабистов с особого учета. Для понимания того, как это происходило применительно к конкретным офицерам, рассмотрим случай бывшего колчаковского генерала В. И. Оберюхтина. Попав в плен, Оберюхтин поступил на службу в РККА, где проявил себя с самой лучшей стороны. Попытки сняться с учета предпринимались Оберюхтиным неоднократно. Однако в начале 1924 г. ему в этом было отказано⁹⁴⁷.

Чтобы добиться желаемой цели, Оберюхтин всячески пытался смягчить факты своей службы белым в послужном списке. Например, указывал, что стал генералом при их массовом производстве, а производство в чин полковника у белых скрыл. Кроме того, он не указывал, что занимал высокую должность начальника штаба всего Восточного фронта белых, а просто сообщал о некоем фронте. Отмечал вынужденный характер своей службы белым, поскольку якобы был насильно мобилизован⁹⁴⁸.

Приведем рапорт помощника начальника Военной академии РККА по учебной части Е. А. Шиловского и помощника комиссара академии начальнику академии от 21 ноября 1924 г. о снятии с учета Оберюхтина: «В декабре 1924 года исполняется

4 года пребывания Виктора Ивановича Оберюхтина на должности помощника начальника учебного отдела Военной академии РККА.

За эти 4 года, которые были для академии годами напряженной работы и искания новых путей в преподавании, Виктор Иванович Оберюхтин успел проявить себя со всех сторон, и в настоящее время является возможностью сделать правильную оценку его как техника-специалиста и как советского гражданина.

Что касается первого, то нет почти ни одной области в учебной работе академии, где не обнаружилась бы кипучая энергия, большие знания, опыт и ясный ум тов. Оберюхтина.

Неоднократно оставаясь на продолжительное время за начальника учебного отдела, он прекрасно справлялся с любыми заданиями учебного характера, проявляя исключительную работоспособность, настойчивость и добросовестность.

Всей своей деятельностью за эти 4 года В. И. Оберюхтин тесно связал себя с Красной армией и с Советской действительностью.

Несомненно, что в лице его республика имеет не только обычного лояльного гражданина, но искренно преданного человека, с исключительной энергией работающего на ответственном посту над подготовкой красных военспецов.

Ходатайствуем о снятии В. И. Оберюхтина с учета бывших белых офицеров»⁹⁴⁹. Лишь в конце 1924 г. усилия увенчались успехом, и Оберюхтин с особого учета был снят.

На вопросе о численности взятых в плен и поступивших в РККА генштабистов антибольшевистских армий следует остановиться особо. По данным на начало 1921 г. в РККА числились 22 бывших белых генштабиста с опытом пребывания на должностях от начальников бригадных штабов и выше⁹⁵⁰. Всего же из 558 выпускников Военной академии на апрель 1921 г. насчитывалось 77 бывших белых генштабистов. Из них лишь шестеро находились на ответственных должностях, а 20 считались непригодными к строевой службе⁹⁵¹. Весной 1921 г. в ГУВУЗ планировалось перевести 59 бывших белых генштабистов⁹⁵². На ноябрь 1921 г. только в военно-учебных заведениях Украины находились 25 бывших белых генштабистов и 18 бывших белых слушателей академии, в военно-учебных заведениях РСФСР состояли еще 25 бывших белых генштабистов⁹⁵³.

К 25 ноября 1921 г. пленные генштабисты служили в полевых войсках (43 человека), в Штабе РККА, военно-исторической комиссии и в инспекциях (3), во Всевобуче (4), в Военной академии РККА (6), в ГУВУЗе (16), в управлении военно-учебных заведений Украинской ССР (1), в Главном управлении коннозаводства (1), состояли в РВСР (1) и под арестом (9). Таким образом, на военной службе числились 84 пленных генштабиста⁹⁵⁴.

В РККА к апрелю 1921 г. оказалось не менее 57 бывших слушателей сибирской академии. К 1 января 1921 г. выпускники сибирской академии служили на Западном фронте (1), в штабе помглавкома по Сибири (7), в Запасной армии республики (1), в ВГШ (1), в ГУВУЗе (26), во Всевобуче (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10). Всего на службе значилось 48 человек из этой категории⁹⁵⁵. На 15 апреля 1921 г. они служили⁹⁵⁶ на Западном фронте (1), в штабе помглавкома по Сибири (12), в Запасной армии республики и в Приволжском военном округе (2), в Петроградском военном округе (4), в Приуральском военном округе (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10), в Главном управлении военно-учебных заведений (25), во Всевобуче (1).

Очевидно, колчаковские генштабисты имели два центра притяжения — различные сибирские штабы, где их оказалось 22 человека, и ГУВУЗ, в котором их числилось 25. Концентрация этой группы специалистов в сибирских штабах обусловлена географической близостью от места пленения и потребностью местных учреждений РККА в квалифицированных кадрах. Концентрация в ГУВУЗе объясняется опасностью доверять бывшим белым управление реальной вооруженной силой, в результате чего их благоразумно держали на преподавательской работе, не подчиняя каких-либо войскам.

По данным Списка № 2 слушателей академии Генерального штаба сибирского правительства, состоящих на службе на фронтах и в центральных тыловых учреждениях к 16 июля 1921 г.⁹⁵⁷, в РККА к этому времени служил 31 выпускник сибирской академии: в штабе помглавкома по Сибири (4)⁹⁵⁸, в штабе Дальневосточной республики (4)⁹⁵⁹, в штабе Приуральского военного округа (1)⁹⁶⁰, в Восточно-Сибирском военном округе (3)⁹⁶¹, во Всевобуче (1)⁹⁶², в Петроградском военном округе (4)⁹⁶³, в ГУВУЗе (13)⁹⁶⁴ и в Приволжском военном округе (1)⁹⁶⁵. По-прежнему большинство служили в ГУВУЗе и несколько меньше — в различных сибирских и дальневосточных штабах. По сведениям к 23 ноября 1921 г., в РККА оставалось 40 выпускников и слушателей сибирской академии: в полевых войсках (23), во Всевобуче (1), в ГУВУЗе (16)⁹⁶⁶.

К сожалению, установить, сколько офицеров сдались добровольно, а сколько оказались захвачены в боях, не представляется возможным из-за отсутствия достаточного количества источников. Характерно распределение пленных генштабистов по фронтам. Так, на Востоке России за период 1917–1922 гг. фиксируется не менее 227 случаев пленения генштабистов. По Югу России и Украине таких случаев 163. В Закавказье (в 1920 г. в Азербайджане и Армении и в 1921 г. в Грузии) в плен попали 28 человек, включая беженцев из белых армий Юга России. Следует отметить отсутствие дан-

ных о пленении генштабистов Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. По всей видимости, практически все они смогли избежать плена и эмигрировали.

Абсолютное большинство колчаковских генштабистов сдались в плен на рубеже 1919–1920 гг., когда основные силы белых армий Востока России оказались разбиты. Особенно много выпускников академии перешли к красным под Красноярском, не желая отступать по безлюдным районам Сибири в неизвестность. Связано это также и с меньшей моральной устойчивостью и идейной преданностью Белому движению колчаковских офицеров в сравнении с деникинскими. По Югу России такого явного преимущества у какого-либо периода нет. Здесь генштабисты переходили на сторону красных как в начале 1919 г. на Украине, спасаясь от петлюровцев, так и в 1920 г. — весной и осенью — при оставлении белыми Кавказа и Крыма соответственно. Большинство пленных генштабистов после необходимых проверок (в обычной тогда для этого форме арестов) зачислялись в ряды Красной армии.

В советский плен слушатели и выпускники Николаевской военной академии в 1917–1922 гг. (в том числе неоднократно) в общей сложности попадали не менее 430 раз. Среди пленных были не только выпускники Николаевской академии, но также выпускники курсов Генштаба Кавказского фронта и даже иностранных военных академий (например, австрийские генштабисты, служившие в Украинской галицийской армии, В. В. Лобковиц, Г. Цириц⁹⁶⁷).

Не менее 53 пленных были казнены (12,1 % всех случаев пленения), известно не менее 82 случаев ареста. Однако в 332 случаях (77,4 %) пленные были приняты на службу в РККА и, таким образом, пополнили комсостав Красной армии, что свидетельствует о целенаправленной политике привлечения большевиками себе на службу специалистов Генштаба даже из недавних врагов⁹⁶⁸. С другой стороны, статистические отчеты фиксируют значительно меньшую одновременную численность бывших белых генштабистов в РККА, что может объясняться как дефектами статистики, так и систематическим вычищением бывших белых генштабистов из армии. Кроме того, следы десятков офицеров теряются в Советской России после Гражданской войны.

Значимым показателем сравнительно либеральной политики красных в отношении пленных генштабистов представляется следующий факт. Среди пленных выпускников академии насчитывалось не менее 126 человек, ранее уже успевших послужить в РККА, которые затем изменили красным и попали в антибольшевистский лагерь, после чего оказались в советском плену, были прощены и вторично приняты в РККА. Речь идет не менее чем о 29,4 % всех плененных генштабистов. Их готовность сдать в плен могла сфор-

мироваться на основе положительного опыта прежнего пребывания в Красной армии. Некоторые офицеры, метавшиеся всю Гражданскую войну между красными и их противниками, по сути стали профессиональными перебежчиками, менявшими место службы в зависимости от политической конъюнктуры и обстановки на фронте.

По воинским званиям статистика следующая: генералы попадали в плен не менее 134 раз, штаб-офицеры — 179 раз, обер-офицеры — 115 раз, в двух случаях воинские звания установить не удалось⁹⁶⁹. Таким образом, заметно преобладали штаб-офицеры и генералы, хотя, казалось бы, наиболее многочисленной должна была являться самая младшая категория офицерского состава — обер-офицеры. По всей видимости, это обусловлено чинопроизводством Гражданской войны, за время которой генштабовская молодежь нередко оказывалась в высоких чинах. К примеру, такую впечатляющую карьеру сделал пленный курсовик П. А. Луцков, начавший службу у белых капитаном и завершивший ее через три года генерал-майором. В этом звании Луцков и попал в плен на Дальнем Востоке. Аналогичной карьерой мог похвастаться недавний курсовик есаул Б. С. Бекович-Валуйский, принявший в 1917 г. ислам под именем Эль-Мурза Заур-Бек и ставший колчаковским генералом⁹⁷⁰. Известны и другие примеры. В этой связи необходимо отметить, что не менее чем в 245 случаях в плен попадали выпускники академии мирного времени и не менее чем в 185 случаях — курсовики.

Переходы генштабистов из лагеря в лагерь не были исключительным для Гражданской войны явлением. Поток пленных и перебежчиков на сторону красных был очевидным образом связан с победами РККА. Большинство пленных генштабистов поступило в РККА в 1920 г., что неудивительно, так как тогда были разбиты основные белые армии Востока и Юга России, началась советизация Закавказья.

Чтобы оценить общий характер перемещений генштабистов между лагерями Гражданской войны и устойчивость военной элиты сторон, сопоставим данные о перебежчиках и пленных в Советской России с данными о генштабистах, захваченных противниками большевиков. По нашим подсчетам, из рядов Красной армии за годы Гражданской войны бежали или попали в плен к противнику 35,5 % военспецов-генштабистов. Аналогичный процент (35,4 %) перебежчиков к красным и пленных фиксируется из колчаковских армий (впрочем, там было существенно больше именно пленных, тогда как РККА теряла генштабистов в основном из-за сознательных перебежчиков), что свидетельствует как о невысоком боевом духе колчаковских генштабистов, среди которых было много выпускников ускоренных курсов, так и о тяжести и безвыходности их положения в суровых климатических условиях на рубеже 1919–1920 гг.

Закономерным было меньшее количество пленных, взятых красными на Юге России, что обусловлено большей моральной устойчивостью офицерства белых армий Юга России и лучшей организацией их отступления и эвакуации в сравнении с колчаковскими армиями. В абсолютном большинстве врангелевские генштабисты смогли уехать из России. Процент захваченных красными генштабистов белых армий Юга России (за вычетом пленных и перебежчиков из украинских армий) определяется примерно в 8,6% служивших здесь выпускников академии. Генштабисты, захваченные красными на Севере, составляли 24,1% «академиков», служивших там у белых.

Основной поток перебежчиков к белым и пленных относился к 1918 г. и в меньшей степени к 1919 г. Больше всего пленных или перебежчиков из РККА приходилось на Восточный фронт, что связано с переходом на сторону антибольшевистских сил летом 1918 г. Военной академии с многочисленными слушателями и преподавательским составом. При этом к белым в большинстве своем переходили выпускники ускоренных курсов, тогда как красным в плен сдавались большей частью генштабисты довоенных выпусков. Переходы к белым совершались, как правило, осознанно и добровольно и были связаны с большим риском, на который легче шли молодые офицеры. К красным, наоборот, редко переходили добровольно. В основном речь шла именно о пленении в силу безвыходности положения, а не о перебежках (по терминологии того времени). Попасть в плен с большей вероятностью могли представители старшего поколения генштабистов, не рассчитывавшие, например, физически преодолеть суровое отступление по безлюдным районами Сибири и в силу этого сдававшиеся. Тогда как сознательными перебежчиками нередко становились именно молодые генштабисты.

Чрезмерная осторожность и конспирация не всегда спасали от неприятностей. Так, прошедший через РККА, украинскую и денкинскую армии бывший штабс-капитан К. Ф. Монигетти, опасаясь наказания за дезертирство, перешел в 1920 г. на нелегальное положение. Скрываться под чужой фамилией в Советской России и СССР ему удалось ни много, ни мало до 1924 г., когда офицера выдала властям его собственная жена, не вынесшая такой жизни. В итоге Монигетти провел несколько лет в заключении⁹⁷¹.

Отношение к пленным было дифференцированным. Из общей массы выделялись специалисты Генерального штаба, остро необходимые красным. Принадлежность к Генштабу в ряде случаев спасала пленным жизнь, тогда как офицеров, не имевших высшего военного образования, могли расстрелять. Разумеется, подобная практика не относилась к убежденным противникам большевиков из генштабистов, с которыми беспощадно расправлялись, как, на-

пример, с генералом А. П. Перхуровым. Не относилась она и к случаям произвола на местах, которые нельзя назвать узаконенной практикой обращения с пленными.

Появление в рядах РККА категории бывших белых офицеров привело к возникновению новой для комсостава РККА группировки. При всей приниженности и шаткости положения таких людей, они стремились держаться вместе. Лояльные большевикам военспецы смотрели на них неоднозначно — с одной стороны, как на лиц с подмоченной неверным выбором в Гражданскую войну репутацией, общение с которыми могло повлечь неприятности, а с другой — как на возможных конкурентов по службе⁹⁷².

Политика массового привлечения на службу в РККА пленных генштабистов, как и бывших офицеров вообще, себя оправдала. Так, в приказе по штабу Восточно-Сибирского военного округа № 103 от 24 октября 1920 г. отмечалось, что «некоторые из сотрудников из числа служивших в армии Колчака не смогли сразу взять правильный курс работы, будучи излишне осторожны, но в ближайшее же время проявили большую серьезность и добросовестность в работе и огромное желание принести пользу республике, дабы искупить свои старые ошибки службы в армии врагов»⁹⁷³.

В то же время отношение властей и командования к ветеранам антибольшевистских армий отличалось недоверием, даже большим, чем недоверие к военспецам. Несмотря на разнообразные декларации, советская власть ничего не забывала и никого не прощала. Не случайно в советских анкетах вплоть до второй половины XX в. требовалось заполнить пункты о службе в антисоветских армиях и нахождении на подконтрольной противникам красных территории. В перспективе бывшие белые офицеры оказывались первыми кандидатами на увольнение или арест. Лишь в редких случаях им доверяли ответственные посты. Чаще всего их уделом становилась преподавательская работа, на которой они были достаточно безопасны для властей, поскольку не имели в своем подчинении никакой реальной силы. Лояльность и отсутствие в среде бывших белых офицеров серьезных контрреволюционных устремлений не снижали пристального надзора за этой группой со стороны органов госбезопасности. Среда «бывших» оказалась плотно инфильтрована сетью негласных осведомителей. Вместе с тем бывшие белые генштабисты принесли немалую пользу Красной армии. Как правило, они добросовестно служили на отведенных им постах. Лишь репрессии начала и второй половины 1930-х гг. положили конец этой службе для значительного числа некогда взятых в плен белогвардейцев.

На мирные рельсы

С окончанием в ноябре 1920 г. широкомасштабной Гражданской войны перед военно-политическим руководством Советской России встали новые задачи. Одной из них была реорганизация многомиллионной Красной армии и ее демобилизация. На повестку дня выдвинулся вопрос о старых военных специалистах в рядах РККА, в том числе и о генштабистах. Красная армия по-прежнему представляла собой сложную систему из созданных революцией органов политического контроля и близких к дореволюционным штабных структур⁹⁷⁴. Вопрос о военспецах был составной частью более общего вопроса о соотношении в армии старых спецов и новых краскомов, а также стал, как и в годы Гражданской войны, аргументом в борьбе «сталинцев» с «троцкистами». Для первых генштабисты были не более чем разменной монетой в этом противостоянии. Об отношении вторых за кратковременностью их пребывания у власти судить сложно, но очевидно, что военспецы-генштабисты были той интеллектуальной средой в руководстве РККА, на поддержку которой Троцкий мог рассчитывать. Он действительно ориентировался на их экспертные заключения по важнейшим военно-политическим вопросам⁹⁷⁵.

Многие бывшие офицеры убедились, что большевики не привели страну к развалу и дезинтеграции, а, наоборот, сохранили ее и даже реализовали ряд исторических государственных задач по воссоединению земель бывшей империи. Например, так рассуждал бывший генерал А. А. Брусилов⁹⁷⁶. Важную роль в этой идейной эволюции сыграла советско-польская война. Как справедливо отмечал один из курсовиков, «притязание Польши на чисто русские земли придало борьбе Красной армии национальный характер, и на ее стороне было сочувствие широких антибольшевистских кругов»⁹⁷⁷.

После ноября 1920 г. боевые действия продолжались в основном на территории Закавказья, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Самостоятельную операцию Красная армия провела и в Карелии. Кроме того, части РККА принимали участие в подавлении крестьянских восстаний, боролись с бандитизмом, участвовали в боевых действиях за пределами РСФСР и бывшей Российской империи — например, в Китае и Монголии. Во всех серьезных операциях были задействованы и генштабисты.

В подавление Кронштадтского восстания внесли вклад слушатели академии Генштаба РККА, а из руководства РККА — главком С. С. Каменев, начальник Штаба РККА П. П. Лебедев. Как и прежде, «красные генштабисты» выражали недовольство приемом, оказанным им в армейских штабах старыми спецами. 10 апреля 1921 г. И. Ф. Фельдман, С. П. Урицкий и А. Г. Борщевский написали в рапорте комиссару академии Генштаба РККА, что «в высших штабах (штаб

7-й армии и Петроградского округа) красных генштабистов распределяли на работу не согласно их персональному опыту и стажу, а по шаблону... лишь благодаря личным знакомствам красным генштабистам удалось стать в ряды активных организаторов кронштадтской победы»⁹⁷⁸.

Генштабисты служили и в Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР), которую серьезно пополнили пленные колчаковские генштабисты (это по сути доказывает не декларировавшееся ее функционирование как составной части Красной армии). Начальниками штаба НРА ДВР были П. Я. Пеленкин, В. К. Токаревский, Б. М. Фельдман, А. Д. Шуваев и И. В. Смоудинов. Начальника штаба иногда подменял курсовик С. Н. Голубев⁹⁷⁹. Токаревский и Шуваев были выпускниками старой академии, Фельдман окончил академию Генштаба РККА. Начальником оперативного отдела штаба армии был пленный колчаковский курсовик, бывший подполковник С. А. Граблевский. Помощниками начальника разведывательного отдела были колчаковцы, бывшие штабс-капитаны В. Г. Митрофанов и Д. Г. Атабеков, есаул А. П. Колесников. Руководил разведкой НРА ДВР курсовик Б. Д. Магер, он же иногда подменял начальника штаба главкома ДВР⁹⁸⁰. Противостояли НРА ДВР остатки колчаковских армий, в которых также служили офицеры-генштабисты.

Работники штаба НРА ДВР — бывшие белые офицеры даже подготовили обращение к противнику со словами «Братья-каппелевцы, солдаты и офицеры». Документ призывал прекратить антирусское дело, выразившееся в пособничестве интервентам-японцам, и начать мирные переговоры для последующего перехода к совместной работе на благо будущего страны⁹⁸¹. Воззвание подписали, по крайней мере, 12 идентифицированных бывших колчаковцев. Среди них выпускники томских курсов, начальник штаба Приамурского военного округа П. А. Луцков⁹⁸², начальники организационно-мобилизационного управления НРА ДВР Л. Л. Касаткин и М. Л. Лукин, помощник начальника административного управления штаба НРА Б. И. Андреев, начальник школы разведчиков НРА ДВР В. Г. Митрофанов (у белых — начальник школы разведывательного отдела штаба корпуса). Подписал документ и перешедший к красным бывший штатный преподаватель Военной академии Н. В. Главацкий, ставший председателем контрольно-штатной комиссии НРА ДВР. Выпускники и слушатели академии составили половину идентифицированных подписантов воззвания. Послание было растиражировано в нескольких тысячах экземпляров и распространялось среди белых.

П. А. Луцков, обращаясь в феврале 1922 г. к белому генералу В. М. Молчанову, излишне оптимистично писал: «Здесь давно прошло то время, когда кого-либо преследовали за прошлое. Вы должны

были знать, как в Советской России, так и здесь, в Дальневосточной республике, самым спокойным образом служат большинство Ваших бывших и начальников, и товарищей, и подчиненных. Вы знали по фамилиям, где кто служит. Вы знали, что начальником штаба Н.Р.А. — Генерального штаба Токаревский, что в штабе главкома много Ваших каппелевцев занимают высокие должности (Вы от них получили воззвание)»⁹⁸³.

По данным на 7 февраля 1921 г., в РККА сохранялся дефицит генштабистов. Отмечалось, что «все лучшие силы Генштаба, могущие выполнять особо ответственные задачи, находятся [в] настоящее время на фронтах, откуда они командуются [в] экстренных случаях для серьезных поручений»⁹⁸⁴. Наметились и негативные явления. Например, участились случаи замедления исполнения поручений главкома о перемещениях и командировках генштабистов. В связи с повышением интенсивности командировок это явление считалось нежелательным.

К концу широкомасштабной Гражданской войны средний уровень квалификации комсостава РККА по-прежнему оставал желать много лучшего. Среди командиров было до 6% бывших кадровых офицеров и до 28% бывших офицеров военного времени, итого до 34% военспецов⁹⁸⁵. На 1921 г. командиры с высшим военным образованием (при учете выпускников только двух академий) составляли лишь 0,39%⁹⁸⁶. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам за 1921 г., «меры, принятые в течение 1921 года к проверке подготовленности комсостава Красной армии, обнаружили, что в значительном числе комсостав по своим военным познаниям стоит на недостаточно высоком уровне, обнаруживая слабую военную подготовку и неудовлетворительное знание уставов»⁹⁸⁷. Проверка 6695 командиров во втором полугодии 1921 г. показала, что неудовлетворительно знали уставы 3% высшего комсостава до командиров полков включительно и 29% старшего и младшего комсостава. В документе с тревогой сообщалось: «Недостаточность знаний комсостава обнаруживалась иногда в весьма резкой форме, доходя до совершенного незнакомства с географическими картами и полного незнания полевого и строевого уставов. Наряду с этим наблюдалось равнодушие лиц комсостава к приобретению и восполнению знаний в военном деле...»⁹⁸⁸ Неудивительно, что на протяжении 1921–1923 гг. Троцкий активно выступал за повышение уровня подготовки комсостава, справедливо считая, что если необходимо сокращать армию, то она должна стать профессиональной⁹⁸⁹.

Под предлогом повышения качества комсостава шел процесс увольнения бывших офицеров. Очевидно, вопрос имел политическую подоплеку — очищение армии от чуждых элементов. По приказу РВСР № 1207 от 5 июня 1921 г. в бессрочный отпуск увольнялись

лица, достигшие 50 лет, для всего комсостава, 40 лет — для командиров полков и ниже и 35 лет — для командиров рот и ниже. Увольнению подлежали бывшие офицеры военного времени, этот элемент признавался по «политической малосознательности и недостаточной технической подготовленности малоценным для Красной армии»⁹⁹⁰. В течение года были уволены 265 бывших офицеров, 6 понижены в должностях и 16 признаны нуждающимися в пополнении военных знаний. Из бывших белых офицеров были уволены не менее 12415 человек. Аналогичным приказом РВСР № 254 от 1 февраля 1922 г. подлежали увольнению в бессрочный отпуск лица командного и административного состава старше 50 лет, независимо от должности, лица 40-летнего возраста от командиров полков и ниже, лица 35-летнего возраста от командиров отдельных рот и ниже⁹⁹¹. В массовом порядке увольнялись бывшие белые офицеры⁹⁹². Не все партийные руководители были согласны с массовыми увольнениями бывших белых офицеров. Так, заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт сообщал в Политбюро 15 декабря 1921 г.: «Считаю, что такое массовое увольнение бывших белых офицеров может иметь нежелательные для нас последствия, создать определенную группу, настроенную против сов[етской] власти, и, распылив их, лишить нас тем самым возможности наблюдения за ними»⁹⁹³.

В связи с переходом на мирные рельсы менялся характер службы генштабистов. Все больше военспецов переходили на преподавательскую работу. Интересны сведения, приведенные в нескольких докладах первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова в апреле 1921 г. На апрель 1921 г. должности начальников штабов дивизий и отдельных бригад были замещены: «лицами Генштаба» — 9 (12,6%), слушателями старой академии — 5 (7%), слушателями красной академии — 4 (5,6%), лицами не Генерального штаба — 53 (74,8%)⁹⁹⁴. Таким образом, лишь незначительный процент начальников штабов соответствовали своему назначению. По данным докладчика, в РККА насчитывалось 558 выпускников академии, среди которых 276 генштабистов старых выпусков, малопригодных для службы на строевых должностях в РККА, и 205 генштабистов более молодых, соответствовавших современным требованиям строевой службы. Из последних 119 человек представляли выпуски 1914–1917 гг. и 86 — прочие. 77 генштабистов попали в РККА после службы в белых армиях. Из белогвардейцев на ответственные должности были назначены лишь шестеро, 14 представляли выпуски 1914–1917 гг. и 57 — прочие, в том числе 20 человек были не пригодны к строевым должностям. В РККА также находились 62 слушателя старой академии, включая ускоренные курсы. 49 из них занимали штабные должности и 13 — прочие. У красных служил даже 51 выпускник сибирской (колчаковской) академии. Штабные должности из этой группы

занимали 17 человек, а 34 служили в ГУВУЗе (т. е. на преподавательской работе). Академия Генштаба РККА, по мнению докладчика, должна была дать 547 специалистов Генштаба (первый выпуск — 182, второй — 231, третий — 134)⁹⁹⁵. По данным на апрель 1921 г., в строю был использован небольшой процент кадров Генштаба. Почти две трети (63 %) служили в тыловых учреждениях и только 37 % на фронте и в округах.

Шапошников считал, что Генерального штаба РККА «до сих пор фактически не существовало»⁹⁹⁶. Числившихся в Генштабе он подразделил на три категории: 1) активных работников (тех, кто с первых дней вступил в РККА и принес в ее рядах максимальную пользу); 2) тех, кто в годы Гражданской войны находился в тылу и на нестроевых должностях, в основном в ГУВУЗе, возможно, преднамеренно уклоняясь от активной работы; 3) бывших белых.

Эти мысли перекалились с суждениями из датированного октябрем 1921 г. доклада состоявшего для поручений при начальнике командного управления Штаба РККА, в котором отмечалось, что Генеральный штаб «состоит из трех резко различающихся между собой групп: первые две — это бывшие офицеры Генерального штаба, а именно: работавшие активно на красных фронтах и пребывавшие в тылу; третья группа — это лица, выпущенные из Красной военной академии. Из этих трех групп вторая, т. е. те, которые пробывали в тылу все четыре года Гражданской войны, применены для непосредственной работы в войсковых штабах по разным причинам (отсталость от жизни, политическое несоответствие) могут быть лишь частично. Эта группа по своему количеству самая многочисленная. Две другие, значительно меньшие группы, естественно, не могут восполнить собой общего, даже минимального количества, потребного для замещения должностей Генерального штаба Красной армии. Вместе с тем время не ждет. Каждый момент может вспыхнуть война, не гражданская, которая допускала кустарную постановку дела, а война с регулярными, обученными и подготовленными армиями одного из наших соседей»⁹⁹⁷.

Увольнения военспецов-генштабистов начались уже в 1921 г., приобретая массовый характер к 1923–1924 гг. Военспецов, как правило, увольняли в бессрочный отпуск или переводили в резерв при Штабе РККА, отстраняя от активной службы. Всего было уволено несколько десятков человек.

Эти меры, однако, не привели к отбору наиболее квалифицированных штабных работников. Наоборот, как отмечал в своем рапорте начальнику Штаба РККА начальник штаба Туркестанского фронта Ф. П. Шафалович 25 ноября 1922 г., «производимое одновременно с уменьшением численности армии сокращение штабов не дало в результате отбора наиболее ценных и опытных штабных работников. Наоборот, в связи с выходом приказов по Р.В.С.Р. об увольне-

нии в бессрочный отпуск по предельному возрасту из армии ушел целый ряд энергичных и опытных работников, вследствие полной материальной необеспеченности. Сокращение численности штабов и наличие малоопытных работников, находящихся к тому же в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, крайне неблагоприятно отражается на работе. Наблюдается чрезвычайная медленность исполнения и большие перебои и промахи. Кроме того, происходит перераспределение работы; работа начальников отделений выполняется начальниками отделов, а работа этих последних — начальниками управлений... положение с личным составом в штабах на основании изложенного сильно ухудшилось, и в настоящее время ряд высших должностей замещен или не соответствующими своему назначению, слабыми работниками, или же сотрудниками, больными малярией и требующими перемены климата»⁹⁹⁸. Далее Шафалович просил прислать ему специалистов на должности начальников отделов штаба фронта (оперативного, по подготовке и службе войск, организационного, мобилизационного), помощника начальника мобилизационного отдела штаба фронта, двух начальников отделений штаба фронта (в мобилизационный отдел), четырех начальников штабов стрелковых дивизий, двух начальников штабов кавалерийских бригад, начальника штаба крепости Кушка. Всего Туркестанскому фронту требовалось 14 специалистов.

Таким образом, РККА утратила часть старых спецов, и повышения качества комсостава не произошло. В армии сохранялся серьезный некомплект кадров Генштаба. По данным на ноябрь 1922 г., в Восточно-Сибирском военном округе некомплект таких специалистов достигал 39 человек, тогда как в наличии имелся лишь один специалист⁹⁹⁹. В органах военных сообщений на 1921 г. работали 14 генштабистов, а некомплект составлял 53, или 79 %¹⁰⁰⁰.

На июль 1922 г. назначения по Генштабу утверждались РВСР по представлению Штаба РККА. 10 августа 1922 г. Л. Д. Троцкий приказом РВСР № 1904 в революционном стиле упразднил само определение «Генеральный штаб». Генштабисты стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием»¹⁰⁰¹. Приказом РВСР № 2549 от 23 ноября 1923 г. из этого определения убрали слово «общим»¹⁰⁰². Преобразование, важное с точки зрения единства командного состава и подавления корпоративизма в нем, имело и отрицательные последствия. Вместо прежней приставки «Генштаба» перед фамилией, теперь появилась сложная формулировка «с высшим общим военным образованием» такой-то. В отдельных документах даже стали сокращать — специалист с ВОВО (высшим общим военным образованием)¹⁰⁰³. Но очевидным последствием должно было стать упразднение особого статуса генштабистов среди комсостава, а это уже могло вести к несоответствующим назначениям.

Комсостав Красной армии оставался очень молодым — 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет, в том числе около 57% в возрасте 23–27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г. (5,1% комсостава), 16592 офицера военного времени (17,97%), 39896 командиров без военной подготовки (43,21%), 220 выпускников военных академий (0,23%)¹⁰⁰⁴, 2372 выпускника высших школ (2,57%), 12752 выпускника школ и курсов комсостава (13,82%)¹⁰⁰⁵. Из этих данных следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 26% комсостава.

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75% комсостава, то в 1919 г. — уже 53%, в 1920 г. — 42% и в конце 1921 г. — 34%. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

К 1 марта 1923 г. в РККА числились не менее 473 выпускников и слушателей старой академии¹⁰⁰⁶. По данным справки командного отдела Штаба РККА на февраль 1923 г., по штатам в армии существовало 1183 должности для замещения лицами с высшим общим военным образованием. Если считать, что должности начальников войсковых соединений и хотя бы 50% должностей командиров полков должны были быть замещены ими же, то потребность в кадрах Генштаба составляла 1458 человек. Между тем в РККА и в войсках ГПУ насчитывался 721 человек с высшим общим военным образованием: 501 выпускник Николаевской академии, 92 выпускника Военной академии РККА 1921 г. и 128 выпускников 1922 г. Таким образом, выпускники старой академии после Гражданской войны составляли 69,5% кадров Генштаба РККА. Только 318 специалистов находились на соответствующих должностях, 103 человека (из выпускников Военной академии РККА) стажировались, а остающиеся 300 замещали должности, не подлежащие замещению лицами с высшим общим военным образованием. Таким образом, 1140 должностей (при расчете от потребности в 1458 должностей), которые должны были замещаться генштабистами, занимались несоответствующими лицами. На трех курсах Военной академии обучались еще 328 человек. Убыль слушателей составляла до 25%. К сентябрю 1925 г. руководство РККА с учетом убыли рассчитывало на выпуск 246 слушателей. Естественная убыль кадров Генштаба составляла примерно 10% за два года¹⁰⁰⁷. Убыль планировалось восполнять выпускниками Военной академии

РККА, ежегодные выпуски которой должны были равняться 90–95 специалистам.

Генштабисты внесли свой вклад в советизацию Закавказья в 1920–1921 гг. Независимость Азербайджана была ликвидирована частями РККА за один день 27 апреля 1920 г. почти без сопротивления. Активными участниками советизации Армении и Грузии были начальник штаба Кавказского фронта С. А. Пугачев, командующий 11-й армией А. И. Геккер, начальник полевого штаба 11-й армии Б. И. Кузнецов и многие другие. В Армении красные попытались использовать в своих интересах остатки старой дашнакской армии. Впрочем, этот опыт нельзя назвать удачным. По сообщению командующего войсками М. В. Молкочанова командующему 11-й армией, «Советская власть в Армении получила развалившуюся армию не только в строевом, но и [в] хозяйственном отношении... Обломки старой дашнакской армии, взятые как материал для создания новой красной армянской армии, — оказались плохо одетыми и обутыми»¹⁰⁰⁸. Командующим войсками на территории Армении и Красной армией Армении (с января 1921 г.) был выпускник ускоренных курсов академии бывший подполковник М. В. Молкочанов, начальником штаба — другой курсовик, бывший полковник В. Ф. Притоманов, его помощником — бывший Генштаба генерал-майор М. Г. Фесенко. В дальнейшем Притоманов стал начальником штаба Наркомата по военным делам Армении при наркоме Г. Д. Гае. Помощником начальника штаба наркомата стал курсовик В. С. Тамручи, ранее занимавший пост начальника оперативного отдела штаба 11-й армии и начальника мобилизационного отдела наркомата. 11-й армией, вступившей в пределы Закавказья, командовали курсовики: бывший капитан М. И. Василенко и бывший штабс-ротмистр А. И. Геккер — партийный военспец. Как уроженец Тифлиса, Геккер хорошо знал регион и театр военных действий. Начальниками штаба армии были бывший Генштаба генерал-майор А. К. Ремезов и уже упоминавшийся Притоманов. Ценнейшую разведывательную информацию о Грузии и других государствах сообщал в Москву советский военный атташе в Тифлисе бывший генерал-майор П. П. Сытин.

После советизации Армении в Эривань в декабре 1920 г. прибыл Геккер и обратил внимание на то, что комсостав Главного штаба ССР Армении не был знаком с постановкой штабной работы в РККА. По предложению Геккера группа лиц командного состава армянской армии, ранее служившая у дашнаков, была командирована в штаб 11-й армии для изучения штабной службы¹⁰⁰⁹. Впрочем, в Баку командированные были арестованы. Генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась по интернациональному принципу. По этой причине нарком по во-

енным делам Советской Армении А. Ф. Мясников (Мясникян) просил Геккера 23 мая 1921 г. по прямому проводу «прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»¹⁰¹⁰. В разработке плана советизации Грузии участвовал бывший Генштаба генерал-майор А. Г. Габаев (Габашвили)¹⁰¹¹. Парадоксально, но возглавлявший вооруженную советизацию Закавказья А. И. Геккер отнюдь не разделял взглядов большевистского руководства на необходимость проведения такой политики. В беседе с проживавшим в Тифлисе бывшим генералом-генштабистом К. Л. Гильчевским после советизации Грузии Геккер, наоборот, отстаивал взгляд на то, что окраинам страны нужно предоставить независимость и перестать тратить на них «деньги русского мужаика»¹⁰¹². Гильчевский же полагал, что этого никогда не произойдет и окраины будут по-прежнему на содержании русского народа.

В период от Гражданской до Великой Отечественной войны Штаб РККА и Генеральный штаб РККА возглавляли различные военные деятели: П. П. Лебедев (1921–1924), М. В. Фрунзе (1924–1925), С. С. Каменев (1925), М. Н. Тухачевский (1925–1928), Б. М. Шапошников (1928–1931; 1937–1940), А. И. Егоров (1931–1937), К. А. Мерцков (1940–1941), Г. К. Жуков (1941). Из восьми человек трое были военспецами-генштабистами. В общей сложности из рассмотренного временного промежутка в 21 год они руководили этим органом около 10 лет, причем Шапошников занимал этот пост дважды, что было беспрецедентным явлением и свидетельствовало о большом доверии к нему советского лидера И. В. Сталина. Позднее бывшие военспецы-генштабисты во главе этого органа в силу возрастных причин и структурных изменений в военной элите Красной армии не находились¹⁰¹³.

После завершения наиболее острой фазы Гражданской войны значение РВСР (РВС СССР) уменьшилось. На протяжении 1923 г. РВС СССР провел только 18 заседаний¹⁰¹⁴. Его работа была сосредоточена по-прежнему в руках заместителя председателя Э. М. Складского как политического руководителя, а также в руках начальника Полевого штаба РВСР (июль 1919 — февраль 1921 гг.), а затем начальника Штаба РККА (февраль 1921 — апрель 1924 гг.) П. П. Лебедева как технического руководителя армии. Л. Д. Троцкий в этот период из-за перегруженности делами и по состоянию здоровья не мог уделять достаточно внимания военной работе, а его заместитель Складский не пользовался таким авторитетом в РККА.

По данным к 1 апреля и к 1 сентября 1924 г., в центральном аппарате Наркомата по военным и морским делам СССР состояли 18 и 132 выпускника Военной академии РККА соответственно, а также 59 и 38 выпускников старой академии соответственно¹⁰¹⁵. В каждом случае выпускники старой академии составляли 3% от общего числа. Процент выпускников красной академии за пять месяцев вырос с 1 до 10.

Вопрос о сохранении на службе старых генштабистов после войны некоторое время оставался дискуссионным. С одной стороны, за их плечами была квалификация старой академической школы, с другой — они препятствовали продвижению и карьерному росту молодых и амбициозных красных генштабистов, тесно связанных с партийными структурами. Разумеется, красные генштабисты всячески стремились удалить спецов из армии, в том числе пользуясь своими связями в партийном руководстве. Последнее же в лице сталинской группировки было готово использовать эти устремления в своих целях.

Борьба за власть в армии, а следовательно, и в государстве, достигла апогея на рубеже 1923–1924 гг. Необходимо охарактеризовать ту роль, которую играли в этот период в армии старые генштабисты. Несмотря на то что в лице своих отдельных представителей они входили в военную элиту СССР (например, объективно к элите на всем протяжении 1920–1930-х гг. в силу должностного положения относились такие деятели, как С. С. Каменев и Б. М. Шапошников), старые генштабисты в РККА почти не играли никакой политической роли и даже не претендовали на эту роль.

Безусловно, это не означало отсутствия у генштабистов собственных политических воззрений. По итогам Гражданской войны такие воззрения приобрели все мыслящие люди, но откровенно высказывать свои взгляды для «классово чуждых» было небезопасно. Генштабисты не во всем и не всегда были большевикам лояльны, оставаясь в какой-то степени замкнутой корпорацией, в которую не мог попасть человек из другой среды — не генштабист и не военспец. Однако нелояльность генштабистов после Гражданской войны не шла дальше дружеских встреч, бытовых разговоров о былых временах и критических суждений в адрес властей. Большинство не знало, чего ожидать в будущем. Памятны были кровавые репрессии и бесцеремонные ничем не мотивированные аресты эпохи Гражданской войны. В мирное время положение генштабистов казалось еще менее устойчивым, чем в Гражданскую войну. Определенные надежды в бывших офицеров вселял НЭП, воспринимавшийся как начало перерождения большевистского режима. Но единственно разумным способом выживания для «бывших» в такой обстановке было не высовываться. Вполне характерно в этом смысле поведение наиболее высокопоставленного советского военспец-генштабиста первой половины 1920-х гг., главкома С. С. Каменева, пресмыкавшегося перед большевиками и фактически игравшего у них роль безгласного советника по военным вопросам¹⁰¹⁶. Не меньшую осторожность в выражении политических взглядов проявлял и Б. М. Шапошников, у которого в 1920 г. произошел конфликт с Троцким.

Можно согласиться с тем, что именно военспецы-генштабисты в 1920-е гг. «определяли основные ценности в Красной армии, а военно-теоретическая деятельность (в силу экономической слабости страны и практического отсутствия настоящей армии) оказывалась основной»¹⁰¹⁷. Это была интеллигентная среда, в которой по объективным причинам было немало людей в возрасте, стремившихся к спокойной военно-научной и военно-педагогической работе. Для большевиков ни на что не претендовавшие военные специалисты были удобны. Однако политики так или иначе пытались вовлечь часть генштабистов в борьбу и использовать в своих интересах.

Многие военспецы испытывали чувство благодарности к Троцкому, который привлек их в армию, позволил заниматься любимым делом и защищал от произвола чекистов и политработников. Насколько прочна была эта связь и могла ли она привести к решительным действиям Троцкого в борьбе за власть с опорой на армию, неизвестно. Нельзя сбрасывать со счетов и очевидное неприятие Троцкого многими кадровыми офицерами старой России с их традиционным мировоззрением.

Как бы то ни было, члены Политбюро ЦК, сгруппировавшиеся вокруг Сталина, опасались возможного военного переворота, организованного Троцким при поддержке военных. Опасались они также группировок военспецов и угрозы бонапартистского захвата власти. Тем более что некоторые лидеры советской военной элиты (М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров) в период междуцарствия пытались вести свою игру, чтобы извлечь при этом максимальную выгоду. На пике противостояния Троцкий решением Политбюро от 5 января 1924 г. был отправлен на лечение в Сухум, что вывело его из борьбы и не позволило принять участие в похоронах умершего 21 января 1924 г. В. И. Ленина, носивших характер важнейшей политической манифестации.

Не прошло и двух недель со дня смерти Ленина, как «сталинцы» повели наступление на позиции Троцкого в армии. Уже 3 февраля 1924 г. вопрос о военспецах стал предметом обсуждения Пленума ЦК РКП(б), на котором с докладом выступил старый партийный деятель С. И. Гусев — давний оппонент Троцкого. Он раскритиковал деятельность РВС СССР и заявил, что в личном составе центральных учреждений наблюдается засилье старых специалистов, в том числе пожилых генералов. «РВСом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас вырабатывались в годы Гражданской войны, которые после Гражданской войны обучались и которые способны были бы теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спеццы»¹⁰¹⁸. Далее Гусев, сославшись на беседу с несколькими выпускниками Военной академии РККА, сообщил

собравшимся, что положение красных генштабистов в армии невыносимо и их заедают старые специалисты. К 1924 г. в партийном руководстве уже кристаллизовались политически мотивированная идея очищения РККА от старых специалистов и курс на замену их более преданными лицами из числа рабочих и крестьян. Удар был направлен и на генштабистов старой школы. Гусев намеренно преувеличил засилье военспецов в армии. В действительности ситуация не была столь критичной. Объектом нападения являлся заместитель председателя РВС СССР Э. М. Склянский — правая рука Троцкого в армейском руководстве.

В ответном выступлении Склянский аргументированно опроверг обвинения, отметив, что должности начальников главных управлений почти всецело замещены коммунистами, и перечислил этих лиц поименно. Кроме того, Склянский указал на то, что весь высший комсостав проходит аттестацию в Высшей аттестационной комиссии, в составе которой представители ЦК партии, политуправления РККА и ГПУ. Он также отметил, что не происходило и массовой демобилизации красных генштабистов. Этот вопрос мог быть решен только комиссией по чистке Военной академии, сформированной под председательством А. С. Бубнова и В. В. Куйбышева по решению ЦК партии. В то же время низкий уровень заработка краскомов по сравнению с рабочими приводил к оттоку первых из армии. Из 87 000 краскомов, прошедших подготовку в годы Гражданской войны, в армии на начало 1924 г. осталось только 25 000. «Демобилизационное настроение» среди красных генштабистов создавали и стажировки, на которые их направляли после академии. Стажировки проходили на должностях командира батальона, помощника командира полка или начальника оперативно-строевой части штаба дивизии. Многие слушатели, командовавшие в Гражданскую войну дивизиями, были вынуждены теперь служить на нижестоящих должностях, поскольку ценз был для всех одинаков вне зависимости от имевшегося опыта¹⁰¹⁹. Что касается взаимоотношений старых спецов и краскомов, то, по словам Склянского, «много раз об этом говорилось, приказывалось и чуть ли не отдавались под суд спеццы, плохо относящиеся к краскомам»¹⁰²⁰.

В совершенно секретном докладе о работе комиссии пленума РВС СССР по реорганизации военного аппарата, системы управления и отчетности, датированном мартом 1924 г., содержались предложения о проведении всех лиц, окончивших полный или двухгодичный курс бывшей Николаевской академии Генерального штаба, через аттестационную комиссию РВС СССР, увольнении лиц старше 50 лет в бессрочные отпуска. Предлагалось не считать лицами с высшим военным образованием выпускников ускоренных курсов, которым предоставлялось право на льготное окончание Военной академии РККА¹⁰²¹.

Защищая начальника Штаба РККА П. П. Лебедева, Троцкий писал: «Я не могу признать правильными нарекания по адресу начальника штаба. Никто до сих пор не называл ни одного работника, который мог бы хотя бы и в отдаленной степени сравниться с т. Лебедевым в роли начальника штаба. Нужно только несколько яснее представить себе, какова была работа начальника штаба: три года непрерывных частичных демобилизаций и реорганизаций в условиях абсолютно недостаточного и совершенно неустойчивого бюджета, при новых и новых каждый раз заданиях в отношении возможного развертывания армии военного времени, — чтобы понять ту совершенно незаурядную работоспособность и выдержку, которые проявил на своем посту начальник штаба»¹⁰²². Тем не менее и Склянский и Лебедев весной 1924 г. лишились своих постов. Обе должности занял М. В. Фрунзе. По компетентному мнению Троцкого, в качестве военного администратора Фрунзе Склянскому уступал¹⁰²³. Однако решение было политическим. Уже в 1925 г. Склянский, направленный по предложению Сталина в США, там утонул. Буквально через два месяца скончался и Фрунзе.

Пост главкома, который с 1919 г. занимал С. С. Каменев, 28 марта 1924 г. был упразднен. В тот же день Штаб РККА был разделен на Штаб РККА, Управление РККА и Инспекторат РККА (31 октября включен в Штаб РККА). Была проведена чистка и во втором эшелоне — сняты со своих должностей старые генштабисты: помощник управляющего делами РВС СССР Н. В. Пневский, второй помощник начальника Штаба РККА В. Е. Гарф (его сменил М. Н. Тухачевский), уволен и арестован состоявший в распоряжении начальника Штаба РККА Г. Н. Хвощинский¹⁰²⁴. Большинство из них занимали свои посты с 1919 г., меньшая часть — с 1921 г. Таким образом, разрушалась система, сложившаяся еще в годы Гражданской войны. Подобные кадровые перестановки, очевидно, преследовали политические цели, лишая Троцкого опоры в военном ведомстве. В январе 1925 г. и сам Троцкий был устранен с постов председателя РВС СССР и наркома по военным делам. В истории Красной армии началась новая эпоха.

В реформировании РККА принимали участие многие военспецы-генштабисты. Весомый вклад в реализацию преобразований внесли А. И. Корк, С. А. Меженинов, Н. Н. Петин, С. А. Пугачев.

В мае 1922 г. выпускники старой академии в военной элите составляли 26 человек из 36, или 72,2%¹⁰²⁵. Очевидно, наличие более 2/3 генштабистов в военной элите РККА к концу Гражданской войны отражало их решающую роль в строительстве РККА и в победе большевиков. Из 26 человек выдвиженцами В. И. Ленина и опосредованно связанных с ним лиц были 6 человек, 4 человека были выдвиженцами М. Н. Тухачевского, 3 человека могут быть названы вы-

движенцами М. В. Фрунзе, 3 — выдвиженцами Л. Д. Троцкого и его сторонников, 2 — И. В. Сталина и его сторонников.

Процесс смены власти в военном ведомстве сопровождался сокращением представительства генштабистов в высшем руководстве РККА. Если в марте 1923 г. выпускники старой академии среди армейского руководства составляли 23 человека из 41, или 56,1%¹⁰²⁶, то в ноябре — 21 человек из 40, или 52,5%¹⁰²⁷, в январе 1924 г. — 19 из 41, или 46,3%¹⁰²⁸, в апреле 1924 г. — 16 из 42, или 38,1%¹⁰²⁹. При этом нельзя согласиться с тезисом о том, что в связи со сменой руководства РККА за 1923–1924 гг. сокращение численности генштабистов в военной элите достигало 30% и что этот показатель был наиболее выраженным в сравнении с другими изменениями состава элиты¹⁰³⁰. Реальное сокращение представительства выпускников старой академии представляется не столь резким и составляет 18%. Но при всей условности включения тех или иных персоналий в состав военной элиты (высшего армейского руководства), все же значительные перестановки, свидетельствующие об утрате генштабистами ключевых позиций в руководстве РККА, налицо. Интеллектуальный потенциал элиты при этом понизился, но возросли преданность высшего комсостава определенным политическим лидерам и количество членов партии в этой среде.

В дальнейшем процесс вымывания старых генштабистов из советской военной элиты продолжался. Выпускники старой академии в ней¹⁰³¹ к декабрю 1925 г. составляли 15 человек из 41, или 36,6%¹⁰³², к сентябрю 1927 г. — 11 человек из 30, или 36,7%¹⁰³³, к началу 1930 г. — 12 человек из 53, или 22,6%¹⁰³⁴, а к июлю 1931 г. — 8 человек из 48, или только 16,7%¹⁰³⁵. Им на смену приходили выпускники Военной академии РККА и даже германской военной академии. Характерно, что эти процессы развивались на фоне стабильно поддерживавшегося в тот период крайне незначительного процента командиров РККА с академическим образованием. Мирный период позволял не думать о войне и жертвовать квалификацией в угоду социальному происхождению.

Справка по команднополитсоставу (командному, административному, хозяйственному и политическому составу) РККА, представленная в 1925 г. председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому, была наполнена тревожными наблюдениями¹⁰³⁶. В документе отмечалось, что, несмотря на вычищение из рядов РККА уже свыше 10 тысяч человек, среди командиров наблюдались негативные проявления. Прежде всего, комсостав уже довольно четко разделился на два лагеря — военспецов и краскомов. Остро чувствовались трения красных генштабистов и старых спецов, сопряженные с попытками взаимной дискредитации, вредившими управлению войсками и подрывавшими авторитет комсостава. Военспецы считали краскомов хама-

ми и неучами, часто их затирали. Краскомы давали повод для таких оценок и перенимали «офицерские замашки» — рукоприкладство, денщикество, пьянство. Среди командиров наблюдались апатия и демобилизационные настроения. Особенно тревожило особистов формирование группировок комсостава. Первоначально они носили бытовой характер встреч бывших офицеров-интеллигентов, однополчан. Однако постепенно на встречах командиров стали звучать критика власти и начальства, позитивные воспоминания о погонах и прежней жизни. Начала проявляться политизация — обсуждались способы борьбы с краскомами, которыми власть заменяла спецов, вопросы борьбы с политработниками и даже возможности свержения режима и овладения армией посредством планомерной борьбы с политическим составом за аполитичность войск, занятия командных высот и дискредитации коммунистов перед красноармейцами. К 1 января 1924 г. было выявлено 42 группировки, на апрель — 45, в мае — 10 (сокращение произошло из-за чисток), в июне — 4, в августе — 25, в октябре — 40, в ноябре — 13, в декабре — 15.

Чистка вызвала озлобление спецов, особенно вычищенных из армии, и в целом настроения ухудшились. В справке отмечалось и то, что в будущем угрозу режиму могут представлять и краскомы, которые происходили из крестьян, были тесно связаны с прежней средой, а из-за тяжелого материального положения еще и озлоблены. Кроме того, краскомы также создавали собственные группировки и смыкались с красноармейцами на почве недовольства материальным неравенством в армии.

Процент выпускников старых военных академий в комсоставе РККА имел тенденцию к снижению, однако процент выпускников советских академий и курсов возрастал крайне медленно. К середине 1920-х гг. в РККА служили около полутора тысяч выпускников академий и курсов усовершенствования комсостава¹⁰³⁷. Общеобразовательный уровень командного состава РККА на протяжении 1920—1930-х гг. был невысок, что отрицательно сказывалось на боеспособности армии¹⁰³⁸.

Тактическая грамотность в значительной степени обеспечивалась общим развитием и кругозором, а это позволяло избегать шаблонности в действиях. Между тем даже среди преподавателей военных школ РККА в период 1927—1936 гг. высшим образованием обладали лишь 8,2—10,3% командиров¹⁰³⁹, о строевых командирах и говорить не приходится. В конце 1920-х гг. и позднее одной из партийных установок был курс на резкое увеличение среди слушателей академий процента рабочих и крестьян (политика «орабочивания командных кадров» особенно активно проводилась с 1928 г.¹⁰⁴⁰, современные исследователи именуют ее социальным расизмом). Разумеется, это вело к деинтеллектуализации слушателей. Подобные

процессы на фоне неуклонного вычищения бывших офицеров только усугубляли ситуацию. Квалификация была принесена в жертву благонадежности.

К середине 1920-х гг. в РККА в условиях кадрирования армии наблюдался переизбыток начальствующего состава (к декабрю 1925 г. начальствующий состав достигал 88 578 человек, что в 1,4 раза превышало аналогичные показатели в старой армии, даже с учетом чиновников и духовенства¹⁰⁴¹). Одних только представителей высшего командного состава насчитывалось 1995 человек. Командный состав составлял 9,6% от общей численности армии, тогда как в Польше и Великобритании — 6,1%, а во Франции — 4,8%. При этом командиры с высшим военным образованием были в ничтожном меньшинстве. К концу 1920-х гг. задача вычищения из аппарата «бывших людей» уже ставилась широко и повсеместно, освещалась прессой¹⁰⁴².

Противостояние старых спецов и краскомов постепенно уходило в прошлое. Один из военспецов писал генералу А. И. Деникину в конце 1920-х гг.: «Годы общей жизни и службы не остались без следа в отношениях. Классовые отличия совсем не так четки, как прежде. С большинством командиров, вышедших из старых солдат и унтеров, мы давно уже не чужие. Да и с новыми краскомами отношения налаживаются. Ведь как-никак все они — наши же выученики. А резкие отличия в духовном воспитании и житейском обиходе значительно подравнялись, благодаря общему опрощению всей жизни и стремлению новых краскомов в последнее время в особенности подняться самим и поднять свой престиж. Это ничего, что этот уклон начинается с тона, одежды, жестов, привычек и проявляется иногда в немного смешных формах. Нет у нас еще прочной спайки и полного доверия друг к другу — это конечно. Но все же с очень многими из них (я не говорю о правверных коммунистах) нас сблизил и общие профессиональные интересы, и равенство полунищенского существования, и одинаковое отношение к гнету политуправления армии, к гвардионству комячеек, к осточертевшей всем фарисейской фразеологии, наполняющей казарменную жизнь и учебу. Но самое главное, что нас сближает, — это несомненное пробуждение у многих из них национального чувства, пробивающегося через дурман коммунистической пропаганды... Сблизились мы и с солдатом из крестьян, пожалуй, больше, чем они [краскомы], и больше, чем это было в старое время. По солдатскому своему чутью он признал наш военный авторитет, а по крестьянскому — увидел в нас товарищей по несчастью»¹⁰⁴³.

Приказом РВС СССР № 88 от 13 февраля 1926 г. комсостав подлежал увольнению в долгосрочные отпуска: средний комсостав — до 40 лет, старший — до 45 лет и высший — до 50 лет. Представители среднего комсостава в возрасте от 40 до 45 лет, старшего от 45 до 50 лет

и высшего от 50 до 55 лет переводились в запас 1-й очереди; представители среднего комсостава 45–50 лет, старшего 50–55 лет и высшего 55–60 лет — в запас 2-й очереди. В запас 3-й очереди переводили осужденных и не соответствующих службе командиров. Представители среднего комсостава от 50 лет, старшего от 55 и высшего от 60 лет вообще увольнялись со службы¹⁰⁴⁴. Очевидно, по возрастным причинам под это сокращение должны были попадать и генштабисты.

На красных генштабистов возлагались и новые задачи, которых не знал и не мог выполнять старый Генеральный штаб. Так, например, начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов в статье «Красный академик — первый политработник в армии», опубликованной летом 1924 г., выдвинул тезис о том, что «красный генштабист должен быть не только первым командиром Красной армии, какую бы должность он ни занимал, но и первым политработником в армии. Ему много, очень много дано, с него и спросится»¹⁰⁴⁵. Таким образом, на выпускников Военной академии РККА возлагались и ответственные политические задачи. Разумеется, беспартийные кадры старых генштабистов для этого не годились.

Несмотря на наличие в армии как старых, так и новых генштабистов, по оценке начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского, изложенной в докладе-справке на имя председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова, «в отношении подготовленности к делу управления войсками в полевой войне можно совершенно смело сказать: наши войсковые штабы еще совершенно не подготовлены... повышение технического уровня нашей Красной армии, большая численность наших войсковых единиц после мобилизации требуют высокого состояния нашей штабной работы, мы в этом отношении оказались совершенно отставшими... При таком состоянии штабов мы не можем считать нашу Красную армию боеспособной»¹⁰⁴⁶. В качестве достижения штабов РККА Тухачевский признавал лишь успехи в деле составления мобилизационных и оперативных планов.

Военспецы-генштабисты в 1920-е гг. использовались в качестве военных советников в Китае. Военным атташе СССР в Китае стал А. И. Геккер¹⁰⁴⁷. Не остались генштабисты старой школы и в стороне от сотрудничества Красной армии с германским рейхсвером, развивавшимся в этот период. Так, в 1926 г. на последний курс германской военной академии был принят преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе М. С. Свечников¹⁰⁴⁸. Немцы отмечали эклектичность командного состава Красной армии, в котором наряду с высокообразованными генштабистами старой школы присутствовали и полуграмотные «народные полководцы» Гражданской войны¹⁰⁴⁹. Вместе с тем и преподавательский состав Военной академии им. М. В. Фрунзе оценивался немцами критически, поскольку в академии не хватало практических занятий (до середины 1920-х гг.),

а преподаватели не обладали опытом управления соединениями всех родов войск¹⁰⁵⁰.

Разумеется, на старых спецов влияло их прошлое, прежние связи и отношения. В декабре 1922 г. в Москве состоялась международная конференция по разоружению с участием представителей Советской России, Польши, Финляндии и Прибалтики. В составе литовской делегации присутствовал выпускник академии генерал Л. А. Радус-Зенкович, ранее служивший в императорской армии и в РККА. В составе советской делегации находился его товарищ по прежней службе бывший генерал В. Ф. Новицкий. При встрече, как отмечал очевидец — слушатель Военной академии РККА, «к нашему великому ужасу, оба вдруг обнялись, как братья, давно потерявшие друг друга... как мог командир Рабоче-крестьянской Красной армии проявлять такие теплые чувства к офицеру армии капиталистического государства? Не правильнее ли было забыть о прошлом и сконцентрироваться на настоящем? Все мы сначала испытали некоторый шок, но потом некоторые из нас смеялись над непримиримыми товарищами, которые продолжали осуждать этот по-человечески понятный поступок. Хорошо, что они не пошли так далеко, чтобы обвинить старого доброго Новицкого в сговоре с врагами Советов»¹⁰⁵¹. Впрочем, годы, когда за дружеские объятия можно будет лишиться жизни, уже неумолимо приближались.

В 1920–1930-е гг. бывшие офицеры-генштабисты находились под наблюдением органов госбезопасности. Как и прежде, генштабистов окружали недоверие и подозрительность. В этом смысле показательны события в штабе Западного фронта, которым командовал М. Н. Тухачевский. 28 мая 1921 г. Особым отделом был арестован начальник административного управления штаба фронта В. Л. Баранович, который 20 августа 1921 г. был признан коллегией Особого отдела Западного фронта «виновным в государственной технической измене, выразившейся в организации и руководстве штабной группой и В[сероссийским] Н[ациональным] С[оюзом] З[ащиты] Р[одины] и Св[ободы] и передаче важных всевозможных военных сведений о Красной армии противнику» и приговорен к расстрелу¹⁰⁵². 30 декабря 1993 г. Баранович был реабилитирован.

13 декабря 1922 г. Особый отдел ГПУ Западного фронта арестовал первого помощника начальника штаба фронта Н. Е. Варфоломеева, начальника мобилизационного отдела И. Т. Алексева и других штабных работников. Официальной причиной арестов была названа утрата ряда секретных документов. В феврале 1923 г. по подозрению в шпионаже в пользу Польши был арестован начальник оперативно-отдела штаба фронта В. В. Шестун. Фактически арестами и кадровыми перестановками работа штаба фронта как единого коллектива была дезорганизована¹⁰⁵³. В деле под названием «Теплая компания»

особисты собирали сведения о Тухачевском и начальнике его штаба С. А. Меженинове, которых подозревали во взяточничестве. В качестве секретных осведомителей были завербованы лица из ближайшего окружения «красного Бонапарта»¹⁰⁵⁴.

Поведение Тухачевского, располагавшего реальной вооруженной силой в непосредственной близости от Москвы, могло сорвать все усилия Сталина и его группировки по захвату власти в партии и в стране посредством аппаратной борьбы и интриг. Незначительные компрометирующие Тухачевского данные, собранные особистами, были использованы в интересах сталинской группировки, контролировавшей аппарат госбезопасности. Для нейтрализации Тухачевского было инициировано расследование его деятельности и под угрозой ареста командующего фронтом склонили к нейтралитету в противостоянии Сталина и Троцкого. В этом случае, как и во многих других в новейшей истории России, победа оказалась на стороне тех политических деятелей, которые обладали контролем над спецслужбами, тогда как военное руководство, несмотря на наличие в его руках реальной силы, оказалось в числе побежденных.

Интересовались генштабистами и иностранные спецслужбы, которые даже проводили активные операции в СССР. Так, эстонская разведка при содействии финского агента А. Тассо в 1920-е гг. смогла нелегально вывезти из СССР жену главнокомандующего эстонской армией генерала Й. Лайдонера¹⁰⁵⁵. Свою роль в разведывательной деятельности играли прежние корпоративные связи генштабистов. Так, в 1921–1923 гг. польским военным атташе в Москве являлся выпускник ускоренных курсов Военной академии подполковник Р. И. Воликовский¹⁰⁵⁶. Он был офицером старой армии, а в Гражданскую войну успел принять участие в борьбе с большевиками в Сибири. Он хорошо знал Россию и в должности атташе оказался на своем месте. Занимался в том числе и сбором разведданных¹⁰⁵⁷. В конце 1922 г. им был завербован бывший курсовик-колчаковец подполковник С. С. Дзюбенко, которого Воликовский мог знать еще по Сибири. После пленения Дзюбенко был амнистирован и служил в ГУВУЗе. Агенту выдали подложную советскую печать, с помощью которой он фабриковал документы и получал по ним секретные приказы по РККА. Через помощника Воликовского Дзюбенко получил деньги на открытие частного книжного магазина «Военно-техническое образование» на Петровке, служившего явкой для польской агентуры¹⁰⁵⁸. Однако Дзюбенко был разоблачен и арестован.

В 1920-е гг. среди генштабистов-эмигрантов, ветеранов Белого движения, появились те, кто стал считать борьбу с большевиками ошибкой, пришел к идее «смены вех». Часть из них группировалась вокруг берлинского военно-научного журнала «Война и мир», издававшегося на деньги советской военной разведки. Показательны рассуждения

одного из активных сотрудников этого издания генерала С. К. Добrorольского в переложении генерала Ю. И. Гончаренко (Галича): «Белые или красные — в конце концов, не все ли равно?... Военная доктрина не признает этих оттенков... Она, извольте видеть, едина... И при Александре Македонском, и при Бонапарте, и при Льве Троцком! В нем говорит убежденный спец, ставящий свою профессию выше случайной игры и победы той или другой политической партии»¹⁰⁵⁹.

«Сменовеховские» настроения приобрели определенную популярность в среде генштабистов. Против продолжения борьбы с большевиками уже в 1922 г. выступили такие генералы-генштабисты, как С. К. Добrorольский, Е. И. Достовалов, а также А. К. Келчевский и В. И. Сидорин, авторитетные в казачьей среде. Сменовеховцами считали генералов А. А. Носкова и П. И. Залесского¹⁰⁶⁰. Под коллективной декларацией о признании советской власти и стремлении вернуться на родину среди прочих русских офицеров в Болгарии подписался Генштаба полковник А. П. Вохмин¹⁰⁶¹. В 1928 г. генерал Д. Р. Ветренко вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в связи с обвинением в шпионаже¹⁰⁶². Не вынес тяготы первых лет эмиграции и жизнь в отрыве от родины, некоторые выпускники академии вернулись в Россию. Среди возвращенцев генералы Е. С. Гамченко, П. И. Липко, Я. А. Слащов, Н. Т. Сукин (вместе с братом работал на советскую военную разведку), полковники А. П. Вохмин, В. В. Корчаков-Сивицкий, В. Ф. Оржановский, А. И. Саватеев, подполковник Н. Ф. Соколовский, капитан А. С. Ролько. Позднее уехали генералы С. К. Добrorольский, Е. И. Достовалов, М. В. Фастыковский. В конце 1920-х гг. в СССР из Китая уехали генералы С. А. Зубковский, И. В. Тонких, А. Н. Шелавин. Генерал А. И. Андогский, наоборот, отказался от советского паспорта и был в связи с этим уволен с КВЖД¹⁰⁶³. Большинство вернувшихся на родину оказались расстреляны в конце 1930-х гг.

Генерал С. К. Добrorольский писал генералу П. И. Аверьянову 5 июля 1923 г.: «Россия поумнела... Мы попали между двух эпох; оставим раз навсегда надежду на возврат в прошлое, но люди будут нужны в новой России — умеющие трудиться, и я смотрю, что пребывание наше в Сербии на ролях чернорабочих принесет нам большую пользу: мы не разучимся работать. Поэтому чем тяжелее нам здесь, тем легче будет в России. Я сомневаюсь, чтобы там нынешняя власть была свергнута, но она преобразуется постепенно в национальную демократическую власть, может быть, даже с Царем во главе, но не с таким, какой был последний. Россия начинает медленно успокаиваться, так же постепенно, как постепенно нарастала революция, которая в скрытом состоянии у нас началась еще в годы Александра II, когда мы с Вами только что поступили в кадетский корпус. Размах в 40 лет, немного меньше, понадобится и для ее успокоения, а большевизм — это железный обруч,

которым Россия стиснута, чтобы в период своего перерождения не развалиться на куски, которые стали бы достоянием алчных соседей»¹⁰⁶⁴.

Судьбы возвращенцев были трагичны, а отношение к ним в Советской России мало отличалось от того, как относились к пленным. Супруга Н. Ф. Соколовского писала в Политический Красный Крест: «Мой муж, бывший полковник Генштаба, вернулся из эмиграции (из Константинополя) легально, не прячась и не скрываясь от советской власти, его принял с парохода уп[олномоченный] КВЧК тов. Виленский — тем же тов. Виленским была снята моему мужу комната, по его распоряжению была выписана семья, т. е. я и дочь, из гор. Керчи, где я жила и служила в Наробразе». Тем же уп[олномоченным] КВЧК Виленским уплачивалось по счету за обеды, т[ак] как у нас средств никаких не было. 17го февраля аресты были массовые в гор. Севастополе, арестовывали всех, кто когда-либо служил в армии белых. В это время уп[олномоченный] КВЧК в городе не был, отсутствовал, когда же приехал уп[олномоченный] КВЧК тов. Виленский, и я была у него по делу мужа, он мне сказал, что мой муж не должен был быть арестован и что он скоро будет свободным — между тем и по нынешний день мой муж арестован»¹⁰⁶⁵.

Возвращались не только бывшие белые, но и те, кто просто ранее бежал от красных. Например, бывший подполковник В. Ф. Эксе, вернувшийся в Советскую Россию в 1920 г., сообщал о себе: «Сделав переворот 28 февр[аля] — 3 марта 1917 г. в Москве в качестве руководителя “молодого революционного штаба”, забрал слишком влево, поругался с [А. Е.] Грузиновым и жил нелегально до октябр[ьского] переворота, когда сразу пошел к большевикам. Служил в нар[одном] ком[иссариа]те по ин[остранным] делам, где заслужил доверие т.т. Троцкого, [М. Г.] Бронского, Радека, Бела-Кун и мн[огих] др[угих]. Стратегические работы об организации Кр[асной] армии были переданы в руки Влад[имира] Ильича в комнате № 81 в Смольном. Однако противодействие Генштаба, кот[орый] не принял проекты, и разгоревшаяся полемика с ним в “Изв[ествиях] наркомвоен” (“Нов[ая] воен[ная] доктрина”) заставили ошибиться”. Я не уверовал в революцию при наличии торжества Генштаба и, используя литовское происхождение, уехал за границу. Нигде у белых не служил и жил в Финляндии нелегально. Ныне победы Красной армии показали ошибку, и я вернулся»¹⁰⁶⁶. По возвращении Эксе был арестован.

Действительно крупной, знаковой фигурой среди вернувшихся был только генерал Слащов, ставший прототипом генерала Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег». Возвращение Слащова повлекло за со-

^{*} Очевидно, Крымской ЧК.

^{**} Очевидно, городском отделе народного образования.

^{***} Подчеркнуто автором.

бой поток желающих вернуться. Этот поступок генерала был подстегнут его конфликтом с белым главкомом генералом П. Н. Врангелем, увольнением со службы и преданием вопреки закону суду чести, а также усилиями сотрудников ВЧК. В ноябре 1921 г. Слащов прибыл в Севастополь, где его встречал лично Ф. Э. Дзержинский, придававший возвращению белого генерала большое значение. Беспощадный к большевикам генерал не только не был расстрелян, но оказался в РККА на военно-педагогической работе. По прибытии Слащов передал чекистам некоторые сведения о состоянии врангелевской армии, дал характеристики начальствующего состава.

С самого своего возникновения русская военная эмиграция стала сферой пристального внимания советской разведки. Тем более что фанатично настроенные военные эмигранты пытались продолжать борьбу с большевиками. Наиболее ярким примером борца-одиночки был генерал И. М. Зайцев. В прошлом близкий соратник атамана А. И. Дутова, он решил продолжить борьбу путем внедрения в состав РККА. С этой целью Зайцев подал прошения об амнистии и получении советского гражданства и возвратился из эмиграции в Россию. В мае 1924 г. бывший генерал уже ехал в Москву. По пути на станции Иркутск Зайцев выступил перед красноармейцами, которым, наверное, никогда не доводилось видеть настоящего белого генерала. Молодежь засыпала Зайцева вопросами, а после его речи устроила овацию. Впрочем, надежды Зайцева оказались иллюзорными. По прибытии в Москву Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава РККА. Обсуждался вопрос о его назначении начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем Восточного отдела Военной академии. Но затем, видимо, в связи с делом Б. В. Савинкова, последовало охлаждение. В Москве узнали о переговорах Зайцева в Пекине с представителями иностранного дипломатического корпуса по вопросу организации повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Поэтому в конце сентября 1924 г. Зайцев был уволен в бессрочный отпуск, а уже 25 октября арестован ОГПУ¹⁰⁶⁷.

Наблюдался и обратный процесс, известный еще по Гражданской войне, — бегство генштабистов из Советской России. В 1920 г. бежал бывший генерал К. И. Эзеринг, в 1921 г. — бывшие генералы М. В. Фастыковский, Я. К. Цихович (по другим данным, смог выехать легально), а также бывший капитан И. А. Бардинский, в 1922-м — бывший генерал Д. А. Долгов, в 1923-м и позднее — бывшие генералы П. Я. Ягодкин и Н. Н. Десино. Позднее некоторые вернулись.

Иногда для отъезда использовались и легальные пути. Таким способом в первой половине 1920-х гг. покинули большевистскую Россию и перебрались в Эстонию бывшие генералы Э. А. Верцин-

ский, Д. К. Лебедев и А. О. фон Штубендорф, а также бывший подполковник Д. Г. Фокке. После освобождения из-под ареста в Латвию уехал известный военный геодезист, бывший генерал А. И. Аузан. Туда же перебрались бывший подполковник Я. Я. Юршевский, бывшие капитаны И. М. Биркан, В. Г. Зиверт, Э. К. Лус и А. Ф. Мауринг, бывший штабс-ротмистр Г. О. Маттис, бывший штабс-капитан П. Я. Дудынь. Бывший генерал А. Г. Лигнау остался, так как отъезду в Латвию воспротивилась его супруга. Причины отъезда Верцинского известны — у них с братом имела недвижимость в Эстонии, там не было постоянного дамоклов меча репрессий, имелось продовольствие, отсутствовала нищета, на которую бывшего генерала обрекла Советская Россия. Впрочем, в 1940 г. до старого генерала чекисты все-таки добрались — он был расстрелян весной 1941 г.

Генштабисты не избежали участия в противоборстве советских спецслужб и белой военной эмиграции, причем участвовали в этой борьбе с каждой стороны¹⁰⁶⁸. Советская разведка в 1920–1930-е гг. уделяла военной эмиграции значительное внимание, пристально следила за деятельностью белых, в том числе генштабистов¹⁰⁶⁹. Многие документы штаба генерала П. Н. Врангеля в 1920-е гг. через две-три недели после их составления лежали на столах руководителей ОГПУ¹⁰⁷⁰. По всей видимости, советская агентура была даже в самом штабе Врангеля¹⁰⁷¹. Борьба велась не только в форме вербовки агентов и получения информации, но и путем масштабных дезинформаций, изошренных провокаций и диверсионно-террористических актов в разных странах мира. Нередко советские спецслужбы сами провоцировали эмигрантов на активные действия, которых, возможно, при иных обстоятельствах и не произошло бы. В силу своей причастности к руководству антибольшевистских сил первыми жертвами провокаций становились генштабисты-эмигранты, причем советская сторона постоянно наносила противнику все новые и новые болезненные удары, а белые, за исключением нескольких террористических актов (которые лишь дискредитировали самих террористов), не могли этому что-либо противопоставить в силу ограниченности возможностей, нехватки средств и людей, потерпев в этом противоборстве сокрушительное поражение.

Имена ряда авторитетных генштабистов были использованы чекистами для введения военной эмиграции, а заодно и иностранных разведок в заблуждение относительно наличия в СССР мощной подпольной антикоммунистической организации (операция «Трест»). Лидером Монархического объединения Центральной России называли бывшего генерала А. М. Зайончковского, который при посредничестве видного чекиста А. Х. Артузова даже встречался в Москве с белыми эмиссарами из-за рубежа и произвел на них приятное впечатление¹⁰⁷².

Среди военспецов, настроенных антибольшевистски и взаимодействовавших с военной эмиграцией, эмигранты упоминали А. Н. и В. Н. Гатовских, А. М. Зайончковского, Б. М. Шапошникова, П. П. Лебедева, Н. М. Потапова, М. М. Эндена¹⁰⁷³. Видимо, все они, будучи лояльными большевикам, использовались в игре органами госбезопасности. Такие данные достоверно известны относительно Зайончковского и Потапова. Последний с 1923 г. на протяжении четырех лет активно участвовал в «Тресте», выдавал себя за тайного идейного монархиста, неоднократно выезжал за рубеж, где встречался с генералами А. П. Кутеповым, П. Н. Врангелем, Е. К. Миллером и И. А. Хольмсенем¹⁰⁷⁴. В действительности Потапов был одним из первых генштабистов, перешедших на сторону большевиков, и сохранил им верность до конца.

«Трест» пришлось свернуть после того, как польская разведка потребовала у мнимых подпольщиков добыть советский мобилизационный план и в ответ получила явную фальшивку. Между тем в реальность «Треста» первоначально поверили не только польские спецслужбы (Потапов даже получил от поляков браунинг с золотой монограммой и часы), но и опытные белые генералы-генштабисты фон Лампе, Хольмсен, Миллер (двое последних занимались разведывательной деятельностью еще в дореволюционное время в качестве военных агентов, а фон Лампе имел стаж разведывательной работы со времен Гражданской войны). Считается, что серьезные сомнения в реальности подпольной организации были лишь у Врангеля. «Трест» и другие аналогичные операции нанесли серьезный удар по боевой организации генерала А. П. Кутепова, подмочили репутацию самого генерала, нанесли значительный ущерб также польской, финской и румынской разведкам, которых чекисты на протяжении многих лет успешно дезинформировали. В ходе операций было ликвидировано не менее 80 % кутеповских боевиков¹⁰⁷⁵.

На фоне сложнейшего внешне- и внутривнутриполитического положения СССР ОГПУ прилагало чрезвычайные усилия по надзору над бывшими офицерами. Оказался завербован органами госбезопасности и информировал чекистов о настроениях военспецов даже вернувшийся в ноябре 1921 г. в Советскую Россию знаменитый белый генерал Я. А. Слащов¹⁰⁷⁶.

В конце 1924 г. развернулось агентурно-наблюдательное дело «Военные круги», затем переименованное в «Генштабисты» и направленное на контроль над бывшими генштабистами, оставшимися в РККА. Многие военспецы, их родные и близкие были вынуждены стать секретными сотрудниками органов госбезопасности. Сексотами стали бывший генерал А. М. Зайончковский и его дочь Ольга (они участвовали также в известной операции «Трест»), выпускник ускоренных курсов Г. И. Теодори. Работу некоторых сексотов

в офицерской среде курировал опытный контрразведчик, соратник Ф. Э. Дзержинского Э. П. Салынь. Показательны материалы следственного дела работавшего на ОГПУ бывшего полковника Д. Д. Зуева, куратором которого как раз и был Салынь. Согласно этим материалам, О. А. Зайончковская в частном разговоре предостерегала своего друга, бывшего офицера Б. В. Селивачева (сына известного генерала В. И. Селивачева), от контактов с Д. Д. Зуевым (зятем В. И. Селивачева), так как тот был предположительно сексотом. Б. В. Селивачев рассказал об этом самому Зуеву, а последний порекомендовал Селивачеву аналогичные меры в отношении Зайончковской, на что Селивачев сказал: «Ну и черт вас обоих разберет»¹⁰⁷⁷. Таким образом, среди трех знакомых из круга бывших офицеров вполне могло оказаться два сексота. Эти данные подтверждаются тем фактом, что на 109 фигурантов дела «Генштабисты» приходилось 30 сексотов¹⁰⁷⁸.

Есть основания усомниться в целесообразности подобных действий «органов». Это наглядно прослеживается на примере О. А. Зайончковской и Д. Д. Зуева, которые, подчиняясь разным структурным подразделениям ОГПУ (Особому отделу ОГПУ Москвы и контрразведывательному отделу полномочного представителя ОГПУ по Ленинградскому военному округу соответственно), по заданию своих кураторов, не согласовывавших подобные действия, провоцировали и проверяли друг друга¹⁰⁷⁹.

Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Но если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном. В идеале о разговоре должен был сообщить каждый из его участников. Если кто-то не доносил, он автоматически попадал под подозрение как возможный заговорщик и контрреволюционер. В подобной обстановке едва ли возможны были заговоры или контрреволюционные действия — не один осведомитель, так другой сообщил бы об этом своим кураторам, подведя под удар не сообщившего.

Среда бывших офицеров была объективно нелояльной по отношению к советской власти. Военспецов многое справедливо возмущало. Прежде всего, сохранявшаяся атмосфера недоверия и подозрительности, несмотря на заслуги военспецов в Гражданскую войну. Вполне естественным было недовольство бывших офицеров значительным ухудшением своего положения, намного худшими в сравнении с дореволюционными бытовыми условиями, отстранением с руководящих постов в РККА, переводом в систему военно-учебных заведений или увольнением из армии. Сильнейшее неприятие вызывала и политика, проводившаяся руководством СССР, в особенности такие ее стороны, как подавление православной церкви, унич-

тожение памятников истории и культуры, глумление над прошлым, а позднее насильственная коллективизация и массовые репрессии.

Свидетельства о подобном недовольстве сохранились в показаниях арестованных в 1930–1931 гг. по делу «Весна». Генштабист В. А. Афанасьев свидетельствовал: «Будучи верующим, я был не согласен с теми мероприятиями властей, которые ограничивали и стесняли религию»¹⁰⁸⁰. Бывший генерал Ф. Е. Огородников в дневниковой записи 19 августа 1927 г. отметил: «Намерения осчастливить массы, соединенные с сомнением, стоят ли они таких жертв и в этом ли цель жизни, лишенная стремления к личному совершенству впереди масс. Действительная работа на пользу своей среды того, кто не может и не хочет от нее отделяться.

Работа “социалистов”, которые хотят добиться чужого счастья, осчастливить всю массу обездоленных по своей теории, руководя этим счастьем и... снимая пенки.

Вот мысли, которые мелькают в голове, пока... излагаю английский полевой устав!»¹⁰⁸¹

И все же в 1920-е гг. еще существовала относительная свобода слова, в том числе для генштабистов. Наглядным подтверждением этому служит письмо бывшего генерала К. Л. Гильчевского председателю ЦИК СССР М. И. Калинину от 9 июня 1927 г. по поводу пенсионного обеспечения. Гильчевский вышел далеко за пределы стандартных просьб о выдаче пенсии и перешел к анализу внутреннего устройства СССР, каким оно виделось бывшему генералу. Гильчевский жаловался на невозможность устроиться на работу, выражал недовольство советскими порядками, требовал реализации на практике декларированного большевиками равенства для всех, в том числе в вопросах социального обеспечения, протестовал против протекционизма, при котором близкие к советской элите люди получали различные преференции и блага, а номенклатура жила в роскоши¹⁰⁸². Гильчевский отмечал империалистический характер советизации Закавказья¹⁰⁸³, засилье инородцев в большевистском руководстве, неверие населения в коммунистические идеи, сетовал на оторванное от жизни доктринерство руководства страны, указывал при этом на экономическое превосходство Америки, где нет и не будет социализма.

Многие наблюдения старого генерала оказались провидческими. Среди них тезис об эволюции руководства СССР от большевистских принципов к государственным, идея того, что СССР является продолжением Российской империи и реализует имперскую политику и что партийное руководство ведет страну к монархии (как известно, вскоре окончательно оформились диктатура и «культ личности» И. В. Сталина). Гильчевский резюмировал: «Михаил Иванович, вы русский человек, стремитесь к одному — к величию нашей родины. Бросьте идею о счастье всего мира. Все равно вы ничего

не сделаете для него. А мир этот в заключение только напакостит России, даже те же английские и китайские рабочие, которым посылали миллионы русских денег. Думайте только о России — и вы сделаете большое благо для родины. Мне все равно — будет ли Россия советская, монархическая или демократическая, — я думаю только об одном — о благе и величии Родины»¹⁰⁸⁴.

Как ни странно, после такого письма бывший генерал не только не пострадал, но даже получил государственную поддержку в издании своей книги. Более того, письмо вызвало интерес властей, хотя к каким-либо изменениям в политическом курсе, конечно, не привело. Взгляды руководства СССР эволюционировали своим путем.

На протяжении 1920-х гг. большая часть высшего командного состава РККА и значительный процент старшего командного состава были укомплектованы бывшими офицерами¹⁰⁸⁵. Всего в комсоставе (без административно-хозяйственного состава) в 1923 г. насчитывалось 14944, или 30,3 %, а к 1930 г. — 7047, или 14,1 %, бывших офицеров¹⁰⁸⁶. По категориям комсостава распределение было следующим (данные на 1 января 1929 г.): в среднем комсоставе — 5,3 %, в том числе 1,4 % кадровых; в старшем комсоставе — 48,2 %, в том числе 18,1 % кадровых; в высшем комсоставе 73,7 %, в том числе 55,2 % кадровых¹⁰⁸⁷. К 10 февраля 1931 г. их оставалось уже только 5195 (12,2 % комсостава), в том числе 1055 кадровых офицеров¹⁰⁸⁸. К последним принадлежали и выпускники Николаевской военной академии, численность которых в армии в силу разных причин также постепенно снижалась. К 1 января 1929 г. командиров, получивших военное образование только в старой армии, насчитывалось 8,8 %, тогда как в 1923 г. — 52,2 %. В высшем строевом комсоставе 55,5 % командиров на начало 1929 г. имели высшее военное образование¹⁰⁸⁹.

Старым генштабистам в тот период грозило отстать от резко менявшейся военной науки. По этому поводу бывший генерал И. А. Никулин отмечал: «Профессору и преподавателю приходится больше всего думать и очень много работать над тем, чтобы самому не отстать от быстро текущего потока современных военных знаний, а также и знаний из области общественных наук, так как обе эти отрасли ныне должны бесспорно изучаться в самой тесной увязке друг с другом»¹⁰⁹⁰.

Тем не менее целая плеяда оказавшихся в РККА генштабистов старой школы внесла свой вклад в развитие советской военно-теоретической мысли межвоенного периода, новые разработки в области стратегии и оперативного искусства. Так, из 74 авторов наиболее известных советских трудов по вопросам стратегии и оперативного искусства, вышедших в период 1917–1940 гг., 23 являлись выпускниками Николаевской академии (31,1%)¹⁰⁹¹. Если же исключить из подсчета не оканчивавших старую академию авторов трудов по военным специальностям (теоретиков применения бронетанковых

войск, артиллерии, авиации, военно-морского флота, инженерных войск, военной химии), то выпускники Николаевской академии уже составят 23 из 44 авторов, т. е. 52,3 % военных теоретиков. С учетом того, что положение генштабистов старой школы в советских условиях было непростым, это очень высокий процент, свидетельствующий о том, что интеллектуальный потенциал старого Генштаба был весьма ощутим и в новых реалиях, вплоть до Великой Отечественной войны. Наибольшую известность в качестве военных теоретиков приобрели К. Ю. Берендс, Н. Е. Варфоломеев, И. И. Вацетис, А. И. Верховский, А. И. Готовцев, А. Е. Гутор (Алексей Евгеньевич), А. М. Зайончковский, Н. Е. Какурин, С. С. Каменев, Н. Я. Капустин, А. В. Кирпичников, А. К. Коленковский, Н. Г. Корсун, А. Г. Лигнау, С. А. Меженинов, Н. А. Морозов, А. А. Незнамов, В. Ф. Новицкий, Ф. Е. Огородников, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, Н. А. Сулейман, Б. М. Шапошников, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский.

В сфере научных интересов генштабистов находился самый широкий спектр вопросов. Прежде всего, организация работы Генерального штаба (Б. М. Шапошников), вопросы военной доктрины (И. И. Вацетис), начальный период войны (Е. А. Шиловский), непрерывность операций (С. С. Каменев), последовательные операции (Н. Е. Варфоломеев) и глубокая операция (Ф. Е. Огородников), маневр (А. И. Верховский), прорыв (Е. А. Шиловский), атака укрепленного района (А. И. Готовцев), фронтальный удар (А. Е. Гутор), организация ударных армий (Н. Е. Варфоломеев), конно-механизированных групп (А. В. Кирпичников), боевое применение пехоты (А. К. Климович, А. Г. Лигнау, Е. А. Меньчуков, Н. А. Морозов), конницы (М. А. Баторский, Б. К. Верховский, В. Н. Гатовский, М. С. Свечников, Б. М. Шапошников), артиллерии (Е. З. Барсуков, А. Д. Сыромятников, В. К. Токаревский, В. М. Четков), авиации (С. А. Меженинов), воздушных десантов (А. Я. Яновский), инженерных войск (К. К. Шильдбах (Литовцев)), войск связи (В. М. Цейтлин) и др. А. А. Свечин еще в дореволюционный период приобрел известность как разработчик теории общевойскового боя, прорыва подготовленной обороны, войны в горах. Кроме того, Свечин сделал достаточно точные прогнозы развития событий в случае войны.

На эти исследования накладывала отпечаток самоцензура. Так, Б. М. Шапошников посвятил свой трехтомный труд «Мозг армии» (1927–1929) детальному изучению деятельности австро-венгерского Генерального штаба, что было намного безопаснее изучения российского Генштаба, откуда происходили военспецы-генштабисты, или германского Генштаба, поскольку РККА активно сотрудничала с рейхсвером.

Теории последовательных операций и глубокой операции с применением ударных армий, в разработку которых внесли вклад

генштабисты старой школы, получили особенно серьезное развитие в трудах «отца советского оперативного искусства», заместителя начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллова (выпускника Военной академии РККА), а свое практическое применение нашли в операциях Великой Отечественной войны (в контрнаступлениях под Москвой, Сталинградом и Курском, в Белорусской и Висло-Одерской наступательных операциях). Уже одно то, что в период «Большого террора» такие крупные военные мыслители, разрабатывавшие современные для той эпохи и успешно примененные на практике военные теории, как Н. Е. Варфоломеев, С. А. Меженинов, А. А. Свечин, были расстреляны, опровергает тезис об отсутствии ущерба Красной армии от репрессий¹⁰⁹².

Важную роль в активизации военно-научной работы в 1920-е гг. сыграло Военно-научное общество, созданное при академии Генштаба РККА 13 октября 1920 г. Общество приобрело колоссальную популярность и к 1926 г. включало около 300 000 членов.

Прежнее деление военного искусства на стратегию и тактику постепенно отходило в прошлое. Теперь получила распространение трехчленная формула: стратегия — оперативное искусство — тактика. Теория последовательных операций, разрабатывавшаяся рядом авторов, как раз относилась к оперативному искусству и была создана на основе опыта Гражданской войны. Широко дискутировались вопросы стратегии измора и стратегии сокрушения. Обоснование применения оборонительной стратегии измора ряд теоретиков находили в военно-технической отсталости СССР при огромном людском потенциале. Такие взгляды разделяли М. А. Баторский, А. И. Верховский, Н. Е. Какурин, Н. А. Морозов, А. А. Свечин, за что подвергались критике и шельмованию со стороны своих оппонентов¹⁰⁹³. В итоге верх одержали сторонники стратегии сокрушения и решительных действий во главе с М. Н. Тухачевским, а наступательный характер советской стратегии закрепили во второй половине 1930-х гг. в уставах. Дискуссионными оставались вопросы о маневренном или позиционном характере будущей войны. Теория глубокой операции получила признание ко второй половине 1930-х гг.

Преподаватели в силу специфики работы свободное время могли посвящать научной деятельности. Например, Н. Е. Какурин, будучи преподавателем Военной академии РККА и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внес огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е — начале 1930-х гг. им был подготовлен и издан целый ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Авторству Какурина принадлежат работы «Русско-польская кампания 1918—1920» (М., 1922), «Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г.» (М., 1925),

«Война с белополяками» (М., 1925, в соавторстве с В. А. Меликовым; М., 1930, без соавтора), «Как сражалась революция» (Т. 1—2. М., 1925—1926), «Стратегический очерк гражданской войны» (М., 1926), «Борьба за Петроград в 1919 году» (М., 1928), «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» (М., 1928), «Гражданская война на Украине» (Харьков, 1928, в соавторстве с Р. П. Эйдеманом), «Киевская операция поляков 1920 года» (М., 1928, в соавторстве с К. Ю. Берендсом). Кроме того, Какурин опубликовал ряд военно-научных трудов, среди которых «Современная тактика» (М., 1927), «Встречный бой» (М., 1927), «Операции на отдаленных и своеобразных театрах пустыни» (М.; Л., 1930) и др. Работа Какурина «Как сражалась революция» является до сих пор наиболее фундаментальным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а книга «Война с белополяками» — наиболее полным исследованием боевых действий советско-польской войны. В 1932 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и умер в Ярославском политизоляторе ОГПУ 29 июля 1936 г. Если бы не репрессии, он, вполне вероятно, написал бы еще немало ценнейших работ. Когда Какурин был репрессирован, его труды оказались в спецхранах, что, несомненно, негативно сказалось на уровне изучения истории Гражданской войны в советский период.

К началу 1920-х гг. внутри состава РККА, в том числе среди лиц с высшим общим военным образованием, сложилось несколько разнородных групп. Здесь были и те, кто окончил старую академию, и те, кто ее не окончил, а лишь обучался некоторое время, и выпускники ускоренных курсов. Особняком стояли бывшие генштабисты антибольшевистских армий, включая и тех, кто получил высшее военное образование в лагере противников Советской России. Кроме того, в начале 1920-х гг. состоялись первые выпуски академии Генштаба РККА. «Красные генштабисты», в значительной степени, принадлежали к большевистской партии. Помимо всех этих групп, в РККА было незначительное количество иностранных генштабистов, а также несколько военных деятелей, оказавшихся в Генштабе без обучения в академии за заслуги на фронтах Гражданской войны. Наконец, в Советской России функционировали различные школы и курсы, повышавшие квалификацию комсостава для службы в штабах. Их выпускники, хотя и не относились к категории генштабистов, тоже составляли обособленную группу штабных работников. Каждая из этих групп имела свои особенности и свои интересы, претендуя на достойное положение в советской военной иерархии, что не могло не провоцировать противоречия и конфликты.

В 1920—1930-е гг. выпускники Николаевской академии продолжали играть видную роль в армии, прежде всего, как военные педагоги и теоретики. Этому способствовал невысокий образовательный уровень комсостава. Показательно, что свыше половины самых зна-

чимых советских военно-теоретических работ межвоенного периода по вопросам стратегии и оперативного искусства сухопутных войск принадлежит перу выпускников старой академии.

Военные специалисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря им Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Присутствие высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня командного состава. Военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

Судьбы

Иногда элиту дореволюционной Красной армии делят на категории: профессионалы, полупрофессионалы и непрофессионалы. В первую категорию попадают генштабисты во главе с Б. М. Шапошниковым, во вторую — младшие офицеры старой армии во главе с М. Н. Тухачевским и в третью — лица без подготовки во главе с К. Е. Ворошиловым¹⁰⁹⁴. Утверждается, что поскольку первые две группы были уничтожены в 1930-е гг., армия оказалась возглавлена некомпетентными людьми.

Подобная классификация, конечно, вульгаризирует реальную картину событий, поскольку те же генштабисты были связаны с каждой из «групп», объединялись вокруг каждого из вышеперечисленных лидеров военной элиты. Репрессии не ставили своей задачей снижение уровня подготовки и квалификации комсостава, а также, вопреки различным версиям, не были направлены против какой-либо категории командиров (например, против лиц с высшим образованием). Репрессии отличались непредсказуемостью, затрагивая самых разных людей, от предельно лояльных Сталину до откровенно фрондирующих и подозрительных. Репрессий не избежали ни добросовестные служаки, ни сексоты, ни карьеристы-приспособленцы, ни негнимоносимые противники режима, готовые на все вплоть до нелегальной борьбы.

Очень точно мироощущение военспецов после Гражданской войны выразил военный моряк Г. Н. Четверухин: «Вождь пролетариата призывал всемерно поддерживать ту часть интеллигенции, которая хотела честно служить новому строю. Это положение распространялось и на военспецов — бывших офицеров, десятки тысяч которых продолжали и после окончания Гражданской войны честно служить в Красной армии.

Такая политика нас удовлетворяла. Я, как и большинство бывших офицеров, добросовестно исполнял свои обязанности, передавал опыт краскомам и полагал, что, когда настанет тот день, когда я должен буду уступить место другому, мне скажут “спасибо”, и я с добрым чувством выполненного долга выйду в отставку.

К сожалению, после смерти В. И. Ленина от этих положений во многом отказались»¹⁰⁹⁵.

Во второй половине 1920-х гг. большевистский режим достаточно окреп, чтобы перейти к постепенному «закручиванию гаек» во всех областях жизни. Свертывание НЭПа, потенциальная угроза интервенции на рубеже 1930-х гг., рост недовольства внутри СССР на фоне раскулачивания, продовольственного и топливного кризисов, необходимость возложить на кого-то вину за проблемы развития страны для исключения массовых беспорядков привели к организации первой после Гражданской войны волны массовых репрессий. Наиболее очевидным и наименее защищенным объектом преследований являлись старые спеццы, причем не только в армии, но и во всех остальных сферах¹⁰⁹⁶. Организация репрессивной кампании сопровождалась нагнетанием социального антагонизма, распространением атмосферы шпиономании, «чистками».

Серьезным ударом по старым генштабистам, оставшимся в СССР, стало дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», развернувшееся в начале 1930-х гг. Дело было направлено против бывших офицеров, в числе которых оказались репрессированы около ста генштабистов. «Весна» в небольшой степени затронула бывших украинских генштабистов, поскольку наиболее активно этот процесс развернулся на территории УССР, где многие из них служили.

В ходе следствия на арестованных оказывалось давление, применялись пытки. Например, И. Г. Баковец в своих заявлениях на имя Генерального прокурора УССР, а также в Верховный суд СССР и прокурору по делам ОГПУ впоследствии писал, что его сажали в одиночную камеру на голодный паек, на котором с 30 октября 1930 г. он находился два месяца и семь дней, угрожали расстрелом при отсутствии «раскаяния» и обещали освобождение в случае чистосердечного признания, а истощенного голодным пайком в январе без теплой одежды сажали в «холодный пункт», потом сажали в «жаркий пункт», в еще одном «пункте» окарауливавшие его слушатели Высшей школы милиции пять суток избивали Баковца при малейшем шевелении или дремоте¹⁰⁹⁷.

Баковец отмечал: «Тов. Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему, и, имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, ина-

че опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог, и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул, и только после этого я был отправлен в Допр¹. 11/1 [1931 г.] из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно ложного показания.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды”, и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальней[шей] клеветы на себя, сказав, что если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожает след[ователь] Мицул, то для этого достаточно моего первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток, а на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал»¹⁰⁹⁸.

Обстановка недоверия приводила бывших офицеров к осознанию бессмысленности добросовестной службы, бесполезности любых начинаний, вела к разочарованиям, создавала угнетенное настроение. Многие годами находились под дамокловым мечом увольнений, чисток, все новых и новых репрессий, некоторые прошли через несколько арестов. Арестованный и расстрелянный по делу «Весна» курсовик И. А. Антипин прямо говорил знакомому: «Ничего хорошего от советской власти не жди, все равно рано или поздно опять поставят к стенке, что ни делай, все равно... служил, кажется, примерно, был избран делегатом, а все равно выкинули на улицу, ничему верить нельзя»¹⁰⁹⁹. Слова Антипина оказались пророческими и в отношении его собственной судьбы.

О той легкости, с которой решались вопросы жизни и смерти бывших офицеров, ярко свидетельствует записка И. В. Сталина К. Е. Ворошилову, датированная 1930 г.: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ью годами. И. Сталин»¹¹⁰⁰. Речь шла о выдающемся военном ученом А. Е. Снесареве, с которым Сталин вместе работал еще в 1918 г. в Царицыне. Хотя в то время ни заслуги, ни способности не играли никакой роли в судьбе человека.

¹ Дом предварительного заключения.

Власть сначала делала из «бывших» недовольных, а затем в поисках мнимых врагов с легкостью расправлялась с этими измученными, пережившими настоящую жизненную драму и трагедию людьми. Вместо того чтобы максимально использовать интеллектуальный потенциал дореволюционного Генерального штаба для повышения образовательного уровня малограмотного командного состава Красной армии, власть почти два десятилетия после Гражданской войны изгоняла и истребляла образованных людей в армии, заменяя их выходцами из рабочих и крестьян. В итоге не удалось создать ни подготовленной, ни лояльной армии. Катастрофа 1941 г. и неслыханное прежде явление — коллаборационизм представителей командно-начальствующего состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны¹¹⁰¹ свидетельствовали не только о боевых возможностях гитлеровской военной машины, но и о серьезных ошибках проводившейся в СССР военной и социальной политики.

К началу 1930-х гг. питомцы старой академии оказались во многом устранены не только из элиты РККА, но и в целом из рядов армии, а некоторые репрессированы. Квалификация спецов приносилась в жертву лояльности краскомов. В результате нарушилась преемственность со старой школой, а уровень квалификации командиров понизился. Тем не менее до «Большого террора» второй половины 1930-х гг. генштабисты старой школы сохраняли отдельные руководящие посты в РККА. Так, С. С. Каменев долгое время был заместителем председателя РВС СССР. М. И. Василенко состоял инспектором пехоты РККА, а затем стал заместителем командующего войсками Уральского военного округа. Старые генштабисты оставались в руководстве ряда военных округов, не говоря о традиционно сильных позициях в военно-учебных заведениях. Командарм 2-го ранга А. И. Корг был начальником Краснознаменной и ордена Ленина Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе и членом Военного совета при наркомате обороны СССР. Командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников командовал войсками Ленинградского военного округа. В середине 1930-х гг. заместителем начальника Генштаба РККА был комкор С. А. Меженинов. 4-й отдел Генштаба возглавлял комкор М. И. Алафузо, управлением ПВО РККА руководил командарм 1-го ранга С. С. Каменев, инженерным управлением РККА — комкор Н. Н. Петин, начальником Академии связи им. В. Н. Подбельского был комдив В. Е. Гарф, начальником Военно-транспортной академии РККА — комкор С. А. Пугачев. Среди 80 членов первого состава Военного совета при наркомате обороны СССР на ноябрь 1934 г. оказались только 6 выпускников старой академии (М. И. Василенко, С. С. Каменев, А. И. Корг, С. А. Меженинов, Н. Н. Петин и Б. М. Шапошников). Таким образом, в военной элите старые генштабисты составляли уже лишь 7,5%.

Среда бывших офицеров, даже в период репрессий, не отличалась сплоченностью. Нередкими были острые конфликты. Так, сторонник стратегии сокрушения М. Н. Тухачевский активно боролся со взглядами профессора А. А. Свечина. Тухачевский даже организовал целую кампанию травли известного военного ученого. Именно Тухачевский выступил автором программной статьи «О стратегических взглядах профессора Свечина», увидевшей свет в специальном сборнике «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина: Стенограмма открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР 29 апреля 1931 г.» (М., 1931). Сборник был целиком посвящен разоблачению деятельности Свечина¹¹⁰². Чем могла закончиться подобная травля в тот период, пояснить не приходится. Тем более что Свечин в это время находился под арестом по делу «Весна». Примечательно, что в 1937 г., когда Тухачевский уже был расстрелян, Свечин в автобиографии заявил, что травля была организована Тухачевским по заданию германской разведки¹¹⁰³, т. е. использовала практически те же приемы.

Несмотря на душную атмосферу 1930-х гг., многие военспецы-генштабисты находили силы для активной научной и творческой работы, продолжали интенсивно работать на ниве военной педагогики. Их знания ценились и представителями власти. К примеру, А. Е. Снесарев частным образом дважды в неделю обучал тактике, оперативному искусству и стратегии знаменитого народного полководца С. М. Буденного¹¹⁰⁴, а к Б. М. Шапошникову с уважением относился И. В. Сталин.

«Большой террор» (массовые операции НКВД) нанес жестокий удар по генштабистам. Под маховик репрессий попали многие герои Гражданской войны, люди, которых трудно заподозрить в неоялности большевистскому режиму. Уничтожались потенциальные лидеры, те, кто в случае внешней войны мог возглавить борьбу с режимом в армии (впрочем, мощное коллаборационистское движение в годы Великой Отечественной войны показало, что удар был нанесен не по тем). Прежние сослуживцы нередко отрекались от своих товарищей, идя на сделку с совестью ради спасения собственной жизни, оговаривали их, выступали обвинителями и обличителями. На допросах следователями НКВД активно применялись угрозы, избиения и пытки. В полной власти карательных органов были родные и близкие арестованных.

Пострадали генштабисты, служившие в военных округах. Пристального внимания Сталина, возможно, вследствие его этнического происхождения, удостоились кадры Закавказского военного округа. В апреле 1937 г. Сталин лично выделил группу военных, якобы состо-

явших в грузинской националистической организации Закавказья. Вследствие этого были арестованы помощник командующего округом комдив Г. А. Тухарели, начальник кафедры академии Генштаба РККА и бывший командующий Кавказской армией комкор М. И. Алафузо, а также командир 9-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа комдив Г. Н. Кутателадзе (окончил академические курсы Кавказского фронта)¹¹⁰⁵.

В рамках наиболее известного дела против военных — дела М. Н. Тухачевского — был 14 мая 1937 г. арестован и 12 июня расстрелян командарм 2-го ранга А. И. Корк. 16 мая 1937 г. Корк дал показания, обличающие Тухачевского в том, что тот готовил захват власти в СССР¹¹⁰⁶. 30 мая между двумя обвиняемыми состоялась очная ставка. По инициативе Сталина для судебного процесса по делу Тухачевского было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, в котором состоял и свежеепеченный (назначен Политбюро ЦК ВКП(б) 10 мая 1937 г.) начальник Генштаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников. Последний должен был демонстрировать беспристрастность суда, поскольку был известен как высокообразованный и порядочный человек. Некоторым обвиняемым, в том числе Корку, следователи обещали сохранить жизнь, если они подтвердят свои показания на судебном процессе. Разумеется, такое обещание сотрудники НКВД сдерживать не собирались.

На судебном процессе по делу о «военно-фашистском заговоре» 11 июня 1937 г. Шапошников испытывал явные угрызения совести от происшедшего спектакля с заранее известным концом. В своем выступлении он говорил о собственных упущениях и политической близорукости и, несмотря на провокационные выкрики с мест, вел себя достойно, более того, за весь день не задал подсудимым ни одного вопроса¹¹⁰⁷. И хотя Шапошников не проявил рвения на этом неблагодарном поприще, он тем не менее не смог отказаться от отведенной ему роли соучастника и подписал расстрельный приговор. Мы не вправе осуждать его поступок. И Шапошников, и другие члены присутствия были заложниками, так как в отношении Шапошникова, П. Е. Дыбенко и Н. Д. Каширина 10 июня, накануне процесса, следователем А. А. Авсевиным по указанию наркома внутренних дел Н. И. Ежова были заготовлены дополнительные признательные показания одного из обвиняемых, бывшего комкора В. М. Примакова, о принадлежности к военному заговору (при том что следствие уже было завершено, а дело передано в суд)¹¹⁰⁸. Документ был передан председателю Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристу В. В. Ульриху, председательствовавшему на процессе. Если бы кто-то из судей попытался сорвать представление, он тут же оказался бы на одной скамье с подсудимыми как соучастник (из подписавших расстрельный приговор пережили репрессии только Ша-

пошников и Буденный). По свидетельству генерала А. Ф. Хренова, Шапошников собирал оправдательные документы на случай возможных обвинений во вредительстве. Кроме того, аресту подвергся один из его близких родственников¹¹⁰⁹.

Были репрессированы генштабисты из руководства Наркома обороны. Начальник военно-инженерного управления комкор Н. Н. Петин был расстрелян 7 октября 1937 г., расстреляли и двух его сыновей. 28 сентября 1937 г. был расстрелян бывший заместитель начальника Штаба РККА С. А. Меженинов. Бывший главком И. И. Вацетис был расстрелян 28 июля 1938 г. Другой бывший главком, член Военного совета, командарм 1-го ранга С. С. Каменев умер непосредственно перед репрессиями.

По военспецам особенно сильно ударили чистки в военно-учебных заведениях, где многие из них служили, поскольку из-за возраста и социального происхождения они не имели возможности работать в других местах. Выпускников старой академии, привлеченных в РККА Троцким, легче всего было обвинить в троцкизме. Работа облегчалась тем, что ранее многие генштабисты проходили по делу «Весна» и на них имелся обширный компрометирующий материал.

10 ноября 1937 г. был арестован однокашник А. И. Корка по академии военрук Ленинградского государственного университета комдив К. П. Артемьев. На допросах он признал себя виновным в членстве в контрреволюционной организации, в том, что был завербован Корком и являлся немецким шпионом. Еще в 1931 г. Артемьев, занимавший в то время должность начальника штаба Приволжского военного округа, арестовывался по делу «Весна». 25 января 1938 г. он был расстрелян.

11 марта 1938 г. был арестован бывший военный министр Временного правительства, а на момент ареста профессор академии Генштаба РККА, комбриг А. И. Верховский, прошедший через множество арестов, начиная со времен Гражданской войны. Верховский на допросах признался во всем, чего хотели следователи. Он показал, что был организатором и руководителем контрреволюционной группы буржуазно-демократического офицерства бывшей царской армии, в 1921 г. связался с монархическими кругами кадрового офицерства в РККА (А. Е. Снесарев, А. А. Свечин, С. Г. Лукирский, В. Г. Сухов), участвовал в собраниях георгиевских кавалеров под руководством бывшего генерала А. А. Брусилова, в 1930 г. создал контрреволюционную группу в штабе Северо-Кавказского военного округа, с 1930 г. был связан с М. Н. Тухачевским по офицерско-монархической организации в армии, в 1936 г. вышел на связь с эсерами-эмигрантами, в том числе А. Ф. Керенским и В. М. Черновым¹¹¹⁰. Следователей не смущали абсурдные признания, в которых игнорировались, к примеру, противоречия между эсерами и монархистами,

для фабрикации дела важны были признательные показания и компрометирующий материал на следующих жертв. 19 августа 1938 г. Верховский был расстрелян.

По делу о «военно-монархическом» заговоре уничтожались видные военные ученые. 29 января 1938 г. был арестован научный редактор Советской военной энциклопедии комдив С. Г. Лукирский. На допросах в 5-м отделе НКВД Лукирский признался в своем участии в офицерско-монархической организации, занимавшейся подрывной работой в армии. Следователи отыскивали вредительство в деятельности Лукирского даже на таком спокойном поприще, как издание военной энциклопедии. 63-летний бывший генерал якобы занимался вредительством, направленным на срыв выпуска военно-исторических материалов. Среди тех, на кого он дал показания, были А. Х. Базаревский, И. В. Высоцкий, Д. Н. Надежный, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, Е. Е. Шишковский¹¹¹¹. 2 апреля Лукирского, Базаревского и Высоцкого расстреляли. На следующий день казнили Шишковского. Позднее других, 29 июля, расстреляли более важного обвиняемого с точки зрения осведомленности — Свечина. Были репрессированы А. А. Балтийский, А. С. Белой, дети генштабиста С. М. Шейдемана, умершего в тюрьме в 1920 г. Связь «монархистов» с московским центром заговора была отведена краскому И. С. Кутякову, а связь с правотроцкистами в Северо-Кавказском крае — Н. Д. Каширину¹¹¹².

Уничтожены оказались не только те, кто еще служил в РККА, но и генштабисты, ранее покинувшие ряды армии, под маховик репрессий попадали и бывшие белые офицеры, оставшиеся в Советской России. Многие бывшие офицеры проходили по делу о «заговоре» Русского общевоинского союза (РОВС). Нахождение за пределами СССР также не всегда спасало от расстрела. Так, спецслужбами из Парижа был похищен председатель РОВСа генерал Е. К. Миллер, затем расстрелянный в СССР. Позднее расстрелы коснулись многих генштабистов-эмигрантов, оказавшихся на присоединенных к СССР или занятых Красной армией во время войны территориях.

Некоторые бывшие военспецы-генштабисты буквально не имели ни одного года спокойной жизни без дамоклова меча репрессий. Показательна судьба военного топографа А. Д. Тарановского, в прошлом — начальника корпуса военных топографов Красной армии. Генштабист арестовывался буквально в каждую из репрессивных кампаний. Арестован он был по делу «Весна» 26 декабря 1930 г. В мае 1931 г. он по статье 58-11 Уголовного кодекса СССР был выслан в Северный край на три года (высылка считалась со дня ареста в декабре 1930 г.¹¹¹³) и поселился в Архангельске. Местные органы госбезопасности восприняли это как подарок судьбы, поскольку высланный бывший высокопоставленный военный, в прошлом полковник царской армии, идеально подходил на роль организатора заговоров и сабота-

жа, что было полезно для отчетности. Неудивительно, что, находясь в ссылке, Тарановский в 1933 г. оказался фигурантом нового дела о контрреволюционной повстанческой организации, по которому проходили 29 человек, в основном местные крестьяне и единственный генштабист. Такая картина, однако, никого не смущала. Тарановского арестовали 26 апреля 1933 г., вины он не признал, и уже 29 декабря дело было прекращено¹¹¹⁴. Тем не менее в отношении Тарановского велось наблюдательное производство, т. е. бывший офицер находился под бдительным контролем госбезопасности. Тарановский так и остался на Севере, где работал по специальности. 29 декабря 1937 г. он был арестован в Архангельске по делу геологов, обвинен в связи с «врагами народа», а также в том, что после ареста Тухачевского «высказывал циничные к[онтр]р[еволюционные] оскорбления по адресу вождя народов товарища Сталина»¹¹¹⁵. Под давлением Тарановский дал признательные показания и в октябре 1938 г. был приговорен к расстрелу. Трудно представить душевное состояние этого человека, буквально терроризировавшегося режимом на протяжении почти десятилетия. Фото Тарановского первой половины 1930-х гг., сохранившееся в следственном деле, изображает его усталым, измученным, но не сломленным.

Генштабисты были вынуждены играть по навязанным сверху правилам. Когда в «Красной Звезде» от 4 февраля 1938 г. вышла статья, в которой П. П. Сытину приклеивался ярлык ставленника Троцкого, бывший командующий советским Южным фронтом был вынужден подать заявление об увольнении со службы из Центрального архива Красной армии. После этого Сытин не стал себя сдерживать и написал письма наркому К. Е. Ворошилову и начальнику 2-го отделения управления начсостава РККА интенданту 2-го ранга Чеканову с просьбой о заступничестве. В письме последнему Сытин отметил, что возмущен ситуацией, а ранее уже пострадал от врагов народа и предателей Я. Б. Гамарника и Б. М. Фельдмана¹¹¹⁶. Однако политическая мимикрия не помогла, и в августе 1938 г. Сытина расстреляли.

В условиях травли, чудовищной атмосферы шпиономании, всеобщего взаимного доноительства в стране недавние военспецы радовались любым проявлениям милости властей. К примеру, 8 ноября 1939 г. на банкет в Кремль для участников парада по случаю очередной годовщины Октябрьской революции были приглашены преподаватели академии Генштаба РККА, в том числе дореволюционные генштабисты: старший преподаватель И. Х. Паука, старший преподаватель, комдив А. В. Кирпичников, комдивы Е. А. Шиловский и Ф. П. Шафалович. И хотя некоторые гости получили приглашения лишь в самый последний момент (например, Паука — в 17.35, только за 1 час 25 минут до начала банкета), что, видимо, делалось по соображениям безопасности, среди старых преподавательских кадров,

как отмечал комиссар академии П. С. Фурт, «чувствовался исключительный подъем в связи с приглашением их в Кремль»¹¹¹⁷. Шафалович в разговоре с Шиловским прямо заявил, что рад доверию, оказанному старым спецам.

Большинство судеб генштабистов, оставшихся в Советской России, сложилось трагически. Для советских карательных органов не было никакой разницы, служил ли офицер в Гражданскую войну у белых или же добросовестно помогал большевикам. Сотни генштабистов оказались репрессированы по сфабрикованным делам. Как отметил начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Маршал Советского Союза М. В. Захаров, «необоснованные массовые репрессии нанесли огромный ущерб Красной армии: на высокие командные должности были выдвинуты люди хотя и безгранично преданные партии и народу, но в большинстве своем не имевшие достаточных навыков в руководстве крупными соединениями и оперативными объединениями в условиях войны»¹¹¹⁸. Эти слова справедливы и в отношении репрессированных генштабистов. В результате репрессий 1930-х гг. были уничтожены не менее 168 выпускников старой академии Генерального штаба. Судьбы сотен остаются неустановленными.

Переживших «Большой террор» можно пересчитать буквально по пальцам. Порой это были люди с искаленной психикой и подорванным здоровьем, потерявшие себя, утратившие веру в справедливость, боявшиеся произнести неосторожное слово и в силу всего этого потерянные для армии как командиры. Бывший курсовик, а позднее генерал-майор Красной армии, старший преподаватель кафедры конницы Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе Г. А. Армадеров, отсидевший ни за что 12 лет, дожил до реабилитации и написал в ЦК о периоде своего ареста: «Физические методы воздействия довели меня до полного безразличия, до полного морально-го уничтожения»¹¹¹⁹. Через два года после освобождения Армадеров умер от приобретенного в неволе туберкулеза.

Среди уцелевших наиболее известны М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Игнатъев, А. А. Самойло, Б. М. Шапошников. Остальные не были знаковыми фигурами и вряд ли стремились распространяться о своем офицерском прошлом. Тем более что с точки зрения властей тот или иной «дискредитирующий» эпизод имелся в биографии почти каждого советского гражданина. Разумеется, неудобные факты старались скрывать в целях элементарного выживания¹¹²⁰.

Генштабисты старой армии продолжали нести службу в армии вплоть до второй половины XX в. В СССР к началу Великой Отечественной войны оказалось немного бывших офицеров Генштаба — как обучавшихся в академии до Первой мировой войны, так и выпускников ускоренных курсов периода Первой мировой и Гражданской войн.

Ко времени войны в Красной армии насчитывалось только 7% командиров с высшим военным образованием. Положение уцелевших генштабистов было незавидным — это были, как правило, честные и добросовестные работники, вынужденные всю жизнь нести на себе клеймо «классово чуждых» и издерганные до предела массовым террором. Давали знать о себе и годы: даже самым молодым выпускникам ускоренных курсов старой академии к началу войны было не менее 45 лет, а основной массе — за 50. Разумеется, в службе Генштаба с дореволюционных времен произошли большие изменения, поэтому выпускники старой академии редко занимали ключевые посты в советском военном руководстве.

Служить приходилось как по профилю полученного военного образования, занимаясь вопросами службы Генштаба или преподавательской работой по соответствующей специальности, так и в совершенно других областях — на преподавательской и военно-научной работе, в штабах и в строю, в пехоте, в механизированных войсках и в авиации.

С введением в Красной армии в 1940 г. генеральских званий их удостоилась группа бывших выпускников академии. Маршалом Советского Союза стал Б. М. Шапошников. Генеральские звания тогда и позднее получили П. Н. Алексеев, Г. А. Армадеров, М. Д. Бонч-Бруевич, Г. С. Дьяков, М. М. Загю, А. А. Игнатьев, А. В. Кирпичников, В. Е. Климовских, Л. Л. Ключев, А. К. Коленковский, Б. Н. Кондратьев, Н. Г. Корсун, А. Я. Крузе, Б. И. Кузнецов, А. Н. де Лазари, А. Д. Лютов, Д. Н. Надежный, Ф. Ф. Новицкий, И. Х. Паука, С. Н. Савченко, А. А. Самойло, М. П. Строев (Рихтер), Е. В. Сысоев, В. С. Тамручи, В. Н. Чернышев, В. М. Четков, Ф. П. Шафалович, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский, А. Я. Яновский. Всего не менее 30 человек.

Не менее 37 выпускников и слушателей старой академии приняли участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Интересно, что само слово «офицер» впервые было применено в годы войны именно по отношению к группе генштабистов, занимавшихся вопросами связи с войсками и именовавшихся, как и до революции, корпусом офицеров Генерального штаба¹¹²¹. По всей видимости, это были первые шаги на пути к возрождению традиций русского офицерства в Красной армии.

Если в 1923 г. в РККА служил 501 выпускник старой академии, то в 1941–1945 гг. на активной военной службе оставались лишь порядка 7,4% от этого количества. Столь незначительный процент объясняется естественным уходом со службы старых кадров по возрасту и состоянию здоровья, увольнением считавшихся нелояльными военспецов и заменой их красками, а также массовыми репрессиями. Из 37 человек абсолютное большинство (25 человек, или около 68%) состояли на преподавательской и военно-научной работе (у та-

кого соотношения была объективная причина — преклонный возраст многих старых генштабистов), один офицер служил как на преподавательской, так и на командно-штабной работе, остальные служили в строю или в штабах, служебный путь трех человек проследить не удалось, арестам подверглись не менее семи человек, или 19%, причем трое арестованных были из фронтовиков и четверо — из преподавательского состава.

В войне участвовали и более молодые генштабисты, воспитанные старшим поколением. Не случайно, например, говорили о «школе Шапошникова», основанной на высокой культуре штабной службы. Эта школа повлияла на работу Генерального штаба в военные годы и пользовалась авторитетом у И. В. Сталина. Как вспоминал позднее М. В. Захаров, работавшие с Шапошниковым офицеры, благодаря свойственным Шапошникову манере общения и стилю работы, «получили знания, не уступающие по своей значимости и объему академическому курсу»¹¹²². Среди представителей этой школы были Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и М. В. Захаров, генерал армии С. М. Штеменко и др. В этом проявились преемственность поколений и связь старой русской армии и Красной армии, а позднее мощных Вооруженных Сил СССР.

Выпускники старой академии внесли свою лепту на алтарь Победы. Стоит отметить и незаметный на первый взгляд вклад репрессированных генштабистов, готовивших еще в довоенное время командные кадры нашей армии. Но, конечно, трудно переоценить роль тех, кто принял непосредственное участие в Великой Отечественной войне. Одно только имя маршала Шапошникова стало символом победы в самый тяжелый период войны.

Успехи Красной армии произвели большое впечатление на бывших белогвардейцев. Б. А. Энгельгардт вспоминал: «Шаг за шагом события заставили меня менять мой взгляд на большевиков, которого я держался в дни Гражданской войны. Я не мог больше упрямо смотреть на них как на разрушителей близкой мне тогда русской государственности. Я не мог больше верить в клеветнические речи о том, что они в своей разрушительной деятельности являлись наемниками врагов России — немцев. Победа под Москвой, победа под Сталинградом, наконец, взятие Берлина ясно показывали, что если большевики разрушили страну, то разрушили сознательно, с целью построения нового, более совершенного, более могучего государства»¹¹²³. Этот взгляд разделяли генералы А. А. Игнатьев и П. С. Махров¹¹²⁴ и, видимо, многие другие.

Ряд бывших выпускников академии дожили в СССР до второй половины XX в. Это были уже пожилые люди. Пережившие сталинский период генштабисты доживали свой век, окруженные почетом, как основоположники Красной армии. А. А. Самойло пользовался

особенным уважением в Архангельске, который освобождал от белых в 1920 г.

Доказательством высокого положения ряда бывших генштабистов в СССР является то, что многие из них удостоились погребения в элитных советских некрополях. С. С. Каменев и Б. М. Шапошников были похоронены в Кремлевской стене. На Новодевичьем кладбище наряду с деятелями партийной элиты СССР в годы войны и в послевоенный период (когда некрополь стал номенклатурным) похоронены А. И. Готовцев, В. Н. Егорьев, А. А. Игнатъев, А. Д. Лютов, Ф. Ф. Новицкий, Н. М. Потапов, А. А. Самойло, М. А. Соковнин, Е. А. Шиловский. В 1930-е гг. имена П. П. Лебедева и С. С. Каменева носили 1-я и 2-я Киевские артиллерийские школы соответственно.

Оставшиеся в результате Гражданской войны на родной земле генштабисты дореволюционной школы были востребованы и после 1922 г. Наиболее приемлемой для многих стала военно-педагогическая деятельность. Но как по объективным (возраст, состояние здоровья), так и по субъективным причинам численность представителей дореволюционной военной элиты в РККА сокращалась. С техническим переоснащением армии знания старых спецов во многом оказывались устаревшими. Впрочем, некоторые следили за развитием военной науки и техники, сами писали военно-научные труды.

По итогам Гражданской войны в партийной среде возникло определенное чувство эйфории, веры в безграничность своих возможностей. Чувство превосходства партийцев над бесправными военспецами вело к различным экспериментам над армией в угоду политическим интересам. Особенно широко подобные эксперименты практиковались в середине 1920-х гг. в форме различных преобразований в армейском руководстве и кадровой чехарды, нередко с целью назначить на высокие посты осведомителей ОГПУ. Такой подход, не давая гарантий лояльности армии, негативно влиял на боеготовность.

Сильнейшим ударом по боеспособности РККА стали репрессии 1930-х гг. Тогда были не только физически уничтожены многие высококвалифицированные специалисты. В результате репрессий в армейском руководстве сложилась не благоприятствовавшая развитию армии гнетущая атмосфера — были посеяны неуверенность командиров в себе, чувство подозрительности, недоверия даже к близким друзьям, страх перед НКВД, боязнь ответственности, поскольку за малейшую оплошность (а порой и при отсутствии таковой) можно было пострадать. Одновременно репрессии имели мобилизующий характер, заставляли многих строже относиться к себе и окружающим. Но все же итогом волонтаристских экспериментов политиков над армией стали катастрофа 1941 г. и связанные с ней неисчислимы потери и страдания, выпавшие на долю нашей страны.

**«Мы мчались, мечтая
постичь поскорей
грамматику боя, язык
батарей» (подготовка)**

Немалую роль в событиях 1917–1922 гг. сыграли люди, ставшие генштабистами или их временной заменой непосредственно в Гражданскую войну. На подготовке кадров в этот период ярко отразились особенности гражданского противостояния. Достаточно отметить, что старая Николаевская академия Генерального штаба в Гражданскую войну оказалась сначала у красных, потом у белых, а в конечном итоге опять попала к красным. Учебный процесс в академии велся в период ее пребывания в каждом из лагерей. Академия Генштаба РККА, созданная в кратчайшие сроки после перехода старой академии к противнику, оправдала возложенные на нее надежды и стала настоящей кузницей командно-штабных кадров РККА. Однако длительные сроки подготовки в ней (изначально была рассчитана на трехлетнее обучение) и колоссальная нехватка кадров Генштаба в Советской России привели к идее краткосрочной подготовки младших штабных работников в школах штабной службы, а также к направлению слушателей академии на фронты в период каникул (с конца весны по начало осени).

Старая академия и ее потеря

Николаевская академия Генерального штаба под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет с ноября 1832 по ноябрь 1922 г. События Гражданской войны привели к гибели этого высшего военно-учебного заведения, хотя его библиотеки и архивы сохранились до наших дней¹.

Академия Генерального штаба открылась в Санкт-Петербурге 26 ноября 1832 г. С 1855 г. в память императора Николая I она стала именоваться Николаевской, с 4 августа 1909 г. — Императорской Николаевской военной академией (в связи с тем, что академия должна была давать высшее военное образование², в революционный период слова «Императорская» и «Николаевская» исчезли из названия). В 1914 г. учебный процесс в академии прекратился и не осуществлялся на протяжении двух лет, после чего подготовка кадров Генштаба в связи с их острым дефицитом на фронте была возобновлена.

Нехватка генштабистов в армии в 1914–1916 гг. была катастрофической. В мае 1916 г. около 50 % должностей старших адъютантов дивизионных штабов (обер-офицерские должности Генштаба) замещали уже не генштабисты, а строевые офицеры, начальниками штабов дивизий (штаб-офицерские должности Генштаба) становились капитаны с академическим образованием, но не пробывшие достаточно времени в обер-офицерских чинах. Постепенно генштабистов не осталось на обер-офицерских должностях и в корпусном звене. Некомплект офицеров Генерального штаба составлял не менее 210 человек. В 1915 г. были досрочно переведены в Генеральный штаб ранее причисленные к Генштабу офицеры выпусков 1912–1914 гг., причислены и переведены в Генштаб обер-офицеры, окончившие академию по 2-му разряду в 1912–1914 гг., причислены к Генштабу офицеры, окончившие два класса и переведенные

на дополнительный курс академии в 1914 г. (считались выпуском 1915 г.³). Обязательное для штаб-офицеров Генерального штаба двухгодичное командование полком было сокращено до годичного. Тем не менее до начала массовой ускоренной подготовки кадров решить проблему не удавалось.

С конца 1916 г. для нужд фронта академия готовила кадры на ускоренных курсах по сокращенной программе. В 1916–1919 гг. функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней 4-й, было организовано по два класса — подготовительный курс и старший класс. Летом 1918 г. был организован и ускоренный курс, не получивший номера.

Выпускники ускоренных курсов — курсовики — различались по полученной подготовке (к примеру, в старший класс курсов 1-й очереди зачислялись офицеры, окончившие полноценный младший класс академии перед войной), уступали выпускникам академии довоенного времени, однако вполне могли нести обязанности младших офицеров Генштаба. Сотни выпущенных курсовиков (всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров) радикальным образом изменили облик Генерального штаба. Курсы были открыты в целях специальной подготовки строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий⁴.

Подготовительные курсы открылись 1 ноября 1916 г. и продолжались два с половиной месяца, до 15 января 1917 г. На курсы распоряжением Ставки был командирован 241 офицер. Обучение завершилось репетиционными экзаменами в январе 1917 г., после чего 237 выпускников отбыли в действующую армию для занятия младших должностей Генштаба в полевых штабах как заместители тех офицеров, которых направили в академию во 2-ю очередь к 1 февраля 1917 г. Выпускники подготовительных курсов 1-й очереди получили право быть призванными без экзамена в старший класс 3-й очереди, если война затянется, или поступить, если этого не произойдет, в младший класс академии без экзамена в течение двух лет со времени открытия занятий.

К 1 февраля 1917 г. в академию прибыли 86 офицеров на старший класс 1-й очереди и 253 — на трехмесячные подготовительные курсы 2-й очереди⁵. В основном это были строевые офицеры, имевшие отношение к академии еще в мирное время. В старший класс 1-й очереди зачисляли прошедших младший класс академии до войны, а на подготовительные курсы 2-й очереди принимали тех, кто до войны выдержал конкурсные либо предварительные экзамены в академию. В годы войны вследствие нехватки офицеров Генштаба их привлекали к исполнению обер-офицерских должностей Генштаба.

Распределение учебных занятий с 1 февраля 1917 г. было следующим. Старший класс: 9.00–9.50 — 1-я лекция, 10.00–10.50 — 2-я лекция, 10.50–11.30 — большая перемена, 11.30–14.00 — практические занятия, 14.30–15.20 — 3-я лекция, 15.30–16.20 — 4-я лекция. Подготовительные курсы: 9.00–9.50 — 1-я лекция, 10.00–10.50 — 2-я лекция, 11–11.50 — 3-я лекция, 11.50–12.40 — большая перемена, 12.40–13.30 — 4-я лекция, 13.40–14.30 — 5-я лекция, 14.45–17.15 — практические занятия. С 1 марта 1917 г. в старшем классе добавлялись уроки верховой езды (по одной партии 8–8.50, 16.45–17.45 по дополнительному расписанию)⁶.

В период с 5 мая по 7 июня 1917 г. прошли экзамены, и 13 июня состоялся выпуск старшего класса 1-й очереди (84 офицера). Все выпускники были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1916 г.) с назначением в штабы фронтов с правом на перевод в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для окончивших два класса академии в 1914 г. с обязательством сдать темы дополнительного класса после войны.

С 13 июня по 15 октября 1917 г. учебный процесс в академии не осуществлялся. Летом 1917 г. прошли выборы начальника академии, большинство голосов офицеров Генерального штаба получил генерал Н. Н. Головин, однако решением министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского на этот пост был назначен второй кандидат по числу голосов — полковник А. И. Андогский.

К 15 октября в академию прибыли 407 офицеров. Среди прибывших было 160 офицеров, поступавших на старший класс 2-й очереди из числа окончивших подготовительные курсы 2-й очереди и получивших свидетельства первой категории, а затем служивших на штатных должностях Генштаба. 8 офицеров, выдержавших экзамены в мирное время и окончивших подготовительные курсы 1-й или 2-й очереди и занимавших штатные должности Генштаба, прибыли на геодезическое отделение. На подготовительный курс 3-й очереди прибыли 238 офицеров (по два от корпуса), из числа строевых офицеров, окончивших военные училища по программе мирного времени и избранных командирами корпусов. Офицеры пробыли в действующей армии не менее шести месяцев для кадровых и не менее 24 месяцев для ускоренных выпусков военных училищ (принимались лишь те, кто окончил училище не позже 1 октября 1914 г.). Кроме того, один офицер прибыл на младший класс геодезического отделения (выдержал в мирное время предварительный экзамен в академию, в войну попал в плен и бежал оттуда). В ходе учебы по 1 января 1918 г. с подготовительных курсов 3-й очереди были отчислены 12 офицеров.

Поступавшие на ускоренные курсы академии проходили специальный отбор — на учебу, как правило, направлялись лучшие

кадровые офицеры с боевым опытом и опытом штабной работы, нередко имевшие георгиевские награды и ранения. Не случайно в одном из писем начальнику академии Андогскому в 1918 г. говорилось о том, что в сравнении с курсовиками «едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»⁷. В этом смысле безусловный недостаток подготовки отчасти компенсировался выдающимися личными качествами этих офицеров. В то же время многие старые офицеры с боевым опытом, но без академической подготовки могли по своим знаниям и квалификации существенно превосходить молодых курсовиков. Профессор Б. В. Геруа вспоминал о курсовиках: «Состав слушателей был особенный и редкий: все сплошь боевые офицеры, командированные от своих частей не за одни умственные качества, но и за заслуги. Среди аудитории, украшенной орденами, белели многочисленные георгиевские крестики. Народ этот был закаленный, требовательный и критический»⁸.

Квалификация выпускников ускоренных курсов оставалась предметом острых дискуссий в среде генштабистов. Одни считали их малограмотными недоучками, другие акцентировали внимание на их боевых заслугах и практическом опыте. Думается, присутствовало как одно, так и другое. По мнению преподававшего в академии генерала П. Ф. Рябикова, они не только не отличались от довоенных слушателей, но даже выигрывали благодаря боевому опыту⁹. С Рябиковым был солидарен генерал П. С. Махров, по мнению которого «на войне эти офицеры Генерального штаба оказались на высоте своего служебного положения»¹⁰. Иначе считал начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов: «Теоретическая подготовка этих офицеров была очень ограниченной, службы Генерального штаба нести им в Великую войну не довелось, а в Гражданской войне они могли научиться лишь очень “своеобразному” несению этой службы, традициям академии и корпуса офицеров Генерального штаба они были совершенно чуждыми»¹¹. Такая оценка не вполне справедлива, поскольку, во-первых, некоторые курсовики получили опыт штабной службы в Первую мировую, а во-вторых, в их среде также распространились корпоративные традиции и взаимовыручка. Так или иначе, но поблажек для курсовиков старались не допускать. Сам начальник академии Андогский, отдавая должное боевому опыту курсовиков, считал, что академия по сокращенной программе готовила недоучек¹². Курсовики, несомненно, меняли и моральный облик корпорации генштабистов.

Подготовка на курсах отличалась интенсивностью и включала лекции по стратегии, общей тактике, тактике родов войск, военной администрации, военной статистике России и иностранных государств, истории военного искусства, военной психологии, службе

Генерального штаба, военно-морскому делу, событиям Первой мировой войны, артиллерии, инженерному искусству, теории съемки, военной топографической разведке. Практические занятия проводились по тактике, военной администрации, картографии, теории съемки, инженерному искусству и службе Генерального штаба. Учебная нагрузка, например, на подготовительном курсе 2-й очереди примерно за три месяца составляла 271 час лекций и 107 часов практических занятий, а в старшем классе 1-й очереди — 269 часов лекций и 96 часов практических занятий¹³. В ходе борьбы курсовиков за свои права в РККА во время Гражданской войны и после нее выпускники курсов приводили различные доводы в пользу того, что они не хуже довоенных выпускников академии. Отмечалось, что учебная нагрузка на курсах была не ниже, а выше нагрузки академии мирного времени, при том что были исключены не имевшие практической необходимости дисциплины (верховая езда, опыт которой офицеры приобрели на фронте, черчение), но добавились предметы, учитывавшие опыт Первой мировой войны (авиация, газовые средства борьбы, маскировка, связь, разведка и контрразведка, история мировой войны)¹⁴.

По-настоящему проявить себя на штабном поприще выпускники курсов смогли только на излете Первой мировой и в Гражданскую войну. Они нередко делали успешную и стремительную карьеру: некоторые пошедшие в РККА командовали армиями, курсовики в белых армиях стали начальниками штабов бригад и дивизий, дослужились до полковничьих и даже генеральских чинов, хотя еще за два-три года до того носили погоны младших офицеров.

Слушатель ускоренных курсов, впоследствии талантливый военный ученый Е. Э. Месснер отмечал, что «заблуждались те “небожители” Генерального штаба, которые считали наши академические курсы ненужными. И ошибку сделали те из нас, слушателей, которые не постарались из стен академии унести возможно больше познаний — они пригодились если не в утихавшей в 1917 году внешней войне, то в войне гражданской, где многие добровольческие штабы держались на нас, курсантах, потому что офицеры Генерального штаба оказались, в большинстве, слишком учеными для неправильной (с точки зрения военной теории) войны и слишком малоподвижными для предельно подвижной тактики этой войны»¹⁵. Можно только согласиться с этой оценкой.

Младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди курсов окончил А. Я. Крузе. В Гражданскую войну в колчаковских войсках он дослужился до генеральского чина, был отмечен боевыми наградами, попал в плен и служил в РККА. В 1941 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой

дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден рядом советских орденов. В 1949 г. Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры у Колчака, получил чин генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 г. вышел в отставку, а через девять лет умер в Ленинграде¹⁶.

Наиболее благоприятные условия для карьеры курсовиков сложились в Красной армии. Курсовики составили целую плеяду красных командармов: М. И. Алафузо временно командовал 3-й армией, М. И. Василенко — 11-й, 9-й Кубанской и 14-й армиями, А. И. Геккер в начале 1918 г. был избран командующим 8-й армией, а в РККА командовал 11-й и 13-й армиями, С. А. Меженинов командовал 3, 12 и 15-й армиями, М. В. Молкочанов — Красной армией Армении и 14-й армией, А. И. Кук — 16-й армией и был разработчиком плана разгрома отрядов С. Н. Булак-Балаховича. Г. И. Теодори стал одним из основоположников советской военной разведки и контрразведки¹⁷. Разумеется, курсовики занимали множество ответственных постов в РККА вплоть до фронтового уровня. Некоторые впоследствии дослужились до генеральских чинов и участвовали в Великой Отечественной войне. Среди них Г. А. Армадеров, Г. С. Дьяков, А. В. Кирпичников, В. Е. Климовских, Б. Н. Кондратьев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Лютов, В. И. Максимов, Е. В. Сысоев, В. С. Тамручи, Е. А. Шилловский, А. Я. Яновский.

Захват власти большевиками не сразу отразился на Военной академии, занятия в которой в Петрограде шли своим чередом. С октября 1917 по март 1918 г. в академии велись занятия со старшим классом 2-й очереди и подготовительным курсом 3-й очереди ускоренных курсов. На 1 января 1918 г. обучались 160 офицеров на старшем классе 2-й очереди, 8 офицеров на старшем классе геодезического отделения, 226 офицеров на подготовительных курсах 3-й очереди и один на младшем классе геодезического отделения (всего 395 офицеров¹⁸). Подготовительные курсы 3-й очереди окончили 143 офицера¹⁹. Приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. 165 выпускников курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1917 г.), а приказом ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. 133 ранее причисленных выпускника перевели в Генштаб²⁰.

В большевистском руководстве не было единства по вопросу о судьбе академии. Поэтому после выпуска в марте 1918 г. старшего класса 2-й очереди и подготовительных курсов 3-й очереди обсуждался вопрос о закрытии этого военно-учебного заведения. Однако военный руководитель ВВС бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, ранее служивший в академии, сумел предотвратить разгром. 10 марта 1918 г. он направил председателю СНК В. И. Ленину доклад, в котором писал: «Из прилагаемой копии сношения от 9-го марта 1918 года

видно, что народный комиссар военно-учебных заведений решил обратиться в военные академии, в том числе и Военную академию (бывшую Генерального штаба), в гражданское учебное заведение, “лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания”.

Такая реформа несвоевременная, разбивает общий план формирования армии на новых началах, потому что эта реформа направлена к уничтожению подготовки людей, обладающих военной техникой во всей ее полноте, наличие которых именно теперь крайне необходима.

Приняв во внимание, что армии наших вероятных противников всегда обладали более высокой военной техникой, чем наша армия, и что соотношение это оставалось таким же в минувшую войну, — считаю, что для будущих возможностей в отношении войны необходимо не уничтожать военные академии как таковые, а, наоборот, развивать их именно в этом направлении и еще более специализировать.

Ввиду изложенного Высший военный совет предложил народному комиссару военно-учебных заведений приостановить намеченную им реформу академий и представить свои объяснения Высшему военному совету в двухнедельный срок»²¹.

Председатель СНК В. И. Ленин в тот же день указал главному комиссару военно-учебных заведений, что «ликвидация Военной академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени»²², и предписал задержать предыдущее распоряжение. Более того, Ленин потребовал реорганизовать академию в высшее военно-учебное заведение РККА. Опираясь на поддержку большевистского вождя, Бонч-Бруевич стал действовать решительнее и 11 марта телеграфировал в ГУВУЗ: «Такая несвоевременная реформа противоречит указаниям, полученным Высшим военным советом от правительства народных комиссаров, которое указало необходимость формирования новой армии...»²³ Копии телеграммы были направлены в управление делами СНК в Смольный (управляющим делами был родной брат М. Д. Бонч-Бруевича Владимир), а также наркому Н. И. Подвойскому. Реформу было предложено приостановить и в двухнедельный срок представить соображения по перспективам развития академии. Возникла идея подготовки внутри старой Военной академии политически лояльных большевикам специалистов посредством нового набора на младший курс. Инициаторами начинания выступили председатель Всероссийской коллегии по формированию Красной армии Н. И. Подвойский и его помощник, начальник штаба коллегии Ф. П. Никонов, возглавлявшие работу по реорганизации академии.

Весной 1918 г. академия в связи с наступлением немцев была эвакуирована из Петрограда в тыловой Екатеринбург и находилась

там к июлю 1918 г. Определяющее значение для развития академии в Советской России имел приказ Наркомата по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. за подписью Л. Д. Троцкого, К. А. Мехоношина и Э. М. Склянского. В приказе отмечалось, что «для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, назначенных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15/2 мая с. г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком на 1 год»²⁴. Отбор кандидатов должна была вести испытательная комиссия, выявляя обладающих достаточной боевой подготовкой и кругозором. Курс был набран в количестве 115 слушателей, лояльных большевикам, среди слушателей было много латышей и поляков.

На старший курс зачислялись «слушатели академии, прошедшие во время войны подготовительные курсы 3-й очереди, а равно все, окончившие подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди и еще не призванные в старший класс академии»²⁵, они должны были прибыть в Екатеринбург не позднее 27 мая, чтобы с 1 июня приступить к занятиям. Учебный план «в соответствии с новыми условиями жизни и устройства армии» пересматривался комиссией из трех представителей наркомата (И. И. Вацетис, А. С. Белой, В. С. Лазаревич), трех представителей профессорско-преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. ГУВУЗ представлял Н. С. Беляев. Заседания прошли в начале июня 1918 г.

Помимо военных дисциплин в программу обучения старшего класса предполагалось включить общеобразовательные, социальные и философские курсы. Подготовка велась по следующим предметам: стратегия, военная философия, тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг. до и после революции (как два курса), служба Генерального штаба, техника железнодорожного дела, военная география (военная статистика), военная администрация, военно-морское дело, низшая геодезия (военная топография), военно-инженерное дело, инженерная оборона государства, укрепленные позиции, полевая фортификация, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, основы советской Конституции, международное право и вопросы современной международной политики, основы внешней политики, политическая экономия и вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский). Обязательным было изучение двух языков, в том числе немецкого как основного²⁶.

Практические занятия намечались по стратегии и тактике (задачи и тактические поездки и выходы), по военной администрации, по военной статистике, по службе Генштаба, по инженерному делу, по артиллерии, по авиации, по морскому делу, по картографии, по верховой езде (для слабо обученных). Слушатели самостоятельно разрабатывали научные вопросы — темы по военной истории, военному искусству и стратегии (операции) и должны были защищать темы перед особыми кафедрами. Успеваемость предполагалось оценивать по трем категориям: «весьма», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В процессе обучения требовалось опираться на опыт мировой войны.

Программа ускоренных годовых курсов включала основы современной стратегии, тактику пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств, общую (соединение всех родов войск), военную психологию, историю Великой всемирной войны 1914–1918 гг., службу Генштаба, обзор пограничных театров России, организацию и тактику, снабжение и транспорт, теорию съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное дело, курс политической экономии и вопросов мирового хозяйства. Практические занятия предполагались по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам, верховой езде (для слабо обученных)²⁷. В планах было и возвращение академии к трехгодичному курсу.

Управление внутренней жизнью академии осуществлял комитет из трех представителей преподавательского состава, трех представителей старшего курса, трех — младшего, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. Слушатели получали по 550 руб. содержания в месяц, но жилье, одежду и продовольствие обеспечивали себе сами. Отчислялись с курса без права вновь быть принятыми на него не исполняющие правила внутреннего порядка, замеченные «в неодобрительном для гражданина и воина поведении», неисправно посещающие занятия или небрежно выполняющие их. Отчисление проводили комитет или конференция академии. 6 июля был утвержден временный штат академии.

Занятия на старшем классе 3-й очереди начались в июне — июле 1918 г. Лекции проходили с 1 по 18 июля²⁸. Началась учеба и на младшем курсе. Однако летом 1918 г. Урал из глубокого тыла превратился в прифронтовой район. В июле 1918 г. Екатеринбург оказался под угрозой захвата чехословаками и белыми. Вновь встал вопрос о судьбе академии. Большевицкое руководство добилось эвакуации ее в Казань, но сохранить академию красным не удалось. Часть академии с имуществом осталась в Екатеринбурге, где по-

пала к противникам большевиков, а основная масса преподавателей и слушателей выехала в Казань.

Назначенный командующим войсками советского Восточного фронта И. И. Вацетис вспоминал: «Командный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2-го августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военнно-научным занятиям»²⁹. Однако надежды Вацетиса не оправдались.

4 августа 1918 г. он встретился с личным составом академии, причем на встрече присутствовали только 50 слушателей, остальные были откомандированы в 3-ю армию или находились в кратковременных отпусках. Вацетис выступил перед слушателями и в конце попросил выйти вперед тех, кто согласен стать в ряды 5-й армии для защиты Казани. Из строя вышло не более 5–6 человек. «Остальные, — писал Вацетис, — в том числе, вероятно, и поспевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать, и заняли если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...»³⁰

По мнению Вацетиса, «старая академия продолжала существовать [в РККА] как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления»³¹. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани, произошедшую (в том числе вследствие ошибочных распоряжений самого Вацетиса) уже 7 августа 1918 г., когда город заняли антибольшевистские силы.

В июле — августе 1918 г. академия практически в полном составе досталась противникам большевиков в Екатеринбурге и Казани, разделив с этого времени судьбу антибольшевистского Восточного фронта. Переход на сторону антибольшевистских сил в целом соответствовал настроениям преподавателей и большей части слушателей. Подтверждением сознательности перехода служит то, что в антибольшевистском лагере оказались обе части академии в Екатеринбурге и Казани, тогда как те, кто хотел эвакуироваться из этих пунктов с красными, в основном смогли это сделать. Кроме того, внутри академии действовала подпольная антибольшевистская организация, содействовавшая занятию белыми Екатеринбурга и участвовавшая в вооруженных столкновениях с красными. В октябре 1922 г., когда части Народно-революционной армии Дальневосточной республики заняли Владивосток, старая академия вновь попала к красным, однако большевикам, создавшим с нуля после ее утраты собственное высшее военно-учебное заведение, она была уже не нужна.

Рождение новой академии

Утрата красными главного высшего военно-учебного заведения республики поставила на повестку дня вопрос о его воссоздании. Но после коллективной измены постоянного (преподавателей) и переменного (слушателей) состава старой академии и массовых индивидуальных измен бывших воспитанников академии большевики нуждались не просто в восстановлении аналогичного учреждения, а в том, чтобы новое учебное заведение было истинно большевистским, т. е. абсолютно лояльным, готовившим кадры красных генштабистов, в преданности которых не было бы никаких сомнений. Несмотря на разруху, при поддержке высшего советского руководства эту сложную задачу удалось решить в рекордно короткие сроки.

По свидетельству комиссара Ф. П. Никонова, обращавшегося к Н. И. Подвойскому, «к осени [19]18 года, когда я работал в 3[-й] армии, у нас с полной очевидностью определилось, что академии у нас не существует. Тогда у меня, как у автора этого проекта (проекта подготовки советских кадров в академии. — А. Г.), опять явилась мысль о необходимости этот вопрос будировать... как член Всероссийской коллегии я явился к Вам с докладом и возбудил вопрос об академии. Это было примерно в середине октября 1918 г. Я возвратился в Москву. Я помню застал Вас в Москве* и через Дзевалтовского снова возбудил вопрос относительно академии.

Я должен еще несколько возвратиться к прежнему. Когда я привез Вам проект об организации академии, то Вы данный вопрос рассматривали еще со мною и с Вацетисом, который в то время часто появлялся у Вас. Он в то время был командиром Латышской бригады. Он также принял некоторое участие в разработке этого вопроса и очень им интересовался. Теперь, когда я приехал в Москву в середине октября, то Вацетис был уже главнокомандующим всеми вооруженными силами. Дзевалтовским вопрос относительно восстановления академии был принят, и в это время Вацетис был назначен главкомом. Тогда даже был намечен и начальник академии, которую теперь решили восстановить в Москве.

Это был генерал, служивший в Козлове, — Климович, который через некоторое время и прибыл в Москву. Помню, Дзевалтовский и познакомил меня с ним. И в это время в октябре и была сконструирована так называемая организационная комиссия по созданию академии Генерального штаба, и это было зафиксировано в журнале** “Известия Наркомвоен” и в журнале “Военное дело”.

Эта организационная комиссия была составлена из следующих лиц: два профессора академии — Беляев, а фамилию другого

* Зачеркнуто: не помню, застал я Вас в Москве или нет, но я.

** Так в документе, правильно: в газете.

я не помню, начальник академии — Климович, комиссар академии Козлов* и представители от слушателей академии, причем от младшего курса был я. Я назначен был приказом Дзевалтовского по Гувузу и приказом по академии.

Мы приступили к работе в очень скромной обстановке. У нас была только одна комната. Затем в нашем распоряжении очутился всего-навсего один человек. Это был будущий управделами тов. Яковлев, который энергично принялся за работу. Первая наша техническая работа заключалась в том, что мы наметили целый ряд лиц из профессоров, которых мы должны были привлечь к работе в академии. Была составлена телеграмма и письмо, которые мы и разослали. В числе намеченных были Новицкий В. Ф., Сулейман [Н. А.], Шейдеман [С. М.], Незнамов [А. А.]. Вообще мы наметили профессию по всем отраслям. Через некоторое время мы получили от них самый живой отклик, и они стали прибывать. Затем нам важно было добиться помещения для академии и развернуть полным темпом работу. Начали добиваться помещения. Вы в этом деле нам очень сильно помогали. Затем были намечены правила приема. После этого было приступлено к приему участников и к составлению программы занятий. В этих работах принимал участие и Вацетис. Им была дана задача выработать программу младшего курса так, чтобы в течение года можно было пройти весь курс хотя бы в кратком виде и затем в течение 4—5 лет пройти нормальный курс академии. Затем был вызван из округов по разверстке первый состав академии основного курса и вскоре же было приступлено к экзаменам. Была создана мандатная комиссия и экзаменационная комиссия. Я был в экзаменационной комиссии.

После больших хлопот по всей Москве... нам удалось добиться одного из самых хороших помещений — бывшего Охотничьего клуба. Оно до того времени было занято Народным комиссариатом финансов. На это же помещение претендовал и Луначарский. Наконец, Владимирова отдал это помещение нам и предварительно просил осмотреть его. Мы осматривали его ночью. Я помню, что мы все эти анфилады Охотничьего клуба обходили со свечкой. Тут же приступил к работе и Козлов — комиссар академии. Когда удалось создать организационную комиссию, то организационная комиссия получила определенные полномочия на созыв профессуры и на замены и этим, в сущности, период восстановления академии и закончился.

В дальнейшем уже стояли чисто технические вопросы: набрать профессуру, слушателей, получить финансы, помещения. В дальнейшем эта комиссия планомерно заседала. Заседания происходили ежедневно и продолжались до 3—4 часов и почти до рассвета.

* Здесь и далее — так в документе, правильно: *Козловский*.

Эта организационная комиссия начала планомерно работать, и в ноябре был уже создан первый курс, и 12 ноября по новому стилю было открытие академии³².

Теперь мы дальше вступаем в сферу, которая определенно зафиксирована.

В дальнейшем был[и] назначен[ы] комиссар и начальник академии. В это время меня старались привлечь к административной деятельности в академии, но я настаивал на том, что я должен вернуться в академию только как слушатель, чтобы пополнить свои знания. Вскоре я лично стал отбиваться от всякой организационной работы в академии³³.

Приказом РВСР № 47 от 7 октября 1918 г. было объявлено о создании академии Генерального штаба РККА во главе с А. К. Климовичем. Кандидатура Климовича была выдвинута И. И. Вацетисом и Л. Д. Троцким и предложена последним В. И. Ленину и Я. М. Свердлову 5 октября 1918 г. с пометкой: «Имеет отличные рекомендации от советских организаций»³⁴. Большевистские лидеры согласились.

Открытие академии было приказано подготовить в нереальный срок — не позднее 1 ноября. Комиссарами стали В. Н. Залезский и Э. И. Козловский. В приказе РВСР было отмечено, что академия Генерального штаба «должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни... Кроме военных в академии должны изучаться и общеобразовательные, специальные и философские науки»³⁵. Если первоначально академия находилась в подчинении Главного управления военно-учебных заведений, то с 19 сентября 1919 г. она стала непосредственно подчиняться ВГШ.

Вацетис в своих воспоминаниях представил создание академии как собственную заслугу, отметив, что Троцкий (мемуары Вацетиса писались в 1920-е гг., уже в период травли Троцкого) якобы даже не прочитал приказ о создании академии, который ему предложил подписать Вацетис³⁶. По всей видимости, у истоков академии стоял не один только советский главком. Разработкой исходных положений, определявших задачи и характер академии, занималась специальная комиссия во главе с Н. И. Подвойским в составе В. Ф. Горина-Галкина, М. П. Павловича, Б. И. Рейнштейна, М. А. Рейснера и др. Комиссией были выработаны важнейшие организационные принципы будущей академии. Сам Подвойский получал указания непосредственно от В. И. Ленина и действовал в контакте с Вацетисом³⁷.

Намеченная программа включала такие дисциплины, как: стратегия, философия войны (на дополнительном курсе), тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история

военного искусства (старший курс), история Великой мировой войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, военная география, военная администрация, военно-морское дело, военная топография, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийских частей, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, международное право и вопросы современной международной политики, политическая экономия, вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (обязательно один — немецкий, японский, английский или французский).

Практические занятия предусматривались по стратегии и тактике (задачи, тактические поездки, полевые выходы), военной администрации, практическому изучению метода статистики, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, морскому делу, съемкам и верховой езде. Курс обучения должен был составить три года.

Намечено, но не реализовано, было открытие ускоренных одногодичных курсов при академии, где бы изучались основы современной стратегии, тактика пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств и общая, история Великой мировой войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, обзор пограничных театров России, организация и тактика снабжения и транспорта, теория съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части. Практические занятия предполагались по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам и верховой езде. В академию необходимо было зачислить, прежде всего, слушателей, принятых в июне и июле 1918 г.

Открытие академии происходило в спешке. В первоначально установленный РВСР срок не уложились, но занятия начались уже 24 ноября 1918 г., тогда как «еще 15 октября... вся академия заключалась в маленьком столике в кабинете начальника Гувуза т. [В. П.] Муратова»³⁸.

Базовой идеей, которой руководствовались создатели академии, было максимум результата при минимуме затрат³⁹. В сжатые сроки решились вопросы с размещением академии (академия расположилась в здании бывшего Охотничьего клуба графа Шереметева на Воздвиженке), обеспечением ее топливом на зиму, открыты учебная часть, библиотека, приглашены лекторы по политическим вопросам, набран преподавательский состав. Работа велась в авральном режиме. Комиссар академии был назначен 15 октября, еще до открытия. Буквально по ночам удавалось пробиваться на заседания к членам РВСР и решать организационные вопросы, так как днем попасть на прием было невозможно.

Преподавательский состав оказался подобран блестяще, многие из приглашенных в академию представляли цвет старого Генштаба.

В. Е. Борисов должен был читать курс истории Первой мировой войны, А. А. Незнамов и А. А. Свечин — стратегию, С. К. Сегеркранц и С. М. Шейдеман — тактику конницы, В. Н. Свяцкий и Г. И. Теодори — тактику артиллерии, С. Г. Лукирский и Н. С. Беляев — общую тактику, Д. К. Лебедев — тактику технических войск, В. Н. Гатовский — тактику и технику воздушных средств, В. И. Самуйлов — организацию войск, военных управлений и учреждений, А. А. Свечин и В. Ф. Новицкий — службу Генштаба, Л. А. Радус-Зенкович и С. Д. Харламов — обзор театров войны, Н. А. Сулейман — снабжение и транспорт, Н. В. Хенриксон — военное хозяйство, В. Р. Канненберг — теорию съемки, В. М. Афанасьев — технику железнодорожного дела⁴⁰. По свидетельству одного из слушателей набора 1920 г., «в академии не было ни одного преподавателя, отличившегося во время революции. Весь штат состоял из бывших генералов императорской армии, знаменитых, награжденных, нередко известных за пределами своего профессионального круга... В водовороте чрезвычайных и иногда непостижимых событий эти люди воспринимали свою судьбу со стойкостью профессиональных солдат. Они были готовы работать на любое правительство, которое могло возродить разрушенную Россию. Многие из них не верили в способность Советов достичь этой цели, но они откликнулись на призыв Ленина и Троцкого создать новую армию и готовы были отдать этому все свои силы. Они очень много сделали для создания Генерального штаба Красной армии и подготовили старшего командного состава. В этом надо отдать им должное»⁴¹.

Руководили академией: А. К. Климович (7 октября 1918 — 13 июля 1919 г.), А. Е. Снесарев (13 июля 1919 — 25 июля 1921 г.), М. Н. Тухачевский (5 августа 1921 — 16 января 1922 г.), А. И. Геккер (с 16 января 1922 г. (заместитель начальника), 15 февраля — 27 июля 1922 г.), Л. Ф. Печерский (временно исполняющий должность, 27 июля — 10 августа 1922 г.), П. П. Лебедев (10 августа 1922 — 19 апреля 1924 г.), Ф. М. Афанасьев (помощник начальника, 2 августа 1922 — 15 апреля 1924 г.). Из них только большевики Л. Ф. Печерский и М. Н. Тухачевский не были связаны со старой Николаевской академией. В дальнейшем академию возглавляли уже лица, не имевшие отношения к старой академии: М. В. Фрунзе, Р. А. Муклевич (заместитель), Р. П. Эйдеман.

В качестве слушателей в академию попали и те, кто ранее был зачислен на ускоренный курс старой академии, но из-за ее перехода к противнику не смог пройти подготовку. Среди них был и комиссар Ф. П. Никонов, который вспоминал: «Первый год очень интересно работала профессура. Они как-то воспрянули духом, и работа их очень интересовала, и они ей отдавали все свои силы. Они проработали все программы. Далее у них появился определенный научно-педагогиче-

ский интерес. Помню, Новицкий и Шейдеман сразу же приступили к составлению своих трудов и учебников. Курс первого года прошел довольно оживленно. Оживлению еще помогало, главным образом, и то, что тогда работала так называемая конференция. В то время работа как-то шла дружно и оживленно. Может быть, потому, что профессура живо чувствовала, что снова создается академия.

Известная часть профессуры, по-моему, работала тогда вполне искренне. Мы тогда задавались вопросом относительно искренности работы профессуры. Мы видели, что некоторую часть мы все-таки в полной мере не сможем использовать. Мы постоянно шли навстречу профессуре и планомерно создавали их конференции.

Конференция — это есть собрание преподавательского состава, где они обсуждают научные и учебные вопросы. Это был чрезвычайно важный орган для академии. Это было в первый год, и я не знаю, по каким-то причинам в следующие годы некоторые элементы повели определенную борьбу. И в дальнейшем я не знаю, я уже тогда отошел от этой работы, был уклон, что работу этой конференции стали как-то суживать и с конца 1919 года, под влиянием каких-то причин, я теперь об этом судить не решаюсь, но помню, что конференции стали суживать. Преподаватели стали чувствовать себя худо. Конференции были необходимы. Они возбуждали интерес и заставляли работать. После того как конференции стали суживать, преподаватели стали работать в одиночку. Дальнейшие годы работа проходила бледнее, впрочем, она и в настоящее время проходит довольно бледно.

Я рекомендовал бы остановиться на этом вопросе. В академии сейчас определенный застой. Я определенно говорю, что сейчас в академии перегнута палка и там много полицейщины, указки, командования. Конференций сейчас нет... Такое положение в академии я объясняю неумелым подходом. Я этого исторически установить сейчас не могу, когда это было сделано. Важно, что сейчас это чувствуется.

Если подводить итоги, то я должен сказать, что раньше в академии было лучше, особенно это чувствуется профессуре.

У нас целые курсы, случалось, посылали на фронт, напр[имер], в 1919 году на Колчака и на юг. На Колчака, когда он продвигался к Волге. Там была уже наша практическая работа. Там я командовал полком. Затем Колчак был отбит и начал отступать. Часть товарищей еще раньше была брошена против Деникина. Там работала группа в 40–50 человек. Там работа принесла определенные плоды. Мы там определенно вливали свежую струю. Я считаю, что роль академии в Гражданской войне была самая хорошая. Здесь будет два взгляда. Например, Тухачевский. Он говорит, что теперь академия играет большую роль, а тогда она представляла раньше орган, в который стремились все укрывающиеся от фронта. Конечно, против такого

рода мыслей нужно бороться. Академия, безусловно, тогда играла большую роль. Это можно судить по тому, что в критические моменты к нам всегда приезжал тов. Радек, это чуткий барометр. Академия определенно сыграла большую роль в Гражданской войне. Академия была резервуаром, из которого постоянно в критический момент республика черпала молодые свежие силы и в определенный момент бросала их в опасное место. Это был последний государственный резерв. Куда посылали этот резерв, в том месте всегда был определенный успех. Это необходимо отметить.

Конечно, тут громадную роль играло и ЦК партии. Если мы придаем большое значение мобилизациям партийных сил, то нужно признать и ценное значение работы академии. Это не может быть оспорено.

Программы у нас были сокращенные. Сначала выпустили первый курс и предполагали, что мы, прослушав один год, будем брошены на фронт. Потом было найдено, что мы можем прослушать весь четырехлетний курс, и нас в 1919 году вызвали опять.

Тогда мы начали прохождение четырехлетней программы. Относительно того, как менялась программа, теперь, не имея под руками программ, трудно сказать. Надо отметить, что в дальнейшем в разработке программ у нас впервые был применен принцип совершенно новый. Мы параллельно тому, что дают профессора, выдвигая принцип самостоятельности, работали самостоятельно. Все то, что профессура должна была обсуждать на конференции, мы параллельно это обсуждали. У нас был создан специальный орган — учебная комиссия, которая то же самое эти вопросы рассматривала. Таким образом, происходила смычка, так сказать, соединение этих двух взглядов. Но здесь нужно отметить рядом с положительными результатами, которые принесла нам эта самостоятельность и результаты отрицательные. Положительные результаты в том, что все вопросы, разработанные профессурой старого закала, подходящими в период самой революционной борьбы к этим вопросам чисто субъективно. Имела место и ошибочная оценка и, может быть, неискренность. Работа, проводимая параллельно этой, будировала нашу собственную мысль, которая сплошь и рядом подсказывала совершенно другой ответ на поставленный вопрос, чем давала профессура. Поэтому я смотрю, что эта работа в данном направлении дала положительные результаты.

Отрицательные результаты следующие. Здесь наступил так называемый болезненный уклон в сторону коллективизма. По-моему, все-таки в учебном деле нельзя так перегибать палку, иначе самостоятельность может пойти в ущерб учебному плану и намеченному расписанию. Создавались различные группировки. Между этими группировками началась борьба, и особенно групповая рознь резко обозначилась в последний год. Людей стали подбирать своих. Во гла-

ве группировок всегда стояли люди с авантюристическим оттенком, которые отчасти стремились руководить всей деятельностью академии. И вот особенно в такой период сказались отрицательные стороны коллективизма. Вот такие люди из нашего бюро из учебной комиссии стремились разрешать все вопросы сами. Вследствие этого обострились сильно взаимоотношения с профессурой, и на этой почве возникло несколько конфликтов... это страшно отпугивало творческие силы профессуры. Это нужно отнести к периоду 1921—[19]22 гг. и даже этого года. В 1920 году это чувствовалось меньше.

Все годы программа планомерно разрабатывалась. Изменения были в сторону расширения. Затем самостоятельность слушателей в дальнейшем направила творческую мысль в научную сторону. Были образованы секции по разным вопросам военного знания. Теперь есть обязательность привлечения в эти секции всех сил слушателей.

Далее было образовано научное общество, которое сразу же приступило к разрешению некоторых вопросов. Здесь очень важно и ценно использовать профессуру, суметь привлечь ее к работе в ВНО. Особенно ценных работ в печати ВНО пока не дало. Это объясняется тем, что там групповая работа. Это дальше терпеть нельзя. Во главе ВНО стоит [С. М.] Белицкий, но он подбирал лиц не всегда объективно.

Программа первого и последующих годов вырабатывалась в зависимости от имеющегося в распоряжении времени и состава слушателей, применяясь к нему.

В первые года работы академии на опыт Гражданской войны не обращалось особенного внимания, и этот вопрос в академии не ставился во главу угла вплоть до окончания Гражданской войны. Но были занятия по усвоению разных принципов военного дела. Хотя опыт использования опытов Гражданской войны возникал в прежние годы. Я помню, этот вопрос поднимался на заседаниях научного характера, которые были в 1919—[19]20 гг. ...

Уже тогда возникла... мысль, что исследования нужно направить в новом направлении. Надо отдать справедливость, что в программах это не заняло подходящего места. Тогда еще не было преподавателей, которые бы могли вести этот предмет. Эти новые данные в первые годы Гражданской войны не представлялись достаточно ясно. Новаторов в этом деле почти не было. Потом с развитием Гражданской войны, когда за Красной армией была уже некоторая история, тогда этот вопрос выдвигается. Тогда Вацетис повел курс истории войны. Теперь для разработки вопроса Гражданской войны создана особая кафедра и туда привлечены некоторые силы для работы. Результатов их работ я не знаю. В этом году они продолжают эту работу.

Когда мы к весне 1919 года начали кончать первый основной курс, то явилась необходимость не ограничиваться только выпуском нашего курса, а продолжать работу и вводить новый курс. Вес-

ной 1919 г. была объявлена разверстка по округам. Осенью решено было начать новый курс. На лето 1919 года часть курса была брошена на Южный фронт. Весь основной курс выехал в лагеря для съёмочных работ. Дальше особых перемен в нашей внутренней жизни академии не было. Климович был заменен. В дальнейшем наша работа шла в зависимости от фронтов. Далее в процессе работы академии явилась необходимость создания подготовительного курса для тех товарищей, которые поступали в академию без окончания среднего учебного заведения, так как они не имели средств для их окончания, но они имели зато большой революционный и организационный стаж. Для того, чтобы они могли применить свой организационный и революционный опыт, не имея определенного учебного стажа, для них и был создан этот подготовительный курс. Это был ценный и очень важный курс. Он теперь, кажется, к сожалению, закрыт.

Дальше стоит вопрос о дальнейшей подготовке научных сил. В этом направлении был создан институт адъюнктуры при академии. Я до сих пор не в курсе этого дела. Здесь как будто происходит подбор не вполне объективный.

Относительно преподавания. Явились сторонники французского метода преподавания — предметного, а не лекционного, как было до сих пор. Сторонником этого течения был [Г. Д.] Закс и целый ряд других товарищей. Эта борьба шла в 1919—[19]20 и [19]21 гг. В результате этой борьбы прошел все-таки лекционный метод. Теперь снова эта борьба началась. Практические занятия шли с самого же начала.

Затем был семинарий общеполитический. Семинарий по историческому материализму вели наиболее видные профессора. По марксизму занимались с нами Бухарин и Горин. Военная игра началась в 1918 г.* В лагерях первый курс занимался ей, но у нас не было полевой поездки»⁴².

А. Д. Тарановский в своих интереснейших показаниях по делу «Весна» рассуждал следующим образом о выборе генштабистов, преподававших в академии Генштаба РККА: «Их положение было уже гораздо легче по сравнению с простым офицерством — они имели уже определенные должности, сносно обеспечены содержанием и продовольствием, а главное, спокойно могли читать по избранному им[и] предмету лекции и, самое важное, им был предоставлен широкий простор к изданию в печатном виде их трудов. Многие из них, по моим наблюдениям, с интересом приступили к своим сочинениям, стараясь по своей памяти использовать богатый опыт только что закончившейся невиданно большой войны. Поэтому у профессоров академии меньше было оснований быть недовольными своей обстановкой и своим положением»⁴³.

* Так в документе, правильно: в 1919 г.

Сам Тарановский, работавший в академии с марта 1919 по май 1920 г., отмечал, что «в своей работе находил удовлетворение своих духовных и физических сил»⁴⁴. Тарановский и множество военспецов наивно верили в то, что, если добросовестно исполнять свои обязанности, можно рассчитывать на доверие новой власти. Об академическом периоде своей деятельности он вспоминал: «Этот год был первым годом существования красной Военной академии. Формирование и благоустройство помещения еще продолжались. Профессорский и преподавательский состав еще продолжал набираться, так что в смысле личного профессор[ск]о-преподавательского состава этот период можно назвать период[ом] весьма текучего и изменчивого состава. В середине этого же года произошла перемена в начальниках академии — вместо ушедшего первого н[ачальни]ка т. Климовича вновь назначен был т. Снесарев.

В этот период каких-либо группировок профессуры и офицеров на политической почве я в академии не наблюдал и не помню даже признаков таковых группировок. Текучесть профессор[ск]о-преподавательского состава и происшедшая смена начальника академии, по-моему, не давали благоприятную обстановку для тайных группировок. Во всяком случае я этих группировок не видел и о существовании их не знал.

С учебной точки зрения весь профессор[ск]о-преподавательский состав разделялся по отдельным кафедрам, а практические занятия по различным тактикам (пехоты, конницы, снабжению и устройству тыла и т. д.) [делились] на партии. Во главе этих занятий по практическим тактикам в последнее время были поставлены старшие руководители, которым было подчинено несколько партий с отдельными руководителями-генштабистами или специалистами артиллерии, авиации и т. д. Но это разделение, по-моему, вызывалось чисто учебными требованиями; так это было, я помню, и в старой академии, и я их не мог бы причислять к группировкам на политической почве, тем более что руководителей практических занятий старшие руководители не выбирали, а их назначала администрация академии. У меня в Восточном отделении преподаватели были статские люди»⁴⁵.

На вопрос о том, обсуждалось ли преподавателями падение советской власти, Тарановский показал: «Со времени 1919 года идет уже двенадцатый год, а потому трудно вспомнить эти отдельные разговоры и настроения. В собраниях и в отдельных группах также не помню, чтобы эти вопросы обсуждались. Помню, как однажды один из профессоров, кажется Новицкий, критикуя действия контрреволюционных генералов (Колчака, Деникина, Юденича и т. д.), указывал на безграмотность их действий, а именно на разрозненность их действий и одновременность их наступлений. Из этого он

заключал, что руководящего объединения у них нет и причину этого надо искать, сказал он, в том, что каждый из этих генералов боялся лавры первенства уступить другому. При таких действиях, сказал он, все их попытки обречены на неуспех и им сов[етской] власти свергнуть не удастся.

Неожиданный подход Деникина к Туле, помню, создал тревожную обстановку вообще в Москве и в частности в академии. Офицерству было известно, что контрреволюционные генералы считали то офицерство, которое осталось в пределах советской власти и поступило на службу в Красную армию и в ее учреждения и учебные заведения, считают изменниками и угрожали якобы жестоко при встрече с ними расправиться. Они считали оставшихся этих офицеров создателями Красной армии, а оставшихся генштабистов организаторами и руководителями действий Красной армии против этих генералов... Башибузукский состав деникинской армии большинству офицеров был известен. Все это, вместе взятое, действительно создавало грозное, тяжелое положение... Опять-таки не помню, чтобы по этому поводу было какое-нибудь общее обсуждение в собраниях или в группах. Каждый держал свои мысли, свое решение при себе и его не высказывал; чувствовалось только тревожное и несколько подавленное настроение и страх перед предстоящим кровопролитием.

И так, не зная мыслей и решений отдельных профессоров и преподавателей насчет перестройки на случай входа Деникина в Москву, я беру на себя смелость высказать личное мнение по этому вопросу, основанное на прямом моем личном наблюдении состава академии. Я полагаю, что старый профессор[ск]о-преподавательский состав [был], пожалуй, бы не прочь остаться на месте при входе Деникина и надеялся себя реабилитировать пред ним, что же касается молодого состава генштабистов, то тут бы, без сомнения, произошло разделение и большая часть, на случай оставления Москвы, ушла бы с отходящими частями Красной армии, обороняясь на линии Волги и, может быть, дальше на восток, т. к. их сверстники в деникинской армии давно уже были испечены в генералы и служба бы их там была бы трудна. Таково, повторяю, личное мнение по этому вопросу»⁴⁶.

По мнению А. А. Свечина, «первые годы В[оенная] академия представляла сборище случайно набранных преподавателей, весьма различных по своим взглядам, но в большинстве своем это были люди, интересы и настроения которых не совпадали с революцией»⁴⁷. Ему вторил Д. Н. Надежный: «Военная академия РККА также оказалась тем местом, которое давало возможность избежать активного

⁴⁶ Так в документе.

участия в революции, для тех, кто не был уверен в утверждении революции и кто рассчитывал на “смену вех”»⁴⁸.

В одном из приказов по академии в апреле 1919 г. отмечалось, что «академический курс наук при настоящей краткосрочности требует самого упорного труда для своего усвоения. Недостаток же учебных пособий и руководств заставляет аккуратно, без всяких пропусков посещать лекции, внимательно воспринимать и записывать их, хотя бы в самой конспективной форме»⁴⁹. Впрочем, это мнение было далеко от действительности. Как показали внезапные проверки, слушатели неаккуратно посещали лекции. Расписавшись утром в регистрационном листе, они уходили и являлись только к обеду на практические занятия⁵⁰. «Ни в одном военном учреждении я не видел такой слабой дисциплинированности, как в академии», — отмечал комиссар академии в декабре 1919 г.⁵¹

Лояльность слушателей академии представителям власти подчас казалась важнее профессионализма. В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г. (очевидно, в связи с делом военной организации «Национального центра», раскрытой в тот период), отмечено: «Исключительная требовательность мандатной комиссии академии Генштаба является залогом надежности состава слушателей. Во главе академии стоят: начальник академии Снесарев — лично известный с хорошей стороны тов. [И. Я.] Алибекову, и комиссары академии тов. Залежский и Козловский: рекомендовать их излишне. Боевого значения академия не имеет»⁵².

Как вспоминал слушатель первого набора, а впоследствии Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, «главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство — среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно»⁵³. По свидетельству А. Ф. Федорова, были «обязательны два условия: опыт в военном деле и личное участие в боях против белых»⁵⁴.

По служебному опыту в РККА среди слушателей первого набора был 31 % командиров бригад и начальников штабов бригад, 24 % помощников начальников штабов бригад, 11 % начальников дивизий и начальников штабов дивизий, 10 % помощников начальников штабов дивизий, 11 % начальников отделов штабов армий, 5 % начальников отделов штабов фронтов, 4 % командиров полков, 2 % начальников штабов армий, 2 % работников тыла⁵⁵. Однако в первом наборе были командиры, которым было трудно

или даже невозможно освоить академическую программу. Одним из них был легендарный начдив В. И. Чапаев, ранее окончивший два класса церковно-приходской школы и, по его словам, курс полковой учебной команды (документально не подтверждается). Неудивительно, что Чапаев продержался в академии не более трех недель⁵⁶. От слушателей с подобной недостаточной подготовкой требовалось сдать экзамен по программе советских командных пехотных курсов⁵⁷.

К. А. Мерецков вспоминал: «К нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”, причем я не помню, чтобы “неуды” бывали часто. Как правило, все получали удовлетворительные оценки. И тем не менее отдельные слушатели не смогли учиться в академии и бросили ее. Правда, каждый последующий набор был сильнее предыдущего. Рос уровень подготовки будущих красных офицеров Генштаба, росли и требования к ним. А некоторые слушатели оставили академию только потому, что не выдержали холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидели медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении или сочли, что они и без того сумеют принести пользу истекавшей кровью Советской России»⁵⁸.

В феврале 1919 г. прошел прием на параллельный курс академии, призванный увеличить число слушателей (причем 11 % зачисленных ранее даже не служили в РККА), занятия начались 3 марта. После этого набора основной курс составил 183 слушателя, а параллельный — 160.

В апреле 1919 г. в связи с наступлением белых на Восточном фронте академия осуществила досрочный выпуск слушателей основного курса, направленных на фронты (осенью 1919 г. они продолжили обучение). 19 апреля академию в связи с этим посетили В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, где выступили перед слушателями, отправлявшимися на фронт. В апреле на Восточный фронт убыли 20 слушателей, в начале мая на Южный фронт были командированы 30 человек, 15 июля уехали остальные слушатели основного курса (87 человек). Итого на фронт были направлены 137 человек (впрочем, в данных есть расхождения)⁵⁹.

В войсках слушатели назначались, прежде всего, помощниками начальников бригадных и дивизионных штабов, политическими комиссарами и на должности для поручений. Отношение старых генштабистов в штабах к слушателям академии Генштаба РККА было нередко пренебрежительным. Слушатель С. М. Мищенко 28 июля 1919 г. писал с Южного фронта в академию, что начальник одной из дивизий, старый генштабист, прямо заявил, что «красную

академию нельзя смешивать с их академией»⁶⁰. Порой недовольство фронтового начальства было небеспочвенным.

Отношение белых к слушателям академии Генштаба РККА отличалось резкой враждебностью и проистекало из негативного отношения к коммунистам, каковых среди слушателей было немало, и к военспецам, считавшимся ренегатами. К этому примешивался и национальный фактор, когда речь шла, например, о слушателях-евреях. Слушатели красной академии воспринимались как опора большевистского режима. При попадании в плен красные генштабисты не могли рассчитывать на снисхождение. Так, 8 августа 1919 г. вместе со штабом дивизии был взят в плен и изрублен казаками слушатель академии Р. Б. Бернштам⁶¹.

Глубокая идейность, приверженность революционным идеалам, вера в светлое будущее являлись причиной того, что на фронтах Гражданской войны слушатели академии проявили себя с лучшей стороны. За Гражданскую войну орденами Красного Знамени были награждены 33% слушателей, отправившихся на фронт⁶². Слушатели участвовали в ликвидации бандитизма, в борьбе с отрядами С. Н. Булак-Балаховича в Белоруссии⁶³. Некоторые погибли. Среди них — В. А. Васько-Богдан, В. Н. Львов и А. К. Парм, зарубленные махновцами в 1921 г., О. А. Калнынь и В. Д. Ковшов (командир 28-й стрелковой бригады), погибшие в боях с отрядами Балаховича, А. К. Тищенко, зарубленный тамбовскими крестьянами⁶⁴. Кроме них погибли В. Ю. Берендс, Н. Н. Бирюков, А. Н. Ильичев.

Отдельные штабы оценили пользу от слушателей и даже не хотели возвращать их в академию. Так, РВС Западного фронта 20 октября 1919 г. просил оставить слушателей и командировать на фронт параллельный курс. К ноябрю 1919 г. в академию вернулись далеко не все, командированные на фронты.

Большевистское руководство все же относилось к слушателям с некоторым недоверием. Ярким примером стало дело «Приволжской шпионской организации», разрабатывавшееся с мая по сентябрь 1919 г., по которому проходили отправленные из академии на Восточный фронт в 1919 г. слушатели И. Т. Дравниэк, В. Д. Залесский, А. К. Наумов и А. К. Парм. В Симбирске у прибывших в штаб 1-й советской армии слушателей некая О. И. Валуева пыталась выяснять секретные сведения, а ее знакомый артист Новикьян контактировал с персидским консулом в Самаре. В итоге чекисты представили дело как заговор белогвардейской академической ячейки, сложившийся еще в Москве, до отправки слушателей на фронт. В качестве соучастников назывались и другие слушатели — А. Ф. Пиллит, Л. И. Репкин и Н. Н. Тухачевский (родной брат знаменитого советского полководца М. Н. Тухачевского). Как

и во многих других делах о заговорах, чекисты выстраивали это дело по принципу «периферия — центр», изобразив организацию Валуевой в качестве подразделения некой центральной организации⁶⁵. Упоминалось знакомство обвиняемых с главкомом И. И. Вацетисом. В качестве подозреваемого фигурировал и М. Н. Тухачевский. Впрочем, этот случай для «красных генштабистов» носил скорее исключительный характер. Разумеется, они считались (и являлись) намного более лояльными режиму, чем старый Генштаб. Тем не менее амбиции слушателей, неприятие ими преподавателей-военспецов, попытки создания собственных структур внутри РККА, параллельных штабам армии, провоцировали конфликты и вызвали обеспокоенность большевистского руководства, что привело к масштабной чистке академии в 1922 г.

Слушатели, оставшиеся в академии летом 1919 г., занимались в лагерях на Ходынском поле. Осенью 1919 г. был произведен новый набор. В феврале 1920 г. в академии открылось Восточное отделение, предназначенное для подготовки слушателей к службе на восточных окраинах страны и в странах Востока. Его первым начальником стал генштабист А. Д. Тарановский. Немалую роль в открытии отделения сыграл начальник академии, видный военный востоковед А. Е. Снесарев. С 1 января 1921 г. Снесарев стал главным руководителем Восточного отделения академии⁶⁶. Отделение постепенно развилось в отдел, а с 1925 г. — в факультет. Первый выпуск состоялся в 1923 г.⁶⁷

Судьбы профессорско-преподавательского состава академии в Гражданскую войну в миниатюре демонстрируют трагедию военспецов-генштабистов. Бывший генерал В. Е. Борисов бежал из академии к белым. Преподававший в академии С. А. Кузнецов был расстрелян, С. М. Шейдеман арестован и умер в тюрьме. Через аресты прошли преподававшие в академии В. И. Селивачев (впоследствии скоропостижно скончался на фронте⁶⁸), Г. И. Теодори⁶⁹ и др. После арестов в академию попали И. И. Вацетис, А. И. Верховский и Н. Е. Какурин. По свидетельству слушателя академии А. Г. Бармина, впрочем, несколько стусившего краски, «у профессоров тоже случались перерывы в занятиях, когда их раза два-три за год арестовывала ЧК как заложников или как подозреваемых. Каждый раз, когда внутреннее положение республики ухудшалось, они оказывались за решеткой. Подобные перипетии их уже не удивляли. Рассказывали, что почти все они имели наготове собранные саквояжи»⁷⁰. В официальных юбилейных изданиях академии эти стороны ее ранней истории замалчивались, причем настолько, что, даже спустя сорок лет после событий, например, имя бывшего генерала Борисова, трижды упомянутое в 1959 г. в тексте «Истории Военной академии имени М. В. Фрунзе (1918–1958 годы)» (пронумерован-

ное проектное издание на правах рукописи), было в списке исправлений предписано «не читать» в каждом случае⁷¹.

Бывший генерал И. А. Данилов, оказавшийся в 1920 г. в Советской России, не без некоторого преувеличения писал о преподавателях академии: «Профессора были все люди мобилизованные, взятые из тюрем и которым было предложено: “или читать лекции, или к стенке”. Понятно, выбиралось первое. Кроме того, число профессоров пополнилось еще генералами и полковниками Генерального штаба из числа тех, которые были в таких же условиях, но не хотели занимать строевые или штабные должности в армии. Они тоже “устроились”, если это можно так назвать. Остальная часть тех же чинов и рангов и по тем же причинам “устроилась” в Москве по разным комиссиям и службам в архивах, которым в Совдепии несть числа.

Вся эта масса, выброшенная большевистским переворотом на улицу, перенесшая поголовно, за малым исключением, ужасы тюремного режима и террора и уцелевшая от расстрела, конечно, была довольна, что прибилась к “тихой пристани” и здесь могла немного вздохнуть, хотя все-таки влачила жалкое состояние»⁷².

В 1920 г. практика командировок слушателей на фронт продолжилась. 20 апреля 1920 г. на польский фронт отправились 20 слушателей, позднее вторая группа слушателей уехала на врангелевский фронт. На фронт отправилась и часть преподавателей.

Использование слушателей на фронте вызывало нарекания. В частности, в циркуляре общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР, датированном осенью 1920 г., отмечалось, что «из списка слушателей и окончивших красную академию видно, что использование их совершается крайне нерационально. Многие оставляются в тыловых частях без определенных занятий или занимают на фронте должности, по существу, почти тыловые. Ввиду того, что работа молодых сил в боевой обстановке не только желательна для пользы дела, но и необходима им самим для служебного стажа, следует назначать их на должности полевого характера. Начальникам штабов фронтов и армий необходимо внимательно следить за прохождением службы молодых генштабистов и слушателей, наблюдая, чтобы таковые не засиживались подолгу в крупных штабах и тылах, на должностях, не соответствующих полевой службе Генерального штаба. Лучшим способом достижения этой цели является освежение личного состава старших и младших штабов путем своевременного обмена, с выдвижением достойных на более ответственные должности, не задерживая их в младших штабах на работах вспомогательного характера»⁷³.

Набор осени 1920 г. в целом напоминал по своему составу предыдущие. Все слушатели, как вспоминал один из них, «прошли Гражданскую войну, на своем опыте знали, что такое кровь и смерть,

многие из них отличились как способные тактики и стратеги, хотя не имели ни малейшего представления о теоретической стороне военного дела. Некоторые были почти неграмотны, но это не опровергало того факта, что как командиры-кавалеристы они творили чудеса, наносили поражения умудренным знаниями и опытом генералам, разбиравшимся в военных теориях Клаузевица и Наполеона не хуже преподавателей академии»⁷⁴.

Власть заботилась о слушателях настолько, насколько это было возможно в условиях голода и разрухи, — обеспечивала питанием и жильем, красивой военной формой. По описанию слушателя А. Г. Бармина, «рослые, загорелые парни ходили из класса в класс во всем этом великолепии с орденами на защитных или голубых гимнастертках, в сапогах, со стопками книг и буханками хлеба под мышкой. Вместе со своими учителями, бывшими генералами императорской армии, они терпеливо стояли в очереди за талонами на питание. К двум часам дня мы, как правило, уже съедали свою дневную норму хлеба, получали жидкий суп, и, чтобы заглушить чувство голода, нам оставалось только пить несладкий чай»⁷⁵.

С 1921 г. началась череда преобразований в академии, завершившаяся лишь через несколько лет. 5 августа 1921 г. академия Генштаба РККА была переименована в Военную академию РККА и переподчинена главному, а с 27 августа ее впервые возглавил партийный военспец — командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский. Ряд перемен пришелся на декабрь 1921 г. Тогда академия переехала с Воздвиженки на ул. Кропоткина, 19, где размещалась до 1936 г. Кроме того, в декабре 1921 г. вместо прежней конференции академии был создан ее совет во главе с президиумом. Из 15 членов первого состава президиума большинство составляли генштабисты старой школы: К. И. Бесядовский (секретарь совета, начальник учебного отдела академии), М. М. Загю, Н. Е. Какурин, А. И. Кук, А. А. Незнамов, А. А. Свечин, И. А. Троицкий, Е. А. Шиловский. Председателем являлся М. Н. Тухачевский. В совет входили и трое представителей слушателей⁷⁶.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны слушатели продолжали привлекаться к работе в войсках. В 1921 г. часть слушателей участвовала в ликвидации Кронштадтского восстания. Особенно отличились П. Е. Дыбенко, И. В. Тюленев, И. Ф. Федыко. Участвовали и в подавлении крестьянских выступлений. При подавлении Антоновщины погибли Н. Н. Бирюков, И. И. Карякин, Д. Д. Шурупов. В боях с басмачами в сентябре 1921 г. погиб слушатель А. А. Наговицын.

Боевой путь и награды И. Ф. Федыко демонстрируют пример максимально полной отдачи слушателем своих сил и способностей РККА. В 1919–1921 гг. слушатель Федыко был награжден четырьмя

орденами Красного Знамени за разгром Деникина и Врангеля, подавление Кронштадтского и антоновского восстаний. Такие отличия являлись большой редкостью. Четырежды кавалерами ордена Красного Знамени за Гражданскую войну помимо Федько оказались только С. С. Вострецов и Я. Ф. Фабрициус⁷⁷.

В 1921 г. схожие дисциплины были объединены в восемь циклов: стратегии, тактики, военной организации, устройства тыла и снабжения, истории военного искусства, истории последних войн, военной статистики и географии, артиллерии, фортификации. Внутри циклов создавались кафедры. На третьем году обучения слушатели разрабатывали четыре дипломные темы, что представляло собой явное заимствование из практики Николаевской военной академии. Однако обладавшие низким образовательным цензом воспитанники академии едва справлялись с темами, не имея возможности в полной мере осилить двухгодичную программу младшего и старшего курсов академии. В 1925 г. была оставлена одна дипломная тема, а учебная нагрузка распределена по трем курсам равномерно (дополнительный курс превращен в третий). В сравнении со старой, Николаевской академией, в Военной академии РККА существенно возросла учебная нагрузка, а диапазон предметов стал намного шире.

Троцкий с гордостью говорил о первом выпуске академии 1921 г. на IX съезде Советов 26 декабря 1921 г.: «В этом году наша академия, бывшая академия Генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров Генерального штаба. Это — большое завоевание Красной армии, ибо создание молодого Генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще далеко не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы, и мы не сомневаемся, что им удастся выработать из себя тип законченного, всесторонне квалифицированного военного руководителя»⁷⁸.

Вместе с тем у слушателей было сильно развито чувство превосходства над старым офицерством. Тогда его именовали комчванством — коммунистическим чванством. На этой почве иногда возникали своеобразные ситуации. Так, слушатели академии в 1921 г. обвинили выступавшего перед ними Троцкого в том, что он не ценит их политическую надежность как коммунистов и ставит ее ниже компетентности. Троцкого подобное противопоставление в стенах академии, предназначенной развивать именно компетентность слушателей, сильно удивило. Впрочем, он отмечал, что со временем подобные взгляды слушатели изжили⁷⁹.

Постепенно шло ужесточение контроля над академией. В 1922 г. за неблагонадежность или непригодность были отчисле-

ны 348 из 648 слушателей. После чистки 1922 г. более интенсивной стала политическая обработка слушателей, активизировалось и расширилось преподавание социально-экономических дисциплин, общественных наук. С 1922/23 учебного года изменились принципы набора слушателей в академию. Больше внимания теперь уделялось наличию единообразной подготовки до академии, вопросам дисциплины, причем первоначальный отбор должны были осуществлять штабы военных округов (т. е. в какой-то степени произошел возврат к принципам комплектования старой Николаевской академии).

Есть данные о недовольстве выпускников академии своим положением в РККА. В докладе старого партийного работника С. И. Гусева на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. отмечалось: «Первый выпуск академии Генерального штаба, состоявший из тех рабочих и крестьян, которые в течение Гражданской войны командовали нашими частями в Красной армии, которые потом, по окончании войны пошли учиться⁸⁰, — этот выпуск в подавляющем своем большинстве демобилизован из Красной армии. Они заявили мне (я беседовал с двумя-тремя товарищами), что положение их в Красной армии невыносимо. Их заедают старые спецы»⁸¹. Впрочем, выступавший следом Э. М. Склянский опроверг тезис Гусева о демобилизации красных генштабистов⁸².

В 1924 г. обсуждался вопрос о реорганизации системы военного образования в СССР и продвижении по службе командиров с высшим военным образованием. Предлагалось установить предельный возраст поступления в академию в 30 лет (исключая краскомов и боевой командный и комиссарский состав), причем по проекту зачислению подлежали командиры от комвзводов и выше с двухгодичным стажем строевой службы. После академии для тех, кто не обладал стажем, должны были начаться стажировки с уровня комроты. Выпускников старой Николаевской академии предполагалось проводить через аттестационную комиссию РВС СССР, причем лиц старше 50 лет увольнять в бессрочный отпуск. Выпускники ускоренных курсов теперь не должны были считаться лицами с высшим военным образованием и могли на льготных условиях окончить Военную академию РККА⁸³. О том, был ли проведен в жизнь этот проект, у нас нет данных.

К 1928 г. 78,4 % преподавателей (47 человек из 60) являлись выпускниками академий дореволюционной России и только 10 % (6 человек) окончили советские академии, остальные же не имели высшего военного образования⁸⁴. Таким образом, подготовка советских военно-педагогических кадров и замена ими старых специалистов шла крайне медленно.

Заслуженным итогом Гражданской войны для академии Генерального штаба РККА стало ее награждение в начале 1922 г. орденом

Красного Знамени. В приказе РВСР отмечено: «В минувшую Гражданскую войну Военная академия РККА в лице своих слушателей принимала деятельное участие в активной борьбе против многочисленных врагов Советской Республики.

В важные и ответственные моменты тяжелых боевых переживаний Советской власти красные генштабисты по призыву РВСР вливались в действующие ряды Красной Армии, и, находясь в ней на различных постах, своим молодым революционным порывом, неустойчивой отвагой и работой до самозабвения вносили в дело защиты Революции тот могучий дух, ту живую силу, против которых не могли устоять самые упорные враги Республики.

Ярким свидетелем воинской доблести, проявленной слушателем академии на ратном поле, является то обстоятельство, что 33% их состава награждены высокой Революционной наградой орденом Красного Знамени или представлены к этой награде.

Слава их — слава Военной академии, воспитывающей верных сынов Революции и культивирующей в них те революционно-боевые заветы, которыми должен быть силен Красный Генштабист»⁸⁵.

Академия Генштаба РККА, созданная в Советской России в самые сжатые сроки, сыграла важную роль в событиях Гражданской войны. С одной стороны, ее слушатели на фронтах вели активную штабную работу, помогая генштабистам старой школы, с другой стороны, академия стала подлинным военно-научным центром Советской России, что привлекало в РККА интеллектуальную элиту старой армии. Наконец, академия на завершающем этапе Гражданской войны дала РККА два выпуска слушателей и в дальнейшем внесла колоссальный вклад в подготовку командных кадров Красной армии.

Школы и курсы

Помимо академии Генерального штаба в Советской России возникли другие военно-учебные заведения, готовившие кадры для службы Генерального штаба по сокращенной программе. Идея создания таких военно-учебных заведений была по-настоящему революционной, поскольку, не давая Красной армии полноценных генштабистов, за короткий срок давала кадры штабных работников и высвобождала массу ценных военных специалистов от рутинной технической работы на младших штабных должностях. В антибольшевистском лагере аналогов этой системы не выявлено.

Основным военно-учебным заведением этого типа, сыгравшим свою роль в Гражданской войне, стали школы штабной службы. По-

явились они после того, как бывший генерал В. Е. Борисов 5 января 1919 г. подготовил для председателя РВСР Л. Д. Троцкого специальную записку о катастрофическом положении Генерального штаба в Красной армии⁸⁶. Многие идеи Борисова были отвергнуты, однако идея создания «школы колонновожатых» на 300 человек в целях изучения техники службы Генштаба для самых низших должностей обрела практическое воплощение. Троцкий, получив записку Борисова, телеграфировал начальнику ВГШ Н. И. Раттэлю о необходимости открытия школы колонновожатых⁸⁷.

16 апреля 1919 г. по приказу РВСР № 260 от 11 февраля 1919 г. создана Высшая советская школа (курсы) штабной службы, готовившая специалистов для низших должностей Генерального штаба⁸⁸. Как отмечалось в одном из документов, целью создания школы было «дать преимущественно практическую подготовку для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов»⁸⁹. Школа находилась в подчинении ГУВУЗа⁹⁰. 31 марта 1919 г. РВСР постановил учредить подобные школы при двух наиболее крепких фронтах — Восточном и Южном⁹¹.

В июне 1919 г. было утверждено Положение о школе⁹². Во главе школы стояли начальник и военный комиссар. Переменный состав был рассчитан на 150 слушателей. Слушатели получали жалование по должностям, которые занимали перед поступлением. Постоянных штатных преподавателей было четверо, а количество внештатных (как тогда писали, приватных) определено не было. Начальник школы, завуч и двое из четырех штатных преподавателей должны были быть генштабистами⁹³. Оклад заведующего слушателями составлял 800 руб. Начальником школы стал генштабист А. Н. Суворов. Завучем школы с июля 1919 по июль 1920 г. был генштабист М. П. Алексеев.

Школа была учреждена для ускоренной подготовки лиц, могущих занять младшие должности Генштаба. Изначально предполагалось учредить школу при академии Генштаба РККА, чтобы использовать ее материально-техническую базу⁹⁴, однако реализовать этот замысел не удалось. Начальник ГУВУЗа генштабист В. П. Муратов разработал проект системы подготовки кадров Генштаба в Советской России путем создания школ штабной службы при каждом фронтовом штабе и одной в центре — в Москве⁹⁵. На эту работу выделялось 50 000 руб. Однако высказывались и сомнения. Для обсуждения вопроса 11 апреля 1919 г. было созвано междоуведомственное совещание при Военно-законодательном совете, на котором звучали предложения не открывать школу, а создать ускоренные курсы при академии. Нецелесообразность создания школ на фронтах доказывалась тем, что «при отсутствии объединяющего органа, это не может выполнить инспекция, разные методы преподавания будут создавать разнопо-

нимающих свои задачи генштабистов; при малом количестве лиц Генерального штаба на фронтах трудно будет организовать преподавание»⁹⁶. Впоследствии начальник Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяев решил, что фронтовые штабы перегружены работой и им не до подготовки кадров штабных работников⁹⁷, а достаточно создания одной подобной школы в Москве, что и было сделано. Школа располагалась в Москве на Поварской, 40.

Начать обучение предполагалось уже в первой половине февраля 1919 г.⁹⁸, однако этот срок оказался нереальным. Учебный процесс начался 1 июня 1919 г., причем всего, по данным учебной части, обучались 23 слушателя в двух отделениях. 15 июня открылись еще два отделения, на которые приняли 30 человек. Всего, таким образом, к середине июня 1919 г. обучались 53 слушателя⁹⁹. В первых наборах кадровых офицеров не было. Продолжительность обучения изначально составляла два месяца. Слушателей готовили к работе по службе Генштаба — обучали ведению служебной переписки, подготовке докладов, подбору материалов, составлению сводок и схем, разведке местности и противника, организации и службе связи¹⁰⁰.

Ежедневная учебная нагрузка составляла шесть учебных часов, месячная — 156. С 1 июля 1919 г. в школе ввели преподавание французского и немецкого языков и политической грамоты. По данным на 1920 г., преподавали также тактику снабжения. Ежедневно делались сообщения о положении на фронтах. Полевые работы слушателей проходили в Сергиевом Посаде, в районе станции Кунцево Александровской железной дороги и станции Тайнинская Ярославской железной дороги. Тактические занятия велись в Новоигреево¹⁰¹. Продолжались и наборы слушателей (в июле открылось 5-е классное отделение из 17 слушателей; в августе — 6-е из 16 человек¹⁰²; с 15 сентября открылось 7-е отделение).

Почти изначально у администрации школы сложилось понимание недостаточности подготовки, вследствие чего курс расширили до четырех месяцев. Выпуск 1-го и 2-го отделений должен был состояться к 1 октября 1919 г., 3-го и 4-го отделений — к 15 октября (в итоге он на несколько дней задержался)¹⁰³. Таким образом, даже первые наборы обучались по четыре месяца. Выпускные экзамены 1-го и 2-го отделений проходили с 24 сентября. Всего школу тогда оканчивал 21 человек, причем 17 получили аттестаты, 3 — нет, еще одному были заданы повторные работы по съемкам и задачам в поле¹⁰⁴. Постепенно количество слушателей возрастало. 2, 24 и 27 октября прошли вступительные экзамены, по итогам которых в школу зачислили 39 человек, а также 7 условно принятых¹⁰⁵. 15 ноября состоялся третий выпуск 13 слушателей, а 26 ноября — новый набор.

Обстановка разрухи накладывала свой отпечаток: для организации учебного процесса не хватало канцелярских товаров, с 27 ноября

занятия прекратились, так как слушателей направили на заготовку дров. Учеба возобновилась только 9 января 1920 г., когда открылось 5-е классное отделение.

При этом подготовка оставалась узконаправленной — предметы, по которым велось преподавание, давались в объеме академии, однако масса дисциплин была отброшена, чтобы не утяжелять программу. По сути, и это признавали специалисты, слушателей натащивали на выполнение конкретных штабных задач¹⁰⁶.

Несмотря на изначально крайне слабую подготовку, слушатели (это были офицеры военного времени, окончившие школы прапорщиков, или красные командиры, окончившие советские командные курсы) в целом успешно постигали военную науку. В школе активно применялся практический метод обучения. Отделения были небольшими, что позволяло почти индивидуально заниматься со слушателями.

К преподаванию были привлечены лучшие кадры старых генштабистов, в том числе профессорско-преподавательский состав академии Генштаба РККА. Найти достаточное количество квалифицированных преподавателей было сложно. Администрация школы жаловалась: «Вообще теперь очень трудно найти специалистов, а тем более специалистов с боевым опытом и достаточным служебным стажем»¹⁰⁷. Вследствие нехватки специалистов Генштаба на фронте возникла текучка кадров, преподаватели не задерживались в школе. Так, например, на фронт забрали С. Д. Харламова, преподававшего тактику, в июне 1919 г. — И. Г. Лепетюху. Генштабист В. М. Смирнов, получив 18 уроков и втянувшись в работу, был взят в штаб округа, часть часов ему пришлось отдать коллегам¹⁰⁸. Другие преподаватели не могли уделять школе требуемое количество времени. Так, начальство генштабиста Н. С. Елизарова не позволяло ему преподавать тактику более трех часов, что привело к его замене М. А. Стугиним. В 1920 г. военную топографию читал генштабист С. К. Сегеркранц, военную администрацию — И. И. Щолоков. В школе преподавали работники академий Генштаба, артиллерийской и военно-юридической: И. А. Белопольский, Н. С. Беляев, Б. В. Гейман, Н. И. Геништа, М. М. Загю, С. Н. Каменский, В. Р. Канненберг, Н. Г. Корсун, В. Ф. Новицкий, А. Н. Рубан, С. К. Сегеркранц и Н. К. Сегеркранц (артиллерист), А. Н. Сиверс, В. М. Смирнов, В. Н. Соколов, С. Ф. Таубе, А. И. Федотов, Е. Е. Шишковский¹⁰⁹.

В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г., сообщалось: «Школа штабной службы: начальник школы [А. Н.] Суворов — выдающийся знаток тактики — человек определенно белого цвета. Комиссар тов. Гондельман — очень хорош, вполне на месте.

Сумел придать школе вполне приемлемый вид»¹¹⁰. Возможно, в связи с этой информацией начальник школы и один из преподавателей в сентябре 1919 г. были арестованы¹¹¹. В принципе основания для подозрений у чекистов имелись. Например, в школе преподавал В. В. Ступин — один из видных деятелей антибольшевистской подпольной военной организации «Национального центра». Возможно, он и являлся тем самым арестованным преподавателем. Позднее школу возглавляли Е. Е. Шишковский (с 15 апреля 1920 г.) и Н. В. Ашик (на 1921 г.).

Высшая советская школа штабной службы являлась не единственным учебным заведением такого рода. В 1919 г. школа штабной службы по примеру московской возникла при штабе Западного фронта в Смоленске¹¹². У ее истоков летом 1919 г. стоял генштабист Ф. Е. Огородников¹¹³, назначенный почему-то заведующим библиотекой и складом учебных пособий школы¹¹⁴. Пост начальника школы занимал генштабист В. С. Селиков. В школе преподавал генштабист Б. И. Волков.

Организовать аналогичную школу при штабе Южного фронта не удалось по причине нехватки преподавателей — специалистов Генштаба. По данным на апрель 1919 г., когда этот вопрос разрабатывался (предполагалось открытие школы на 60 слушателей¹¹⁵), генштабистов не было даже в дивизионных штабах, не говоря о бригадном уровне. Не способствовали успеху и низкие оклады преподавателей.

Несмотря на сложности, московская школа функционировала исправно. Большевики были готовы ликвидировать дефицит кадров Генштаба путем массового выпуска подобных специалистов военного времени, квалификации которых хватало для штабной работы. Костяк переменного состава школы представляли бывшие прапорщики военного времени. Недостаток знаний компенсировался высокой идейностью и порывом слушателей-коммунистов, коих в школе было свыше половины. К 1 марта 1920 г. в школе одновременно обучалось 65 человек в семи отделениях. К 1 апреля 1920 г. школа осуществила пять выпусков, ее окончили 94 человека¹¹⁶, что способствовало снижению дефицита штабных работников в РККА. Изначально в школу принимали только военспецов и краскомов с боевым опытом, однако, видимо, постепенно стали допускаться послабления. В результате в 1920 г. в школе обучались уже и те, кто не имел военного образования или обучался лишь в учебных командах.

Наличие нескольких сотен слушателей стало шагом вперед. По условиям приема слушатели должны были обладать стажем пребывания на командно-штабных должностях на фронте Гражданской войны в течение полугода¹¹⁷. Требовалось представить и политические рекомендации. Предпочтение отдавалось фронтовикам перед кандидатами от внутренних округов. Отбор был достаточно жест-

ким, хотя в условиях низкой образованности поступающих выбирать не приходилось. Также есть данные о том, что в школу откомандировывали неуспевающих слушателей академии Генштаба РККА¹¹⁸.

Начальник школы описывал чудовищные итоги приема: «Громадное, можно сказать подавляющее, большинство командированных совершенно непригодны для занятия оперативных должностей. Общая подготовка часто отсутствует. Был случай в полное нарушение условий поступления. Командированный нигде ничего не кончал, говорить по-русски почти не может, командных должностей не занимал, не знал даже, зачем нужен компас и как он употребляется.

Многие ответы носили совершенно анекдотический характер. Например, один из испытуемых, оренбургский казак, не мог указать на стенной карте Оренбурга, не знал, где Черное море. Конечно, не нашел Италии и Англии. Другие испытуемые обнаруживали подобные же знания. Что же касается до сочинений, то они показывают почти полное отсутствие понимания военных явлений, не говоря уже о научной подготовке»¹¹⁹.

Для зачисления в школу требовались членство в партии или рекомендации двух партийных работников. В анкетах слушатели должны были указывать, не подвергались ли репрессиям при советской власти и не понесли ли убытков, причем анкеты для военспецов и краскомов различались¹²⁰. Вступительные экзамены проводились по русскому языку, географии, тактике, топографии и математике¹²¹. Из державших экзамены в период с 1 февраля по 1 мая 1920 г. 205 человек были приняты 168, а окончили школу до 1 марта 66 (в четырех выпусках), причем отлично окончил только один слушатель, 8 — очень хорошо, 31 — хорошо и 26 — удовлетворительно¹²².

Указание на младшие штабные должности, на которые предназначались выпускники, было условным. Речь шла не о простых канцеляристах — слушатели школы занимали посты начальников штабов бригад и дивизий. Для укрепления практического начала в работе школы и связи с боевой жизнью РККА возникла специальная комиссия связи с фронтом, взаимодействовавшая с выпускниками. Уже в 1920 г. выпускники школы активно использовались на фронтах.

В 1920 г. обсуждался вопрос расширения программы обучения до восьми месяцев с тем, чтобы слушатели могли занимать не только младшие должности Генштаба, но вообще любые административные должности в штабах и поступать после некоторого времени службы в академии. Связано это было, в том числе с тем, что о школе мало знали, и приток слушателей был невелик. Кроме того, красные командиры не горели желанием идти в школу, поскольку дальнейшие перспективы представлялись туманными, а особых преимуществ школа не давала. Несмотря на высокую результатив-

ность подготовки вследствие индивидуального подхода, выпускники не становились генштабистами и не считались окончившими академию. Не случайно временно исполняющий должность начальника школы даже писал: «Школа как бы умирает»¹²³.

Когда в 1920 г. острая потребность в быстрой подготовке младших штабистов прошла, возникло предложение увеличить курс до восьми месяцев за счет военной игры, комплексных тактических задач с элементами стратегии, тактики, фортификации, артиллерии, топографии, администрации. Предлагалось ввести верховую езду и фактически довести программу до уровня академической. В этом случае прием намечалось проводить дважды в году — к 1 ноября (выпуск 1 июля) и к 1 марта (выпуск 1 ноября) — с тем, чтобы каждый набор летом проходил практику. Существовала идея в течение 2–3 лет провести через школу всех советских штабных служащих¹²⁴.

Также существовал проект годичного курса обучения с добавлением общеобразовательных предметов (русского языка, истории, математики, физики, военной географии, политической экономии, ознакомления с организацией промышленности и труда). Проект предусматривал два периода учебы — общеобразовательный и специально-военный по пять месяцев каждый и по 42 учебных часа в неделю, а в конце обучения два месяца на полевые задачи и экзамены. Годичная подготовка была введена в 1920 г., а для лиц со средним образованием курс длился полгода.

26 июня 1920 г. приказом РВСР школе было присвоено название «Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА». В целом курс школы давал слушателям солидную подготовку. Постепенно продолжительность учебы возрастала, но статус выпускников не менялся. В штабах РККА по-прежнему лучше относились к выпускникам ускоренных курсов старой академии¹²⁵, тогда как выпускники школы штабной службы даже не считались генштабистами. Как уже отмечалось, в 1920 г. курс школы стал более продолжительным по сравнению с курсами старой академии и составил один год, а в 1921 г. школа перешла на двухгодичное обучение. Обязательным было изучение одного иностранного языка по четыре часа в неделю на общих семестрах, кроме того, перед занятиями один час проводилась гимнастика, занимались и верховой ездой.

По службе Генерального штаба слушатели изучали творческую и техническую часть управления войсками, подготовку решения, основные положения для управления войсками, оперативные приказы, размножение и рассылку приказов, участие Генерального штаба в работе органов снабжения и устройства тыла¹²⁶. В феврале — марте 1921 г. школу окончили 8 человек¹²⁷.

Подготовку в школах штабной службы прошли крупные советские военные деятели: будущий Маршал Советского Союза и на-

чальник Генерального штаба М. В. Захаров (выпуск 1919 г.) и другой будущий Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин, окончивший такую школу при штабе Западного фронта.

Особый отдел при МЧК направил в московский комитет партии обзор состояния московской школы штабной службы к 16 июня 1921 г., в котором отмечалось: «Состав 60 человек. Курсанты, большинство — бывшие офицеры и многие вместе с преподавателями старого закала, — определенные антисемиты. Эти взгляды они высказывают, не стесняясь. Курсанты же из красных командиров недовольны обращением преподавателей, т. к. последние преподают на старых устоях, называют господами. Культурно-просветительская работа и политическая слишком слаба...»¹²⁸

20 сентября 1921 г. приказом РВСР № 2071 на базе московской школы штабной службы возник подготовительный курс Военной академии (уже в 1919–1920 гг. школа воспринималась как подготовительное отделение перед академией, после которой способные выпускники проходили практику в штабах и поступали в академию¹²⁹), а 11 октября приказом РВСР № 2242 школа была выведена из подчинения ГУВУЗу и переподчинена начальнику академии, как и планировалось изначально. Функционировать в качестве подготовительного курса школа начала с 1 ноября 1921 г.¹³⁰ В отчете Наркомата по военным и морским делам за 1922 г. отмечалось, что в школе проходили подготовку 39 человек¹³¹, однако, как эти данные соотносятся с включением школы в состав академии, установить не удалось.

Как отмечали современники, школа превратилась в «военный рабфак» при академии, «было принято около полтораста рабочих и крестьян. Это были, несомненно, боевые командиры, но с общим образованием максимум в пределах городского, а чаще и сельского училища. Они были полны жажды знания, но их нельзя было отрывать от военной жизни, их нельзя было отправлять на рабфак гражданский. Так был создан новый курс, который сыграл определенную роль в дальнейшей истории академии»¹³². Слияние с академией проходило непросто. На подготовительный курс академии зачислили 110 человек, из которых 30 перешли из школы, а остальные были приняты со стороны. Подготовительный курс окончили многие видные военные и политические деятели, в том числе, например, маршал Монгольской Народной Республики Х. Чойбалсан. Первым начальником курса в академии стал М. В. Бойцов¹³³.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны при Военной академии РККА в Москве были созданы Военно-академические курсы высшего командного состава РККА (ВАК). Курсы просуществовали с августа 1921 по июнь 1924 г. Создавались они для усовершенствования и пополнения знаний красными командирами,

не получившими систематического военного образования. Другой задачей была выработка единого военного взгляда на задачи и деятельность Красной армии¹³⁴. Фактически курсы стали учебным заведением, функционировавшим параллельно с академией, но по сокращенной программе (курс составлял девять с половиной месяцев). На курсы принимали комбригов, комдивов и военачальников более высокого ранга.

В 1921 г. на курсы были приняты 85 представителей высшего командного состава, имевших боевые заслуги, но не получивших ранее военного образования¹³⁵. Один из зачисленных, С. А. Калинин, вспоминал: «Всего на курсы прибыло около ста человек. У большинства на петлицах по два-три ромба. Это — командующие армиями, командиры дивизий и бригад. Среди них всего лишь несколько особо отличившихся в боях командиров полков. У значительного числа слушателей — правительственные награды, заслуженные в боях ордена Красного Знамени. Имена многих уже в то время были известны всей стране.

Общеобразовательная и военная подготовка прибывших на курсы была не одинаковой. Совсем немногим в свое время удалось окончить какое-либо высшее учебное заведение. Нескольким товарищам, как и мне, довелось учиться в школе прапорщиков военного времени. Было немало среди слушателей и таких, которые окончили лишь начальные школы»¹³⁶. При этом все слушатели обладали боевым опытом Гражданской войны.

На курсах обучались даже слушатели Военной академии. Например, с 22 декабря 1921 г. на основании телеграммы начальника Полевого штаба РВСР на курсы был зачислен слушатель старшего курса Военной академии Г. Д. Гай¹³⁷, хотя, какова была причина ухода из академии на курсы, неясно. Биографы Гая также не понимали причин, а сам легендарный военачальник утверждал, что этим сэкономил год времени, так как в академии ему оставалось учиться два года, а на курсах — год¹³⁸. В итоге Гай все же окончил академию, пройдя ее курс в 1925–1927 гг.

Среди слушателей академических курсов были и другие известные участники Гражданской войны: С. С. Вострецов, П. Е. Княгницкий, Н. В. Куйбышев, Б. В. Майстрах, С. К. Тимошенко, Т. Т. Шапкин¹³⁹ и др. Посещал отдельные занятия и Я. Ф. Фабрициус. По данным на 1922/23 учебный год, курс обучения был рассчитан на десять месяцев и продолжался с 1 октября по 31 июля. Курс был разделен на три периода: 1 октября — 23 декабря, 15 января — 30 апреля и 1 мая — 31 июля.

Первый период отводился для пополнения и совершенствования военных и общественно-политических знаний слушателей, выработки навыка быстрой оценки обстановки и принятия твердых решений. В это же время велись практические занятия по тактике,

а сами слушатели готовились к руководству тактическими занятиями и к инструкторской работе. Много времени уделялось самостоятельной подготовке на основании той литературы, которую преподаватели рекомендовали для изучения. В ходе занятий преподаватель обсуждал со слушателями прочитанное и проверял правильность их представлений по существу того или иного вопроса. Для практических занятий создавались группы (по 5–6 человек), между которыми организовывалась военная игра¹⁴⁰.

Второй период был отведен под коллективную разработку тем, причем для военно-исторических тем требовалось использование архивных материалов. Наконец, третий (летний) период включал военную игру и двусторонние ротные учения (май), экскурсии для ознакомления с военной техникой (июнь) и полевые поездки (июль). На полевых поездках оттачивалось мастерство черчения кроки.

Курсы находились в подчинении С. С. Каменева (приказом РВСР по личному составу армии № 220 от 30 октября 1922 г. назначен начальником курсов с оставлением в должности главкома). Заместителем начальника курсов являлся генштабист Ф. П. Шафалович. Руководство курсов старалось привлекать к работе лучшие военно-научные силы страны, почти исключительно специалистов старого Генштаба. На 1922/23 учебный год было намечено привлечь главными руководителями по стратегии С. С. Каменева и А. М. Зайончковского, а в качестве преподавателей П. П. Лебедева, Б. М. Шапошникова, М. Н. Тухачевского, Н. Г. Мыслицкого. Главным руководителем по тактике намечался А. И. Верховский. Преподавателями: Н. Я. Капустин, по тактике конницы В. Н. Гатовский, по тактике связи В. М. Цейтлин (он же — главным руководителем по службе связи). Главными руководителями практических занятий по тактике намечались А. И. Верховский и В. С. Лазаревич. Старшими руководителями: В. Е. Белолипецкий, В. Н. Гатовский, В. Н. Егорьев, Н. Я. Капустин, А. К. Коленковский, Н. Г. Мыслицкий, Д. Н. Надежный, К. П. Нежежин. Руководителями: А. А. Балтийский, В. Л. Барановский, П. Д. Бурский, А. И. Готовцев, М. М. Загю, А. Г. Лигнау, Л. А. Лупаков, В. И. Моторный, А. Л. Певнев, С. К. Сегеркранц, В. Г. Сухов, С. А. Сухомлин, П. В. Черкасов и др.

Историю военного искусства преподавал А. А. Свечин, лекции по стратегии читал А. А. Незнамов, инженерное дело вел Д. М. Карбышев, занятия по тактике — А. И. Верховский, он же возглавлял военную игру, которая завершала курс обучения. Полевыми занятиями руководил А. И. Готовцев. Курс лекции по марксизму читал старый большевик Д. Б. Рязанов.

В 1923 г. группами слушателей в полевой поездке руководил цвет старого Генштаба: А. Х. Базаревский, В. Л. Барановский, А. С. Белой, В. Е. Белолипецкий, П. Д. Бурский, А. Н. Гатовский, В. Н. Га-

товский, А. И. Готовцев, В. С. Лазаревич, А. Г. Лигнау, В. И. Моторный, А. Л. Певнев, С. К. Сегеркранц, Н. Г. Семенов, Е. Н. Сергеев, П. В. Черкасов, Ф. П. Шафалович¹⁴¹. Взаимодействовали курсы и с Военно-научным обществом.

Курсы располагались в особняке на Остоженке. Учеба проходила по шестидневке. Ежедневно было намечено по три занятия с 10 до 15.40 (10.00–11.30 с перерывом 10.40–10.50; 12.30–14.00 с перерывом 13.10–13.20; 14.10–15.40 с перерывом 14.50–15.00). В субботу проводилось одно занятие, после чего проходили групповые занятия по тактике или самостоятельное решение задачи.

Сохранился учебный план курсов на 1922/23 учебный год. На первый период отводилось 426 часов занятий (71 день, 12 недель). Во второй период предусматривалось 444 часа занятий за 74 дня.

Материальное положение слушателей было незавидным. Они не имели жилья в Москве, размещались в не оборудованном должным образом помещении на Арбате, 37, были лишены топливного довольствия, страдали от дороговизны и инфляции. Месячное жалование слушателей в среднем составляло 8–10 тысяч руб., тогда как даже рядовой охраны Госбанка в октябре 1922 г. получал больше 10 тысяч руб.¹⁴²

Однако на курсах стали повторяться те же ситуации во взаимоотношениях избыточно сознательных слушателей и далеких от понимания новых реалий преподавателей из старой военной элиты, что и в академии Генштаба РККА. Отношение к некоторым преподавателям из старых спецов отличалось неприязненностью¹⁴³. Слушатели созывали коллективные собрания, на которых выступали против военспецов, критиковали начальство, причем не только своих курсов, но и других военно-учебных заведений. Так, например, слушатели раскритиковали начальство Высшей стрелковой школы командного состава РККА, жаловались на отсутствие там твердого руководства, на службу преподавателей ради пайка, а не идеи, на их рутинерство и разлагающее влияние. Начальник школы в августе 1922 г. был вынужден оправдываться, сообщая главному начальнику военно-учебных заведений РСФСР, что «упрек преподавательскому составу в халатности, в работе ради пайка категорически отвергаю. Напротив, вижу в труде преподавателей признаки бескорыстия и даже самоотвержения, так как, благодаря слишком неаккуратной выплате лекционных денег, они работают почти даром и тем не менее свои обязанности выполняют более чем добросовестно»¹⁴⁴.

27 июля 1922 г., по окончании учебы, первая группа выпускников курсов написала письмо главкому С. С. Каменеву по вопросу о постановке учебного процесса и о необходимости перемен в РККА. Слушатели писали: «Глубокоуважаемый и горячо любимый Сергей Сергеевич! Закончив свой “год учебы”, мы, слушатели военно-академических курсов высшего комсостава, считаем своим нравствен-

ным долгом поделиться с Вами теми мыслями, которые волнуют нас, теми впечатлениями, которые остались после ознакомления с постановкой дела военной учебы, как на военно-академических курсах, так и в ВУЗах и тех частях, с которыми мы сталкивались, в которых бывали и из которых получали многочисленные письма и заявления. Любовь к своему делу, глубокая объективная и субъективная заинтересованность в боеспособности нашей славной Красной армии требуют и заставляют нас зафиксировать здесь все те ненормальности и неправильности, свидетелями которых мы вольно и невольно были и становились.

В результате девяти месяцев, проведенных на курсах, нам удалось немного пополнить свой теоретический багаж, но таковой цели мы достигли, главным образом, благодаря коллективной работе в период “месяца самодеятельности”, самостоятельной работе в ОВНО* и индивидуальным занятиям и чтением. Отсутствие определенной программы, случайный подбор профессуры, неуместные методы обучения, явно несерьезное отношение к чтению лекций со стороны некоторых из профессоров (вместо курса стратегии — цикл анекдотов проф. Незнамова, вместо курса современной тактики — курс тактики по опыту Отечественной войны 1812 года и Русско-японской — проф. Сапожников) не только не облегчали работы по саморазвитию, но в большинстве случаев отбивали даже желание слушания лекций и посещения с таковой целью курсов. Постоянные навязывания своей заведомо предвзятой и глубоко необоснованной точки зрения во время решения показных тактических задач не только не способствовали выработке единства взглядов, хотя бы в вопросах тактики, но даже углубляли антагонизм между слушателями и профессурой и подрывали авторитет последней (за некоторым исключением) в глазах первых.

Преподнесенная в качестве сюрприза “отчетная задача” с не отвечающим жизни заданием, явно абсурдным решением ее руководством и недопущение затем слушателей к разбору решения, а также безобразно проведенная военная игра дали возможность слушателям окончательно убедиться в истинной физиономии некоторых из профессуры, признать правильность вкоренившегося мнения, что таковые ничуть не изменились в результате даже империалистической и Гражданской войн.

Девятимесячное пребывание на курсах заставляет нас в интересах продуктивности учебы наших товарищей на них высказать целый ряд пожеланий:

1. Состав профессуры должен быть подобран с таким расчетом, чтобы в число его ни в коем случае не были включены люди с явно рутинными взглядами и, до смешного, подражательскими тенденциями.

* Здесь и далее — так в документе, правильно: ВНО.

2. Вся учеба должна вестись путем коллективного собеседования по существу всех вопросов тактики и стратегии, рассчитанного на широкий обмен мнениями между слушателями и профессурой, причем на последних должна быть возложена роль ученого справочника, а не идейного руководства, единство же мысли должно выковываться в результате всесторонней критики и широкой дискуссии.

3. Больше внимания уделено современной тактике иностранных армий.

4. Безусловно принят во внимание и учтен опыт последней империалистической и Гражданской войн.

5. Широко развита работа ОВНО и для участия в ней, в порядке обязанности, привлечена профессура.

6. Больше внимания уделено вопросам политического характера.

7. Практические занятия по тактике — вестись в форме односторонней военной игры.

8. Военная игра проводится совместно с академией Генштаба.

9. Проведено более широкое ознакомление с работой Штаба РККА.

10. Налажена непрерывная идейная связь с войсковыми частями и высшими кавалерийской и стрелковой школами.

Таковы пожелания в плоскости, касающейся исключительно постановки дела обучения на В.А.К. высшего комсостава, что же касается экономического положения слушателей, то таковое, безусловно, должно быть улучшено, а также положен предел кормлению за счет слушателей целой плеяды, превосходящей их численно, лиц, обслуживающих курсы»¹⁴⁵.

В известном выпадами в адрес военспецов докладе бюро ячеек Военной академии в ЦК РКП(б) от 18 февраля 1924 г. уделялось место и критике ВАК: «Рознь среди высшего комсостава (академия и ВАК). Если бы ВАК существовал как институт, имеющий своей задачей обновление военных знаний комсостава, ранее прошедшего теоретическую школу (академию), то этим самым и обуславливались бы его связь и отношения с Военной академией, а равно и контингент его слушателей. При настоящем положении вещей мы имеем две параллельно существующие высшие военные школы, разница между которыми состоит в том, что в одну принимают только комбригов, комдивов и выше без приемных испытаний, обучают 9 месяцев и отправляют на ту же работу, какую они вели до поступления на ВАК; в другую же школу принимают и комдивов, и комрот, но с обязательными приемными испытаниями, с 3-летним курсом обучения и с прохождением службы, по окончании учебы, с низших должностей. Существует много объективных причин, которые привели к этому положению, но когда в виде его следствия рождается всем известная рознь в среде нашего высшего комсостава, то ее следует понимать как опаснейшее явление для нашей армии, а не как

“недоразумение между генштабистами и ваковцами”, и нужно своевременно найти в себе и силу и умение выйти из этого положения, бесконечно ослабляющего наши силы и тем самым увеличивающего влияние спецовой касты»¹⁴⁶. Письмо предлагало объединить ВАК и академию, устранить параллелизм и противоречия, что и было сделано буквально через несколько месяцев после доклада. Постепенное формирование кастовости слушателей ВАК применительно к набору 1922–1923 гг. отмечал на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. Э. М. Склянский¹⁴⁷. Для противодействия кастовому началу в армии издавались приказы РВС СССР, проводилась разъяснительная работа.

В июне 1924 г. ВАК были реорганизованы в Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, куда принимали выпускников ВАК, Военной академии РККА и ускоренных курсов старой академии. Учеба на курсах была организована по циклам (стратегия, тактика, история военного искусства, военная администрация, военная география, социально-экономические и политические науки), циклам подчинялись кафедры, существовали и отдельные кафедры артиллерии, военно-инженерного дела и военного языкознания. Подготовка велась путем изучения действий дивизии и корпуса¹⁴⁸. Руководили курсами начальник Военной академии и его заместитель, а также помощник по учебной части через главных руководителей циклов¹⁴⁹.

Кадры штабных работников готовил и военный факультет Туркестанского государственного университета. История возникновения факультета была следующей. Еще в марте 1918 г. был создан Туркестанский народный университет. После восстановления связи Советской России с Туркестаном 22 сентября 1919 г. состоящий в личном распоряжении председателя РВСР Л. Д. Троцкого бывший штабс-ротмистр, а позднее известный писатель и ученый, активный сторонник реорганизации Генерального штаба и высшего военного образования Э. С. Батенин представил доклад о необходимости организовать при университете военный факультет. Предполагалось создать центр высшего военного образования для всего Туркестана с учетом местной специфики¹⁵⁰. Курс обучения первоначально намечался годичный. Очевидно, предполагалось готовить командные кадры с учетом возможного экспорта революции за рубеж. Слушатели должны были получать подготовку в восточном и южноазиатском вопросах, изучать сопредельные с Туркестаном государства. В докладе прямо говорилось о том, что перед Советской Россией «может быть, еще станет во весь рост острый вопрос не только об активной защите своего бытия, но и о распространении путем оружия идей свободы в сопредельных странах...»¹⁵¹

Поддержали замысел создания факультета командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и начальник академии Генштаба РККА А. Е. Снесарев. В Москве было создано организационное бюро

в составе Снесарева, Батенина и профессора Туркестанского университета Г. К. Ризенкампа, в Ташкенте в него вошли Н. А. Зимин, Ю. И. Пославский и ректор университета Г. Н. Черданцев. В октябре 1919 г. вопрос о создании факультета был решен.

Для подготовки открытия была сформирована организационная комиссия, в которую вошли руководители и профессора университета, а также военные специалисты. План организации факультета составил сам Снесарев. По итогам обсуждений был намечен четырехлетний срок обучения на факультете. Набирать решено было слушателей с образованием не ниже трудовой школы 2-й степени. Признавалась идеальной организация обучения по принципу военного техникума, которая по условиям времени была нереализуемой. Решено было организовать факультет по образцу академии Генерального штаба. На факультете возникли два отделения: общее (в составе артиллерийской, инженерной и интендантской секций) и Генерального штаба.

В работе комиссии участвовали, помимо Снесарева, генштабисты В. Н. Гатовский, П. И. Ермолин, А. Д. Тарановский и А. А. Яковлев. На заседании организационной комиссии 5 февраля 1920 г. были намечены военспецы, которым поручалась организация кафедр. Распределение было следующим: Снесарев — стратегия, философия войны и военная география Средней Азии; Гатовский — тактика конницы, воздушного флота, технических войск и прикладная тактика; Яковлев — тактика пехоты и история Русско-японской войны; Тарановский — геодезия и топография; Е. М. Голубинцев — техника артиллерии, Н. А. Владиславский-Крекшин — тактика артиллерии. К работе на факультете планировалось привлечь генштабистов А. А. Балтийского, А. К. Климовича и Ф. Ф. Новицкого. В подготовке открытия факультета были задействованы А. И. Аузан, начальник штаба Туркестанского фронта П. В. Благовещенский, начальник артиллерии Туркестанского фронта А. А. Маниковский, А. А. Незнамов, состоящий для поручений при командующем войсками Туркестанского фронта Ф. Ф. Новицкий. 25 марта 1920 г. профессорами факультета были избраны Снесарев, Гатовский, Голубинцев, Владиславский-Крекшин, Н. А. Сулейман, Тарановский и Яковлев¹⁵².

На первом заседании факультета 1 апреля 1920 г. были избраны должностные лица. Деканом избрали А. Е. Снесарева, его заместителем — В. Н. Гатовского, а ученым секретарем факультета — В. Л. Руднева. В результате обсуждений Снесарев пришел к идее того, чтобы часть факультета была общеуниверситетской, а другая часть — военной. Общий отдел факультета предназначался для подготовки студентов всего университета в военном отношении. Курс отдела включал следующие дисциплины: энциклопедия военных наук (двухгодичный курс) — военная администрация, элементарный курс общей тактики, техники артиллерии, воздушного флота и инженерно-технических

средств, краткий курс полевой фортификации с полевой маскировкой, краткий курс военного искусства, краткий курс военной топографии, краткий курс истории последних войн, история завоевания Туркестана, краткий курс военной статистики и географии Туркестана и сопредельных стран — Персии, Афганистана и Китая (для всех факультетов, кроме отделения Генштаба военного факультета); военно-инженерное искусство (для технического факультета); артиллерийское дело (для технического факультета); экономика войны — военное хозяйство, тактика снабжения, устройство тыла, транспорт (для естественного (сельскохозяйственного) факультета); низшая и высшая геодезия (для физико-математического факультета); военная гигиена, санитария и тактика санитарной службы (для медицинского факультета).

8 мая 1920 г. на заседании организационной ячейки заместителем декана был избран Ф. Ф. Новицкий. В итоге РВС Туркестанского фронта определил требования к слушателям. Решено было принимать на факультет лиц с военным образованием и хотя бы кратким служебным стажем. В отделение Генштаба намечалось зачислить 150 человек. Из 200 вакансий факультета 160 (80%) сохранялись за РВС Туркестанского фронта.

Летом 1920 г. велась организационная работа. Была определена смета в размере 44 млн рублей. Осуществлялась заготовка учебных пособий, для чего в Москву была направлена специальная делегация. Осенью было найдено помещение для факультета и организована учено-учебная часть. Продолжался набор профессорско-преподавательского состава. Профессором по кафедре военной истории стал А. Н. Апухтин, профессором по кафедре географии Туркестана стал Н. Л. Корженевский, преподавателем военной администрации — П. В. Благовещенский, курс артиллерии должен был вести Н. И. Габбин, курс полевой фортификации — Н. И. Иванов. От университета профессором по кафедре истории цивилизации народов стал В. Н. Кун, профессором по кафедре психологии — А. В. Трапезников, преподавателем энциклопедии высшей математики и механики стал С. И. Ковалевский¹⁵³. 29 октября 1920 г. деканом был избран П. В. Благовещенский, его заместителем — Н. И. Иванов, ученым секретарем — Н. Л. Корженевский. Позднее деканом стал Н. И. Иванов, умерший от сыпного тифа 14 января 1922 г.¹⁵⁴

На факультете возникли четыре отделения: Генерального штаба; военно-инженерное; артиллерийское и военно-хозяйственное.

По данным на начало 1921 г., на факультете работали 9 профессоров, 42 преподавателя и 7 лекторов по языкам, имелись 2 ассистента и 2 лаборанта. Поступающим в итоге все же разрешено было не иметь служебного стажа и военного образования. Для поступающих с 1 января 1921 г. открылось восьмимесячное подготовительное отделение. Учеба на факультете началась 27 декабря 1920 г., причем прием был

продлен до 15 февраля 1921 г. Занятия проходили в пустовавшем здании ташкентского Коммерческого училища, приведенном в порядок (в здании не было печей и оконных стекол).

К 15 февраля 1921 г. на факультет было принято 200 студентов, часть из них выбыла, осталось 188 человек. Из этого числа 155 поступили из Красной армии и 33 со стороны. На отделении Генштаба обучались 15 человек, на военно-инженерном — 66, на артиллерийском и военно-хозяйственном — по 17 и на подготовительном — 73. В период обучения слушателей продолжалась выработка структуры факультета. Приказом РВСР и Наркомпроса № 429 от 22 февраля 1921 г. были определены организационные принципы нового факультета, причем выпускники должны были поступать в распоряжение РВСР. В начале 1921 г. факультету подчинили журнал «Военная мысль». В августе 1921 г. при факультете организовалось Среднеазиатское военно-научное общество. К 1922 г. в нем состояли уже 149 членов, причем для студентов отделения Генштаба и для студентов-коммунистов членство было обязательным. Обязательных членов было 98, постоянных — 48 и трое гражданских сотрудников. Члены общества изучали и обрабатывали архивные материалы по Гражданской войне в Туркестане, устраивали сообщения и доклады, устанавливали связь с другими военно-научными учреждениями. Одним из активных участников общества был бывший офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д. Д. Зуев¹⁵⁵.

Учебный процесс осложнялся поздним открытием занятий, отсутствием учебных пособий, бытовой (жилищной) неустроенностью студентов и преподавателей. Тем не менее учебный план первого года был выполнен успешно, велись занятия в Троицком лагере. В частности, слушатели отделения Генштаба занимались инструментально-мензульной съемкой. Осложняло работу и двойное подчинение факультета, который подчинялся университету, но финансировался РВС Туркестанского фронта¹⁵⁶. Причем факультет добивался рекрутирования слушателей из состава РККА.

Политработники Туркестанского фронта на одном из совещаний летом 1921 г. постановили ввиду оторванности Восточного отделения академии Генштаба РККА от изучаемого региона ходатайствовать о перенесении отделения в Ташкент и слиянии его с отделением Генштаба военного факультета. Также предлагалось артиллерийское, инженерное и военно-хозяйственное отделения факультета слить с академиями в Москве и Петрограде¹⁵⁷. Фактически это была попытка уничтожения факультета.

1 октября 1921 г. начался второй учебный год на факультете. Контингент учащихся увеличился. Факультет боролся за существование, в том числе против проведения в жизнь решения политработников Туркфронта, грозившего закрытием факультета. Руководство факультета отстаивало принцип совместного обучения слушателей

разных специальностей. В конце августа 1921 г. от факультета в Москву была направлена делегация в составе преподавателя Н. И. Габбина и военного комиссара К. С. Плетухина для проведения в жизнь новых штатов. Как выяснилось, 5 сентября Малый академический совет постановил закрыть факультет, организация и структура которого якобы не соответствовали нуждам и задачам Туркестана¹⁵⁸. Ценной немалых усилий удалось добиться пересмотра решения 19 сентября. Однако теперь требовалось срочно выработать Положение о факультете. Внутри самого университета также были противники военного факультета, пытавшиеся если не упразднить сам факультет, то добиться хотя бы закрытия его технических отделений. Вопрос был вынесен на рассмотрение ТуркЦИК, создавшего особую комиссию, а также в Туркбюро ЦК, откуда пришло распоряжение оставить только отделения Генштаба и подготовительное. 14 октября 1921 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана как высший правительственный орган края признала существование факультета желательным в прежнем виде. Разумеется, необходимость бороться за существование негативно повлияла на состояние преподавателей и студентов. Однако занятия продолжались.

Новый набор считался неудовлетворительным. На отделение Генштаба набирали 50 слушателей, на технические отделения — 100, на подготовительное — 40. О допущении к приемным испытаниям ходатайствовали 150 человек. Приняты были всего 70: 15 — на отделение Генштаба, 18 — на военно-инженерное отделение, по 4 на артиллерийское и военно-хозяйственное и 29 — на подготовительное отделение. Кроме того, 37 человек с подготовительного отделения перешли на основное. Всего же обучались 189 человек. Не все желающие обладали необходимым багажом знаний, немногие знали о направлении работы факультета и о том, что необходимо сдавать вступительные экзамены. Некоторые отказались их сдавать, поскольку не обладали требуемыми знаниями.

На втором курсе шла подготовка по следующим военным предметам: тактика малых войн, позиционная война, практические занятия по тактике, статистика, полевая фортификация (ч. 2, 4, 5 — другие части были включены в программу первого курса), практические занятия по фортификации в связи с тактическими, история военного искусства от Наполеона до Франко-прусской войны, военная история — Франко-прусская, Русско-турецкая и Русско-японская войны, Гражданская война (деникинский и Кавказский фронты), военная администрация (мобилизация, военное хозяйство, устройство тыла и тактика снабжений), практические занятия по военной администрации в связи с тактическими, география и картография, топографическое черчение, тактика санитарной службы, тактика артиллерии, служба Генерального штаба. Среди общих предметов изучались

исламоведение и востоковедение, метеорология, геология, сферическая тригонометрия, психология, история Туркестана, развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция, английский и один из восточных языков.

Второй курс оказался последним, на котором проходили обучение потенциальные туркестанские генштабисты. Факультет был упразднен приказом по Туркфронту 9 июня 1922 г.

Факультет был не единственным центром подготовки кадров Генштаба в регионе. Так, на Туркфронте (наряду с ним в 5-й и 9-й армиях) 5 октября 1920 г. открылись повторительные курсы командного состава, или военно-академические курсы. Даже М. В. Фрунзе записался в слушатели. Продолжительность курсов определялась первоначально в три с половиной месяца, а затем в полгода. Разместились они в одном здании с военным факультетом. Переподготовку проходили 33 слушателя, к 15 ноября их стало уже 57. Занятия проводились в вечернее время, начинаясь в 17 часов, поскольку днем слушатели находились на службе. До выпуска дотянули только 27 человек и двое не державших зачетов. Среди выпускников было 7 человек со средним образованием, 18 — с низшим, 2 — с домашним; 7 окончили военные училища, 3 — школы прапорщиков, 7 — унтер-офицерские школы, 10 получили образование на службе. Партийных выпускников было 11. Преподавали на курсах 30 человек с высшим образованием, в том числе 6 профессоров и 9 преподавателей университета и 15 военспецов¹⁵⁹. В связи с различной подготовкой слушателей были созданы две особые группы. В одной проходили элементарные курсы русского языка, математики и географии. Опоздавшие на курсы составили вторую особую группу. Система преподавания была лекционной. Широко практиковалась работа на планах и картах. В мае 1921 г. были проведены практические занятия в поле (съёмки, решения тактических задач) и сдавались зачеты по политграмоте, тактике, стратегии, фортификации, администрации, топографии, теории организации труда. По причине топливного кризиса, недостатка снабжения и небывалых морозов занятия зимой прерывались на две с половиной недели.

Непродолжительная и незавершенная подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета стала еще одним из многих направлений, дифференцировавших подготовку дефицитных генштабистов в Советской России. В данном случае речь шла об интересном эксперименте — учете региональной специфики в подготовке штабных работников в целях возможного экспорта революции в сопредельные страны Востока. Когда экспорт революции провалился, отпала потребность и в подобной специализации.

На подготовку кадров Генштаба, безусловно, влияло наличие в Советской России старой Военной академии, перешедшей летом 1918 г. на сторону белых. Это высшее военно-учебное заведение досталось большевикам в результате захвата ими власти в Петрограде в октябре 1917 г. сразу вместе с преподавателями, слушателями, обслуживающим персоналом и всей материально-технической базой. По инерции учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате чего Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди. В связи с германской угрозой Петрограду академия была эвакуирована весной 1918 г. в Екатеринбург. Летом 1918 г. учебный процесс в ней возобновился на старшем классе курсов 3-й очереди, а также на младшем ускоренном курсе, на который большевики старались набрать лояльных им слушателей.

Переход академии в антибольшевистский лагерь вынудил военно-политическое руководство Советской России с нуля создавать собственное высшее военно-учебное заведение. Титаническими усилиями академия была организована, а к преподаванию в ней были привлечены лучшие специалисты дореволюционного Генштаба. В конце 1918 г. новое высшее военно-учебное заведение смогло принять первых слушателей. Начиная с 1919 г. слушатели академии Генштаба РККА в летний период направлялись для практики на фронты, где подкрепляли кадры генштабистов с дореволюционным стажем, совершенствовали свою подготовку и пополняли знания ценным практическим опытом штабной работы.

Академия Генштаба РККА была рассчитана на подготовку полноценных специалистов, а срок обучения в ней составлял три года. Но для текущих нужд Красной армии эпохи Гражданской войны такой срок являлся неприемлемым, так как большую часть года слушатели находились в академии, что не сокращало дефицит кадров Генштаба на фронте. В этой связи в Советской России были организованы школы штабной службы, готовившие в короткие сроки младших штабных работников. Выпускники школ выполняли простейшую техническую работу в штабах, что разгружало квалифицированных генштабистов от рутинной деятельности. При этом такие работники все же обладали некоторым багажом знаний, т. е. не являлись простыми писарями, а могли работать с картой, оформлять приказы и прочую документацию.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны для повышения квалификации командного состава при академии были открыты Военно-академические курсы высшего командного состава РККА. На курсах обучались ветераны Гражданской войны, не имевшие достаточных знаний для учебы в академии.

Сопоставление учебных программ ускоренных курсов старой академии, академии Генштаба РККА, школ штабной службы, военно-академических курсов и украинских курсов свидетельствует о том, что наиболее разнообразной по количеству предметов являлась программа академии Генштаба РККА. Значительное внимание в красной академии уделялось практической подготовке слушателей, прежде всего, по тактике и службе Генштаба, по вопросам снабжения, целая группа учебных дисциплин освещала вопросы социализма и марксизма.

Военно-учебные заведения Советской России, представлявшие собой аналог Военной академии или ее ускоренных курсов и готовившие в Гражданскую войну младших штабных работников, а после завершения острой фазы войны осуществлявшие переподготовку или дополнительную подготовку высшего комсостава, сыграли важную роль, каждое в своей области. Школа штабной службы была в основном нацелена на натаскивание слушателей в области тактики, военной администрации и военной топографии, что требовалось для занятия младших штабных должностей. Слушатели военно-академических курсов, прежде всего, занимались тактикой.

Школы штабной службы позволили снизить дефицит кадров Генштаба в РККА уже начиная с осени 1919 г. ВАК дали путевку в военную жизнь многим талантливым военачальникам, которые в иной ситуации забросили бы не только учебу, но и военную службу. Создание таких военно-учебных заведений свидетельствует о значительном внимании к вопросу подготовки командных кадров большевистского военно-политического руководства. Возникновение по предложению старых спецов школ штабной службы было поддержано председателем РВСР Л. Д. Троцким, проявившим немалую гибкость в данном вопросе и поддержавшим генштабиста старой школы В. Е. Борисова, которого Троцкий жестко высмеивал по другим вопросам¹⁶⁰.

Наличие дифференцированной и продуманной системы подготовки кадров Генштаба в РККА в Гражданскую войну являлось огромным плюсом для молодой Красной армии, позволяя большевикам готовить генштабистов для различных целей и задач, как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу. Этот фактор, наряду со многими другими, свидетельствует о большей нацеленности на результат в виде достижения победы в войне через построение мощной эффективной армии, а также о большей гибкости и превосходстве советской военной машины в аспекте подготовки кадров Генерального штаба в сравнении с вооруженными силами антибольшевистского лагеря.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Буржуазия в осаде нищих. Маузер революции у ее виска» (оппоненты)

При всех своих достоинствах и недостатках, военспецы-генштабисты оставались в глазах большевиков деятелями старого режима, «бывшими», отношение к которым было настороженным. Такая особенность грозила неприятностями и создавала врагов в лице представителей нового строя. Прежде всего, деятелей большевистской партии, чекистов и красных командиров. Происходило это нередко не по злему умыслу, а в силу естественной отчужденности людей разного социального статуса и взглядов. Как отмечают исследователи, армию революционного типа, к какой относилась РККА, отличала презумпция нелояльности командного состава в глазах политического руководства¹. Масла в огонь подливали непонимание военспецами сути происходивших радикальных общественных перемен и многочисленные случаи измен. Понятно, что сами военспецы платили своим недругам той же монетой — презирали их или ненавидели.

В итоге развернулась настоящая война всех против всех: военные боролись с партийцами (белые подпольщики и саботажники), партийцы — с военными (наиболее яркими проявлениями этого стали громкие аресты армейского руководства), военные с военными (военспецы против краскомов, старые генштабисты против курсовиков, выпускники красной академии против выпускников прежней Николаевской) и, наконец, партийцы с партийцами, втягивая в эту борьбу и бывших офицеров. Нередко сколачивались целые группировки, стремившиеся добиться более высокого положения в военно-политической иерархии и устранить соперников. Несмотря на все хитросплетения, основными оппонентами военспецов-генштабистов были партийцы, чекисты и краскомы.

Партийцы

Как еще в 1962 г. справедливо отметил советский историк С. А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»². Основываясь на опыте Великой французской революции, большевики приставили к бывшим офицерам своих комиссаров, в задачу которых входило контролировать военспецов. Несмотря на сложности и недоразумения, эта система себя оправдала.

По утвержденному Л. Д. Троцким Положению о военных комиссарах и членах военных советов, «вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту».

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ как за продиктованный оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения, комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контрреволюционными мотивами»³. Впрочем, некоторые бывшие офицеры были убеждены, что люди без военной подготовки, которыми являлись комиссары, на самом деле не могли контролировать распоряжения военспецов, так как не разбирались в военных вопросах.

Руководство РККА было заинтересовано в специалистах, военных профессионалах старой армии. Поэтому, несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и значение привлечения бывших офицеров в новую армию⁴.

Официальная пропаганда не всегда попевала за менявшимся курсом. В этой связи военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич 31 мая 1918 г. обратился к Троцкому с просьбой внести изменения в лозунги и призывы: «В воззваниях правительства к народу часто упоминается о “контрреволюционных генералах и офицерах”», и, таким образом, народ естественно восстанавливается огульно против всех вообще бывших генералов и офицеров. В результате, опасаясь самосудов и расправы, б[ывшие] генералы и офицеры, даже такие, которые вполне искренне желают служить в новой армии, — вынуждены отказываться от таковой службы. Между тем настало время, когда для всех очевидно, что без боеспособной армии с опытным и научно-подготовленным командным составом Российская республика существовать не может, потому что она не в состоянии без такой армии отбиться от врагов, уже наседающих на нее со всех сторон.

Вполне признавая, что упоминание о контрреволюционных генералах и офицерах в воззваниях правительства имеет свои основания, тем не менее для пользы дела формирования необходимой армии ходатайствую о том, чтобы правительство разъяснило народу, что наряду с контрреволюционными генералами и офицерами, изменниками вроде [П. П.] Скоропадского и [П. Н.] Краснова, существуют и самостоятельно работают над созданием армии бывшие генералы и офицеры другого типа, вполне преданные России и русскому народу, достойные не порицания, а всесторонней признательности и похвалы.

Докладываю, что без такого подразделения, оповещенного самим правительством, не удастся сформировать дивизий, необходимых нам для защиты от наседающих на нас германцев, явно стремящихся утвердить в России всюду уже начавшееся германское рабство»⁵.

Практически о том же бывшему генералу Н. М. Потапову писал другой бывший генерал на советской службе С. И. Одинцов 29 мая 1918 г.: «Не следует закрывать глаза на то, что фактически Малороссия оккупирована немцами и австрийцами. Все последствия оккупации налицо.

Необходимо, чтобы наше общество и народ поняли это. Необходимо, чтобы советская власть перестала сумасбродничать, бросая неисполнимые лозунги в народные массы, а дала возможность всем честным русским людям приступить к планомерной работе. Пора

перестать искать всюду контрреволюцию, а надо стремиться всеми мерами водворить во что бы то ни стоило внутренний порядок в стране»⁶.

Л. Д. Троцкий требовал уважительного отношения к военспецам. Он же, с одной стороны, самим военспецам пытался внушить идею нравственного величия революции⁷, а с другой, беспощадно бичевал их за традиционализм, высокомерие и рутинерство. По вопросу о привлечении военспецов он телеграфировал 13 октября 1918 г. В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, Ф. Э. Дзержинскому, Э. М. Склянскому и в петроградскую ЧК: «Ввиду изменившихся обстоятельств некоторая часть офицерства проявляет готовность работать на советской службе. Посему предлагаю нижеследующее: в тех случаях, когда против арестованных офицеров нет прямых серьезных обвинений, ставить им вопрос: согласны ли они служить Красной армии и Красному флоту. В случае утвердительного ответа отправлять их в мое распоряжение. Одновременно выяснить их семейное положение и предупреждать, что в случае их измены, перехода в неприятельский лагерь, их семьи будут арестованы, отбирать от них соответственную подписку. Таким путем мы разгрузим тюрьмы и получим военных специалистов, в которых большая нужда. Прошу о соответственных распоряжениях» всем подчиненным вам комиссиям»⁸.

Еще одной функцией комиссаров был политический контроль над военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Тем более что для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта. Не случайно в одном из документов в декабре 1918 г. отмечалось, что «за последнее время наблюдаются случаи, когда комиссары, неправильно понимая приказ о необходимости усилить контроль за военными специалистами, окружают командный состав атмосферой подозрения и личного недоверия, что, с одной стороны, создает для честно работающих воен[ных] специалистов обстановку, в которой работать не представляется возможным, и, с другой, колеблющихся побуждает искать выхода, почему в критический момент многие из числа могущих быть полезными на службе в армии перебегают к противнику. Комиссар должен быть уверенным и спокойным как представитель советской власти, воздействуя тем самым на военных специалистов... комиссар не должен превращать контроль в мелочную придирчивость, подчеркивая в то же время строгость и точность в исполнении возложенных на него обязанностей»⁹.

⁴ Подчеркнуто М. Д. Бонч-Бруевичем.

⁶ Так в документе.

⁷ В документе несогласованно: *распоряжений*.

Интересно, как большевики разъясняли красноармейцам потребность в привлечении на службу офицерства старой армии: «Приходится покуда иметь рядом с красными офицерами командный состав из старых офицеров. Но строй армии таков, что командный состав не имеет того значения, что в прежней армии. Он имеет исключительно технические функции. Выбирать его пока еще не следует. Красноармейцы могут выбирать хорошего товарища, но командир он будет плохой. Что из того, что он хороший товарищ, когда своим неумением он может погубить многих красноармейцев. Назначенный, который знает свое дело, этого не сделает. С другой стороны, не надо забывать того, что за командиром следит полит[ический] ком[иссар].»

Бывает иногда измена, но зато польза от старого офицерства в тысячи раз больше, чем вред возможных при контроле измен. Многие уже свыклись с советской властью и стали ее друзьями. Если бы не старое офицерство, мы не имели бы такой сильной на научных началах организованной армии, ибо рабочие и крестьяне не имеют таких знаний, как они.

Командиру надо подчиняться. Иногда красноармейцам кажется, что командир — изменник, они отказываются подчиниться его команде и благодаря этому терпят поражение и напрасно погибают сотни, а иногда и тысячи товарищей. Командиру надо беспрекословно подчиняться. Измена может быть одна на тысячу. А никто ведь не отказывается ездить на пароходах потому, что из тысячи пароходов один, вероятно, потонет, благодаря разным причинам и, между прочим, благодаря тому, что капитан одного парохода может оказаться одновременно и главарем бандитской шайки»¹⁰.

Взаимоотношения военспецов и комиссаров складывались не просто. У части комиссаров военспецы вызывали твердое неприятие, производили впечатление затаившихся врагов. Показательна характеристика комиссаром начальника административно-учетного управления Полевого штаба РВСР В. В. Далера за сентябрь — декабрь 1919 г.: «В техническом отношении работает сравнительно хорошо — как заведенный механизм без перебоя. Благодаря известным его умственным способностям, хорошей военной подготовке (Генерального штаба), некоторой практике и тому обстоятельству, что он работает в Высшем военном совете и потом в Полевом штабе с самого начала их существования, и исходя из известных исторически-социальных условий с *чисто технической стороны** он является соответствующим своему назначению. Следует только отметить, что личной инициативы он в своей работе не проявляет ни малейшей. Он балансирует так, чтобы, с одной стороны, к нему нельзя

было бы придаться за саботаж, противодействие и враждебное отношение, а с другой, чтобы нельзя было его обвинять в сочувствии большевикам.

С нравственной стороны он обладает всеми порочными качествами, которые он старается замаскировать утонченными галантностью и светскостью. С деловой точки зрения самое отрицательное у него в этом отношении — беззастенчивое стремление пользоваться своим служебным положением для собственной наживы, способствование своим друзьям и разным спекулянтам устраиваться и делать свои грязные делишки за счет общественного достояния. В этом он способен на все самое преступное и подлое. Как пример можно привести то, что он взял от гр. Озоля взятку в 50 000 рублей.

С политической стороны — он каким был, таким и остался — идейно убежденным реакционным царским офицером. Он принадлежит к тем реакционерам, которых “только могила исправит”. На революцию, социализм, советскую власть и Коммунистическую партию он смотрит как на что-то нелепое, варварское, незаконное, безнравственное и просто разбойничье, не считая за ними “гражданского права” в цивилизованном мире, но с которыми, затаив злобу, приходится мириться как с победившей силой. Как на конкретный пример укажу на одну его фразу, которой он обозначил то, что он считает самым нелепым: “Это тоже социалистическая штука”.

Он всеми силами старается поддерживать влияние и власть военспецов и крайне заботится об их интересах, в то же самое время стараясь как можно больше обойти красный элемент. Всячески старается обойти и отстранить комиссара и парализовать его влияние в работе. Всеми силами старается провести в штаб сотрудниками “своих” — офицерских жен, буржуазных сынков, холопских обывателей и т. п.»¹¹.

Стороннему наблюдателю открывалась неприглядная картина: «Я видел офицеров Генштаба, работавших в штабе 13^а Красной армии под бичом полуграмотных комиссаров-надсмотрщиков, лица которых просились в альбом уголовной антропологии и психиатрии. Это было очень тяжелое впечатление, в котором преобладала жалость»¹². Такой выдающийся отечественный военный деятель, как А. А. Свечин, отмечал: «С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»¹³.

Об этом же с тревогой докладывал Ленину главком И. И. Вацетис 18 апреля 1919 г.: «Чрезвычайное переутомление сделало этих людей [генштабистов] нервными и до крайней степени впечатлительными ко всяким бестактным выходкам и несправедливостям по их адресу. Бестактность по отношению к лицам Генштаба

* Выделено в документе прописными буквами.

замечается со стороны тех комиссаров, которые к ним приставлены, на подбор которых не всегда обращается должное внимание. Среди комиссаров, к сожалению, мало встречается интеллигентных людей, способных понять настроение и ту среду, над которой им приходится нести контроль, и контролирование зачастую обращается в назойливое приставание. Такие комиссары являются большим злом в практической и специальной работе, но таких комиссаров, к сожалению, много.

Не менее сильное впечатление на штабных работников производит несправедливое отношение и недоверие к группе лиц Генерального штаба вообще. До сих пор еще, к крайнему сожалению, удерживаются иногда и в печати, и в речах митинговых ораторов перед огромным стечением народа фразы, оскорбительные по отношению лиц Генерального штаба. Упреки в продажности, упреки в контрреволюционности, упреки в саботаже сыплются со всех сторон, между тем могу свидетельствовать, что бывшие офицеры Генерального штаба, состоящие ныне на службе у Советской Республики, такого несправедливого отношения к ним не заслуживают. Как я уже выше сказал, отношение лиц Генерального штаба к советской власти вполне лояльное и мне даже не представляется возможным, чтобы среди лиц Генерального штаба, оставшихся на советской службе, господствовало бы желание видеть снова в России монархию, как в этом часто их обвиняют. Вообще считалось, что русский Генеральный штаб является наиболее либеральным, всегда идущим навстречу всякому прогрессу и уклону влево, и еще при старом режиме Генеральный штаб был под большим знаком подозрения в революционности. Несомненно, что среди Генерального штаба были убежденные монархисты, не сочувствующие революции, но они давно уже находятся на стороне наших противников. За их счет упреки ни в коем случае не могут посылаться на тех труженников Генерального штаба, которые верно и с преданностью служат нам службу.

Между тем делается много несправедливостей и оскорбительного по адресу Генштаба. Я буду прав, если скажу откровенно, что каждый комиссар, назначенный контролировать деятельность какого-нибудь отдела в штабе, имеет своим затаенным желанием поймать в контрреволюционности и предательстве какое-нибудь лицо Генштаба, в результате получается не контролирование, а назойливое приставание. Почему создалась такая наклонность политических комиссаров, является совсем странным, т. к. таким[и] замашкам[и] страдали жандармы старого режима, служебное повышение которых находилось в сильной степени в зависимости от того, сколько удастся раскрыть заговоров против самодержавного строя¹⁴.

Свидетельствовал об этом и бывший генерал М. В. Фастыковский, рассуждавший в показаниях в 1937 г. о событиях лета 1919 г.

на Украине: «Высшие командные и военно-административные должности занимались везде людьми, или совершенно не знакомыми с военным делом, или знакомыми с ним весьма мало. Грамотные в военном деле лица занимали незначительные сравнительно должности и не пользовались ни доверием, ни авторитетом. Результатом этого были грубые ошибки на фронте и сопряженная с потерей времени и средств отсебятина в тылу, в военкоматах»¹⁵.

Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля. Контролирующие возможности комиссаров вызвали сомнения у специалистов Генштаба, лояльных большевикам. Так, слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев отмечал летом 1919 г., что институт комиссаров свое уже отжил, что они сидят как контролеры, тогда как «вопрос, возможен ли вообще контроль в оперативном и другом отношении, весьма спорен, и я даже из своего опыта как комиссара армии скажу невозможен»¹⁶. Комиссары не могли предотвратить измен даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно председатель РВСР Л. Д. Троцкий 21 мая 1919 г. сообщил своему заместителю Э. М. Склянскому для последующей передачи В. И. Ленину: «Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»¹⁷.

Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению контроля. Отдельные комиссары даже заступались за арестованных военспецов. Видный партийный работник А. И. Окулов писал В. И. Ленину 6 января 1922 г. о курсовике бывшем подполковнике А. Х. Андерсоне: «Прошу Вас вызвать для следствия и суда тов. Андерсона, бывшего начштаба Троцкого в Свияжске и моего начштаба во время моей революционной работы. Андерсону угрожает расстрел в гор. Новониколаевске. Я ручаюсь моей революционной совестью за лояльность этого человека»¹⁸.

Недостаточность комиссарского контроля привела к поискам иных форм борьбы с изменой, например, к изданию приказов о взятии в заложники членов семей изменников, что, однако, не получило широкого практического применения.

Институт военных комиссаров воспринимался военспецами неоднозначно. В силу различий менталитета, среды, в которой существовали одни и другие в старой России, большого количества инородцев среди комиссаров и шовинистических взглядов офицерства взаимоотношения не могли быть простыми.

Некоторые, как генерал В. К. Гондель (негенштабист), считали институт комиссаров способом обеспечения безопасности военспецов

от необузданной и развращенной событиями 1917 г. солдатской массы. Гондель отмечал: «Видя невязку в работе командного и комиссаровского состава, наблюдая часто со стороны комиссаров действия, противные и чуждые военному делу, быту и строю, я нередко задумывался, нужен ли был при строительстве Красной армии институт комиссаров, и пришел к тому выводу, что без него строительство было бы невозможно. Пусть ВЦИК и Совнарком уверовали бы в истину, что добровольно предложившие свои услуги бывшие офицеры в силу воспитанной в них щепетильности и честности не могут быть изменниками и поэтому им надлежит предоставить работать безо всякого контроля со стороны господствующей политической партии. Но как могла отнестись к этому красноармейская масса[?] Составлявшие эту массу рабочие, крестьяне и солдаты были вовлечены в классовую борьбу, а так как старая армия и давно уже была классовая, то и борьбу против военной касты, которую составляло кадровое офицерство. Естественно, что рабочие, крестьяне и солдаты должны были недоумевать, когда увидели, что те, к беспощадной борьбе с которыми их звали еще вчера, являлись сегодня руководителями военного дела в Красной армии, и только присутствие рядом с этими врагами представителей Рабоче-крестьянского правительства и господствующей политической партии могло рассеять это недоумение в силу врожденной привычки русского народа без всякой критики подчиняться признаваемой им власти. Как трудна была задача военных комиссаров: они должны были поддерживать авторитет тех, которым не доверяли, к которым относились с подозрением, над которыми были поставлены для явного и тайного контроля. Для этого требовался недюж[ин]ный ум, выдающаяся тактичность, выдержка и чутье, и на почве непонимания и недоумения вначале создавались эксцессы, вредные для строительства Красной армии»¹⁹.

Военрук Северо-Кавказского военного округа бывший генерал А. Е. Снесарев писал супруге 7 июля 1918 г. из Царицына: «Мое настроение — среднее, но ближе к спокойному: работы очень много и пробуешь сделать что-либо доброе, но много трений, условностей, препон. Прежнее недоверие к нам, по-видимому, совершенно исчезло и спряталось где-то внизу в тайниках совершенно темного люда, но все же во многих отношениях мы остаемся чужими людьми, которые не понимают других и не понимаемы этими другими. При нашей интеллигентности и искреннем желании помочь, мы многие из трений удаляем легко»²⁰.

Бывало, что между военспецами и комиссарами устанавливались дружеские отношения, обусловленные совместным переживанием тягот боевой и походной обстановки. Например, такие взаимоотношения установились между командующим Восточным фронтом

РСФСР С. С. Каменевым и комиссаром С. И. Гусевым²¹, которые в Симбирске жили в одном доме и даже питались за одним столом вместе с домочадцами Каменева²². Летом 1919 г., когда Каменев стал главнокомандующим, они с Гусевым продолжили сотрудничество уже в советской Ставке.

Иногда военспецы и комиссары объединялись, образуя целые группировки, как было, например, в штабе Северного фронта, расколовшемся осенью 1918 г. на два враждебных лагеря во главе с комиссарами Л. М. Глезаровым и Е. М. Пятницким²³. Аналогичный конфликт сопровождал неожиданную замену командующего Восточным фронтом С. С. Каменева на А. А. Самойло в мае 1919 г. РВС фронта не принял нового командующего и препятствовал его работе. Наконец, в конфликт с Самойло вступил командующий 5-й армией партийный военспец М. Н. Тухачевский, пользовавшийся расположением В. И. Ленина. В итоге Самойло после нескольких недель противоборства пришлось вернуться на прежнее место службы.

Сумев привлечь в свои ряды дореволюционный командный состав, красные никогда не доверяли ему всей полноты военной власти, не говоря о власти политической. Военной политикой Советской России руководили сами большевики. Как показала практика Гражданской войны, большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством (именно оно руководило военной политикой у белых), которому традиционно были присущи отсутствие инициативы, инертность и следование шаблонам. Полковник А. А. фон Лампе писал о генерале А. И. Деникине: «Хотя Деникин и очень порядочный человек, но несомненно узкий и никакого государственного масштаба не имеет... это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы и своих собственных решений, но и только»²⁴. В Красной армии над такими честными исполнителями, даже на уровне высшего комсостава, стояло более чем энергичное политическое руководство, которое успешно занималось координацией политических и военных задач и подталкивало военспецов к активной работе. Политическое руководство белого лагеря было представлено деятелями либерального и эсеровского толка, оказавшимися еще по опыту 1917 г. неспособными к созидательной государственной работе в условиях кризиса и обладавшими сомнительной репутацией в глазах офицерского корпуса²⁵.

Обратимся к тем оценкам, которые давали советскому руководству офицеры — люди, не испытывавшие к нему никакого пиетета, уважение которых большевикам нужно было завоевать. Интересно наблюдение из дневника противника большевиков полковника А. А. фон Лампе от 18 (31) мая 1920 г.: «В Трапезунде кричат: “Да здравствует Ленин, Энвер и Таалат!” Люди сумели распространить

свое влияние и на Азию! Я нахожу, что в интенсивности работы мы, старый господствующий класс, оказались совершенно неспособными!»²⁶ Такое признание со стороны врага дорогого стоит!

Советский главком Каменев дал следующую оценку высшего звена политработников РККА периода Гражданской войны: «Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искусственного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами»²⁷. И хотя за этой высокой оценкой вполне могло скрываться стремление польстить большевистскому руководству, факт остается фактом.

Удивительно похожую оценку командовавшему войсками Московского военного округа большевику Н. И. Муралову дал бывший генерал-майор В. К. Гондель: «Как в первый, так и во все последующие мои доклады Муралову, я удивлялся, как этот, совершенно не военный человек, быстро разбирался в специально хозяйственно-административных вопросах, быстро давал им правильную оценку и делал краткое, энергичное и верное резюме»²⁸.

Аналогично выглядит характеристика М. В. Фрунзе его многолетним соратником, бывшим генералом Ф. Ф. Новицким. По мнению Новицкого, Фрунзе «обладал удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...»²⁹ Эти свидетельства не могут не привести к выводу об организаторских талантах и серьезном интеллектуальном потенциале ряда представителей большевистского военно-политического руководства.

Взаимодействие военспецов и комиссаров шло в обоих направлениях. М. В. Фрунзе, к примеру, характеризовал видного геншта-

биста Н. Н. Петина в 1921 г.: «Человек львиной работоспособности и энергии. Отличный организатор. Был прекрасным начальником штаба фронта. Политически совершенно лоялен»³⁰. Бывший генерал Д. Н. Надежный вспоминал: «Когда я командовал Северным, а потом Западным фронтами, под влиянием видных партийных работников — членов РВС фронта я постепенно осознал правильность политической линии партии, но сказать, что я вполне политически возрос, конечно, было бы неверно»³¹. Схожую оценку оставил другой бывший генерал В. Г. Серебрянников: «Комиссары учились у старых офицеров и, как люди свежие, не связанные рутиной, но без глубоких специальных познаний, более влияли на метод работы, нежели на сущность дела»³². И действительно, военспецы через донесения, повседневное общение, манеры и привычки влияли на командный и политический состав Красной армии. Военспецы во многом вырабатывали советскую стратегию Гражданской войны и осуществляли стратегическое планирование. Стратегия же смыкалась с политикой, следовательно, их взгляды влияли и на принятие политических решений (прежде всего, конечно, применительно к военным делам).

В одном из выступлений Троцкий отметил: «Бывшие офицеры постепенно приучались с уважением относиться к своим сотрудникам-комиссарам. Они наблюдали изо дня в день, как комиссары, представители правящей партии, делегированные центром для ответственной работы, отдают себя делу целиком, не требуют для себя никаких привилегий, являются первыми туда, откуда грозит наибольшая опасность. Это нравственное влияние комиссаров не могло не привлекать лучшую часть командного состава к тому классу, который имеет тысячи и десятки тысяч таких работников для своих нужд»³³. Вождь РККА обратил внимание на большое психологическое и идеологическое воздействие на военспецов от общения с комиссарами.

Разумеется, далеко не все комиссары отличались интеллектом и способностями к военному делу. Можно представить, как относились представители старой военной элиты к К. Е. Ворошилову — бывшему пастуху с начальным образованием, третировавшему спецов. Нередко между военспецами и комиссарами вспыхивали острые конфликты, приводившие к тяжелым, порой трагическим последствиям для бывших офицеров. Распространен был взгляд на комиссаров как на соглядатаев, ограничивающих и контролирующую работу военспецов. По свидетельству бывшего генерала Д. Н. Надежного, «другие, как и я, которые по собственной охоте вступили на совет[скую] службу, а также и те, которые были призваны по мобилизации из числа б[ывших] офицеров, шли ощупью в условиях новой строящейся на социальных началах жизни, боясь стукнуться об ее острые углы.

А таких углов было немало: 1) Взгляд на нас центрального правительства как на элемент, который допустим[о] использовать до поры до времени при организации новой Красной армии. А отсюда контроль политаппарата, так или иначе угнетавший самолюбие. 2) Подозрительное, а порой весьма грубое, если не сказать более, обращение политработников к старому комсоставу в период Гражданской войны. 3) Недоверие красноармейских масс. 4) Потом наступившая чистка и 5) общий тон, как печати, так и литературы, презрительно-пренебрежительный... Эти обстоятельства кроме горечи и обид у старого командного состава вызвали стремления поделиться с людьми, одинаково мыслящими и находящимися в одинаковых условиях. Таким образом, создавалась тяга к общению, а это общение вело сначала к критике повседневных явлений жизни, связанных с трудными ее условиями... а потом и более важных вопросов...»³⁴

По оценке бывшего полковника К. И. Бесядовского, «не легка была и непривычная обстановка работы: тебе не доверяют, комиссар ходит по твоим пятам, следя за каждым твоим шагом. “Комиссар — это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира” — так определил взаимоотношения командира и комиссара один из бывших моих комиссаров. Партийная среда держалась от нас в стороне (партийцы почти сплошь были комиссарами), и мы, остальная масса, чувствовали себя бесправными. Угнетала также и волна обысков, непрерывно производившихся во всех районах Москвы. Ясно, что все эти новые черты нашего быта службы не могли вызывать довольство, наоборот, приходилось на себе испытывать достаточно сильный зажим нового советского строя. Трудность всех указанных условий одинаково испытывали все мы, офицеры, что ясно выявлялось при наших беседах.

Коммунистические идеи были нам чужды, в марксизме мы не разбирались... Однако все [же] должен сказать, что мы не были настроены контрреволюционно, понимая под этим стремление активно выступить против советской власти. Доказательством этому может служить тот факт, что раскрытый (не помню даты) заговор “Центра” не коснулся академии; видимо, руководители заговора либо не имели успеха* в попытках привлечения участников в свои ряды из академического состава, либо этих попыток не делали, считая, что из этого ничего не выйдет»³⁵.

В статье «Преступная демагогия» Троцкий летом 1919 г. предостерегал товарищей по партии от плохого обращения с военспецами: «Бывают горе-коммунисты, которые обращаются с военными специалистами как с подсудимыми или просто арестантами, полагая, что таким путем они обеспечивают интересы революции. На са-

мом деле, они таким путем толкают неустойчивых, колеблющихся представителей командного состава искать спасения в деникинском лагере»³⁶.

Отдельные высокопоставленные военспецы не боялись открыто критиковать политработников за плохое обращение со своими товарищами. Начальник ЦУПВОСО М. М. Загю позволял себе довольно резкие заявления в адрес военкомов. 8 ноября 1918 г. он написал рапорт начальнику Полевого штаба РВСР, в котором потребовал привлечь к ответственности за грубость комиссара Московского округа путей сообщения И. П. Савицкого, заявившего по телеграфу: «Тов. Загю, я требую от вас, чтобы вы не говорили мне глупостей»³⁷.

Загю сообщал: «Грубый тон И. П. Савицкого в служебных разговорах — обычное явление, и с этим приходилось уже мириться, но за допущенное им оскорбление меня как должностного лица прошу зависящих сношений о привлечении его к ответственности»³⁸. Рапорт Загю из Полевого штаба был направлен Троцкому. Подобные документы едва ли могли исходить от затравленного репрессиями военспеца. Скорее, наоборот, не боявшийся пререкаться из-за пустякового повода с комиссаром Загю не представлял, что такие действия могут обернуться для него неприятными последствиями, даже если он был абсолютно прав.

Особенно болезненно появление царских офицеров и генералов воспринималось поначалу, в 1918 г. Некоторые документы первой половины 1918 г. рисуют картину ожесточенного неприятия бывших офицеров некоторыми партийцами. В одном из документов, подписанном членами фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам, с тревогой отмечалось, что «возможность концентрации офицерства в массе определенно контрреволюционной, в связи с формированием полевых штабов, состоящих из офицеров Генерального штаба и других, становится все более и более рельефной. За все время войны строевое офицерство всегда было более чем недовольно работой Генерального штаба, в котором кроме карьеристов никого и ничего не было... генералитет и Генеральный штаб вовсе не нужны как полководцы, а лишь только как специалисты, инструктора и консультанты... Однако Бонч-Бруевич, пользуясь властью, данной ему Советом народных комиссаров, уже успел насадить ряд офицеров Генерального штаба на самые ответственные должности по обороне»³⁹.

По мнению авторов документа, «среди них [бывших офицеров] имеются и талантливые люди, но далеко не в таком количестве, какое бы это можно было думать. Специальные их познания, конечно, не подлежат никакому сомнению. Бестолковость и безалаберность генералитета, ярко выразившаяся во все время только что оконченной войны, не позволяет думать, что генералы справятся с военной

* В документе: *неуспех*.

разрухой, ибо каждому ясно, что творчество у них, кроме казенно-шаблонного, не существует, а их способность к водворению порядка измеряется их контрреволюционностью...»⁴⁰

Составители резюмировали: «В новой армии тыловые и полевые штабы должны быть организованы из советских работников (главным образом, боевых офицеров) с участием как специалистов офицеров и генералов Генерального штаба, инженерных, артиллерийских, морских и других специальных военных учреждений старого типа. Никакой абсолютно власти эти лица иметь не могут»⁴¹.

М. К. Тер-Арутюнянц писал Троцкому 17 марта 1918 г., что создание ВВС вызвало «бурю протеста и негодования в революционных отрядах указанного [Западного] фронта с категорическим протестом, что “лягут костями, но не подчинятся бывшим царским генералам, которые за свои действия были исключены из армии с демократизацией армии”, одновременно обращаясь к расформированному Революционному Полевому штабу при бывшей Ставке революционным путем вновь принять руководство фронтом на себя, если власть генералов будет оставлена в силе»⁴².

Но иного выбора, кроме как использовать квалифицированные кадры старой армии для строительства новой, не было. Одним из сигналов противникам военспецов стал судебный процесс по делу П. Е. Дыбенко, матросы которого бежали из-под Нарвы в начале марта 1918 г. в период противостояния с немцами. За нарушение дисциплины Дыбенко был отдан под суд (председатель следственной комиссии Н. В. Крыленко). Этот инцидент демонстрировал готовность большевистского руководства довести до конца создание регулярной армии на принципах строгой дисциплины и подчинения квалифицированным специалистам. Авторитет Дыбенко в матросской среде и угроза активных действий против партийного руководства с его стороны при опоре на матросов и анархистов, возможно, лишь усугубили ситуацию. Дело Дыбенко находилось на личном контроле Ленина. Новая власть проявила решимость покарать даже «своего», социально близкого партийного матроса Дыбенко, члена СНК (ни много, ни мало наркома по морским делам), поддерживая «классово чуждого» бывшего генерала-генштабиста Д. П. Парского, который в инциденте под Нарвой выступил сторонником дисциплины. Дело было направлено на заключение Президиума ЦИК. И хотя Дыбенко с учетом мнений военспецов в итоге оправдали, но по итогам разбирательства он оказался исключен из партии и смог восстановиться в ней только после Гражданской войны, в 1922 г.⁴³

Главнейшим идеологом и горячим сторонником политики привлечения бывших офицеров, в том числе генштабистов, на службу в РККА и создания профессиональной армии на традиционных принципах был наркомвоенмор и председатель РВСП Л. Д. Троцкий,

которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии.

Свое видение роли военспецов в Красной армии Троцкий изложил в речи на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «В вопросах чисто военных, в вопросах оперативных, — тем более чисто боевого характера, — военные специалисты во всех учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. Она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти, — новый класс, у которого есть свои тяжелые счёты с прошлым. Это прошлое в лице ныне отсутствующей армии завещало нам известный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы и — известный идейный капитал — известную накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т. д., то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела, бывших генералов, полковников старой армии, — то, чего не было в руках нового революционного класса в тот период, когда этот новый революционный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление... Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули из своей среды новых полководцев, новых руководителей, все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Он должен поставить себе на службу тех, которые служили другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам»⁴⁴.

Можно отчасти согласиться с тем, что Троцкий пытался комплектовать комсостав Красной армии на дореволюционных принципах, учитывая образовательный ценз, служебный стаж и боевой опыт. При таком подходе на первый план выдвигались старые генштабисты, затем генштабовская молодежь и, наконец, кадровые офицеры, офицеры военного времени и пр.⁴⁵

Следует сделать несколько принципиально важных оговорок. Прежде всего, в Красной армии не нашла применения изжившая себя, архаичная, но значимая для старой армии система продвижения по службе по старшинству, весьма напоминавшая средневековое местничество. Упразднение чинов позволило быстрее продвигаться по службе молодым командирам, хорошо проявившим себя на фронте (не только генштабовской молодежи и офицерам военного времени, но и просто «народным полководцам» без специального образования, как, например, В. И. Чапаев). При заметной опоре Троцкого на опытных штабных специалистов на руководящие посты активно проникала и генштабовская молодежь. Кадровая политика в отношении генштабистов в Гражданскую войну, помимо служебного стажа, во многом определялась конкретными заслугами того или иного военспеца, а также личной преданностью вышестоящим начальникам,

в том числе партийным вождям. Наконец, крайний дефицит кадров Генштаба привел к их концентрации, прежде всего, на подлежащих замещению генштабистами штабных должностях, а исключения лишь подтверждали правило. Фактически это были технические специалисты.

Борьба Троцкого за возможность привлечения в РККА генштабистов носила ожесточенный характер. Наркомвоенмор использовал для утверждения своих взглядов и полемические способности. Когда летом 1918 г. член президиума ВСНХ большевик Ю. Ларин (М. З. Лурье) предложил в связи с изменами заменить генштабистов коммунистами, Троцкий 23 августа 1918 г. отправил Ленину остроумную телеграмму, в которой заметил, что «и на железных дорогах при продвижении эшелонов наблюдается саботаж. Однако никто не предлагает инженеров-движенцев заменить коммунистами»⁴⁶. Предложение Ларина Троцкий назвал катастрофическим, продиктованным паникой, подчеркнув, что события на фронте позволят произвести отбор кадров «путем извлечения работоспособных и преданных нам генштабов, отнюдь не путем их замены партийными невеждами»⁴⁷. По мнению Троцкого, «больше всего вопят против применения офицеров либо люди панические настроенные, либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные военные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, сатрапствуют, бездельничают, а когда проваливаются — взваливают вину на генштабов»⁴⁸.

Троцкий резко противостоял попыткам партийцев переложить всю вину за неудачи на военспецов. Однако это не означает, что бывшим офицерам делались послабления — негодным военспецам Троцкий грозил репрессиями. Постоянно отстаивать свою точку зрения на военспецов Троцкому приходилось вплоть до VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г., подтвердившего неизменность партийного курса на использование бывших офицеров.

На положительное отношение Троцкого к генштабистам обратила внимание даже разведка белых. В приложении к докладу начальника разведывательного отделения штаба главкома ВСЮР полковника В. Д. Хартулари от 6 (19) июня 1919 г. отмечалось, что «Троцкий к офицерам Генерального штаба относится очень хорошо и на них строит всю надежду на будущее. В последнее время по его настоянию все ответственные командные посты, особенно командармов, решено передать генштабам»⁴⁹. И хотя передача всех постов командующих армиями генштабистам является преувеличением, в остальном разведчики белых не ошиблись. Многие военспецы преклонялись перед Троцким, не скрывая своего восхищения даже от врагов. Допрошенный в начале 1920 г. белыми пленный военспец-генштабист М. П. Строев (Рихтер), невзирая на возможные

последствия подобных откровений, отмечал, что Троцкий — истинный и едва ли не единственный защитник офицерства в Советской России⁵⁰.

Некоторые исследователи склонны объяснять приверженность Троцкого идеям регулярной профессиональной армии и политике привлечения на службу бывших офицеров тем, что вождь РККА, примкнувший к большевикам только в 1917 г., не был ограничен внутрипартийными взглядами на этот вопрос⁵¹. Возможно, в этом есть доля истины. В то же время едва ли Троцкий планировал опираться на бывших офицеров в борьбе за власть. Слишком велика была пропасть между ними. Кроме того, у Троцкого так и не сложилось своей мощной команды в военном ведомстве.

Мощным фактором, а заодно и способом выживания на историческом переломе была личная преданность тому или иному партийному лидеру, вовлекавшая военспецов в борьбу группировок в партийном руководстве. И вокруг Троцкого, и вокруг его оппонента Сталина, и вокруг Ленина, и вокруг партийных руководителей более низкого ранга постепенно складывались группировки с участием специалистов Генерального штаба, вовлекавшихся, таким образом, в партийно-политическую борьбу.

Военрук ВВС, а позднее начальник Полевого штаба РВСР М. Д. Бонч-Бруевич, главком С. С. Каменев и командующий Кавказским и Западным фронтами М. Н. Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Главком И. И. Вацетис мог считаться ставленником как Ленина, так и Троцкого. Начальник штаба Кавказского фронта С. А. Пугачев был связан с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, командовавший несколькими красными армиями М. И. Василенко — с С. М. Кировым и К. А. Мехоношиным. Занимавшийся практической военно-административной работой Троцкий, в отличие от интриговавших Ленина и Сталина, был в большей степени ориентирован на достижение успехов на фронтах и укрепление Красной армии, безотносительно того, чьими выдвинутыми были те или иные военачальники. По этой причине он не имел достаточного количества своих ставленников в высшем командном составе.

Противостояние Троцкого и Сталина по вопросу о военспецах — отнюдь не исторический миф. Истоки конфликта связаны с окружением каждого из этих политических лидеров. Троцкого окружали десятки высококвалифицированных генштабистов, которые разносторонне информировали его о текущих событиях. Иногда в документах, поступавших Троцкому, содержались емкие характеристики не только бывших офицеров, но и партийных военных работников. К примеру, военрук Северо-Кавказского военного округа выдающийся генерал-генштабист А. Е. Снесарев так характеризовал К. Е. Ворошилова в информации для Троцкого: «Лично т. Ворошилов

как войсковой начальник не обладает достаточно нужными качествами... 13 июля я встретил т. Ворошилова на станции Царицын, причем штаб свой он оставил... Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками, почему скорее он подлежал бы удалению от занимаемой должности, чем доверия ему руководства сложной операцией»⁵². Подобные сообщения военных специалистов, очевидно, были не единичны и, несомненно, влияли на представления Троцкого. Ворошилов, как известно, уже тогда сблизился с И. В. Сталиным, в том числе, видимо, на почве неприятия военспецов. Надо сказать, свои военспецы были и в окружении Сталина, где комиссары имели каждый «своего спеца, только сортом пониже»⁵³.

Важным этапом борьбы с недоверием по отношению к военспецам, за права и статус генштабистов в РККА, за принцип единоначалия в Красной армии стал конфликт на Южном фронте осенью 1918 г. Тогда объектом критики партийных представителей во главе с И. В. Сталиным стал командующий советским Южным фронтом бывший генерал П. П. Сытин.

РВС Южного фронта был создан 17 сентября 1918 г. в составе командующего фронтом Сытина, его помощника К. Е. Ворошилова, И. В. Сталина и председателя царицынского Совета С. К. Минина. Штаб фронта в соответствии с указаниями РВСР расположился в Козлове, тогда как члены РВС находились в Царицыне, не желая ехать в Козлов, что уже заложило основу для конфликта.

Сытин в сентябре 1918 г. находился в очень сложном положении — главным командованием перед ним была поставлена задача организовать Южный фронт РСФСР, но в условиях кадрового голода и партизанщины сделать это было почти невозможно. Командующий фронтом опирался на аппарат Высшей военной инспекции, располагавшей кое-какими силами и средствами, а также на штаб Южной завесы (Воронеж), хотя отношения с последним складывались трудно. Работников для штаба фронта искали как непосредственно на юге, так и в Москве. Однако в кадровых вопросах Сытин, по свидетельству Н. И. Подвойского, «неизменно наталкивался на то, что такой-то подзревается в контрреволюции, а такой-то был занят в другом месте или отказался, и ему приходилось выносить всю штабную и командную работы на своих плечах»⁵⁴. Как человек старой школы Сытин «не обнаружил большой изворотливости и находчивости для организации своего штаба»⁵⁵. Даже связь на фронте была организована через аппарат завесы. Кроме того, Сытин держался и за Высшую военную инспекцию, не создавая собственного военно-административного аппарата. Наконец, до окончательной организации штаба фронта Сытин не считал себя вступившим в должность командующего в полном смысле слова, тогда как обстановка диктовала прямо противоположное.

Нечеткое разделение полномочий осложняло работу. Так, Сытин старался не вмешиваться в обстановку под Воронежем, считая воронежский участок находящимся в ведении завесы. Положение усугублялось активной работой белой агентуры, а также неподчинением командованию фронта партизанских вожakov вроде командира бригады Р. Ф. Сиверса и начальника дивизии В. И. Киквидзе. Все это порождало нервозность комиссаров, подозрения в измене военспецов и аресты. Так, например, был арестован, но вскоре освобожден, благодаря вмешательству Подвойского, известный белый агент в Красной армии А. Л. Носович.

Действия Сытина вызвали недовольство партийных представителей, находившихся на юге. Прежде всего, И. В. Сталина в Царицыне. Ситуация усугублялась самовольными действиями «царицынцев». 23 сентября 1918 г. они издали приказ о переименовании РВС Северо-Кавказского военного округа в РВС Южного фронта во главе со Сталиным⁵⁶. В противовес единоначалию и невмешательству комиссаров в оперативные вопросы «царицынцы» отстаивали идею коллегиального управления и совместного с военспецом Сытиным решения оперативных задач. Подобный приказ резко противоречил распоряжениям центра и ставил под сомнение полномочия Сытина. 29 сентября в Царицыне состоялось совместное заседание членов РВС фронта, не давшее результата, — указания РВСР были Сталиным и его окружением проигнорированы.

Минин, Сталин и Ворошилов заявили, что назначение командармов — прерогатива РВС, как и ведение операций в крупных масштабах. Сытин на это ответил, что «назначение командующих армиями, которые являются ближайшими моими помощниками и сотрудниками в военных операциях, в которых я являюсь первым ответственным лицом, принадлежит мне. Военный революционный совет Южного фронта имеет право отвода предназначенных мною на командные должности по мотивированным данным. В отношении же ведения военных операций мне предоставлена полная власть, что и указано в § девятом той бумаги, выписки за подписями [П. М.] Майгура и [К. Х.] Данишевского, которую я получил в штабе Высшей военной инспекции. Перед отъездом в Царицын тов. [К. А.] Мехоношин от имени Революционного военного совета республики заявил, что иного решения вопроса и быть не может и что указанная выписка представляет часть постановления Воен[но-]рев[олюционного]сов[ет]а республики и должна [быть] принята к исполнению без возражений»⁵⁷.

Сытин предложил ввиду серьезных разногласий прервать заседание и перенести обсуждение в РВСР⁵⁸. По итогам заседания командующий фронтом подготовил экстренный доклад Троцкому, копию которого направил Подвойскому, причем просил о вызове в Москву.

Между тем 1 октября «царицынцы» издали постановление об отстранении Сытина от должности (якобы по причине незаинтересованности Сытина в работе, из-за отсутствия у Сытина стратегического плана и из-за его неумения наладить дело на Поворинско-Еланском участке⁵⁹) и о замене его Ворошиловым.

Для поддержания авторитета главного командования и руководства РВСР, подавления сепаратизма и укрепления единоначалия требовались решительные меры, не заставившие себя ждать. За новые принципы организации армии и, следовательно, за кандидатуру Сытина вступились руководители РККА — Троцкий и главком И. И. Вацетис.

Стороны обменялись резкими телеграммами. 2 октября В. И. Ленину из Царицына была направлена телеграмма Сталина, Минина и Ворошилова, в которой Сытина характеризовали как «человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны»⁶⁰.

В тот же день Троцкий приказал Сталину немедленно образовать РВС Южного фронта на основе невмешательства комиссаров в оперативные дела штаба, последний разместить в Козлове. В случае неисполнения приказа в 24 часа Троцкий угрожал принять суровые меры⁶¹. Кроме того, Троцкий предложил видному партийному военному работнику К. А. Мехоношину войти в РВС фронта и обеспечить единство командования⁶². Еще одной телеграммой в Арзамас, где находился главком Вацетис, Троцкий сообщал, что отношения в РВС ненормальны и никакой общей работы с Сытиным не ведется⁶³. На следующий день председатель РВСР планировал лично отправиться на Южный фронт.

Вацетис 4 октября телеграфировал Троцкому с копией Сталину: «Боевой приказ Сталина № 118 надо приостановить исполнением. Командующему Южным фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы...»⁶⁴ В тот же день он телеграфировал Сталину с копиями Троцкому и Сытину: «Постановление Реввоенсовета Республики от 17 сентября гласит: “Постановляю образовать РВС Южного фронта в составе Сталина, Минина, Сытина (командующий Южным фронтом) и Ворошилова (помощник команд[ующего] фронтом) со штабом в Козлове”. Из этого постановления видно, что штаб фронта должен быть в Козлове. Командующим Южным фронтом назначен Сытин, которым и ведется вся оперативная деятельность фронта. Ваша деятельность за последнее время является сплошным нарушением постановления о военных комиссарах и ведет к недопустимой дезорганизации действий Южного фронта»⁶⁵. Таким образом, Сталина одергивал уже не товарищ по ЦК партии, а беспартийный военспец, требовавший подчинения своему коллеге⁶⁶. Думается, в условиях нерешенности вопроса о статусе военспецов

это не могло не восприниматься как пощечина. С учетом личностных особенностей Сталина такие телеграммы могли стать причиной его интриги против Вацетиса летом 1919 г., приведшей к отставке и аресту главкома. Доставалось от Вацетиса и Ворошилову, обвиненному главкомом в середине октября в доведении защиты Царицына «до катастрофического состояния» из-за нежелания работать с Сытиным⁶⁷. Не лишне отметить, что Вацетис и Сытин были расстреляны в период «Большого террора» второй половины 1930-х гг.

В начале октября 1918 г. были проведены заседания ЦК партии и Бюро ЦК, на которых было постановлено потребовать от местных партийных товарищей подчинения решениям центра и ликвидации конфликтов. Для подкрепления позиции Москвы к «царицынцам» обратился секретарь ЦК Я. М. Свердлов. Однако и эти меры не смогли повлиять на сталинскую группировку. 3 октября Сталин и Ворошилов написали письмо лидеру большевиков В. И. Ленину с требованием пересмотреть вопрос о военспецах. В письме прямо говорилось о необходимости партийного обсуждения поведения Троцкого, ставящего военспецов-предателей выше видных партийцев, что угрожает интересам фронта и революции. После такого демарша в Москве был создан новый РВС фронта в составе Сытина, К. А. Мехоношина и Б. В. Лигана, а Сталин 6 октября вызван в Москву, где встречался с Лениным. Из Москвы он вместе со Свердловым и Вацетисом ездил в Козлов для расследования дела, после чего был переведен на другую работу. Казалось бы, победила позиция Троцкого. Председатель РВСР добился признания прав Сытина на самостоятельное командование, авторитет и единоначалие. Тем не менее спустя месяц после событий конфликта Сытин был вынужден оставить пост командующего.

Конфликт ускорил выработку положений о командующих армиями и фронтами. Соответствующие документы за подписью В. И. Ленина были опубликованы 12 декабря 1918 г. в «Известиях ВЦИК». Согласно положениям, распоряжения командующих были недействительны без подписи одного из членов РВС. Главнокомандующий не был уполномочен назначать или перемещать командующих армиями, фронтами и начальников фронтовых штабов. На его приказах также должна была стоять виза партийного представителя.

Ленин надеялся, что Троцкий и Сталин смогут конструктивно работать вместе в РВСР. Троцкий полагал, что в составе РВСР Сталин сможет высказывать свои взгляды на военное строительство открыто, не прибегая к кулуарной борьбе⁶⁸. Однако надежды не оправдались.

В конце 1918 г. сталинская группировка перешла в наступление на Троцкого и его политику широкого привлечения военспецов. Тогда увидели свет статьи бывшего левого коммуниста В. Г. Сорина и А. З. Каменского (в 1918 г. — управделами РВС Северо-Кавказского

военного округа, Южного фронта и 10-й армии, в 1918–1921 гг. — заместитель наркома по делам национальностей И. В. Сталина, что не позволяет сомневаться в том, кто стоял за этой публикацией) в газете «Правда». В этих статьях осуждалось руководство РККА, резко критиковались проект наделения командующих армиями чрезвычайными полномочиями, ограниченность полномочий комиссаров, расстрел прибывшего на фронт комиссара М. Пантелеева за бегство вверенной ему части, а также излишнее доверие военспецам⁶⁹. Статьи были проникнуты, как тогда говорили, «спецедедством» и отстаивали принцип коллегиального управления войсками. Каменский утверждал, что в 10-й армии якобы сумели обойтись без генштабистов, и даже требовал не допускать военспецов на фронт⁷⁰.

Сторонники Сталина и на этот раз не добились успеха, а статьи не остались без последствий. Троцкий направил тогда же в ЦК секретное письмо, в котором выражал возмущение инцидентом и трактовкой политики военного ведомства как его личной⁷¹. В тот же день, 25 декабря 1918 г. (в день выхода статьи Каменского), ЦК РКП(б) издал постановление «О политике военного ведомства», а Каменскому был объявлен выговор за «клеветнические измышления» и изображение курса военного ведомства как случайной политики отдельных лиц и групп⁷².

Троцкий публично ответил оппонентам программной статьей «Военные специалисты и Красная армия», написанной на станции Лиски 31 декабря 1918 г. и опубликованной 21 января 1919 г. в № 2 (31) журнала «Военное дело». Троцкий обратил внимание на начатую против него лично и проводимого им курса кампанию и, как уже отмечалось, выступил с публичным ответом. Намекая на Сталина и его окружение, вождь Красной армии в ответной статье писал, что недовольство политикой наблюдалось «в части низов, недовольство в средних, так сказать, кругах партии и даже кой у кого и на “верхах”»⁷³. Вполне искренне Троцкий писал об отсутствии в Советской России достаточного количества квалифицированных командиров-коммунистов и вынужденной необходимости использования военспецов. В своей статье Троцкий выступил против не вызванного тяжестью стратегического положения террора в отношении специалистов. Председатель РВСР подчеркнул их огромный вклад в дело строительства Красной армии и даже указал на пережитую ими за короткий срок идейную катастрофу, проявив себя в обстановке Гражданской войны достаточно внимательным и чутким руководителем. Все это не могло не импонировать военспецам.

Масла в огонь подлил партийный военспец М. Н. Тухачевский, который к 19 декабря 1918 г. по поручению В. И. Ленина составил доклад об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии Восточ-

ного фронта), где яростно обрушился на старших офицеров старой армии, явно рекламируя себя и своих сверстников (Тухачевский был всего лишь подпоручиком без академического образования): «У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела. Поэтому стремление создавать Красную армию на началах регулярных, а не кустарных выставило необходимость использования старых офицеров на ответственных командных постах. Это положение было бы совершенно правильно, если бы старое русское офицерство стояло на высоте своего дела и было бы действительно знатоком этого дела.

На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забытых и лишенных всякой инициативы.

Военная школа в старой армии была коренным образом реформирована после японской войны, так как в последней офицерство выказало себя совершенно не подготовленным к современной войне... Все это, конечно, дало хорошие результаты, но они стали обозначаться лишь к 1908–1910 гг.

Ввиду этого хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства... Среди старого офицерства способные начальники являются исключением... Только в службе Генерального штаба, в штабной работе старое офицерство имеет преимущества перед новичками⁷⁴. При том, что Ленин доверял мнению Тухачевского, подобная точка зрения должна была передаваться и большевистскому лидеру. Сам Тухачевский активно сотрудничал с генштабистами. В 1918–1922 гг. он постоянно держал при себе бывшего Генштаба подполковника П. И. Ермолина, переходившего вместе с Тухачевским на новые места службы⁷⁵.

В январе 1919 г. в связи с осложнившейся обстановкой на Украине Троцкий бомбардировал ЦК телеграммами, разоблачавшими сталинскую группировку. 7 января он телеграфировал В. А. Антонову-Овсенко, В. И. Ленину и Я. М. Свердлову: «Поскольку представляется политически неудобным назначить [В. П.] Глаголева командующим Украинской армией, я могу согласиться на назначение другого лица (например, т. Антонова[-Овсенко]) при условии его работы рука об руку с хорошо организованным штабом из опытных и серьезных специалистов и непосредственной ответственности перед главнокомандующим и Реввоенсоветом республики. Такую работу, понимание в военном деле научно-поставленных организаций — т. Ворошилов все это отрицает. Повторять Царицынские

эксперименты на Украинской территории ввиду возможности столкновения с серьезным врагом — на это мы, разумеется, не пойдем»⁷⁶. 10 января 1919 г. Троцкий прямо сообщал Я. М. Свердлову: «Линия Сталина, Ворошилова, [М. Л.] Рухимовича означает гибель всего дела»⁷⁷. 11 января он сообщал Ленину по прямому проводу: «Компромисс, конечно, нужен, но не гнилой. По существу дела в Харькове собрались все царицынцы. Что такое царицынцы, об этом прочитайте доклад [А. И.] Окулова, состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович — это псевдоним Ворошилова, через месяц придется расхлебывать царицынскую кашу, имея против себя уже не казаков, а англо-французов. Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип. Ворошилов, плюс украинское партизанство, плюс низкий уровень культурности населения, плюс демагогия — на это мы пойти не можем ни в коем случае»⁷⁸.

13 января 1919 г. в письме «товарищу Вадиму» Троцкий прямо отметил: «Ворошиловские командиры особенно склонны были поддерживать и пускать сплетни о многочисленных предателях из специалистов, из[-за] которых будто бы проиграно такое-то сражение, сданы такие-то города. Доказательств никогда не приводилось, а слухи и сплетни деморализующего характера распространялись.

Каждый бездельник, каждый шкурник, каждый не знающий своего дела командир получал право в свое оправдание ссылаться на каких-то предателей»⁷⁹. И хотя это письмо вызвало в 1925 г. едкие и озлобленные комментарии К. Е. Ворошилова («Был ты писакой газетным, им ты и остался», «горе-Наполеон»⁸⁰), по сути, Троцкий был прав.

Эту же мысль Троцкий развил в целом ряде своих работ, в которых порой в ущерб реальному ходу событий выгораживал военспецов⁸¹. Правила игры были обозначены четко: «Мы должны и будем строго наблюдать за работой контрреволюционных негодяев, проникающих в наши ряды. Но в то же время мы не позволим неуравновешенным болтунам и демагогам мешать серьезным партийным работникам в деле строительства правильно организованной армии, в частности путем широкого использования подготовленного командного состава»⁸².

Высококвалифицированные выпускники академии, вошедшие в высший командный состав РККА, завоевали авторитет в глазах большевистских лидеров. Ленин, например, с уважением относился к М. Д. Бонч-Бруевичу. Троцкий высоко ценил И. И. Вацетиса, В. И. Селивачева и др. (хотя не все надежды оправдались), был главным защитником генштабистов в политическом руководстве Со-

ветской России. М. В. Фрунзе объединил вокруг себя целую плеяду опытных генштабистов, с которыми старался не расставаться. В то же время негативное отношение И. В. Сталина к старым генштабистам предопределялось его конфронтацией с их защитником и лоббистом Троцким.

Ленин в документации Гражданской войны упоминал отдельных, как правило, лично ему известных военспецов-генштабистов. Контекст этих упоминаний во многих случаях позитивный либо нейтральный. Стоит отметить, что ленинские документы опубликованы максимально полно, так что мы можем анализировать практически все упоминания интересующих нас лиц (впрочем, часть документов была утрачена, а о некоторых в публикациях ленинских работ лишь упоминается).

В военной переписке Ленина указаны: М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, А. И. Верховский, С. С. Каменев, Ф. В. Костяев, А. А. Маниковский, В. В. Марушевский, С. И. Одинцов, В. А. Ольдерогге, Н. И. Раттэль, В. И. Селивачев, Н. В. Соллогуб, П. П. Сытин, С. Д. Харламов. Среди не публиковавшихся в советский период документов Ленина упомянуты также В. П. Глаголев, А. Л. Носович и М. Н. Суворов. Всего в опубликованных ленинских документах нами выявлены 97 упоминаний 17 военспецов-генштабистов. Большевистский лидер знал лишь отдельных представителей высшего командного состава РККА.

Чаще остальных Лениным упоминались главкомы И. И. Вацетис и С. С. Каменев. Последний, занимавший пост главкома дольше Вацетиса, упоминался значительно чаще. Помимо большей продолжительности его пребывания на посту главкома, по всей видимости, он ближе стоял к Ленину и оказывал на большевистского лидера большее влияние. Об этом свидетельствует и то, что Каменев лидирует как по нейтральным, так и по отрицательным упоминаниям Лениным. Тесно сотрудничал с Лениным и М. Д. Бонч-Бруевич, хотя частота его упоминаний намного ниже. Лишь единичные упоминания М. Д. Бонч-Бруевича, И. И. Вацетиса и С. С. Каменева Лениным имеют действительно положительный характер. Вместе с тем из всех троих родоначальников РККА только Бонч-Бруевич удостоился самого восторженного ленинского эпитета — в 1922 г. в письме И. В. Сталину Ленин назвал Бонч-Бруевича «выдающимся царским генералом»⁸³. Ленин действительно высоко ценил военный авторитет Бонч-Бруевича. Доверием большевистского лидера пользовались также Вацетис и Каменев.

Большинство нейтральных упоминаний генштабистов Лениным в Гражданскую войну связано с текущими задачами фронта и оперативными вопросами. Отдельные ленинские упоминания военспецов-генштабистов связаны с нуждами РККА в квалифицированных

командных кадрах и заботой об этом, в том числе в связи с необоснованными арестами военспецов (например, упоминание генштабиста М. Н. Суворова, освобождения и отправки которого на фронт Ленин пытался добиться⁸⁴).

Негативные упоминания военспецов-генштабистов Лениным связаны со случаями измены, ошибками и особенно с проволочками в работе. Большевистский лидер не стеснялся в выражениях. 16 сентября 1919 г. С. И. Гусеву он писал о командующем Восточным фронтом бывшем генерале В. А. Ольдерогге: «на сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге»⁸⁵. В тот же день Л. Д. Троцкому, Л. П. Серебрякову и М. М. Лашевичу Ленин писал о крайней неэнергичности Ольдерогге. Доставалось и главкому С. С. Каменеву, которого Ленин обвинял в глупости⁸⁶, нервозности⁸⁷, невежестве, еженедельной перемене расчетов и опасных шатаниях⁸⁸.

Судя по содержанию ленинских документов, большевистский лидер не сразу усвоил, кто такие генштабисты и для чего они необходимы. Первоначально как в их отношении, так и в отношении военспецов вообще Ленину были присущи непоследовательность, неуверенность и взаимоисключающие метания. Наиболее яркий пример связан с И. И. Вацетисом, которого Ленин в августе 1918 г. предложил назначить главнокомандующим, а через несколько дней предложил расстрелять⁸⁹. В своей речи в «день красного офицера» 24 ноября 1918 г. Ленин заявил, что старый командный состав «состоял преимущественно из избалованных и извращенных сынков капиталистов, которые ничего не имели общего с простым солдатом», а для Красной армии следует брать командиров исключительно из народа, так как только красные офицеры будут иметь авторитет⁹⁰. Даже весной 1919 г. Ленин наивно спрашивал Троцкого, не прогнать ли всех военспецов из РККА⁹¹. Подобный сумбур и неопределенность точки зрения Ленина создавали благодатную почву для деятельности «военной оппозиции», боровшейся с курсом Троцкого, кроме того, они едва ли свидетельствуют о глубоком понимании Лениным действительных нужд Красной армии и о продуманности ленинской военной политики в это время. Лишь весной — летом 1919 г. такое понимание наконец сложилось, что нашло отражение как в позиции Ленина на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., так и в июльском письме ЦК партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!»⁹².

Первоначально Ленин не скупился на угрозы в адрес генштабистов, порой совершенно бессмысленные. Так, в связи с экстренным приездом наркома советской ревизии М. С. Кедрова в Москву 9 августа 1918 г. Ленин направил в ВВС предписание предоставить имена шести бывших генералов и двенадцати бывших офицеров Генштаба, отвечавших за точное исполнение распоряжения о снабжении Север-

ного фронта, и предупредить их, «что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят»⁹³. Кедров описывал реакцию сотрудников ВВС на записку Ленина: «Точно бомба взорвалась... Все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 часам ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны»⁹⁴. Троцкий подобных выходов в отношении дефицитных представителей военной элиты себе не позволял. Со временем прекратились они и у Ленина.

Анализ упоминаний Лениным генштабистов свидетельствует о сравнительно неглубоком погружении большевистского лидера в военные вопросы, курировавшиеся генштабистами, и о том, что интерес к этим проблемам у Ленина проявлялся спорадически — обычно в периоды обострения борьбы на фронтах, когда требовалось его личное вмешательство. Взаимодействию с военспецами-генштабистами по военным вопросам Ленин явно предпочитал контакты с партийными военными работниками (С. И. Гусевым, М. М. Лашевичем, Н. И. Подвойским, Э. М. Склянским, И. Т. Смилгой, Г. Я. Сокольниковым, Л. Д. Троцким, М. В. Фрунзе), через которых осуществлял контроль над армией. Поразительно, что в документах Ленина не нашлось места для ряда военспецов-генштабистов первого эшелона, внесших огромный вклад в создание РККА. Так, не обнаружены упоминания Лениным Н. М. Потапова, П. П. Лебедева и др. Стоит отметить, что Лениным фактически не упоминались и выдающиеся военспецы-генштабисты, занимавшиеся военно-научной и военно-педагогической работой: А. А. Свечин, А. Е. Снесарев и др. После ноября 1920 г., с окончанием широкомасштабной Гражданской войны, военспецы-генштабисты, за исключением главкома С. С. Каменева и случайно упомянутого М. Д. Бонч-Бруевича (при характеристике его однофамильца изобретателя М. А. Бонч-Бруевича), в документах Ленина перестают встречаться вообще.

Именно Ленину приписывается сочувственная фраза из разговора с воронежским военспецом в 1919 г.: «Те условия, при которых мы живем сейчас, не дают нам возможности дать привилегированное положение специалистам»⁹⁵. Более того, весной 1920 г. Ленин неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед⁹⁶. Таким образом, военные специалисты заслужили доверие большевистского лидера.

Больше всего упоминаний военспецов, разумеется, содержится в наследии Л. Д. Троцкого, стоявшего ближе всех троих большевистских вождей к Красной армии. Всего в сборниках документов Троцкого нами выявлены 118 упоминаний 40 военспецов-генштабистов: в сборнике произведений Троцкого «Как вооружалась революция» указан, по крайней мере, 21 военспец-генштабист, а в бумагах Троцкого — 26 человек, повторяются и там и там имена 7 военспецов.

При сопоставлении этих упоминаний с ленинскими можно сделать ряд важных выводов. И у Ленина, и у Троцкого повторяются 12 персоналий, Троцкий упоминает почти всех встречающихся в документах Ленина за исключением единичных военспецов. Ленин намного сдержаннее Троцкого в положительных оценках работы военспецов. В ленинских документах удалось выявить только пять упоминаний военспецов-генштабистов в положительном контексте (5,1 % всех упоминаний), тогда как в документах Троцкого положительных отзывов гораздо больше — 26 (22 %), что связано с большей близостью Троцкого к военной элите и с тем, что политика привлечения военспецов являлась его детищем. При этом все ленинские положительные отзывы касаются только тесно сотрудничавших с ним Каменева, Вацетиса и Бонч-Бруевича, тогда как Троцкий позитивно отзывался о намного более широком круге военных деятелей (в общей сложности 15 человек — в пять раз больше, чем у Ленина). Положительные оценки Троцкого связаны с профессионализмом военспецов, их опытностью и даже незаменимостью.

В своих выступлениях Троцкий не скупился на похвалу в адрес добросовестных военспецов-генштабистов, признавал их заслуги в победе РККА, а главкома С. С. Каменева в 1922 г. даже поздравил с трехлетием пребывания в должности. Председатель РВСР не скрывал того, что «наряду с изменами и изменниками, наряду с агентами чужеземного империализма, Люндеквистами, кадровые офицеры в составе Красной армии имеют своих героев и мучеников...»⁹⁷ Речь шла о белом подпольщике в Петрограде бывшем полковнике В. Я. Люндеквисте. Генштабистов-изменников (В. Я. Люндеквиста, Б. П. Богословского, Ф. Е. Махина, А. Л. Носовича) Троцкий упоминал довольно часто.

Процент упоминаний военспецов в негативном контексте и у Ленина и у Троцкого примерно равный. Всего в негативном контексте военспецы Лениным упоминаются 17 раз (17,5% упоминаний), а Троцким — 19 раз (16%). При этом Ленин в негативном контексте упомянул 8 человек, а Троцкий — 13. Негативные упоминания военспецов-генштабистов Троцким связаны со случаями измены, политическими демаршами военспецов, нерешительностью, колебаниями, непониманием стоявших перед спецками задач.

Как пример взаимоотношений большевистских вождей с военспецами интересна история с выступлением бывшего генерала В. Ф. Новицкого — профессора академии Генштаба РККА. Получив предложение занять один из ответственных постов в армии, Новицкий телеграфировал Троцкому, что воздерживается, причем ответ Новицкого был предан огласке через печать в тот же день. В своем ответе Новицкий заявил, что к военспецам необходимо относиться с доверием, соблюдать их служебное и человеческое достоинство, что

отсутствовало, по его мнению, в РККА. В этой связи Троцкий даже написал письмо начальнику академии Генштаба РККА, в котором указал, что демонстрация Новицкого «направлена не против советской власти, а против тех военных специалистов, которые считают не только возможным, но и обязательным для себя работать над обеспечением обороноспособности страны»⁹⁸. Выступление Новицкого Троцкий охарактеризовал как саботаж обороны Советской России и поставил перед начальником академии вопрос о том, «в какой мере призыв к саботажу работы по обороне совместим со званием военного воспитателя»⁹⁹. Тем не менее Новицкий продолжил военно-педагогическую работу.

И у Ленина и у Троцкого первые три позиции наиболее часто упоминаемых военспецов совпали — их занимают отцы-основатели РККА: С. С. Каменев, И. И. Вацетис и М. Д. Бонч-Бруевич. При этом Ленин упоминал двух главкомов гораздо чаще, чем Троцкий, а частота упоминаний Бонч-Бруевича у обоих вождей совпадает. Обращает на себя внимание и тот факт, что частота упоминаний Троцким Вацетиса и Каменева примерно равна, несмотря на то, что Каменев занимал должность главкома намного дольше. К примеру, Ленин упоминал Каменева примерно в 1,7 раза чаще, чем Вацетиса. Причина этого, видимо, кроется в том, что Каменев был ленинским выдвиженцем, тогда как Троцкий теснее работал с Вацетисом. Кроме того, именно на период пребывания главкомом Вацетиса в 1918–1919 гг. пришлась наиболее активная оперативно-организационная работа Троцкого в Красной армии.

В отличие от Ленина Троцкий знал не только верхний эшелон военной элиты, но и военспецов-генштабистов второго плана, в его документах фигурировали и те, кто трудился на военно-научном поприще, причем Троцкий активно и на равных с ними дискутировал по различным вопросам, нередко признавая правоту и компетентность военспецов. Однако если вождь Красной армии считал, что военспецы заблуждаются в каких-то принципиальных вопросах, на них обрушивалась вся мощь его сатиры. В ход шли такие эпитеты, как «старый академический хлам», «мудрость, изъеденная молью» и т. д.¹⁰⁰ Некоторым военспецам (В. Ф. Новицкому, А. А. Свечину) были посвящены целые критические произведения Троцкого, в которых подчас ехидно высмеивалась политическая незрелость военспецов.

По сравнению с ленинскими документами в бумагах Троцкого больше фактов заступничества за репрессированных военспецов (М. М. Загю, Б. П. Полякова, Л. И. Савченко-Маценко). Все это свидетельствует о тесной взаимосвязи председателя РВСР со специалистами Генштаба различных уровней.

Заступался Троцкий и за тех военспецов, которые подвергались необоснованной критике партийного руководства. Характерна по-

что-телефонограмма Троцкого Ленину и наркому иностранных дел Г. В. Чичерину от 1 мая 1920 г.: «Нарекания тов. Чичерина на командарма 7[-й] [С. И.] Одинцова представляются мне недоразумением. Тов. Чичерин возражает против “бывшего царского генерала” Одинцова, который действует старыми методами разоружения и расстрелов. Одинцов несет ответственность за свою армию... Одинцов не может допустить, что в районе расположения красных частей оставалось вооруженное население, которое предъявляет требования об уходе наших частей...»¹⁰¹

Стоит, однако, отметить, что документы Троцкого не введены в научный оборот столь скрупулезно и полно, как наследие Ленина. Таким образом, говорить о полноте картины в его случае не приходится. Тем не менее определенное представление о восприятии Троцким генштабистов проведенный анализ дает.

В целом же для характеристики степени вовлеченности большевистских руководителей в военно-административную и оперативную работу представляется наиболее точным следующее высказывание Троцкого: «Мы занимались только общими вопросами военной стратегии, связанными с политикой, а в них мы все-таки разобрались»¹⁰².

И. В. Сталин выделял генштабистов из общей массы военспецов. Однако в его публицистике эпохи Гражданской войны видное место занимали выпускники академии — крупные военачальники антибольшевистского лагеря (М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов, П. Н. Краснов, В. З. Май-Маевский, А. П. Ревшин, Н. Н. Юденич), которых он, как правило, беспощадно бичевал, тогда как военспецы-генштабисты практически не фигурируют¹⁰³.

Из военспецов РККА Сталин при расследовании обстоятельств сдачи Перми шесть раз упоминал главкома Вацетиса. Во всех случаях контекст упоминаний негативный в связи с ненадежностью присылаемых на Восточный фронт пополнений, непоследовательностью, необдуманностью, легкомысленностью и расплывчатостью распоряжений¹⁰⁴. Трижды в нейтральном контексте Сталиным упомянут командующий Восточным фронтом С. С. Каменев¹⁰⁵. Цитируя показания Каменева, Сталин в негативном контексте (вызов командующего 2-й армией В. И. Шорина в Серпухов для малозначительной беседы, из-за чего было впустую потрачено время) упомянул начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева¹⁰⁶. Негативные упоминания главкома Вацетиса и начальника Полевого штаба Костяева присутствуют и в дальнейших сталинских документах. 25 мая 1919 г. в связи с операциями под Петроградом Сталин обвинил их в незнании присылаемых пополнений и непосредственно главкома — в неправильных распоряжениях¹⁰⁷. В связи с событиями на Южном фронте Сталин упоминал нового главкома С. С. Каменева тоже в негативном

контексте, обвиняя его в упрямстве отстаивания прежнего плана действий, что, по мнению Сталина, есть «самая тупая и самая опасная для республики фракционность»¹⁰⁸. В 1920 г. после неудачи наступления на Польшу Сталин требовал усиления контроля ЦК над главкомом и Полевым штабом¹⁰⁹. В опубликованных работах Сталина контекст упоминаний генштабистов почти исключительно негативный. В партийной переписке Сталин в негативном контексте упоминал также Ф. В. Костяева и Д. Н. Надежного (по мнению Сталина, это «не командующий, он не способен командовать, он загубит вконец Зап[адный] фронт»)¹¹⁰. В 1920 г. им в нейтральном ключе упоминались М. И. Алафузо и С. С. Каменев¹¹¹.

Впоследствии, в своих застольных речах 1930-х гг. Сталин не преминул упомянуть о противоборстве с Троцким из-за этих представителей старой военной элиты: «Троцкий считал, что не середняк решает вопрос войны и победы, а отборные генштабисты. А фактически было так, что эти генштабисты ушли к Каледину, Деникину, Врангелю, Колчаку, а у нас остались унтер-офицерские кадры и подпрапорщики, которые имеют громадный опыт военного и хозяйственного строительства» (из речи на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 г.)¹¹². В 1940 г. Сталин заявил на партийном приеме: «В[ладимир] И[льич] [Ленин] вначале был склонен думать, что я отношусь наплевательски к специалистам. Он вызвал меня в Москву. Троцкий и [Г. Л.] Пятаков старались доказать это и заступались за двух специалистов, снятых мною. Как раз в этот момент получилось сообщение с фронта, что один из них предал, а другой — дезертировал. Ильич, прочитав эту телеграмму, изобличил Т[роцкого] и Пятакова, признал правильность наших действий»¹¹³. Скорее всего, речь шла о соратниках П. П. Сытина А. Л. Носовиче и А. Н. Ковалевском.

Ближе других к генштабистам стоял Троцкий, лучше знавший реалии и подробности их службы, затем по степени детализации вопроса идут документы Ленина и на третьем месте — документальное наследие Сталина, хотя оно известно лишь фрагментарно. Как и следовало ожидать, больше всего упоминаний генштабистов в положительном или нейтральном контексте у Троцкого, затем у Ленина, тогда как у противника их привлечения в РККА Сталина положительных упоминаний практически нет.

Ключевым моментом для решения вопроса об отношении к специалистам Генерального штаба в частности и военным специалистам в целом стал VIII съезд РКП(б). Съезд прошел в марте 1919 г. и в значительной степени был посвящен военным вопросам и военной политике партии. Несмотря на отсутствие Л. Д. Троцкого, его курс на масштабное привлечение военных специалистов на службу восторжествовал и был провозглашен официальной линией партии. Как известно, сторонниками ужесточения политики в отношении

военспецов неизменно выступали представители сталинской группировки. Так, К. Е. Ворошилов на VIII съезде РКП(б) прямо заявил, что «в наших штабах на командных должностях стоят не разведчики, а руководители армии противника. Они не только освещают положение наше, не только заранее рисуют наш ход, но просто направляют армии противника и сталкивают лбами»¹¹⁴.

С. К. Минин на съезде 20 марта 1919 г. заявил: «Очень плохо, когда мы глушим здоровые ростки пролетарской Красной армии. Нам говорят, что среди генштабистов много героев. Это великолепно, это мы приветствуем, этих героев нужно привлекать. Прекрасно, что нашлись такие герои. Но и у нас^{*} были такие же герои. Но очень печально, когда вы под видом борьбы с отрядной системой пустили целую шайку белогвардейцев. Разве это не издевательство? Читаем в “Известиях”: Лебедев получил денежное пожалование. Этого Лебедева наградили 2000 целковых»¹¹⁵.

Подобное заявление Минина представляется внутренне противоречивым. С одной стороны, восхваление героев-генштабистов, с другой стороны — насмешливый тон высказывания о награждении П. П. Лебедева. Все объясняет выделенная нами оговорка Минина: «Но и у нас были такие же герои». Следовательно, «военная оппозиция», к которой принадлежал Минин, считала генштабистов чужеродным элементом. Отсюда и пренебрежительное отношение к ним.

Высказывания Ворошилова и Минина, конечно, не добавляли военспецам уверенности в завтрашнем дне, даже несмотря на жесткий отпор, данный «военной оппозиции» на съезде Лениным. Последний тогда подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу. Разумеется, противники Троцкого, в лице Сталина и его группировки, с этим не смирились, хотя внешне старались выполнять решение съезда.

Неизвестный автор доклада о положении в Советской России к 14 августа 1919 г. сообщал властям в Белой Сибири, что отношение красноармейцев к военспецам «в большей части хотя и подозрительное, но сносное; время от времени, однако, в печати появляются приказы Троцкого о том, что пора прекратить недоверие к офицерскому составу, надобность в каковых приказах, очевидно, вызывается соответствующими фактами»¹¹⁶.

Большевиков постоянно беспокоили угроза перехода армии под контроль бывших офицеров и возможный захват власти военными. Для предотвращения такого развития событий и для контроля лояльности войск и командиров в РККА в том числе и создавался политический аппарат, пронизывавший армию сверху донизу.

* Выделено мною.

В силу своего мировоззрения военспецы-генштабисты не всегда понимали большевистскую доктрину и текущие цели партийного руководства. Бывший генерал А. И. Верховский писал сестре 10 марта 1920 г. как о расхождениях с властями, так и о наличии некоторой общности взглядов: «Со стороны власть имущих я тоже вижу и помощь, и поддержку в моей настоящей работе, равно необходимой и рабоче-крестьянской и крестьянско-рабочей стране. Они ясно отдают себе отчет, и я этого от них не скрываю, что я не с ними, но у нас есть общенародное дело — Красная армия и мы ею работаем»¹¹⁷.

Один из характерных инцидентов был связан с публикацией в период советско-польской войны в военно-научном журнале «Военное дело» статьи будущего Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», направленной против поляков. В статье из известных Шапошникову примеров борьбы 14-й кавалерийской дивизии (старшим адъютантом штаба которой был Шапошников) с польскими легионерами, действовавшими против России в период Первой мировой войны, был сделан вывод о том, что «природное “езуитство” ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу “великорусского” племени, честно и открыто шедшему в бой с противником»¹¹⁸. Шапошников воспринял войну с Польшей с патриотических позиций, на что, очевидно, накладывались присущие генштабистам шовинистические взгляды (в частности, нелюбовь к полякам). Однако большевистские верхи стремились придать этой войне не национальный, а классовый характер, чтобы поднять польских рабочих и крестьян против польской буржуазии. Разумеется, разжигание полонофобии в Красной армии с таких позиций было совершенно нестати. Вследствие этого Троцкий обрушился на Шапошникова с критикой. Он даже выпустил особый приказ председателя РВСР № 230 от 30 июня 1920 г., в котором отметил, что статья проникнута «насквозь духом грубого шовинизма»¹¹⁹. Приказ предписывал «в видах предотвращения возможного дальнейшего распространения шовинистической отравы» приостановить издание журнала «Военное дело», найти виновных и «раз навсегда» отстранить их от работы по просвещению и воспитанию РККА. Возможно, впоследствии это спасло Шапошникову жизнь при Сталине и способствовало его выдвижению в ближайшие военные советники вождя, но в 1920 г. инцидент для беспартийного военспеца мог плохо кончиться. Опубликовавший статью журнал, предназначенный для комсостава Красной армии, был в итоге закрыт¹²⁰.

Это был не единственный конфликт Троцкого с военспецами в связи с советско-польской войной. Схожее столкновение у Троцкого произошло в 1921 г. с командующим Западным фронтом М. Н. Тухачевским, предложившим создать при Коминтерне «международный

Генеральный штаб». Троцкий разъяснил занимавшемуся несвоевременным прожектерством бывшему поручику без академического образования, что международный Генеральный штаб может возникнуть не на пустом месте, а лишь на основе национальных Генеральных штабов пролетарских государств¹²¹.

Однако недолюбливавший старых генштабистов Тухачевский выдвинул и другие прожекты радикальных реформ Генерального штаба. Так, в записке «Необходимость немедленного создания красного Генерального штаба» он писал: «В своей массе красный Генеральный штаб должен быть коммунистическим, и это необходимо провести в жизнь срочно, хотя бы и не доводя его сразу же до желаемого совершенства в военно-техническом отношении»¹²². Подобные суждения не свидетельствуют о глубине понимания вопроса молодым полководцем, а в большей степени характеризуют его карьеризм и конъюнктурные устремления.

По мнению Троцкого, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, С. И. Гусев и К. Е. Ворошилов считали, что Красная армия должна принципиально отличаться от армий капиталистических стран. Если в Гражданскую войну фронда «военной оппозиции» не шла дальше протестов против военспецов и требовавшего дисциплины и отказа от импровизаций и партизанщины центра, то после окончания войны стал дискутироваться вопрос радикальной перемены принципов организации армии.

Отношения военспецов и комиссаров представляли в известном смысле лотерею — здесь могли формироваться как прочные коалиции, основанные на взаимном доверии, так и нездоровая атмосфера подозрительности, соглядатайства и интриг.

В одну из таких интриг военспеца против комиссара в феврале 1923 г. оказался вовлечен будущий маршал С. К. Тимошенко. Начальник политотдела 4-й Петроградской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии будущий генерал А. В. Хрулев писал К. Е. Ворошилову: «24 февраля отстранен от должности нач[альника] штаба быв[ший] генштабист [Н. Н.] Шварц. Причина отстранения — натравливание Шварцем [С. К.] Тимошенко на меня как на комиссара дивизии и вообще антикомиссарское поведение Шварца, что особенно вредно в дивизии, ибо Тимошенко ведь и сам всей душою ненавидит политработников.

Работа самого Шварца не имела бы никакого значения, если бы это не было связано с прежним поведением Тимошенко.

Тимошенко сейчас встал на дыбы и намерен ехать к командарму просить снова убрать от него комиссара или забрать его из дивизии, мотивируя тем, что в таких условиях, когда никто не хочет исполнять распоряжений без санкции комиссара и постоянного контроля со стороны комиссара он работать не может. Причем особенно жалуется на Особый отдел»¹²³.

Массовый переход к единоначалию с середины 1920-х гг. изменил картину взаимоотношений командиров и политработников, завершившись упразднением в 1927 г. института военных комиссаров.

Лидеры большевиков воспринимали старую военную элиту неоднозначно. Ленин проявлял в ее отношении осторожность, недоверие, сменившиеся к концу Гражданской войны относительным доверием. Троцкий же как основной проводник политики привлечения бывших офицеров в РККА был настроен на деятельное сотрудничество. В его документах в отношении военспецов-генштабистов преобладают позитивные коннотации. Документация Сталина демонстрирует отрицательное отношение к военспецам, стремление избавиться от них в армии, что связано с особенностями личного, в основном негативного опыта взаимодействия Сталина и военспецов. Немаловажно, что в партийном курсе возобладал здравый прагматизм, и военспецы заняли отведенное им место в военно-политических структурах РСФСР и других советских республик.

Противники большевиков из левого лагеря даже упрекали их в прислуживании старому генералитету. В воззвании «Генеральским денщикам — коммунистам от повстанцев-махновцев», датированном июлем 1920 г., говорилось: «Разве не Ваш “гениальный” Троцкий на задних лапках стоит перед генералом Брусиловым. А деникинские офицеры разве [не вошли] в командный состав Красной армии. Вся ваша хваленая высшая академия находится в руках царских блюдолизов, а ныне ваших товарищей — генералов Зайончковского, Парского, Клембовского* и прочих. Трудно сказать, где кончается белогвардеец, где начинается коммунист.

Вы, коммунисты, даже не помещики, а лакеи генеральские, смиренные генеральские денщики»¹²⁴.

Почти всю Гражданскую войну в Советской России шла внутрипартийная борьба, в том числе и по военно-политическим вопросам. В эту борьбу втягивались и генштабисты в составе различных группировок, создававшихся вокруг партийных вождей. Тем не менее большевики не позволили этим конфликтам поглотить их режим, как это произошло с белым лагерем, где представители военной элиты иногда тайно (генерал П. Н. Врангель и его сторонники против генерала А. И. Деникина на Юге России, полковник Ф. Е. Махин против атамана А. И. Дутова и адмирала А. В. Колчака на Востоке России), а иногда и открыто (выступление А. В. Колчака и его сторонников против главнокомандующего В. Г. Болдырева, выступление атамана Г. М. Семенова против А. В. Колчака, генерала Р. Гайды, братьев Пепеляевых, ультиматум генерала М. К. Дитерихса на Востоке России), порой с оружием в руках выступали

* В документе ошибочно: Кломбовского.

против главного командования, что в некоторых случаях приводило к серьезным перестановкам в белом командовании, переменам в политике и стратегии.

Деятельность генштабистов и военспецов в целом наглядно обрисовал член РВСР С. И. Гусев: «Мне пришлось работать в двух армиях и в трех штабах, начиная с августа 1918 года, я перевидал несколько сот офицеров, как кадровых, так и военного времени, как опытных и знающих, так и малоопытных и малознающих, как талантливых, так и не блещущих талантами, как усердных, так и с “ленцой”, но все работали, каждый по своим способностям. А многие работали, не покладая рук, недосыпали, недоедали, многие вместе с[о] своими частями переносили невзгоды боевой жизни, героически сражались и героически умирали»¹²⁵.

Практика комиссарского надзора за военспецами в целом себя оправдала, поскольку дореволюционное офицерство как раз нуждалось в подобных надсмотрщиках, которые были бы решительными, не считались со старорежимными условностями, прежними заслугами и чинами, а требовали неукоснительной работы на результат. Показательно, что наиболее интеллектуально развитые военспецы пришли к пониманию необходимости подобной организации работы уже в Гражданскую войну. Например, главком С. С. Каменев заявлял: «Только удачное сочетание коммуниста и генштабиста (офицера Генерального штаба) дает все 100 % командования»¹²⁶. Мало было иметь ценный ресурс в виде сотен специалистов с высшим военным образованием, важно было грамотно распорядиться этим ресурсом, получить от него полную отдачу в виде конкретных результатов военного строительства и боевых операций. В целом такую отдачу от специалистов старого Генерального штаба большевики получили, а базовый принцип построения Красной армии себя оправдал, обеспечив большевикам достижение впечатляющей военной победы.

Несмотря на колоссальные трудности и противоречия, лагерь красных отличался внутренним единством, тогда как лагерь белых, и без того действовавших на разрозненных фронтах, даже в рамках одного фронта был расколот. В нем по сути шла борьба всех против всех — любой командир отряда считал себя самостоятельной величиной и мог не исполнить тот или иной приказ командования. Весьма относительного военного единства белые смогли добиться лишь к началу 1919 г., тогда как красные к этому времени уже около года создавали регулярную вооруженную силу. В итоге победа досталась тем, кто в условиях Смуты сумел сохранить единство и допустить в своих рядах меньше беспорядка.

Чекисты

В начале 1918 г. большевистское руководство осознало исключительную важность специалистов Генерального штаба для создания новой армии и стало предпринимать шаги по их привлечению в РККА. Тем не менее кадровый голод для постоянно увеличивавшейся армии сохранялся на протяжении всей Гражданской войны. Несмотря на это, в отношении генштабистов советскими карательными органами проводилась самая активная репрессивная политика, в результате которой десятки из них были расстреляны, а сотни томились в заключении, будучи лишены возможности в самое напряженное время участвовать в военном строительстве.

Как отметил один из современников, офицер в Советской России — это «человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции»¹²⁷. По мнению генерала А. И. Деникина, с офицерами «Троцкий заключил неписанный договор: вы даете службу, мы гарантируем вам относительную безопасность; в случае измены — смерть вам и вашим семьям»¹²⁸. Белый главком несколько сгустил краски. Террор в отношении семей не практиковался, а большинство арестованных генштабистов были оправданы и выпущены на свободу. Тем не менее все эти факты не могут не ставить вопрос о целесообразности и обоснованности репрессий в отношении «лиц Генштаба» в условиях Гражданской войны и о конкретных результатах репрессивной политики для большевиков и Красной армии, масштабах и характере репрессий против дореволюционной военной элиты.

Всю репрессивную политику в отношении бывших офицеров в Гражданскую войну можно разделить на два периода — до и после создания Особого отдела ВЧК. На первом этапе в Советской России еще не сложилось единой карательной системы — аресты могли производить не только органы ВЧК, но и отделения военного контроля фронтов (к середине января 1919 г. в результате слияния с органами ЧК преобразованы в Особые отделы¹²⁹). Аресты также осуществлялись постановлениями военно-полевых трибуналов, местными Советами депутатов и ЧК. При таком многообразии репрессивных органов количественные показатели репрессий не могли быть незначительными, а самоуправство на местах, часто мешавшее общему делу борьбы с контрреволюцией, вызывало серьезную озабоченность центра. Налицо было неоправданное дублирование в работе карательных органов и отсутствие между ними достаточного взаимодействия.

Лишь в 1919 г. начала функционировать новая система. Особый отдел (другое первоначальное название — Военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как орган военной разведки и контрразведки. Его полномочия были очень широкими, включая право

на арест и следствие. Особый отдел подмял под себя органы военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные¹³⁰. Впрочем, когда новая система заработала, Гражданская война была на исходе, и военспецам уже не имело смысла заниматься саботажем и рисковать.

Всего жертвами красного террора в 1917–1922 гг. (включая умерших в заключении) оказались не менее 134 выпускников академии, включая 16 курсовиков. Все они известны поименно. В 1917 г. — 5 генштабистов, в 1918-м — 42, включая 3 курсовиков, в 1919-м — 26 (в том числе 1 курсовик), в 1920-м — 41 (в том числе 6 курсовиков), в 1921-м — 15 (в том числе 5 курсовиков), в 1922-м — 5, включая 1 курсовика.

В ряде случаев сложно отделить организованные большевиками репрессии от стихийных расправ, определить, был ли офицер арестован перед казнью, осужден или просто бессудно убит. В основном эта особенность относится к начальному этапу Гражданской войны — событиям 1917–1918 гг. Например, арестованный генерал Н. Н. Янушкевич был убит пьяными конвоирами под Петроградом¹³¹. Фактически его гибель стала результатом самосуда, однако арестовали его представители новой власти.

Можно выявить определенные закономерности расстрельной практики. Как уже отмечалось, в 1917–1918 гг. нередко происходили самосуды и стихийные казни, самоуправством и бесконтрольностью отличалась работа органов новой власти на местах. В ноябре 1917 г. вследствие солдатского самосуда погиб арестованный Могилевским советом бывший начальник штаба Ставки и Верховный главнокомандующий генерал Н. Н. Духонин, в декабре в Ташкенте революционной толпой был убит генерал А. И. Кияшко, там же погиб генерал В. А. Смирнитский. Печально известны события в Пятигорске, где в октябре 1918 г. по постановлению ЧК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики были зверски убиты (в основном зарублены) не менее 83 заложников¹³², в том числе бывшие генералы-генштабисты Р. Д. Радко-Дмитриев, Н. В. Рузский, В. В. Смирнов, Г. А. Туманов, А. П. Шевцов. Сами большевистские лидеры позднее поспешили отмежеваться от этих казней¹³³. Из 42 генштабистов, казненных или умерших в заключении в 1918 г., не менее семи погибли как заложники, еще по меньшей мере четверо стали жертвами самосуда, девять расстреляны, попав в плен к красным (возможно, также в результате самосуда), остальные, по отрывочным данным, арестованы и расстреляны, один умер в тюрьме.

В 1919 г. казни генштабистов пошли на спад. Это, видимо, объясняется усилением контроля за деятельностью местных властей и централизацией репрессий. Правда, из 26 расстрелянных и умерших в заключении 11 были казнены на Украине, где тогда свиреп-

ствовала ЧК¹³⁴, четверо — в связи с участием или подозрением в участии в белом подполье, один — за участие в Ярославском восстании, еще один был убит в тюрьме и один в заключении скончался.

Период 1920–1922 гг., несмотря на формальную отмену в Советской России смертной казни, характеризуется казнями почти исключительно бывших белых генштабистов. Стихийные расстрелы на местах происходят реже, за исключением Одессы, в которой в 1919–1920 гг. было расстреляно семь генштабистов, и некоторых районов Сибири. Как видно, казни генштабистов из РККА почти полностью прекратились за исключением тех, кто был изобличен в связях с подпольем.

На местах порой продолжал твориться откровенный произвол, когда от единоличного решения того или иного чекистского деятеля зависела жизнь человека. Именно такой случай произошел с пленным колчаковцем, бывшим Генштаба полковником В. В. Ракитиным, который первоначально комиссией ВЧК 5-й армии был приговорен к заключению в концлагерь, но затем направлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского. Последний без каких бы то ни было следственных мероприятий 15 мая 1920 г. приказал Ракитина расстрелять¹³⁵.

Некоторые обвинения кажутся абсурдными. К примеру, специалистов Генерального штаба преследовали за их действия в дореволюционный период, когда они исполняли свой долг как офицеры русской армии. Бывший генерал от кавалерии С. М. Шейдеман (окончил академию Генерального штаба в 1883 г. по 2-му разряду), работавший штатным преподавателем и заместителем начальника академии Генштаба РККА, был арестован Особым отделом МЧК 25 января 1920 г. Идея арестовать 63-летнего военспеца родилась после того, как в Особый отдел МЧК прислали третий выпуск сборника «Декабрьское движение в Москве». Особистов привлекла статья В. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание», из которой они почерпнули сведения о том, что занимавший тогда пост генерал-квартирмейстера Московского военного округа Шейдеман приказал в декабре 1905 г. провести зачистку Пресни от вооруженных бандитов¹³⁶.

Шейдеману пришлось оправдываться. Пожилой генерал свидетельствовал, что приказ, возможно, не был передан по принадлежности, был заготовлен работниками штаба, а им самим только подписан¹³⁷. Оправдания выглядели неубедительно и не были приняты следствием во внимание. Шейдемана обвинили в подготовке плана истребления московских рабочих. В советское время ведомственные авторы утверждали, что 28 января 1920 г. Шейдеман постановлением коллегии МЧК был заключен в исправительно-трудовой лагерь до конца Гражданской войны, однако затем по ходатайству

Ф. Э. Дзержинского якобы был освобожден для работы в академии¹³⁸. Эти заявления не подтверждаются фактами, так как прославленный военачальник, герой Русско-турецкой и Первой мировой войн генерал Шейдеман умер в Бутырской тюрьме от сыпного тифа 29 февраля 1920 г.¹³⁹

В 1921 г. было казнено 13 выпускников академии и двое умерли в тюрьме. Среди казненных А. И. Дутов был убит в результате специальной операции за пределами Советской России, кроме него казнено еще девять генштабистов, попавших в плен. Из «коренных» генштабистов РККА были расстреляны В. Л. Баранович и Ф. Д. Иозефович, а В. Н. Клембовский и Е. М. Голицын умерли в тюрьме. Наконец, в 1922 г. было казнено еще четверо пленных колчаковских генштабистов и один «коренной» генштабист РККА.

Обращает на себя внимание крайне незначительный процент выпускников ускоренных курсов среди казненных — только 12%, тогда как среди военспецов-генштабистов РККА курсовики составляли 38,3%¹⁴⁰. Из этого можно сделать вывод о том, что генштабовской молодежи, к которой относились курсовики, большевики доверяли больше, чем старым спецам.

Более 40% расстрелов происходило в отношении попавших в плен белых офицеров-генштабистов. 59 человек погибли в связи со службой в антибольшевистских армиях, участием в восстаниях или стремлением пробраться к противнику, 13 человек были репрессированы в связи с подозрениями в принадлежности к белому подполью. Лидирует по количеству насильственных смертей генштабистов Москва, второе место поделили Петроград и Омск, на третьем месте — Одесса.

Статистика арестов продолжает статистику казней. В 1917 г. большевистской властью и ее представителями было арестовано не менее 15 выпускников академии. В 1918-м, с учетом повторных арестов, а также арестов, приведших к расстрелу или гибели заключенного (24), в Советской России арестовано не менее 85 «лиц Генштаба», что представляется довольно высокой цифрой, поскольку составляет 12,3% от общего их числа у большевиков в это время. В 1919 г. зафиксировано 93 новых ареста (с учетом «повторников», в том числе 21, завершившийся казнью или гибелью арестованного), причем существенно возрастает количество арестованных курсовиков (видимо, в связи с попыткой чекистов нанести удар по их корпоративной организации). В 1920 г. начинаются аресты и расстрелы пленных белогвардейских генштабистов, продолжают аресты и «коренных» генштабистов Красной армии. Общее число новых арестов «лиц Генштаба» — не менее 89 (в том числе 11, завершившихся казнью или гибелью арестованного). В 1921 г. осуществлено не менее 38 арестов (в том числе четверо арестованных были

казнены или умерли) и в 1922 г. — еще не менее 17 (в том числе двое казнены или умерли). Итого не менее 336 арестов за время Гражданской войны.

Если не учитывать аресты, завершившиеся гибелью заключенного, то из 275 случаев ареста старые генштабисты арестовывались не менее 200 раз, курсовики — не менее 75. Исключая «повторников», получается, что через аресты прошли 245 человек (не считая расстрелянных и умерших в заключении), в том числе 176 старых генштабистов и 69 курсовиков.

О том, что именно выпускники довоенной академии составляли основную массу арестованных генштабистов, свидетельствуют статистические данные. На апрель 1921 г. под арестом пребывал 21 генштабист¹⁴¹. По данным на 15 апреля, арестованных уже 23¹⁴². Из 23 человек 12 относились к выпускам из академии до 1906 г., 10 — к выпускам 1907–1916 гг. и один — к выпуску 1917 г. Меньше всего доверия оказывалось генштабистам старших выпусков. В целом же к 1921 г. репрессии пошли на спад.

С учетом того, что на территории Советской России в разное время в 1917–1922 гг. находилось не менее 1579 выпускников и слушателей академии Генерального штаба (включая курсовиков), подверглись репрессиям (в том числе погибли от самосудов) 378 человек (казненных, умерших и арестованных; в том числе 293 выпускника старой академии и 85 курсовиков), или 24% военспецов-генштабистов, что является крайне высоким показателем. Иными словами, практически каждый четвертый из «лиц Генерального штаба» РККА подвергался репрессиям в период 1917–1922 гг. До девяти офицеров пали жертвами самосудов, за которые едва ли ответственны большевистский режим и его карательные органы, но даже за вычетом этой группы репрессировано было 23,4% выпускников и слушателей академии. 35% репрессированных были казнены или умерли в заключении. От общего числа военспецов-генштабистов казненные составили 8,4%, хотя необходима поправка на захваченных в плен белых. Репрессий не избежали и «красные генштабисты» — слушатели академии Генерального штаба РККА, считавшиеся опорой нового строя.

Картина бесправного положения генштабистов видна из мемуаров Г. А. Соломона: «Во главе пограничной стражи стоял тоже бывший мелкий служащий таможни и стопроцентный же коммунист, Владимир Александрович Степанов... Человек уже лет за тридцать, из семинаристов, окончивший курс юридического факультета, суеверно религиозный, он был крайне честолюбив. Он считал себя обойденным жизнью и носил в своей груди массу озлобления. Казалось, это был человек, которого высшей радостью и счастьем было причинять зло ближнему. Как комиссар и начальник над беззащит-

ными офицерами, все людьми бесконечно высшими его во всех отношениях, он вечно старался сделать им какую-нибудь гадость... Вот один эпизод...

— Разрешите доложить, крайне важное дело-с... Осмелюсь доложить, что полковника Т-ва следует представить в ЧК к расстрелу-с...

Я знал этого офицера-академика, толкового и заслуженного, хорошо воспитанного, умного и талантливого. Я его в свое время назначил помощником и заместителем Степанова, который ненавидел его мелкой ненавистью маленького озлобленного существа, которую оно испытывает к существу, стоящему на более высокой ступени развития, нежели он. Но это было в первый раз, когда он в своей злобе дошел до такого градуса.

— Что такое?.. К расстрелу?.. — переспросил я, не веря своим ушам.

— Так точно-с, Георгий Александрович, — томным ласковым голосом с улыбочкой отвечал Степанов, глядя мне прямо в глаза своими большими голубыми глазами каким-то просветленным взглядом, от которого становилось вчуже страшно. — Так точно-с, разрешите представить его к расстрелу-с...

— Да понимаете вы, что вы говорите?! — внутренне содрогаясь особенно от такого ужасного “с” на конце этого звериного слова, сказал я. — За что?.. Что он сделал?..

— Так что, Георгий Александрович, позвольте доложить-с... В прошлом году Т-в купил себе осенью толстую фуфайку на Сухаревке, за двести рублей-с... Фуфайка ничего себе, хорошая, — слов нет-с, он тогда же еще всем нам ее показывал. А так что третьего дня он обменял ее на фунт сливочного масла... а масло-то нынче стоит две тысячи рублей-с за фунт... Значит, это явная спекуляция-с, потому как в десять раз больше-с... Так что по долгу службы-с я и докладываю вам — разрешите представить его к расстрелу-с.

С глубоким стыдом вспоминаю, что я не мог, не смел сказать этому, по выражению Салтыкова “мерзавцу, на правильной стезе стоящему”¹⁴³, кто он и что представляют его слова, не посмел сказать ему — “замолчи, гадина!..” Ведь он был коммунист, полноправный член нового сословия “господ”, а Т-в — офицер, то есть человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции.

Не смел, ибо боялся озлобить этого полноправного “товарища” и еще больше боялся вооружить его против беззащитного полковника. Меня душил гнев, меня душило сознание моего бессилия и желание побить, изуродовать этого человеконенавистника. А в уме и душе было одно сознание необходимости во что бы то ни стало защитить бесправного человека. И с нечеловеческим усилием воли, сдержав

в себе желание кричать и топтать ногами от бешеной истерии, подступившей к моему горлу, я стал резонно и спокойно, деловым тоном доказывать Степанову, что предлагаемое “наказание” не соответствует “проступку”. Я говорил о самом Т-ве, об его многочисленной семье, о его нужде... Боже, сколько ненужных, лишних и таких подлых слов я должен был произнести... И мне удалось в конце концов повернуть дело так, что Степанов стал униженно просить меня простить его.

Больше вопрос о расстреле Т-ва не поднимался¹⁴⁴. По всей видимости, речь шла о выпускнике академии бывшем полковнике В. Я. Тетереятникове — помощнике начальника Главного управления пограничных войск¹⁴⁵.

Множество бессмысленных репрессий относится к 1918 г. Например, буквально случайно в Петрограде пострадал главноуправляющий канцелярией Наркомата по военным делам бывший генерал С. И. Одинцов, приехавший в Петроградскую ЧК вызволять племянника и арестованный на месяц¹⁴⁶. По этому поводу Л. Д. Троцкий потребовал от петроградских чекистов срочных объяснений. Кстати, Одинцов в дальнейшем верой и правдой служил советской власти. В октябре 1918 г. был арестован выпускник академии Н. С. Новиков, вскоре, однако, было объявлено, что арест произошел «по недоразумению»¹⁴⁷. Подобные действия чекистов вызывали не только нарекания, но и иронию. Как тогда говорили, «метод работы В.Ч.К. и Губ.Ч.К. — схватил, посадил, продержал — вызвал из тюрьмы, посмотрел, допросил, отпустил»¹⁴⁸.

В 1918 г. подвергся аресту один из крупнейших советских военспецов — Ф. В. Костяев, арестованный без причины и без предъявления обвинения¹⁴⁹. Позднее Костяев был освобожден и вскоре стал начальником Полевого штаба РВСР. Однако смысл его ареста трудно понять. 26 апреля 1918 г. на непродолжительный срок подвергся аресту по нелепому обвинению начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петин¹⁵⁰ — впоследствии еще один из наиболее высокопоставленных и преданных новому режиму генштабистов. Арестованный просил одного из руководителей большевистского военного ведомства, Э. М. Склянского, об отсрочке суда в связи с предстоящими родами жены и ее тяжелой болезнью.

Арестная практика не добавляла военспецам уверенности в завтрашнем дне. Один из них писал видному генштабисту Н. И. Ратгэлю в 1918 г.: «Арест произвел на меня гнетущее действие, можете верить мне, что совесть моя решительно чиста»¹⁵¹.

Искренней преданностью советской власти проникнута и телеграмма бывшего полковника А. Н. Ковалевского, арестованного 10 ноября 1918 г.: «[В] июне я из Украины вывез [в] Советскую Россию свою жену и четырех малолетних детей, почему, принимая самое активное участие [в] подавлении контрреволюционного

мятежа южного казачества, я тем самым прочно связал свою судьбу с судьбой Советской России, которой изменить уж по одному этому не в состоянии...»¹⁵² Но заверения не помогли, и Ковалевский был расстрелян.

В августе — сентябре 1918 г. в Петрограде производились массовые аресты бывших офицеров. В связи с создавшейся нездоровой атмосферой генштабист Л. К. Александров писал М. Д. Бонч-Бруевичу: «Многочисленные же аресты многих служащих в штабе в последнее время по непонятным и неизвестным для меня причинам настолько меня терроризировали, что я буквально потерял всякую способность к индивидуальной плодотворной работе и даже способность мыслить, а тем более высказать свое мнение...»¹⁵³

Бывший генерал А. Е. Снесарев в целом благополучно пережил Гражданскую войну, не подвергаясь преследованиям. Однако в октябре 1919 г. Особым отделом 16-й армии в Смоленске на некоторое время была арестована его супруга Е. В. Снесарева, мать пятерых детей. В одной квартире со Снесаревой проживал осужденный генштабист Д. Г. Фокке, служивший в 1919 г. на Западном фронте, у которого чекисты провели обыск (Снесарева тогда время ездила в Москву к мужу, в то время начальнику академии Генштаба РККА). Арест Снесаревой произошел в связи с ее хлопотами за Фокке, когда женщина по возвращении из Москвы явилась в Особый отдел¹⁵⁴. Для ее освобождения семья мобилизовала имевшиеся связи.

Впрочем, массовость арестов иногда приносила пользу большевикам. По свидетельству генерала К. И. Глобачева, система массового террора парализовала антибольшевистское подполье. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»¹⁵⁵.

В сентябре 1918 г. в Петрограде были арестованы без обвинения в качестве заложников сразу 12 генштабистов¹⁵⁶. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов был вынужден телеграфировать всем Советам

депутатов о прекращении арестов бывших офицеров без предъявления обвинения. Кроме того, он потребовал от ВЧК в сентябре 1918 г. освободить всех арестованных советских работников, «относительно которых нет данных и прямой их персональной прикосновенности к контрреволюционной деятельности»¹⁵⁷. Это указание было проигнорировано. Многие генштабисты продолжали пребывать безо всякого обвинения в местах заключения. Так, полгода без предъявления обвинения и даже без единого допроса провел в тюрьме бывший Генштаба полковник А. Д. Тарановский¹⁵⁸. Криком души кажется открытка, отправленная А. Д. Шеманским Э. М. Склянскому 10 сентября 1918 г., в которой он писал: «Товарищ Склянский — заступитесь — сижу месяц, а служил честно, лояльно...»¹⁵⁹ Характерна одна из телеграмм военкому Полевого штаба РВСР С. И. Аралову и Л. Д. Троцкому об аресте в конце ноября 1918 г. бывшего Генштаба капитана В. В. Трофимова: «Обвинение неведомо на чем основано»¹⁶⁰. 19 декабря Трофимова освободили¹⁶¹.

По данным на ноябрь 1918 г., только в Дерябинской тюрьме Петрограда без предъявления обвинения содержалось шесть генштабистов¹⁶². 12 ноября предписывалось срочно возбудить ходатайство об их освобождении. Самочувствие арестованного бывшего Генштаба генерал-майора Л. И. Савченко-Маценко в период пребывания в заключении настолько ухудшилось, что он оказался практически при смерти от истощения и был переведен в полевой запасной госпиталь¹⁶³.

Репрессии были фактором, отнюдь не сдерживавшим измены генштабистов, а, наоборот, способствовавшим им. Бывший полковник Б. П. Поляков находился под арестом в Бутырской тюрьме без предъявления обвинения с 22 июня 1918 по 1 февраля 1919 г.¹⁶⁴ Супруга Полякова писала Н. И. Раттэлю в РВСР 22 ноября 1918 г.: «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельнейше прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей совершенно без средств»¹⁶⁵. Эта краткая телеграмма проливает свет на ужасающее материальное положение семей арестованных генштабистов, часто остававшихся безо всяких средств существования. Уже в 1919 г. следы Полякова обнаруживаются в Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. В Бутырской тюрьме содержался бывший генерал-майор С. М. Языков. Его пребывание под арестом сопровождалось еще более трагическими событиями. В период заключения у Языкова умер брат Николай, служивший в РККА. Заключенный просил Я. Х. Петерса разрешить ему похоронить брата¹⁶⁶. На встречу арестованному не пошли, отношение военспеца к своим тюремщикам в этой ситуации вполне предсказуемо. В 1919 г. Языков пропал без вести при оставлении красными Украины и поступил на службу к А. И. Деникину¹⁶⁷. На таких примерах наглядно прослеживается

явный вред политики бессмысленных арестов «лиц Генштаба» для большевиков, грозившей при определенных условиях гибельными последствиями для Советской России.

Высшее советское руководство часто не могло добиться освобождения арестованных или хотя бы предъявления им обвинений. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным генштабистам предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»¹⁶⁸. Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела. Вождь РККА обоснованно полагал, что аресты могут осуществляться только с ведома начальства и военного комиссара¹⁶⁹. Но это указание также не соблюдалось чекистами.

23 октября 1918 г. Троцкий телеграфировал В. И. Ленину и Я. М. Свердлову: «В качестве заложников без особых обвинений сидит много офицеров Генштаба. Предлагаю тех, против кого нет обвинений, отправить с комиссарами на Южный фронт, предупредив, что в случае измены будут арестованы их семьи»¹⁷⁰.

Чтобы арестованные были либо освобождены, либо осуждены, потребовалось специальное постановление Совета обороны от 8 января 1919 г., в котором сведения об арестованных были затребованы в трехдневный срок¹⁷¹. Практически всех чекистам пришлось освободить за недоказанностью обвинений.

Считается, что ВЧК находилась в личном подчинении В. И. Ленина и могла игнорировать указания других, даже самых высокопоставленных, большевистских руководителей. Однако факты свидетельствуют о неоднозначности этой ситуации. Так, Ленин еще 29 декабря 1918 г. просил председателя Петроградской ЧК освободить бывшего Генштаба генерал-майора Л. И. Савченко-Маценко и бывшего Генштаба полковника Б. П. Полякова¹⁷², однако первого освободили в январе, а второго — лишь 1 февраля. Кроме того, органы ВЧК осуществляли аресты видных советских работников, что не могло не беспокоить большевистское руководство. Эти факты относятся в основном к 1918 — началу 1919 г. и свидетельствуют о том, что репрессивный аппарат, созданный большевиками, начал работать сам по себе, причем даже непосредственный руководитель ВЧК Дзержинский не имел возможности его полностью контролировать, особенно на местах. Таким образом, даже если бы отношение властей к генштабистам было самым благожелательным (чего не наблюдалось), эксцессы с карательными органами все равно оставались неизбежными. По мнению одного из современных исследователей истории спецслужб, периодические острые конфликты ВЧК с другими ведомствами, в том числе с военным, связаны с отсутствием четкого разграничения полномочий ВЧК и прочих государственных институтов¹⁷³.

Самоуправство и неподконтрольность чекистов вызывали нарекания со стороны партийного руководства и породили в конце 1918 — начале 1919 г. дискуссию о реформировании органов ВЧК и ограничении их полномочий¹⁷⁴. Одним из итогов этой дискуссии стали передача права вынесения приговоров ревтрибуналам (за исключением местностей, находившихся на военном положении), ограничение следствия месячным сроком¹⁷⁵ и некоторое сокращение масштабов репрессий. Произошел беспрецедентный случай: постановлением Совета обороны от 3 декабря 1918 г. в состав контрольно-ревизионного отдела ВЧК были введены два партийных представителя специального следствия и ускорения дела о членах Генерального штаба¹⁷⁶, — т. е. ситуация с арестами генштабистов была взята на особый контроль. Также вопрос об арестованных генштабистах был вынесен на заседание РВСР 2 декабря 1918 г.¹⁷⁷ Скорее всего, причина большого количества необоснованных и, прямо скажем, вредных для большевиков арестов заключалась в низкой квалификации сотрудников большевистских карательных органов первых лет их существования. Подобные действия не только подрывали авторитет власти среди лояльных военспецов, но в обстановке Гражданской войны были попросту опасны.

Временно исполняющий должность инспектора пехоты при Полевом штабе РВСР А. Х. Андерсон 16 января 1919 г. был арестован на двое суток. Об обстоятельствах своего ареста он позднее сообщил помощнику начальника Полевого штаба РВСР: «Проехав шагов 100, я был остановлен окриком “стой, ни с места”, оглянувшись, я увидел человека, одетого в защитного цвета бэксэш, который, держа в одной руке направленный на меня револьвер, другой поднимал полость саней, приказывая: “немедленно в Чрезвычайную комиссию на Лубянку, 14”, и сел со мной... я предложил показать ему мой документ, предупреждая, что он, несомненно, ошибся, на что агент ответил “там разберут”»¹⁷⁸. Впоследствии Андерсон писал: «Излагая факт моего ареста или по подозрению, или по доносу, не могу не высказать своего удивления постановкой этого вопроса... такой способ надо признать прямо недопустимым, подрывающим совершенно престиж не только старших начальников в Красной армии, но вообще лиц командного состава, когда кого угодно могут арестовать, нарушая декрет, без ведома начальства, не предъявляя ордера на арест и не спрашивая документов»¹⁷⁹. В итоге ценный работник РККА в разгар войны из-за необоснованного ареста потерял впустую два с половиной, а то и три дня, а также массу нервов. В других похожих случаях последствия были куда серьезнее.

Заместитель председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский докладывал председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому 28 июня 1919 г.: «Принципом военной политики было до сих пор создание

армии как технической организации: политическое строительство армии было подчинено техническому, поэтому не должно являться неожиданностью то обстоятельство, что в решительный момент армия оказывается в руках специалистов-техников»¹⁸⁰. В то же время ни чекисты, ни комиссары, не будучи подготовленными в военном отношении, как правило, не могли предотвратить различные изменнические действия и выявить предателей из среды военспецов. Контроль над оперативной работой с их стороны был во многом формальностью, а по сути советская военно-административная система основывалась на лояльности и добросовестности большей части военспецов.

Конфронтация Особых отделов, выполнявших функции военной контрразведки и подчиненных при этом ВЧК (хотя и подконтрольных РВСР), с армейскими учреждениями была предопределена институционально¹⁸¹. Известны случаи отказов РВС фронтов санкционировать аресты военспецов, на которых настаивали карательные органы¹⁸². Но это были местные проблемы, тогда как наиболее острый конфликт разгорелся на самом высоком уровне, когда Троцкий обвинил председателя Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова в самоуправстве, арестах ответственных военных деятелей без согласия и уведомления РВСР и дезорганизаторских действиях (подобным волюнтаризмом Кедров прославился еще в 1918 г.¹⁸³). В итоге 18 августа 1919 г. Кедров был заменен Ф. Э. Дзержинским¹⁸⁴.

Не только казни и аресты, но подчас даже необоснованные подозрения были тяжелым ударом для военспецов и могли отбить всякое желание служить большевистской власти или брать на себя ответственность и что-то предпринимать по службе. Так, бывший генерал Д. Н. Надежный заявил 20 января 1931 г. на следствии по делу «Весна»: «Во мне лично произвел тяжелый переворот случай с вызовом на Гороховую, 2¹⁸⁵, по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича, основанный только, по словам г. [Г. Е.] Зиновьева, на том, что я занимал высокую командную должность...»¹⁸⁶ Отметим, что за оборону Петрограда Надежный был награжден орденом Красного Знамени.

О негативном психологическом влиянии практики арестов свидетельствовал рассказ начальника штаба 4-й армии Западного фронта А. Д. Шуваева, жаловавшегося в доверительной беседе летом 1920 г. пленному белому генералу И. А. Данилову, что он сидел «в заключении 9 месяцев в Кронштадте, где он несколько раз подвергался риску быть расстрелянным»¹⁸⁷. По освобождении Шуваев возглавил штаб дивизии, а затем штаб армии.

Даже острая нехватка «лиц Генштаба» слабо влияла на смягчение репрессий. В ноябре 1918 г. на Южный фронт было направлено 45 военспецов, из них 7 арестовано¹⁸⁸. Между тем к 20 декабря 1918 г.

в штабе Южного фронта недоставало до штата 8 генштабистов, в том числе на ключевых должностях¹⁸⁹. При острейшей нехватке 20 генштабистов в оперативном управлении ВГШ двое из 33 сотрудников осенью 1918 г. находились под арестом¹⁹⁰. 5 сентября 1918 г. в полном составе было арестовано военно-агентское отделение. Неудивительно, что при таком подходе большевики лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении этого отделения. В 1919–1921 гг. под арестом в Особом отделе ВЧК оказался даже разработчик одного из проектов «Положения об Особом отделе» бывший капитан Г. И. Теодори, который отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Нельзя не признать этого военспеца одним из наиболее усердных работников, какими только располагали большевики среди бывших генштабистов.

Пленный генерал И. А. Данилов писал о работе Особого отдела 4-й армии Западного фронта в 1920 г.: «Особый отдел армии... имеет такую самостоятельность, что имеет право арестовывать и производить суд и расправу, даже не уведомляя командующего армией и Реввоенсовет, над любым из лиц командного состава, вплоть до самого командующего армией, предъявив ему обвинение в контрреволюции... Должности в штабе армии заняты преимущественно офицерами старой армии, для наблюдения за которыми, кроме комиссаров, вкраплены, секретным образом, сотрудники Особого отдела, причем надо сказать, что сыск и шпионаж поставлены так высоко, как никогда и не снилось старому режиму»¹⁹¹.

В конце Гражданской войны аресты коснулись генштабистов из пленных белогвардейцев. Смысла репрессировать их уже не было, так как итог войны был очевиден. Тем не менее практически все пленные прошли через аресты, а некоторые были казнены. В отношении к пленным генштабистам прослеживается определенная система. По данным на 1920 г., не менее 30 зарегистрированных штабом 5-й армии пленных колчаковских генштабистов числились за Особым отделом ВЧК¹⁹², их предполагалось отправить в Москву. Пленные в обязательном порядке становились на учет и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела.

Итак, перед нами прошла череда бессмысленных и ничем не обоснованных арестов и расстрелов военспецов-генштабистов. Попытки найти какие-либо конкретные причины этих репрессий в большинстве случаев окончились неудачей. Но, оказывается, такие причины не нужно даже искать. Удивительное, но вполне реалистичное объяснение нашлось в письме видного советского военно-политического деятеля К. А. Мехоношина своему коллеге по партийной работе в армии Н. И. Подвойскому, написанном в конце 1918 г.:

«К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»¹⁹³. Иными словами, Мехоношин давал понять не вполне сориентированному в текущем моменте Подвойскому, что у арестов военспецов не обязательно наличествовали конкретные причины. Эти меры носили характер упреждения и устрашения. Измен подобные меры предотвратить не могли, скорее, наоборот, толкали загнанных репрессиями и недоверием в угол военспецов на измену. Подобная незаконная практика «упреждающего террора» вошла в постоянное употребление советских органов госбезопасности и нашла свое логическое продолжение в массовом терроре 1930-х гг.

Необходимо остановиться и на вопросе о заложничестве семей военспецов. В постсоветской историографии, в СМИ, а через них и в общественном сознании довольно прочно утвердился тезис о том, что в годы Гражданской войны бывшие офицеры служили в Красной армии под жесточайшим контролем. Одной из основных составляющих такого контроля над военспецами считается учет их семейного положения в целях ареста, а возможно, и последующего уничтожения их близких в случае измены. Нельзя не отметить, что вопрос о заложничестве и репрессиях в отношении членов семей военспецов крайне политизирован. Однако почему-то исследователи и публицисты, отстаивающие такую дополнительную кровожадность большевиков, не только не приводят конкретных примеров, но и закрывают глаза на находящиеся в явном противоречии с этой точкой зрения сотни случаев измены военспецов советской власти, имевших место на всем протяжении Гражданской войны. Ведь, казалось бы, окажись родственники военспецов в заложниках с угрозой неминуемого ареста и расстрела, массовые измены были бы немыслимы. Тем не менее этого не произошло. Попробуем разобраться, как же обстояло дело в действительности.

Сразу оставим за рамками эксцессы бандитизма и мародерства, в ходе которых могли страдать семьи военспецов, и сосредоточимся лишь на вопросе о наказании в отношении семей тех, кто изменил советской власти. В центре нашего внимания будут, прежде всего, семьи бывших офицеров Генерального штаба — представителей военной элиты; людей, находившихся вследствие своей немногочисленности и особого, исключительно высокого положения в комсоставе на виду и, соответственно, более удобных в плане надзора.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 г., но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве¹⁹⁴) еще не было данных о семейном положении регистрируемых. В учетных

карточках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока еще не было увязано с адресами семей, но во многих случаях позволяло установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918 г. в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, 1919–1920 гг. датированы анкеты с пунктом «Адрес семьи, а для холостых — ближайших родственников»¹⁹⁵. Вопрос о проверке указывавшихся анкетных данных остается открытым.

4 сентября 1918 г. в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г. И. Петровского. Инициативу поддержал Троцкий, распространив ее на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Приказ Троцкого от 30 сентября 1918 г. гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»¹⁹⁶. Пока что речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов. Однако не было указано, что делать с задержанными. В дальнейшем Троцкий конкретизировал свои предложения, указав, что в случае измены военспецов их семьи будут арестованы¹⁹⁷.

К октябрю 1918 г., по некоторым данным, в заложниках находилось свыше 8000 бывших офицеров. Очевидно, что массовое заложничество было бессмысленным. Поэтому по предложению Троцкого заложники, не причастные к контрреволюционной деятельности, были решением ЦК РКП(б) освобождены. Освобождаемых обязали представить списки своих семей, которые были бы арестованы в случае перехода этих бывших офицеров к противнику¹⁹⁸. Постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов»¹⁹⁹. Брать заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учетом военспецов в РККА занимались сами же военспецы. Они едва ли могли выступать активными проводниками репрессивной

политики в отношении семей таких же бывших офицеров. Вполне можно допустить, что они сознательно саботировали требования Троцкого. Однако, как выясняется, даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьезным репрессиям.

Например, семья известнейшего белого генерала В. О. Каппеля проживала в Перми. Его супруга, 29-летняя О. С. Каппель (Строльман), в 1918–1919 гг. работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, кто ее муж, после чего была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. Тогда она смогла устроиться канцелярской сотрудницей в департамент государственного казначейства в Перми. Весной 1919 г. Строльман была арестована. Арест произошел «по приходе домой в общежитие для служащих Государств[венного] казначейства, быв[шая] гостиница “Ижевское [?] Подворье”...»²⁰⁰ Причины ареста самой женщине были неизвестны, допросов не проводилось, обвинений выдвинуто не было. Содержалась арестованная в женском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы. По всей видимости, речь шла о заложничестве. В карточке арестованной указано: «Муж, бывший с ней в разводе более 2^x лет, служил в армии белог[ардейцев], о чем О. С. не знала, сама же она сл[ужила] в Пермск[ом] казнач[ействе] и на служ[ебной] анкете дала неверные сведения»²⁰¹. По некоторым данным, О. С. Каппель находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 г., когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод²⁰². По свидетельству дочери Каппеля, арест матери произошел в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 г.), а затем за Строльман вступились (!) руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский, причем последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, более того, якобы с 1 апреля 1919 г. Строльман там и работала²⁰³. Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, около года.

Цели этого «заложничества» совершенно не понятны. Возможно, требовалось изолировать супругу Каппеля, чтобы она не могла содействовать белым. Достоверность же эмигрантских рассуждений о некоем предложении Каппелю «ослабить свои удары по красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Растреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»²⁰⁴ кажется сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить, при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря — например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала С. И. Дядюши²⁰⁵. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Во всяком случае, его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны генерал вел интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьей уже из эмиграции. Весной — летом 1918 г. в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана А. И. Дутова. Не где-нибудь, а в «колыбели революции» Петрограде жила и работала в городском музее на протяжении 1918–1920 гг. мать другого вождя белых, легендарного «черного барона» генерала П. Н. Врангеля баронесса М. Д. Врангель. Позднее она вспоминала, что, «несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом»²⁰⁶. Стоит отметить, что в борьбе с казачьим повстанчеством красные не церемонились и активно практиковали заложничество, в результате чего репрессиям подвергались и семьи бывших офицеров. По некоторым данным, в 1920 г. были расстреляны родители и двоюродные братья кубанского повстанческого командира полковника М. Н. Жукова²⁰⁷. Впрочем, эти примеры не относятся к семьям военспецов РККА. Но что же происходило с последними?

Лишь через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 г., военком Полевого штаба РВСР С. И. Аралов, на которого Троцким были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И. Г. Пехливанов, остальные же, за некоторым исключением, серьезных постов не занимали²⁰⁸. Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно. Во всяком случае семья самого Пехливанова находилась за пределами Советской России. Документов, отражающих другие инициативы Аралова в этом отношении, обнаружить не удалось.

Хотя Аралов и состоял в большевистской партии, все же при этом он и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — шорсовцев составили о нем довольно нелицеприятный рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов

и предателей. И это обстоятельство объясняется опять чистой “случайностью”. Не слишком ли уж много “случайностей”, случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что “случайности” связаны с закономерностью»²⁰⁹. При всей предвзятости такой характеристики, Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Небезынтересно и то, что чекисты самоустранились от работы по сбору подписок об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В. Н. Яковлева сообщила 2 ноября 1918 г. на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии²¹⁰. Речь шла об арестованных военспецов, с которых, видимо, должны были взиматься соответствующие подписки перед их освобождением.

Поскольку измена штабного офицера могла быть гораздо опаснее измены строевого офицера²¹¹, заложничество, казалось бы, должно было использоваться, прежде всего, для устрашения «лиц Генштаба», тем более что их было сравнительно мало. Однако анализ документов показал, что это была скорее декларативная угроза.

Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 г. потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюрокомвоен²¹², с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»²¹³. Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге.

Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их се-

мей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

Анкеты спецов в некоторых случаях²¹⁴ предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда. Кроме того, неизвестно, проверялись ли анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 г. даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии²¹⁵.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресами. Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию Председателя Революционного Совета Республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»²¹⁶ Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 г., т. е. через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Ярославский окружной комиссариат по военным делам 10 января 1919 г. циркулярно рассылал совершенно секретное распоряжение Троцкого не позднее 25 января 1919 г. предоставить сведения о бывших офицерах, включая адреса их семей. В случае измены или предательства предписывалось немедленно арестовывать указанных в списках, для чего безотлагательно телеграфировать в отдел военного контроля в Москву, указав фамилии, имена и отчества, должности и адреса, сообщая по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля. Помимо этого требовалось «при составлении вышеуказанных списков на ответственных постах оставлять только тех из бывших офицеров, семьи которых проживают в пределах Советской Республики»²¹⁷. Таким образом, для занятия высоких постов военспецам необходимо было быть женатыми и иметь семью на советской территории. Однако на практике это предписание не соблюдалось.

Обнаружить приказ Троцкого, в котором он требовал бы оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились

на советской территории, не удалось. Практика показала, что это необходимое для контроля над военспецами требование было невыполнимым. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных командных кадров, и заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командование из таких же бывших офицеров и комиссары не только не хотели, но и не могли, поскольку остались бы в этом случае без командного состава. Особенно много семей военспецов находилось на Украине. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А. Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город находился на антибольшевистской территории²¹⁸. На контролировавшемся антибольшевистскими силами Дальнем Востоке проживала семья крупного советского военного деятеля Н. Н. Петина²¹⁹. Семья одного из создателей Полевого штаба РВСР П. М. Майгура находилась на Украине, но службе Майгура это обстоятельство не мешало²²⁰. Семья генштабиста З. И. Зайченко также находилась на Украине, причем военспец не имел с ней никакой связи²²¹. Семья известного белого агента в РККА В. Я. Люндеквиста находилась в Крыму²²². Там же проживали дети генштабиста С. Г. Лукирского, причем в августе 1918 г. военспецу было даже разрешено лично забрать их оттуда²²³. Видный перебежчик бывший генерал В. Е. Борисов вообще был вдовцом. Не брались в заложники и военспецы РККА, ближайшие родственники которых (родители, дети, братья) служили в антибольшевистском лагере. Более того, известно немало случаев, когда такие военспецы приобретали в РККА весьма высокое положение.

Сохранились документы о том, что, например, слушателей курсов разведки и военного контроля, родственники которых находились на территории противника, считали неблагонадежными²²⁴. Вместе с тем нет данных о каких-либо ограничениях по службе в отношении этих лиц.

В начале 1919 г. аппарат военного контроля, который должен был арестовывать семьи военспецов, был упразднен (путем поглощения органами ВЧК), а его функции перешли к Особому отделу ВЧК. Кроме того, борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил — ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Все это, вероятно, и привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось. Тем не менее нами обнаружено несколько анкет арестованных жен бывших офицеров, которые в графе о причинах своего ареста указывали заложничество за мужа. Поскольку документы заполнялись самими арестованными, данные свидетельства нельзя считать

официальными указаниями на заложничество. Как бы то ни было, речь идет о единичных случаях.

Не может быть никаких иллюзий и сомнений, что в случае настоятельной необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Военспецы, очевидно, были осведомлены об этом. Одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Взятые белыми в плен военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»²²⁵. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу. Не случайно, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией генштабист Н. Д. Всеволодов, перешел к белым летом 1919 г. вместе с семьей²²⁶. Аналогичным образом поступил и другой видный перебежчик — бывший командующий 12-й и 11-й советскими армиями бывший генерал Н. А. Жданов²²⁷.

Что же происходило на деле? Г. И. Теодори после своего ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра²²⁸. Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде²²⁹. Громкий случай измены генштабиста А. А. Лаурица, в результате которой белые смогли захватить штаб 55-й стрелковой дивизии и казнили комдива А. В. Станкевича (посмертно награжден орденом Красного Знамени, торжественно перезахоронен у Кремлевской стены), обернулся арестом жены изменника 28-летней Евдокии Ивановны. Но мало того, что арест произошел почти через год после событий — в конце июля 1920 г., вдобавок ко всему вышла серьезная накладка: арестованная утверждала, что не жила с мужем много лет и никакого отношения к его деятельности не имела²³⁰. Исход дела неизвестен. Однако показания арестованной имеют документальное подтверждение — в январе 1920 г. в Екатеринодаре белые выдали удостоверение действительной на тот момент супруге Лаурица — 24-летней Анне Георгиевне²³¹. Таким образом, даже в рамках показательных репрессий по резонансной измене арестован был совсем не тот человек, а реакция ВЧК не отличалась стремительностью.

Весной 1919 г., через несколько месяцев после исчезновения бывшего Генштаба капитана А. Н. Цурпалева установлением его семейного положения занялись сотрудники ВГШ, где он ранее служил на ответственной должности старшего делопроизводителя оператив-

ного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалева в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 г. он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 г., а по частным сведениям родных в Москве у него не было²³². Пример Цурпалева наглядно свидетельствует об отсутствии учетных данных о семейном положении даже высокопоставленных военспецов весной 1919 г. В то же время длительные поиски родственников Цурпалева такими же, как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям. Как удалось установить по документам Гуверовского архива, Цурпалев перебрался на Юг России и в 1920 г. служил в Русской армии генерала П. Н. Врангеля²³³.

Вообще взаимовыручка была свойственна части военспецов. К примеру, даже антибольшевистски настроенные офицеры в мемуарах отмечали благородство видного военспеца Н. Н. Петина в советских условиях, не выдававшего прежних сослуживцев-недоброжелателей на расправу ЧК²³⁴.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н. Н. Доможирова, в 1919 г. добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него — ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу — единственная причина его заключения»²³⁵. Очевидно, подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

Следует признать, что единичные случаи арестов членов семей военспецов имели место, но до системности в этом вопросе было далеко. Так, известно, что в связи с мятежом командира Особого корпуса Ф. К. Миронова в 1919 г. была арестована его жена, впоследствии она отмечала, что была заложницей по делу мужа, однако 13 октября 1919 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) ее освободили и никаких последствий для нее это заложничество не имело²³⁶. В годы Гражданской войны произошло немало перелетов к белым красных авиаторов. 29 октября 1918 г. на сторону белых был совершен даже групповой перелет летчиков 9-го армейского авиаотряда. После этого дерзкого шага советское командование на Южном фронте распространило суровый циркуляр, по которому летчики и наблюдатели должны были из числа служащих авиаотряда указать не менее двух лиц, согласных дать подписку об ответственности вплоть до расстрела в случае измены лица, за которое они ручались. Поручители не могли быть одновременно в воздухе с теми, за кого ручались. Также требовалось предоставить подписи родственников или друзей об аналогичной ответственности²³⁷.

Введение круговой поруки среди летчиков было тупиковым решением, поскольку в связи с массовыми перелетами на сторону противника большевикам за каждого изменника пришлось бы казнить еще двух и более других летчиков. Такие действия могли привести не только к росту саботажа и нежеланию квалифицированных пилотов служить на подобных варварских условиях, но и к бессмысленному физическому истреблению даже добросовестно служивших красным авиаторов. Совокупность же измен и расстрелов заложников за измены их сослуживцев в короткой перспективе могла лишит красных авиации вообще. По этим причинам такая мера, естественно, не нашла применения. Есть данные об арестах семей перелетавших к белым красных авиаторов²³⁸, однако более суровых репрессий в их отношении не было и арестованные освобождались. В конечном итоге за особые заслуги красного воздушного флота суровый приказ об ответственности родственников был отменен²³⁹.

В переписке Полевого штаба РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков²⁴⁰, но упоминаний о репрессиях обнаружить не удалось. Фактически же массовое заложничество членов семьи оставалось лишь декларированной угрозой.

Эффективность заложничества, нацеленного на перебежчиков, в немалой степени определялась пропагандой результатов. Как известно, пропаганда в Советской России была поставлена образцово. Однако свидетельств о взятии в заложники семей военспецов в газетах того времени встречать не приходилось. Следовательно, изменники о возмездии ничего не знали. В антибольшевистских источниках упоминания также единичны. Антибольшевистская мемуаристика, являющаяся основным средоточием подобных сведений, хотя и на уровне единичных упоминаний, представляется ненадежным источником. Тем не менее объективность требует упоминания этих свидетельств.

В частности, военспец РККА генштабист Н. С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату — начальнику военных сообщений Кавказской армии Генерального штаба генерал-майору П. С. Махрову — известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь²⁴¹. О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. Нельзя полностью исключить возможное стремление Н. С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно).

Приведем еще одно мемуарное свидетельство, относящееся к осени 1918 г., впрочем, довольно сумбурное и наполненное неточ-

ностями: «За несколько дней до обыска поселился у нас на Басманной по ордеру полковник Генерального штаба Барановский [видимо, бывший генерал В. Л. Барановский], называю его полковником [исходя] из чина в русской старой армии. Блестящий офицер, видно сразу, что из культурной, интеллигентной семьи. Держался безупречно, но очень осторожно, не затрагивая никаких политических, экономических, не говоря уж о военных, вопросов. Говорил о Петрограде, его театрах, концертных залах, музыке. Вспоминал о семье, видно было, что тоскует, но о причине, почему семья не может переехать в Москву, отвечал:

— Так сложились обстоятельства.

Рано уходил на службу, приходил поздно вечером. Встречались лишь за вечерним чаем, когда приходил в столовую. А тут как-то утром в воскресенье звонок. Горничная говорит, что пришел какой-то мальчик, спрашивает Барановского. Его не было дома. Завели его в столовую. Мальчик воспитанный, но на всех смотрит с опаской. Потом как-то освоился, почувствовал к нашим доверие и рассказал:

— Мы с мамой и сестрой живем в Петрограде. Папу куда-то увезли. Мы живем как в тюрьме, мама с нами не может выйти из дому, только сама или мы одни. На днях получили от папы сообщение, что он в Москве, и адрес его сообщили, но просят не писать. Мама плачет, не верит и вот решила послать меня. Целую ночь я ехал.

Дождался он отца. Вечером горничная отвезла его на вокзал. Уехал счастливый. С отцом мы не поднимали о нем разговор. Поняли, что Троцкий (тогда он был министром обороны [наркомом по военным делам]) организует Генеральный штаб. Генштабисты разбежались, а кого поймаешь — тому верить нельзя. Заставить работать за совесть, а не за страх можно, взяв в залог семью»²⁴².

Есть сведения, что после бегства к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н. Н. Стогова большевиками была казнена его жена²⁴³. Арестована она была вместе с сыном в связи с делом «Национального центра» в чекистской засаде на квартире политического лидера этой организации Н. Н. Щепкина²⁴⁴. Совокупность свидетельств позволяет считать, что казнь жены Стогова действительно произошла, но проверить эти сведения не представляется возможным. По данным на 1914 г., у Стогова была большая семья, насчитывавшая пятерых детей²⁴⁵. Необходимо учесть, что бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощечиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 гг. Реакция большевиков могла быть совершенно непредсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика.

По некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В. А. Сухомлинова²⁴⁶. В этом случае, однако, не шла речь о семье военспец-изменника, хотя бы потому, что Сухомлинов не служил в РККА. Супруга генерала Б. А. Левицкого, расстрелянная, по некоторым данным, вместе с мужем²⁴⁷, также не относится к заложникам за него, вопреки утверждениям эмигрантских авторов²⁴⁸.

Даже предвзятый историк-эмигрант С. П. Мельгунов, целенаправленно собиравший материалы (безотносительно их достоверности) о любых проявлениях красного террора²⁴⁹, по вопросу о заложничестве семей военспецов привел лишь единичные примеры, основанные на данных, которые невозможно проверить. В частности, он отмечал, что о расстрелах в 1918 г. жен — заложниц за военспецов, бежавших к белым, рассказывали деятели киевского Красного Креста. Кроме того, основываясь на данных зарубежной печати, Мельгунов упоминал о расстреле в марте 1919 г. в Петрограде родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым²⁵⁰, а также писал о расстрелах родственников офицеров, подозревавшихся в переходе к белым в Кронштадте в 1919 г.²⁵¹ Однако есть основания усомниться в достоверности этих примеров. Первый случай приводится им по слухам, источник второго также ненадежен, а сообщение изобилует неточностями (видимо, речь идет о 86-м стрелковом, а не пехотном полке, перешедшем к белым отнюдь не целиком и уже после марта 1919 г. — в конце мая²⁵²). Третий пример также лишен конкретики. Еще один пример подобного рода — упоминание о расстреле в мае 1920 г. в Елисаветграде семьи из четырех девочек 3–7 лет и старухи-матери 63 лет за сына-офицера²⁵³. Такой пример, естественно, вызывает возмущение любого цивилизованного человека, однако Мельгунов не указывает ссылку на источник информации, а целесообразность и возможность подобных репрессий в период, когда внутренняя контрреволюция была практически ликвидирована, вызывает сомнения. Таким образом, даже наиболее ангажированные авторы не смогли привести сколько-нибудь убедительных примеров репрессий в отношении семей военспецов.

Всего в 1919 г. был взят 5491 заложник (не из семей военспецов)²⁵⁴. На заседании ЦК РКП(б) 15 июня 1919 г. был рассмотрен проект декрета о расширении права расстрела, предложенный Дзержинским²⁵⁵. По утверждению исследователя истории спецслужб О. Б. Мозохина, Дзержинский предлагал расстреливать семьи перебежчиков и преступников, что не встретило поддержки²⁵⁶. Впрочем, Мозохин неверно датирует это заседание ЦК, а об отклоненном предложении расстреливать семьи в изученных нами документах не упоминается.

Троцкий не оставлял идеи с арестами семей изменников и в 1919 г. В колчаковской прессе были напечатаны телеграмма члена РВСР и РВС Восточного фронта К. К. Юренева и распоряжение комиссара штаба 3-й армии: «Реввоенсоветам фронтов, армии, округа, губвоенсовета округа, губвоенкомам неоднократно предлагалось внимательно следить за тем, чтобы на ответственные командные должности не назначались [лица] с неопределенной физиономией, если семья проживает на территории, занятой врагами советской власти. Между тем указания эти не соблюдаются. Так, в одной из армий Восточного фронта начдивом (начальником дивизии) назначено было лицо, вся семья которого находится у Колчака. Означенный начдив совершил измену, перейдя со штабом [к] Колчаку. Напоминаю снова: регистрация лиц командного состава по семейному положению должна производиться со всей строгостью. Реввоенсоветы армии, фронтов, Всероглаштаба*, округа, губернии обязуются строжайше сообразовываться с указанным выше условием при назначении на ответственные посты. Отступления могут допускаться по особому каждому раз постановлению председателя Реввоенсовета республики. Нарушение предписания повлечет строгую ответственность. № 1149. Реввоенсовет Юренив.

Телеграммой Реввоенсовета на комиссаров частей возлагается самое спешное проведение перерегистрации всех лиц командного состава по семейному положению. Означенные списки с указанием моральной и политической физиономии пришлите срочно в военсовет. Комиссар шторм[а] 3[-й] Рейхардт»²⁵⁷. Документы эти вновь подтверждающие отсутствие применения заложничества, поскольку все еще шла речь о регистрации.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 г., Троцкий среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии, отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава**» вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии»²⁵⁸. Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 г. все еще не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим ее освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говори-

* В тексте искаженно: *Всероглавоствба*.

** Выделено в документе.

лось) мог остановить решившихся на измену. Недоволен был отсутствием применения жестких мер и В. И. Ленин, который писал 8 июня 1919 г. Э. М. Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»²⁵⁹. Требование немедленно арестовать семьи изменников звучало и в приказе Троцкого по оборонявшей Петроград 7-й армии 2 ноября 1919 г.

Наконец, 17 декабря 1919 г. был издан приказ Президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Ф. Э. Дзержинского и М. Я. Лациса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»²⁶⁰. По этому приказу было предписано взять на учет всех бывших офицеров, но необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Сохранились нуждающиеся в проверке мемуарные свидетельства об угрозах большевиков убить семью генерала М. А. Фостикова, руководившего антибольшевистским восстанием на Кубани в 1920 г. В ответ на это генерал якобы пообещал за каждого убитого замучить сотни большевиков. По некоторым данным, какие-то родственники Фостикова все же были убиты, однако жена смогла уехать к нему²⁶¹.

Когда в 1921 г. председатель Сибревкома И. Н. Смирнов узнал, что начальником штаба сибирских казаков-повстанцев является бывший полковник Генштаба А. Ф. Кудрявцев, командированный РВСР в штаб помглавокома по Сибири, Смирнов распорядился найти семью Кудрявцева и взять ее в заложники, однако выполнить это распоряжение не удалось по причине неверных сведений: Кудрявцев не был не только генштабистом, но даже и офицером²⁶².

Уже в конце Гражданской войны, летом 1921 г., Троцкий, беседуя с французским коммунистом А. Моризе, не без преувеличений заявил: «Мы призвали бывших офицеров. Французская революция из 15 000 королевских офицеров получила пять-шесть тысяч. На миллион мы нашли сотни тысяч»²⁶³. Некоторые предали, это правда. Наша 11-я дивизия, например, дивизия из Нижнего Новгорода, наша гордость, была весной 1919 года истреблена казаками Краснова из-за умышленной ошибки своего командования. Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказались достаточно»²⁶⁴. Из этих слов следует, что отдельные случаи взятия заложников имели место, но не приводили к серьезным последствиям для арестованных, поскольку дело не шло дальше угроз.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.»²⁶⁵ вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы — оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать «отвратительным варварством»²⁶⁶. Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Фактически заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и неэффективным средством борьбы. Неотъемлемой составляющей заложничества является доведение сведений о нем до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не простого исчезновения или гибели военспеца в сложной боевой обстановке (что было нелегко), необходимо было определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, видимо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работает.

Дальше арестов с последующим освобождением заложников дело не шло. Изначальный замысел Троцкого, очевидно, сводился

к запугиванию тех, кто еще не перебежал к противнику. Возведенными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать еще колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца. Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было. Заложничество членов семей белогвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Репрессии против семей перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его»²⁶⁷. Поэтому в роли заложников в Советской России, особенно в 1918 г., скорее могли оказаться сами бывшие офицеры, нежели их семьи.

В ранг системы репрессии против семей военспецов возвести не удалось. Кроме того, единичные случаи арестов членов семей военспецов практически не имели для них далеко идущих последствий, так как обычно арестованных освобождали. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, но попытка реализовать эту угрозу провалилась. Красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учет семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлен. Ведавшие учетом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учет и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Итак, в силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов не получили распространения в Советской России. Если бы подобные меры практиковались красными, антибольшевистская печать не стала бы их замалчивать, а, наоборот, многократно преувеличивая, старалась придать им максимальную огласку. Однако ничего подобного не было. Даже в антибольшевистских источниках упоминания о заложничестве семей военспецов единичны, а достоверность их не поддается проверке. Разумеется, нельзя в полной мере исключать отдельных эксцессов в обстановке Гражданской войны, но необходимо признать, что подобные репрессии не носили системного характера и, по всей видимости, не шли

дальше единичных случаев ареста с последующим освобождением арестованных.

Репрессивная практика советских карательных органов в отношении «лиц Генштаба» в годы Гражданской войны не отличалась ни мягкостью, ни достаточной продуманностью. Немало квалифицированных специалистов было расстреляно, умерло в заключении, многие бесцельно томились в тюрьмах и лагерях, тогда как могли принести куда больше пользы советской власти в рядах Красной армии. Репрессии затронули около 26% генштабистов, оказавшихся на советской территории, при этом карательным органам, за некоторым исключением, не удалось выявить подлинных контрреволюционеров и подпольщиков среди военспецов-генштабистов. Репрессии искусственно обостряли обстановку в РККА, отталкивая генштабистов от новой власти и приводя к еще большему замыканию их в своей среде.

История первого этапа репрессий против комсостава РККА показательна, ведь именно в годы Гражданской войны сформировались многие характерные особенности работы советских органов госбезопасности, принципы и методы их борьбы с предполагаемой «пятой колонной». В конечном итоге власть руками чекистов истребила практически весь корпус офицеров старого Генерального штаба, оставшихся в СССР, однако произошло это значительно позже — в 1930-х гг. При этом ответственность за репрессии в армии впоследствии была возложена, прежде всего, на спецслужбы, на самом деле являвшиеся лишь исполнителями воли руководства страны.

Краскомы

Вопрос о том, какие кадры Генерального штаба нужны Красной армии, был предметом постоянных споров в период становления новой армии. Прерогативы старого Генерального штаба оспаривали некоторые красные командиры (краскомы). Прежде всего, слушатели созданной в конце 1918 г. академии Генштаба РККА — молодые большевики, жаждавшие активной работы на пользу советской власти. Один из слушателей летом 1919 г. написал о той системе назначений, которую пытались внедрять в Красной армии старые генштабисты: «Имеется одна дорога, но этой дорогой ходили только при царистской системе управления, когда люди ценились не по способностям, а по количеству просиженных стульев»²⁶⁸.

Командиры РККА из офицеров относились к генштабистам, как и в старой армии. Бывший офицер военного времени А. И. Черепанов

вспоминал о своей встрече с А. И. Корком в 1919 г.: «Разглядывая на шинели начальника штаба незнакомые петлички, я не утерпел и спросил, к какому роду войск они относятся. И, получив ответ, что он был офицером Генерального штаба, я с еще большим любопытством стал разглядывать нашего гостя. Мне в бытность командиром роты старой армии приходилось видеть офицеров Генерального штаба разве что издалека. В нашем представлении это были люди необыкновенные, своего рода жрецы военного искусства, владеющие какими-то особыми его тайнами, непостижимыми для нас, смертных офицеров военного времени.

Короткое общение с начальником штаба Эстляндской армии как бы подтверждало, что в своем суждении мы были правы, считая офицеров Генерального штаба большими специалистами военного дела. Не зря же, как мы знали, белогвардейские заправилы объявили, что тем из офицеров Генерального штаба, кто будет служить в Красной армии, не избежать виселицы»²⁶⁹.

Иным было отношение краскомов, не имевших прежде офицерских чинов. Начальник 25-й стрелковой дивизии И. С. Кутяков вспоминал о неприятном, но характерном инциденте в период советско-польской войны: «Считаем также небезынтересным отметить отношение бывших офицеров Генштаба царской армии к красному командному составу.

Примером может служить эпизод по штарму XII: 1 июня начдив 25[-й] т. Кутяков и военком т. [Б. М.] Таль прибыли с головным эшелоном штаба дивизии на ст[анцию] Конотоп, они немедленно пошли в штаб XII армии с целью получения сведений о противнике, его тактике и получения задачи и карт для дивизии. Командарм XII т. [С. А.] Меженинов и член РВС т. [Н. И.] Муралов были на фронте к северу [в] 80 к[и]л[о]м[етрах] от Киева в районе переправы через Днепр у деревни Печки. Поэтому начдива 25[-й] приняли наштарм XII Генштаба т. [В. К.] Седачев и член РВС т. [С. И.] Аралов. Начдив 25[-й] подошел с рапортом и в дальнейшем осветил цель своего прибытия в штарм XII. Наштарм Генштаба Седачев вместо ответа на поставленные вопросы: 1) сведения о противнике, 2) о его тактике, 3) получение задачи для дивизии и 4) карты — стал задавать вопросы начдиву 25[-й] т. Кутякову. Вопрос: 1) Сколько вам лет? Ответ: 22 года; 2) Какой чин старой армии? Ответ: Унтер-офицер; 3) Численный состав вашей дивизии? Ответ: 13 тысяч бойцов. Резюме наштарма XII Генштаба Седачева: “В ваши годы и с вашим званием нужно командовать самое большее ротой или взводом”. Начдив 25[-й] ответил на это: “Я в 1919 г. ликвидировал Уральский белый фронт и все время бил 50–60-летних белых генералов”. Наштарм XII Генштаба Седачев встал и заметно побледнел, у него затряслись мускулы на лице. Начдив 25[-й] также встал и потребовал ответа по существу на постав-

ленные вопросы. Наштарм XII Генштаба Седачев начал говорить резкости. Начдив 25[-й] не выдержал, крепко выразился и вышел из кабинета.

Член РВС т. Аралов вышел вслед за начдивом 25[-й] и попросил его в свой кабинет. Беседа продолжалась около часа и приняла товарищеский характер. Начдив 25[-й] и военком т. Галь получили сведения о положении на фронте, о настроении войск XII армии. К этому же времени принесли около двух пудов весом карт 10-верст[ного] и 3-верст[ного] масштаба.

О тактике поляков и задаче дивизии т. Аралов ответить не мог, так как командир Меженинов был на фронте»²⁷⁰.

Первые слушатели красной академии Генштаба представляли собой весьма специфический контингент — молодые, необузданные и амбициозные герои Гражданской войны, некоторые — члены большевистской партии, приближенные к власти. Они не собирались считаться со старыми генштабистами, состоявшими в администрации академии, и пытались по партийной линии подчинить себе академическое руководство.

Начальник академии А. Е. Снесарев вспоминал о слушателе: «Это была группа, очень пестрая по составу, степени развития, по отношению к делу, крайне разнородная; казалось, академия еще не успела их объединить, ободнородить, наложить на них какой-либо однообразный колорит, но что-то было в них и общее, что, правда, трудно поддавалось определению; этим общим была причудливая смесь активности, простора, непосредственности, искренности шагов и слов, шумливости... Это были “в буре рожденные”, как их определял один из наблюдателей.

Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут для меня как начальника довольно сложную обстановку и что мне придется немало поломать голову, чтобы установить с ними нужные и полезные для дела отношения»²⁷¹.

И действительно, «буревестники» проявили недюжинную активность. Они не только попытались сместить с должности самого Снесарева, но и организовали при академии свой координирующий орган — Бюро информации и связи (Бюинс), где собирали информацию, полезную для защиты интересов будущих красных генштабистов.

Видимо, главком И. И. Вацетис (статья подписана И. И. В.) отмечал в феврале 1919 г.: «Мы не можем придавать серьезное значение красной академии. Из красной академии выйдут красные, но не вожди и не генштабисты. Академия не может дать готовых офицеров Генерального штаба. Академия может дать навык в штабной работе, некоторую сумму знаний; может дать огромный запас сведений; но для практической жизни это большого значения не имеет... Сколько потребуется времени, чтобы наши красные

генштабисты, получившие военное образование в течение одного-двух курсов, стали настоящими штабными работниками, — это большой вопрос»²⁷².

На время перерыва занятий с конца весны по начало осени 1919 г. слушатели разъехались по фронтам, где столкнулись с засильем старых генштабистов. В тот период в Бюинс отсылались письма с впечатлениями слушателей от увиденного на фронтах и в штабах. Основным объектом критики в этих письмах были старые генштабисты.

Вот что писал состоявший для поручений при штабе Западного фронта слушатель В. А. Кангелари в РВС фронта 17 июля 1919 г.: «В ноябре [19]18 года, несмотря на то, что увлечение военспецами имело под собой твердую почву, в Москве была открыта академия красного Генштаба. В состав основного курса вошли (в общее число слушателей 180 человек) — 150 коммунистов. Многие с большим трудом оторвались от фронтов, сознавая важность создания красного Генштаба, другие выбыли из строя в качестве временных отчасти инвалидов, но у всех было одно стремление отдать последнее армии. Среди слушателей было немало ответственных работников, снятых с работы, и партия, что нам давала силы и уверенность в себе, ценила академию и возлагала на нее большие надежды — в этом окончательно убедил нас тов. Ленин, бывший в академии перед выпуском и подчеркнувший его отношение и отношение Ц.К. партии к нам. Тов. Смилга в беседе с бюро фракции Р.К.П. академии тоже отметил важность наличия на фронте “своего” Генштаба и комсостава. Учитывая это, бюро фракции [коммунистов академии] особенно тщательно распределяло публику по фронтам, не считая[сь] часто с их сильным стремлением попасть на определенный фронт. Все товарищи были снабжены самыми строгими аттестациями, и все коммунисты, признавая серьезность момента, стремились поскорее покончить с занятиями и без возражения направились, куда их посылали. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. То* о чем буду говорить ниже, имеет под собой следующую почву. Бывший главком Вацетис был для академии почему-то мачехой, он повел кампанию против академии в печати (в “Известиях В.Ц.И.К.” [и] в “Военном деле”), заявлял, что из академии если и выйдут “красные”, то во всяком случае не генштабисты и пр., в одном из посещений академии (он был всего лишь раз) он на заседании конференции предложил слушателей по окончании учебного года командировать на фронт в качестве полковых адъютантов, чтобы потом, соблюдая постепенность, их вводить в штабную работу штабов высшего порядка, но этот проект был единодушно отклонен даже профессурой академии (представители слушателей воздержались).

* Здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом кем-то из читателей.

Да и вся обстановка преподавания и постановка дела в академии доказывала, что слушатели — пасынки, а много сил тратили мы, голодные, в холодных помещениях, готовя из себя работников Генштаба. Это не фразы. Много товарищей свалились, не дождавшись окончания»²⁷³.

Слушатель Ф. И. Трутко сообщал: «Ввиду текущих событий на фронтах, основной курс академии, после ускоренной подготовки, отправлен на фронт. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. Старые, бывшие царские, военспецы увидели в красных генштабистах отчасти конкурентов, а отчасти просто нежелательных сотрудников, вследствие того, что они, красные генштабисты, — коммунисты, и следовательно, в среде военспецов элемент нежелательный. В силу этих причин красных генштабистов начали сразу же “затирать”, пересылать из одного штаба в другой и т. д. до бесконечности»²⁷⁴.

Слушатель Д. Т. Шапошников писал о ситуации в штабе Западного фронта: «Когда прибыли наши слушатели в полевые штабы... то почти все они, за исключением некоторых, попали в невероятные условия.

Здесь им пришлось или совершенно толкаться без дела, или уткнули их на чисто писарские должности без малейшего участия со стороны своего непосредственного начальства, а в худшем случае они встретили явно неприязненные отношения с вопросом на лице: “Куда же мы вас денем? Все должности Генерального штаба у нас заняты”»²⁷⁵. Аналогичные свидетельства привел В. А. Кангелари: «В штабах фронтов радушная встреча, в штабармах холоднее, а в штабдивах и штаббригах скрытое или явное недружелюбное “куда же мы Вас денем”, — говорили товарищам, — “если Вас устроить, придется лишить места Ивана Семеныча или Петра Иваныча”...»²⁷⁶ Слушатель резюмировал: «Прошу сделать возможное, чтобы снять тех, кто уже определился хоть сколько-нибудь, с писарской работы, — ведь быть для поручения при наштадиве — это даже не практика, — это растрата сил, то же можно сказать и о должности помощника заведывающего разведывательным отделом в бригаде, где приходится оперировать исключительно с материалом войсковой разведки, а вместе с тем масса мест в полевых и высших штабах, где действительно можно учиться и работать с пользой, заняты Иванами Ивановичами, которым “тоже кушать хочется”»²⁷⁷.

Кангелари отмечал, что «военспецы сознательно и бессознательно губят дело, не умеют и не хотят работать, оттирают наших, а наши нужны армии как воздух (это не фразы)... Если нужно будет подтверждение сказанного мною Ильичу (ему доложите, когда получите мой доклад, это важно для Вашего выпуска, нельзя допускать такой возмутительной растраты партийных сил), подтвердят Сталин и другие члены Реввоенсовета»²⁷⁸.

Ему вторил слушатель Г. А. Мануйлов, который 20 августа 1919 г. писал из Смоленска по итогам двух месяцев службы на фронте: «Мой единственный вывод: красному генштабисту нужно помнить, что он единственно может вести гражданскую войну и ни в коем случае не может класть пальца в рот военспецам, уже осевшим в штабах. Не он должен приспособливаться к этим господам и созданной ими рутине, а приспособить все к себе и своей молодой чуждой канцелярской рутине революционной выучке, энергии и спорадичности метода действий. Залогом победы красного Генштаба над белым, над предательской бездарностью их может быть только организация и организация. На Западном фронте это уже и сделано»²⁷⁹. Нередко старых спецов недоучившиеся слушатели красной академии напрямую называли белогвардейцами. Положение их было незавидным. Тот же Мануйлов писал: «Что касается научных вопросов, то, как я сказал, их возникает здесь очень много. И это понятно потому, что у наших спецов есть манера вести всякую войну на основании “опыта” предшествующей войны. Смотрите же сами. Что за дикость получается, когда какой-нибудь военспецовский Павлин, имея фронт в 45 верст и две с половиною [тысячи] штыков, начинает растягивать свои силы, как бусы на ниточке. Этаким вот неводом думают здесь взять врага в полон. “По опыту минувшей войны”.

Изучайте историю бурской, североамериканской и других войн, которые по своему характеру действительно соответствуют нашему революционному времени, когда единственно исключительно ведется маневренная война. И далее. “По опыту минувшей войны” наши павлины почти исключительно применяют огневую тактику. Правда, для того, чтобы красноармеец пошел в штыки, необходимо его заставить.

Могут ли военспецовские песочницы, проникнутые глубокой пассивностью, действовать смелой наступательной тактикой, могут ли они действительно использовать и штык и пулю, местность и политическую ситуацию, а главное использовать маневрирование[?] Нет, нет и нет. Советская Республика должна красных генштабистов и рабочих офицеров вооружить всеми заботами, чтобы мы могли самостоятельно работать и вполне отвечать за свои действия. Революцией должны руководить революционеры, а не белогвардейцы...»²⁸⁰ В этих словах выражались взгляды многих «красных генштабистов».

Из дивизионных штабов также приходили критические отзывы. Слушатель Ю. Ю. Аплук, оказавшийся младшим помощником начальника штаба 6-й стрелковой дивизии, писал 2 августа 1919 г.: «Штаб 6-й стрелковой дивизии 7-й армии, за короткое время моего пребывания в нем, произвел на меня удручающее впечатление. Я в нем лично, как для нас, будущих генштабистов, ничего поучительного,

образцового не видел и, к сожалению, не мог найти, — кроме хаоса, требующего немедленного искоренения»²⁸¹.

Ситуацией с распределением слушателей был возмущен даже начальник штаба Западного фронта бывший полковник Н. Н. Петин, телеграфировавший 4 августа 1919 г. в штабы подчиненных армий: «Как это выяснилось в штазапе, многие из слушателей не только не получили штатных должностей Генштаба, но оказались совершенно неиспользованными по своей специальности, причем в одной из армий имеет место случай, что столь ценный сотрудник, как слушатель академии Генштаба, командированный в самое горячее боевое время на усиление Генштаба, в которых имеется огромный некомплект, до сего времени находится без дела вследствие канцелярской волокиты по поводу выяснения свободной для него вакансии. Красная армия крайне нуждается в подготовленном комсоставе, в особенности в таком, на который она в настоящей гражданской войне может положиться как на вполне преданный ей и связанный с нею общим единым революционным порывом. С этой целью академия, несмотря на крайнюю нежелательность отвлечения курсантов от теоретического изучения академического курса, признала необходимым прийти на помощь армиям и командировала на время летнего периода занятий своих слушателей, учитывая даже возможность окончательного оставления их в силу боевых условий в рядах Красной армии. Эта Красная молодежь шла с полным желанием отдать все свои силы и знания молодой революционной армии и вместо внимательного и серьезного отношения к себе встретила на месте сухой формализм и канцелярскую волокиту. Вина в этом лежит, безусловно, на начальниках штабов армий и дивизий, а также на тех начдивах и комбригах, которые не захотели временно, может быть, потерять некоторую устойчивость в штабной работе вследствие малой опытности слушателей с тем, чтобы получить затем в лице молодых генштабистов преданных делу сотрудников. Подобное отношение совершенно недопустимо...»²⁸²

Молодые слушатели столкнулись и с ответным неприязненным отношением старых генштабистов. В сообщениях они фиксировали удивительные для них заявления старого Генштаба. Так, например, слушатель А. Г. Васильев сообщал 7 августа 1919 г., что на приеме в штабе Западного фронта начальник штаба (тогда этот пост занимал Н. Н. Петин) заявил слушателям: «Вы, молодые генштабисты, идете к нам, старому Генштабу, на смену, который, работая уже без перерыва вторую войну, до того издергался, что не может работать активно, а работает только пассивно»²⁸³. По мнению слушателя, комментарии были излишни.

Далее Васильев отмечал и другие странности: «После разбивки нас на группы я в своей группе был направлен в штаб 7-й армии, где

прием носил совершенно другой характер, но это, возможно, объясняется тем, что мы там не были встречены ни одним старым генштабом и даже не имели удовольствия познакомиться с командармом 7[-й]. Я не хочу вышесказанным подчеркнуть, в свою очередь, также как будто неприязненное отношение к старому Генштабу, — хочу и здесь осветить другое, совершенно недопустимое явление в штабной работе, тем более в штабе армии.

Нас встретил и распределил по дивизиям вр.и.д. наштарм[а] т. [Г.] Валентинов, которого я знаю лично как хорошего коммуниста, но еще молодого человека (21 г[од]) и в военном деле понимающего столько, сколько понимает человек, никогда не бывавший в военной среде и боевой обстановке, хотя он и исполняет обязанности временно в течение нескольких недель^{*}, но я считаю такое явление недопустимым, принимая во внимание, что в это время в штабе фронта Генштабом можно было пруд прудить, — там все должности помощников начальников отделений были замещены ими»²⁸⁴.

Слушатели, направленные на Южный фронт, присылали аналогичные отзывы. Слушатель А. А. Ефимов сообщал в Бюинс 20 июня 1919 г.: «Едва выехал из Москвы, далеко еще не прибыл на место, но хочется уже поделиться с Вами впечатлениями о первых встречах в штабе Южного фронта. Подробнее об инциденте, случившемся с нами в штабе Южного фронта, я написал Совету академии, здесь лишь я приведу интересные добавления исключительно для Вас. Разговоры с некоторыми товарищами из политотдела убедили нас, что работа в штабах весьма не спорится, и не потому, что нет людей, а потому, что наблюдается скрытый всюду саботаж. В штабе Южного фронта представители бывшего Генерального штаба поразили нас своей некорректностью, какой-то холодной замкнутостью. Нас неприятливо встретили, прямо-таки недружелюбно, а под конец мы с ними разругались. Их ужасно поразила, а в душе взбесила, наша требовательность, настойчивость и полная нестесненность...»²⁸⁵

Сохранилось описание обстановки в штабе 8-й армии в июле 1919 г., составленное 3 июля присланными в него слушателями красной академии Генштаба. Как и во многих других случаях, молодежь возмущалась старыми генштабистами. По их мнению, «не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при разработке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны начальника оперативного отдела тов. [С. Н.] Голубева и его помощника тов. [Б. П.] Лапшина (старых генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого

* Подчеркнуто красным карандашом.

времени, да наконец громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас красная академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей армии. Подписали: Слушатели красной академии Генерального штаба [П. Е.] Морозов, [П. А.] Ягунов, [Н. В.] Миронцев, [Б. В.] Петрусевич»²⁸⁶.

Один из слушателей, Н. В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в штабе армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой штаба [8-й] армии, который порой, казалось, был штабом не Рабоче-крестьянской Красной армии, а царской старорежимной... в штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90 % должностей Генштаба вакантны и, кроме того, не только начальники штабов бригад, а подчас начальники штабов дивизий не только не генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др. люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хватает помещения, а еще штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»²⁸⁷. Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов.

Конечно, старые генштабисты обладали множеством недостатков. Но слушатели академии Генерального штаба РККА при огромном сомнении и недостаточных знаниях были намного хуже. Что собой представляли присланные в 8-ю армию будирующие слушатели красной академии, видно из написанного в иронической манере аттестационного отзыва начальника 12-й стрелковой дивизии о слушателе П. А. Ягунове от 10 ноября 1919 г.: «Тов. Ягунов прибыл в дивизию в 1[-х] числах августа с. г., работал при штадиве и его отделах. Проявлял особую любознательность к изучению приказов по армии и флоту, касающихся окладов и льгот комсостава. Имеет огромное тяготение к тыловой службе и распространению разных небылиц. Будучи послан в штадив соседней дивизии, задачу выполнял добросовестно, посылая все застарелые сведения аккуратно. Полученные им знания в академии Генерального штаба особенно не проявил, так что степень его подготовленности как работника штаба установить не удалось»²⁸⁸.

Мировоззрение слушателя Миронцева, вскоре попавшего в плен к белым, также не отличалось замысловатостью: «У меня

единственное пожелание [—] скорее начать старший курс академии, чтобы как можно раньше кончить академию к ранней весне; весной покончить со всей контрреволюцией в России и летом выступить против всемирной контрреволюции», — писал он летом 1919 г.²⁸⁹

Фанфаронством проникнуто свидетельство слушателя И. Д. Флоровского, оказавшегося во 2-й бригаде 7-й стрелковой дивизии: «Военспецы с момента моего появления подтянулись, боясь за то, как бы я не сменил собой кого»²⁹⁰. Г. Д. Закс, впоследствии видный деятель советской военной разведки, сообщал о штабе фронта 25 октября 1919 г.: «Будь я здесь членом Реввоенсовета или вообще имей я возможность, я бы устроил порядочную революцию и в управлении, и в людях, но бодливой корове, очевидно, не дано рог[ов]»²⁹¹.

О старых генштабистах и, вероятно, о слушателях красной академии оставил свидетельство известный историк Ю. В. Готье в своем дневнике 18 июня 1920 г.: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о “рижской операции” в августе 17-го года, т. е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа... Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие гориллы хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости»²⁹².

Молодые слушатели проявляли не только непомерное сомнение. Встречались и противоположные примеры. Некоторым слушателям даже удалось завоевать уважение старых генштабистов. С другой стороны, мыслящие слушатели на практике столкнулись с недостаточностью своих познаний и также стали больше уважать старых спецов. Один из направленных на фронт слушателей, Ф. И. Трутко (служил в Орловском окружном оперативном штабе по борьбе с дезертирством), писал 10 августа 1919 г. начальнику академии, что «на опыте убедился, что те знания, которые нам сейчас даются в академии, все еще недостаточны, чтобы быть организаторами, “мозгом” армии. Если эти знания и достаточны для того, чтобы быть работниками в штабах, уже организованных, где работа уже налажена, то они очень и очень недостаточны для того, чтобы самому организовать штаб»²⁹³. Слушатели жаловались на недостаточное знакомство с курсом службы Генштаба, незнание техники его работы и организационных вопросов²⁹⁴.

В разгар Гражданской войны большевистскому руководству было явно не до длительных разбирательств в академии, к концу войны ситуация во фракции коммунистов Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г.) практически не изменилась. Анти-

спецовские настроения всегда находили отклик в среде слушателей, но потеснить дипломированных спецов до завершения учебы в академии ее слушатели не могли. Первый выпуск академии состоялся только в 1921 г., когда вопрос вновь стал актуален.

Отношение краскомов к старому Генштабу наглядно прослеживается в дневниковых записях А. М. Коллонтай за 1919 г. о своем супруге, революционном матросе П. Е. Дыбенко, обучавшемся в академии: «А все отношения Павла [Дыбенко] к академикам, профессорам? Он их глубоко презирает. И в оценке их безтворчества в новой науке, науке военной, рожденной гражданской войною — он прав. Но он видит в них только “сволочь” и не допускает, что во многом у них есть и умственное превосходство в смысле знания, и духовная культура, до которой нашим надо еще дорасти, доразвиться. Так и чувствую эту коллизию двух миров: старый Генштаб, презирающий Дыбенко — “хама”, хотя и признающий, что он “способный, эта шельма”, и красный Генштаб... Хочется сказать нашим генштабистам: “Дорастите до них! И имея *свое*, то, что дает вам классовое творчество, классовое провидение — тогда уже критикуйте их. Перерастите их! Критикуйте, но не снизу, а сверху”. И когда наши этого не схватывают, я сержусь»²⁹⁵.

А вот аналогичное мнение бывшего генерала А. И. Верховского о слушателях Казанских инженерных курсов из письма сестре от 7 февраля 1920 г.: «С радостью гляжу, как начинает у них светиться мысль, как просыпается самодеятельность, как они начинают самостоятельно относиться к тому, что делают. Но рядом с этим оборотная сторона медали. Вырванные из своей среды и выдвинутые в “баре”, они взяли чисто только худшую сторону барства и чрезмерную жажду “жить” и наслаждаться. А это тянет на то, чтобы делать мерзости, подлости и пр. Так что в жизни рядом с проблесками жизни лучшей, которая придет, столько грязи и тоски, что иногда задыхаешься и теряешь силы»²⁹⁶. Для подобного описанному Верховским поведения коммунистов в Советской России появился даже специальный термин — «комчванство» — коммунистическое чванство.

18 января 1921 г. на собрании ячейки академии были приняты за основу тезисы о том, что пополнение академии должно быть коммунистическим. 9 апреля 1921 г. орденосец слушатель И. Ф. Федько (впоследствии — командарм 1-го ранга), известный своим неприязненным отношением к спецам, предложил произвести перевыборы бюро ячейки «ввиду его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»²⁹⁷. Бюро было переизбрано. На общем собрании ячейки 16 июня 1921 г. была принята резолюция о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через централь-

ные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»²⁹⁸. На аналогичном собрании 24 июля было внесено предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»²⁹⁹. Также было внесено предложение об обновлении преподавательского состава и замене «заядлых военспецов» генштабистами с опытом Гражданской войны.

Военное руководство во главе с Троцким и после завершения в ноябре 1920 г. широкомасштабной Гражданской войны продолжало опираться на проверенные кадры высококвалифицированных военспецов-генштабистов с дореволюционным стажем. Такое положение вещей не устраивало заканчивавших обучение в Военной академии РККА молодых, прославленных и амбициозных красных генштабистов, стремившихся после окончания академии отнюдь не на должности ротных командиров. Как отмечал один из слушателей, «в ближайшее время из академии должны были выпуститься Дыбенки, Венцовы, Федько, Урицкие, но старые генералы просто предлагали назначить их, по крайней мере на время, на низшие должности. Успев покомандовать армиями, они могли оказаться командирами рот и батальонов»³⁰⁰. Почва для конфликта была налицо.

Краскомы перенимали у военспецов некоторые привычки. Сэтим связан гневный совершенно секретный циркуляр Э. М. Склянского командующим войсками военных округов от 17 октября 1922 г.: «Имеются сведения, что в последнее время некоторые лица комсостава начинают проводить как в уклад своей повседневной жизни, так и во взаимоотношения между собой и красноармейцами “барские замашки”, свойственные офицерству буржуазных армий.

Подобное явление не может быть терпимо в среде Рабоче-крестьянской армии, поэтому Революционный военный совет республики, признавая необходимым ликвидировать отмеченное выше явление, просит Вас преподать всем подведомственным Вам начальствующим лицам соответствующие указания.

С товарищеским приветом Э. Склянский»³⁰¹.

Взаимоотношения между различными категориями комсостава порой приобретали причудливый характер. По воспоминаниям слушателя красной академии К. А. Мерецкова, в 1924 г. начальник штаба Московского военного округа, в прошлом курсовик А. М. Перемытов жаловался командующему округом К. Е. Ворошилову на начальников отделов — бывших генералов, которые «когда он, Перемытов... вносит какую-либо идею... кривят презрительно губы и пытаются саботировать ее, дескать, этот выскочка, ходивший в нашем подчинении,

теперь тшится что-то такое нам показать; а на Мерецкова они смотрят как на человека, выдвинутого революцией, и спокойно ему подчиняются»³⁰².

В то же время партийное руководство не могло всецело доверять не только военспецам-генштабистам, но и своим соратникам по партии — слушателям красной академии. В 1921 г. двое слушателей академии, члены РКП(б) З. Ф. Абрамов и К. Е. Шомполонский (Шемполонский) создали контрреволюционную организацию «Донская повстанческая армия» из девяти подпольных единиц (полков), командовал которой еще один слушатель академии, коммунист с 1918 г. и начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии по кличке Орленок. По некоторым данным, Орленком был сам Абрамов³⁰³, однако указанные факты в биографии (членство в партии с 1918 г. и должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии) имел сокурсник Абрамова и Шомполонского — С. М. Савицкий. Так или иначе, эта группа примыкала к рабочей оппозиции в РКП(б) во главе с В. Л. Панюшкиным и готовилась к активным диверсионным действиям против большевиков³⁰⁴.

Нараставшая конфронтационность и непомерный рост амбиций слушателей стали вызывать тревогу в ЦК партии, назначившем в академию комиссию в составе А. С. Бубнова, А. Г. Белобородова и И. Г. Сольца для проверки ее деятельности. Комиссия работала в июле — августе 1922 г. По заключению комиссии по проверке ячеек академии в 1922 г. (Бубнов и Белобородов), положение было далеко не блестящим. В академии постоянно возникали трения на почве дробления слушателей на «рабочих», «интеллигентов», «старую партийную братву», «штабс-капитанов» и «красноштанников». Существовали «антиспецовские настроения», «коммунистическое бахвальство», «постоянно вспыхивающее склочничество»³⁰⁵. Конфликты возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, так и по политическим причинам. Разногласия выявились еще в ходе дискуссии о профсоюзах 1920—1921 гг. Тогда 39 слушателей стояли на «платформе десяти», 10 — на платформе Троцкого, 133 — на платформе рабочей оппозиции³⁰⁶. 19 мая 1921 г. общее собрание ячейки выступило за то, чтобы академию возглавил партийный товарищ. Летом 1921 г. так и произошло — прежнего начальника академии А. Е. Снесарева сменил М. Н. Тухачевский. Бюро фракции РКП(б) имело и определенные властные полномочия. Например, оно тщательно обсуждало кандидатуры выпускников при назначении их на должности. Решение утверждал начальник академии³⁰⁷.

Комиссия обратила внимание на карьеризм руководства фракции при инертности и апатичности рядовой массы. Бюро фракции постоянно вмешивалось в административно-хозяйственную и учеб-

ную жизнь академии, причем «это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, с одной стороны, [так] и администрацией и профессурой, с другой»³⁰⁸. Жизнь академии и бездеятельности фракции коммунистов не признавалась удовлетворительной из-за чрезвычайно разнообразного по уровню подготовки состава слушателей, разбухшей численности, отсутствия устойчивых планов и программ, наличия «рабочей оппозиции». Деятельность фракции лишь обостряла все противоречия, тем более что даже комиссия отмечала повышенную склочность ее членов. В результате комиссия предложила сократить численность слушателей до 400 человек и комплектовать академию более однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья. Начальником академии должен был быть крупный военспец.

Комиссия Бубнова провела чистку академии, в ходе которой, как уже отмечалось, из 648 слушателей 348 были отчислены за неблагонадежность или непригодность³⁰⁹. Парторганизацию академии освободили от административных функций. Был ликвидирован и так называемый «учком» — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, опасному для большевиков, был нанесен мощный удар. Держать слушателей академии в русле «генеральной линии» не удалось. В частности, к 1924 г. среди слушателей получили распространение националистические и шовинистические взгляды³¹⁰.

Краскомы, готовившиеся стать красными генштабистами, не останавливались. Целью было вытеснение старого Генштаба, занявшего ключевые посты в РККА. Победа И. В. Сталина и его сторонников во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. способствовала этому, а механизмы взаимодействия сталинского окружения и недовольных краскомов видны из документов.

В феврале 1923 г. слушатель Военной академии РККА В. Р. Розе карандашом набросал на нескольких клочках бумаги записку для К. Е. Ворошилова: «Тов. Ворошилов!

Пользуясь случаем, я пишу Вам о некоторых “новостях”, которые последнее время стали у нас повседневными событиями.

Вопрос касается ухода наших ребят из армии.

В длинном списке уходящих найдете теперь и фамилию “Розе”. Осталось мне еще всего несколько месяцев до окончания академии, но считаю, что дальше молчать нельзя. Я глубоко убежден, что политика нашей партии по отношению Кр[асной] армии совершенно

устарела^{*}. Если политика “ставка на старого командира” (от капитанов до генералов включительно) будет продолжаться, то считаю, что мы будем иметь армию за “единую” и “неделимую”, а не за советскую власть. Далее, я глубоко убежден, что до тех пор, пока во главе армии не будут свои люди (я понимаю, начиная с главкома), до тех пор разложение будет продолжаться.

Считаю для оздоровления и создания крепкой, боевой Красной армии необходимым:

1) Взять резкую политику в пользу красного ком[андного] состава.

Строить армию на трех китах:

I. На командные должности во главе армии должны стать старые, испытанные революц. товарищи из Высш[их] ак[адемических] курсов.

II. Нач. штабов — академия.

III. Нач. полит. отделом [—] старый наш партиец.

Далее: Требуется создать крепко спаянную, резко выраженную организацию классового ком[андного] состава — это будет тот остов, который поведет в бой те крестьянские массы, для которых будут непонятны цели международной, партийной политики. Они не пойдут^{***}, а их нужно будет вести^{****} в бой.

Если [к] этому времени не будет своей организации ком[андного] состава, то, имея в виду, что в армию в случае мобилизации вольются 15–20 тысяч белого ком[андного] состава, то считаю, что наше дело будет весьма плохо.

Кончаю и уверен, тов. Ворошилов, что Вы примете резко нашу сторону и поведете борьбу за лозунг “Равнение на красн[ый] ком[андный] состав сверху^{****} донизу”. Что касается меня, я вступил в актив[ную] борьбу с документами [в] руках. Буду у Троцкого. С приветом Розе³¹¹.

К документу была сделана приписка: «Тов. Ворошилов, изложенное не есть идея тов. Розе, а нашей среды академической и тов[арищей], приезжающих из армии.

Толчок активным действиям по этому вопросу я лично получил на совещ[ании] воен[ных] делегатов после заявления Антонова-Овсееенко, что почти половина ком[андного] состава в армии против сов[етской] власти³¹². На эту записку Ворошилов наложил резолюцию о необходимости посоветоваться со Сталиным.

Непростые взаимоотношения двух групп комсостава вылились в коллективное письмо 14 командиров РККА в ЦК партии

^{*} Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, подчеркнуто Ворошиловым.

^{**} Подчеркнуто автором записки.

^{***} Подчеркнуто автором записки.

^{****} Подчеркнуто автором записки.

от 10 февраля 1924 г. Этот документ также встретил энергичную поддержку у Сталина, распорядившегося его растиражировать. Среди прочего командиры писали: «Все заслуженные, выхолонные выходцы из буржуазного и аристократического мира, бывшие идейные руководители царской армии — генералы остались на своих местах, а иногда даже с повышением. Контрреволюционеры и идейные руководители белогвардейщины, вешавшие и расстреливавшие сотнями и тысячами пролетариат и коммунистов в период Гражданской войны, опираясь на поддержку своих старых товарищей по царской академии или родственные связи со спецами, засевавшими в наших главках или управлениях, свили себе прочное, хорошо забронированное осиное гнездо в самом сердце Красной армии, ее центрально-организационных и учебных аппаратах³¹³. Старая академия в этом документе была названа бесталанной. Кроме того, письмо содержало обвинения во враждебности в адрес нескольких генштабистов.

Против военспецов был направлен и доклад бюро ячеек Военной академии от 18 февраля 1924 г., вполне естественно встретивший поддержку у И. В. Сталина. Не исключено, что все эти коллективные обращения были инспирированы сторонниками Сталина. В докладе с тревогой говорилось, что «количество бывших офицеров Генерального штаба по сравнению с количеством их в армии во время Гражданской войны значительно увеличилось³¹⁴. Авторы доклада выражали обеспокоенность сплоченностью спецов и доминированием в военно-учебных заведениях их взглядов (например, о национальных, а не классовых войнах), отравляющих классовое сознание слушателей. Иронически отмечалось, что красные генштабисты до сих пор не получили «санкции спеца на руководство вооруженной силы»³¹⁵.

Из Ленинградского военного округа в марте 1924 г. в адрес ЦК пришел коллективный ответ на «письмо четырнадцати», в котором, между прочим, было сказано о недостаточности работников Генштаба в рядах РККА и о том, что еще не настал тот момент, когда в деле строительства Красной армии можно было бы отказаться от помощи военных специалистов («придет время, когда их нужно будет выбросить»³¹⁶ — лексика, вполне характеризовавшая отношение к военспецам), в первую очередь, в связи с недостаточным уровнем подготовки так называемого пролетарского комсостава. Ленинградцы прямо заявили, что «в период Гражданской войны мы руководили операциями далеко не в соответствии со строгими требованиями стратегии и тактикой... далеко не всегда успех в боях относился на счет наших познаний»³¹⁷. Видимо, речь шла и о том, что многие победы были, прежде всего, заслугой военспецов. В отношении их идеологического влияния авторы отклика полагали, что бояться этого не нужно, а не-

обходимо устранить такое влияние, сведя работу военных специалистов к узко профессиональным вопросам.

Итак, военспецов планировали использовать, а затем избавиться от них. В общем и целом так и произошло в 1920–1930-е гг., в том числе в связи с укреплением режима личной власти Сталина — давнего противника политики привлечения бывших офицеров.

**«И так мое сердце
над Рэ-сэ-фэ-сэром
скрежещет, корми —
не корми» (быт)**

Вопросы материального и социального обеспечения в условиях голода, разрухи и ожесточенной Гражданской войны играли немалую роль и могли влиять на жизненные обстоятельства военспецов. Вместе с тем материальный достаток в такой обстановке представляется категорией довольно условной, поскольку порой за обесценившиеся деньги ничего нельзя было купить, а распространялся натуральный обмен. Многим в те годы приходилось работать за еду, дрова, керосин. Попробуем разобраться в роли материального и бытового факторов жизни и службы советских генштабистов эпохи Гражданской войны.

Жалованье

Каково же было материальное положение офицеров Генерального штаба до 1917 г.? Генштабисты являлись элитой старой армии, однако их доходы варьировались в зависимости от званий и должностей. Так, годовое жалованье генералов на 1 июня 1907 г. составляло 2100 руб., генерал-лейтенантов — 1800 руб., генерал-майоров — 1500 руб., полковников — 1200 руб., подполковников — 1080 руб., капитанов — 900 руб., штабс-капитанов — 780 руб.¹ Годовое жалованье даже штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Помимо этого офицерам полагались дополнительные выплаты и пособия, прежде всего, столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение лошастью со всей сбруей в конце XIX — начале XX в. выдавалось 300 руб. Некоторые офицеры получали средства на прислугу в размере 10 руб. в месяц².

Что могли позволить себе генштабисты на получаемые выплаты? Думается, многое. Питаться месяц, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55–60 руб. (завтрак в 1912 г. мог стоить 50 коп.³). Снять комнату можно было за 25 руб. Пуд пшеничной муки стоил 2,5 руб., мешок картофеля 1 руб., фунт мяса 10–12 коп., бутылка водки 30 коп., бутылка коньяка 1,5 руб., пара ботинок 5–8 руб., пара яловых сапог 7 руб. Месячная зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб. (средний заработок — 32 руб.⁴), служащего — 85,5 руб. В войну цены изменились. Дюжина лезвий для бритвы «Жилетт» стоила в 1915 г. около 2 руб. Пара простых сапог в 1916-м — 5 руб., шапка — 1 руб. 40 коп.

Б. М. Шапошников вспоминал, что молодым офицером получал 67 руб. жалованья, 9 руб. квартирных и по 30 коп. в сутки на караулы. Тратил он на обеды и ужины в месяц 12 руб., на квартиру 15 руб., на чай, сахар, табак, стирку 10 руб., на обмундирова-

ние 10 руб., на вычеты в батальон 10–15 руб., на жалование денщику 3 руб., после чего оставалось 11–16 руб., а с прибавкой летних лагерных денег — до 20 руб.⁵ По его воспоминаниям, жизнь была достаточно скромной.

Неплохо обеспечивались генштабисты в зарубежных командировках. Так, находившийся в заграничной командировке генерал Я. Г. Жилинский на май 1916 г. получал 2100 руб. годового жалования, 3500 руб. столовых, 6040 руб. прибавочных, 360 руб. разъездных, 2330 руб. квартирных, а также по 500 руб. в месяц на представительство и суточные по 45 франков⁶. Итого 20330 руб. и по 45 франков в сутки. Жалование военного агента во Франции в январе 1916 г. составляло 2250 руб. в год, 5250 руб. столовых, 1800 руб. квартирных, 1050 руб. на служебные расходы, 750 руб. на разъезды. Итого 11100 руб.⁷

Командир корпуса в чине генерал-лейтенанта в 1917 г. получал 2472 руб. годового содержания, 5700 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 7300 руб. полевых порционных денег, 2400 руб. фуражных (учитывалось количество лошадей), 144 руб. на дрова для варки пищи. Итого 18256 руб. Также выплачивалось 90 руб. на дрова для отопления и 20 руб. на освещение. Полный генерал получал жалования на 468 руб. больше. Начальник штаба корпуса мог получать годовое жалование в размере 2014 руб., 3000 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 3650 руб. полевых порционных, 900 руб. суточных дополнительно, 2280 руб. фуражных, 432 руб. на дрова. Итого 12516 руб.⁸

Слушателям ускоренных курсов Военной академии старались сохранять более высокое содержание, если они получали таковое ранее, а по новой должности их оклад мог уменьшиться. Начальник штаба военного округа, полковник Генштаба, мог получать в 1917 г. 1200 руб. оклада, 3000 руб. столовых и 500 руб. квартирных⁹. В июне 1918 г. на Кавказском фронте, где еще сохранялся дореволюционный уклад службы, исполняющий должность помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего фронтом, подполковник Генштаба, получал от 900 до 1080 руб.¹⁰

Офицеры старой армии, привыкшие к регулярному получению жалования и жившие на него, при демобилизации армии в начале 1918 г. в одночасье оказались без средств. Ничего другого, кроме несения военной службы, многие из них делать не умели. Необходимо было устраиваться на службу, чтобы как-то прокормить себя и близких. В таких условиях материальное обеспечение службы приобретало решающее значение.

Генерал А. П. Будберг справедливо отметил в своем дневнике 13 декабря 1917 г.: «Сейчас голод даже с руки большевикам, ибо, оставаясь повелителями распределения наличных и притекающих

запасов продовольствия, они владеют средством привлечения к себе единомышленников и вольных и невольных прислужников, несравненно более сильным, чем декреты, пропаганда, убеждения и т. п. “Хочешь быть с нами, дадим есть, а не хочешь — пеняй на себя” — таков сейчас лозунг большевистской политики по отношению ко всему населению. А ведь ради прокормления семьи и просящих есть детей к большевистским ногам склонятся очень многие непреклонные при других обстоятельствах шеи»¹¹. 16 декабря Будберг записал: «Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу»¹². В таком же положении оказались и семьи офицеров. Жены и вдовы офицеров в декабре 1917 г. осаждали советские учреждения в поисках справедливости¹³. Из-за разрухи, развала транспортной системы, дезинтеграции страны цены на продукты в конце 1917 — начале 1918 г. резко возросли. В Крыму офицеру с семьей уже нельзя было прожить на 100 руб. в неделю¹⁴. Будберг в Петрограде пребывал в полуголодном состоянии, получая в конце 1917 г. четверть фунта хлеба в день. Выживать приходилось, потребляя мерзлый картофель, стоивший 30–40 руб. за пуд (цена постоянно росла). Купить его можно было, заняв очередь с 2–3 часов ночи на морозе¹⁵. Катастрофичность положения усугублялась разгулом криминала. С национализацией банков офицеры, хранившие там свои сбережения, потеряли их.

2 января 1918 г. был издан приказ Наркомата по военным делам об окладах жалования для военнослужащих. Были отменены гвардейские оклады. Продукты и обмундирование теперь выдавались натурой. Семьи военнослужащих получали паек. Командир корпуса должен был получать ежемесячно 700 руб., начальник дивизии 600 руб., командир полка и бригады 450–500 руб. (большая сумма означала боевой оклад). Преподаватели получали жалование исходя из числа штатных часов¹⁶. В январе 1918 г. в Советской России разрабатывались новые оклады генштабистов, планировалось повышение жалования на 50%¹⁷. Однако эти проекты реализованы не были. Но бывшие офицеры Генштаба были признаны специалистами 21 января 1918 г. телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича № 225, причем им была установлена 35%-я надбавка содержания к основному окладу как принудительно задержанным на военной службе. Надбавку упразднили в апреле 1918 г. Бывший член Военного совета, генерал от инфантерии П. А. Гейсман жаловался в июне 1918 г.: «Жить без жалования или пенсии в высшей степени трудно, если не сказать хуже»¹⁸.

В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты. В мае 1918 г. видный большевистский военный деятель Н. И. Подвойский предложил при губернских военных

комиссариатах сформировать 15%-й резерв военспецов с оплатой 450—500 руб. в месяц¹⁹. В мае 1918 г. начальником оперативного отдела штаба Западного участка отрядов завесы был разработан проект, предусматривавший привлечение военспецов на службу при помощи жалования, бесплатного пайка, в том числе членам семьи, и бесплатного жилья, так как «только материальные преимущества могут до некоторой степени компенсировать те неудобства и тягости службы в отрядах, которые и являются главным препятствием к добровольному замещению свободных вакансий Генштаба»²⁰. На этот документ военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич наложил резолюцию о необходимости зарегистрировать офицеров Генштаба и перейти к системе обязательного назначения зарегистрированных по их специальности. Именно в этом направлении и развивалась постановка учета кадров Генштаба в дальнейшем. «Привлечение на службу путем материальных выгод считаю крайне ненадежным способом комплектования», — справедливо отметил Бонч-Бруевич²¹.

Начальник штаба Северного участка и Петроградского района Б. В. Геруа предлагал в апреле 1918 г.: «1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50 % установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалование невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[р]име[р], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т. д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»²².

В Советской России настойчиво проводился в жизнь принцип — кто не работает, тот не ест. Условием получения пайка бывшими офицерами становилось поступление на ту или иную службу. Некоторые современники отмечали значимость вопроса о жалованье в мотивации военспецов-генштабистов. Об этом писал, например, белый разведчик А. А. Борман, по свидетельству которого «офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками»²³. Однако абсолютизировать эти оценки не стоит.

В мае 1918 г. в одной из разведсводок Добровольческой армии сообщалось, что «в Москве существует Генеральный штаб, в котором работают “бывшие офицеры Генерального штаба”. В погоне за офицерами большевики не жалеют денег на большие оклады»²⁴. Разумеется, белым было проще объяснить факт поступления на службу большевикам сотен генштабистов материальной заинтересованностью,

нежели иными причинами, в том числе идейными. Помимо жалования генштабисты могли рассчитывать на материальную помощь одноклассников.

По данным на июль 1918 г., начальники управлений ВГШ получали по 1000 руб., начальники отделов — по 900 руб., их помощники — по 800 руб., начальники отделений — по 700 руб.²⁵ Начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан получал 1000 руб., начальники отделов — 900 руб., начальники частей — 800 руб.²⁶ Н. М. Потапов как управляющий делами Наркомата по военным делам получал 1000 руб., состоявший при нем для поручений А. А. Балтийский получал 800 руб., прикомандированный к Троцкому генштабист В. И. Самуйлов — 800 руб.²⁷ Оклад в 1000 руб. в то время являлся одним из наиболее высоких в РККА. Столько же получали инспектора формирований. Военный консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам получал 800 руб.

В 1918 г. политические комиссары в военных округах получали по 700 руб.²⁸ В штабе Орловского военного округа на 1 августа 1918 г. у делопроизводителей отделов существовали оклады в 550 руб. Начальник штаба округа получал 900 руб., начальник административного управления — 800 руб., начальники отделов — по 700 руб.²⁹

Особняком стояла бывшая Николаевская военная академия. Осенью 1917 г. материальное положение слушателей в Петрограде на фоне колоссальной дороговизны было достаточно тяжелым. Курсовик В. М. Цейтлин отмечал в дневнике 9 октября 1917 г.: «В смысле дороговизны сплошной ужас, при нашем содержании жить невозможно, обед стоит 6—8 рублей, вчера переночевал в гостинице и пожалуйста 10 рублей.

Бутылка сельтерской — 60 коп. Хлеба нет совсем, доставать трудно, даже по карточкам. Паек уменьшен с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта. Извозчик с вокзала — 11 рублей. Фунт колбасы 6 рублей, сыру 6 рублей, халва 6 рублей, шоколад 14 рублей и т. д.

Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»³⁰

Слушатели искали возможности для экономии. 12 октября в дневнике Цейтлина записано: «Был в академии, целой компанией обедали в собрании армии и флота, очень дешево, но скверно»³¹. 13 октября Цейтлин записал: «Кажется, нам прибавили жалования, да иначе и нельзя было бы существовать, т. к. мы стали получать меньше, чем в начале войны (отняли фуражные), а жизнь стала дороже раз в десять»³².

Дневниковая запись от 16 октября также затрагивает вопросы питания и материального обеспечения слушателей: «Начались лекции.

Страшная дороговизна, а у нас в академии до сих пор не наладились обеды, приходится ездить в собрание армии и флота, причем усташь от этого мотания дьявольски»³³. Вскоре и в академии слушателей стали обеспечивать питанием. 18 октября Цейтлин записал: «В академии наладилось продовольствие, и теперь стало легче жить, во всяком случае, обед обеспечен. Прислуга женская, и как это хорошо. До чего обнаглели в прошлом году “товарищи”, подававшие в столовой, просто трудно себе вообразить. Каждый из них думал, что, подавая обед, делает какое-то невероятное одолжение, несмотря на то, что все получали большое вознаграждение и освобождались от фронта.

Сейчас гораздо скорее и симпатичнее»³⁴.

Оказавшись в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35 % надбавки и выплачивалось пособие на два или три месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам³⁵. Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10–12 руб. в сутки³⁶. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. — начальники отделений, 350 руб. — их помощники.

В начале 1918 г. $\frac{9}{10}$ слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные — от 300 до 600 руб.³⁷ Слушатели получали и «керенские прибавки» — единовременные пособия на дороговизну в 200–300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.³⁸

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом Наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.³⁹ Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно.

18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном иждивении, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных — не специалистов увеличены до 500–800 р., полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р. для холостых и 550 р. для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р.»⁴⁰.

В обстановке неразберихи, характерной для начала 1918 г., жалование получали не все. Так, выпускник курсов Г. И. Теодори отмечал 6 апреля 1918 г., что «прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А. Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командированного нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованием, хотя бы по минимальному расчету — 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»⁴¹.

В дальнейшем размеры жалования возрастали. Немалую роль в этом сыграл лидер выпуска курсов 2-й очереди Г. И. Теодори. Так, например, он добился того, что прикомандированные к штабам с 14 марта 1918 г. получали по 400 руб. в месяц и 20 руб. суточных⁴².

К концу апреля 1918 г. оклады курсовиков составляли от 626 руб. 67 коп. у прикомандированных к штабам до 1800 руб. Оклады эти считались хорошими. Тем не менее не всех привлекало даже высокое материальное обеспечение. Так, молодой курсовик Ю. И. Григорьев получил 1200 руб. подъемных, обмундирование и 600 руб. жалования за март 1918 г., но все равно пожелал уйти со службы по болезни в связи с ранением⁴³. Позднее, впрочем, он продолжил службу в РККА.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованием в 550 руб. в месяц⁴⁴. Военком академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц⁴⁵ — меньше слушателей. В мае 1918 г. Уральский областной военкомат планировал выплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу⁴⁶.

Курсовики несли и корпоративные расходы: платили взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви при академии Генштаба. Ежегодный взнос в капитал составлял 6 руб., взнос на причт Суворовской церкви — 9 руб. Внесение 100 руб. одновременно давало пожизненное членство в капитале с отменой обязательных ежегодных взносов⁴⁷.

В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3–6 руб., по военной администрации — 2 руб.⁴⁸ В апреле — мае 1918 г. профессора академии получали по 600 руб., начальник академии — 700 руб., правитель дел, заведующие обучаю-

щимися — по 450 руб., казначей академии — 350 руб., дворник — 275 руб.⁴⁹ Оклад начальника академии по проекту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.⁵⁰, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления⁵¹. Правитель дел получал 800 руб., его помощник — 700, ординарный профессор — 900, штатный преподаватель — 700, сторож — 150 руб.⁵² За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги — 50 руб. за экзамен⁵³. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. — 30–45 руб.).

Штат военрука района (отряда) завесы был утвержден ВВС 28 марта 1918 г. Тогда военрук получал 700 руб., а боевой оклад — 800, помощник военрука — 700 руб. в любое время, начальник штаба — 600 руб., генштабисты для особых поручений — по 500–550 руб., начальники отделений — по 500–550 руб. (боевой оклад)⁵⁴.

Служивший в Петроградском районе П. Н. Буров писал 10 июля 1918 г. начальнику управления по командному составу ВГШ А. П. Архангельскому о своем тяжелом положении: «Вот уже три месяца как я состою на службе в Петроградском районе.

Вывеску меняю еженедельно, а толку до сих пор нет. Нервы треплются без пользы и для себя, и для дела. А главное — нахожусь под непосредственной угрозой голодной смерти. За себя еще не боюсь, но за семью стало положительно страшно.

Если Вы можете мне оказать помощь перебраться на какую-нибудь должность в районе Ярославля — не откажите оказать содействие. С [Н. Д.] Ливенцовым у меня были хорошие отношения. Если он там еще и у него имеются какие-либо места, думаю — затруднений не будет.

В настоящее время я именуюсь инспектором 1^й инспекции формирований. Но дивизии постепенно отходили от меня, и сейчас пытаются что-то сделать для меня искусственно.

Вообще же создавшаяся здесь обстановка стала невыносимо тягостна. Знаю, что и в других местах, вероятно, не лучше, но все же всемерно из Петрограда хочу выехать»⁵⁵.

Декретом СНК от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» устанавливались новые нормы оплаты труда. Все советские работники были разделены на четыре группы, внутри каждой из которых делились на категории. К первой группе относились наркомы, руководители учреждений и их самостоятельных подразделений (отделов, отделений, секций), помощники руководителей подразделений, ответственные работники со специальными знаниями, делопроизводители 1-го разряда со знанием иностранных языков, заведующие канцеляриями и т. д. Ко второй группе — служащие со специальными знаниями и опытом, работавшие под руководством ответственных лиц, делопроизводители,

преподаватели средних учебных заведений. К третьей группе относились профессиональные рабочие и служащие без специальных знаний. К четвертой группе — начинающие и низовые работники. Очевидно, генштабисты относились к первым двум группам (прежде всего, к первой). Оклад наркомов, заведующих общероссийскими учреждениями, управляющих делами комиссариатов составлял по декрету 800 руб. (1-я категория 1-й группы), ответственные работники со специальными знаниями, т. е. основная масса генштабистов (2-я категория 1-й группы), получали 750 руб. От категории к категории оклады уменьшались на 50 руб.

Во второй группе максимальным окладом было 650 руб. Сточные по декрету составляли месячный оклад, деленный на 30, но не менее 20 и не более 40 руб. в сутки. Сверхурочная работа в ночное время и праздники оплачивалась в двойном размере⁵⁶.

Оклады специалистов могли быть увеличены до 1200 руб. в месяц⁵⁷. Для сравнения, наименьший оклад инженера-специалиста в Наркомате путей сообщения составлял 1200 руб., а техника — не менее 800 руб. Рабочие в среднем получали на сентябрь 1918 г. 325–350 руб. в месяц, а председатель СНК В. И. Ленин за 1918 г. получал по должности в среднем по 807 руб. в месяц (как и полагалось по декрету от 27 июня 1918 г.)⁵⁸. Несмотря на десятикратный рост суммы, покупательная способность зарплаты рабочих в сравнении с 1914 г. снизилась.

Согласно справке отделения по службе Генштаба ВГШ, датированной 15 июля 1918 г., «в настоящее время вопрос о замещении вакантных должностей Генерального штаба принимает очень острое положение, в особенности в больших городах, где материальные условия жизни чрезвычайно тяжелы. Обстоятельствами, затрудняющими для большинства лиц Генерального штаба поступление их вновь на службу, являются, по заявлению большинства: 1) маленькие оклады содержания, на которые семейные не могут существовать, и 2) неудовлетворительная постановка продовольственного и квартирного вопросов»⁵⁹. Предлагалось ввиду роста дороговизны увеличить прибавку к окладам до 50 % существующих окладов.

Оклады постепенно возрастали. Военрук участка в 1918 г. получал 1000 руб. (К. К. Байов как военрук Московского района получал 1500 руб.⁶⁰), помощник военрука, начальник штаба — 900 руб., начальники отделов — по 800 руб., начальники отделений — по 700 руб., консультанты при штабах озерно-речных флотилий — по 800 руб., начальники дивизий — по 900 руб., начальники штабов дивизий — по 800 руб., командиры бригад — по 800 руб., начальники штабов бригад — по 600 руб., помощники начальников штабов дивизий по оперативной части — по 550–600 руб., заведующие оперативной частью неотдельных бригад — по 600 руб.⁶¹ Такие же оклады сохра-

нялись и летом 1918 г.⁶² Инспектор формирований получал 1000 руб., состоявшие для поручений при нем — 700 руб.⁶³ К осени 1918 г. 700-рублевый оклад стал минимальным для специалистов Генштаба на низших должностях⁶⁴. Находившийся в распоряжении военрука Северного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. Ф. В. Костяев должен был получить 1200 руб. С конца сентября как начальник штаба Северного фронта он получал уже 2500 руб., а с 22 октября как начальник Полевого штаба РВСР — 3500 руб.⁶⁵ Таким образом, за месяц жалование военспеца выросло втрое. Вдвое выросло жалование генштабиста А. К. Мальшева, получавшего как начальник штаба войск Петрограда до конца сентября 1918 г. 800 руб., а затем как начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта и для поручений при начальнике Полевого штаба РВСР 1700 руб.

20 сентября 1918 г. был издан приказ РВСР, содержавший данные о новых окладах. Согласно приказу командующий армией получал 2500 руб., член РВС армии — 1700 руб., начальник штаба армии — 2000 руб., его помощник, а также начальник снабжений, начальник военных сообщений, интендант армии — по 1700 руб., заведующие отделениями армейских штабов — по 1500 руб., их помощники — по 1300 руб., делопроизводители — по 900 руб. Командиры полков — по 1500 руб., командиры батальонов — по 1200 руб., командиры эскадронов — по 1000 руб., командиры отделений — по 600 руб., красноармейцы — по 300 руб.⁶⁶

Эти оклады намного превышали оклады ответственных гражданских работников и специалистов, установленные ВЦИК 22 сентября 1918 г. и утвержденные декретом СНК от 18 октября 1918 г. (максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 руб., максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом — 830 руб.). Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по окладам среди специалистов. Так, военные моряки получали схожие оклады⁶⁷.

Находившийся в распоряжении начальника ВГШ и ожидавший назначения на должность И. П. Сытин в сентябре 1918 г. получал 1000 руб. по должности, на которую предназначался (военрук Приволжского военного округа)⁶⁸. Генштабисты, находившиеся в распоряжении начальников армейских штабов, могли в конце 1918 г. получать оклад в 1700 руб.⁶⁹ Реальные выплаты могли быть ниже, например, при совместительстве, за которое могли удерживать 50 % жалования. Начальник штаба РВСР Н. И. Ратгэль получал 3000 руб. в месяц, 9 октября 1918 г. он был назначен начальником ВГШ, но приступил к исполнению обязанностей лишь 25 октября. Новый оклад Ратгэля составил только 1480 руб., что вызвало недовольство военспеца. Тем более что главком И. И. Вацетис и член РВСР К. Х. Данишевский пообещали ему на словах, что с новым назна-

чением материально Ратгэль не пострадает⁷⁰. Новый оклад Ратгэля испрашивал с 22 октября. Для сравнения, предшественник Ратгэля на этом посту А. А. Свечин получал 2000 руб. в месяц. В итоге Ратгэль добился своего и стал получать 3000 руб. и по новой должности⁷¹. Любопытно, что военный комиссар ВГШ И. Л. Дзевялтовский имел на декабрь 1918 г. оклад в 1480 руб.⁷², получая, таким образом, вдвое меньше беспартийного военспеца Ратгэля.

«Лица Генерального штаба», командировавшиеся на фронт в 1918 г., из сумм, имевшихся в распоряжении начальника ВГШ (двухмиллионный кредит⁷³), получали подъемное пособие в 2000 руб.⁷⁴ С 3 декабря 1918 г. выплаты пособия по решению комиссара ВГШ И. Л. Дзевялтовского прекратились⁷⁵, согласно приказу РВСР от 26 декабря 1918 г. выдавалось лишь путевое довольствие⁷⁶. С 30 октября 1918 г. члены комиссий по пересмотру и разработке уставов, занимавшие штатные должности, получали суточные в размере 20 руб.⁷⁷ При командировках на фронт практиковалась выдача в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме⁷⁸.

С 15 ноября 1918 г. начальник оперативного управления штаба фронта получал 2300 руб., начальник оперативного отделения — 1900 руб.⁷⁹ Начальник отдела штаба фронта на октябрь 1918 г. получал 2000 руб. в месяц⁸⁰. При этом начальник отдела штаба округа в ноябре 1918 г. получал лишь 848 руб.⁸¹

Оклад командующего Западной армией А. Е. Снесарева на декабрь 1918 г. намечался в 3500 руб. (в октябре 1918 г. Снесарев как начальник Западного района обороны получал 1250 руб.⁸²), члены РВС получали по 2000 руб., военспецы для поручений при командарме — по 1700 руб. (один — Генштаба, второй — мог быть Генштаба), начальник штаба армии получал 2500 руб., для поручений при нем (мог быть Генштаба) — 1500 руб., начальник оперативного управления — 2000 руб., для поручений при нем (один — Генштаба, второй — мог быть Генштаба) — по 1500 руб., начальник оперативного отделения — 1700 руб., помощники (один — Генштаба, второй — мог быть Генштаба) — по 1500 руб.⁸³ Такие же оклады сохранялись и в начале 1919 г.

Начальник отделения штаба армии в декабре 1918 г. мог получать 1500 руб.⁸⁴ На апрель 1919 г. начальник оперативного отдела штаба армии получал 1700 руб., генштабист на должности для поручений в штабе армии — 1400 руб. Генштабист на должности для особых поручений в штабе фронта получал уже 2100 руб.⁸⁵ В материальном плане фронтовые штабы были более привлекательным местом службы.

Начальник штаба бригады мог получать в конце 1918 г. 1500 руб., командир бригады — 2000 руб.⁸⁶ Заведующий командными курсами мог получать в 1919 г. 800 руб., военрук губвоенкомата — 1060–1360 руб., а после повышения окладов — 1700 руб.⁸⁷

25 ноября 1918 г. заместителем председателя РВСР Э. М. Склянским были утверждены новые оклады сотрудникам ВГШ, по которым начальники военно-исторической части, разведывательной части, регистрационной службы получали по 800 руб. в месяц, начальники Военно-ученого архива, московского архива, нижегородского архива расформированных частей, хранитель библиотеки получали по 700 руб.⁸⁸

Слушатели академии Генштаба РККА на июнь 1919 г. получали 1900 руб. в месяц⁸⁹, а также вещевое и провиантское довольствие наравне с ротными командирами действующей армии⁹⁰. А. А. Свечин как штатный преподаватель академии получал в начале 1919 г. 2100 руб.⁹¹ Намного ниже были оклады в Высшей советской школе штабной службы, где заведующий слушателями в 1919 г. получал только 800 руб.⁹²

Оклады персонала академии Генштаба РККА в мае 1919 г. были повышены. Начальник академии, военком и политком получали по 3000 руб., специальные лекторы (ординарные профессора) — по 2800 руб., постоянные преподаватели (экстраординарные профессора) — по 2400 руб., машинист — 920 руб., дворник — 720 руб. (низший оклад)⁹³.

Впрочем, материальное положение преподавателей показалось плачевным бывшему генералу И. А. Данилову, который вспоминал о положении академической профессуры в 1920 г.: «Обремененная по большей части семьями, получая скудное содержание и ограниченный паек и не имея возможности за недостатком времени заняться спекуляцией, она видела в академии для себя все-таки якорь спасения, так как красные слушатели академии, будучи коммунистами, при своих поездках на внешний и внутренний фронт имели возможность привозить оттуда несколько пудов муки и несколько фунтов сала в подарок профессору, за что, конечно, при той голодовке, которая была в 1919—[19]20 году, когда вольного рынка не существовало, последние были глубоко благодарны. Этим и жила профессура и их семьи... Думаю, что в настоящее время положение профессуры несколько улучшилось, так как жалование увеличилось до миллиардов, на вольном рынке можно купить продукты и, кроме того, вероятно, она, как и прочая профессура высших учебных заведений, получает так называемый “пак ученых”, но, конечно, все же при этом человеку, обремененному семьей, приходится влачить жалкое существование»⁹⁴. Данилов приводил пример командовавшего в конце 1920 г. 42-й стрелковой дивизией М. И. Розена, который после разгрома Врангеля уехал из дивизии в академию с четырьмя вагонами муки (в качестве подарка академии), собранными продовольственными органами дивизии с крестьян⁹⁵.

Неплохие оклады имели военспецы, служившие в Высшей военной инспекции. В апреле 1919 г. инспектор пехоты Высшей военной

инспекции получал 2700 руб.⁹⁶ Примерно в это же время председатель местного ревкома мог получать 2000 руб.⁹⁷, продовольственный комиссар уезда — 800 руб., а рабочий в Самаре в январе 1919 г. в среднем получал 394—548 руб. в зависимости от отрасли⁹⁸. Возникает резонный вопрос: была ли Советская Россия пролетарской диктатурой, коль скоро буржуазные специалисты получали в 3—7 раз больше пролетариев и в 2—4 раза больше самих большевиков?

Члены Военно-законодательного совета в начале 1919 г. имели оклад в 2700 руб. (для сравнения весной 1918 г. делопроизводитель совета получал 700 руб.⁹⁹), чуть ниже, 2600 руб., был оклад членов Высшей аттестационной комиссии, столько же получал помощник военного руководителя округа, генштабисты из управлений ВГШ могли получать 2400 руб., начальник Военно-ученого архива Д. К. Лебедев получал 1800 руб.¹⁰⁰ К осени 1919 г. как редактор журнала «Военное дело» он получал 2800 руб.¹⁰¹

Недостаточным считалось вознаграждение военных специалистов, трудившихся в военно-исторической комиссии. Их жалование определялось предельным размером оклада в 3000 руб. Для таких видных военных деятелей, как В. Н. Клембовский и Н. М. Потапов, надбавка за работу в комиссии в итоге составляла лишь 300 руб. В одном из отчетных документов в этой связи отмечалось: «Несмотря на то, что все сотрудники комиссии объединены горячей и бескорыстной любовью к военно-исторической работе, такое вознаграждение за месячную работу в комиссии и выполнение ответственных историко-научно-литературных работ, едва равное оплате гонорара за 1/4 листа по профессиональным ставкам, не может быть признано нормальным*. При существующей дороговизне жизни и бесплатности, по существу, работ в комиссии, замечается усиленное стремление сотрудников к журнальной и военно-педагогической деятельности, оплачиваемым** гораздо выше. Такое стремление, правда, вносит большой вклад в общую работу нашего военного строительства, но увлечение им не может не отразиться в невыгодную сторону на особых задачах комиссии»¹⁰².

Высокие оклады не спасали от измен. Например, в конце сентября 1918 г. бежал к белым инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И. Г. Пехливанов¹⁰³. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.¹⁰⁴ Солидный оклад не предотвратил бегство, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства¹⁰⁵.

Бывшим офицерам в Советской России, даже не служившим у большевиков, выплачивались пенсии. Так, бывший генерал В. И. Се-

* В документе несогласованно: *нормальной*.

** В документе несогласованно: *оплачиваемых*.

ливачев через ВГШ добился получения пенсии начиная с осени 1918 г.¹⁰⁶ Размер пенсии должен был составить 3600 руб. в год от казны и 859 руб. из эмеритальной кассы. Однако пока решался пенсионный вопрос, чтобы прокормить семью, бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц¹⁰⁷. Получал пенсию за службу в старой армии в советских условиях в 1918 г. и бывший Генштаба полковник Н. Д. Всеволодов¹⁰⁸. По декрету СНК от 14 декабря 1917 г. предельный размер пенсии составлял 3600 руб.¹⁰⁹, при этом пенсии за выслугу лет были отменены. В июле 1918 г. была предпринята попытка приостановить выплату пенсий, что совпадало по времени с декретом о призыве бывших офицеров в РККА. Тем не менее вмешательство наркома Троцкого предотвратило отмену пенсий и спасло от голодной смерти немало бывших офицеров¹¹⁰. 26 апреля 1919 г. пенсии по прежним правилам были отменены и назначались на основании положения СНК от 31 октября 1918 г. только неспособным к труду и не имеющим средств к жизни¹¹¹.

Проследим дальнейшее изменение материального положения Селивачева. 1 ноября 1918 г. он был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего первым московским отделением третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.¹¹² С 15 декабря 1918 г. Селивачев возглавил всю третью секцию, а его оклад возрос до 1300 руб. Новая должность давала Селивачеву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко 2-й категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»¹¹³.

Кроме того, Селивачева отнесли ко 2-й категории «классового паика»¹¹⁴. Как помощник командующего советским Южным фрон-

* В документе несогласованно: *необходимых*.

том Селивачев получал оклад в 4000 руб., а с 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады в 6000 руб. Для сравнения, командующий армией на июль 1919 г. получал 3500 руб.¹¹⁵

Специалисты Генштаба для особых поручений при командующих армиями получали весной 1919 г. 1700 руб. в месяц. Начальник оперативного управления штаба армии получал 2000 руб.¹¹⁶ Командование старалось, чтобы при понижении по службе спецы не ощущали снижения достатка. Если оклад по новому месту был ниже, практиковались надбавки до прежнего размера. Так, при переводе В. И. Преображенского с должности начальника оперативного управления штаба 6-й армии на должность для особых поручений при командарме он не потерял 300 руб. разницы, поскольку командование добилось, чтобы жалование ему выплачивали в размере как для аналогичной должности фронтового уровня¹¹⁷. Командовавший 11-й армией Н. А. Жданов летом 1919 г. был назначен в распоряжение командующего 12-й армией с окладом начальника дивизии¹¹⁸.

В августе 1919 г. были введены прибавки к вознаграждению генштабистам. С 1 сентября 1919 г. выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 руб., а регулярно — 2500 руб. надбавки, помощники начальников управлений — 3000 и 1700 руб. соответственно, начальники отделений — 2500 и 1500 руб. соответственно, помощники начальников отделений — 2000 и 1200 руб. соответственно¹¹⁹. Генштабист — начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 руб., 400 руб. надбавки за переработку, 400 руб. за праздничную работу — итого 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность приработка в виде преподавания или работы в журналах. В итоге военспец мог получать 6–10 тысяч руб.

В начале 1920 г. помощник начальника отчетного отдела организационного управления ВГШ получал 4050 руб. в месяц¹²⁰. Завуч пехотных курсов на октябрь 1920 г. получал 5600 руб.¹²¹ В феврале 1920 г. за отличную работу и в связи с переводом на новое место службы генштабисту М. Н. Земцову было выдано пособие в размере 20 000 руб.¹²² Даже пленные колчаковские генштабисты, командировавшиеся из Сибири в Москву в 1920 г., получали по 1000 руб. на командировку¹²³. Н. Н. Петину «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу начальника штаба Южфронта» РВС Юго-Западного фронта 11 января 1920 г. постановил выдать 30 000 руб. наградных. Среди подписавших постановление был И. В. Сталин¹²⁴.

К концу Гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 г. рубль обесценился относительно рубля 1914 г. в 50 000 раз. Так, в уездах Томской губернии

коробка спичек стоила 10 000 руб., бутылка керосина — 90 000, к концу 1922 г. сапоги в Томске можно было купить за 250 000 руб., ведро картофеля — за 8000. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 г. РВСР были установлены новые размеры жалования. Члены РВС фронтов теперь получали 200 000 руб. в месяц, члены РВС армий, начальники управлений — 185 000 руб., начальники отделов — 173 000 руб., начальники частей и канцелярий — 160 000 руб.¹²⁵ Очевидно, даже такие оклады не поспевали за ростом цен. Нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ.

Некоторые служили исключительно ради жалования. О таких военспецх писал временно исполняющий должность главного полевого контролера 11-й армии А. Г. Жожикашвили в ЦК РКП(б) в июле 1919 г.: «Погоня за гонораром — это характерная черта военных учреждений, как фронта, так и XI отдельной армии»¹²⁶.

Военспецы в Москве имели широкие возможности для приработка в качестве преподавателей или авторов. Совокупный месячный доход военспецов-генштабистов на руководящих постах мог быть достаточно высок, хотя и различался порой существенно от военспеца к военспецу. Бывший начальник ВГШ Н. Н. Стогов, устроившись в Главное управление архивным делом, получал в конце 1918 г. 940 руб., а затем 1200 руб., причем ранее — на военной службе — его оклад составлял 1480 руб. в месяц¹²⁷. Оклад в 1200 руб. получали на советской архивной службе и такие генштабисты, как А. Н. Апухтин, А. И. Верховский, Н. П. Михневич¹²⁸. А. М. Зайончковский как делопроизводитель ВГШ получал 1430 руб. При этом по месту службы он работал не более двух часов в сутки, а в остальное время трудился дома¹²⁹. По совместительству он работал и на архивном поприще. Руководители двух ведомств Н. И. Раттэль и Д. Б. Рязанов санкционировали работу военспеца в двух местах с тем, чтобы общий размер его жалования не превышал 4500 руб. в месяц¹³⁰. Служивший начальником управления ВГШ А. М. Мочульский перед арестом в 1920 г. получал 4800 руб. в месяц¹³¹. Таким же был оклад И. И. Шолокова, занимавшего аналогичный пост¹³², и члена Военно-законодательного совета Н. А. Бабикова¹³³. В связи с инфляцией оклады возрастали. Так, Г. К. Холоманов в 1921 г. получал уже 60–70 тысяч руб. в месяц¹³⁴. Одним из способов дополнительного заработка было написание статей за гонорар. К примеру, В. И. Самуйлов за статью «Устройство военного управления» осенью 1920 г. надеялся получить в редакции сборника «Красная армия в революционной войне Советской России» 38 000 руб. из расчета 9500 руб. за печатный лист¹³⁵.

Заслуженных военспецов материально поощряли. Так, М. С. Свечникову, генштабисту-большевику, в воздаяние заслуг перед Советской

республикой РВСР в январе 1920 г. установил постоянный оклад жалования по должности командующего армией¹³⁶. М. Д. Бонч-Бруевич с 31 августа 1919 г. был переведен в распоряжение начальника ВГШ, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР¹³⁷.

Те, кто не попал в РККА, владели жалкое существование. Трагичным было нищенское положение георгиевского кавалера, бывшего ординарца легендарного генерала М. Д. Скобелева, отставного генерала от кавалерии А. Р. Эйхгольца, проживавшего в Царицыне. При новом режиме бывший генерал лишился пенсии в 265 руб. в месяц, не получил таковую и за восемь месяцев 1918 г., при этом губернские власти в Саратове признавали право бывшего генерала на пенсионное обеспечение. Имущество из Петрограда вывезти в основном не удалось. В итоге заслуженный генерал на рубеже 1918–1919 гг. устроился заведующим педагогическим музеем и библиотекой, работал с 8 утра до 8 вечера в гимназии и школе грамотности, причем через день простаивал с 5 утра в очередях за хлебом. Ко времени прихода белых в Царицын у генерала оставалась из белья лишь рубашка, не было ни брюк, ни куртки. Положение осложнилось тем, что белые не принимали советских рублей на своей территории. К тому же генерал был одинок — его сыновья сражались в войсках Деникина¹³⁸.

Для «бывших» людей, оказавшихся вне привычной военной службы, была характерна подчас радикальная смена деятельности. Так, бывший пленный белогвардеец, слушатель ускоренных курсов академии капитан Б. В. Люба за период 1917–1927 гг. сменил восемь мест службы, причем пробовал себя не только на военном поприще, но также как бухгалтер и руководитель духового оркестра¹³⁹. Прежнюю склонность к музыке он конвертировал в профессию. В 1920–1930-е гг. Люба неоднократно арестовывался и в конечном итоге был расстрелян. Через репрессии прошел и его сын.

Разумеется, те из бывших офицеров, кто оказался оторван от любимой специальности, лишился прежнего положения, куска хлеба и смысла жизни, едва ли могли относиться к лицам, лояльным советской власти. Свой отпечаток на настроения накладывали и удручающие бытовые условия, в которые попали бывшие представители военной элиты, что не шло ни в какое сравнение с дореволюционной жизнью. После окончания Гражданской войны особенно остро эти явления стали ощущаться в результате свертывания НЭПа, когда произошло снижение уровня жизни. Многие ютились в коммунальках. Бывший генерал И. В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф. И. Назарбекову (негенштабисту) о жизни в коммунальке: «У меня перемен никаких нет, не считая того, что постепенно, понемногу, жизнь становится сложнее, т. к. обставляется разными

мелкими условностями, зависящими от характера, нервности и взаимоотношений окружающих людей, с которыми постоянно соприкасаешься в квартире»¹⁴⁰.

В обстановке Гражданской войны материальный фактор стал одним из особенно чувствительных для жизни человека. Не были исключением и офицеры Генерального штаба, которым, как и всем остальным, тоже нужно было выживать и приспособливаться к непростым условиям смутного времени. В Советской России в связи с проведением политики «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры для служащих, включая комсостав РККА, осуществлялось распределение продуктов в форме пайков. Пайки дополняли жалование. Материальное обеспечение военспецов было достаточно серьезным, превышало обеспечение партийных работников — комиссаров, в том числе партийного руководства, не исключая В. И. Ленина. Впрочем, здесь не приходится говорить о том, что генштабисты находились на особом положении. Высокие оклады имели и другие категории специалистов. Все, что можно, новые хозяева России в Гражданскую войну отдавали армии, порой даже за счет собственного благополучия. Однако материальное положение слабо влияло на идейный выбор. Несмотря на превосходное материальное обеспечение, тысячи военспецов, в том числе сотни генштабистов, бежали из Красной армии при первой же возможности¹⁴¹. Никакие оклады не могли удержать приверженцев антибольшевистских взглядов или тех, кто не собирался терпеть бесправие и зависимость от прихоти политработников и чекистов.

Материальное обеспечение представляется одним из значимых стимулов привлечения части офицеров на службу. При этом нужно четко понимать, что те офицеры, которые служили в Гражданскую войну исключительно из материального интереса, не могли стать подлинными вождями, лидерами соответствующих вооруженных формирований, повести за собой других. Наемники едва ли могли принести тому лагерю, в котором они служили, пользу, сколько-нибудь сопоставимую с вкладом идейных борцов. Отношение идейных борцов к шкурникам также не могло быть положительным.

Уровень жизни населения в Гражданскую войну был в целом невысок, что обуславливалось как вооруженной борьбой внутри страны, так и социально-экономическим кризисом и его последствиями в виде дороговизны, дефицита продовольствия, одежды, топлива, медицинского обслуживания. Вместе с остальным населением страны страдали, приспособливались и выживали представители старшего офицерства, не исключая военную элиту дореволюционной России — офицеров-генштабистов. С окончанием Гражданской войны их мытарства не прекратились, а последующие страдания и лишения были не легче. Поэтому не вызывает удивления фраза выпуск-

ника ускоренных курсов академии С. С. Ивановского: «Самый для меня благоприятный период жизни был во время Гражданской войны, где я был поглощен в свою деятельность и удовлетворен ей»¹⁴².

Питание

Не менее сложный вопрос составляло продовольственное обеспечение военспецов-генштабистов и их семей в условиях голода и разрухи. В Советской России этот вопрос решался путем выдачи продовольственного пайка. Однако решен этот вопрос был далеко не сразу. В некоторых случаях из-за бюрократических трудностей военспецы и их близкие могли в прямом смысле обрекаться на голодную смерть. Начальник штаба 9-й армии А. А. Душкевич в разгар Гражданской войны жаловался председателю РВСР Л. Д. Троцкому: «Уважаемый тов. Троцкий! Ваше всегда ко мне хорошее отношение дает мне смелость обратиться к Вам с личной просьбой. Семья моя, проживающая в Н[ижнем] Новгороде, терпит большую нужду в смысле получения продовольствия и отопления. Как семье находящегося на фронте Горисполком отказывает во всем, направляя жену в Военком, а в Военкоме, указывая, что я как наштарм не имею права на красноармейское довольствие, установленное для семей, отправляют обратно в Горисполком. В результате нигде ничего не дают. Зная терпеливое отношение жены ко всяким нуждам, я уверен, что только действительно тяжелое положение, в каком оказалась моя семья, и обида за такое отношение заставили ее сообщить мне о своих невзгодах. Моя усиленная к Вам просьба, если найдете возможным, оказать сильное содействие, дабы поставить семью в мало-мальски сносные условия жизни и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою работу»¹⁴³.

Как отмечал один из бывших флотских офицеров, «заветной мечтой обывателя было получить место или работу, связанную с получением красноармейского пайка»¹⁴⁴. Паек (на фронте — фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего генерал-лейтенанта В. Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 г. голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе¹⁴⁵. Штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены еще хуже, вынуждены были заниматься меновой торговлей. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством — купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона¹⁴⁶.

Красноармейский паек работникам центральных управлений был установлен главкомом И. И. Вацетисом 13 октября 1918 г. Проблема заключалась в том, что служащие уходили с работы, когда торговля уже заканчивалась. Кроме того, в связи с дороговизной у них не было возможности покупать продукты¹⁴⁷. В тылу стоимость пайка была привязана к размеру жалованья. Так, например, если оклад в конце 1918 г. составлял 800 руб., то за паек выплачивали четверть его стоимости, если 850 руб. — $\frac{2}{4}$, если 900 руб. — $\frac{3}{4}$, если 950 и выше — паек оплачивался полностью по интендантской цене¹⁴⁸. Стоимость пайка удерживалась из жалованья. Право на получение пайка имели и члены семей штатных служащих (жены, дети, родители)¹⁴⁹. Впрочем, этот вопрос в разных местах решался по-разному. На фронте паек выдавался бесплатно. По стоимости паек и обеды обходились на рубеже 1918—1919 г. в 320 руб. в месяц¹⁵⁰. За службу сверх положенных часов полагался дополнительный паек¹⁵¹. Такой паек по 2-й продовольственной категории (всего категорий было три) получал начальник отделения по службе Генштаба ВГШ А. С. Белой.

Главкому Вацетису, начальнику Полевого штаба Ф. В. Костяеву, адъютанту Вацетиса, председателю Реввоентрибунала и его секретарю обед и ужин присылали из столовой, причем выдавали по фунту хлеба¹⁵². При работе по 10—12 часов в сутки сотрудники Полевого штаба нуждались в дополнительном питании. Начальник Полевого штаба Костяев добивался разрешения заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова закупать продукты для штаба в Поволжье из расчета по 1,5 пуда на человека¹⁵³. О значимости пайка для поддержания жизненного уровня семей военспецов свидетельствует обращение к начальнику Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяеву военспеца Н. Г. Александрова от 30 ноября 1918 г. о переводе в Тихвин в штаб 7-й армии вместе с тестем. Александров писал: «Находясь в Тихвине, мы хоть своим пайком поддержим существование нашей семьи... такие условия еще надолго сохранят Красной армии двух довольно опытных работников...»¹⁵⁴

В сентябре 1918 г. в Москве пуд (40 фунтов, т. е. 16 кг) ржаной муки стоил 380—400 руб., фунт мяса (0,4 кг) — 12—15 руб., фунт картофеля — 1 руб. 40 коп. — 1 руб. 60 коп., бутылка молока — 3—4 руб., селедка — 7 руб., фунт лука — 5 руб., фунт хлеба — 9 руб., фунт сливочного масла — 38 руб., десяток яиц — 15 руб.¹⁵⁵ На местах цены могли быть намного ниже. Так, в начале 1919 г. в Бобруйске фунт хлеба стоил 4 руб.¹⁵⁶ Фунт мяса в Острогжске в феврале 1919 г. стоил 2 руб. 50 коп., пуд мяса — 100 руб.¹⁵⁷ Билет на цирковое представление в Москве у перекупщиков стоил в мае 1919 г. 15 руб., программка — 5 руб.¹⁵⁸

На октябрь 1919 г. рыночные цены в Москве были следующими: хлеб нужно было доставать, и стоил он до 150 руб. за фунт, сахар-рафинад — 500 руб. за фунт, сахар-песок — 200 руб. за фунт, масло

сливочное — 600 руб. за фунт, картофель — 25 руб. за фунт, молоко — 40 руб. за кружку в полтора стакана¹⁵⁹. В Самарской губернии на январь 1919 г. пуд картофеля стоил по твердым ценам 6 руб. 50 коп., на сельском рынке — 10 руб., а на городском — 600—1000 руб.¹⁶⁰ (что соответствует октябрьской цене на рынке в Москве). В Пензенской губернии рыночные цены зимой 1919 г. были следующими: пуд ржаной муки — 75 руб., пуд пшеницы — 110 руб., пуд картофеля — 20 руб., фунт растительного масла — 12—16 руб., фунт мяса — 6 руб. 50 коп., гусь — 160 руб., кочан капусты — 20 руб.¹⁶¹ В условиях хлебной монополии все, что возможно было изъять в деревне, власть направляла в города и в армию.

Дефицитный хлеб становился настоящей валютой. Как свидетельствовала жена генштабиста В. А. Олохова, «за хлеб в то время можно было все иметь, и дров тебе откуда-то наносят, и могилу выкопают»¹⁶². О. И. Олохова вспоминала, что «событием было каждый раз, когда у кого-нибудь можно было хорошо поесть. Слово “хорошо” означало, главное, сытно. Раз у себя, на новой большой квартире делала “прием” Оля. Наелись свежей вареной картошки и гречневой каши. Не помню, было ли еще что, но знаю, что Володя [В. А. Олохов] так поел, что должен был отлежаться раньше, чем идти домой. Когда с голодухи съешь, голова кружится»¹⁶³.

Обед в Советской России в 1919 г. мог стоить от 5 до 20 руб.¹⁶⁴ По данным записных книжек генштабиста Ф. Е. Огородникова, 11 апреля 1918 г. он потратил в Москве на молоко 1 руб., на 2 яйца — 1 руб. 20 коп., на обед — 4,5 руб., на извозчика — 5 руб. и на билет (видимо, до Ефремова или Ельца) 19 руб.¹⁶⁵ В конце апреля еще одна запись о расходах: яйца — 2 руб. 25 коп., табак — 18 руб.¹⁶⁶ В Смоленске в июле 1919 г. служащие штаба 16-й армии покупали молоко по 4 руб. за стакан или по 12 руб. за бутылку, масло — по 90 руб. за фунт, хлеб — по 17 руб. 50 коп., мясо — по 27—30 руб., сметану — по 35—40 руб., творог — по 18—20 руб., картофель — до 5 руб. 50 коп. за фунт, перловую крупу — по 23 руб., гречневую крупу — по 28 руб., пучок редиски (7 редисок) — до 1 руб.¹⁶⁷

Питание военспецов-генштабистов, прежде всего, зависело от места их службы. Некоторые регионы считались более благоприятными в отношении возможности достать продовольствие, тогда как в других продовольственный вопрос стоял довольно остро. Например, назначенный помощником начальника оперативного отделения штаба Северного фронта А. С. Хрулев в рапорте начальнику оперативного отдела штаба фронта от 3 января 1919 г. отметил, что месячный оклад содержания у него составляет 1500 руб., но ранее как помощник начальника штаба дивизии по оперативной части он получал такое же жалованье плюс бесплатный паек. Теперь же за паек и обеды приходилось дополнительно выкладывать по 320 руб. Хрулев

писал: «Так как у меня имеется семья, проживающая в городе Петрограде, где в настоящее время продовольственный вопрос достиг уже рокового предела, я, вместо того, чтобы напрячь все силы для поддержания дальнейшего существования семьи, буду обречен на необходимость сократить еще ее бюджет на вышеуказанную сумму». В связи с постепенным ухудшением продовольственного вопроса в Ярославле военспец просил о переводе его в Новгород, положение в котором было лучше¹⁶⁸. Бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский, оказавшийся после освобождения из тюрьмы на службе в Казани, писал сестре 27 октября 1919 г.: «Первое впечатление нерадостное. Я думал, что в Казани продовольствие по крайней мере обставлено хорошо, однако на первый взгляд кроме лука и капусты ничего не видно. Молоко 32 руб. против 40 руб. в Москве. В Москве были все продукты»¹⁶⁹. В другом письме бывший генерал отмечал: «Голода нет, но лишений все же много»¹⁷⁰. 10 марта 1920 г. Верховский написал: «В материальном отношении изредка могу купить молока или мяса. Жизнь и в Казани приобретает характер совершенно неистовый в смысле ее стоимости. Сколько ни работай, а все мало»¹⁷¹. Время шло, а положение не менялось. В последнем письме из Казани от 26 апреля 1920 г. Верховский печально констатировал: «Мы здесь просто, как нищие. Ничего нет»¹⁷². С переездом в Москву нищенское существование военспеца продолжалось. 6 июня 1920 г. Верховский сообщал: «Весь день в работе и негде в буквальном смысле слова выпить стакан чаю и пообедать, ибо столовые не по карману. Хороша обстановка»¹⁷³.

Генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей. В частности, супруга А. А. Самойло — командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, т. е. приравненной к фронту (на эту армию была возложена оборона советского Севера), — в Москве летом 1919 г. была вынуждена обменять ордена мужа (22 награды) на пуд белой муки¹⁷⁴. Возможно, именно тяжелое, полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии А. М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, во время этой опасной «операции» Самойло был даже контужен¹⁷⁵. Были моменты, когда на грани голода находилась семья другого видного военспеца С. С. Каменева¹⁷⁶.

Дочь начальника Полевого штаба РВСР П. П. Лебедева вспоминала: «Время было тяжелое. Люди влачили полуголодное существование. Мы были в лучшем положении: спецов обеспечивали пайком.

Мы не нуждались в пшене, в хлебе, даже в сахаре. Правда, селедку на спецпайк давали часто ржавую, и мама ее каким-то особым способом обрабатывала, прежде чем подать на стол. Бывало у нас иногда и мясо, и яичный порошок вместо яиц, но в ограниченном количестве. А другие дети этого не знали»¹⁷⁷.

Дочь командующего отдельной Западной армией А. Е. Снегарева Евгения вспоминала о жизни с родителями в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Жили мы на Почтамтской ул. в д. 6, бывшего банкира Шварца; зимой было сурово и холодно, во дворе стояли грузовые машины и страшно ревели, когда их заводили; шоферы жили в первом этаже; там же была кухня и огромная печь, и там мама пекла хлеб, если не выдавали печеного хлеба, но муку. Трудная неделя была, когда совсем не было соли и все казалось таким невкусным и несъедобным»¹⁷⁸.

Продовольственный вопрос порой мог влиять даже на вопросы оперативного управления войсками. Один из работников штаба 4-й армии вспоминал о том, как работники штаба во время советско-польской войне добивались изменения пункта дислокации штаба армии: «Основной штаб, сидя в Полоцке, слышал про развеселую жизнь в Вильно, богатые запасы вина и продовольствия, про сравнительную дешевизну товаров, с чем уже неизбежно связывалась у каждого мысль о возможности спекуляции, — и все это заставляло рваться чинов штаба в Вильно и опасаться, что можно, если промедлишь, приехать уже к шапочному разбору: все будет реквизировано, съедено и выпито. И вот поэтому все учреждения штаба, имевшие заручку у Реввоенсовета, хлопотали о разрешении выехать в числе первых эшелонов штаба в Вильно, выставляя каждое свою служебную к тому необходимость»¹⁷⁹.

При расследовании деникинцами службы у красных бывшего генерала Н. А. Жданова его товарищ генерал В. П. Гололобов показал, что в сентябре 1918 г. «был поражен, увидев, что генерал Жданов занимается в маленькой комнатке, вместе со своими секретарями и письмоводителями. Генерал не имел даже письменного стола, а занимался на простом деревянном столе. На какую-либо роскошь не было и намека. Из разговора со Ждановым я убедился, что он тяготился службою большевикам, ругал их и их порядки в присутствии своей канцелярии. Видно было, что у него были все свои люди. Зайдя затем к нему на квартиру, я увидел, что он сильно нуждается, живет в 2^х комнатах и без прислуги. Генерал и генеральша все делали сами, так при мне... был поставлен самовар»¹⁸⁰. Сам Жданов показывал, что «нуждался, ибо жить было не на что. Имение, деньги и вещи в сейфе пропали. Приданое жены при обыске раскрадено (после расстрела большевиками брата жены, захваченного в Ставке генерала Духонина)»¹⁸¹. Впрочем, очевидно случай Жданова был далеко не худшим.

Распродажа или обмен на продукты имущества «бывшими» стали приметой времени. Бывший генерал Э. А. Верцинский свидетельствовал: «Мне приходилось продавать свои вещи... Иногда удавалось вещи обменять на продукты... что было, конечно, выгоднее. Таким образом, мною были проданы: два хороших несессера, в кожаных чемоданах, дамское бобровое боа, 2 веера, кружева, страусовые перья, голландское полотно для рубашек, 2 красивых коробочки (одна — бронзовая, другая — слоновой кости ручной работы), 2 миниатюры Львова, два чайных сервиза, одни настольные часы, одни обыкновенные часы, одна хрустальная ваза, одна шуба, два дамских платья... Затем, так как мой брат живет в Ревеле, где он помощник управляющего таможи, то иногда он мне посылал небольшие посылки с продуктами»¹⁸².

Супруга генерала В. А. Олохова вспоминала о жизни семьи в Гражданскую войну в Петрограде: «Мы все скоро почувствовали, что кто не работает, тот не ест, так как одному человеку кормить семью делалось не под силу. Дочки сразу прошли курсы машинисток и поступили на службу. Потом Володе удалось получить лекции на сельскохозяйственных курсах, где начальником был бывший “литовец” Пржеславский, а потом поступил и архивариусом в Гос[ударственный] архив. После всех поступила и я в отдел народного образования делопроизводителем. Таким образом, все четверо что-нибудь приносили, кроме меня, у всех были пайки. Я только имела возможность у одной служащей купить хлеба. Полбуханки она продавала за 150 руб. Вот два раза в месяц, получая свою зарплату, я ее и отдавала за эти полбуханки. С отвращением вспоминаю, что все же, когда я приносила этот кусок черного хлеба и делила его, руки дрожали от жадности. Так хотелось этого хлеба. Ничего не было, казалось, на свете вкуснее. Да и конечно — по карточкам хлеба давалось мало, круп тоже, картошка большей частью мерзлая, соленая рыба, сушеная вобла, селедки; все это елось в небольшом количестве, не уничтожая чувства голода и возбуждая жажду хлеба, хлеба и хлеба»¹⁸³. Перейдя на другую службу, мемуаристка отмечала, что бывала счастлива добыть мужу кусок мяса или сахара¹⁸⁴.

Генерал Олохов «по-детски радовался, что я ему на ночь давала немного каши — из ржи. И мы говорили — как дешево можно было прожить, если бы мы знали эту кашу из ржи. Казалась ведь вкусной! Но когда я попробовала ее сварить в сытое время, то она никому не пошла в горло. Удивительно[,] балуешься и как скоро начинаешь привередничать, и делается и то и другое невкусным, и мужья начинают ворчать на однообразии стола. А какую собственно дрянь ели с удовольствием в трудные минуты. Раз я получила кислую капусту с червями... какое отвращение... желтые, толстенькие, будто с отрубленными хвостами, копошатся... Ну что же, перебрала, выкинула их

и сварила суп. Не знаю, может, для навару надо было варить с ними? Претило. А эта ужасная вобла, которую надо было чистить целый вечер, чтобы начистить довольно на котлеты? А овес и все сложные манипуляции, которые надо было проделать, чтобы из него что-нибудь состряпать? Конечно, всем этим не удивишь перенесших ленинградскую блокаду во время последней войны, но тогда перемалывать и намазывать на хлеб головы селедок и что-то печь из кофейной гущи казалось очень странным»¹⁸⁵. Русский генерал, георгиевский кавалер В. А. Олохов, не раз смотревший в лицо смерти на войне, не смог перенести голод, ослабел и скончался в 1920 г.

Лишь переход к НЭПу весной 1921 г. привел к некоторому улучшению жизненных условий изголодавшегося и обнищавшего со времени революции населения.

Жилищные условия и имущество

Тяжелыми были условия быта советских генштабистов, в том числе непосредственно на службе. Весной 1918 г., после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться. На фронтах высокопоставленные работники жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, жили при штабах. Бывший генерал А. А. Самойло вспоминал о своем прибытии на Север России весной 1918 г.: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды, и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового штаба»¹⁸⁶. Ф. Е. Огородников летом 1919 г. поселился в Смоленске и записал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»¹⁸⁷. А. И. Верховский в Казани в октябре 1919 г. с большим трудом смог получить комнату без света, работать приходилось, сидя с нелегально купленной свечой»¹⁸⁸.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближенные к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего¹⁸⁹ (еще один элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной

инспекции С. К. Сидоровнину в 1918 г. приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в комнате без стола и стула¹⁹⁰. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 г. были вынуждены работать в неотапливаемом помещении¹⁹¹. Такая же ситуация сложилась и в академии Генштаба РККА, причем заготовкой дров занимались сами слушатели академии. В оперативном отделе оперативного управления ВГШ в июне 1918 г. остро не хватало пишущих машин, необходимых для нормальной работы отдела¹⁹².

Отдельные документы о повседневном быте военспецов носят откровенно трагический характер. Например, таким был рапорт, направленный в оперативное управление ВГШ исполняющим должность председателя пограничной конфликтной комиссии № 5 бывшим генерал-лейтенантом Н. А. Зарубиным в октябре 1918 г. Военспец писал, что с 19 октября остался единственным работником комиссии, исправляющим «должность свою Генштаба, секретаря, переводчика, представит[еля] м[инистерства] иностранных дел и фактически посыльного, а ныне еще и председателя; если я отправлюсь в Вятку, то комиссия в Унече de facto и de jure упраздняется до прибытия нового состава, что вряд ли будет скоро; до сих пор желающих занять вакансий нет. На 1 ноября с. г. назначено совместное свидание с немцами по ту сторону границы, отменить которое невыгодно для советской власти и республики. Так как я, бывший тайным военным агентом, попутно с[о] своими обязанностями делаю разведку (прилагаю добытые немецкие газеты). Несмотря на труднообразимые условия жизни в Унече (помещение для всего состава комиссии и канцелярии для занятия и жилья — 1½ кв. сажени, отсутствие свечей, лампы, — телеграф прекращает работу при наступлении темноты), невероятное количество клопов, блох, вшей и чрезвычайную дороговизну жизни (селедка — 7 рублей, коробка спичек — 1 руб.), я считаю, что я, будучи пригоден для службы в конфликтной комиссии, обязан в интересах советской власти доложить, что меня оставить в этом пункте полезно (не для меня лично)... прошу... а) снабдить меня какой-либо теплой одеждой (иначе могу прийти в негодность), сапогами или вообще обувью, б) выдать мне неполученное содержание за службу за этот месяц и какой-либо аванс для личного прокорма и прокорма семьи (старуха-жена и параличная, хромая коленом дочь...)»¹⁹³. В 1919 г. Зарубин, возможно, не выдержав такой жизни и службы, бежал из Советской России через Украину и уехал за рубеж.

Реквизиции, уплотнения стали обыденностью. Служащие центральных учреждений в Москве и окружных штабах жили на квар-

тирах, в том числе коммунальных. По некоторым данным, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переулка в Москве были братья Раттэли и В. Н. Клембовский¹⁹⁴. Удручающие жилищные условия не улучшились и после Гражданской войны. Любопытную зарисовку бытовой повседневности военспецов рисует следующее письмо. Генерал М. А. Свечин 9 апреля 1928 г. писал из Ниццы своему младшему брату, известному военному теоретику А. А. Свечину в СССР (в трудночитаемых местах в квадратных скобках нами поставлены вопросительные знаки): «Дорогой Саша, страшно меня обрадовало твое письмо от 18 марта. Я страшно горевал, не имея от тебя известий почти год, считая, что впредь у вас запрещено писать нам за границу. Большое спасибо и за книгу, действительно, как ты пишешь, “машина здоровая”, воображаю, какого труда и напряжения она потребовала от тебя, зная твою добросовестность в работе¹⁹⁵. С наслаждением начал ее читать, к сожалению, на это у меня немного времени. Поздравляю тебя и Ирину Викторовну¹⁹⁶ с праздником Светлого Христова Воскресения и от души желаю здоровья и удачи во всех ваших делах. У нас тоже свирепствует здесь грипп, и только недавно ему дань отдали — сам и жена; особенно у последней он прошел в очень тяжелой форме с очень высокой температурой. А беда, когда хозяйка болеет — все тогда выбивается из колеи. Вполне разделяю радость Ирины Викторовны иметь отдельную кухню. Иногда, читая тяжелые условия вашего жилищного вопроса, берет стыд — как можно существовать, когда на кухне встречаются по нескольку хозяек разнообразного положения, привычек и пр. — ведь это ужас. Здешние жители такого себе представить не могут: кухня — это святая святых каждой хозяйки — кто бы она ни была. Ничего ты, дорогой брат, не пишешь о своей частной жизни и своих детях. Петя¹⁹⁷, вероятно, кончает среднюю школу; по какой специальности думает идти? Что слышно об Георгии? Я писал[,] уже давно не имею сведений. Крепко обнимаю тебя и целую ручки дорогой Ирины Викторовны. Если вам можно, то не забывайте нас, грешных, заброшенных судьбой в далекие и чуждые края. Твой Миша. Когда будешь писать, не можешь ли прикладывать стар[ых] марок, особенно ваши марки юбилейные [?] пользу[ются] большим успехом [?]. Р. С. Большое спасибо за присылку фотографий, все дошло очень аккуратно»¹⁹⁸.

Как видно, в письме сказано немного, поскольку, несмотря на все послабления, ни о чем, кроме бытовых мелочей, в такой переписке сообщать было нельзя. К сожалению, в нашем распоряжении нет предшествующих этому писем, в которых А. А. Свечин, видимо, объяснял своему брату, незнакомому с советской действительностью, что такое коммунальная квартира, в которой он был вынужден жить. Письмо показывает, что даже в сложных условиях эмиграции генштабисты в бытовом плане к концу 1920-х гг. смогли устроиться лучше, чем их прежние коллеги в СССР.

В то же время в отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло самую настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, Л. Д. Троцкий потребовал через Полевой штаб РВСР в июне 1920 г. от командующего армиями Кавказского фронта В. М. Гиттиса «вполне обеспечить В. Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»¹⁹⁹.

За жильё приходилось платить. Так, служащие штаба ВВС в 1918 г. платили за жильё до 20 % содержания, и это считалось приемлемым²⁰⁰. Бывший генерал В. П. Муратов в октябре — ноябре 1918 г. платил за квартиру 130 руб. в месяц, в мае — июне 1919 г. платить приходилось уже 195 руб.²⁰¹ Налогообложение отличалось оригинальностью. Тот же Муратов на май 1922 г. платил общегражданский налог и натурналог — свой однодневный заработок и удержание трех дней продуктового пайка²⁰². В конце 1922 г. из персонального жалования Муратова в счет уплаты общегражданского налога была удержана 1000 руб.²⁰³

В условиях уплотнений и реквизиций имущества военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы. В этих целях они запасались различными охранными грамотами и удостоверениями. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений В. П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 г. он получил удостоверение о том, что его квартира не подлежит обыску²⁰⁴. В октябре 1918-го — удостоверения военно-учебного управления ВГШ о том, что мебель военспеца не подлежит реквизиции, а сам он нуждается в отдельном кабинете для занятий²⁰⁵. 1 августа 1919 г. датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром военно-учебного управления ВГШ, о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена еще двумя семьями и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»²⁰⁶. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 г. Муратов вновь обзавелся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приема посетителей на дому²⁰⁷, а в ноябре 1920 г. получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в том числе для секретности²⁰⁸. В 1921 г. Муратов получил удостоверения о том, что нуждается в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади²⁰⁹. Судя по всему, военспеца на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишить одной из комнат, в связи с чем приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 г. Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальни-

ка всех военно-учебных заведений Д. А. Петровского о том, что его квартира не подлежит уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещались. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губернского совета народного хозяйства и губернского продовольственного комитета при условии уведомления центральных властей²¹⁰. Удостоверение было отпечатано типографским способом. Следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 г. три комнаты. Новые охранные удостоверения на жильё он получил в 1922 г.²¹¹

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела организационного управления ВГШ В. Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 г. к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своем иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжелом материальном положении, тем более что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д. Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д. Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а еще более ухудшил ее положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы еще более не ухудшить положение, я считаю более благоразумным молчать. Ввиду таких обстоятельств, я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию — в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделении по службе Генерального штаба я узнал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдется ли какая-либо тыловая должность на фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба [Н. Г.] Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем, быть может, не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает

меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»²¹².

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А. Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели²¹³. По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В. А. Ивановский²¹⁴. При этом рамки дозволенного в условиях повсеместного дефицита были достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А. А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А. М. Орехов осудил его за расточительность²¹⁵.

Вопросы сохранения имущества «бывших людей», в том числе офицеров-генштабистов, в Советской России оставались проблемными. Некоторые, как, например, близкий к власти бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, довольно оперативно решали их с помощью административного ресурса. Сохранность имущества Бонч-Бруевича, оставшегося с 1914 г. в Чернигове, вызывала беспокойство. Тем более что домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. М. Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру — управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В. И. Ленину. В. Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах этой жалобы: «6/V-19 г. мною было доложено председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета народных комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: “Распоряжение Черниговскому исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский”. Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»²¹⁶. Более того, председатель СНК УССР Х. Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрачено непроизводительно»²¹⁷. Впрочем, Бонч-Бруевич позднее утверждал, что имущество все-таки пропало²¹⁸.

Однако на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов-генштабистов, наверное, только один М. Д. Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистским руководством. Этот пример свидетельствует о зарождавшемся в советских условиях неравенстве военспецов — когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвигенцы, на которых не распро-

странялись общие для остальных законы и подходы. Очевидной привилегией было и то, что, по данным на декабрь 1918 г., Бонч-Бруевич жил и работал в Кремле²¹⁹.

Без столь высокой поддержки результаты прошений могли быть прямо противоположными. Так, бывший генерал Ф. Е. Огородников 14 июля 1921 г. писал неустановленному лицу по поводу реквизированных вещей: «Невзирая на ходатайство Рев. воен. совета Зап[адного] фронта и Вашу любезную поддержку, мне не удалось получить ничего, кроме части книг. Не оказалось многих самых нужных военных книг, моих заметок, рисунков и фотографий со времени пребывания в Китае и на Дальнем Востоке.

В настоящее время моя жена хлопочет, чтобы взамен реквизированной обстановки, посуды, утвари, белья, платья и пр. было выдано необходимое для существования нашей семьи, которая, кроме меня, состоит из моей жены, двух сыновей и сестры жены. Мы остались с тем, что было взято с собой в 1914 году на театр войны, но, конечно, многое растеряно, утрачено, пришло в негодность, а приобрести теперь нет возможности»²²⁰.

Если бытовые условия оказывались выше среднего, незамедлительно появлялись многочисленные «бедные родственники» и приживалки. К примеру, вместе с семьей начальника Полевого штаба РВСР П. П. Лебедева (семь человек) жили семья сестры его супруги (пять человек), еще одна сестра супруги, племянница супруги с дочерью, другая племянница, племянник самого Лебедева, кормилица с семьей (три человека) и подруга дочери Лебедева — 21 человек²²¹. Оригинальную обстановку дополняли носившиеся по квартире кошки, собаки и даже ручной медвежонок. Дочь Лебедева именовала квартиру «странноприживальческим домом». Ходила шутка, что у Лебедевых на квартире могли потеряться солдат с лошастью, и никто бы не нашел²²². Похожая ситуация была в доме у С. С. Каменева на Смоленском бульваре, где все время жили друзья и знакомые. В аналогичных условиях жила тогда семья Снесаревых на Воздвиженке. Дочь Снесарева, Евгения Андреевна, вспоминала: «В большой комнате постоянно кто-то жил: с сентября по декабрь 1921 г. — Комаровы, тетя Кая и дядя Яша. Почти одновременно приехала Верочка Костенко, она прожила года 2–3, но в комнате с нами. Потом, кажется в 1923 г., из Острогжска приехал Тоник Тростянский поступать в Энергетический институт. Году в 1922 или 1923 там жили Бобрышovy, Александра Митрофановна и Иван Иванович, пока не нашли работу и комнату... Им на смену приехала ее племянница — Ольга Михайловна Кареева с мужем Львом Михайловичем и сыном Игорем. Эти прожили дольше... пока отец с матерью искали работу... они жили за ширмами в большой комнате.

Помню еще Александра Викентьевича Малиновского и Александра Илларионовича Гейхрха, оба артиллеристы, периодически

ночевавшие там, а также Федю Ростопчина, студента Ин[ститу]та востоковедения. У них, по-видимому, сложно обстояло дело с жильем. В 1925 г. там жилал Гриша Капнист (приехал из Судака). Потом он отделал себе совершенно темную каморку в коридоре между нами и Бесядовскими и зажил уже независимо.

Рядом с нами (далее по коридору-прихожей) жил К. И. Бесядовский с семьей, его жена — Елизавета Иосифовна и две дочки — Леля, старшая, и Муха (Маруся) на год старше меня; у них дневал и ночевал двоюродный их брат Вока Торстенсен (ныне артист театра им. Пушкина)²²³. При этом сама семья Снесарева, проживавшая в квартире, на начало 1920-х гг. насчитывала девять человек.

Порой спасала взаимовыручка. К примеру, временно исполнявший должность военного руководителя ВВС Н. И. Раттэль и остававшийся за начальника организационного управления К. И. Бесядовский 3 сентября 1918 г. просили домком дома № 1 по Борисоглебскому проезду (Елоховская площадь) принять меры к охране имущества генштабиста Н. Г. Семенова, командированного ВВС по делам службы²²⁴.

Те, кто не обладал связями, нередко оказывались у разбитого корыта, как это случилось с семьей бывшего генерала В. А. Олохова, служившего в РККА. Олоховы потеряли тогда библиотеку, альбомы, иконы, драгоценности, мундиры, мебель, ковры и другое имущество²²⁵. Ради выживания приходилось распродавать любые ценные вещи. Продали ордена и нагрудные знаки генерала, что позволило Олоховым выжить и питаться маслом и крупами. Жалко было не столько вещи, сколько память о прошлой жизни. Как вспоминала супруга генерала, «все подарки, которые Володя [В. А. Олохов] получил за свою 50-летнюю службу, все ордена его, дорогие ордена с мечами, все памятные жетончики, все, все нам пригодилось в трудные годы... И каждую вещь мои глаза провожали с болью сердца, ими ведь дорожил мое Солнышко, ведь с ними связаны имена друзей. Один раз, когда я сдавала эти жетончики и значки полков, и их разламывали на кусочки, и я, не отрываясь, глядела... Нервы не выдержали, и я расплакалась... “Не плачьте, — говорит мне чиновник, который разламывал, — смотрите, много ли вы принесли, а получите целых 36 руб. золотом”. Цена былого...»²²⁶ По свидетельству О. И. Олоховой, «в то время так было не до вещей и так не важно, есть ли они, нет ли их»²²⁷.

Нельзя забывать и о произволе, творившемся тогда в стране, о ненависти населения к имущим классам. Бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин, проживавший в Псковской губернии, в конце 1918 г. получил бумагу о необходимости уплатить чрезвычайный революционный налог в 70 000 руб. как бывшему помещику на основании декрета от 30 октября 1918 г. Таких денег у Куропаткина не было, о чем он прямо написал в январе 1919 г.

председателю волостного исполкома, сообщив, что всю жизнь жил на жалованье, а доход имел лишь со сбережений и гонораров за научные труды. Куропаткин отметил, что немалые средства тратил и на общественные нужды — открыл сельскохозяйственную школу, осушал болота, построил почтово-телеграфное отделение. На начало 1919 г. он владел лошастью и (временно) коровой²²⁸. На натуральное хозяйство ради выживания в чрезвычайных условиях перешел и бывший генерал П. П. Лебедев в Ейске, где в долг купил двух коров, которых доила супруга генерала, а дети кормили, поили и чистили²²⁹. Сам Лебедев мастерил различные технические приспособления для животных (настил, стойла, ясли, желоб для навоза и т. д.). С продажи молока удалось улучшить собственное питание и вернуть долг.

Генштабисты страдали и от общей криминализации страны. Так, у помощника начальника 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта Д. А. Мельникова 11 февраля 1919 г. в трамвае в Москве был похищен бумажник с семью с половиной тысячами рублей, включая пять тысяч казенных, а также мандаты. Обокрадена была и жена Мельникова, а затем пропал его багаж. Положение военспеца было настолько отчаянным, что он решился написать о своем несчастье В. И. Ленину. В обращении он писал: «Человек я положительно бедный и к тому же обременен большой семьей. К этому я должен добавить, что матерьяльные неудачи роковым образом и незаслуженно повторяются со мной уже не в первый раз... С первых дней переворота я охотно и добровольно служу советской власти, по мере моих сил был ей полезен, за что всегда пользовался ее доверием... вычет из получаемого мной скромного содержания означенной суммы для меня был бы положительно непосильным бременем»²³⁰.

Похожий случай произошел с состоявшим в распоряжении главкома В. Н. Егорьевым, который сообщал начальнику штаба РВСР 24 сентября 1918 г.: «23 сентября, отправившись в военно-хозяйственный надзор высшего военно-хозяйственного совета для сдачи денег и отчетности, имевшихся у меня по должности военного руководителя Западного участка отрядов завесы, я между 16 и 20 часами в районе Новинского бульвара, Смоленского рынка и Брянского вокзала потерял (вероятно, украли при следовании моем в трамвае) один из свертков, в котором был бумажник с 5519 рублями 99 копейками и четырьмя расписками на сумму 800 108 руб. 60 копеек (расписки уже восстановлены, т. к. заключались в получении от меня денег военным комиссаром Западного района обороны Пыжевым, находящимся в Москве).

Означенная потеря (или кража) — не есть следствие рассеянности или небрежности, а являются результатом моего переутом-

ления, мешающего мне непрерывно координировать сложные явления.

Прошу Военно-революционный совет республики, во внимание к моей 35-летней службе, полной забвения себя самого и даже своей семьи,

1) Или простить мне этот долг, имея в виду, что казна в свою очередь мне должна около 18 000 рублей за потерю моего имущества в Черногории, но коих получить, вероятно, не придется.

2) Или рассрочить его вычетами из моего жалования по одной его трети, начиная от возвращения меня из отпуска.

Если оба эти решения неприемлемы, то я могу уплатить долг из только что полученных мною вперед за 4 месяца 6000 рублей, но тогда в отпуск будет ехать не на что и семья моя, совершенно избедствовавшаяся, уж не знаю, как будет жить. В. Егорьев»²³¹.

Резолюция на документе вполне показательна: «Предлагаю сумму потери простить ввиду честной и непрерывной службы Егорьева на пользу Советской России. Глав[ом] Вацетис, Данишевский». На обороте комментарий Данишевского к первому пункту документа: «Мотив этот (п. 1[]) не выдерживает никакой критики. Дан[ишевский]»²³².

Во второй половине августа 1918 г. злоумышленники вскрыли и ограбили петроградскую квартиру бывшего генерала Е. А. Искрицкого, который на несколько дней уехал в Старую Руссу — к месту службы начальником 2-й Новгородской дивизии. Перечень похищенного передает атмосферу того времени. Вору взяли несколько пар мужских и женских ботинок и сапог, три костюма, 7 пар брюк, несколько военных костюмов, коллекцию старинных серебряных рублей, начиная со времен Ивана Грозного, дамское белье, кухонную посуду, чемодан, дорожные несесеры, конфеты, печенье, чай, сахар, 700 папирос, 4 бутылки вина и несколько тысяч рублей²³³. Шкафы, сундуки и ящики были открыты или взломаны, вещи разбросаны в беспорядке. Общий ущерб Искрицкий оценил примерно в 25 000 рублей.

Произвол творили и представители власти. Так, сотрудник ВГШ В. В. Ступин в октябре 1918 г. был задержан дежурным сотрудником ЧК, причем отобрано и не возвращено было 1850 руб. личных денег²³⁴. На этом злоключения Ступина не закончились. В первой половине октября 1918 г. у его матери была реквизирована последняя комната, несмотря на имевшееся удостоверение Воронежского губвоенкомата, что она — мать советского служащего. 68-летней женщине предложили поселиться на кухне, ее пенсия составляла всего 130 руб. Начальник ВГШ А. А. Свечин 20 октября 1918 г. потребовал от председателя исполкома Воронежского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не уплотнять мать военспецов²³⁵.

Жены военспецов могли не работать, однако занимались домашним хозяйством и воспитанием детей. Супруга начальника Полевого штаба РВСР П. П. Лебедева полностью обшивала детей, причем шила даже пальто и обувь²³⁶.

Характерное свидетельство тяжелого положения военспеца в 1931 г. оставил бывший штабс-капитан С. С. Ивановский: «Никакого движимого и недвижимого имущества никогда не имел и не имею, в настоящее время из личных вещей имею белье и одежду в необходимом количестве и велосипед, все остальные домашние вещи тоже в весьма незначительном количестве остались у бывшей жены... Во время самой [Гражданской] войны я был поглощен всецело в работу, был среди выдержанных товарищей, всякие лишения на меня не производили никакого впечатления. После же Гражданской войны... мне приходилось все время думать о добыче питания для семьи. Я починял обувь, жена шила туфли и платья, затем я нанялся сторожем охранять магазины. Со стороны бывшей жены я часто слышал упреки из-за недостатков и пр. Затем в дальнейшем в Харькове положение мое было тоже не из хороших, как в смысле жилой площади, так и по материальным условиям, мог жить только на жаловании, вещей для продажи не имел, заработать было негде. С большим сожалением вынужден был согласиться на продажу наградных часов [от РВСР] за боевую деятельность, к счастью, их не купили. У меня никто не мог бывать»²³⁷.

В минуты отдыха

Работать военспецам приходилось на износ, времени на отдых почти не оставалось. Между тем он был необходим для нормальной работы даже в чрезвычайных условиях первых лет советской власти. Как же проводила свой досуг дореволюционная военная элита, пошедшая в Красную армию?

Чаще всего отдых и развлечения перемежались с работой. На фронте вся жизнь высокопоставленного военспеца протекала вокруг штаба или даже штабного поезда. Соответственно, досуг заполнялся самыми незамысловатыми способами. И лишь в тылу, в крупных городах можно было найти более разнообразные варианты времяпрепровождения.

Гражданская война привела к депрессивным настроениям и апатии в офицерской среде. Утрата моральных ориентиров открывала дорогу распушенности и порокам, прежде всего разврату и пьянству. Наиболее известные случаи неподобающего поведения или примеры того, что пороки вредили делу управления войсками, относятся к антибольшевистскому лагерю. У военспецов РККА они, безусловно,

тоже встречались, но острота проблемы заметно снижалась благодаря контролю со стороны военных комиссаров.

Так, командующий 2-й советской армией В. И. Шорин (негенштабист), а также некоторые работники штаба армии в 1919 г. посещали проституток и кокаинисток Н. С. Соловьеву и Е. И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым — Шорин и член РВС В. И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В. М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»²³⁸. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с главнокомандующим Восточным фронтом М. А. Муравьевым. Не исключено, что через этих женщин белая разведка получала информацию из штаба армии²³⁹. Тем более что Соловьева, работавшая сестрой милосердия, как выяснилось, имела все основания ненавидеть красных — у нее был убит отец и на ее глазах расстрелян муж²⁴⁰.

Молодые военспецы из Полевого штаба РВСР в Серпухове искали романтических отношений с женским персоналом. В случае с консультантом Региструпра (руководящего органа советской военной разведки) Г. И. Теодори дело приобрело трагические последствия. Теодори завязал отношения с 21-летней машинисткой Полевого штаба В. П. Троицкой. Как оказалось, Троицкая вела порочную жизнь — заводила интимные связи с целым рядом сослуживцев, включая ответственных партийных работников штаба и военспецов, пьянствовала, производила впечатление опустившейся и даже оказалась замешана в шпионском скандале. Теодори «с одной стороны, всех уверял в невозможности из-за отвращения близких отношений с ней, а с другой стороны, позволял себе обнимать ее»²⁴¹. На советскую военную службу еще весной 1918 г. в оперативный отдел Наркомата по военным делам, впоследствии вошедший в Полевой штаб РВСР, Троицкую устроил левый эсер Мустафин. Затем через нее на службу устраивались разные подозрительные личности. Троицкая подозревалась в контактах с руководством подпольной антибольшевистской объединенной офицерской организации. Ходили слухи о том, что она имела аристократическое происхождение, состояла в родстве с графом С. Ю. Витте. Чекистами были арестованы и сам Теодори, и Троицкая. Если военспец отделался тюремным заключением, то Троицкую вскоре расстреляли.

Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широко огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством ко-

мандующего 14-й советской армией И. П. Уборевича и члена РВС Г. К. Орджоникидзе в 1920 г., когда приводить в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В. И. Ленину²⁴². Этот недуг не обходил стороной и генштабистов. Пьянство и вызванные им беспорядки имели место в столовых Полевого штаба РВСР в 1919 г.²⁴³ Пьянство отмечалось в 1919 г. и в штабах 1-й Конной армии, и в штабе 9-й армии²⁴⁴. В пьянстве обвинялись комендант Киева П. Немцов, генштабист В. П. Глаголев и даже советский главком И. И. Вацетис²⁴⁵.

О пьянстве Вацетиса вспоминал его товарищ по службе генштабист-перебежчик А. Л. Носович: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”»²⁴⁶

По свидетельству Носовича, «Вацетис неутомимо инспектировал. Это позволяло ему проводить его время в большой относительно праздности, выпивке и других развлечениях, которые он достаточно умел ценить»²⁴⁷.

Следующая встреча Носовича с Вацетисом имела много общего с прежней: «Наша оперативная беседа затянулась до обеда. Продолжалась во время него, пока хорошо выпивший Вацетис не хлопнул ладонью по столу и поставил резолюцию... я долго рассматривал предписание, данное мне Вацетисом под пьяную руку, а что голова его не очень варила, то это ясно свидетельствовала им редактированная последняя фраза предписания: “И провести все его меры в жизнь”»²⁴⁸.

Порой выпивка сопровождалась политическими разговорами. Вероятно, под воздействием алкоголя Вацетис заявил, что латышские стрелки могут «тряхнуть Москвой»²⁴⁹. Этот разговор, дошедший до чекистов, стал одной из причин его смещения с поста главкома и ареста.

За веселое времяпрепровождение пострадал и начальник штаба 16-й армии В. Л. Баранович, отстраненный от должности и арестованный 28 сентября 1919 г. «за то, что не был 27 сентября вечером на занятиях, и за то, что участвовал в товарищеской пирушке»²⁵⁰. Впрочем, уже через несколько дней его освободили.

Пьянство штабных работников могло иметь далеко идущие последствия. В партийной переписке за июль 1920 г. отмечалось, что командование Заволжского военного округа во главе с К. А. Авксентьевским «часто является даже на службу в штаб в невменяемом состоянии от опьянения»²⁵¹. Вместе с Авксентьевским, по всей видимости, пьянствовала целая группа генштабистов: помощники

командующего войсками округа А. К. Андерс и А. А. Балтийский, помощник начальника штаба округа В. Е. Волков, начальник оперативного управления А. В. Кирпичников и исполняющий должность начальника штаба округа В. К. Токаревский. В результате против отстранения его от командования за пьянство поднял бунт командир дислоцированной в округе 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии А. В. Сапожков. Для подавления выступления пришлось задействовать свыше 14 000 штыков и сабель, борьба с основными силами повстанцев заняла около двух месяцев, причем до конца уничтожить их не удалось, а программа сапожковцев стала использоваться в антибольшевистском повстанческом движении и в дальнейшем.

Пьянство для генштабистов стало способом ухода от гнетущей действительности, возможностью на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни. Конечно, далеко не все генштабисты были пьяницами или вели распутную жизнь. Скорее это были исключения. Многие же и в советских условиях жили прежним патриархальным укладом, насколько это было возможно. Находясь на фронтах, такие военспецы скучали по близким и рвались домой. Таким образцовым семьянином был бывший генерал А. Е. Снесарев, который регулярно отправлял жене нежные письма с фронтов и заметно скучал по супруге и детям. Главком С. С. Каменев в годы Первой мировой и Гражданской войн не расставался с портретом жены, который носил как талисман в кармане френча²⁵². В традициях патриархальной семейственности детям могли давать прозвища. Так, например, было в семье П. П. Лебедева²⁵³. Сам Лебедев любил, сидя на полу перед печкой в кругу семьи, рассказывать детям содержание прочитанных книг.

Семейный вопрос в Гражданскую войну приобрел немалую значимость. Красные провозглашали ответственность семей за возможные измены военспецов, что заставляло офицеров тревожиться за судьбу близких, даже несмотря на декларативность угрозы²⁵⁴. В бытовом плане положение семей даже высокопоставленных генштабистов отличалось неустроенностью и незащищенностью.

Поскольку крупные штабы обычно располагались в больших городах, среди развлечений генштабистов в Гражданскую войну были посещения театров и кинематографов. Иногда проезд военспеца, особенно высокопоставленного, в такие учреждения сам по себе превращался в спектакль. Вот как характеризовали командовавшего 4-й армией бывшего подполковника В. С. Лазаревича члены РВС Туркестанского фронта в начале 1920 г.: «Он страшно честолобив и готов на все, лишь бы пользоваться внешними атрибутами власти. Во время его кратковременного командования 4[-й] армией нередко бывали случаи, когда приходилось улаживать всякие мелкие инциденты

и неприятности с местными партийными и советскими органами на этой почве: как, например, когда ставилась особая почетная охрана в ложу командарма в кинематографе, а при выходе конная охрана выстраивалась по обе стороны следования Лазаревича, расчищая путь от посторонней публики и вызывая возмущение как рабочих, так и обывателей. Таких мелких фактов можно привести десятки»²⁵⁵. Заядлыми театралами были Б. М. Шапошников²⁵⁶ и советский главком С. С. Каменев. Последний был даже лично знаком со знаменитым режиссером В. Э. Мейерхольдом. Каменев обычно заказывал ложу, где размещались родные и знакомые — все, кто с ним приходил, не пропускал ни одного спектакля с участием Ф. И. Шаляпина или Л. В. Собинова²⁵⁷. В театрах тогда не топили, поэтому зимой приходилось сидеть в шубе и валенках.

По воспоминаниям дочери П. П. Лебедева, «в опере мы тоже часто бывали. Отцу довольно часто присылали билеты в ложу. Сам он ходил редко, ему все было некогда. Но мы прослушали почти все оперы, которые шли и в Большом, и у Зимина. Бывали мы не реже и в Малом, и в Художественном театре, а также в его студиях»²⁵⁸. Иногда известные актеры и певцы даже гостили у Лебедевых и выступали на домашних концертах. На одном из семейных вечеров присутствовала и танцевала знаменитая певица А. В. Нежданова.

Ценителем оперного искусства был видный советский военачальник, один из организаторов разгрома Колчака и Деникина, советизации Закавказья, бывший капитан С. А. Пугачев, сделавший блестящую карьеру в РККА. По воспоминаниям супруги, он «очень любил музыку, умел слушать ее. Предпочитал классическую. С наибольшим удовольствием слушал оперы “Евгений Онегин” Чайковского, “Сусанина” Глинки, “Аиду” Верди. С удовольствием слушал Бетховена, Шопена, Листа, Скрябина. Из русских песен, которые очень любил, выделял песню “Выхожу один я на дорогу”, “Орленок”, а из грузинских “Сулико”. Эти песни и сам напевал. Музыка Семен Андреевич не учился, но слух у него был отличный, и он мог почти на любом инструменте подобрать понравившуюся ему мелодию, мотив»²⁵⁹. По всей видимости, песня «Сулико» появилась среди музыкальных предпочтений Пугачева в период службы в Закавказье, в советизации которого он участвовал.

Начальник 30-й стрелковой дивизии бывший подполковник Е. Н. Сергеев редкие минуты отдыха коротал за игрой на виолончели, которую всегда возил с собой в походном ящике вместе с книгами. Красноармейцы даже прозвали его «наш музыкальный начдив»²⁶⁰.

Дочь А. Е. Снесарева вспоминала о жизни семьи в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Недалеко от нашего дома была очень крутая улица, начинавшаяся от Воскресенского монастыря; по этой улице мы катались на салазках. В городе был старинный Кремль со средневековыми

стенами, с башнями. Как-то особенно запомнилась башня Веселуха. Мы, ребята, много играли на Блонье — небольшой городской парк с памятником Глинке. Хорошо помнятся зеленые склоны к Днепру, а на них старинные крепостные стены. Помнятся наши прогулки, рассказы папы о значении Смоленска, о его осадах, об Отечественной войне 1812 г., об отходе русских войск к Москве, о Бородинском бое... Весной 1919 г. в Смоленск на гастроли приехали А. В. Нежданова, Н. С. Голованов, С. И. Мигай, А. В. Богданович. Остановились они у нас. Концерт происходил в зале бывшего Дворянского собрания... В июне месяце в Смоленском народном университете Андрей Евгеньевич [Снесарев] прочитал ряд лекций»²⁶¹.

Минутой отдыха военспецы могли коротать время за чтением, неспешной игрой в карты в дружеском кругу или за разговорами²⁶². Так, начальник Штаба РККА П. П. Лебедев получал экземпляры всех вышедших художественных книг и прочитывал их²⁶³. Многие бывшие офицеры курили, распространению этого явления способствовала общая нервозность их существования в Советской России. П. П. Лебедев имел обыкновение класть зажигалку в сапог²⁶⁴.

Существовали у военспецов и хобби. Например, главком С. С. Каменев коллекционировал историческое оружие и собрал впечатляющую коллекцию. Зная о его увлечении, коллеги по службе дарили ему такого рода подарки. Например, М. В. Фрунзе подарил личный револьвер, из которого отстреливался от бандитов на Украине в 1921 г.²⁶⁵

Патриархальная религиозность была фактором, выделявшим некоторых генштабистов в советских реалиях. Порой она приобретала комические формы. По рассказу одного из окружных комиссаров, с военруком Ярославского военного округа Н. Д. Ливенцевым во время инспекторской поездки в Иваново-Вознесенск произошел казус: «На вокзале, — рассказывал товарищ, — смотрю, нет военрука. Исчез и ни слова не сказал. Я туда, сюда... На площади собрался весь гарнизон, ожидает смотря... А его нет и нет. Скандал... Наконец, часа через два является. Оказывается, был в церкви, служил молебен какому-то святому... Беда ходить с ним куда-либо... Ни одной часовни не пройдет — обязательно заглянет!!»²⁶⁶ Генштабист В. А. Афанасьев в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал: «Будучи верующим, я был не согласен с теми мероприятиями властей, которые ограничивали и стесняли религию»²⁶⁷.

Посещали церковь в советское время и бывшие генералы А. И. Верховский и Ф. Е. Огородников²⁶⁸. Религиозные праздники отмечались в семье бывшего генерала В. А. Олохова²⁶⁹. На Пасху 1919 г. единственной радостью на генеральском столе оказались привезенные из деревни полкило творога и шесть яиц.

Тягостные реалии скрашивал юмор. Так, С. А. Пугачев, по воспоминаниям его супруги, чтобы разрядить обстановку, имел обыкно-

вание говорить на тарабарском языке, произнося буквы в словах в обратном порядке²⁷⁰.

Иногда разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Если была такая возможность, в теплое время по дореволюционной традиции отдыхали за городом на дачах. К примеру, летом 1922 г. А. И. Верховский, вернувшись из поездки в качестве военного эксперта на Генуэзскую конференцию, отдыхал с родными на даче в Кунцево. Время проходило в прогулках по окрестностям, игре в теннис, которой увлекался бывший генерал²⁷¹. С. С. Каменев в августе 1922 г. восстанавливал подорванное Гражданской войной здоровье в санатории в Крыму, где находился вместе с семьей и увлекся фотододелом²⁷². Позднее Каменев отдыхал также в санатории в Гаграх. А. Е. Снесарев летом 1924 г. проводил время с семьей на даче в деревне Лигачево, где работал над переводом классического труда К. фон Клаузевица «О войне» и предисловием к нему, впоследствии составившим отдельный труд «Жизнь и труды Клаузевица». В дневниковой записи за 27 июня 1924 г. он отмечал: «Наслаждаемся в деревне. Пошла на поправку и жена. С огорода своего берем лук, укроп, редиску и салат... Диоклетианы²⁷³ в стороне от шума жизни. Клаузевица кончаю (164), иду 25–30 страниц в сутки и даже до 36...»²⁷⁴ Из деревни уехали в начале сентября.

Осенью 1921 г. в свой первый за время Гражданской войны отпуск отправился начальник Штаба РККА П. П. Лебедев. Вместе с семьей военспец в своем салон-вагоне поехал на Зеленый мыс под Батуми, от Владикавказа по Военно-Грузинской дороге ехали на машинах. В Тифлисе гостили у А. И. Геккера, гуляли по городу, были в театре на опере «Аида», которую особенно любил слушать Лебедев. До Зеленого мыса добирались снова поездом под охраной красноармейцев, так как бандитские нападения были не редкостью. Лебедевы поселились в бывшем имении далеко от моря, но почти все время проводили на пляже. Лебедев любил лазить по горам. С питанием было проблематично. У местных жителей удавалось купить молоко, а жили на сухом пайке — консервах, сушеных овощах и яичном порошке. Готовили на примусах. В садах и парках заброшенных имений можно было найти мандарины, хурму и даже зеленые бананы. П. П. Лебедев однажды сумел поймать угря, которого также приготовили. По итогам отдыха семья заболела малярией²⁷⁵. Тем не менее на обратном пути посетили Азербайджан.

На следующий год Лебедевы отдыхали в Кисловодске, где П. П. Лебедев поправлял здоровье, принимая нарзанные ванны. Семья совершала прогулки по горам. С Минеральных Вод поехали в Сочи и Туапсе. В Сочи к прежнему питанию сухим пайком добавилась брынза. Позднее был отдых в Крыму, но семья отдыхала уже не в полном составе.

Дом отдыха для работников РВСР в 1920 г. организовали в бывшем подмосковном имении Строгановых Братцево. Здесь отдыхали С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский и др.²⁷⁶ Сюда отдыхать и выступать перед военными приезжал даже знаменитый певец Ф. И. Шаляпин.

П. П. Лебедев очень любил животных. В Братцево он участвовал в развитии животноводческой фермы. Дома держал собак, кошек и даже медвежонка — подарок одного из командиров²⁷⁷.

С. А. Пугачев также любил домашних питомцев. В его семье жил кот Пушок, сеттер-гордон Цезарь, а в Тифлисе — серая кошка Шпулька, провожавшая Пугачева на службу и встречающая по возвращении. Пугачев по-особенному относился к природе. По воспоминаниям супруги военачальника, он «совершенно не терпел, если при нем ломали, портили деревья, и по-настоящему огорчался, когда видел искалеченные кусты сирени, бездумно обломанные и почти тотчас же брошенные ветки деревьев. И детям прививал бережное отношение к природе: не ломать веток, не срывать зря цветов. Срезанных цветов Семен Андреевич не любил, но охотно любовался цветами в горшочках. Случалось, перед нашими большими праздниками мы ездили в оранжерею и там покупали цветы в горшочках — цикламен, гортензию, гиацинты, и Семену Андреевичу приятно было видеть их в квартире»²⁷⁸.

На фоне бытовых неурядиц в среде «бывших» распространились ностальгические воспоминания о прежней жизни, ее идеализация и стремление вновь погрузиться в былую атмосферу. Осуществить это в сложившихся условиях можно было лишь посредством общения с товарищами по прежним временам, такими же бывшими офицерами, оказавшимися чужими в своей стране, замыкания в своем кругу (в чем-то схожие процессы затем происходили и в среде русской военной эмиграции). В кругу военспецов начали формироваться группировки, просуществовавшие до начала 1930-х гг.

Общение проходило в виде неформальных встреч с застольями и возлияниями, а также посредством переписки. К этому можно добавить, что в домашней обстановке бывшие офицеры, не исключая генштабистов, по торжественным случаям (день Св. Георгия, полковые праздники, семейные торжества) надевали свои дореволюционные награды и предметы униформы, иногда даже готовилась выпечка с прежней символикой (например, крендель с георгиевским крестом на вечерах георгиевских кавалеров у бывшего генерала А. Е. Снесарева)²⁷⁹.

Наибольшую известность приобрели георгиевские вечера. Первый вечер георгиевских кавалеров состоялся в 1922 г. еще на квартире у Д. К. Лебедева, уезжавшего в Эстонию²⁸⁰. Впоследствии эти встречи, проходившие в основном на квартирах А. А. Брусилова

и А. Е. Снесарева, были поставлены в вину целому ряду бывших офицеров, арестованных в начале 1930-х гг. по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». В вечерах участвовали бывшие генералы А. А. Брусилов, В. Н. Гатовский, А. Г. Лигнау, Д. Н. Надежный, А. В. Новиков, А. А. Свечин, Я. Я. Сиверс, бывший полковник Е. М. Голубинцев, бывший подполковник В. Г. Сухов. Как свидетельствовал А. А. Свечин, «окончательного разрыва с прошлым у большинства не было. Это создавало почву для таких враждебных сов[етской] власти вечеров, какие устраивались несколько раз до 1927 года в георгиевский орденский праздник. Мне пришлось быть на двух-трех таких вечерах в доме А. Е. Снесарева. На этих собраниях бывали: [В. Г.] Сухов, [Д. Н.] Надежный, [А. А.] Брусилов, [А. В.] Новиков, [Е. М.] Голубинцев и др., фамилии которых сейчас не помню. На этих собраниях присутствовавшие одевали георг[иевские] кресты. Припоминаю на одном таком собрании выступление Брусилова, которое сводилось к указанию на важность единения быв[ших] офицеров георгиевских кавалеров и которое по существу своему было, конечно, контрреволюционно. У участников этих собраний оставалось впечатление известного блуда против советской власти»²⁸¹. По другим свидетельствам, речь шла не более чем о поддержании традиций.

Аналогичные собрания в Киеве проходили на квартире у бывшего генерала В. А. Ольдерогге, собиравшего сослуживцев, преподававших в Киевской объединенной военной школе им. С. С. Каменева²⁸². На вечерах играли в карты на деньги.

Порой выпивка сопровождалась политическими разговорами. Взаимодействие бывших офицеров, конечно, попадало в поле зрения органов ЧК, державших эту группу лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. Однако присутствие русским офицерам инертность и пассивность наряду с возникшей в советских условиях разобщенностью и подозрительностью не позволили этим людям, оставшимся на родине, в их недовольстве режимом пойти дальше застольных обывательских бесед.

Жизнь военспецов в первые годы советской власти предопределялась чрезвычайными реалиями Гражданской войны. В приоритете были вопросы элементарного выживания. Повседневность архаизировалась, способы досуга стали достаточно примитивными. Но, несмотря на серьезные социально-политические перемены в стране, «бывшие» и в советских условиях пытались придерживаться прежних традиций и привычек. Порой их поведение влияло на образ жизни красных командиров, приобретающих, как тогда писали, «барские замашки»²⁸³. Впрочем, влияние этих двух групп командного состава РККА было обоюдным.

Заболееваемость и смертность, социальное обеспечение

Катастрофическая повседневность Гражданской войны влияла на жизнь и здоровье людей, в особенности тех, кто, как бывшие офицеры, оказался на острие конфликта. Упадок питания, голод и холод, эпидемии, недостаточное медицинское обеспечение вели к всплеску заболеваний и смертности среди военной элиты.

Типичным явлением эпохи стали различные виды тифа, которым болели целые воинские части (наиболее характерно это было для белых). Порой одно заболевание перетекало в другое. Полковник А. С. Карпенко, находившийся на белом Юге, в период болезни пережил смену лагеря, которому служил: в декабре 1919 г. «заболел сыпным тифом и был отправлен по распоряжению коменданта ввиду эвакуации его управления в г. Одессу, несмотря на то, что тиф был в самом разгаре. В Одессе я находился в госпитале; после сыпного я заболел возвратным тифом и болел до марта месяца 1920 г. Переворот в Одессе застал меня в госпитале. Оправившись, мне врачебной комиссией при Одесском военкомате был дан месячный отпуск по болезни, после которого я был определен на службу в 45[-ю] стр[елковую] дивизию»²⁸⁴.

Особенно распространены и опасны в тех условиях были инфекционные заболевания. От такого заболевания внезапно в разгар операции на фронте скончался помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В. И. Селивачев²⁸⁵. Среди генштабистов распространялись заболевания и вследствие перемещения. Например, в 1918 г. так заболел бывший подполковник Б. Л. Негродов²⁸⁶.

В ряде случаев болезнь носила дипломатический характер. Так, бывший подполковник А. Н. Гатовский «имея медицинское свидетельство в кармане... заболел, когда его назначали на оперативную должность, и мгновенно выздоравливал, когда получал место при снабжении, где хлеб и масло. Иного поведения от Гатовского* нельзя было и ожидать, так как это был форменный аферист»²⁸⁷.

Характер потерь военной элиты в Первую мировую и в Гражданскую войны существенно различался. В Первую мировую войну намного выше были боевые потери генштабистов, что предопределялось высокой плотностью боевых порядков и огневого воздействия, интенсивностью и размахом операций, тогда как в Гражданскую войну, боевые действия которой характеризовались отсутствием сплошной линии фронта, слабым огневым воздействием, низкой плотностью боевых порядков, на первое место вышла связанная с политическими факторами смертность от репрессий,

* В документе ошибочно: *Гатовского*.

несколько возросла и смертность по естественным причинам, что было обусловлено упадком питания и медицинского обеспечения, разрухой в стране.

Красный террор в Гражданскую войну унес жизни не менее 133 генштабистов. Погибли в боях или умерли от ран 36. Шестеро скончались с собой. 93 скончались по естественным причинам. Всего же за 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи ушли из жизни не менее 273 выпускников академии, что превысило потери и смертность генштабистов за период Первой мировой войны.

Жертвами террора со всех сторон стали 48,7% умерших выпускников и слушателей академии, по естественным причинам ушли из жизни в этот период не менее 34%, в боевых действиях погибли лишь 13,2%.

Для сравнения, в Первую мировую войну ушли из жизни 208 генштабистов²⁸⁸, в том числе 94 погибли и умерли от ран в результате боевых действий либо вследствие солдатских беспорядков.

К сожалению, определить процент умерших в 1917–1922 гг. от общего числа выпускников Николаевской академии, находившихся на территории бывшей Российской империи, не представляется возможным, поскольку невозможно установить, сколько всего генштабистов были живы в этот период (более или менее точные данные имеются лишь о тех, кто участвовал в Гражданской войне).

Абсолютное большинство погибших в результате репрессий приходится на красный террор (95,6%), в остальных случаях речь идет о жертвах бандитизма (зеленых) и белых. Такой перекося следует из того, что белые, как и представители национальных государственных образований, в отличие от красных, не проводили политики террора в отношении офицеров Генерального штаба. Очевидно, что если бы к белым в плен попадали военспецы-генштабисты, верой и правдой служившие красным либо состоявшие в большевистской партии, случаев белого террора в их отношении было бы больше.

Необходимо упомянуть о жертвах бандитизма. Генерал С. И. Кулешин был убит в 1918 г. в поезде за отказ снять погоны. Генерал В. В. Сахаров был расстрелян зелеными в Крыму у Карасу-Базара летом 1920 г. Генерал А. С. Галкин был убит в 1920 г. в Сочи бандитами прямо на глазах у семьи. Перешедший в РККА бывший колчаковский подполковник Л. В. Никольский был убит осенью 1921 г., как сообщалось, белобандитами²⁸⁹.

Сравнительно невысокий процент погибших в боях объясняется отсутствием необходимости для штабных работников находиться на передовой и невысокой интенсивностью и масштабом боевых действий. Среди естественных причин прослеживается высокая смертность генштабистов от болезней, прежде всего от различных форм тифа, эпидемиями которого были охвачены армии красных и белых.

Из России в результате Гражданской войны эмигрировали не менее 1061 выпускника академии — участника Гражданской войны (в большинстве ветеранов белых и национальных армий), в том числе свыше 824 умерли в изгнании.

Намного меньше известно о судьбах выпускников Николаевской академии, оставшихся в Советской России. Следы офицеров терялись, в особенности если они увольнялись из армии и позднее не зафиксированы как репрессированные.

Не менее 207 генштабистов оказались расстреляны или умерли в заключении в Советской России и СССР после Гражданской войны, судьбы нескольких сотен человек еще предстоит установить. Потери кадров Генерального штаба на изломе эпох отражают радикальные общественно-политические перемены, произошедшие в нашей стране.

При том что бывшие офицеры воспринимались руководством партии как временная замена готовившимся их сменить социально близким командным кадрам, власть вынуждена была принять на себя обязательства по социальному обеспечению тех, кто не только ей служил, но и просто находился на территории Советской России.

Возник вопрос о пенсиях и пособиях. Декретом СНК от 11 декабря 1917 г. было предписано продолжать выплату пенсий во всех заслуживающих уважения случаях, но в размере до 300 рублей. Однако декрет не выполнялся. В июле 1918 г., когда был издан декрет о мобилизации бывших офицеров в РККА, нарком социального обеспечения издал распоряжение о прекращении выдачи пенсий всем бывшим офицерам²⁹⁰. Впрочем, Троцкий тогда же потребовал вернуть пенсии²⁹¹.

Оказавшийся без средств к существованию кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени, герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., бывший генерал от инфантерии Х. Х. Рооп в марте 1918 г. обращался к народному комиссару призрения: «Канцелярия бывшего Государственного совета уведомила, что по сообщению народных комиссаров оставшиеся за штатом члены Государственного совета, желающие пользоваться пенсиями, могут обращаться к народному комиссару призрения. Необходимость озаботиться средствами к существованию в последние годы моей жизни заставляют просить об отставке с пенсией из государственного казначества и эмеритальных сумм. На основании пенсионного устава для военных чинов пенсии им определяются в 80% получавшегося ими на службе содержания, что при получаемом мной, генералом от инфантерии, членом Государственного совета, годовом содержании в 18000 р. составит 14000 р.

Размер этот значительно превышает назначаемые обыкновенно пенсии; но я считаю себя вправе надеяться, что моя исключительно долгая служба родине, более 68^и лет и из них более 54-х лет в гене-

ральских чинах на весьма ответственных постах и боевые отличия (орден Св. Георгия 3^и степени, Георгиевское оружие и наименование форта под крепостью Карс, в Малой Азии, моим именем) дают основание на внимание к моей службе правительства и на предоставление находящемуся в глубокой старости (86 лет) слуге Родины возможность дожить немногие уже годы без острой нужды предоставлением мне ввиду тяжелого положения государственного казначейства хотя [бы] половины причитающейся мне по закону пенсии, т. [е.] 7000 рублей в год.

К сему считаю необходимым пояснить, что кроме получавшегося от государства содержания никаких средств к существованию не имею. Ни пяди земли, даже для погребения, не имею также хотя бы убогой избенки для жизни. Нет также и денежных сбережений ввиду бывших по представительству по службе расходов. Ввиду стесненного положения прошу ускорить разрешение»²⁹².

В июне 1918 г. Рооп писал бывшему генералу А. П. Архангельскому в ВГШ по поводу пенсии: «Дозвольте мне, старейшему генералу русской армии, обратиться к Вам с справедливою просьбою. Ввиду увольнения меня в отставку, 25 октября 1917 г., управлявший делами упраздненного Государственного совета, отношением от 5 апреля сего года* за № 181 просил Главный штаб об ассигновании мне за 68^и-летнюю в офицерских чинах службу соответственной пенсии и эмеритуры. К несчастью, ходатайство это не удовлетворено еще; между тем материальное положение мое становится катастрофическим; с прекращением получавшегося мной содержания члена Государственного совета не имею решительно никакого состояния, ни пяди земли, хотя бы для погребения, ни лачуги для жилья, не имел также возможности составить по долголетней службе своей каких-либо денежных сбережений (все получавшееся от казны шло на службу и необходимое представительство), я в настоящее время крайне затрудняюсь приисканием средств для насущного даже пропитания.

Достойно ли России, всегда честно относившейся к своим обязательствам, заботиться о верных слугах родины** обеспечением их старости пенсиями — предоставить им ныне умирать голодную смертью!

Вся жизнь моя дает мне несомненное право сопричислять себя к верным слугам родины, так как всегда всю думу свою, все силы отдавал на честное служение ей и на благо тех, кем ведал, и это чувствовалось ими, судя по трогательным постоянным проявлениям сочувствия их моей деятельности.

* Подчеркнуто адресатом.

** Здесь и далее — подчеркнуто автором.

Поэтому усерднейше прошу Вас, достойнейший Алексей Петрович, исходатайствовать скорейшее ассигнование мне пенсии и эмеритуры, а равно и ввиду тяжелых условий, в которых нахожусь теперь, ускорить выдачей мне их за время, истекшее со дня моей отставки, с 25 октября 1917 года.

Почтительнейше прошу о последующем поставить меня [в известность] уведомлением: Петроград. Галерная, 52. Кв. 3; если возможно и телеграммой.

Прошу верить в искреннее к Вам уважение и преданность.

Христофор Рооп»²⁹³.

Решение пенсионного вопроса для старого генерала затянулось. Семье пришлось продавать вещи, причем к осени 1918 г. они были уже распроданы. Отчаявшись, старик писал в ВГШ в октябре 1918 г.: «С увольнением меня в отставку, с 25 октября 1917 года, мне пришлось с семьей жить лишь на выручаемые через продажу вещей средства, а они в течение 11^м месяцев уже распроданы и мы находимся под угрозой голодной смерти. До слез больно 88^л-летнему старику, всю жизнь свою отдавшему на добросовестное служение родине, быть поставленным в такое катастрофическое житие»²⁹⁴.

Следующее письмо составлено было уже супругой генерала: «Многоуважаемый господин заведывающий[,]»

Умоляю Вас, вышлите, ради Бога, пенсию. Мужу 88 лет, нуждается в лечении и питании, как ни приду в казначейство, все нет и нет. Очень прошу, ради Бога, как можно скорее. Пенсия Христофору Христофоровичу Роопу.

Уважающая Вас Ю. Рооп»²⁹⁵. До января 1919 г. Рооп пенсию не получил и, по всей видимости, вскоре скончался.

Положение больных генштабистов, а также семей умерших или тем более репрессированных было очень непростым. К примеру, в тяжелейшем положении оказалась многодетная семья душевнобольного генерал-майора А. Н. Яблонского — шесть дочерей и сын²⁹⁶. Аналогичные трудности испытывали близкие парализованного генштабиста Н. Н. Долинского. Генштабист Б. М. Иванов в ноябре 1918 г. обращался в фонд взаимопомощи офицеров Генштаба с просьбой помочь изыскать средства на операцию жене, так как был вынужден влезть в долг²⁹⁷. Помощь, как правило, оказывалась по месту службы. Так, например, 30 июня 1919 г. Совет ВГШ предназначил выдать пособие в размере 1300 руб. начальнику отделения отчетно-организационного отдела А. Г. Грундштрему на лечение его и сына²⁹⁸.

Супруга арестованного и расстрелянного генштабиста Н. К. Раша Вера Ивановна, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября 1918 г. к начальнику оперативного управления ВГШ: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с. г. и находился в Таганской тюрь-

ме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»²⁹⁹.

В то же время Красная армия, порой воспринимаемая как организация, в которой беспощадно подавлялось всякое человеческое достоинство бывших офицеров, дает примеры заботы о военспецах и их семьях.

Бывшему полковнику М. С. Свечникову за заслуги перед Советской Россией в январе 1920 г. РВСР было установлено содержание по должности командующего армией³⁰⁰.

Персонального внимания властей удостоилась семья умершего в сентябре 1919 г. помощника командующего Южным фронтом бывшего генерала В. И. Селивачева. Троцкий в октябре 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачева жалованье из оклада в 6000 руб.³⁰¹ 6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачева усиленное пенсионное обеспечение его вдове. Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В. Н. Егорьев, А. А. Самойло и Э. М. Склянский. Вдове была предоставлена персональная пенсия.

В 1920 г. вопрос о помощи семьям умерших военспецов был упорядочен. Начальник Полевого штаба РВСР 19 мая 1920 г. издал следующее распоряжение: «С начала образования Красной армии в ряды ее были призваны, невзирая на возраст, все лица Генерального штаба, которые несли службу по своей специальности на фронте и в центральных учреждениях. В течение свыше двухлетнего существования Красной армии из лиц Генерального штаба, состоявших на службе, умерло 16^ч человек... из которых некоторые умерли от эпидемических болезней или расстроив свое здоровье на службе. После всех умерших остались совершенно не обеспеченными их семьи, которые в данное время находятся в самом бедственном положении.

³⁰¹ Так в документе, правильно: 17.

Принимая во внимание работу умерших лиц Генерального штаба на пользу Р.С.Ф.С. республики и бедственное положение их семейств, полагал бы необходимым: 1) выдать семействам умерших единовременные пособия, 2) сохранить за семействами оклады жалования по последним должностям умерших и 3) выдать семействам продовольственные карточки «Красной Звезды»³⁰². К документу прилагался список из 17 генштабистов³⁰³.

Руководство РККА заботилось о советских военнопленных и интернированных. Делопроизводитель разведывательного отделения военно-статистического отдела ВГШ бывший капитан И. В. Высоккий 17 июля 1918 г. обратился с рапортом к своему непосредственному начальнику: «В составе войск XX армейского корпуса 8 февраля 1915 г. в Августовских лесах я был взят в плен германцами.

После трех лет и четырех месяцев пребывания в плену я, как инвалид, был отпущен в Россию.

По возвращении из плена денежных выдач не получал никаких.

Будучи семейным и крайне нуждаюсь в средствах, прошу о выдаче мне пособия, а если это было бы признано невозможным, то прошу ходатайства о выдаче мне двухмесячного оклада содержания с льготным погашением, тем более что последним пользуются эвакуированные из Петрограда, а, поступив на службу, я принужден был перевезти семью из Петрограда в Москву»³⁰⁴. Ходатайство Высоцкого было поддержано.

Бывший генерал З. И. Зайченко, интернированный в Германии (Ганновер, лагерь военнопленных в Хаммельне) вместе с 53-й пограничной дивизией в период советско-польской войны, беспокоился о семье в Киеве, о чем писал начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву 16 сентября 1920 г. В результате жене военспеца было выдано пособие в 2500 руб.³⁰⁵

Курсовик Б. Н. Скворцов также просил в 1918 г. устроить его на службу ближе к семье. Его однокашники А. К. Малышев и Н. Н. Доможиров осенью 1918 г. недоумевали, обсуждая товарища: «Теперь относительно Скворцова. Уже начинаю удивляться, что человек тычется во все места, не знает, что собственно самому нужно: когда главкомом было приказано отправить всех офицеров Генштаба из фронта за исключением для штаба фронта трех, он был предназначен для отправления. Подал рапорт о том, что его семейное положение заставляет его слезно просить оставить его или в штабе фронта, или вообще на Северном фронте, как наиболее близком к его семье, оставшейся в Петрограде. Естественно, он и был назначен в Вологду [в] штаб 6[-й] как ближайший пункт к Петрограду. А в это время Гитис просил Генеральный штаб, так как у него их всего три. Когда начальник штаба Костяев разрешил никуда генштабов не командировать, он временно остался в штабе фронта, что, ему, собственно

говоря, нужно, ей-Богу, не знаю. По-моему, пора прекратить подобные разговоры...»³⁰⁶ Подобное поведение могло выглядеть подозрительным.

Конечно, бывали и противоположные случаи, когда личные интересы генштабистов не принимались во внимание. С точки зрения материального обеспечения интересна история военспеца А. Д. Лютова. В августе 1919 г. он служил в штабе 7-й армии вместе с еще пятью генштабистами, однако, желая перевестись в штаб Восточного фронта, 19 августа телеграфировал свою просьбу начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву³⁰⁷. О мотивации просьбы военспеца в телеграмме заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому сообщал 23 августа 1919 г. член РВС 7-й армии А. П. Розенгольц: «Перевод Лютова на Вост[очный] фронт, к чему он стремится давно разными путями, продиктован не интересами службы, а устройством личных дел Лютова. В 7[-й] армии все генштабисты за исключением нач[альника] опер[ативного] от[дел]а Лютова — полнейшая бездарность. Некоторые из них, как, например, [Н. И.] Кадников, за полной непригодностью откомандированы из армии. Можем откомандировать еще и других в этом роде...»³⁰⁸

Тем не менее Лютов настаивал. 28 августа он телеграфировал начальнику оперативного управления РВСР В. И. Михайлову о своих мотивах: «Первое. Убийственное положение семьи, живущей в Симбирске, состоящей [из] жены, троих детей, двух матерей, совершенно оборванных, обтрепанных и принужденных голодать, так как при дороговизне [в] районе Петрограда при всем своем напряжении и голодовке я не могу достаточно выделить денег из своего содержания на их прожитие. Второе. Знание мною Казанского округа, благодаря долгой службе в нем [в] мирное время, где бы я мог больше принести пользы. Третье. Оставление меня в штабной семье не даст мне спокойно работать, зная, что семья моя обречена на гибель, содружество в штабной работе [с] лицами, препятствующими моему переводу, мне будет тягостно, таким образом, на три четверти я потерян для работы в армии. Четвертое. В то время как [в] штабосте лишь три генштабиста, в штабной семье их пять, кроме меня, из коих три старых выпусков и, следовательно, есть заместители. Пятое. После отпуска я не приступил к службе в ожидании разрешения вопроса [о] переводе и работа в оперотделе не остановилась. Шестое. Единственной причиной задержки является моя безупречная служба со дня формирования Красной армии и отличная аттестация, которая, однако, мне дает право надеяться, что мое ходатайство о переводе будет удовлетворено, хотя бы как награда за предшествующую мою службу»³⁰⁹.

РВСР все же оставил Лютова в штабе 7-й армии, что было продиктовано интересами дела, но в материальном плане военспецу

была оказана существенная помощь. Из РВСР Лютову 1 сентября была направлена следующая телеграмма: «Имея [в] виду Ваши тяжелые материальные условия, Реввоенсовет республики назначил Вам пособие [в] сумме десять тысяч рублей... Ваше оставление на службе в штаб[е] 7[-й] необходимо»³¹⁰. Таким образом, на определенную социальную поддержку военспецы могли рассчитывать.

В 1920-е гг. прошла волна увольнений генштабистов из армии. Ушедшие со службы военспецы-генштабисты могли рассчитывать на скромное пенсионное обеспечение. Прежние пенсии за выслугу лет были отменены. По данным на 1926 г., С. А. Сухомлин и Б. Н. Шавров, служившие в РККА в Гражданскую войну, получали персональную пенсию в 40 руб.³¹¹ Пенсия Д. П. Кадомского составляла 70 руб., Н. Г. Мыслицкого — 80 руб.³¹² В целом размеры пенсий для бывших генералов и членов их семей варьировались от 21 до 155 руб. в месяц³¹³. Персональные пенсии за заслуги по службе в РККА получали 75 человек, в том числе 33 бывших военспец-генштабиста (или члены их семей)³¹⁴. Многие, находясь на пенсии, работали. Кто-то в поисках заработка полностью менял профессию (нередко новой профессией становилось прежнее хобби³¹⁵). Есть свидетельства о том, что нуждавшимся товарищам по прежней службе генштабисты собирали деньги.

По данным на конец 1920-х — начало 1930-х гг., персональным пенсионерам республиканского значения полагались льготы — 50 % квартплаты, льготы на отопление, воду, канализацию, газ, свет, прачечные, общественные бани, проезд на городских железных дорогах и в автобусах. При перечислении квартплаты учитывались заработок и пенсия. В отношении жилплощади такие лица приравнивались к рабочим промышленности и транспорта. Особые жилищные права были выработаны и для научных работников, к каковым относились многие генштабисты. Они приравнивались к индустриальным рабочим, а также имели право на дополнительную комнату для занятий. При отсутствии такой комнаты можно было рассчитывать на дополнительные 20 квадратных метров жилплощади³¹⁶. Можно было пользоваться профессорскими столовыми.

У некоторой части «бывших» в 1920-е гг. возникла иллюзия того, что в стране и армии созданы нормальные условия для их жизни и деятельности. Так, бывший генерал И. А. Никулин в показаниях по делу «Весна» отметил: «Многие из б[ывших] офицеров Ген. штаба, фигурировавших в моих показаниях... награждены советской властью тоже своего рода привилегиями: званиями “Героя труда”, персональной пенсией за особые заслуги, пенсией в размере персонального оклада, получаемого на службе (100 %), жилищными преимуществами, командировками на курорты и т. п. Казалось бы, что при таких условиях для б[ывших] офицеров Ген. штаба совершенно

исключается причина недовольства, если при этом, конечно, быть достаточно скромным в своих аппетитах и учитывать все те общие для всех затруднения, которые временно переживает наша страна.

Переходя теперь к рассмотрению той категории б[ывших] офицеров Ген. штаба, которая работает в вузах в качестве военных преподавателей по ВВД и ВВП³¹⁷, то здесь надо категорически сказать только одно: не только недовольства, но кроме глубокой признательности ничего больше. Почему? Да потому, что это еще раз твердо подтверждает, что советская власть не стремится во что бы то ни стало выбросить б[ывших] офицеров Ген. штаба “за борт”, а, наоборот — предоставляет каждому, сохранившему еще работоспособность и состоящему ныне в запасе РККА или отставке (по предельному возрасту), вносить свои знания в дело обороны нашего Союза.

То же самое надо сказать и о тех лицах Ген. штаба, которые служат в гражданских учреждениях: здесь тоже налицо своего рода “привилегия”: это забронированная норма для поступающих в гражд[анские] учреждения при увольнении в запас РККА или отставку.

В общем, следовательно, по данному вопросу приходится отметить: особой специфической базы для недовольства офицеров Ген. штаба как таковых, в действительности, надо полагать, не имеется³¹⁸. Ближайшее будущее показало, что эти надежды «бывших» оказались иллюзорными.

Заключение

Гражданская война в России 1917–1922 гг. была военно-политическим и социальным конфликтом колоссального масштаба, который полностью преобразил Россию и изменил весь прежний миропорядок.

История корпорации офицеров-генштабистов в этот период в высшей степени интересна как с точки зрения военно-политических аспектов (участие офицерства в событиях и процессах на фронте и в тылу, вовлечение в политическую борьбу), так и в социальном плане (поведение офицерства, его выбор, колебания настроений), поскольку офицеры-генштабисты представляли собой особую категорию внутри офицерства с достаточно высоким статусом до революции, со своими традициями, особенностями службы и присущими этой группе специфическими чертами. В. И. Ленин летом 1919 г. отмечал, что «у нас работают систематически тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы...»¹

Один из выдающихся отечественных военных мыслителей XX в., А. А. Свечин, справедливо заметил в 1920-е гг.: «Вооруженная борьба, как она понимается в настоящее время, требует Генерального штаба; последний не является организационным капризом и, конечно, будет возникать во всякой армии...»²

К 1917 г. военная элита старой России была представлена в основном офицерами с высшим военным образованием — выпускниками и слушателями военных академий. Наиболее ценную для создания вооруженных сил ее часть представляли выпускники Императорской Николаевской военной академии. К началу XX в. офицеры Генерального штаба оставались по большей части людьми дворянского происхождения, хотя процесс сословной демократизации,

начавшийся еще в конце XIX в., набирал обороты. Корпус офицеров Генерального штаба представлял собой мощную корпорацию — офицеры-генштабисты занимали ключевые должности как в военной сфере, так и в области государственного управления. Значение генштабистов в жизни страны постоянно росло, как увеличивались их численность, росли специализация и профессионализм. Высокообразованные профессионалы своего дела были необходимы для развития государства.

Революционные катаклизмы и ожесточенное военно-политическое и социальное противостояние Гражданской войны стали трагедией для народов России. Проблема выбора, с кем быть, со всей остротой возникла перед офицерами-генштабистами. Практически не знакомые с политическими вопросами, офицеры оказались в сложном положении.

Анализ раскола Генерального штаба свидетельствует о том, что основной разлом пришелся на линию красные — белые, причем выпускники и слушатели Николаевской военной академии разделились между этими сторонами практически поровну с незначительным перевесом в пользу белых (39,8% в РККА против 46,4% у белых), выбор в пользу национальных армий сделала меньшая часть генштабистов (13,7%), причем в редких случаях офицеры, делавшие такой выбор, исходили из националистических взглядов и устремлений. Раскол офицерства в постоянно менявшейся обстановке не исключал перемещений из лагеря в лагерь. Сотни генштабистов стал перебежчиками.

С весны 1918 г. под покровительством народного комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого в Советской России настойчиво проводилась политика привлечения на службу специалистов Генерального штаба, изначально выделявшихся в особую категорию командного состава. В привлечении этих специалистов в РККА сыграли свою роль многие факторы. Следует отметить как патриотизм генштабистов, стремившихся оборонять страну от немцев, так и иные причины добровольного поступления в армию — привязанность к военной службе и стремление к самореализации на профессиональном поприще, пребывание на советской территории (фактически центр страны с наибольшей концентрацией кадров Генштаба в центральных управлениях, а также на контролировавшихся большевиками фронтах Первой мировой войны), материальный интерес (оклады высокопоставленных военспецов-генштабистов превышали оклады политработников и даже членов большевистского правительства), стремление бывших офицеров сохранить в своих руках военно-административный аппарат, вера в твердую власть, карьерные устремления. В наименьшей степени можно говорить о приверженности бывших офицеров большевистской идеологии. Добровольно

в РККА поступили и остались служить не менее 300 генштабистов (к середине и концу 1918 г. зарегистрировано порядка 500 человек, но часть из них бежали в антибольшевистский лагерь; для сравнения, в Добровольческой армии в октябре 1918 г. насчитывалось только 86 офицеров Генерального штаба³).

В Советской России в 1918–1920 гг. сложилась целая система привлечения кадров Генштаба в РККА, включавшая меры добровольного и принудительного характера. Высокое материальное обеспечение и паек сочетались с запретами служить по специальности тем, кто не поступит в армию до определенного срока, и куда более суровыми угрозами репрессивных действий для саботажников и дезертиров. В условиях недостатка кадров высшей квалификации для многомиллионной армии большевики постарались использовать в этом качестве все категории выпускников Николаевской военной академии, не исключая тех, кто неудачно ее окончил или недоучился. Такой подход продемонстрировал свою оправданность в свете последующих успехов Красной армии. Победу РККА ковали и те, кто до революции по старым правилам не считались офицерами Генерального штаба в связи с неудачным окончанием академии (например, первый советский главком И. И. Вацетис, который был лишь 52-м из 53 выпускников академии 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу⁴).

В РККА выдвинулась на первый план и блестяще зарекомендовала себя целая плеяда выпускников Николаевской академии. Среди них главнокомандующие И. И. Вацетис и С. С. Каменев; военный руководитель ВВС М. Д. Бонч-Бруевич; начальники Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяев и П. П. Лебедев; начальники ВГШ А. А. Свечин и Н. И. Раттэль; командующие фронтами: А. И. Корк, Д. Н. Надежный, П. П. Сытин; командующие армиями: А. И. Геккер, Н. Е. Какурин, Л. Л. Клюев, В. С. Лазаревич, А. А. Самойло, Е. Н. Сергеев; начальники фронтовых и армейских штабов: М. А. Баторский, А. И. Кук, Н. В. Лисовский, С. А. Меженинов, Ф. Ф. Новицкий, И. Х. Паука, Н. Н. Петин, С. А. Пугачев, Н. В. Соллогуб, Н. Н. Шварц. Большой вклад в создание и укрепление РККА внес Б. М. Шапошников, долгое время руководивший оперативным управлением Полевого штаба РВСР. Многие из них были награждены орденами Красного Знамени.

По нашим подсчетам, выпускники Николаевской военной академии замещали в 1918–1922 гг. в РККА 100 % должностей руководителей центральных органов военного управления (военные руководители ВВС, главнокомандующие всеми вооруженными силами республики, начальники штаба РВСР, Полевого штаба РВСР, Штаба РККА, ВГШ); 40 % должностей командующих фронтами, группами армий и армиями; 94,6 % должностей начальников штабов фронтов;

100 % должностей начальников штабов групп армий; 73 % должностей начальников штабов армий.

На примере офицеров Генерального штаба отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны, когда по разные стороны баррикад оказались родные братья, отцы и дети. Но сводить трагедию братоубийства Гражданской войны только к судьбам близких родственников — значит существенно упрощать эту до сих пор болезненную для нашей страны тему. Ничуть не менее трагичен раскол между людьми, которые вместе росли и воспитывались, дружили, сидели за одним академическим столом, долгие годы вместе служили, сражались, олицетворяя училищное, академическое или полковое братство. И подобный раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны.

Одним из принципов Генерального штаба является единство доктрины и единство взглядов офицеров-генштабистов, позволявшее в чрезвычайной и переменчивой фронтовой обстановке принимать одинаковые решения, не вызывавшие противоречий. В определенной степени такое единство существовало в русском Генеральном штабе, представители которого прошли одну школу и обладали одинаковой подготовкой, опытом, квалификацией и взглядами на военные вопросы. Таким образом, в противоборствующих лагерях оказались командно-штабные кадры примерно одинакового уровня. Паритет красных и белых усугублялся примерно равным распределением генштабистов между этими лагерями, хотя многомиллионная Красная армия по причине своей многочисленности страдала от острой нехватки кадров Генштаба. В такой ситуации исход Гражданской войны предопределили не успехи или просчеты генштабистов, а действия и инициативы политического руководства сторон. Более эффективным для достижения военной победы оно оказалось у красных.

Даже некоторые генштабисты, не разделявшие большевистских взглядов, с надеждой и восхищением смотрели на тот эксперимент, который реализовывался в Советской России. Так, бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов, освобожденный 1 мая 1918 г. из тюрьмы «Кресты» и бежавший в сентябре 1918 г. в Финляндию, отмечал: «Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство. Этот политический идеал не может быть моим. Люди, окружающие Ленина, не мои друзья, они не олицетворяют собой мой идеал национальных героев. В то же время я уже не могу их больше назвать “разбойниками и грабителями”, после того, как выяснилось, что они подняли лишь брошенное: престол и власть... медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, быть может, помимо их воли, по правильному

пути к верной цели и новой мощи... Верить в это я еще не могу, но тем сильнее того желать... ввиду бесчисленных ужасных жертв, которых потребовало разрушение старого строя... такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский и Добророльский отдали свои силы новому правительству Москвы. Нет никакого сомнения, что они это сделали, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению»⁵.

В компетенции генштабистов находились вопросы военной администрации, разработки всего комплекса документации для создания армии и управления войсками (уставы, штаты, приказы), ведения разведки и контрразведки, планирования боевых операций и руководства ими. От конкретных людей, их успехов и ошибок, зависело очень многое. Их действия предопределялись образованием и подготовкой, жизненным опытом, особенностями характера. Поэтому нам важно знать, какими были конкретные офицеры-генштабисты по своим качествам, полученному образованию, практическому опыту, какие мотивы стояли за принятием тех или иных решений.

Для большевиков генштабисты являлись не более чем инструментом достижения победы в войне. Однако этот инструмент оказался весьма надежным. Заимствованная из практики Великой французской революции концепция управления Красной армией (командир — комиссар) оказалась для большевиков единственно возможной и весьма удачной, обеспечивая взаимосвязь командиров из бывших офицеров через комиссаров с красноармейской массой. Военспецы, несмотря на их аполитичность или нелояльность большевистскому режиму, работая вместе с комиссарами, в большинстве случаев успешно использовались в интересах красных. Такая система способствовала преодолению настоящего недуга старого офицерства — инертности и пассивности, активизировала работу командиров.

Генштабисты РККА нередко оказывались вовлечены в конфликты различных группировок советской военно-политической элиты на стороне тех партийных деятелей, с которыми они были связаны. Тем не менее достаточно сплоченное партийное руководство по мере возможности подавляло эти конфликты и в конечном итоге сохранило единство советского лагеря.

В условиях кризиса и внутренней войны резко усилилась корпоративная поддержка в некоторой части генштабистов. Но попытки самоорганизации генштабистов путем создания различных параллельных штабам РККА структур были пресечены, а лидеры военспецов арестованы.

В целом генштабисты РККА находились под контролем представителей партии — военных комиссаров и органов ЧК. Однако

квалификация контролирующих органов и лиц не позволяла им предотвращать измены, хотя и затрудняла положение белых агентов и заговорщиков в руководстве армии. В отношении военспецов-генштабистов проводилась кампания по запугиванию путем арестов и расстрелов, суровых (хотя и декларативных) приказов о взятии в заложники членов семьи в случае измены, упреждающего террора, когда достаточно было подозрений или принадлежности к буржуазным классам, чтобы репрессировать человека. Несмотря на заступничество вождей РКП(б) В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого за отдельных генштабистов, террор отрицательно отразился на атмосфере в среде военспецов-генштабистов РККА, многие под давлением этого фактора бежали к противнику или стали активнее сопротивляться большевистской власти.

Сотни генштабистов, дезертировавших из РККА, бежавших к белым или в национальные государства, не могли быть остановлены ни наградами и высокими окладами, ни жестокими репрессиями. Часть офицерства внутренне понимала потенциальный риск службы большевикам, стремившимся лишь воспользоваться военспецами, а затем избавиться от них, заменив их более социально близкими командирами. Показательно, что политика террора в отношении генштабистов осуществлялась только красными, белые (исключая единственный инцидент самосуда, а также смерть заключенного в тюрьме) не расстреляли за Гражданскую войну ни одного офицера-генштабиста, что четко дает нам понять, какой лагерь в большей степени мог быть для генштабистов своим.

Идейная близость к белым большей части генштабистов, а также утрата прежних ценностных ориентиров (офицерская честь, верность долгу, замененная лояльностью партии) привели к тому, что некоторые военспецы-генштабисты РККА стали тайно работать на противника. Немаловажно, что генштабисты белых армий на красных тайно не работали. Высокопоставленные агенты белых отдавали вредительские приказы, срывали операции (например, нельзя в полной мере исключать преднамеренный срыв августовского контрнаступления красных на Южном фронте в 1919 г.), сдавали белым города (нами выявлены свидетельства о том, что при содействии высокопоставленных агентов из числа военспецов-генштабистов белыми были заняты в 1918 г. Уфа, а в 1919 г. — города Борисоглебск, Киев, Полтава, Сумы, Оса, Воткинск). Эта деятельность принесла некоторые успехи белым, но существенного влияния на ход войны не оказала. Изменники и участники антибольшевистского подполья среди военспецов-генштабистов значительных результатов добиться не смогли, к тому же облик РККА определяли не перебежчики и предатели, а лояльные военспецы, каких было большинство, причем многие из них были убеждены, что воюют за родину.

Генштабисты помогли большевикам одержать победу в борьбе с их противниками и удержать власть. При этом в области гражданского управления представители старой военной элиты уже не могли быть помощниками новой власти, которая действовала здесь не по старым лекалам, а на свой страх и риск, методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших народам нашей страны. Значительную часть функций Генерального штаба взяли на себя представители большевистского руководства.

В Красной армии Генштаб как совокупность высших органов военного управления, в которых ключевые посты занимали бывшие офицеры-генштабисты, не утратил свои функции мозгового центра. Хотя стратегию в общегосударственном масштабе и многие конкретные вопросы определяли большевистские вожди, генштабисты по-прежнему занимались важнейшими вопросами формирования армии и разработкой боевых операций. Комиссары плохо разбирались в военных вопросах и не могли полностью контролировать решения военных специалистов. Успехи Красной армии в незначительной степени были обусловлены лояльным, дисциплинированным поведением подавляющего большинства военспецов.

Именно партийная элита, а не военные, играла главенствующую роль в Советской России и СССР. Профессиональная военная элита из старых кадровых военных специалистов оказалась в подчиненном положении. Собственно она и не могла быть равноценным противником решительным, фанатичным и закаленным бескомпромиссной подпольной борьбой большевистским лидерам. В этом смысле итог Гражданской войны в виде разгрома подобной элиты антибольшевистского лагеря созданными большевиками вооруженными силами вполне закономерен. Очевидно, прав был французский государственный деятель Ж. Клемансо, когда говорил, что война — слишком важное дело, чтобы доверять ее военным. При этом справедливый тезис о приоритете политического руководства над армией для достижения успеха в войне предполагает и наличие разумной политической воли.

Выстроенная большевиками система власти отдавала безусловный приоритет политическому руководству страны, тесно взаимодействовавшему с органами госбезопасности, тогда как армия находилась в подчиненном и подконтрольном как партии, так и чекистам положении. Следует отметить, что подобная система сохранилась и спустя десятилетия после Гражданской войны.

Нельзя забывать, что за Красной армией стоял мощный государственный аппарат Советской России, обеспечивавший эту армию всем необходимым. Политика «военного коммунизма», превратившаяся в вариант мобилизационной экономики, доказала свое превосходство над методами управления белых и способствовала

не только выживанию Советской России в годы Гражданской войны и прорыву пресловутого кольца фронтов, но и достижению впечатляющей военно-политической победы над внутренней контрреволюцией, приведшей к полному изгнанию антибольшевистских сил с территории России и установлению на более чем семидесятилетний период советской власти⁶.

Гражданская война привела не только к расколу русского дореволюционного Генерального штаба, но и к появлению новых специалистов в области военного администрирования. Подготовка новых кадров и создание противоборствующих армий были невозможны без опоры на специалистов дореволюционного Генерального штаба. Изначально большевикам, захватившим власть в Петрограде, досталась Николаевская военная академия со всем ее имуществом. Однако летом 1918 г. академия в полном составе перешла на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани. После этого руководство РККА было вынуждено создавать свою главную военную академию фактически с нуля. Амбициозный проект был реализован в сжатые сроки, причем уровень квалификации профессорско-преподавательского состава и подготовки слушателей оказался не только не хуже, чем прежде, но, можно сказать, в чем-то лучше. Вновь созданная академия избавилась от груза прежних проблем, преследовавших старую Николаевскую академию. Произошло радикальное обновление высшего военно-учебного заведения, что давно назрело (в частности, в Николаевской академии и во времена Гражданской войны среди профессуры еще сохраняли свои позиции некоторые противники прикладного метода обучения, вводившегося перед Первой мировой войной Н. Н. Головиным). Несмотря на значительные трудности, в Советской России подготовка кадров Генштаба была поставлена с намного большим размахом, чем в антибольшевистском лагере, чему, безусловно, способствовала лучшая материально-техническая база развитого в культурном отношении центра страны, в отличие от окраин, контролировавшихся противниками большевиков. Система подготовки кадров Генштаба и штабных работников в Советской России отличалась продуманностью и дифференцированностью.

В результате Гражданской войны Генеральный штаб потерпел поражение. Речь идет не только о военном разгроме белых армий, которыми руководили генштабисты, пытавшиеся стать политиками. Имеется в виду, прежде всего, радикальное изменение роли генштабистов в военно-политической иерархии страны, стремительное падение их социального статуса. Если до революции офицеры Генерального штаба могли влиять на принятие важнейших военно-политических решений, то в послереволюционный период во главе страны оказалась большевистская партия, для которой старое офицерство

было классовым врагом и использовалось лишь вынужденно, в силу отсутствия кадровой замены из социально близких слоев. Динамику изменений положения военспецов-генштабистов характеризует простейшее сопоставление. Если до революции арестовать и расстрелять генштабиста было немыслимо, то в Советской России периода Гражданской войны и позднее это стало обыденным явлением, часто не требовавшим даже доказательства вины. По сути Гражданская война оказалась трагедией как для нашей страны, так и для отдельно взятых групп старой элиты, не исключая генштабистов. В результате войны, репрессий и эмиграции страна потеряла свыше тысячи высокообразованных офицеров, что негативно отразилось на интеллектуальном потенциале Вооруженных сил. Так или иначе, генштабисты оказались жертвами той войны и собственных несбывшихся иллюзий, заложниками политики.

С окончанием Гражданской войны испытания для бывших питомцев академии отнюдь не закончились. После того как военспецы-генштабисты, эти «седьмые спутники»⁷, исполнили свою историческую миссию, начался процесс вытеснения их из командного состава РККА и военной элиты страны. Приоритет отдавался выпускникам академии Генштаба РККА. Этот процесс накладывался на внутрипартийную борьбу 1920-х гг. и борьбу за армию между сторонниками Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина (постепенно вышел из употребления и термин «военспецы»). Вытеснение произошло и по естественным причинам, в силу старения выпускников Николаевской академии, а также в связи с технической модернизацией армии, за которой старые генштабисты уже не могли угнаться. Однако в 1930-е гг. резкое сокращение численности выпускников Николаевской академии в РККА было обусловлено, прежде всего, чистками и репрессиями. Несмотря на то что эти люди, оставшись в Советской России, отдавали все свои силы строительству Красной армии, они подверглись преследованиям и были репрессированы в рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и «Большого террора» второй половины 1930-х гг. (надо отметить, что тогда, в отличие от Гражданской войны, массовые репрессии коснулись не только бывших офицеров, но и партийных работников, а также всех прочих категорий населения). Лишь несколько десятков человек дожили до середины XX в., однако в большинстве своем военспецы на десятилетия оказались преданы забвению.

Исход Гражданской войны был предрешен, в первую очередь, на полях сражений, а не в кабинетах политиков, как иногда может казаться. Тем важнее изучение военной истории этой войны, далекой и в то же время близкой, до сих пор напоминающей о себе кровоточащими ранами в нашем обществе. Судьбы представителей корпуса офицеров Генерального штаба демонстрируют в миниатюре траги-

ческое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в.

Убедительная и впечатляющая победа большевиков на всех фронтах подтвердила правильность политики Троцкого по привлечению офицерства в РККА, хотя самому председателю РВСР пришлось долго и тяжело бороться с товарищами по партии, доказывая свою точку зрения.

Победа большевиков в Гражданской войне, одержанная при помощи высококвалифицированных кадров дореволюционной военной элиты, стала залогом сохранения независимости нашей страны в XX в., так как привела к созданию мощной Красной армии и Вооруженных Сил СССР, отстаивавших независимость нашей Родины в годы Второй мировой войны и на протяжении всего послевоенного периода.

Победа в самой тяжелой и кровопролитной войне, которую когда-либо вело человечество, далась колоссальными жертвами, борьбой и трудом миллионов наших соотечественников, но есть в этой победе и вклад сотен генштабистов, пошедших в Красную армию, участвовавших в войне или готовивших командные кадры для будущей войны, передавших новой армии весь свой багаж знаний, обеспечивших преемственность развития командного состава от старого русского офицерства, сохранение определенных традиций. Одним из символов Великой Победы стало имя Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова — офицера Генерального штаба императорской армии, возглавившего Генеральный штаб Красной армии в самый трудный, начальный период Великой Отечественной войны.

Генштабисты прошли через все тяжелейшие испытания, выпавшие на долю нашей страны и ее народа в первой половине XX в., — две мировые войны, революционные события, Гражданскую войну, вынужденное изгнание с родной земли, несколько волн жестоких репрессий и бессмысленных гонений. В большинстве своем это были высокообразованные и квалифицированные специалисты в области военного управления, патриоты своей страны, люди долга и чести, вовлеченные самым ходом событий в водоворот острейшего военно-политического противоборства, не будучи к этому должным образом подготовленными.

Нельзя забывать и о том, что офицеры Генерального штаба оказались жертвами радикальных общественно-политических преобразований, произошедших в нашей стране в XX в. Одни как жертвы репрессий или лица, вынужденные существовать в атмосфере жизненной, идейной и творческой несвободы, постоянного страха, другие — как вынужденные изгнанники Родины.

Примечания

Предисловие

¹ Батенин Э. С. Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 65; Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904—1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 41—42.

² Steinberg J. W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898—1914. Washington, DC; Baltimore, 2010. P. 282.

Глава первая

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 27—28, 52. По оценке С. В. Волкова, всего к этому времени насчитывалось 320 000 офицеров (Волков С. В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. 2011. Вып. 1 (38). С. 115).

² Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917—1921. М., 2011. С. 61.

³ См., напр.: Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI. 2012. № 2. Март — апрель. С. 175.

⁴ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 150.

⁵ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 27—28.

⁶ К примеру, корнет Зундблад 25 апреля 1921 г. обратился в Российский эвакуационный комитет в Польше с просьбой оказать содействие в поездке в Советскую Россию, поскольку его отец, Генштаба генерал-майор А. О. Зундблад, занимал в РККА высокий пост начальника штаба армии и мог быть полезен для передачи сведений

о военной политике большевиков лидерам антибольшевистских сил в Польше (Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919—1925 гг.). М., 2013. С. 154).

⁷ Цит. по: Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 46.

⁸ Там же. С. 88—89.

⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394—394об.

¹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 3.

¹¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 240 (3159). Л. 86об.—87.

¹² РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 27—27об., 30—30об.

¹³ До революции Шапошников начал прохождение ценза командования полком, что являлось условием получения офицером Генштаба генеральского чина. Это важное обстоятельство он не забыл дважды упомянуть в своем письме начальнику штаба Приволжского военного округа Н. В. Пневскому от 23 апреля 1918 г., по итогам рассмотрения которого оказался в Красной армии (Военно-исторический журнал (Москва). 1967. № 6. С. 79; Василевский А. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 10).

¹⁴ Олохова О. И. Мы служили Отечеству. Воспоминания. СПб., 2012. С. 244.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 101. Л. 189.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.

¹⁷ Старый академик. К открытию академии Генер. штаба // Военное дело (Москва). 1918. 11.10. № 19. С. 20.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 66об.

¹⁹ Барсуков Е. З. В те дни. Воспоминания // Литературный Смоленск. Альманах. Кн. 16. Смоленск, 1957. С. 276.

²⁰ BAR. P. S. Makhrov papers. Box 4. Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Записки командира 13 Сибирского стрелкового полка и начальника штаба Юго-Западного фронта. С. 532.

²¹ Цит. по: Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 174—175. Сверено с оригиналом: Архив Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М. В. Л. 16об.—17об.

²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 51.

²³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 20.

²⁴ Там же. Л. 20—20об.

²⁵ Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 81.

²⁶ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 177—178.

²⁷ НИА. Michael Blinov collection. Box 3. Folder 5.

²⁸ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 49—50; Он же. Инерционный пери-

од // Россия в Первой мировой войне 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. Т. 1: А–Й. М., 2014. С. 804.

²⁹ Более четкий, нежели осень 1918 г., критерий завершения «инерционного» периода дать затруднительно, поскольку речь идет о разных событиях и процессах, связанных с одновременным переформированием дореволюционных структур в новые. Армейские и фронтовые штабы старой армии были переформированы весной — летом 1918 г. К примеру, основой формирования штаба Беломорского военного округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии (в Архангельск 30 мая 1918 г. прибыли 57 офицеров во главе с бывшим временно исполняющим должность начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Генштаба полковником Н. Н. Петиным). Штаб 1-й армии Северного фронта переформировывался в Самаре в штаб Приволжского военного округа. Работники штаба XLIII армейского корпуса, расформировывавшегося в Калуге, поступили там же в службу штаба Западного участка отрядов завесы.

³⁰ О том, что старый аппарат управления военным ведомством продолжал работать по инерции, говорилось и в отчете о деятельности РВСР в 1918–1919 гг. (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 5). Ср. с положением морских офицеров на Балтике в первой половине 1918 г. в оценке командующего Балтийским флотом А. М. Щастного: «Флот является распушенным, офицеры уходят, ни один за 4 месяца не записался в Красный флот, офицеры служат по инерции, уходят из флота...» (Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного. М., 2013. С. 121).

³¹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

³² См.: *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 420.

³³ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.): в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 105–106.

³⁴ *Свечин М. А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 172.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 173.

³⁷ VAR. Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XIV. В Ставке главковерха Крыленко. Л. 10.

³⁸ *Назаренко К. Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 115.

³⁹ *Городецкий Е. Н.* О записках Н. М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59.

⁴⁰ *Кедров М. С.* За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 86.

⁴¹ *Буравченков А. А.* Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 37.

⁴² *Подвойский Н. И.* Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 70.

⁴³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 73 (95). Л. 11.

⁴⁴ НИА. N. D. Zarin collection. Box 1.

⁴⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 14.

⁴⁶ *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174; *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917. М., 2014. С. 34; *Кнох А.* With the Russian Army 1914–1917. London, 1921. P. 42.

⁴⁷ НИА. Ivan I. Serebrennikov collection. Box 10. Folder 19. Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 2. Л. 97.

⁴⁸ *Стрекалов И. И.* Создание войск завесы (февраль–май 1918 года). Исторический очерк. М., 2001. С. 23.

⁴⁹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2014. Т. 16. С. 205–294.

⁵⁰ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 257–258.

⁵¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 10.

⁵² Там же. Л. 14.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Фрайман А. Л.* Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

⁵⁵ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 70.

⁵⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 140б.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 51.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 40.

⁵⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (2) (1). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 39.

⁶⁰ Имеется в виду Брест-Литовское соглашение украинской Центральной Рады с Четверным союзом, заключенное 27 января 1918 г., в результате которого австро-германские войска оккупировали Украину.

⁶¹ «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 62.

⁶² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 3.

⁶³ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 54.

⁶⁴ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Там же. № 3. С. 44.

⁶⁵ Архив семьи Снесаревых (Москва).

⁶⁶ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44.

⁶⁷ Архив семьи Снесаревых.

⁶⁸ The Evening Star. 1918. 05.02. P. 3; 06.02. P. 4.

⁶⁹ VAR. Konstantin Konstantinovich Akintievskii papers. Box 1.

⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.

⁷¹ *Тер-Оганов Н. К.* Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 258–259.

⁷² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62об.

⁷³ Там же. Л. 63, 65.

⁷⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 81.

⁷⁵ *Казанович Б. И.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 190.

⁷⁶ *Снесарев А. Е.* Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 384.

⁷⁷ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.

⁷⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

⁷⁹ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 289.

⁸⁰ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.

⁸¹ См., например, ряд свидетельств о затруднительном материальном положении генштабистов после демобилизации старой армии в начале 1918 г. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24, 32об., 39, 66).

⁸² *Будберг А. П.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 344.

⁸³ Характерный пример рассуждений взятого белыми в плен советского штабного работника — бывшего офицера, которому все равно, у кого служить, см.: *Валентинов А. А.* Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 25. Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий см.: *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть... С. 18–46.

⁸⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 38об.

⁸⁵ *Верховский А. И.* На трудном перевале. С. 421.

⁸⁶ Там же. С. 422.

⁸⁷ *Свечин А. А.* Милиция как идеал. Критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12 (40–41). С. 438.

⁸⁸ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 97–98.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20об.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 8об. В период Русско-японской войны Ольдерогге служил в штабе Маньчжурских армий в должности правителя канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений. По материалам ревизии учреждений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов, проведенной в 1910 г. сенатором А. А. Глишинским, он был обвинен во взяточничестве. К этому времени Ольдерогге уже занимал пост заведующего передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водяных сообщений Омского района. По документам расследования, Ольдерогге занимался выдачей нарядов на вагоны для коммерческих грузов, за что брались взятки (Там же. Л. 5об., 8об.). Непосредственно Ольдерогге получил взятку за выдачу нарядов на вагоны из Владивостока в размере 3600 руб. (по 600 руб. за вагон). Но наряды оказались неправильно составлены, и коммерсанты стали требовать деньги назад (Там же. Л. 9). Возможно, по этой причине афера вскрылась. Сам Ольдерогге был азартным карточным игроком и нуждался в крупных денежных суммах. По одному из свидетельств, «Ольдерогге вел в Харбине очень широкий образ жизни, играл в азартные игры, проигрывая в один прием по несколько тысяч рублей, и имел связи с дорогими кокотками» (Там же. Л. 9об.). Сам Ольдерогге писал в рапорте начальнику штаба Омского военного округа 24 октября 1911 г., что все это ложь, хотя признал, что проигрывал деньги в карты и поэтому был вынужден устроить заем (Там же. Л. 15). И хотя документальных оснований для обвинения найдено не было, военный министр, «принимая

во внимание, что представленные названным штаб-офицером [Ольдерогге] объяснения не могут считаться вполне удовлетворительными и что неблагоприятные показания против него устанавливают его не вполне корректное поведение, приказал перевести полковника фон-Ольдерогге из Генерального штаба в строй» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106об.—107). Перевод произошел в январе 1916 г. Несколько его ходатайств о возвращении в Генеральный штаб были отклонены в сентябре 1916 г. и в мае 1917 г. (Там же. Д. 1298. Л. 175; Д. 1352. Л. 105). Таким образом, в старой армии (как и в сохранявшем прежние порядки белом лагере) Ольдерогге служить по Генеральному штабу не мог и пошел на службу к большевикам, которым прошлые грехи военспеца были безразличны. В то же время другой фигурант этого дела генштабист А. Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

⁹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106–106об.

⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1298. Л. 175.

⁹³ *Геруа А. В.* Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 186.

⁹⁴ *Геруа А. В.* Полчища. София, 1923. С. 302.

⁹⁵ Там же. С. 305–307.

⁹⁶ *Трамбицкий Ю. А.* Генерал-лейтенант А. И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты. М., 2011. С. 143–144.

⁹⁷ *Геруа А. В.* Полчища. С. 304.

⁹⁸ *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 79.

⁹⁹ Письмо В. В. Плошкина автору от 26.10.2012 (Архив автора).

¹⁰⁰ *Черноморцев А.* Бывшие офицеры // Донская волна (Новочеркасск). 1919. 21.04. № 17 (45). С. 10. С некоторыми неточностями опубликовано в: *Носович А. Л.* (Черноморцев А.). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010. С. 75–76.

¹⁰¹ *Черноморцев А.* Бывшие офицеры. С. 10; *Носович А. Л.* (Черноморцев А.). Красный Царицын... С. 76.

¹⁰² *Андогский А. И.* (Белозерский А.). Как создавалась Красная армия Советской России (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921. С. 28–29.

¹⁰³ *Лисовой Я. М.* Генеральный штаб (Статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02. № 9 (37). С. 14. Публикацию этой статьи, включая восстановленные по черновику Лисовой фрагменты, см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

¹⁰⁴ Дв. — возможно, сокращение фамилии генерала С. А. Довгирда — руководителя антибольшевистской подпольной организации в Москве, ориентировавшейся на Германию. Др. — возможно, сокращение фамилии другого белого подпольщика генерала В. Н. фон Дрейера.

¹⁰⁵ Возможно, имеются в виду видные белые агенты в РККА генералы А. П. Архангельский, С. А. Кузнецов, В. И. Соколов, Н. Н. Стогов. Архангельский и Стогов смогли бежать к белым, Кузнецов и Соколов были расстреляны.

¹⁰⁶ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 2–3.

¹⁰⁷ *Троцкий Л. Д.* Офицерский вопрос // Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 145.

- ¹⁰⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 2, т. 2. С. 240.
- ¹⁰⁹ Предположительно сокращение — подготовка состава.
- ¹¹⁰ Речь идет о стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна «Выстрел».
- ¹¹¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 59 (77). Л. 70–75.
- ¹¹² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26–26об.
- ¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 46об.
- ¹¹⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37. Л. 11.
- ¹¹⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 240 (3159). Л. 86–87об.
- ¹¹⁶ Бьеркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 107.
- ¹¹⁷ Семчевский К. В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1978. № 371, июль–август. С. 6. Когда о случившемся стало известно, начальник академии А. И. Андогский собрал слушателей и прочел им лекцию о недопустимости подобных поступков, создающих угрозу всему составу академии. Помощи от опасавшегося вмешиваться академического начальства Слефогт не получил (НИА. Pavel P. Petrov collection. Box 1. Folder 3).
- ¹¹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 51.
- ¹¹⁹ Судя по контексту, речь идет о 1918 г.
- ¹²⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 15.
- ¹²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 66об.
- ¹²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 313.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.
- ¹²⁵ Подсчитано по: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 557–582. Впрочем, полной уверенности в том, что все указанные в списке побывали в делопроизводстве лично, быть не может. Тем более что в списке встречаются ошибки даже в именах-отчествах.
- ¹²⁶ Там же. Л. 74.
- ¹²⁷ Там же. Л. 305.
- ¹²⁸ Там же. Л. 74.
- ¹²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 67об.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 296.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Л. 318об.
- ¹³³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 74.
- ¹³⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 28; Николай Муралов. М., 1990. С. 93–94.
- ¹³⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 276об.
- ¹³⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 368–371.
- ¹³⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 269–269об.
- ¹³⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 94–95.
- ¹³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 31.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 41.
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 185, 199.
- ¹⁴² Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 383–384.
- ¹⁴³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 74.

- ¹⁴⁴ Реввоенсовет Республики: Протоколы: 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 114–115.
- ¹⁴⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 29–30.
- ¹⁴⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 41–42об.
- ¹⁴⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 7–7об.
- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 60об.
- ¹⁵⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 28–28об.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 29; Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 51-б.
- ¹⁵² РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 58.
- ¹⁵³ Там же. Л. 2–15; Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 539–562.
- ¹⁵⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 244.
- ¹⁵⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 24.
- ¹⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 65.
- ¹⁵⁷ Реввоенсовет Республики. С. 127–128.
- ¹⁵⁸ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 161.
- ¹⁵⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 3.
- ¹⁶⁰ Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в организационном управлении Всероссийского Главного штаба к 15 июля 1919 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609).
- ¹⁶¹ Спириин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 15–16.
- ¹⁶² Подробнее см.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 132–160.
- ¹⁶³ Там же. С. 134.
- ¹⁶⁴ Подробнее о деятельности А. М. Зайончковского в 1918–1920 гг. см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 635–641, 704–714; Он же. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 145–146.
- ¹⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 101.
- ¹⁶⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 13.
- ¹⁶⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.
- ¹⁶⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1649.
- ¹⁶⁹ Наш расчет по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923. Указания на окончание академии в 1915 г. обозначают предполагавшийся выпуск 1915 г., который завершил обучение в связи с началом Первой мировой войны в 1914 г.
- ¹⁷⁰ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 110.
- ¹⁷¹ Зуев В. Н. Генерал А. Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 61–64.
- ¹⁷² Кавтарадзе А. Г. Предисловие // Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым: 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22.
- ¹⁷³ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле... С. 27.

¹⁷⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 2, т. 3. С. 547.

¹⁷⁵ Валентинов А. А. Крымская эпопея. С. 16.

¹⁷⁶ В эмиграции полковник А. А. Зайцов предпринял попытку опровергнуть этот миф: *Зайцов А.* Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // Русский инвалид (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 37. С. 5–6. Опубл. в: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 816–823.

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 168.

¹⁷⁸ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 121, 123, 124–124об.

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 26об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 25об.

¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 411.

¹⁸¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 112.

¹⁸² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 50. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 667. Л. 2.

¹⁸³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.

¹⁸⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 67.

¹⁸⁵ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины: в 4 т. Харьков, 2011. Т. 1. С. 11.

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 107. По данным А. Г. Кавтарадзе, краскомов к декабрю 1920 г. было 39914 человек (*Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 176).

¹⁸⁷ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 222.

¹⁸⁸ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 317.

¹⁸⁹ Там же. С. 398.

¹⁹⁰ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 177.

¹⁹¹ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 292–293, 317, 398.

¹⁹² На Восточном фронте белых к 1 июля 1919 г. по официальным документам служило не менее 30000 офицеров (*Волков Е. В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 47, 118). На Северо-Западном фронте белых служило порядка 1000 офицеров (*Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 424). Есть данные о том, что к августу 1920 г. в Эстонии находилось около 6000 русских офицеров, очевидно, в основном из Северо-Западной армии (ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 77). На Севере России к февралю 1920 г. числилось лишь 1500 офицеров (ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71). Наибольшую сложность для расчетов представляет численность офицеров на Южном фронте белых. По официальным документальным данным, к 5 июля 1919 г. во ВСЮР числилось только 16765 офицеров (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229). К сентябрю 1920 г. в Русской армии на довольствии состояло 50000 офицеров (*Лукомский А. С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 235). Безвозвратные потери офицеров белых армий Юга России, скорее всего, не превышали 20000 человек. Потери пленными и эвакуировавшимися ранее осени 1920 г. также, видимо, не превышали 20000 человек (*Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 194–207, 446. Данные Волкова нами скорректированы). Таким образом, через белые армии Юга России могли пройти до 90000 офицеров.

¹⁹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5.

¹⁹⁴ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Свои среди чужих, чужие среди своих // Родина (Москва). 2015. № 8. С. 48–53.

Глава вторая

¹ Есть данные о том, что через В. Д. Бонч-Бруевича в годы Первой мировой войны Ленин получал русские секретные документы (*Катков Г. М.* Февральская революция. М., 2006. С. 151).

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

³ Подробнее см.: *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). [Кн. 2:] 1915 год — Апогей. М., 2014. С. 37–44, 56–59.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 48. Л. 45.

⁵ *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 181.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4об.

⁷ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 145.

⁸ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65. Л. 290.

⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 45–45об.

¹⁰ Там же. Л. 5–5об.

¹¹ VAR. Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 2, т. 2. С. 96; *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174 (к сожалению, работа Лукомского вошла в это издание с произвольными купюрами, коснувшимися в том числе характеристики М. Д. Бонч-Бруевича, полную характеристику см.: *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101–102); *Снесарев А. Е.* «Вся Россия — больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.

¹² *Дрейер В. Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 102–103; *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 64.

¹³ Подробнее о М. Д. Бонч-Бруевиче см.: *Новиков П.* Лицо неотвеченное. Победы генерала Бонч-Бруевича // Родина. 2009. № 12. С. 129–132.

¹⁴ VAR. Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133.

¹⁵ Маскотта — талисман.

¹⁶ *Будберг А. П.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 270.

¹⁷ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Кн. 2, т. 2. С. 96.

¹⁸ VAR. Anton and Kseniia Denikin collection. Box 27. Б. Н. Сергеевский — К. В. Деникиной. 20.10.1965.

¹⁹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 226.

²⁰ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

²¹ VAR. P. S. Makhrov collection. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 242.

²² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 112–113.

²³ VAR. Tikhobrazov collection. Box 4. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 67.

- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 2.
- ²⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Первые дни Красной армии (воспоминания) // *Война и революция* (Москва). 1929. Кн. 2. С. 38.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 24об.
- ²⁷ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 248.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 116. Л. 6об.
- ²⁹ *Капчинский О. И.* Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 222, 225.
- ³⁰ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 182.
- ³¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.
- ³² К примеру, оренбургский атаман А. И. Дутов, окончивший академию неудачно, старался назначать в подчиненные ему войска и других неудачно окончивших академию офицеров (*Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 54–55).
- ³³ Подробнее о курсовиках: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922 гг. М., 2014. С. 429–444.
- ³⁴ О назначении Майгура Вацетис писал: «Впоследствии я нисколько не жалел об этом своем выборе. Тов. Майгур явился для меня тем честным и добросовестным помощником, который так необходим главнокомандующему в его разнообразной и трудной работе. Правильно понимая работу Генерального штаба в боевой обстановке, тов. Майгур не обладал кичливым самолюбием, и если разработанные им планы боевых действий или организационных мероприятий не отвечали моим намерениям, а приводимые им доводы не убеждали меня и я продолжал оставаться при своем решении, — он без всякого оскорбленного самолюбия откладывал свой разработанный план в сторону и с не меньшей энергией и добросовестностью принимался за разработку нового плана, согласно моих указаний. Это — великая черта отличного генштабиста. Благодаря этому, мы всегда легко находили и общий язык, и быстрое понимание друг друга» (РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 338).
- ³⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 108.
- ³⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
- ³⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.
- ³⁸ *Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918 год // *Память. Исторический сборник*. Париж, 1979. Вып. 2. С. 53.
- ³⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 97.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 27. Л. 22об.
- ⁴¹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 315.
- ⁴² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287.
- ⁴³ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969 (далее — ДГК). С. 847; *Симонов А. А.* Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь — июль 1918 года) // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. С. 36.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978. С. 37.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

- ⁴⁶ Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис. С. 54–55, 63–67.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 97об.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
- ⁴⁹ Там же. Л. 172, 179.
- ⁵⁰ Там же. Л. 180.
- ⁵¹ Там же. Л. 178.
- ⁵² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.
- ⁵³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
- ⁵⁴ Там же. Л. 211.
- ⁵⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 236.
- ⁵⁶ Там же. С. 315.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 103–104об.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 44.
- ⁶⁰ Там же. Л. 44–44об.
- ⁶¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 318.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 17.
- ⁶³ РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31. Л. 324, 327.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 51–66.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30. Л. 1об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 3об. Также см.: Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис. С. 66.
- ⁶⁷ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 6.
- ⁶⁸ НИА. Trotsky collection. Box 3. Folder 13.
- ⁶⁹ *Снесарев А. Е.* «Вся Россия — больна»... С. 37–38.
- ⁷⁰ Военная академия за пять лет / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Ключко, Е. А. Шиловского. М., 1923. С. 26.
- ⁷¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 30об.
- ⁷² РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 106, 110.
- ⁷³ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 311.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 1; РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 141.
- ⁷⁵ НИА. Trotsky collection. Box 4. Folder 20.
- ⁷⁶ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 10.
- ⁷⁷ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 312.
- ⁷⁸ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 13, 15.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 2об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 3–3об.
- ⁸¹ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 15.
- ⁸² The Trotsky papers 1917–1922. / ed. and annotated by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 354, 356.
- ⁸³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 14об.—15.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 3.
- ⁸⁵ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 192.

- ⁸⁶ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 291.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 264.
- ⁸⁸ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 334–335.
- ⁸⁹ Там же. С. 335.
- ⁹⁰ Там же. С. 335–337.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.
- ⁹² *Панов А. В.* Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 68–69.
- ⁹³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 64–65.
- ⁹⁵ *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 1–2. М., 1990. Т. 2. С. 107.
- ⁹⁶ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1947. Т. 4: Ноябрь 1917–1920. С. 263–264.
- ⁹⁷ Речь идет о С. С. Каменеве.
- ⁹⁸ *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 2. С. 108.
- ⁹⁹ *Данишевский К. Х., Каменев С. С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. Сб. 1. С. 31.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 12–18.
- ¹⁰¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 29. Л. 1; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 128.
- ¹⁰³ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 578.
- ¹⁰⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.
- ¹⁰⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 340.
- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–3об. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А. В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 630–634.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1–6. С некоторыми неточностями опубликовано в: *Войтиков С. С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 230–235.
- ¹⁰⁸ В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 237.
- ¹⁰⁹ Сведения предоставлены военным историком Э. Екабсонсом (Рига).
- ¹¹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 319.
- ¹¹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.
- ¹¹² РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 8об.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 8об.—9.
- ¹¹⁵ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 56.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 4.
- ¹¹⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F дгс 843 (1) (7) (3). Vox 1. Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 111.
- ¹¹⁹ Западного фронта тогда еще не было. Каменев занимал пост помощника военного руководителя Западной завесы и военрука Смоленского района.
- ¹²⁰ *Ганин А. В.* Архивно-следственное дело военного ученого А. А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 267–268.
- ¹²¹ То же // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 268.
- ¹²² Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 433.
- ¹²³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.
- ¹²⁴ *Минаков С. Т.* Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 24–25.
- ¹²⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.
- ¹²⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.
- ¹²⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 58.
- ¹²⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 119.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 17; *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 69.
- ¹³¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 128.
- ¹³² *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958. С. 247–248.
- ¹³³ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 129.
- ¹³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 66. Л. 181.
- ¹³⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.
- ¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 60. Л. 10об.; *Самойло А. А.* Две жизни. С. 250–251.
- ¹³⁷ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г.— 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 107.
- ¹³⁸ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне... С. 35–37.
- ¹³⁹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Л. 10об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 11.
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- ¹⁴² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
- ¹⁴³ Кунктатор — медлительный, нерешительный человек.
- ¹⁴⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.
- ¹⁴⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 568; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 60. Л. 9.
- ¹⁴⁶ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. (далее — ДКФКА). М., 1972. Т. 2. С. 702.
- ¹⁴⁷ ДГК. С. 571–572.
- ¹⁴⁸ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне... С. 37.
- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 64; ДГК. С. 577–580; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис. С. 268–271.
- ¹⁵⁰ Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис. С. 269–271.
- ¹⁵¹ ДГК. С. 582.
- ¹⁵² *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: в 2 т. Т. 2: 1919–1920. М., 1990. С. 243.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 5–6.
- ¹⁵⁴ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 168; ДГК. С. 584; Реввоенсовет Республики: Протоколы: 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 248–249; *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий... С. 189–190.
- ¹⁵⁵ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 460.

- ¹⁵⁶ Ibid. P. 464.
- ¹⁵⁷ *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 2. С. 107.
- ¹⁵⁸ Между прочим, кандидатуру Гусева предложил Троцкий (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85).
- ¹⁵⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 20. Л. 64. Также см. критику плана Троцким (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 271об.). Еще в начале июля на Южный фронт с Восточного перебрасывались 7-я и 31-я стрелковые дивизии (ДКФКА. Т. 2. С. 274, 721), однако вызвавшие недовольство Вацетиса решения Каменева о сосредоточении сил для Южного фронта относятся к более позднему времени. По всей видимости, речь шла о концентрации 25-й и 28-й стрелковых дивизий, а также Казанской и Саратовской бригад, которые должны были войти в состав Особой группы В. И. Шорина, созданной 23 июля 1919 г. (Там же. С. 290). Как известно, в итоге 25-я дивизия на Южный фронт переброшена не была.
- ¹⁶⁰ ДГК. С. 433. Впрочем, план предусматривал вспомогательный удар 10-й и 9-й армий, которые должны были двигаться по левому берегу Дона и отрезать белым отход на Северный Кавказ. По всей видимости, в идеале Вацетис рассчитывал окружить противника.
- ¹⁶¹ Такой точки зрения придерживался и один из командующих советским Южным фронтом А. И. Егоров (*Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 180, 182).
- ¹⁶² ДГК. С. 438–439.
- ¹⁶³ Подробнее об этой операции см.: *Ганин А. В.* Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
- ¹⁶⁴ Оценку развития этого ошибочного плана Троцким см.: *Троцкий Л. Д.* План операций на Южном фронте. Заметки из секретного архива // Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 301–303.
- ¹⁶⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 26.
- ¹⁶⁷ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 353.
- ¹⁶⁸ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 83.
- ¹⁶⁹ НИА. Trotsky collection. Box 7. Folder 36.
- ¹⁷⁰ *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 2. С. 104–107.
- ¹⁷¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 164об.
- ¹⁷² Там же. Л. 168.
- ¹⁷³ *Шапошников Б. М.* Мозг армии: в 3 кн. М., 1927. Кн. 1. С. 118.
- ¹⁷⁴ *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 163.
- ¹⁷⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 237–238.
- ¹⁷⁷ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (Воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 41.
- ¹⁷⁸ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 41–42.
- ¹⁷⁹ *Панов А. В.* Полевом штабе РВСР. С. 70.
- ¹⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.
- ¹⁸¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.
- ¹⁸² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.
- ¹⁸³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394об.
- ¹⁸⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 208.
- ¹⁸⁵ Архив семьи Снесаревых (Москва).
- ¹⁸⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 126–127об.
- ¹⁸⁷ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.
- ¹⁸⁸ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.
- ¹⁸⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 180–180об.
- ¹⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.
- ¹⁹² Там же. Л. 229–229об.
- ¹⁹³ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.
- ¹⁹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.
- ¹⁹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 77об.
- ¹⁹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.
- ¹⁹⁸ *Пинчук Л. Р.* Моим детям — вместо завещания. М., 1978. С. 54–55.
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311об.
- ²⁰⁰ *Самойло А. А.* Две жизни. С. 260.
- ²⁰¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 281–281об.
- ²⁰² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 379.
- ²⁰³ Там же. Л. 439.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 415–416, 425, 438.
- ²⁰⁵ *Степанов И.* С Красной армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения. М., 1920. С. 35.
- ²⁰⁶ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83.
- ²⁰⁷ *Потапов Н. М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 62.
- ²⁰⁸ Там же. С. 63.
- ²⁰⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 270–271.
- ²¹⁰ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 23.
- ²¹¹ В Совет, комитет или коллегию Народного комиссариата по военным делам в разное время входили до десяти комиссаров — Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, К. А. Мехоношин, В. А. Антонов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, Э. М. Склянский, П. Е. Лазимир, К. С. Еремеев, И. Л. Дзевялтовский, М. С. Кедров, В. А. Трифонов, К. К. Юренев, В. Н. Васильевский, Б. В. Легран, А. Ф. Ильин-Женевский.
- ²¹² ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 1; Д. 232. Л. 1.
- ²¹³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 170. Л. 50.
- ²¹⁴ *Ларьков Н. С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 78.
- ²¹⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 16–17.

- ²¹⁶ Подвойский Н. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 77.
- ²¹⁷ Потапов Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства. С. 61.
- ²¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 132.
- ²¹⁹ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917. М., 2014. С. 655.
- ²²⁰ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 20. С. 18, 68; Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342; Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 144.
- ²²¹ ВАР. Semenovskii Polk papers. Box 5. Самоубийство генерал-майора Владимира Евстафиевича Скалона 12 декабря 1917 года в Брест-Литовске. Впрочем, это похоже на позднейшую легенду.
- ²²² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 254.
- ²²³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.
- ²²⁴ Там же. Л. 4.
- ²²⁵ Там же. Л. 5–6.
- ²²⁶ Там же. Л. 6–6об.
- ²²⁷ Там же. Л. 7об.—8.
- ²²⁸ Там же. Л. 8.
- ²²⁹ Там же. Л. 8–9.
- ²³⁰ См., напр.: Верцинский Э. А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 49–60.
- ²³¹ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 244–245; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 68.
- ²³² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 281. Л. 17–18.
- ²³³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 83–84. Вплоть до осени 1918 г. немцы готовили вторжение через территорию Финляндии и захват Петрограда (операция «Завершение»), опасаясь, что страны Антанты захватят город раньше. Подробнее см.: Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2013. Т. 13. С. 125. Разработкой планов противодействия немцам занимался русский генштабист, бывший генерал Д. П. Парский, возможно даже преувеличивавший степень угрозы иностранного вторжения со стороны Финляндии.
- ²³⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 3.
- ²³⁵ Там же. Л. 248.
- ²³⁶ Парский Д. П. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте — апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Вып. 2. С. 210–211.
- ²³⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 85.
- ²³⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 288.
- ²³⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 3об.

- ²⁴⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5.
- ²⁴¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 24об.
- ²⁴² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.
- ²⁴³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 173об.
- ²⁴⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 1; Ф. 6. Оп. 4. Д. 895. Л. 101.
- ²⁴⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254.
- ²⁴⁶ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 198, 208, 210.
- ²⁴⁷ Военное дело. 1918. 06.09. № 14. С. 15.
- ²⁴⁸ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.
- ²⁴⁹ Попов В. И. Справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и др. распоряжений по Красной армии. Саратов, 1920. С. 647. Копия издания любезно предоставлена к. и. н. А. А. Симоновым (Саратов).
- ²⁵⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 51.
- ²⁵¹ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 66.
- ²⁵² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 2.
- ²⁵³ Военное дело. 1918. 25.10. № 21. С. 24.
- ²⁵⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 895. Л. 8–8об.
- ²⁵⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 1–2об.
- ²⁵⁶ Тархова Н. С. «Без военкома мы не имели бы Красной армии...» // Родина. 2011. № 2. С. 30.
- ²⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1112.
- ²⁵⁸ Каменев С. С. Записки о гражданской войне... С. 73.
- ²⁵⁹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 94.
- ²⁶⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 7–7об.
- ²⁶¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 99.
- ²⁶² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 237–237об.
- ²⁶³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 13.
- ²⁶⁴ РГВА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 18. Л. 6об.—7.
- ²⁶⁵ Там же. Л. 8об.—9об.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 10.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 11.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 14об.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 14об.—15.
- ²⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 6–6об. Опубликовано в: Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85.
- ²⁷¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.
- ²⁷² Там же. Л. 1.
- ²⁷³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 341.
- ²⁷⁴ См., напр.: Акулов М. Р., Петров В. П. 16 ноября 1920. М., 1989. С. 141, 146.
- ²⁷⁵ Самойло А. А. Две жизни. С. 239.
- ²⁷⁶ Свечин А. А. Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 63.
- ²⁷⁷ Андогский А. И. (Белозерский А.). Как создавалась Красная армия Советской России (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921. С. 29–30.

²⁷⁸ Подсчитано по: ДКФКА. Т. 4: Материалы, указатели. М., 1978. С. 529–545; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. Сведения исправлены и дополнены по собственным архивным изысканиям.

²⁷⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.

²⁸⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1755 (2085). Л. 12.

²⁸¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 47.

²⁸² Троцкий писал 16 октября 1919 г. командующему 7-й армией Д. Н. Надежному: «При таких условиях представляется безусловно необходимым организовать внутреннюю оборону Петрограда. Если вспомнить, что адмиралу Думбадзе (на самом деле адмиралу Ф. В. Дубасову. — А. Г.) понадобилась чуть ли не целая неделя, чтобы усмирить Москву в декабре 1905 года, хотя во всей Москве было едва ли более тысячи вооруженных революционеров, занявших ряд важных зданий, то совершенно очевидно, что несколько тысяч прорвавшихся белогвардейских войск будут совершенно загнаны, измотаны, затравлены и уничтожены в Петрограде при сколько-нибудь разумной организации внутренней обороны в течение одного-двух дней, а за это время успеют подойти достаточные подкрепления извне... Если бы белые прорвались в город, они бы здесь испарились и исчезли, как брызги воды на нагретой плите» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446–447). Начальником внутренней обороны Петрограда стал Д. Н. Авров при начальниках штаба выпускниках Военной академии Л. Н. Ростове и А. А. Бобрищеве. Советский чиновник-невозвращенец Г. А. Соломон, резко критически настроенный в отношении Троцкого, подверг этот приказ устами Л. Б. Красина критике, как «верх растерянности и глупости» (*Соломон Г. А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 195, 343). Думается, эта критика несостоятельна и основана на преувеличении сил и возможностей Северо-Западной армии Н. Н. Юденича, которая бы погибла в Петрограде в условиях тактики выжженной земли, предложенной Троцким.

²⁸³ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 407.

²⁸⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 7.

²⁸⁵ Там же. Л. 11. В следующей редакции телеграммы «важнейшую роль» Троцкий заменил на «крупную роль» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 469).

²⁸⁶ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 419.

²⁸⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446.

²⁸⁸ Наш расчет по: ДКФКА. Т. 4. С. 107; *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 638.

²⁸⁹ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 84. Л. 55.

²⁹⁰ По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, в 1918–1920 гг. на должностях начальников дивизий находилось 35 бывших офицеров Генерального штаба. Всего же начдивов было 485. Из 524 начальников штабов дивизий генштабистами были 24 (*Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 209). Следовательно, генштабисты составляли только 7,2% начальников дивизий и 4,6% начальников штабов дивизий. Эти данные нуждаются в корректировке, осложняющейся отсутствием точных сведений о составе этого уровня и необходимостью систематизации большого массива списочных данных.

²⁹¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 31об.

²⁹² Подробнее см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 119–135. Краткое популярное изложение распределения генштабистов по противоборствующим лагерям см.: *Ганин А. В.* Раскол Генерального штаба // Дилетант. 2012. № 5, май. С. 12–15.

²⁹³ ДГК. С. 167.

²⁹⁴ *Какурин Н., Меликов В.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб., 2002. С. 77.

²⁹⁵ Там же. С. 84.

²⁹⁶ Боевой состав армий подсчитан по: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34, 35; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 13. Л. 68–69; Д. 87. Л. 11об.—12; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3; Боевой состав Вооруженных сил на Юге России (так в документе, правильно — Русской армии. — А. Г.) к 1 сентября 1920 г. (НИА. Pavel A. Kusonskii papers. Box 2); ДКФКА. Т. 4. С. 55–56, 70–71, 106–111; *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии (исторический очерк). М., 1926. С. 229. Сводную таблицу основных списков Генштаба за Гражданскую войну см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 116–117.

²⁹⁷ *Достовалов Е. И.* О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 660.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 10. Подробнее см.: *Ганин А. В.*хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

²⁹⁹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 340.

³⁰⁰ Подробнее об этом см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 34–86.

³⁰¹ *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 56.

³⁰² Архив Троцкого. М., 1990. Т. 4. С. 66; *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий... М., 2000. С. 446.

³⁰³ *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 518.

³⁰⁴ Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 1. С. 108.

³⁰⁵ РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

³⁰⁶ Там же. Л. 10–11.

³⁰⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3169 (3330). Л. 33.

³⁰⁸ *Нотин К.* О распределении наличных сил «ген-штабистов» // ИИ. 1919. 09.02. № 27. С. 5.

³⁰⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 16.

³¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 5.

³¹¹ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 364–365.

³¹² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 44об.—45.

³¹³ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 62.

³¹⁴ Подробнее см.: *Ганин А. В.* От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135; *Он же.* Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43, апрель. С. 207–251.

³¹⁵ Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 1, январь — апрель. С. 301—302.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

³¹⁷ Тарасов-Родионов А. Экс-доктрина // Военное дело. 1918. 08.11. № 23—24. С. 1.

³¹⁸ Батенин Э. С. Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1, сентябрь. С. 73.

³¹⁹ Военное дело. 1919. 07.04. № 11—12 (40—41). Стб. 436.

³²⁰ Военное дело. 1919. 01.09. № 25 (54). Стб. 806—811.

³²¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 12.

³²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 40. Л. 6.

³²³ С начала войны до середины 11.1914 — Я. К. Цихович, 15.11.1914—15.03.1915 — А. А. Незнамов, 15.03—01.09.1915 — К. И. Рыльский, позиционная война и прорыв на Юго-Западном фронте 09.1915—09.1916 — В. Н. Клембовский, 09.1916 — до начала Февральской революции и действий на Румынском фронте — В. И. Селивачев, Революционный период от февральского переворота до заключения Брестского договора — Д. П. Парский, Кавказский театр военных действий — Н. Г. Корсун.

³²⁴ В том числе: Д. А. Долгов. Томашевская операция; С. Г. Лукирский. Лодзинская операция; А. Н. Суворов. Действия 4-й и 9-й армий в Галицийской битве; Л. А. Радус-Зенкович. Первое наступление в Восточную Пруссию; А. Ф. Кадошников (заменял В. И. Соколова). Бои 3-й и 8-й армий на Злочевских высотах, р. Золотой Липе и Гнилой Липе; Л. Н. Белькович. Военные действия в течение конца 1914 по май 1915 г. в Карпатах; В. Н. Муравьев. Сношение с союзниками по стратегическим вопросам во время войны; В. Е. Борисов. Исторический очерк работы Генерального штаба по созданию плана стратегического развертывания; Е. И. Мартынов, А. А. Маниковский, А. К. Овчинников. Снабжение: артиллерийское, инженерное, интендантское, санитарное и заграничное; Е. И. Мартынов. Действия 3-й армии на Дунайце; Н. М. Потапов. Рижская операция; намечены, но не распределены между сотрудниками следующие монографии: Переправа русских через Вислу на фронте Ивангород — Варшава; Наступление и гибель 2-й армии Самсонова (работа закончена Я. К. Циховичем); Перемышль; Бои на Бзуре и Равке; Зимняя операция в Мазурских озерах (гибель XX армейского корпуса); Бои у Прасныша; Ковно — Осовец — Новогоргиевск — Гродно — Ивангород (борьба за крепости); Отход русских армий за Днестр в июне 1915 г.; Виленская операция; Луцкий прорыв 1916 г.; Прорыв 9-й армии на Черновцы; Действия на Стоходе ([В. М.] Безобразова); О наших укрепленных позициях и различные взгляды на них; Действия при позиционной войне и ее особенности с характеристикой периодов окопного сидения; Моонзундская операция; Наступление 18 июня 1917 г.

³²⁵ Подробнее см.: Тархова Н. С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.) // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 27—38; Кольцов А. А. Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 21—27.

³²⁶ Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973. С. 41.

³²⁷ Симонов А. А. Военное образование в первые годы Советской власти. По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918—1923 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 22.

³²⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14.

³²⁹ Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 136.

³³⁰ Залесский П. И. Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995. С. 196.

³³¹ На самом деле такое отличие получил 81-й пехотный Апшеронский полк.

³³² Самойло А. А. Две жизни. С. 147.

³³³ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 264.

³³⁴ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.): в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 105.

³³⁵ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. М., 1998. Т. 8: Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. С. 82.

³³⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева... С. 114.

³³⁷ VAR. Memoirs of V. N. Kasatkin. Folder 1.

³³⁸ Алексеев М. В. Записная книжка 1917—1918 гг. // Записки Отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 320.

³³⁹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 167.

³⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 208—209.

³⁴¹ Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив. М., 1995. Т. 6. С. 616.

³⁴² BDIS. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (2) (1). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 31.

³⁴³ НИА. Pavel P. Petrov collection. Box 1. Folder 3.

³⁴⁴ Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI. 2012. № 2. март — апрель. С. 175.

³⁴⁵ Смилга И. Т. Военные очерки. М., 1923. С. 11—12.

³⁴⁶ Деникин А. И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 122.

³⁴⁷ Там же. С. 123.

³⁴⁸ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 481.

³⁴⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 23.

³⁵⁰ Энгельгардт Б. А. Потонувший мир. Воспоминания о далеком прошлом. Рига, 1950—1962 [Рукопись]. Л. 124 (Архив А. А. Энгельгардта (Рига)).

³⁵¹ Залесский П. И. Грехи старой России и ее армии. С. 193.

³⁵² Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914—1918 г.). Пг., 1918. С. 66.

³⁵³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 13.

³⁵⁴ Черепанов А. И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 93.

³⁵⁵ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 257.

³⁵⁶ Там же. С. 118—119.

- ³⁵⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 22. Л. 1–3.
- ³⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 24.
- ³⁵⁹ Там же. Л. 21.
- ³⁶⁰ Там же. Л. 27.
- ³⁶¹ Там же. Л. 26об.
- ³⁶² Там же. Л. 22об.
- ³⁶³ Там же. Л. 22.
- ³⁶⁴ Там же. Л. 25.
- ³⁶⁵ Там же. Л. 28.
- ³⁶⁶ Там же. Л. 29.
- ³⁶⁷ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1562. Л. 122–123, 125–126.
- ³⁶⁸ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16–59.
- ³⁶⁹ РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1165. Л. 80.
- ³⁷⁰ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 135об.
- ³⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.
- ³⁷² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.
- ³⁷³ Там же. Л. 34.
- ³⁷⁴ *Буравченков А. А.* Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 22.
- ³⁷⁵ Подробнее см.: *Головин С. А.* Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.
- ³⁷⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 642 (746). Л. 62.
- ³⁷⁷ Цит. по: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 211.
- ³⁷⁸ *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997. С. 403–404.
- ³⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.
- ³⁸⁰ А. И. Верховский был произведен в генеральский чин при Временном правительстве.
- ³⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.
- ³⁸² Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 348.
- ³⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 1об.
- ³⁸⁴ Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 353.
- ³⁸⁵ Правда. 1920. 30.05. № 116. С. 1.
- ³⁸⁶ Правда. 1920. 03.06. № 118. С. 1.
- ³⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
- ³⁸⁸ *Михутина И. В.* Первые недели польско-советской военной кампании 1920 г. // Белоруссия и Украина: история и культура. Сб. статей. М., 2015. Вып. 5. С. 262.
- ³⁸⁹ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. С. 182.
- ³⁹⁰ НИА. David D. Grimm papers. Box 3. Folder 1. По всей вероятности, речь шла о сторонниках интернационализма и экспорта революции.

- ³⁹¹ *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.
- ³⁹² Небезынтересные рассуждения о политике большевиков по привлечению интеллигенции на свою сторону в этот период см.: *Колеров М. А.* На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2009. Т. 6. С. 163–174.
- ³⁹³ *Селявкин А. И.* В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981. С. 118.
- ³⁹⁴ *Карпов Н. Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 9. Отметим, однако, что нам не известен источник такого утверждения Н. Д. Карпова.
- ³⁹⁵ Имеется в виду период совместной с Махровым службы в штабе Юго-Западного фронта.
- ³⁹⁶ Немцы и австрийцы в феврале–апреле 1918 г. оккупировали территорию Украины по Брест-Литовскому соглашению с украинской Центральной Радой от 27 января 1918 г.
- ³⁹⁷ В 1920 г. Петин являлся начальником штаба советского Юго-Западного фронта.
- ³⁹⁸ Командиром 7-го Сибирского стрелкового полка Петин был с 16 июля 1916 г. по начало 1917 г.
- ³⁹⁹ На должностях начальника штаба XXXIV и L армейских корпусов Петин находился в 1917 г.
- ⁴⁰⁰ Судя по всему, в этой должности Петин состоял в начале 1918 г.
- ⁴⁰¹ Речь идет о разгроме Ярославского восстания в июле 1918 г.
- ⁴⁰² Имеется в виду эвакуация белых из Северной области в феврале 1920 г., в ходе которой были брошены на произвол судьбы многие офицеры-фронтовики, а штабы эвакуировались в первую очередь. Подробнее см.: *Соколов Б. Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 67–69.
- ⁴⁰³ Речь идет о плохо организованной одесской эвакуации белых в начале февраля 1920 г. Подробнее см.: *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 3, т. 5. С. 772.
- ⁴⁰⁴ Предсказание Петина не сбылось, поскольку в результате крымской эвакуации в ноябре 1920 г. смогли уехать фактически все, кто хотел это сделать.
- ⁴⁰⁵ РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93–94.
- ⁴⁰⁶ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 5.
- ⁴⁰⁷ *Минаков С. Т.* Сталин и заговор генералов. С. 703.
- ⁴⁰⁸ Это отношение наиболее ярко проявляется в эмигрантской мемуаристике. Например, В. Н. Посторонкин в 1928 г. в Праге оставил неприязненное свидетельство о советском главкоме И. И. Вацетисе как о нечистоплотном карьеристе и ничтожной личности. Этими качествами Вацетиса мемуарист пытался объяснить его переход на сторону красных (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 150).
- ⁴⁰⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 79.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 119. В Советской России в августе 1918 г. также существовал союз окончивших интендантскую академию (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 114).
- ⁴¹¹ Т. е. генштабиста. Обычное наименование специалистов Генерального штаба в Советской России.
- ⁴¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 75.
- ⁴¹³ Там же. Л. 115, 116.

- ⁴¹⁴ Там же. Л. 116.
- ⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 346.
- ⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.
- ⁴¹⁷ Там же. Л. 115об.
- ⁴¹⁸ Там же. Л. 61об.
- ⁴¹⁹ Подробнее о нем см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 380–414.
- ⁴²⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 47.
- ⁴²¹ Председательствовал А. Л. Симонов. Присутствовали: П. М. Бедарев, Н. Н. Доможиров, А. Ф. Ефремов, В. Г. Зиверт, Г. К. Иванов, Е. И. Исаев, В. Н. Маслов, П. А. Мей, М. А. Поликарпов, П. А. Сверчков, Б. Н. Скворцов, В. Ю. Стульба, Е. В. Сысоев, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, К. С. Хитрово, И. Д. Чинтулов (Там же). Также среди присутствовавших упоминается Н. В. Энглер.
- ⁴²² Там же. Л. 47об.
- ⁴²³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25; *Ганин А. В.* «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 304–315.
- ⁴²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90.
- ⁴²⁵ Там же. Л. 118об.
- ⁴²⁶ Там же. Л. 98об.
- ⁴²⁷ Там же. Л. 102об.
- ⁴²⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.
- ⁴²⁹ Там же. Л. 74.
- ⁴³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 93, 94, 96, 97.
- ⁴³¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254.
- ⁴³² Там же. Л. 254об.—255.
- ⁴³³ Там же. Л. 273.
- ⁴³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.
- ⁴³⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 79. Л. 35–36. Публикацию документа см.: *Войтиков С. С., Кикнадзе В. Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г. И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 33.
- ⁴³⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.
- ⁴³⁷ *Зданович А. А.* Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 82.
- ⁴³⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 266.
- ⁴³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 228.
- ⁴⁴⁰ Большевицкое руководство... С. 85–88.
- ⁴⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 7об., 8об. Вычеркнутые И. И. Вацетисом места не были отмечены при публикации документа.
- ⁴⁴² Намек на самоубийство генерала В. Е. Скалона на мирных переговорах в Брест-Литовске 29 ноября 1917 г.

- ⁴⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 9об. Опубл. без указания помет и зачеркиваний в: Большевицкое руководство... С. 88–89.
- ⁴⁴⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 499–499об.; Оп. 10. Д. 11. Л. 227.
- ⁴⁴⁵ Если верить Теодори, Ленин лично знал его по 1918 г., причем с хорошей стороны (РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.).
- ⁴⁴⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224.
- ⁴⁴⁷ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.
- ⁴⁴⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.
- ⁴⁴⁹ Там же. Л. 225об.
- ⁴⁵⁰ Там же. Л. 266.
- ⁴⁵¹ Там же. Л. 222.
- ⁴⁵² Там же. Л. 222об.
- ⁴⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 44. Л. 132–134.
- ⁴⁵⁴ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 345–346.
- ⁴⁵⁵ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 36–37.
- ⁴⁵⁶ Из окончивших курсы 2-й очереди в различные периоды 1919 г. были арестованы: В. Л. Баранович, Ю. И. Григорьев, Н. Н. Доможиров, Г. С. Дьяков, Н. Я. Забегалов, В. Г. Зиверт, Е. И. Исаев, Б. И. Кузнецов, Г. Я. Кутырев, А. К. Малышев, И. Д. Моденов, А. П. Панкратьев, С. Г. Плюто, И. Н. Полковников, П. П. Слицкоухов, В. Е. Стасевич, В. И. Тарасов, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, В. В. Хрулев, И. Д. Чинтулов.
- ⁴⁵⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30.
- ⁴⁵⁸ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 45.
- ⁴⁵⁹ *Лезман И. С.* Военная и партийно-политическая деятельность М. В. Фрунзе на Украине в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (ноябрь 1920 г. — март 1924 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1956. С. 16; М. В. Фрунзе. Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 182.
- ⁴⁶⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 68.
- ⁴⁶¹ *Минаков С. Т.* Сталин и заговор генералов. С. 703.
- ⁴⁶² *Шульгин В. В.* «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 123.
- ⁴⁶³ Цит. по: *Плутник А.* Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Факел. 1990: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 287.
- ⁴⁶⁴ *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 241–242.
- ⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.
- ⁴⁶⁶ Щастный Алексей Михайлович (04.10.1881–22.06.1918) — российский военно-морской деятель. Капитан 1-го ранга. Руководил Балтийским флотом во время Ледового похода из Гельсингфорса в Кронштадт в 1918 г. Арестован и расстрелян.
- ⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об.
- ⁴⁶⁸ *Клементьев В. Ф.* В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 163.

- ⁴⁶⁹ Семенов (Васильев) Г. И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—18 гг. Берлин, 1922. С. 15.
- ⁴⁷⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895.
- ⁴⁷¹ Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 53.
- ⁴⁷² Чечек С. От Пензы до Урала (доклад, сделанный в Обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8—9. С. 264.
- ⁴⁷³ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.
- ⁴⁷⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.
- ⁴⁷⁵ Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368—369; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима — осень 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 11.
- ⁴⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 63.
- ⁴⁷⁷ Подробнее о Махине см.: Ганин А. В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»... С. 16—59.
- ⁴⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 544. Л. 108—122; публикацию этого документа с некоторыми пропусками и неточностями см.: «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 61—67. Публикацию статей Носовича в белой печати см.: Носович А. Л. (Черноморцев А.). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010.
- ⁴⁷⁹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 6.
- ⁴⁸⁰ Гражданская война в СССР: в 2 т. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. — март 1919 г.). М., 1980. С. 305.
- ⁴⁸¹ ВДИС. F. Nossovitch. F дггг 843 (1) (7) (3). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 2. Гл. 9. С. 46.
- ⁴⁸² Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 217.
- ⁴⁸³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 13.
- ⁴⁸⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 18об.
- ⁴⁸⁵ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 195.
- ⁴⁸⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 657.
- ⁴⁸⁷ Русская армия (Омск). 1918. 11.12. № 18 [Приложение]. С. 1.
- ⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 74—74об.
- ⁴⁸⁹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29—29об. Подробнее см.: Измена командарма Н. Д. Всеволодова / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72—93; № 5. С. 71—91.
- ⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16об.
- ⁴⁹¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291—291об.
- ⁴⁹² Орехов В. Кончина генерала Архангельского // Часовой (Брюссель). 1959. № 404. Декабрь. С. 4.

- ⁴⁹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97; ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
- ⁴⁹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 38.
- ⁴⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94—94об.
- ⁴⁹⁶ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930—1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35. Интересно, что почти дословно эти же данные привел в своем докладе И. П. Павлуновский (Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 128).
- ⁴⁹⁷ Архив ВЧК. С. 126.
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 129. Данные подтверждаются показаниями арестованных: Красная книга ВЧК: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 393—394.
- ⁴⁹⁹ Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979. С. 25.
- ⁵⁰⁰ Архив ВЧК. С. 584—585.
- ⁵⁰¹ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии... С. 192.
- ⁵⁰² Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М., 2000. С. 92—93.
- ⁵⁰³ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии... С. 192.
- ⁵⁰⁴ Интересно, что в конце 1919 г., по просьбе Немитца, Троцкий по каналам Региструпа организовал передачу письма его жене и 10 000 рублей его детям, находившимся в занятой белыми Одессе (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 273, 288).
- ⁵⁰⁵ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 408.
- ⁵⁰⁶ Архив ВЧК. С. 129.
- ⁵⁰⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 251, 408.
- ⁵⁰⁸ Ефимов А. Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 270.
- ⁵⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 88.
- ⁵¹⁰ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 276—280.
- ⁵¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 189. Л. 3—3об. Документ опубликован в: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 693—694.
- ⁵¹² НИА. Vrangeli papers. Box 39. Folder 1.
- ⁵¹³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 2, т. 3. С. 548.
- ⁵¹⁴ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917—1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 18; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918—1920 гг.). СПб., 1999. С. 14—15.
- ⁵¹⁵ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 173.
- ⁵¹⁶ Там же. С. 438.
- ⁵¹⁷ К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1993. Кн. 4. С. 187.
- ⁵¹⁸ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 412—416.

- ⁵¹⁹ Там же. С. 420; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1—2. М., 1980. Кн. 1. С. 295.
- ⁵²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 141об.
- ⁵²¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.
- ⁵²² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.
- ⁵²³ Подробнее см.: *Гагкуев Р. Г.* Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // *Родина*. 2008. № 3. С. 33—36.
- ⁵²⁴ К истории осведомительной организации «Азбука». С. 183.
- ⁵²⁵ Цит. по: *Остряков С. З.* Военные чекисты. С. 78.
- ⁵²⁶ См., напр.: *Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Стаиш В. В.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918—1922). Харьков, 1990. С. 183—184.
- ⁵²⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 54. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // *Вопросы истории*. 2012. № 6. С. 3—20.
- ⁵²⁸ *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 1—4. М., 1933. Т. 4. С. 132.
- ⁵²⁹ Там же. С. 133.
- ⁵³⁰ *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 1—4. М., 1932. Т. 3. С. 173—174.
- ⁵³¹ Там же. С. 296. Данные о судьбе Баскова расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 39). По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красными Украины (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38). По всей видимости, сведения о расстреле все же соответствуют действительности. Во всяком случае, 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано удостоверение вдове убитого большевиками генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерью Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 361).
- ⁵³² *Бортневский В. Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 303.
- ⁵³³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 20об.
- ⁵³⁴ Там же. Л. 26.
- ⁵³⁵ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- ⁵³⁶ *Malleson W.* The British Military Mission to Turkistan, 1918—1920. London, 1922. P. 96.
- ⁵³⁷ *Bailey F. M.* Mission to Tashkent. New York, 2002. P. 49.
- ⁵³⁸ Антология истории спецслужб. Россия. 1905—1924. М., 2007. С. 532.
- ⁵³⁹ Цит. по: *Софронов Г. П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 149.
- ⁵⁴⁰ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Кн. 2, т. 3. С. 548.
- ⁵⁴¹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Саквояж генерала А. М. Зайончковского // *Вопросы истории*. 2006. № 2. С. 141—143; *Он же.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635—643.
- ⁵⁴² *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты: в 3 кн. М., 2003. Кн. 3, т. 4. С. 645.
- ⁵⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.
- ⁵⁴⁴ *Каменев С. С.* Предисловие // *Гражданская война 1918—1921. Т. 2: Военное искусство Красной армии*. М., 1928. С. 25.
- ⁵⁴⁵ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 40. С. 182, 218.

- ⁵⁴⁶ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. М., 1924. С. 8—9.
- ⁵⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3.
- ⁵⁴⁸ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 82.
- ⁵⁴⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 76.
- ⁵⁵⁰ В основе этих расчетов составленная нами по материалам архивов России и зарубежья база данных по всем генштабистам — участникам Гражданской войны. Данные этой базы в основном вошли в справочник по кадрам Генштаба: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба...
- ⁵⁵¹ *Каменский А. З.* Давно пора // *Правда*. 1918. 25.12. № 281. С. 2.
- ⁵⁵² *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // *Московский журнал*. 1996. № 3. С. 44.
- ⁵⁵³ *Ильин И. С.* Комуч // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1961. Кн. 65. С. 232.
- ⁵⁵⁴ *Троцкий Л. Д.* Военные специалисты и Красная армия // *Военное дело*. 1919. 21.01. № 2 (31). С. 69—70.
- ⁵⁵⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.
- ⁵⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.
- ⁵⁵⁷ *Веркеенко Г. П., Минаков С. Т.* Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993. С. 228.
- ⁵⁵⁸ *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 343.
- ⁵⁵⁹ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 2. С. 10—11; *Смилга И. Т.* Военные очерки. С. 12.
- ⁵⁶⁰ Супруга Лаурица, Евдокия Ивановна, 28 лет, работавшая машинисткой, была арестована у себя на квартире в Москве 24 июля 1920 г. Предполагала, что арестована из-за мужа, перешедшего к белым, но точного обвинения не знала. Женщина отмечала, что разошлась с мужем за семь лет до ареста, содержала ребенка 7 лет и мать мужа. Арестованная опасалась, что из-за задержания может потерять работу (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40—42).
- ⁵⁶¹ *Кручинин А. С.* Формирование и участие 1-ой Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // *Тула в Гражданской войне 1917—1922 гг.: неизвестные страницы: Сб. мат. межрегион. науч.-практ. конф.* Тула, 1996. С. 13; *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 160.
- ⁵⁶² Это подтверждается случайностью попадания Мельникова в плен. Обстоятельства его пленения изложены в советских оперативных сводках за 23 августа 1919 г.: «Неприятель находится в 4 верстах от ст. Изберзей (так в документе, здесь и далее правильно — Избердей. — А. Г.), где 22 числа в 4 часа ночи ими (так в документе. — А. Г.) были разобраны пути на 32 версте перегона Изберзей — Сестренка, разорваны рельсы на 28 версте, взорван мост, вследствие обрыва состава 70 вагонов, из которых 23 вагона принадлежало к составу уп[равления] во[енных] со[общений] Юж[ного фронта]. 23 вагона были подвергнуты страшному ограблению, взято пленными наших 20 человек, идущим вслед поездом охраны Юж[ного] фронта Егорьева и навстречу со стороны Грязи броневика Карла Либкнехта эта часть поезда была

соединена и привезена в Грязи, после чего было приведено еще два эшелона. Ввиду того, что все провода на перегоне Изберзей — Сестренка порваны, связи никакой нет...» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 189—190). Таким образом, Мельников был захвачен казаками 22 августа 1919 г. при нападении на эшелон управления военных сообщений Южного фронта. Утверждение Н. Н. Рутыча, что Мельников якобы избежал «контрольной комиссии» (*Рутыч Н. Н.* Биографический справочник... С. 160), не соответствует действительности. На самом деле за добровольную службу большевикам Мельников был предан военно-полевому суду (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2690 от 25.11.1919 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112—112об.), но поскольку его содействие красным было признано несущественным, Мельников был прощен (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2773 от 07.01.1920 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

⁵⁶³ Харламов неточен, поскольку А. Н. Ковалевский был расстрелян.

⁵⁶⁴ Харламов вновь ошибается — Д. К. Лебедев не дезертировал, а уехал из Советской России на законных основаниях.

⁵⁶⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 15—15об.

⁵⁶⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

⁵⁶⁷ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 158.

⁵⁶⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 237.

⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24. Подробнее о практике взятия в заложники членов семей военспецов см.: *Ганин А. В.* «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // *Родина*. 2010. № 6. С. 70—75.

⁵⁷¹ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 1. С. 233.

⁵⁷² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 146—146об.

⁵⁷³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 310.

⁵⁷⁴ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.

⁵⁷⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

⁵⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 362об.

⁵⁷⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175.

⁵⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 284—299.

⁵⁷⁹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

⁵⁸⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

⁵⁸¹ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана... С. 245.

⁵⁸² Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 32—33.

⁵⁸³ *Ненароков А. П.* Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 84.

⁵⁸⁴ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана... С. 18.

⁵⁸⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 29.

⁵⁸⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 118—119об.

⁵⁸⁷ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии...

⁵⁸⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 232.

⁵⁸⁹ Позднее были привлечены Н. В. Бартенев, В. К. Баумгартен, Е. М. Дубинин, А. А. Дурасов, Н. А. Мягков и К. В. Семчевский (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. 8. С. 79—81).

⁵⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 4—7об. Дополнено по собственным изысканиям.

⁵⁹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 37—37об.; Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.

⁵⁹² *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 530—534.

⁵⁹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 48.

⁵⁹⁴ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 94. Л. 69об.

⁵⁹⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 384об.

⁵⁹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38—39об.

⁵⁹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 3; Д. 1009. Л. 47об.; Д. 69. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 170.

⁵⁹⁸ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 453—459.

⁵⁹⁹ См., напр.: *Соломон Г. А.* Среди красных вождей... С. 192—193.

⁶⁰⁰ *Корсак В.* У белых. Париж, 1931. С. 13.

⁶⁰¹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

⁶⁰² *Дрейер В., фон.* Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918—1920 года. Берлин-Шарлоттенбург, 1921. С. 113.

⁶⁰³ *Корсак В.* У белых. С. 12—14.

⁶⁰⁴ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 145, 376.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 419—419об.

⁶⁰⁶ Там же. Л. 466.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 468.

⁶⁰⁸ *Корсак В.* У белых. С. 15—17.

⁶⁰⁹ Там же. С. 18.

⁶¹⁰ Там же. С. 20—21.

⁶¹¹ Там же. С. 42—43.

⁶¹² *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 4—5. С. 129.

⁶¹³ *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917—1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 29.

⁶¹⁴ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 299.

⁶¹⁵ Там же. Л. 300.

⁶¹⁶ Генералы: А. П. Аргамаков, П. И. Вербицкий, А. Н. или В. А. Добржанский, В. М. или Е. Д. Иванов, О. О. Лидерс, Ф. А. Снегосорев, Ю. К. Устимович, В. И. Черкасс. Полковники: Андреевский, Васильев, В. Ф. (?) Дикий, М. П. или С. М. Длусский, Крупенский, А. А. Макаров, Мещерский, Минде, Писарев, С. П. Разгильдеев, Ромербах, Слушко, И. И. Худашев; капитан Староскольский (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 305).

⁶¹⁷ Там же. Л. 540.

⁶¹⁸ Осваг (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России в 1918—1920 гг. Пропагандистская работа Освага не отличалась эффективностью и подвергалась критике самими участниками Белого движения. Ликвидирован в 1920 г. П. Н. Врангелем.

- ⁶¹⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 43об.—44.
- ⁶²⁰ Там же. Л. 40.
- ⁶²¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42об.—43.
- ⁶²² РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 183.
- ⁶²³ Там же. Л. 214.
- ⁶²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 241. Л. 63об.
- ⁶²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.
- ⁶²⁶ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 281.
- ⁶²⁷ *Мейер Ю. К.* Записки последнего кирасира. С. 617.
- ⁶²⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38—39об.
- ⁶²⁹ *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник... С. 59.
- ⁶³⁰ *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1—2. М., 1996. Т. 2. С. 359.
- ⁶³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.
- ⁶³² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67.
- ⁶³³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 49—55об. Подробнее см.: Донесения белых агентов... С. 3—20.
- ⁶³⁴ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 241.
- ⁶³⁵ Там же. Л. 146.
- ⁶³⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.
- ⁶³⁷ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 147—147об. Подробнее о Жданове см.: *Ганин А. В.* Измена командарма Жданова // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 114—170.
- ⁶³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 77. Л. 35—35об.
- ⁶³⁹ *Шкуро А. Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 234.
- ⁶⁴⁰ Высота 3777 м.
- ⁶⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 203. Л. 9об. С некоторыми неточностями документ опубликован в: Доклад слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела штаба Верховного главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане / публ. Л. А. Молчанова // Посев (Москва). 2013. № 2. С. 20—28.
- ⁶⁴² *Кручинин А. С.* «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 140—141.
- ⁶⁴³ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 49, 196.
- ⁶⁴⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 295—295об., 298.
- ⁶⁴⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 20, 25.
- ⁶⁴⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.
- ⁶⁴⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 107.
- ⁶⁴⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.
- ⁶⁴⁹ Там же.
- ⁶⁵⁰ Там же.
- ⁶⁵¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.
- ⁶⁵² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 61.

- ⁶⁵³ НИА. Vrangeli papers. Box 39. Folder 7.
- ⁶⁵⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5об.
- ⁶⁵⁵ Там же. Л. 7. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Последние дни генерала Селивачева...
- ⁶⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 105.
- ⁶⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 65.
- ⁶⁵⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 194.
- ⁶⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59.
- ⁶⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 68.
- ⁶⁶¹ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана... С. 10.
- ⁶⁶² *Дрейер В., фон.* Крестный путь во имя Родины... С. 113.
- ⁶⁶³ Письмо ОТТУДА. С. 4.
- ⁶⁶⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37.
- ⁶⁶⁵ Там же. Л. 67.
- ⁶⁶⁶ *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 2. С. 359—360.
- ⁶⁶⁷ Письмо ОТТУДА. С. 4.
- ⁶⁶⁸ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11об.
- ⁶⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 238об.
- ⁶⁷⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.
- ⁶⁷¹ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52.
- ⁶⁷² Там же. С. 53.
- ⁶⁷³ То же // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.
- ⁶⁷⁴ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина... С. 175.
- ⁶⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 309. Л. 1об.
- ⁶⁷⁶ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.
- ⁶⁷⁷ *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 2. С. 357.
- ⁶⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 110—111.
- ⁶⁷⁹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 254—255об.
- ⁶⁸⁰ Там же. Л. 223об.
- ⁶⁸¹ *Штейфон Б. А.* Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 11—13. Сохранилось свидетельство о том, что Болховитинов в начале 1920 г. тайно сотрудничал с большевиками, по их совету согласился занять пост военного министра Кубанского краевого правительства, задерживал посылку войск, менял направления движения отрядов и т. д., причем подпольщики якобы были удивлены его решением эвакуироваться с белыми (*Черный Вл.* В подполье // Путь коммунизма (Краснодар). 1922. Кн. 3. С. 137). Возможно, подобное свидетельство было оставлено с провокационной целью. Генерал В. Е. Флуг впоследствии отмечал, что в 1920 г. Болховитинов занимался исключительно административными и хозяйственными, а не оперативными вопросами. В этом отношении никакого вреда белым он принести не мог. По мнению Флуга, Болховитинов не являлся большевистским агентом (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 110об.—111об.). Начальник штаба войск Кавказского побережья Генштаба полковник Р. К. фон Дрейлинг также не замечал ничего подозрительного (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 115). Генерал В. И. Баскаков, наоборот, считал его таковым (ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 200об.). Также см.: *Деникин А. И.* Борьба и провокация // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 105. С. 3—4. В эмиграции генерал Болховитинов покончил с собой. По свиде-

тельству генерала В. В. Чернавина, «причиной самоубийства была тяжелая душевная депрессия, явившаяся, по свидетельству лиц, близко с Болховитиновым в это время соприкасавшихся, следствием потери веры в возрождение России, невозможности применить продуктивно свои знания и опыт, а также большое личное горе — потеря им своей семьи, жены и детей, которых он, оставляя Кубань, не успел эвакуировать.

Нельзя не отметить, что обстоятельства личной судьбы ген. Болховитинова с момента окончания Гражданской войны на Сев. Кавказе не вяжутся с версией о его тайной службе сов[етской] власти. Очевидно, что если бы он служил большевикам, то логическим исходом для него был бы открытый переход на сторону Советов, спасая свою семью и получая возможность занять высокое положение в Красной армии» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 116). В предсмертном письме Болховитинов указывал: «Я не могу перенести потери родины, семьи... Бессилие помочь семье заставляет меня решиться на этот шаг» (Там же).

⁶⁸² Письмо ОТТУДА. С. 4.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 8.

⁶⁸⁵ Там же. С. 9.

⁶⁸⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 4–5. С. 130–131.

⁶⁸⁷ Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России... С. 399.

⁶⁸⁸ РГВА. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 52.

⁶⁹⁰ Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 16. Подробнее о Строеве см.: Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.

⁶⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–5. Выражаю благодарность д.и.н. В. Ж. Цветкову за указание на этот источник.

⁶⁹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 58об.

⁶⁹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

⁶⁹⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

⁶⁹⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

⁶⁹⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

⁶⁹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

⁶⁹⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

⁶⁹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43–44, 59, 74, 81.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 225об.

⁷⁰¹ Там же. Л. 293, 312.

⁷⁰² Письмо ОТТУДА. С. 4.

⁷⁰³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

⁷⁰⁴ Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 138.

⁷⁰⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 19.

⁷⁰⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 56.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 125, 229, 357об.

⁷⁰⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 644–693; Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 407–408.

⁷⁰⁹ Архив ВЧК. С. 129.

⁷¹⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 285.

⁷¹¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

⁷¹² Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия. С. 67.

⁷¹³ ЛВА. Ф. РА-55. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

⁷¹⁴ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 8.

⁷¹⁵ Там же. Л. 57.

⁷¹⁶ Там же. Л. 23.

⁷¹⁷ ЛВА. Ф. РА-55. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.

⁷¹⁸ Там же. Л. 6.

⁷¹⁹ Там же.

⁷²⁰ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 1а.

⁷²¹ ЛВА. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

⁷²² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 13.

⁷²³ Там же. Л. 19об.

⁷²⁴ Там же. Л. 20.

⁷²⁵ Там же. Л. 53об.

⁷²⁶ Там же. Л. 23.

⁷²⁷ Там же. Л. 35об., 37об.

⁷²⁸ Там же. Л. 40.

⁷²⁹ Там же. Л. 60об.

⁷³⁰ ЛВА. Ф. РА-55. Оп. 2. Д. 4. Л. 15–18.

⁷³¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 41об.–42об.

⁷³² Там же. Л. 2–3.

⁷³³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 3. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса... С. 42–43.

⁷³⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

⁷³⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

⁷³⁶ Там же. Л. 50об.

⁷³⁷ Там же. Л. 52.

⁷³⁸ Там же. Л. 52об.

⁷³⁹ Там же. Л. 68.

⁷⁴⁰ См., напр.: Ганин А. В. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 110–116.

⁷⁴¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 8–9.

⁷⁴² РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–50об.

⁷⁴³ Там же. Л. 51–51об.

⁷⁴⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 25. Подробнее о Чинтулове см.: Ганин А. В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

⁷⁴⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 58.

⁷⁴⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 186 (132). Л. 158.

- ⁷⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 794. Л. 1—1об.
- ⁷⁴⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110об.
- ⁷⁴⁹ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.
- ⁷⁵⁰ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 7, 12, 21; Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.
- ⁷⁵¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- ⁷⁵² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М. М. Заю были сестра и дочь с такими именем и отчеством.
- ⁷⁵³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 268.
- ⁷⁵⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 17об.
- ⁷⁵⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 1.
- ⁷⁵⁶ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49.
- ⁷⁵⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.
- ⁷⁵⁸ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123.
- ⁷⁵⁹ 4 августа 1920 г. датирована шифротелеграмма комиссара ВГШ всем окружным военкоматам: «Установлены случаи группировок в полка и других войсковых соединениях однополчан б[ывших] офицеров по службе [в] старой армии и белых армиях (в документе — армий. — А. Г.). Предлагается немедленно через комиссаров полков и частей произвести проверку послужных списков и справки на постоянный и переменный состав сосредоточить у окрвоенкома, которому произвести рассортировку однополчан с тем, чтобы однополчане не оставались совместно в воинских частях. При перераспределении руководствоваться разбивкой однополчан по возможности [в] разные места расквартирования войск [в] округе. Обратите должное внимание на пресеечение таких явлений на будущее время при назначениях и перемещениях. Исполнение донести мне» (РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 230).
- ⁷⁶⁰ РГВА. Ф. 24380. Оп. 2. Д. 20. Л. 50; Д. 76. Л. 3.
- ⁷⁶¹ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 116.
- ⁷⁶² Буденный С. М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5.
- ⁷⁶³ Ганин А. В. Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2013. № 3 (53). С. 40—43.
- ⁷⁶⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.
- ⁷⁶⁵ Там же. Л. 16.
- ⁷⁶⁶ Там же.
- ⁷⁶⁷ Степанов А. Б. Красные генштабисты. 1920—1922 // Старый Цейхгауз. 2010. № 6 (38). С. 57. В этой статье впервые опубликованы цветные изображения униформы генштабистов, в том числе кафтан В. Н. Егорьева, фуражка К. А. Мерецкова и другие предметы обмундирования, а также предпринята успешная попытка реконструировать систему знаков различия военспецов-генштабистов. Также см.: Степанов А. Б. Наружные знаки РККА. 1918—1924. М., 2011. С. 35—37, 50—51, 57, 59.
- ⁷⁶⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 16.
- ⁷⁶⁹ Подробнее о нововведениях в рамках этого приказа см.: Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917—1990-е годы). М., 1999. С. 25—40.
- ⁷⁷⁰ Там же. С. 35.

- ⁷⁷¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 64.
- ⁷⁷² Там же. Л. 68.
- ⁷⁷³ Степанов А. Б. Красные генштабисты... С. 62.
- ⁷⁷⁴ Подробнее см.: Жалобы арестованного Вацетиса... С. 42—43.
- ⁷⁷⁵ Без учета не учившихся в академии, но переведенных в Генштаб за революционные заслуги А. И. Егорова, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и М. В. Фрунзе.
- ⁷⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7об.
- ⁷⁷⁷ Приказ РВСР по л/с армии № 74 от 07.02.1920.
- ⁷⁷⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.
- ⁷⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 57.
- ⁷⁸⁰ Распространенные в литературе сведения о награждении С. С. Каменева двумя орденами Красного Знамени неверны (*Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне... С. 27—28).
- ⁷⁸¹ Дуров В. А., Стрекалов Н. Н. Орден Красного Знамени. История учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006. С. 36.
- ⁷⁸² Приказ РВСР по л/с армии № 342 от 15.07.1920.
- ⁷⁸³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68—68об.
- ⁷⁸⁴ Приказ РВСР по л/с армии № 342 от 15.07.1920.
- ⁷⁸⁵ Приказ РВСР по л/с армии № 32 от 28.01.1920.
- ⁷⁸⁶ Приказ РВСР по л/с армии № 73 от 21.02.1920.
- ⁷⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183.
- ⁷⁸⁸ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 350.
- ⁷⁸⁹ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930—1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 123.
- ⁷⁹⁰ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев... С. 104—105.
- ⁷⁹¹ Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 46.
- ⁷⁹² Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 295.
- ⁷⁹³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
- ⁷⁹⁴ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.
- ⁷⁹⁵ Каменев С. С. Записки о гражданской войне... С. 27.
- ⁷⁹⁶ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 469. Л. 33.
- ⁷⁹⁷ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
- ⁷⁹⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 64об.
- ⁷⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 387. Л. 3.
- ⁸⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183. Также см.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 60. Д. 708.
- ⁸⁰¹ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 413.
- ⁸⁰² Абинякин Р. М. Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920—1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 83.
- ⁸⁰³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42—42об.
- ⁸⁰⁴ Антонов-Овсеенко В. Записки о гражданской войне. Т. 3. С. 296; Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 39—42.

⁸⁰⁵ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 171.

⁸⁰⁶ Реввоенсовет Республики: Протоколы: 1920—1923: Сб. док. М., 2000. С. 71.

⁸⁰⁷ Там же. С. 73.

⁸⁰⁸ К 1 января 1921 г. в РККА на учет состояло около 12 000 бывших белых офицеров, или 5,53 % комсостава, в течение года на учет было принято еще 2390 человек (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.). К 1924 г. на особом учете бывших белых офицеров состояло до 50 900 человек, впрочем, в это число входили и военные чиновники.

⁸⁰⁹ Офицерский корпус в политической истории России. Калуга, 2003. Т. 3: Док. и мат. 1920—1925 гг. С. 90—91.

⁸¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 7. Л. 16.

⁸¹¹ Там же.

⁸¹² Подробнее о нормативно-правовой базе и практике особого учета см.: *Абинякин Р. М.* Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 66—75.

⁸¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 87.

⁸¹⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 99об.

⁸¹⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 105об.

⁸¹⁶ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 22—24.

⁸¹⁷ Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 52 от 09.08.1918. Биографическую справку на Демина см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 189.

⁸¹⁸ РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 956. Л. 164.

⁸¹⁹ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 40об., 48—48об.

⁸²⁰ Там же. Л. 67, 70, 72—72об., 75—75об.

⁸²¹ Там же. Л. 75.

⁸²² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 91.

⁸²³ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 303об.

⁸²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

⁸²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 148об.

⁸²⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 157.

⁸²⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 135об.

⁸²⁸ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 61.

⁸²⁹ Там же. Л. 64.

⁸³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.

⁸³¹ VAR. Konstantin Konstantinovich Akintievskii papers. Box 1.

⁸³² *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 566.

⁸³³ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84.

⁸³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 153.

⁸³⁵ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 151.

⁸³⁶ Там же. Л. 162об.

⁸³⁷ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства... С. 92.

⁸³⁸ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 126.

⁸³⁹ Там же. Л. 216.

⁸⁴⁰ Там же. Л. 290.

⁸⁴¹ Там же. Л. 288.

⁸⁴² Там же. Л. 289.

⁸⁴³ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 23.

⁸⁴⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 253, 254, 256, 257, 258.

⁸⁴⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 104—106.

⁸⁴⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 65.

⁸⁴⁷ Помощником комиссара.

⁸⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110об.

⁸⁴⁹ Там же. Л. 114об.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 111—112об.

⁸⁵¹ Там же. Л. 118об.

⁸⁵² Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 181.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 245. Л. 2—2об.

⁸⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90об.

⁸⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 60.

⁸⁵⁷ *Перхуров А. П.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 35—37; Обречены по рождению... С. 186.

⁸⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 435.

⁸⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38об.

⁸⁶⁰ В других показаниях он приводит иную дату — 16 мая 1920 г. (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 55об.).

⁸⁶¹ Там же. Л. 47об.—48.

⁸⁶² Там же. Л. 74об.—75.

⁸⁶³ Там же. Л. 56.

⁸⁶⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 141 (195). Л. 129.

⁸⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 137об. Курсы были закрыты по приказу РВСР № 101/18 от 11 января 1921 г., а их слушатели были переданы в резерв военных округов по месту нахождения курсов (РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173).

⁸⁶⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 157об.—158; *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 363.

⁸⁶⁷ *Елисеев Ф. И.* Лабинцы... С. 372.

⁸⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 71.

⁸⁶⁹ Там же. Л. 71об.

⁸⁷⁰ *Елисеев Ф. И.* Лабинцы... С. 373.

⁸⁷¹ Там же. С. 373—374.

⁸⁷² Там же. С. 376.

⁸⁷³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

⁸⁷⁴ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков... С. 87.

⁸⁷⁵ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 58. Л. 124.

⁸⁷⁶ Интересно, что Хведкевич добивался своего исключения из списков Генштаба. 16 апреля 1920 г. как секретарь Енисейского губернского отдела народного обра-

зования он обратился к заведующему следственной частью ВЧК: «Находясь на учете в комендантской части В.Ч.К. на предмет отправления в Москву в распоряжение н[ачальни]ка Всеглавштаба, как быв[шего] генштабиста, прошу об исключении меня с учета генштабистов по след[ующим] причинам. Во-первых: Как ошибочно занесенного в списки Генштаба губвоенкоматом, так как я окончил в 1919 г. только ускоренный курс Воен[ной] академии Генштаба и приказом причислен к Генштабу никем не был. Во-вторых: По разъяснении н[ачальни]ка общ[его] отд[ела] штарма 5[-й], окончивших ускоренный курс к Генштабу не относят.

На основании вышеупом[янутых] причин прошу также по снятии меня с учета Генштаба разрешения оставаться на занимаемой теперь должности в отделе народного образования или продолжать службу по моей специальности в губвоенкомате, где я состою в качестве заведывающего отд[елом] мобил[изационной] части. Хведкевич» (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 18).

⁸⁷⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 82.

⁸⁷⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 174об.

⁸⁷⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34об.

⁸⁸⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 222.

⁸⁸¹ В мае 1926 г. в связи с трудностью учета бывших белых офицеров и военных чиновников и отсутствием необходимости в таковом был разработан проект перевода этой категории лиц на общий учет (РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 389. Л. 41).

⁸⁸² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.

⁸⁸³ Там же.

⁸⁸⁴ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 89.

⁸⁸⁵ Там же. С. 64.

⁸⁸⁶ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 5. Л. 7–8об.

⁸⁸⁷ Бессонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

⁸⁸⁸ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков... С. 81.

⁸⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4об.; Кручинин А. С. «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 47–48.

⁸⁹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 223–223об.

⁸⁹¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков... С. 82.

⁸⁹² Подробнее см.: Ганин А. В. За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120.

⁸⁹³ ОСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 96, 97об.

⁸⁹⁴ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

⁸⁹⁵ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

⁸⁹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 232.

⁸⁹⁷ Подробнее о Слесареве см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 520.

⁸⁹⁸ Источник. 1998. № 3 (34). С. 131.

⁸⁹⁹ Жертвы политического террора в СССР.

⁹⁰⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 166.

⁹⁰¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

⁹⁰² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 176.

⁹⁰³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 284.

⁹⁰⁴ Там же. Л. 198.

⁹⁰⁵ Там же. Л. 199.

⁹⁰⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 106об.

⁹⁰⁷ Там же. Л. 106.

⁹⁰⁸ Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. М.; Жуковский, 2006. Т. 1. С. 657.

⁹⁰⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 27об. Публикацию протоколов допросов Какурина см.: Тинченко Я. Ландскнехт без страха і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какурина // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.

⁹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

⁹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.

⁹¹² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 63об.

⁹¹³ Елисеев Ф. И. Лабинцы... С. 330.

⁹¹⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 11.

⁹¹⁵ Там же. Л. 70.

⁹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36об.

⁹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73.

⁹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 15об.

⁹¹⁹ С. В. Агокас был хорошим знакомым Ревизиной, а супруга Агокаса занималась воспитанием детей Ревизиной.

⁹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 16–16об.

⁹²¹ Там же. Л. 19.

⁹²² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 51. С. 277, 452. Возможно, речь шла о белом разведчике подполковнике Н. Ф. Соколовском, позднее вернувшемся в Советскую Россию из эмиграции.

⁹²³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 303–304.

⁹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 253. Л. 106об.

⁹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 65.

⁹²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 36об.

⁹²⁷ Там же. Л. 39–39об.

⁹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 351.

⁹²⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

⁹³⁰ Там же. Л. 174; Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 46.

⁹³¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 94.

⁹³² Подробнее об увольнении бывших офицеров из РККА см.: Абиякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

⁹³³ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 45, 164об.

⁹³⁴ Там же. Л. 179об.

⁹³⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 50, 52.

⁹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Там же. Л. 298об.

⁹³⁹ *Мартиросян Г. А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15.

⁹⁴⁰ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 4. Л. 44–44об.

⁹⁴¹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31–32.

⁹⁴² Существует точка зрения, что отправка армянских офицеров в рязанский концлагерь представляла собой форму заложничества, причем обезглавливание армянских вооруженных сил увязывается с заигрыванием большевиков с кемалистской Турцией, а вина за высылку косвенно возлагается на азербайджанское советское руководство (*Мартиросян Г. А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. С. 64–72, 81–82). Однако заложничеством эта высылка не являлась, а была скорее необходимой временной изоляцией (в связи с восстанием дашнаков в Армении в феврале — апреле 1921 г. офицеры, содержавшиеся в Рязани, не пострадали, в концлагере существовали оркестр, хор и драмкружок, заключенные могли выходить в город). По сведениям из доклада наркома иностранных дел СССР Армении А. А. Бекзаяна в ЦК РКП(б) с копиями В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и И. В. Сталину от 26 марта 1921 г., требование выслать офицеров из пределов Армении по своей инициативе выдвинул уполномоченный ВЧК Г. А. Атарбеков (Атарбекян) на заседании Ревкома и ЦК КП(б) Армении в январе 1921 г. (НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 7. Л. 126). Впрочем, в Баку офицеров направляли еще в декабре 1920 г., что видно из публикуемых документов. С точки зрения интересов Советской России данное требование было вполне разумным и своевременным, поскольку устраняло вероятность возрождения армянской национальной армии и резко снижало военно-политический потенциал антибольшевистских выступлений. Последующие события, связанные с вооруженными выступлениями дашнаков и захватом ими Эривани в феврале — апреле 1921 г., вполне это подтвердили. Начальник штаба дашнаков Саркисбегиан сообщал в одном из писем командиру отряда (хмбапету) Япону от 11 марта 1921 г.: «Чувствуем ужасную нужду в офицерах. Хороших обманым путем увезли в Баку, а среди оставшихся только 5% годны» (*Амирханян Ш. М.* Из истории борьбы за Советскую власть в Армении. Ереван, 1967. С. 124). После ликвидации выступления дашнаков, уже в мае 1921 г. часть высланных офицеров смогла вернуться в Армению и была амнистирована (НАА. Ф. 114. Оп. 2. Д. 60. Л. 38, 59–59об., 60, 61, 74, 101).

⁹⁴³ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 171–174.

⁹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 367. Л. 125.

⁹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 1об.

⁹⁴⁶ Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2007. С. 93.

⁹⁴⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 198.

⁹⁴⁸ Там же. Л. 204об.

⁹⁴⁹ Там же. Л. 194об.

⁹⁵⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 27–28.

⁹⁵¹ Там же. Л. 32.

⁹⁵² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 42.

⁹⁵³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 80; Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 7.

⁹⁵⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 8, 13.

⁹⁵⁵ Подсчитано по: Там же. Л. 29.

⁹⁵⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 65. Полную публикацию выкладки см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 709–712.

⁹⁵⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 123–123об. При публикации сведений о персоналиях из списка ошибки документа исправлены.

⁹⁵⁸ П. И. Газов, В. Е. Захаров, С. Ю. Ловчицкий, С. С. Солдатов.

⁹⁵⁹ Д. Г. Атабеков (Атабегашвили), С. А. Граблевский, А. П. Колесников, В. Г. Митрофанов.

⁹⁶⁰ А. М. Рахманов.

⁹⁶¹ В. И. Волков, П. А. Гальков, М. Н. Третьяков.

⁹⁶² К. Г. Соломаха.

⁹⁶³ Г. П. Автономов, Н. М. Пресницкий, А. Н. Псарев, В. Е. Шайтанов.

⁹⁶⁴ И. А. Белоусов, Б. А. Березин, К. И. Блинов, Н. И. Герасимович, В. А. Гирш (Гирс), Н. М. Долгушин, К. В. Кашперов, А. Ф. Мауринг, В. В. Пушкин, А. К. Хведкевич, С. Е. Худеев, А. Н. Чернавин, Н. Ф. Щербинин.

⁹⁶⁵ Н. И. Сафонов (Сафаров).

⁹⁶⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11.

⁹⁶⁷ Подробнее о них см.: *Ганин А. В.* Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И.-Н. Микитки и Г.-Ф. Цирица // *Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 529–545.*

⁹⁶⁸ По данным отчета ВЧК к 1 июля 1921 г., в РККА служило свыше 800 пленных генералов и офицеров (*Скоркин К. В.* На страже завоеваний революции. История НКВД — ВЧК — ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 981).

⁹⁶⁹ Исходные данные см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 148–389. Дополнено по архивным материалам, выявленным после выхода справочника. Не учитывались слушатели младшего ускоренного курса, набранные в академию накануне ее перехода к противникам большевиков летом 1918 г. и фактически не проходившие обучения. Без учета случаев повторного пленения. Распределение дано по старшим воинским званиям пленных за период службы в антибольшевистских армиях.

⁹⁷⁰ Его карьера тем более впечатляет, что этот офицер явно не тяготел к военной службе. В 1919–1921 гг. генерал работал грузчиком на пивном заводе во Владивостоке, затем вернулся на военную службу, а с конца сентября 1922 г. стал вагоновожатым владивостокского трамвая. Тем не менее красными он был арестован как белогвардеец и два года провел в заключении.

⁹⁷¹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // *Родина. 2011. № 10. С. 124–127.*

⁹⁷² См., напр.: *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004. С. 215.

⁹⁷³ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 97. Л. 534–534об.

- ⁹⁷⁴ *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, UK, 2008. P. 212.
- ⁹⁷⁵ См., напр.: *Мельтохов М. И.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013. С. 101, 103.
- ⁹⁷⁶ *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army... P. 211.
- ⁹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 2. Выражаю благодарность А. С. Кручини-ну за указание на этот источник.
- ⁹⁷⁸ Кронштадтская трагедия. Документы в двух книгах. Кн. 1–2. М., 1999. Кн. 2. С. 47.
- ⁹⁷⁹ ДКФКА. М., 1974. Т. 3. С. 611, 613.
- ⁹⁸⁰ Там же. С. 640.
- ⁹⁸¹ Борьба за Хабаровск: Сб. статей. Чита, 1922. С. 81–84.
- ⁹⁸² Личность П. А. Луцкого примечательна. Ко времени большевистского переворота он дослужился до капитанского чина. В годы Гражданской войны служил у белых на Востоке России, окончил курсы Военной академии в Томске, служил в том числе начальником информационного отдела штаба Сибирской армии и помощником начальника осведомительного отдела Ставки, к 1921 г. дослужился до чина генерал-майора, после чего перешел на сторону НРА ДВР. Луцков неоднократно вел переговоры (и даже лично встречался) с белым генералом В. М. Молчановым и его начальником штаба Л. Л. Ловцевичем. В феврале 1922 г. он отправил индивидуальное обращение к Молчанову, где обрушился на последнего с обвинениями в предательстве национальных интересов и пособничестве японским интервентам (опубл. в: *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 330–334). Дальнейшая судьба Луцкого неизвестна. По характеристике противника Луцкого, лично знавшего его полковника А. Г. Ефимова, Луцков «был большой прохвост, и ему не доверяли. Но умел приспособиться к обстоятельствам и не брезговал средствами. Все-таки удивительно, как он быстро вошел в доверие к Блюхеру. Были сведения, что его извилистость не помогла, и он был расстрелян» (*Ефимов А. Г.* С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. С. 417).
- ⁹⁸³ *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы... С. 332.
- ⁹⁸⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 1.
- ⁹⁸⁵ *Антонов-Овсенко В.* Строительство Красной армии в революции. М., 1923. С. 31.
- ⁹⁸⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 46.
- ⁹⁸⁷ Там же. Л. 43об.
- ⁹⁸⁸ Там же.
- ⁹⁸⁹ *Reese R. R.* Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005. P. 60.
- ⁹⁹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
- ⁹⁹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 22. Л. 520.
- ⁹⁹² Подробнее см.: *Абинякин Р. М.* Увольнение бывших офицеров... С. 91–103.
- ⁹⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 23.
- ⁹⁹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 31об.
- ⁹⁹⁵ Там же. Л. 32. Из предстоявшего третьего выпуска академии Генштаба РККА 13 человек находились в командировках на фронте, один в ГУВУЗе, трое числились пропавшими без вести и пленными.

- ⁹⁹⁶ Там же. Л. 38.
- ⁹⁹⁷ Там же. Л. 115.
- ⁹⁹⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 13.
- ⁹⁹⁹ Там же. Л. 11.
- ¹⁰⁰⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 22–22об.
- ¹⁰⁰¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 8.
- ¹⁰⁰² Там же. Л. 77.
- ¹⁰⁰³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 152об.
- ¹⁰⁰⁴ Эти данные не соответствуют действительности. В «Списке лиц с высшим общим военным образованием» к 1 августа 1922 г. приведены поименные данные на числившихся в РККА 559 выпускников военных академий, а также 23 переведенных в Генштаб или причисленных к нему, в том числе без обучения в академии (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 84).
- ¹⁰⁰⁵ Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 92.
- ¹⁰⁰⁶ Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.
- ¹⁰⁰⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 44.
- ¹⁰⁰⁸ НАА (партийный архив). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 197. Л. 2.
- ¹⁰⁰⁹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31.
- ¹⁰¹⁰ НАА (партийный архив). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
- ¹⁰¹¹ *Траскунов М. Б.* Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958. С. 223.
- ¹⁰¹² *Астахова М., Ренников А.* «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины». С. 174.
- ¹⁰¹³ Некоторые потомки генштабистов прочно влились в советский бомонд. Например, звезда советского кинематографа Л. Ф. Орлова приходилась внучкой начальнику Николаевской академии Генерального штаба генералу Н. Н. Сухотину. Сыном генерала-генштабиста М. А. Симонова был замечательный советский писатель К. М. Симонов.
- ¹⁰¹⁴ Красная Армия в 1920-е годы. С. 58.
- ¹⁰¹⁵ Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг.: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 230.
- ¹⁰¹⁶ *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства... С. 41.
- ¹⁰¹⁷ *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. С. 108.
- ¹⁰¹⁸ Красная армия в 1920-е годы. С. 57–58.
- ¹⁰¹⁹ Там же. С. 107.
- ¹⁰²⁰ Там же. С. 69.
- ¹⁰²¹ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 119.
- ¹⁰²² Красная армия в 1920-е годы. С. 100.
- ¹⁰²³ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 498.
- ¹⁰²⁴ Хвошинский застрелился в 1928 г. По одной из версий, он не вынес советской действительности и доносов за покровительство бывшим белым офицерам (см.: *VAR. Aleksei A. and Nadezhda V. Brusilov papers.* Vox 1. Письмо Н. В. Брусиловой друзьям. 26.11.1928 г.).

¹⁰²⁵ С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвошинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, С. Д. Харламов, Н. В. Соллогуб, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Н. Е. Какурин, Ф. П. Шафалович, В. В. Любимов, В. К. Токаревский, Л. К. Александров, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Каломский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. М. Афанасьев, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин (*Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 240–248, 308–311, 357–360, 388–391, 410–413, 469–470, 503–506, 528–532. Данные скорректированы).

¹⁰²⁶ С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвошинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. К. Андерс, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, А. И. Кок, А. В. Кирпичников, М. В. Молкочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Каломский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин.

¹⁰²⁷ С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвошинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. И. Кук, В. Н. Чернышев, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Кок, М. В. Молкочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

¹⁰²⁸ С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвошинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, А. И. Кук, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Кок, М. В. Молкочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

¹⁰²⁹ С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, Н. В. Пневский, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Кок, Н. И. Камкин, М. В. Молкочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

¹⁰³⁰ *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. С. 391.

¹⁰³¹ Там же. С. 410–412, 469–470, 503–505, 528–530. Данные С. Т. Минакова скорректированы.

¹⁰³² С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Б. М. Шапошников, Е. Н. Сергеев, Б. Н. Кондратьев, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Кок, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

¹⁰³³ С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Е. Н. Сергеев, Б. М. Шапошников, Б. Н. Кондратьев, С. А. Пугачев, А. И. Кок, А. И. Кук, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. Н. Петин.

¹⁰³⁴ С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, Б. Н. Кондратьев, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Кок, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. В. Лисовский, Е. А. Шиловский, А. И. Верховский.

¹⁰³⁵ С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Кок, М. И. Алафузо, Н. В. Лисовский.

¹⁰³⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Л. 3–8.

¹⁰³⁷ Рассчитано по данным на 1925 г., когда комсостав РККА включал 51 559 человек (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510), а выпускники академий и курсов усовершенствования составляли 3% комсостава.

¹⁰³⁸ Подробнее см.: *Смирнов А. А.* «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Величие и извывы Российской Империи. М., 2012. С. 576–609.

¹⁰³⁹ Там же. С. 595.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 600.

¹⁰⁴¹ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510–511.

¹⁰⁴² *Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 43.

¹⁰⁴³ Письмо ОТТУДА. С. 5–6.

¹⁰⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 208. Л. 112–112об.

¹⁰⁴⁵ Цит. по: *Офицерский корпус в политической истории России.* Т. 3. С. 825.

¹⁰⁴⁶ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 503.

¹⁰⁴⁷ Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 109.

¹⁰⁴⁸ *Кантор Ю. З.* Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 105.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 114.

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 114–115.

¹⁰⁵¹ *Бармин А. Г.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 158.

¹⁰⁵² Архивная справка регионального УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 по материалам архивного уголовного дела № 16611 (Архив автора).

¹⁰⁵³ *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. С. 347.

¹⁰⁵⁴ Подробнее см.: *Зданович А.* «Теплая компания» «красного Бонапарта». Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43–47.

¹⁰⁵⁵ *Тумиш М., Папчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 311. По другим данным, это произошло еще в 1919 г. (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 12966. Л. 2).

¹⁰⁵⁶ *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 29. Подробнее о Воликовском: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 460–472.

¹⁰⁵⁷ *Kmieciak T.* Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005. S. 108; *Misiuk A.* Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 64. Всего Воликовским было завербовано более двух десятков агентов, в том числе среди слушателей Военной академии РККА (агент «Академик»), в Штабе РККА и в штабе Приволжского военного округа (*Peplowski A.* Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010. S. 112–113).

¹⁰⁵⁸ *Ульрих В.* Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! 1926. № 20 (60), октябрь. С. 1235. Также см.: *Тумиш М., Папчинский А.* 1937. Большая чистка... С. 304.

¹⁰⁵⁹ *Галич Ю.* Золотые корабли. Скитания. Рига, 1927. С. 297.

¹⁰⁶⁰ *Пряншинников Б. В.* Незримая паутина. ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 37.

¹⁰⁶¹ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 89.

¹⁰⁶² *Рутыч Н. Н.* Белый фронт генерала Юденича... С. 166.

¹⁰⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 463. Л. 3об.

¹⁰⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 40–40об.

¹⁰⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 248. Л. 78об.

- ¹⁰⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 277. Л. 90об.
- ¹⁰⁶⁷ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207.
- ¹⁰⁶⁸ Подробнее см.: *Голдин В. И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.
- ¹⁰⁶⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Док. и мат. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 206–208, 555–556, 563–565.
- ¹⁰⁷⁰ Там же. С. 66, 68, 81.
- ¹⁰⁷¹ См., напр.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Док. и мат. Т. 2: Небывшие надежды... 1923 г. М., 2001. С. 153–161.
- ¹⁰⁷² Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Док. и мат. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. М., 2013. С. 219, 222; *Прянишников Б. В.* Незримая паутина... С. 87.
- ¹⁰⁷³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Док. и мат. Т. 6. С. 219, 222–224; *Войцеховский С.* «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005. С. 64, 72; *Прянишников Б. В.* Незримая паутина... С. 67.
- ¹⁰⁷⁴ *Прянишников Б. В.* Незримая паутина... С. 78–79; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. С. 473.
- ¹⁰⁷⁵ *Окороков А. В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 82.
- ¹⁰⁷⁶ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90.
- ¹⁰⁷⁷ Материалы следственного дела Д. Д. Зуева. Л. 95 (Архив семьи Зуевых).
- ¹⁰⁷⁸ *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 383.
- ¹⁰⁷⁹ Материалы следственного дела Д. Д. Зуева. Л. 66, 91–95 (Архив семьи Зуевых).
- ¹⁰⁸⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 184 (245). Л. 7об.
- ¹⁰⁸¹ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 20.
- ¹⁰⁸² *Астахова М., Ренников А.* «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины». С. 170, 174.
- ¹⁰⁸³ Там же. С. 172.
- ¹⁰⁸⁴ Там же. С. 177.
- ¹⁰⁸⁵ *Абиякин Р. М.* Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 21.
- ¹⁰⁸⁶ Там же. С. 19.
- ¹⁰⁸⁷ Красная армия в 1920-е годы. С. 187.
- ¹⁰⁸⁸ *Абиякин Р. М.* Изменение численности... С. 21.
- ¹⁰⁸⁹ Красная армия в 1920-е годы. С. 187.
- ¹⁰⁹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 66.
- ¹⁰⁹¹ Наш расчет по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.
- ¹⁰⁹² Подробнее см.: *Смирнов А. А.* Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную армию? М., 2011; *Он же.* Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). Т. 1–2. М., 2013.
- ¹⁰⁹³ История военной стратегии России. М., 2000. С. 197–198.
- ¹⁰⁹⁴ *Reese R. R.* Red Commanders... P. 80–81.
- ¹⁰⁹⁵ *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1991. № 10. С. 88.
- ¹⁰⁹⁶ Подробнее см.: Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: Сб. док. Кн. 1–2. М., 2014.
- ¹⁰⁹⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1322 (1151). Л. 114, 118, 119.
- ¹⁰⁹⁸ Там же. Л. 114–114об.
- ¹⁰⁹⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 661 (220). Л. 184об.
- ¹¹⁰⁰ Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 408. Факсимиле документа опубликовано на вклейке той же книги.
- ¹¹⁰¹ В составе вооруженных формирований «Комитета освобождения народов России» А. А. Власова служили перешедшие из Красной армии: 1 бывший командующий армией, 2 бывших командира корпусов, 5 бывших командиров стрелковых дивизий, 1 бывший командир стрелковой бригады, 13 бывших командиров полков, 1 бывший начальник штаба армии, 1 бывший начальник штаба корпуса, 3 бывших начальника штабов дивизий, 1 бывший начальник штаба полка. Среди «власовцев» были 2 Героя Советского Союза, 4 кавалера ордена Ленина, 12 кавалеров ордена Красной Звезды, 19 кавалеров ордена Красного Знамени (*Александров К. М.* Генералитет и офицерские кадры Вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2015. С. 1094, 1106).
- ¹¹⁰² Перепечатку статьи см.: *Свечин А. А.* Предрассудки и боевая действительность. М., 2003. С. 327–336.
- ¹¹⁰³ Там же. С. 325.
- ¹¹⁰⁴ *Буденный С. М.* Слово о старшем друге. С. 9.
- ¹¹⁰⁵ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 113.
- ¹¹⁰⁶ Подробнее см.: *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 373.
- ¹¹⁰⁷ Подробнее см.: *Печенкин А. А.* Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011. С. 98–111.
- ¹¹⁰⁸ Там же. С. 99.
- ¹¹⁰⁹ *Корольченко А.* Выбитый генералитет. Ростов-на-Дону, 2000. С. 246–252.
- ¹¹¹⁰ Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии. М., 2011. С. 226–227, 366–367.
- ¹¹¹¹ Там же. С. 170.
- ¹¹¹² Там же. С. 424.
- ¹¹¹³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 38.
- ¹¹¹⁴ АРУФСБ по Архангельской области. Ф. 3354. Оп. 2. Д. П-5587. Т. 1–3.
- ¹¹¹⁵ АРУФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 4.
- ¹¹¹⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 73.
- ¹¹¹⁷ Цит. по: *Невежин В. А.* Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х — 1940-х гг. М., 2011. С. 202.
- ¹¹¹⁸ *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 209.
- ¹¹¹⁹ Цит. по: *Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная армия 1938–1941. М., 2003. С. 460.

¹¹²⁰ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 93; Чуйкина С. Дворянская память... С. 9.

¹¹²¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 185.

¹¹²² Захаров М. В. Ученый и воин. М., 1978. С. 86.

¹¹²³ Энгельгардт Б. А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / публ. В. А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 81–82.

¹¹²⁴ «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

Глава третья

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 18, 39.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 117об.

⁵ В приказе Императорской Николаевской военной академии № 33 от 02.02.1917 указаны 83 и 234 прибывших соответственно (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20об., 23об.).

⁶ Там же. Л. 14об.

⁷ Там же. Д. 1991. Л. 108.

⁸ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 275.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

¹⁰ BAR. P. S. Makhrov papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1238.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 408об.

¹² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.–126об.

¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.

¹⁵ BAR. E. E. Messner collection. Box 3. Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 3. Л. 306.

¹⁶ Подробнее см.: Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. М.; Жуковский, 2006. Т. 1. С. 298–299; Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–286.

¹⁷ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.

¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

²⁰ Публикацию приказа см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

²¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 159–159об.

²² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 7–7об.; Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920). М., 1956. С. 31.

²³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 124–124об.

²⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 462об.–463.

²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

²⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 398–399.

³⁰ Там же. Л. 399.

³¹ Там же. Л. 626.

³² На самом деле торжественное открытие состоялось в декабре 1918 г., хотя учебный процесс начался с 14 ноября.

³³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16–17об.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 69.

³⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 1об.

³⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 630.

³⁷ Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973. С. 10–11.

³⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

³⁹ Там же. Л. 25.

⁴⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 7об.

⁴¹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 102.

⁴² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 17об.–20.

⁴³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26.

⁴⁴ Там же. Л. 26об.

⁴⁵ Там же. Л. 26об.–27.

⁴⁶ Там же. Л. 27–27об.

⁴⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 11–12.

⁴⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37. Л. 12.

⁴⁹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 170.

⁵⁰ Там же. Л. 141.

⁵¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁵² РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4об.

⁵³ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 65.

⁵⁴ Федоров А. Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 173.

⁵⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 16об.

⁵⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 369–379.

⁵⁷ Легендарный начдив: Сб. док. Чебоксары, 1986. С. 114.

⁵⁸ Мерецков К. А. На службе народу. С. 65–66.

⁵⁹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.

⁶⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.

- ⁶¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 337.
- ⁶² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 54.
- ⁶³ Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 105.
- ⁶⁴ Военная академия за пять лет / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко, Е. А. Шиловского. М., 1923. С. 267–268.
- ⁶⁵ *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 147–153.
- ⁶⁶ Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923. С. 211.
- ⁶⁷ Подробнее см.: *Густерин П. В.* Восточный факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 32–37; *Он же.* Восточный факультет Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014.
- ⁶⁸ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
- ⁶⁹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 380–414.
- ⁷⁰ *Бармин А. Г.* Соколы Троцкого. С. 103.
- ⁷¹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 230.
- ⁷² *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 96.
- ⁷³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 24.
- ⁷⁴ *Бармин А. Г.* Соколы Троцкого. С. 102–103.
- ⁷⁵ Там же. С. 103.
- ⁷⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71.
- ⁷⁷ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 294.
- ⁷⁸ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый — третий годы. С. 279.
- ⁷⁹ Там же. С. 126.
- ⁸⁰ Гусев неточен, учиться первый набор академии начал еще в 1918/19 учебном году.
- ⁸¹ Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг.: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 81.
- ⁸² Там же. С. 97.
- ⁸³ Там же. С. 119.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 53об.
- ⁸⁵ Приказ РВСР по личному составу армии № 4 от 09.01.1922.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 17–19об. Публикацию документа см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 550–559.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 3об.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.
- ⁸⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 215; Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ⁹⁰ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ⁹¹ Реввоенсовет Республики: Протоколы: 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 207. В комментариях к документу ошибочно указано, что школы колонновожатых якобы готовили специалистов для инженерных работ (Там же. С. 211).
- ⁹² РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- ⁹³ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 200.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- ⁹⁵ Там же. Л. 42.
- ⁹⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 8об.
- ⁹⁷ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ⁹⁸ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 2.
- ⁹⁹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 10.
- ¹⁰¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 362.
- ¹⁰² РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 67.
- ¹⁰³ Там же. Л. 67.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 103.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 108–108об.
- ¹⁰⁶ *Ашик Н.* Московская школа штабной службы // Военное дело. 1920. 29.03. № 5 (69). Стб. 156.
- ¹⁰⁷ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 17об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 328об.–329.
- ¹¹⁰ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4–4об.
- ¹¹¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.
- ¹¹² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 116–117.
- ¹¹³ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1об.
- ¹¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 53.
- ¹¹⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 205.
- ¹¹⁶ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 11.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 40.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.
- ¹²¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ¹²² *Ашик Н.* Московская школа штабной службы. Стб. 156.
- ¹²³ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 146об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 147.
- ¹²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.
- ¹²⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1049. Л. 12.
- ¹²⁷ Там же. Л. 8.
- ¹²⁸ Цит. по: *Яковлева М. А.* Материалы московской Чрезвычайной Комиссии (МЧК) — важнейший источник информации для партийных и советских органов в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2 (110). С. 278.
- ¹²⁹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162об.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.
- ¹³¹ Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 51.
- ¹³² Военная академия за пять лет. С. 72–73.
- ¹³³ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71об.

¹³⁴ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

¹³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

¹³⁶ Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М., 1963. С. 96–97.

¹³⁷ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹³⁸ Айрапетян Г. А. Легендарный Гай. М., 1965. С. 148.

¹³⁹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹⁴¹ Там же. Л. 52.

¹⁴² Там же. Л. 30.

¹⁴³ Калинин С. А. Размышляя о минувшем. С. 100.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

¹⁴⁵ Там же. Л. 15–17.

¹⁴⁶ Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2007. С. 95.

¹⁴⁷ Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 97.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 10б.

¹⁴⁹ Там же. Л. 8.

¹⁵⁰ Мансветов П. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1, сентябрь. С. 426.

¹⁵¹ Там же. С. 427.

¹⁵² Там же. С. 432.

¹⁵³ Мансветов П. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 1, январь — апрель. С. 303–304.

¹⁵⁴ Военная мысль. 1921. Кн. 3, август — декабрь. С. 309.

¹⁵⁵ Там же. С. 284.

¹⁵⁶ Мансветов П. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 2, май — июль. С. 292.

¹⁵⁷ Военная мысль. 1921. Кн. 2, май — июль. С. 288.

¹⁵⁸ Мансветов П. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 3, август — декабрь. С. 298.

¹⁵⁹ Д.-Б. В. Военно-академические курсы // Военная мысль. 1921. Кн. 2, май — июль. С. 300–301.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 350, 360, 554.

Глава четвертая

¹ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 31.

² Федюкин С. А. Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

⁴ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

⁵ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 167–167об.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 109.

⁷ Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк 1879–1921. М., 2006. С. 417.

⁸ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 481. Л. 1.

⁹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 42. Л. 5–5об.

¹⁰ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–2.

¹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 19.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 101.

¹³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 14.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 6об.–7об. С некоторыми неточностями опубликовано в: Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85–86.

¹⁵ Цит. по: Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 178. Сверено с оригиналом: АРУФСБ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М. В. Л. 18об.–19.

¹⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 51.

¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2.

¹⁹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

²⁰ Архив семьи Снесаревых (Москва).

²¹ См., напр.: Софронов Г. П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 202.

²² Каменева Н. С. Путь полководца (Воспоминания об отце). Киев, 1982. С. 44.

²³ Подробнее см.: Ганин А. В. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...»: Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.

²⁵ Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 128.

²⁷ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 35.

²⁸ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.

²⁹ М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 74.

³⁰ Цит. по: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 314.

³¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 21.

³² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3188 (168). Л. 18.

³³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 9.

³⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40–41.

³⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67. Л. 14об.–15об.

³⁶ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 233.

³⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 17. Л. 94–94об.

- ³⁸ Там же. Л. 94об.
- ³⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 97об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 97–97об.
- ⁴¹ Там же. Л. 98об. Публикацию документа см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 529–544.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 78.
- ⁴³ Подробнее см.: *Стариков С. В.* Павел Дыбенко: забытая страница биографии // *Марийский археографический вестник* (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88 (также напечатано в журнале «Вопросы истории» (1998. № 4) под названием «П. Дыбенко в Самаре. Весна 1918 года»); *Елизаров М., Елизарова О.* «Дело Дыбенко» // *Морской сборник* (Москва). 2008. № 9. С. 77–79.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 133–134.
- ⁴⁵ *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 233–234.
- ⁴⁶ *The Trotsky papers 1917–1922* / ed. and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1–2. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 106.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid. P. 106, 108.
- ⁴⁹ НИА. Vrangeli papers. Box 39. Folder 10.
- ⁵⁰ НИА. Pavel A. Koussonsky collection. Box 10. Folder 42. Документ опубликован в: *Ганин А. В.* «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // *Родина*. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.
- ⁵¹ *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, UK, 2008. P. 217.
- ⁵² *Жаворонков Г., Парийский В.* В немилость впавший // *Факел*. 1990: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 156.
- ⁵³ *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 201.
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Колесниченко И.* К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь — октябрь 1918 года) // *Военно-исторический журнал*. 1962. № 2. С. 42.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 124. Л. 2об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 1.
- ⁵⁹ *Колесниченко И.* К вопросу о конфликте... С. 44.
- ⁶⁰ Государственный архив Луганской области. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 147. Л. 54.
- ⁶¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 7.
- ⁶² Там же. Л. 8.
- ⁶³ Там же. Л. 12.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 53.
- ⁶⁵ Там же. Л. 56.
- ⁶⁶ *Reese R. R.* Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005. P. 34.
- ⁶⁷ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 84.
- ⁶⁸ *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army... P. 48–49.
- ⁶⁹ *Сорин В. Г.* Командиры и комиссары в действующей армии // *Правда*. 1918. 29.11. № 259. С. 2; *Каменский А. З.* Давно пора // *Правда*. 1918. 25.12. № 281. С. 2.
- ⁷⁰ Весной 1919 г. в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин как раз на примере 10-й «царицынской» армии и ее огромных потерь убедительно показал несостоятельность подобного подхода (*Известия ЦК КПСС*. 1989. № 11 (298). С. 169).
- ⁷¹ *The Trotsky Papers 1917–1922*. Vol. 1. P. 204–208.
- ⁷² Подробнее см.: *КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза*. М., 1969. С. 35–36; *Литвицкий С. В.* Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973. С. 140–141.
- ⁷³ *Троцкий Л. Д.* Военные специалисты и Красная армия // *Военное дело*. 1919. 21.01. № 2 (31). С. 66.
- ⁷⁴ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: 1919–1927 гг. М., 1964. С. 27–28.
- ⁷⁵ Подробнее см.: *Минаков С. Т.* Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012. С. 105–106.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 12. Л. 71.
- ⁷⁷ Там же. Л. 72.
- ⁷⁸ Там же. Л. 73.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 70. Л. 16.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ См., напр.: *Троцкий Л. Д.* Кто предал Полтаву? // *Известия Народного комиссариата по военным делам* (далее — ИИ). 1919. 13.08. № 176. С. 1.
- ⁸² *Троцкий Л. Д.* Преступная демагогия // ИИ. 1919. 06.08. № 170. С. 1.
- ⁸³ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 290.
- ⁸⁴ *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 265.
- ⁸⁵ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 203.
- ⁸⁶ *The Trotsky Papers 1917–1922* / ed. and annotated by J. M. Meijer. Hague; Paris, 1971. Vol. 2: 1920–1922. P. 364, 372.
- ⁸⁷ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 258.
- ⁸⁸ Там же. С. 266.
- ⁸⁹ НИА. Trotsky collection. Box 3. Folder 13; Box 8. Folder 6.
- ⁹⁰ В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 337.
- ⁹¹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 435.
- ⁹² В. И. Ленин о войне, армии и военной науке. Т. 2. С. 421.
- ⁹³ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 74.
- ⁹⁴ *Кедров М. С.* За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 130.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 44. Л. 73.
- ⁹⁶ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 40. С. 199, 218.
- ⁹⁷ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 2. С. 10.

- ⁹⁸ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 146.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 1. С. 151.
- ¹⁰¹ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 2. P. 154.
- ¹⁰² Цит. по: *Кишин Ю. Я.* Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы, 2003. С. 13.
- ¹⁰³ *Сталин И. В.* Сочинения: в 13 т. Т. 4: Ноябрь 1917–1920. М., 1947.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 186, 193, 198, 211–212.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 211–212, 219.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 211.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 258–259.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 277.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 350.
- ¹¹⁰ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 520.
- ¹¹¹ Ibid. Vol. 2. P. 196, 206.
- ¹¹² *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина: Док. и мат. М.; СПб., 2003. С. 157. Сложно представить те ощущения, которые испытал при этих словах присутствовавший на обеде такой же «отборный генштабист» Б. М. Шапошников. Напомним, что к ноябрю 1937 г. массовый террор в отношении военной элиты РККА был в самом разгаре.
- ¹¹³ Там же. С. 234.
- ¹¹⁴ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 160.
- ¹¹⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9 (296). С. 153.
- ¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 201. Л. 13об.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. М., 2014. С. 421.
- ¹¹⁸ *Б. Ш. (Шапошников Б. М.).* Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело (Москва). 1920. 07.06. № 13 (77). С. 392.
- ¹¹⁹ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 2, кн. 2. С. 153.
- ¹²⁰ Интересно, что Троцкий, даже через много лет, не забыл об этом эпизоде (*Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 1–2. М., 1990. Т. 2. С. 273).
- ¹²¹ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый первый — третий годы. С. 235–236.
- ¹²² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 93.
- ¹²³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 108–109.
- ¹²⁴ Анархисты: Док. и мат.: в 2 т. М., 1999. Т. 2: 1917–1935 гг. С. 395.
- ¹²⁵ *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 38.
- ¹²⁶ Там же. С. 85.
- ¹²⁷ *Соломон Г. А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 233.
- ¹²⁸ *Деникин А. И.* Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 10.
- ¹²⁹ В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 133.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 186–187об.; также см.: *И. Г.* Последняя ночь генерала Янушкевича (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 150). Выражаю благодарность к. и. н. В. Б. Каширину за указание на этот источник.

- ¹³² Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004. С. 34–69.
- ¹³³ *Вильерс О. А., Попов В. А.* Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005. С. 5.
- ¹³⁴ Нельзя не упомянуть о записке В. И. Ленина председателю Всеукраинской ЧК М. Я. Лацису от 4 июня 1919 г., в которой отмечалось, «что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся» (В. И. Ленин и ВЧК. С. 212).
- ¹³⁵ *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.
- ¹³⁶ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978. С. 215.
- ¹³⁷ Там же. С. 218.
- ¹³⁸ Там же. С. 219.
- ¹³⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 86; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 307. Карт. 5. Д. 1. Л. 29об. Через 18 лет в СССР по нелепым обвинениям (в том числе из-за отца-генерала) будут расстреляны сыновья Шейдемана — комбриг Е. С. Шейдеман, руководивший Тамбовской кавалерийской школой, и полковник А. С. Шейдеман — начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА (Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Док. и коммент. М., 2011. С. 424). По данным на 1914 г., у генерала Шейдемана было трое детей. На примере Шейдеманов видно, что семьи отдельных генштабистов истреблялись большевиками почти на корню. Аналогичная участь постигла видного военспеца Н. Н. Петина и двух его сыновей, которые были расстреляны.
- ¹⁴⁰ Наш расчет по: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 122. Данные уточнены.
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 32об.
- ¹⁴² Там же. Л. 65.
- ¹⁴³ У. М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мерзавец, но на правильной стезе стоит» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Письма к тетеньке // Собр. соч.: в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 303).
- ¹⁴⁴ *Соломон Г. А.* Среди красных вождей... С. 231–234.
- ¹⁴⁵ Выражаю благодарность А. Г. Горчакову (Рига), идентифицировавшему В. Я. Тетеревятникова.
- ¹⁴⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.; Ф. 11. Оп. 4. Д. 111. Л. 5.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 3 Оп. 1. Д. 115. Л. 310.
- ¹⁴⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 148.
- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.
- ¹⁵⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 23–24.
- ¹⁵¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.
- ¹⁵² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.
- ¹⁵³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142об.
- ¹⁵⁴ Копия заявления помощника инспектора пехоты 16-й армии В. Н. Зайцева в Особый отдел 16-й армии от 21.10.1919 г. (Архив семьи Снесаревых).
- ¹⁵⁵ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 174–175.

- ¹⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.
- ¹⁵⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 85.
- ¹⁵⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 30; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 22; ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 17.
- ¹⁵⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.
- ¹⁶⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.
- ¹⁶¹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Дело генштабиста Трофимова // *Клио* (Санкт-Петербург). 2011. № 9 (60). С. 95–98; *Он же.* Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // *Клио*. 2012. № 10. С. 27–36.
- ¹⁶² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 46.
- ¹⁶³ Там же. Л. 171.
- ¹⁶⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.
- ¹⁶⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.
- ¹⁶⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 129.
- ¹⁶⁷ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // *Вестник архивиста*. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.
- ¹⁶⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 116.
- ¹⁷⁰ *The Trotsky papers 1917–1922*. Vol. 1. P. 154.
- ¹⁷¹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 139–140.
- ¹⁷² Там же. С. 136.
- ¹⁷³ *Леонов С. В.* Проблема создания ВЧК // *Гражданская война в России и на Русском Севере*. Архангельск, 1999. С. 40–41.
- ¹⁷⁴ Подробнее см.: «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / публ. Д. С. Новоселова // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 12. С. 51–55; *Ратковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 218–233.
- ¹⁷⁵ Постановление ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов. 17 февраля 1919 г. // *Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии*. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 258.
- ¹⁷⁶ В. И. Ленин и ВЧК. С. 126.
- ¹⁷⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.
- ¹⁷⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 104об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 105об.
- ¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 6.
- ¹⁸¹ *Васильев И. И., Зданович А. А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника Особого отдела // *Гражданская война в России и на Русском Севере*. С. 42–43.
- ¹⁸² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.
- ¹⁸³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26, 278.
- ¹⁸⁴ *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 158–159; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. М., 2007. С. 135–136.
- ¹⁸⁵ Адрес Петроградской ЧК.
- ¹⁸⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40.
- ¹⁸⁷ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // *Архив русской революции*. Берлин, 1924. Т. 14. С. 94.
- ¹⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.
- ¹⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.
- ¹⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 66.
- ¹⁹¹ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе... С. 94.
- ¹⁹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.
- ¹⁹³ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.
- ¹⁹⁴ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1, 14.
- ¹⁹⁵ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108об.; ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 47об.
- ¹⁹⁶ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция... Т. 1. С. 151.
- ¹⁹⁷ *The Trotsky Papers 1917–1922*. Vol. 1. P. 148.
- ¹⁹⁸ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 36.
- ¹⁹⁹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 117.
- ²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 162.
- ²⁰¹ Там же. Л. 162об.
- ²⁰² *Лобанов Д. А., Станковская Г. Ф.* Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // *Белая армия*. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.
- ²⁰³ *Харитонова Е. Д.* Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 1. С. 48.
- ²⁰⁴ Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 112.
- ²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48об.
- ²⁰⁶ *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // *Архив русской революции*. Берлин, 1922. Т. 4. С. 98.
- ²⁰⁷ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: Док. и мат.: в 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1922. С. 789. Указание содержится не в самих документах, а в именном комментарии и не имеет отсылки к документам. Здесь же приводятся данные об убийстве красными родителей повстанца «хорунжего» В. Ф. Рябоконя, однако, по всей видимости, речь не идет о заложничестве (Там же. С. 802). К сожалению, некоторые авторы вследствие некритического подхода к столь противоречивым данным склонны считать подобные случаи результатом заложничества. См., напр.: *Черкасов А. А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. Краснодар, 2004. С. 80.
- ²⁰⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.
- ²⁰⁹ ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
- ²¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.
- ²¹¹ Об этом достаточно ярко написал генерал А. И. Деникин в своем рассказе «Исповедь» (см.: *Деникин А. И.* Офицеры. М., 1991. С. 33–47).
- ²¹² Всебюроквоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленар-

ном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюркомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

²¹³ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.—156.

²¹⁴ Там же. Л. 55—64, 79.

²¹⁵ Там же. Л. 238.

²¹⁶ Цит. по: *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918—1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

²¹⁷ ГАО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 46.

²¹⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

²¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 149.

²²⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

²²¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

²²² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

²²³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

²²⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 395.

²²⁵ *Соколов Б. Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

²²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

²²⁷ *Ганин А. В.* Измена командарма Жданова // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 114—115.

²²⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.

²²⁹ Там же. Л. 202.

²³⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40—42.

²³¹ ERA. 14.14.252. Л. 6.

²³² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74.

²³³ НИА. Vrangeli papers. Box 113. Folder 14.

²³⁴ *К-й В.* Красный начальник штаба // Часовой (Брюссель). 1958. № 390 (8), сентябрь. С. 7.

²³⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об.

²³⁶ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг.: Док. и мат. М., 1997. С. 452, 628.

²³⁷ *Хайрулин М., Кондратьев В.* Военлеты погибшей империи: Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 61.

²³⁸ *Баранов В. Г.* Состояние авиации на Дону / публ. А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Новая серия. М., 2009. С. 526. Выражаю благодарность М. А. Хайрулину за указание на этот источник.

²³⁹ *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов. Биографический справочник. М., 2006. С. 12.

²⁴⁰ Напр.: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.

²⁴¹ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 88—89.

²⁴² *Авенариус Н. А.* Кремнистый путь. М., 2012. С. 118—119.

²⁴³ *Волконская С. А., кн.* Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 454; *М.* Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 06.09. С. 2; *Трубецкой С. Е.* Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 262.

²⁴⁴ НИА. Vrangeli papers. Box 39. Folder 1.

²⁴⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 360.

²⁴⁶ *Куракина Т. Г., кн.* Воспоминания 1918—1921 гг. // Красный террор в Москве. С. 181—182; Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 492.

²⁴⁷ *Грезин И. И.* Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 16.

²⁴⁸ *М.* Мартиролог русского офицерства.

²⁴⁹ По заказу А. И. Гучкова Мельгунов взялся за составление труда, обличавшего кровожадность большевиков. Появление такой книги должно было способствовать превращению процесса по делу М. М. Конради, убившего 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломатического представителя В. В. Воровского, в политический процесс над коммунизмом.

²⁵⁰ Мельгунов ссылался на сведения антибольшевистской газеты «Русская жизнь», сообщавшей в разгар Гражданской войны со ссылкой на «Северную Коммуну», что в Петрограде «расстреляны все родственники командного состав[а] 86 пехотного полка, перешедшего к белым» (Русская жизнь (Гельсингфорс). 1919. 11.03. № 8. С. 2). Указание газеты на расстрел *всех* родственников командного состава опустил как неправдоподобное даже сам Мельгунов, не стремившийся приуменьшать масштабы красного террора.

²⁵¹ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918—1923. М., 1990. С. 29.

²⁵² *Корнатовский Н. А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 145.

²⁵³ *Мельгунов С. П.* Красный террор... С. 116.

²⁵⁴ *Witkiewicz A.* Wokół terronu białego i czerwonego 1917—1923. Warszawa, 2008. S. 236.

²⁵⁵ В. И. Ленин и ВЧК. С. 218.

²⁵⁶ *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006. С. 29—30.

²⁵⁷ Наша газета (Омск). 1919. 09.09. № 20. С. 4.

²⁵⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256—256об.

²⁵⁹ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1965. Т. 50. С. 343.

²⁶⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 148.

²⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 785. Л. 74—75.

²⁶² Сибирская Вандея: в 2 т. Т. 2: 1920—1921. М., 2001. С. 246—247.

²⁶³ Явное преувеличение Троцкого перед иностранцем: в старой армии не было миллиона офицеров, а численность военспецов РККА не превышала 100 000 человек.

²⁶⁴ *Morizet A.* Chez Léline et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107.

²⁶⁵ Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

- ²⁶⁶ *Троцкий Л. Д.* Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) (Париж). 1938. № 68–69, август — сентябрь. С. 14.
- ²⁶⁷ Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 132.
- ²⁶⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 32.
- ²⁶⁹ *Черепанов А. И.* Поле ратное мое. М., 1984. С. 93.
- ²⁷⁰ Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 382. Л. 251–254.
- ²⁷¹ А. Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–60.
- ²⁷² *И. И. В.* Нам нужен командный состав // ИН. 1919. 02.02. № 21. С. 2.
- ²⁷³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–15об.
- ²⁷⁴ Там же. Л. 25.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 10.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 15об.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 15об.—15а.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 19.
- ²⁷⁹ Там же. Л. 20.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 20об.
- ²⁸¹ Там же. Л. 26.
- ²⁸² Там же. Л. 12.
- ²⁸³ Там же. Л. 31.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
- ²⁸⁶ Там же. Л. 36.
- ²⁸⁷ Там же. Л. 50, 52.
- ²⁸⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 46.
- ²⁸⁹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 52об.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 13.
- ²⁹¹ Там же. Л. 87.
- ²⁹² *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997. С. 411.
- ²⁹³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.
- ²⁹⁴ Там же. Л. 85.
- ²⁹⁵ «Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично». А. М. Коллонтай в годы Гражданской войны. 1919 г. // Исторический архив. 2010. № 3. С. 175.
- ²⁹⁶ Цит. по: *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. С. 420.
- ²⁹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 22.
- ²⁹⁸ Там же.
- ²⁹⁹ Там же.
- ³⁰⁰ *Бармин А. Г.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 153.
- ³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.
- ³⁰² *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 2003. С. 85.

- ³⁰³ *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 259; *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010. С. 78.
- ³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 25–26.
- ³⁰⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.
- ³⁰⁶ Там же. Л. 22.
- ³⁰⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.
- ³⁰⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.
- ³⁰⁹ Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973. С. 59.
- ³¹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 25.
- ³¹¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 104. Л. 69–70об.
- ³¹² Там же. Л. 69.
- ³¹³ Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2007. С. 86–87.
- ³¹⁴ Там же. С. 93.
- ³¹⁵ Там же.
- ³¹⁶ Там же. С. 107.
- ³¹⁷ Там же. С. 106.

Глава пятая

- ¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 686об. Подробнее см.: *Малинко В. И., Голосов В. П.* Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.
- ² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 115.
- ³ *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 141.
- ⁴ Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 872 (Архив семьи Снесаревых (Москва)).
- ⁵ *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 100.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1351. Л. 29.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 9.
- ⁸ Дневник А. Е. Снесарева. 1917 г. Л. 275 (Архив семьи Снесаревых).
- ⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 145–351. Л. 1об.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 163.
- ¹¹ *Будберг А. П.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 261.
- ¹² Там же. С. 262.
- ¹³ Там же. С. 263.
- ¹⁴ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.): в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 92.
- ¹⁵ *Будберг А. П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 266.
- ¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 228–230.

- ¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 83.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 49об.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 55об.
- ²¹ Там же. Л. 55.
- ²² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 45–45об.
- ²³ *Борман А. А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое (Ленинград). 1991. № 1. С. 140.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 55.
- ²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 282, 285, 336.
- ²⁶ Там же. Л. 325.
- ²⁷ Там же. Л. 342.
- ²⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.
- ²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 309.
- ³⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248.
- ³¹ Там же. Л. 249.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 252. Здание собрания «Армии и флота» находится на углу улицы Кирочной и Литейного проспекта.
- ³⁴ Там же. Л. 253.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.
- ³⁶ Там же. Л. 23.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.
- ³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.–113.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 24.
- ⁴² Там же. Л. 109об.
- ⁴³ Там же. Л. 39, 41.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–4об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
- ⁵² Там же. Л. 4–5.
- ⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 149.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 67–67об.
- ⁵⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 644–648.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

- ⁵⁸ *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть... С. 173.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 436.
- ⁶¹ Там же. Л. 272–274.
- ⁶² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 324.
- ⁶³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 2; Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 202; Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 150.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.
- ⁶⁶ Там же. Л. 13–13об.
- ⁶⁷ *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть... С. 171, 173, 176.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 83–84.
- ⁶⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 440.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 135об.
- ⁷¹ Там же. Л. 465.
- ⁷² Там же. Л. 461.
- ⁷³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 164.
- ⁷⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 49.
- ⁷⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 179.
- ⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 55.
- ⁷⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.
- ⁷⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.
- ⁷⁹ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 97.
- ⁸¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 12.
- ⁸² Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 879 (Архив семьи Снесаревых).
- ⁸³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 5.
- ⁸⁵ Там же. Л. 94.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 30.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.
- ⁸⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 47.
- ⁹⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 170об.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.
- ⁹² РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 38.
- ⁹³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215–217.
- ⁹⁴ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 96.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.
- ⁹⁷ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.
- ⁹⁸ *Тишкина А. В.* Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

⁹⁹ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

¹⁰¹ Там же. Л. 304.

¹⁰² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 131.

¹⁰³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

¹⁰⁵ Подробнее о Пехливанове см.: *Ганин А. В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. 11. С. 255–336; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 1, 4, 9, 10–11.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 4об.–5.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 113об.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

¹¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 50.

¹¹² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1.

¹¹³ Там же. Л. 3.

¹¹⁴ Там же. Л. 4.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

¹¹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 29.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Приказ РВСР по личному составу армии № 177 от 14.08.1919.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 215.

¹²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 34.

¹²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 462.

¹²² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 64.

¹²³ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 287.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

¹²⁵ *Подустов Ф. Н.* Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (История). 2006. Вып. 1 (52). С. 43.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 58. Л. 3об.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

¹²⁸ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150об.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 205.

¹³⁰ Там же. Л. 205об.

¹³¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332.

¹³² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 276. Л. 35.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 267. Л. 11.

¹³⁵ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

¹³⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

¹³⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

¹³⁸ Подробнее см.: *Посадский А. В.* Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 2004. № 15–16. С. 251–253.

¹³⁹ *Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 70–71, 73.

¹⁴⁰ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 74.

¹⁴¹ Подробнее о переходах «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209–253.

¹⁴² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 30.

¹⁴³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 13–13об.

¹⁴⁴ *Бьеркелунд Б. В.* Воспоминания. СПб., 2013. С. 103.

¹⁴⁵ *Егорьев В. Н.* Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 143.

¹⁴⁶ Там же. С. 144.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

¹⁴⁹ Там же. Л. 124.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 256.

¹⁵² РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 183.

¹⁵³ Там же. Л. 374.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 204об.

¹⁵⁵ Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 850 (Архив семьи Снесаревых).

¹⁵⁶ Там же. 1919 г. Л. 945.

¹⁵⁷ Там же. Л. 954.

¹⁵⁸ Там же. Л. 1015.

¹⁵⁹ НИА. Vrangal papers. Box 39. Folder 1.

¹⁶⁰ *Тишкина А. В.* Товары и цены в Советской России... С. 92.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² *Олохова О. И.* Мы служили Отечеству. Воспоминания. СПб., 2012. С. 236.

¹⁶³ Там же. С. 242–243.

¹⁶⁴ 20 руб. стоил обед в столовой штаба 16-й армии Западного фронта в Смоленске в июле 1919 г., в городе можно было получить обед за 5 руб. (постный суп, кусок соленой воблы, пшенная каша, без хлеба) (Архив семьи Снесаревых).

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Архив семьи Снесаревых.

¹⁶⁸ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

¹⁶⁹ Цит. по: *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. М., 2014. С. 416.

¹⁷⁰ Там же. С. 417.

¹⁷¹ Там же. С. 421–422.

- ¹⁷² Там же. С. 422.
- ¹⁷³ Там же. С. 424.
- ¹⁷⁴ *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958. С. 190. У белых также возникали аналогичные ситуации. Например, адъютант генерала Я. А. Слашова ездил продавать эфес золотого Георгиевского оружия своего шефа, поскольку не было денег на обед (*Сергеев Б.* Память о Я. А. Слащеве-Крымском да живет вечно в родном полку // *Финляндец.* Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 30.07 (12.08). № 9. С. 20).
- ¹⁷⁵ *Самойло А. А.* Две жизни. С. 211.
- ¹⁷⁶ *Каменева Н. С.* Путь полководца (Воспоминания об отце). Киев, 1982. С. 62–63.
- ¹⁷⁷ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 46.
- ¹⁷⁸ Архив семьи Снесаревых.
- ¹⁷⁹ *Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе... С. 104.
- ¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 11–11об.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 48об. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Измена командарма Жданова // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 114–170.
- ¹⁸² Цит. по: *Илляшевич В. Н.* Ревельский тракт. Истории о русской Прибалтике. Таллин, 2001. С. 187–188.
- ¹⁸³ *Олохова О. И.* Мы служили Отечеству. С. 234.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 235.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 244.
- ¹⁸⁶ *Самойло А. А.* Две жизни. С. 215.
- ¹⁸⁷ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- ¹⁸⁸ *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. С. 416.
- ¹⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.
- ¹⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207об.
- ¹⁹¹ РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.
- ¹⁹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 163.
- ¹⁹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 132.
- ¹⁹⁴ Сообщено автору внучкой падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).
- ¹⁹⁵ Речь идет об одной из двух вышедших незадолго до этого фундаментальных работ А. А. Свечина «Эволюция военного искусства» или «Стратегия».
- ¹⁹⁶ Супруга А. А. Свечина.
- ¹⁹⁷ Сын А. А. Свечина от первого брака, родившийся 5 марта 1910 г.
- ¹⁹⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 95 (конверт, Л. 14–14об.).
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.
- ²⁰⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.
- ²⁰¹ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–7.
- ²⁰² РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
- ²⁰³ Там же. Л. 5.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁰⁵ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 16.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 17.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 18.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 19–20.
- ²¹⁰ Там же. Л. 21.
- ²¹¹ Там же. Л. 24–25.
- ²¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.
- ²¹³ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.
- ²¹⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.
- ²¹⁵ *Самойло А. А.* Две жизни. С. 246.
- ²¹⁶ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
- ²¹⁷ Там же. Л. 6.
- ²¹⁸ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 329.
- ²¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 512.
- ²²⁰ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1об.
- ²²¹ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 48–50.
- ²²² Там же. С. 51.
- ²²³ Архив семьи Снесаревых.
- ²²⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 91.
- ²²⁵ *Олохова О. И.* Мы служили Отечеству. С. 241.
- ²²⁶ Там же. С. 228–229.
- ²²⁷ Там же. С. 242.
- ²²⁸ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1611. Л. 6, 7–7об., 9.
- ²²⁹ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 32.
- ²³⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 29–30.
- ²³¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 80–80об.
- ²³² Там же.
- ²³³ Архив семьи Глезаровых (Москва). Документы переданы на хранение в РГВА.
- ²³⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.
- ²³⁵ Там же. Л. 43.
- ²³⁶ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 53.
- ²³⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 29–30.
- ²³⁸ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 6об.
- ²³⁹ Там же. Л. 2, 6об.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 52.
- ²⁴¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.
- ²⁴² В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 317.
- ²⁴³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ²⁴⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 532; Ф. 24380. Оп. 7. Д. 75.
- ²⁴⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 127. Л. 16; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 1об.
- ²⁴⁶ ВДИС. Ф. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (7) (3). Вох 1. Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.
- ²⁴⁷ Ibid. С. 113.
- ²⁴⁸ Ibid. Ч. 3. Гл. 6. С. 119.

- ²⁴⁹ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. М., 2007. С. 130–131.
- ²⁵⁰ Справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 г. (Архив автора).
- ²⁵¹ *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 201.
- ²⁵² *Пинчук Л. Р.* Моим детям — вместо завещания. М., 1978. С. 59.
- ²⁵³ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 51.
- ²⁵⁴ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 195–208.
- ²⁵⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 24.
- ²⁵⁶ *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 76, 131–132.
- ²⁵⁷ *Каменева Н. С.* Путь полководца... С. 9, 105; *Пинчук Л. Р.* Моим детям — вместо завещания. С. 59.
- ²⁵⁸ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 44.
- ²⁵⁹ *Пугачева Л. Д.* Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 114.
- ²⁶⁰ *Молоков И. Е.* Герои огненных лет. Очерки о полководцах, командирах, комиссарах — активных участниках освобождения Сибири от интервентов и белогвардейцев. Омск, 1989. С. 82.
- ²⁶¹ Архив семьи Снесаревых.
- ²⁶² Дневник А. Е. Снесарева. 30.11.1918. Л. 917 (Архив семьи Снесаревых).
- ²⁶³ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 52.
- ²⁶⁴ Там же. С. 57.
- ²⁶⁵ *Каменева Н. С.* Путь полководца... С. 102.
- ²⁶⁶ *Кедров М. С.* За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 44.
- ²⁶⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 245 (184). Л. 7об.
- ²⁶⁸ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 1; *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. С. 420.
- ²⁶⁹ *Олохова О. И.* Мы служили Отечеству. С. 234.
- ²⁷⁰ *Пугачева Л. Д.* Семен Андреевич Пугачев... С. 113.
- ²⁷¹ *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. С. 428, 465.
- ²⁷² *Каменева Н. С.* Путь полководца... С. 100; *Пинчук Л. Р.* Моим детям — вместо завещания. С. 55.
- ²⁷³ Имеется в виду римский император Диоклетиан, отказавшийся от власти и ушедший в уединенную частную жизнь.
- ²⁷⁴ Дневник А. Е. Снесарева. 27.06.1924. Л. 1213 (Архив семьи Снесаревых).
- ²⁷⁵ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев... С. 56.
- ²⁷⁶ Там же. С. 45.
- ²⁷⁷ Там же. С. 48.
- ²⁷⁸ *Пугачева Л. Д.* Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 114.
- ²⁷⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 119.
- ²⁸⁰ *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 129.

- ²⁸¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 17.
- ²⁸² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 335.
- ²⁸³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.
- ²⁸⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14об.–15.
- ²⁸⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.
- ²⁸⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.
- ²⁸⁷ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49–49об.
- ²⁸⁸ Мартиролог см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 795–804. С учетом дополнений.
- ²⁸⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 347. Л. 37.
- ²⁹⁰ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46а.
- ²⁹¹ Там же. Л. 50об.
- ²⁹² РГВА. Ф. 11. Оп. 17. Д. 367. Л. 3–4.
- ²⁹³ Там же. Л. 10–11.
- ²⁹⁴ Там же. Л. 20–20об.
- ²⁹⁵ Там же. Л. 25.
- ²⁹⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 347. Л. 57, 76об.
- ²⁹⁷ Там же. Л. 116.
- ²⁹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 119. Л. 93об.
- ²⁹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.
- ³⁰⁰ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3, 6; *Геллер Ю.* Комбриг М. С. Свечников // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 104.
- ³⁰¹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 49. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 208–209.
- ³⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 165.
- ³⁰³ Публикацию списка см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 645–646.
- ³⁰⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 207.
- ³⁰⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382–383.
- ³⁰⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35.
- ³⁰⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 278.
- ³⁰⁸ Там же. Л. 287.
- ³⁰⁹ Там же. Л. 302–302об.
- ³¹⁰ Там же. Л. 319.
- ³¹¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.
- ³¹² Там же. Л. 160.
- ³¹³ Там же. Л. 163.
- ³¹⁴ Там же. Л. 164.
- ³¹⁵ *Чуйкина С.* Дворянская память... С. 70, 78.
- ³¹⁶ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 69–70.

³¹⁷ ВВД — введение в военное дело, ВВП — высшая вневойсковая подготовка студентов высших учебных заведений. Выражаю благодарность к.и.н. А. А. Симонову (Саратов) за помощь в расшифровке сокращений.

³¹⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 64об.—66.

Заключение

¹ Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным! // Ленин В. И. О войне, армии и военной науке. Т. 2. М., 1957. С. 421.

² Свечин А. А. Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 563.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178—179об.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 1794. Л. 1об., 4; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 182.

⁵ *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Минск, 2005. С. 427—428.

⁶ Подробнее о причинах военной победы большевиков см.: *Ганин А.* «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»: Почему побеждала Красная армия? // Родина. 2011. № 2. С. 12—27.

⁷ Седьмой спутник — повесть советского писателя Б. А. Лавренева (в прошлом офицера Добровольческой армии и военспеца РККА) и снятый по ней одноименный художественный фильм. Главный герой, бывший генерал и военспец РККА Е. П. Адамов, попав в плен к белым, отказывается у них служить. Осознавая, что подписывает себе смертный приговор, на вопрос белого офицера о том, кто же он, если не большевик, объясняет свою и других бывших офицеров роль в революционных событиях следующими словами: «Вы этого не поймете... не сможете понять... Когда огромное тело пролетает в мировом пространстве, в его орбиту втягиваются малые тела, даже против их воли. Так появляется какой-нибудь седьмой спутник...» К этому образному сравнению можно добавить, что множество бывших офицеров находились в Красной армии отнюдь не на седьмых ролях.

Избранная библиография

- Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003.
- Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973.
- Базанов С. Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003.
- Бармин А. Г.* Соколы Троцкого. М., 1997.
- Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957.
- Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001.
- В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М., 1999.
- Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959.
- Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917—1918 года. Таллин, 1929.
- Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.
- Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., 1965.
- Вопросы тактики в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., 1970.
- Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917—1920 гг. М., 2012.
- Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914—1922. М., 2014.
- Ганин А. В.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... докт. ист. наук. М., 2013.
- Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917—1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

- Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.
- Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
- Главкомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацитис: Сб. док. Рига, 1978.
- Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
- Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.
- Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1–2.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.
- Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015.
- Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции: в 22 т. Берлин, 1924. Т. 14. С. 39–131.
- Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: в 3 кн. М., 2003.
- Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005.
- Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.
- Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963.
- Каменева Н. С. Путь полководца (Воспоминания об отце). Киев, 1982.
- Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965.
- Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979.
- Коротков И. А. История советской военной мысли. Краткий очерк 1917 — июнь 1941. М., 1980.
- Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2007.
- Красная книга ВЧК: в 2 т. М., 1989.
- Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.
- Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987.
- Липицкий С. В. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973.
- Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
- Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013.
- Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003.
- Минаков С. Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.
- Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.
- Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М., 2004.
- Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
- Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.
- Олохова О. И. Мы служили Отечеству. Воспоминания. СПб., 2012.
- Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990.
- Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
- Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг.: в 2 кн. М., 2006.
- Самойло А. А. Две жизни. М., 1958.
- Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
- Смирнов А. А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года): в 2 т. М., 2013.
- Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007.
- Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.
- Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.
- Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001.
- Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. Т. 1–2.
- Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.
- Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М., 2014.
- Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962.
- Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18); № 2 (19).
- Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, UK, 2008.
- Erickson J. The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. London; Portland, 2001.
- Mayzel M. Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979.

Reese R. R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005.

The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1–2 / ed. and annotated by J. M. Meijer. London; Hague; Paris; 1964. Vol. 1; Hague; Paris, 1971. Vol. 2.

Список сокращений и аббревиатур

- АВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
 адм. – адмирал
 АРУФСБ по Архангельской области – Архив регионального управления ФСБ России по Архангельской области (Архангельск)
 ВАК – Военно-академические курсы высшего командного состава РККА
 ВВС – Высший военный совет
 ВГШ, Всероглавштаб, Всеросглавштаб – Всероссийский Главный штаб
 ВНО – Военно-научное общество.
 военком – военный комиссар, военный комиссариат
 военрук – военный руководитель
 вр.и.д. – временно исполняющий должность
 Всеобуч – Всеобщее военное обучение
 ВСЮР – Вооруженные силы на Юге России
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
 ГААО – Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
 ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
 ГАСБУ – Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Киев)
 Ген. штаб, Генштаб – Генеральный штаб
 Главковерх – Верховный главнокомандующий
 ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
 ГубЧК – Губернская чрезвычайная комиссия
 губвоенкомат – губернский военный комиссариат
 ГУВУЗ – Главное управление военно-учебных заведений
 ГУГШ – Главное управление Генерального штаба
 ДГК – Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969.

ДКФКА — Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.):

Сб. док.

ИН — «Известия Народного комиссариата по военным делам»

командарм — командующий армией

комвзвод — командир взвода

комроты — командир роты

комсостав — командный состав

Комуч — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания

комфронта — командующий фронтом

краском — красный командир

КУВНАС — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава

МОВСУ — Московское окружное военно-санитарное управление

МЧК — Московская чрезвычайная комиссия

НАА — Национальный архив Армении (Ереван)

НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории

РАН (Москва)

нарком — народный комиссар

наркомат — народный комиссариат

Наркомвоен — Народный комиссариат по военным делам

наркомвоендел — народный комиссар по военным делам

наркомвоенмор — народный комиссар по военным и морским делам

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

Наркомтруда — Народный комиссариат труда

Наркомфин — Народный комиссариат финансов

начдив — начальник дивизии

начоперод — начальник оперативного отдела

начсостав — начальствующий состав

начштаба — начальник штаба

наштаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего

наштадив — начальник штаба дивизии

наштарм — начальник штаба армии

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НОТ — научная организация труда

НРА ДВР — Народно-революционная армия Дальневосточной республики

НЭП — новая экономическая политика

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при

СНК СССР

окрвоенком — окружной военный комиссар

ОО — Особый отдел

оперод — оперативное отделение

Оперод — оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам

организупр — организационное управление

ОСПИ ГААО — Отдел социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Архангельск)

помглавком — помощник главнокомандующего

помнаштадив — помощник начальника штаба дивизии

РВСР — Революционный военный совет республики

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

РГВА — Российский государственный военный архив (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

Реввоенсовет — Революционный военный совет

Реввоен трибунал — Революционный военный трибунал

Ревком — Революционный комитет

Региструпр — Регистрационное управление

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП, РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевики)

РОВС — Русский общевоинский союз

с. г. — сего года

Сибревком — Сибирский революционный комитет

СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров

т., тов. — товарищ

ТуркЦИК — Туркестанский Центральный исполнительный комитет

Туркбюро — Туркестанское бюро ЦК РКП(б)

укрепрайон — укрепленный район

УНР — Украинская народная республика

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

ЦДАГОУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев)

Центропленбеж — Центральная коллегия о пленных и беженцах

ЦК — Центральный комитет

ЦУКЛ — Центральное управление красноармейских лавок

ЦУПВОСО — Центральное управление военных сообщений

ЧК — чрезвычайная комиссия

штавост — штаб Восточного фронта

штадив — штаб дивизии

штазап — штаб Западного фронта

штарм — штаб армии

BAR — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

BDIC — Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция)

ERA — Национальный архив Эстонии (Таллин)

НИА — Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)

LVA — Национальный архив Латвии (Рига)

Именной указатель

А

Абрамов З. Ф. 502
 Аверьянов П. И. 343, 374
 Авксентьевский К. А. 547
 Авсеевич А. А. 359
 Автономов Г. П. 292, 617
 Агокас Е. В. 161
 Агокас С. В. 308, 615
 Адиз-хан (Азиз-хан) 217
 Азин В. М. 546
 Акимов М. В. 174, 176
 Акинтьевский Г. К. 227, 228
 Акутин К. В. 299
 Алафузо М. И. 217, 357, 359, 376, 455, 620
 Александр II 343
 Александр Македонский 343
 Александра Федоровна 165
 Александров А. Н. 174
 Александров Л. К. 33, 146, 147, 468, 620
 Александров Н. Г. 530
 Александровский В. С. 231
 Алексеев А. Н. 579
 Алексеев И. Т. 282, 341
 Алексеев М. В. 22, 29, 46, 47, 123, 165, 200, 203, 204, 206, 213, 220, 454

Алексеев М. П. 401
 Алексеев П. Н. 364
 Алибеков И. Я. 392
 Альбокринов Н. П. 231
 Альтфатер В. М. 134
 Андерс А. К. 548, 620
 Андерсон А. Х. 431, 471
 Андогский А. И. 31, 44–47, 50, 51, 125, 144, 204, 230, 343, 373, 374, 580
 Андреев Б. И. 325
 Андреевский 605
 Андриевский Д. И. 313
 Андронников А. С. 22
 Антипин И. А. 297, 298, 356
 Антонов-Овсеенко В. А. 58, 124, 129, 134, 140, 149, 215, 279, 447, 504, 589
 Антонович А. Т. 304
 Аплом Ю. Ю. 495
 Апухтин А. Н. 161, 415, 526
 Аралов С. И. 86, 89, 90, 106, 132, 134, 173, 191, 193, 194, 196, 261, 262, 266, 267, 469, 475, 477, 478, 491, 492
 Аргамаков А. П. 605
 Аркадьев В. П. 247
 Армадеров Г. А. 363, 364, 376
 Арсеньев А. Д. 216

Артамонов Н. Д. 23
 Артемьев К. П. 360, 620
 Артузов А. Х. 293, 346
 Архангельский А. П. 47, 205–207, 210, 251, 252, 520, 557, 558, 579
 Аршеневский П. Н. 69
 Астров Н. И. 25
 Атаев П. П. 313–315
 Атабеков (Атабегашвили) Д. Г. 325, 617
 Атарбеков (Атарбемян) Г. А. 616
 Аузан А. И. 346, 414, 515
 Афанасьев В. А. 349, 550
 Афанасьев В. М. 385
 Афанасьев Ф. М. 278, 279, 385, 620
 Ахаткин К. З. 26
 Ахвердов И. В. 527
 Ахвердов Н. Н. 230
 Ашеберг Н. П., фон 23
 Ашик Н. В. 404

Б

Бабиков Н. А. 526
 Багратуни Я. Г. 231
 Базаревский А. Х. 361, 409
 Базыленок М. П. 299
 Байов А. К. 20, 161
 Байов В. К. 20
 Байов К. К. 20, 130, 519
 Бакич А. С. 316
 Баковец И. Г. 237, 238, 355
 Балабин Ф. И. 226
 Баланин Д. В. 159
 Балтийский А. А. 32, 34, 41, 44, 124, 158, 361, 409, 414, 515, 548, 568
 Балугев П. С. 174, 176
 Баранов П. М. 301
 Баранович В. Л. 341, 464, 547, 599
 Барановский В. Л. 409, 484
 Бардинский И. А. 194, 225, 345
 Бармин А. Г. 397
 Барсуков Е. З. 27, 351

Бартенева Н. В. 605
 Барцевич В. П. 214
 Баскаков В. И. 607
 Басков Б. М. 602
 Басков М. В. 215, 286, 602
 Баскова В. А. 602
 Баскова В. М. 602
 Баскова Н. М. 602
 Батенин Э. С. 413, 414
 Баторский М. А. 279, 351, 352, 566
 Батрук А. И. 238, 285
 Баумгартен В. К. 605
 Бачинский М. Л. 249
 Бедарев П. М. 598
 Безобразов В. М. 594
 Безобразов Н. А. 243
 Бейли Ф. М. 217
 Бек В. А. 231
 Бекзаян А. А. 616
 Бекович-Валуйский Б. С. (Эль-Мурза Заур-Бек) 321
 Бела Кун см. Кун Б.
 Белицкий С. М. 160, 388
 Белкин Н. Н. 291, 312
 Белобородов А. Г. 502
 Белой А. С. 42, 65, 229, 361, 378, 409, 530
 Белолипецкий В. Е. 409
 Белопольский И. А. 403
 Белоусов И. А. 617
 Белькович Л. Н. 594
 Беляев Н. С. 378, 381, 385, 403
 Березин Б. А. 289, 617
 Берендс В. Ю. 394
 Берендс К. Ю. 125, 227–229, 351, 353
 Берзин Р. И. 148, 180
 Бернштам Р. Б. 394
 Бесядовская Е. И. 544
 Бесядовская М. К. 544
 Бесядовские 543
 Бесядовский К. И. 36, 397, 436, 542
 Бетховен Л. ван 549
 Биркан И. М. 346
 Бирюков Н. Н. 394, 397

Блаватский Г. В. 216
 Благовещенский П. В. 414, 415
 Блинов К. И. 617
 Бобрищев А. А. 146, 592
 Бобрышов И. И. 541
 Бобрышова А. М. 541
 Богацкой И. М. 299
 Богданович А. В. 550
 Богомягков С. Н. 281
 Богословский Б. П. 51, 57, 223, 256, 452
 Бойцов М. В. 407
 Бокий Г. И. 257, 298
 Болдырев В. Г. 57, 204, 205, 459
 Болотов В. В. 236
 Болховитинов Л. М. 51, 130, 246, 250–253, 255, 607, 608
 Бонч-Бруевич В. Д. 44, 79, 96, 159, 377, 540, 583
 Бонч-Бруевич К. М. 271
 Бонч-Бруевич М. А. 451
 Бонч-Бруевич М. Д. 18, 22, 35–37, 44, 56, 59, 79–90, 92–101, 104, 111, 113, 118, 123, 125–129, 135, 145, 156, 172, 185, 187, 195, 196, 255, 260, 271, 283, 363, 364, 376, 377, 426, 437, 441, 448, 449, 451–453, 468, 513, 514, 527, 540, 541, 566, 583
 Борд 205
 Борисов В. Е. 34, 124, 156, 158, 159, 224, 246, 250, 256, 385, 395, 401, 420, 480, 594
 Борман А. А. 514
 Бортневский В. Г. 216
 Боршевский А. Г. 324
 Бочкарева М. Л. 291
 Бредов Н. Э. 233, 241, 242
 Бредш Ф. М. 291, 299
 Брилевич А. В. 23
 Бронский М. Г. 344
 Брусилов А. А. 39, 40, 44, 51, 52, 81, 123, 166, 174–177, 295, 308, 309, 311, 324, 360, 459, 553, 555, 568

Брюханов Н. П. 530
 Бубнов А. С. 335, 340, 502, 503
 Бугай П. Я. 239
 Будберг А. П. 41, 81, 164, 512, 513
 Буденный С. М. 273, 282, 358, 360
 Букретов Н. А. 307
 Булак-Балахович С. Н. 243, 376, 394
 Булгаков М. А. 344
 Буняковский В. В. 250
 Бурин П. П. 289, 290
 Буров П. Н. 240, 241, 518
 Бурский П. Д. 409
 Бухарин Н. И. 389
 Бухольц (Бухгольц) В. Е. 242
 Быков А. Н. 231

В

Вагин А. Н. 125
 Вадбольский В. А. 22
 Валентинов А. А. 68, 254
 Валентинов Г. 497
 Валуева О. И. 394, 395
 Вальтер 265
 Варфоломеев Н. Е. 341, 351, 352
 Василевский А. М. 365
 Василенко М. И. 173, 281, 283, 317, 331, 357, 376, 441
 Васильев А. Г. 496, 497
 Васильев В. Ф. 605
 Васильев Ф. Н. 159
 Васильевский В. Н. 589
 Васильченко И. М. 309
 Васько-Богдан В. А. 394
 Вацетис И. И. 18, 44, 60, 64, 79, 84–100, 103–115, 134, 135, 141, 143, 145, 146, 149, 151, 158, 161, 172, 173, 189–193, 195, 196, 213, 256, 257, 261, 265, 267, 268, 277, 278, 281, 284, 351, 360, 378, 380–383, 388, 395, 429, 441, 444, 445, 448–450, 452–454, 492, 493,

520, 530, 544, 547, 566, 584, 588, 597, 598
 Вацетис Э. И. 261, 263–267
 Вдовьев-Кабардинцев В. В. 247
 Веденеев 247
 Веденяпин А. А. 23
 Величко К. И. 161, 174
 Вербицкий П. И. 605
 Верди Д. 549
 Верховский А. И. 41, 153, 161, 168, 169, 174, 205, 226, 299, 300, 351, 352, 360, 361, 395, 409, 449, 457, 500, 526, 532, 535, 550, 596
 Верховский Б. К. 351
 Верховский С. И. 240
 Верцинский Э. А. 345, 346, 534
 Ветренко Д. Р. 343
 Виленский 344
 Виленский-Сибиряков В. Д. 160
 Виноградов А. Н. 195, 620
 Витте С. Ю. 546
 Владимиров 382
 Владимиров Г. А. 289
 Владиславский-Крекшин Н. А. 414
 Власенко А. Н. 299
 Власов А. А. 623
 Войтов А. Н. 228, 229
 Войшин-Мурдас-Жилинский И. П. 20
 Войшин-Мурдас-Жилинский Л. П. 20
 Воликовский Р. И. 342, 621
 Волков Б. И. 404
 Волков В. Е. 548
 Волков В. И. 617
 Волков Н. А. 302
 Волков С. В. 71, 574, 582
 Воровский В. В. 637
 Воронов П. Н. 161
 Ворошилов К. Е. 232, 340, 354, 356, 362, 435, 441–445, 447, 448, 456, 458, 501, 503, 504
 Вострецов С. С. 398, 408
 Вохмин А. П. 343

Врангель М. Д. 477
 Врангель П. Н. 21, 30, 32, 68, 111, 143, 150, 152, 164, 180, 253, 274, 279, 282, 297, 304, 308, 309, 314, 315, 345–347, 398, 454, 455, 459, 477, 482, 522, 605
 Всеволодов Н. Д. 119, 205, 223, 256–258, 481, 524
 Высоцкий И. В. 34, 361, 560
 Вяткин Д. И. 289, 290

Г

Габаев (Габашвили) А. Г. 332
 Габбин Н. И. 415, 417
 Газов П. И. 312, 617
 Гай Г. Д. 331, 408
 Гайда Р. 459
 Гайко А. К. 289
 Галкин А. С. 555
 Гальков П. А. 617
 Гамарник Я. Б. 362
 Гамченко Е. С. 343
 Гарф В. Е. 279, 336, 357, 620
 Гатовский А. Н. 20, 347, 409, 554
 Гатовский В. Н. 20, 272, 299, 347, 351, 385, 409, 414, 553
 Гейман Б. В. 403
 Гейсман П. А. 23, 161, 513
 Гейхрех А. И. 541
 Геккер А. И. 171, 278, 314, 331, 332, 340, 376, 385, 551, 566
 Геништа Н. И. 403
 Герасимович Н. И. 289, 617
 Гернгросс А. А. 23
 Геруа А. В. 43
 Геруа Б. В. 57, 212, 374, 514
 Гершельман Л. К. 230
 Гильбих В. П. 124
 Гильчевский К. Л. 167, 332, 349
 Гирш (Гирс) В. А. 289, 617
 Гиттис В. М. 146, 149, 279, 538, 561
 Главацкий Н. В. 325

Глаголев В. П. 215, 447, 449, 547
 Глазов В. Г. 23
 Глезаров Л. М. 225, 433
 Глинка М. И. 549, 550
 Глищинский А. А. 578
 Глобачев К. И. 212, 468
 Голицын Е. М. 210, 464
 Голованов Н. С. 550
 Головин Н. Н. 12, 79, 80, 163, 243, 248, 373, 571
 Головкин В. К. 299
 Голлобов В. П. 533
 Голубев С. Н. 325, 497
 Голубинцев Е. М. 414, 553
 Гондель В. К. 119, 431, 432, 434
 Гондельман 403
 Гончаренко (Галич) Ю. И. 343
 Горин 389
 Горин-Галкин В. Ф. 383
 Горчаков А. Г. 633
 Горчаков Г. С. 120
 Готовцев А. И. 351, 366, 409, 410
 Готье Ю. В. 174, 175, 499
 Граблевский С. А. 325, 617
 Грасис К. Я. 117
 Гренгаген П. К. 291
 Григорович Б. Н. (?) 240
 Григорьев Н. А. 139, 140
 Григорьев С. Д. 243, 297
 Григорьев Ф. Л. 38, 39
 Григорьев Ю. И. 204, 517, 599
 Гришинский А. С. 20, 83, 127
 Гришинский В. С. 20
 Грузинов А. Е. 344
 Грузинский И. Г. 22
 Грундштрем А. Г. 272, 558
 Грундштрем М. А. 271
 Гуммель Н. И. 289
 Гурко В. И. 177
 Гуртовенко Х. В. 243, 255
 Гусаковский П. Н. 161
 Гусев С. И. 95, 104–106, 108, 109, 112, 154, 211, 334, 335, 399, 433, 450, 451, 458, 460, 588, 626

Гутор Александр Е. 20
 Гутор Алексей Е. 20, 174, 176, 177, 255, 299, 351
 Гучков А. И. 169, 177, 637

Д

Далер В. В. 428
 Данилов И. А. 41, 137, 300, 396, 472, 473, 522
 Данилов Н. А. 161
 Данилов С. С. 120
 Данилов («черный») Ю. Н. 125
 Данишевский К. Х. 90, 99, 134, 174, 263, 266, 267, 443, 520, 544
 Дауман А. Э. 267
 де-Бур П. Е. 231
 Дегтярев К. Г. 291
 Дей-Карханов В. 315
 Деллинггаузен (2-й) Н. А. 230, 297
 Демин П. Я. 288, 612
 Деникин А. И. 19, 22–25, 43, 47, 48, 68, 81, 108, 109, 112, 142, 167, 168, 180, 181, 209, 211–214, 218, 219, 222–224, 226, 232, 236, 238, 239, 241, 246, 247, 249, 251, 253, 254, 257, 258, 290, 297, 304–306, 314, 315, 339, 386, 390, 391, 398, 433, 450, 454, 455, 459, 461, 469, 527, 549, 635
 Деникина К. В. 583
 Десино Н. Н. 345
 Джунаид 216
 Джунковский Е. П. 216
 Дзевялтовский (Дзевалтовский) И. Л. 207, 381, 382, 521, 589
 Дзержинский Ф. Э. 99, 104, 116, 177, 196, 205, 304, 310, 311, 337, 345, 348, 392, 393, 403, 427, 464, 470–472, 476, 485, 487

Дзюбенко С. С. 291, 292, 342
 Дикий В. Ф. (?) 605
 Димма Г. 69
 Диоклетиан 551, 646
 Дистерло Н. А., фон 22
 Дитерихс М. К. 459
 Длусский М. П. или С. М. 605
 Дмоховский В. К. 241
 Добржанский А. Н. или В. А. 605
 Добrorольский С. К. 343, 568
 Добрышин А. Ф. 23, 480
 Довбор-Мусницкий И. Р. 85
 Довгирд М. А. 20
 Довгирд С. А. 20, 47, 204, 579
 Долгов Д. А. 158, 159, 345, 594
 Долгушин А. Ф. 228
 Долгушин Н. М. 617
 Долинский Н. Н. 189, 231, 558
 Доманевский В. Н. 169
 Доможиров Н. Н. 119, 190, 190, 267, 482, 560, 598, 599
 Дорошевский Н. Ф. 236
 Достовалов Е. И. 150, 343
 Дравниэк И. Т. 394
 Драгомиров А. М. 29, 238
 Драгомиров В. М. 37
 Драгомиров М. И. 79, 80, 82, 96, 168
 Дрейер В. Н., фон 47, 57, 233, 249, 579
 Дрейлинг Р. К., фон 607
 Дроздовский Н. И. 231, 232
 Дубасов Ф. В. 592
 Дубинин Е. М. 605
 Дудынь П. Я. 346
 Дульцев А. Н. 56
 Дурасов А. А. 605
 Дутов А. И. 170, 345, 459, 464, 477, 584
 Духонин Н. Н. 33, 123, 462, 533
 Душкевич А. А. 278, 529
 Дыбенко П. Е. 124, 155, 359, 397, 438, 500, 501, 589
 Дьяков Г. С. 364, 376, 599
 Дьяконов М. З. 299
 Дядюша С. И. 477

Е

Евдокимов Е. Г. 179
 Евстратов М. Т. 316
 Егоров А. И. 68, 91, 149, 155, 178, 220, 279, 332, 334, 588, 611
 Егоров П. В. 307
 Егоров Ф. В. 289
 Егорьев В. Н. 60, 102, 143, 255, 275, 283, 366, 409, 529, 543, 544, 559, 603, 610
 Ежов Н. И. 359
 Екабсонс Э. 586
 Екатерина II 281
 Елизаров Н. С. 133, 161, 403
 Елисеев Ф. И. 299
 Ерарский Н. В. 214
 Еремеев К. С. 589
 Ермолин П. И. 159, 414, 447
 Ерофеев Г. К. 258
 Ефимов А. А. 497
 Ефимов А. Г. 210, 211, 618
 Ефремов А. Ф. 598

Ж

Жданко Н. Н. 21
 Жданко П. Н. 21
 Жданов Н. А. 223, 241, 242, 481, 525, 533, 606
 Желтышев В. А. 247
 Жилинский Я. Г. 512
 Жожикашвили А. Г. 526
 Жуков В. Я. 299
 Жуков Г. К. 332
 Жуков М. Н. 477

З

Забегалов Н. Я. 187, 188, 599
 Завгородний М. А. 297
 Загю М. М. 271

Загю М. М. 127, 151, 161, 271, 364,
397, 403, 409, 437, 439, 453, 610
Зайончковская О. А. 347, 348
Зайончковский А. М. 67, 159, 161,
174–177, 218, 346, 347, 351,
409, 459, 526, 581
Зайцев В. Н. 633
Зайцев И. М. 345
Зайцов А. А. 582
Зайченко З. И. 245, 480, 560
Закс Г. Д. 389, 499
Залежский В. Н. 383, 392
Залесский В. Д. 394
Залесский П. И. 163, 168, 343
Замбржицкий В. А. 306
Занкевич М. И. 248
Заремба 43
Зарин Н. Д. 34
Зарубин Н. А. 536
Затеплинский В. К. 247
Захаров В. Е. 617
Захаров М. В. 363, 365, 407
Звиргзд К. А. 308
Земцов М. Н. 527
Земцов С. И. 299
Зиверт В. Г. 346, 598, 599
Зимин С. И. 549
Зимин Н. А. 414
Зиновьев Г. Е. 472
Зубковский С. А. 343
Зуев Д. Д. 348, 416, 622
Зуевы 622
Зундблад А. О. 272, 574
Зундблад Г. 272
Зундблад 574

И

Иван Грозный 544
Иванов 293
Иванов Б. М. 183, 558
Иванов В. М. или Е. Д. 605
Иванов Г. К. 291, 598

Иванов Г. С. 289
Иванов Н. И. 415
Ивановский В. А. 540
Ивановский Н. Н. 166
Ивановский С. С. 529, 545
Ивасиов Я. К. 277
Игнатьев А. А. 363–366
Игнатьев В. И. 205
Изместьев П. И. 161
Ильин И. С. 221
Ильин С. И. 291, 299
Ильин-Женевский А. Ф. 589
Ильичев А. Н. 394
Илькевич Н. А. 240
Инно (Кульдвер) А. А. 171
Иностранцев М. А. 125
Иозефович Ф. Д. 130, 464
Ипатьев Н. Н. 230
Исаев Е. И. 191, 193, 195, 196, 261,
263–268, 598, 599
Искрицкий Е. А. 23, 35, 53, 544

К

Кабалов А. И. 21
Кабалов И. И. 21
Кавтарадзе А. Г. 70, 71, 133, 244,
582, 592
Кадников Н. И. 561
Кадомский Д. П. 562, 620
Кадошников А. Ф. 159, 594
Казанович Б. И. 39, 204, 210, 211,
244
Какурин Н. Е. 29, 107, 161, 172,
278, 281, 284, 305, 306, 317,
351–353, 395, 397, 566, 615,
620
Каледин А. М. 454, 455
Калинин 294
Калинин М. И. 349, 393
Калинин С. А. 408
Калнынь О. А. 394
Каменев Л. Б. 176

Каменев С. С. 18, 36, 79, 86, 95,
99–114, 119, 134, 135, 137, 143,
145, 146, 149, 154, 172, 173,
175, 219, 277–280, 282, 283,
312, 324, 332, 333, 336, 351,
357, 360, 366, 409, 410, 433,
434, 441, 449, 450–455, 460,
532, 548–553, 566, 586, 588,
611, 620
Каменева В. Ф. 119
Каменева Н. С. 119
Каменский А. З. 445, 446
Каменский М. П. 158, 161
Каменский С. Н. 403
Камкин Н. И. 620
Кангелари В. А. 493, 494
Канненберг В. Р. 270, 385, 403
Каньшин П. П. 231
Каплинский В. В. 289
Капнин К. Л. 36, 52
Капнист Г. 542
Каппель В. О. 202, 207, 227, 228, 248,
476
Каппель (Строльман) О. С. 476
Капустин Н. Я. 351, 409
Карасев Н. И. 305
Каратыгин П. П. 620
Карахан Л. М. 206
Карбышев Д. М. 409
Кареев И. Л. 541
Кареев Л. М. 542
Кареева О. М. 541
Карлсон К. — Р. — Г. К. 224, 246
Карпенко А. С. 162, 554
Карпов Н. Д. 597
Карякин И. И. 397
Касаткин В. Н. 165
Касаткин Л. Л. 325
Каширин В. Б. 632
Каширин Н. Д. 359, 361
Кашперов К. В. 617
Кашуба И. С. 302, 303
Кедров М. С. 34, 44, 123, 191–195,
450, 451, 472, 589

Кедров С. А. 44
Келчевский А. К. 343
Керенский А. Ф. 33, 34, 43, 123,
165, 195, 208, 299, 300, 360,
373
Киквидзе В. И. 257, 443
Киров С. М. 281, 441
Кирпичников А. В. 187, 188, 351,
362, 364, 376, 548, 620
Кисис Р. Я. 261, 264
Кислов Г. Я. 309
Кияшко А. И. 462
Клаузевиц К., фон 160, 397, 551
Клемансо Ж. 570
Клембовский В. Н. 23, 120, 121, 156,
158, 159, 168, 174, 176, 177, 459,
464, 523, 537, 538, 594, 644
Клерже Г. И. 38
Климович А. К. 351, 381, 382, 383,
385, 389, 390, 414
Климович Е. К. 178
Климовских В. Е. 282, 364, 376
Климонтович Л. Н. 300
Клочко И. Г. 160
Клюев Л. Л. 171, 283, 364, 566
Клюев Н. А. 302
Кныш А. М. 234
Княжницкий П. Е. 408
Кобозев П. А. 134
Ковалевский А. Н. 82, 203, 224, 455,
467, 468, 604
Ковалевский (Ковалевский-
Русский) Б. Н. 170, 216
Ковалевский С. И. 415
Ковалев 313
Ковшов В. Д. 394
Козловский Э. И. 382, 383, 392
Колегов С. Н. 184, 290–292
Коленковский А. К. 351, 364, 409
Колесников А. П. 292, 325, 617
Коллонтай А. М. 500
Колосов А. В. 159
Колчак А. В. 18, 38, 50, 98, 105–107,
109, 143, 167, 170, 211,

- 254, 278, 290, 292, 294, 297,
303, 304, 308, 314, 315,
323, 376, 386, 390, 455, 459,
486, 549
- Колчин А. Г. 299
Колюбакин Б. М. 316
Комаров Я. 541
Комарова К. 541
Кондратович Л. Л. 216
Кондратьев Б. Н. 172, 364, 376, 620
Конде, Л. — Ж. де Бурбон 29
Конзеровский П. К. 23
Коновалов А. Н. 247
Кононов А. С. 291
Конради М. М. 637
Корвин-Круковский А. В. 240
Корженевский Н. Л. 415
Корк А. И. 169, 173, 278, 282, 336,
357, 359, 360, 491, 566, 620
Корнилов Л. Г. 19, 22, 24, 29, 30, 38,
80, 123, 201, 216, 454
Корнилов П. Г. 216
Корольков Г. К. 159
Корсун Н. Г. 351, 364, 403, 539, 594
Корчаков-Сивицкий В. В. 343
Косматов А. В. 172
Космин В. Д. 57
Костанди Л. В. 302, 303
Костенко В. 541
Костенко М. Ф. 305
Костров С. И. 226, 316
Костяев Ф. В. 95, 104, 105, 108,
110, 135, 145, 172, 191, 193,
196, 264, 267, 271, 283, 402,
449, 454, 455, 467, 520, 530,
560, 566
- Котельников А. А. 249
Котомин В. В. 153
Кравец Г. М. 291
Красин Л. Б. 592
Краснов П. Н. 221, 426, 454, 488
Кривцов Б. Г. 289
Кривцов Н. Г. 289
Крузе А. Я. 243, 288, 364, 375, 376
- Крузенштерн Н. Ф., фон 23
Крупенский 605
Крутиков Н. А. 309
Кручинин А. С. 618
Крыленко Н. В. 18, 43, 80, 81, 83,
123, 124, 126, 250, 438, 589
Крымов А. М. 169
Крюгер А. И. 227–229
Кудрявцев 154, 155
Кудрявцев А. Ф. 487
Кузнецов Б. И. 190, 193–196, 331,
364, 376, 599, 620
Кузнецов С. А. 47, 67, 159, 161, 207,
224, 395, 579
Кузьмин Н. Н. 271, 302, 303
Кузьмин-Караваев Д. Д. 23
Куйбышев В. В. 335
Куйбышев Н. В. 408
Кук А. И. 376, 397, 566, 620
Кулешин С. И. 555
Куликов П. В. 283
Кун Б. 344
Кун В. Н. 415
Куропаткин А. Н. 542, 543
Курский Д. И. 134, 287
Кусов В. Н. 288
Кусонский П. А. 237
Кутателадзе Г. Н. 359
Кутепов А. П. 347
Кутырев Г. Я. 22, 116, 190, 193–196,
599
Кутяков И. С. 300, 361, 491, 493
- Л**
- Лаверн 202
Лавренев Б. А. 648
Лазаревич В. С. 42, 159, 278, 279,
280, 378, 409, 410, 548, 566
Лазари А. Н., де 364
Лазимир П. Е. 589
Лазо С. Г. 18
Лайдонер Й. 57, 342
- Лампе А. А., фон 175, 176, 177, 213,
219, 250, 347, 433
Лапшевский 266
Лапшин Б. П. 247, 497
Ларин Ю. см. Лурье М. З. 440
Лауриц А. А. 223, 224, 481
Лауриц А. Г. 481
Лауриц Е. И. 481, 603
Лашевич М. М. 108, 450, 451
Лебедев Д. А. 169, 211, 244
Лебедев Д. К. 156, 158, 159, 161, 244,
346, 385, 523, 553, 604
Лебедев П. П. 95, 101, 105, 108, 109,
115, 135, 143, 145, 153, 172, 210,
211, 269, 278, 279, 282, 303, 304,
312, 324, 332, 336, 347, 366, 385,
409, 451, 456, 532, 541, 543, 545,
548–552, 560, 561, 566, 620
Лебедевы 541, 549, 551, 552
Леви Л. Н. 289
Левицкий Б. А. 183, 485
Легран Б. В. 445, 489, 589
Лелль (Делль) И. И. 69
Ленин (Ульянов) В. И. 13, 28, 44,
79, 82–84, 86–88, 90–96,
99–101, 106–112, 123, 124,
126, 128, 129, 135, 141, 143,
147, 149, 152, 159, 164, 165,
171, 176, 191–193, 195, 219, 267,
280, 308, 334, 336, 344, 355, 376,
377, 383, 385, 393, 427, 429, 431,
433, 434, 438, 440, 441, 445–454,
455, 456, 459, 470, 487, 493, 494,
519, 540, 543, 547, 564, 567, 569,
583, 599, 616, 623, 631, 633
Леонов А. Н. 118, 540
Леонов Г. В. 243, 289
Лепетюха И. Г. 403
Ливенцев Н. Д. 130, 244, 518, 550
Лигнау А. Г. 48, 68, 291, 346, 351,
409, 410, 553
Лидерс О. О. 605
Липко П. И. 343
- Липский В. В. 125
Лисицын К. К. 258
Лисовой Я. М. 44, 46, 47
Лисовский Н. В. 121, 122, 278, 566,
620
Лист Ф. 549
Литовцев (Шильдбах) К. К. 223, 351
Лобковиц В. В. 320
Ловцевич Л. Л. 618
Ловчицкий С. Ю. 617
Локкарт Р. Б. 201, 210
Лукин М. Л. 325
Лукирский С. Г. 40, 83, 127, 128, 161,
168, 227, 360, 361, 385, 480, 482,
594
Лукомский А. С. 81
Луначарский А. В. 382
Лупаков Л. А. 409
Лурье М. З. (Ларин Ю.) 440
Лус Э. К. 346
Луцков П. А. 321, 325, 618
Львов 534
Львов В. Н. 394
Люба Б. В. 527
Любимов В. В. 147, 279, 620
Людсканов-Цанков К. А. 246
Люддеквист В. Я. 212, 452, 480
Люпов С. Н. 57
Лютов А. Д. 147, 364, 366, 376, 517,
561, 562
- М**
- Магер Б. Д. 325
Май М. 291
Майгур П. М. 85, 443, 480, 584
Майдель В. Н., фон 22
Май-Маевский В. З. 454
Майстрах Б. В. 408
Макаров А. А. 605
Македонский А. К. 247
Максимов В. И. 376
Максимович П. С. 300

- Макухин В. В. 183
 Макшеев В. З. 307
 Малиновский А. В. 541
 Малиновский Д. А. 164, 230, 297
 Мальшев А. К. 191, 195, 520, 560, 599
 Мамантов (Мамонтов) К. К. 110, 224, 232
 Маниковский А. А. 124, 414, 449, 594
 Мануйлов Г. А. 495
 Мартынов А. И. 246
 Мартынов Е. И. 93, 155, 168, 594
 Мартягин А. А. 172
 Марушевский В. В. 124, 125, 449
 Маслов В. Н. 598
 Маттис Г. О. 346
 Мауринг А. Ф. 346, 617
 Махин Ф. Е. 170, 202, 207, 223, 452, 459
 Махров В. С. 20, 21
 Махров Н. С. 20–22, 102, 197, 483
 Махров П. С. 20–22, 21, 82, 102, 168, 178–181, 250, 365, 374, 483 (597)
 Махрова Н. Д. 21
 Махрова Т. Н. 21
 Мащнев В. Д. 171, 290
 Медведев А. И. 316
 Медель А. И. 191
 Медиокритский В. Е. 212
 Медянцеv И. Ф. 174
 Меженинов С. А. 278, 279, 336, 342, 351, 352, 357, 360, 376, 491, 492, 566, 620
 Мезенцев А. И. 292, 293, 294, 299
 Мей П. А. 598
 Мейерхольд В. Э. 549
 Мекк Н. К., фон 177
 Меликов В. А. 353
 Мельгунов С. П. 485, 637
 Мельников Д. А. 224, 543, 603, 604
 Менжинский В. Р. 209, 302, 476
 Меньчуков Е. А. 351
 Мергин Р. Д. 212
 Мерецков К. А. 332, 392, 393, 501, 502
 Месснер Е. Э. 375
 Мехоношин (Механошин) К. А. 116, 124, 129, 134, 172, 208, 378, 441, 443–445, 473, 474, 589
 Мещерский 605
 Мигай С. И. 550
 Микоян А. И. 281
 Миллер Е. К. 18, 23, 30, 248, 347, 361
 Минаков С. Т. 620
 Минде 605
 Минин С. К. 443, 444, 456
 Миронов Ф. К. 482
 Миронцев Н. В. 247, 431, 498
 Мирошников А. А. 300
 Митрофанов В. Г. 325, 617
 Михайлов В. И. 561
 Михайлов М. А. 241
 Михайлов Н. А. 291, 292
 Михеев С. П. 300
 Михневич Н. П. 161, 526
 Мицул 355, 356
 Мищенко С. М. 393
 Моденов И. Д. 66, 195, 599
 Мозохин О. Б. 485
 Молкочанов М. В. 282, 331, 376, 620
 Молотов Н. Д. 291
 Молчанов В. М. 325, 618
 Монигетти К. Ф. 232, 322
 Монфор Е. О., де 22
 Моравицкий К. А. 241
 Моризе А. 488
 Мороз Ф. А. 125
 Морозов Н. А. 299, 306, 307, 351, 352
 Морозов П. Е. 498
 Москаленко М. И. 243
 Моторный Виктор И. 298
 Моторный Владимир И. 298, 299, 409, 410
 Мочульский А. М. 34, 123, 210, 526
 Муклевич Р. А. 385
 Муравьев В. Н. 594
 Муравьев М. А. 30, 149, 546, 594
 Муралов Н. И. 59, 434, 491
 Муратов В. П. 384, 401, 538, 539
 Мурузи А. А. 57
 Мусаелян Г. 315
 Мустафин 546
 Мыслицкий Н. Г. 409, 562
 Мягков Н. А. 605
 Мясников (Мясникян) А. Ф. 332
 Мясоедов С. Н. 80
- ## Н
- Наговицын А. А. 397
 Надежный Д. Н. 52, 127, 130, 143, 147–149, 156, 272, 278, 279, 361, 364, 391, 409, 435, 455, 472, 553, 566, 592
 Назарбеков Ф. И. 527
 Назаров П. С. 216
 Наполеон Бонапарт 343, 397, 417
 Насонов 289
 Наумов А. К. 394
 Невежин К. П. 409
 Негродов Б. Л. 118, 554
 Нежданова А. В. 549, 550
 Незнамов А. А. 156, 159, 161, 351, 382, 385, 397, 409, 414, 594
 Нейдомковский 223
 Неймирок Н. З. 214
 Немирович-Данченко Г. В. 19, 68
 Немитц А. В. 210, 601
 Немцов П. 547
 Нестерова Е. Д. 239
 Нечволодов А. С. 224, 247
 Николай I 371
 Николай II 33
 Никольский Л. В. 555
 Никольский В. П. 212
 Никонов Ф. П. 160, 377, 381, 385
 Никулин И. А. 350, 562
 Нищенков А. Н. 205
 Новиков А. В. 553
 Новиков Н. С. 467
 Новикьян 394
 Новицкий В. Ф. 20, 161, 168, 341, 351, 382, 385, 386, 390, 403, 452, 453
 Новицкий Е. Ф. 20
 Новицкий Ф. Ф. 20, 143, 156, 281, 364, 366, 414, 415, 434, 566, 620
 Носков А. А. 343
 Носович А. Л. 37, 44–47, 103, 117, 166, 202, 203, 205, 223, 224, 246, 251, 443, 449, 452, 455, 547, 600
 Нотбек В. В., фон 130, 227, 228
 Нуриджанян А. 314
- ## О
- Оберюхтин В. И. 243, 317, 318
 Овчинников А. К. 594
 Огородников К. Ф. 271
 Огородников Ф. Е. 130, 271, 349, 351, 404, 531, 535, 541, 550
 Одинцов С. И. 32–34, 123, 143, 148, 426, 449, 454, 467
 Одноглазков Г. Ф. 289
 Озоль 429
 Ойнас П. Г. 291
 Окулов А. И. 431, 448
 Окулова-Теодорович Г. И. 104
 Олейников П. И. 243
 Олохов В. А. 25, 161, 531, 534, 535, 542, 550
 Олохова О. И. 531, 542
 Олоховы 542
 Ольдерогге В. А., фон 42, 278, 282, 450, 553, 578, 579
 Ораевский И. Ф. 154
 Орджоникидзе Г. К. 441, 547
 Орехов А. М. 532, 540
 Оржановский В. Ф. 343
 Орлов Н. А. 144
 Орлов В. Г. 200
 Орлова Л. Ф. 619

П

- Паас К. В. 231
 Павлович М. П. 383
 Павлуновский И. П. 209, 258, 303, 463, 471, 601
 Панкратьев 314
 Панкратьев А. П. 187, 188, 191, 599
 Панов А. В. 98, 115, 116
 Пантелеев М. 446
 Панюшкин В. Л. 502
 Парв А. И. 214, 215, 241, 246
 Парм А. К. 394
 Парский Д. П. 35, 36, 84, 92, 127, 129, 133, 156, 158, 168, 174, 176, 201, 255, 271, 283, 438, 459, 499, 590, 594
 Паука И. Х. 279, 362, 364, 566, 620
 Пашковский Н. П. 291
 Певнев А. Л. 409, 410
 Пеленкин П. Я. 325
 Пепеляевы А. Н. и В. Н. 459
 Переверзев Н. М. 289
 Перемытов А. М. 279, 501, 620
 Перепеловский Б. М. 299
 Перестай М. С. 291
 Перхуров А. П. 51, 201, 289, 295, 296, 323
 Песоцкий В. Д. 184, 291
 Пестряков В. Н. 299
 Пестряков М. Н. 299
 Петерс Я. Х. 147, 469
 Петин Н. Н. 27, 178–181, 278–280, 336, 357, 360, 435, 467, 480, 482, 496, 525, 566, 576, 597, 620, 633
 Петлюра С. В. 142
 Петр I 35
 Петров М. М. 194
 Петров П. П. 40, 57, 227, 228, 229
 Петровский Г. И. 475
 Петровский Д. А. 196, 539
 Петрусевич Б. В. 498
 Пехлеви 38
 Пехливанов И. Г. 84, 127, 225, 226, 477, 523, 642
 Печерский Л. Ф. 385
 Пиллит А. Ф. 394
 Пионтковский И. А. 140
 Писарев 605
 Плехин К. С. 417
 Плотников Н. А. 288
 Плошкин В. В. 44
 Плюто С. Г. 599
 Пневский В. И. 21
 Пневский Н. В. 21, 137, 227–229, 336, 575, 620
 Подвойский Н. И. 34, 86, 91, 92, 123, 124, 128, 134, 172, 174, 215, 227, 228, 377, 381, 383, 442, 443, 451, 473, 474, 513
 Подгурский Ф. А. 84, 127
 Полетаев Н. Н. 312
 Поливанов А. А. 174, 175, 176, 177
 Поликарпов М. А. 598
 Полковников И. Н. 194, 195, 599
 Поляков Б. П. 201, 212, 258, 453, 469, 470
 Попов В. В. 281
 Попов В. Л. 35
 Попов П. Х. 221
 Попович Р. (В.) И. 69
 Поповиченко 234
 Пославский Ю. И. 414
 Пospelов 300
 Постников А. А. 69
 Посторонкин В. Н. 597
 Потапов Г. 241
 Потапов Н. М. 23, 34, 44, 84, 93, 123–126, 128, 131, 145, 172, 184, 187, 257, 347, 366, 426, 451, 515, 523, 594
 Потапова Н. А. 44
 Потаповы 44
 Преображенский В. И. 525
 Преображенский Е. А. 176
 Пресницкий Н. М. 292, 617
 Пржеславский 534

- Примаков В. М. 359
 Притоманов В. Ф. 315, 331
 Пронин В. М. 169
 Протазанов Т. М. 239
 Прошьян П. П. 128
 Псарев А. Н. 292, 617
 Пугачев С. А. 69, 273, 279, 282, 331, 336, 357, 441, 549, 550, 552, 566, 620
 Пузицкий С. В. 267
 Пузыревский 168
 Пушкин В. В. 617
 Пыжев 543
 Пятаков Г. Л. 455
 Пятницкий Е. М. 433

Р

- Радек К. Б. 176, 200, 344, 387
 Радкевич Е. А. 23
 Радко-Дмитриев Р. Д. 169, 462
 Радус-Зенкович Л. А. 341, 385, 594
 Разгильдеев С. П. 605
 Ракигин В. В. 303, 463
 Раковский Х. Г. 32, 540
 Раскольников Ф. Ф. 134, 256
 Раттэли 281, 537
 Раттэль И. И. 21
 Раттэль Н. И. 21, 83, 93, 94, 127, 129, 132, 134, 135, 145, 158, 172, 175, 255, 283, 401, 449, 467, 469, 520, 521, 526, 542, 566
 Раух Г. О. 212
 Рахманов А. М. 617
 Раша В. И. 558
 Раша Н. К. 558
 Ревишин А. П. 308, 454
 Реза-хан 38
 Рейли С. 212, 252
 Рейнштейн Б. И. 383
 Рейснер М. А. 383
 Рейхардт 486
 Ремезов А. К. 331
 Ренненкампф П. К. 111
 Репкин Л. И. 394
 Ригельман Е. Н. 117, 271
 Ригельман Е. П. 271
 Ризенкампф Г. К. 414
 Роберти Н. А., де 310, 311
 Родцевич-Плотницкий Л. Л. 250
 Розанов С. Н. 205, 221, 248
 Розанов С. Ф. 161
 Розе В. Р. 503, 504
 Розен М. И. 522
 Розенгольц А. П. 134, 561
 Розенфельд Г. А. 117
 Ролько А. Д. 239
 Ролько А. С. 239, 257, 311, 343
 Романенко И. А. 23
 Романовский Г. Д. 248
 Романовский И. П. 241
 Романовы 81
 Ромербах 605
 Рооп Х. Х. 556–558
 Рооп Ю. 558
 Ростов (Борхсениус) Л. Н. 283, 592
 Ростопчин Ф. 542
 Рубан А. Н. 403
 Руднев 227
 Руднев В. Л. 414
 Рузский Н. В. 23, 81, 462
 Румша К. Ю. 230
 Руссет М. Н. 290
 Рухимович М. Л. 281, 448
 Рыльский К. И. 156, 201, 594
 Рябиков П. Ф. 374
 Рябов П. Н. 69
 Рябоконт В. Ф. 635
 Рязанов Д. Б. 409, 526

С

- Саватеев А. И. 343
 Саввич М. Я. 227, 228
 Саввич П. С. 23
 Саввич С. С. 302

- Савинков Б. В. 47, 201, 202, 345
 Савинов Д. Т. 138, 139
 Савицкий И. П. 437
 Савицкий С. М. 502
 Савченко С. Н. 364
 Савченко-Маценко Л. И. 453, 469, 470
 Салтыков 466
 Салтыков-Щедрин Н. Е. 633
 Салынь Э. П. 348
 Самойло А. А. 22, 35, 104–106, 118, 120–122, 132, 143–145, 164, 275, 278, 281, 363–366, 433, 532, 535, 540, 559, 566
 Самсон фон Гиммельшерна (Самсон) У. И. 34, 124
 Самсонов А. В. 111, 168, 594
 Самуйлов В. И. 158, 161, 385, 515, 526
 Сандецкий А. А. 231
 Сапожков А. В. 548
 Сапожников Н. П. 23, 37, 411
 Сафонов (Сафаров) Н. И. 617
 Сахаров В. В. 555
 Свердлов Я. М. 104, 134, 383, 427, 445, 447, 448, 468, 470
 Сверчков П. А. 598
 Свечин А. А. 20, 32, 36, 41, 59, 60, 103, 132, 144, 145, 157, 158, 161, 168, 190, 255, 283, 351, 352, 358, 360, 361, 385, 391, 397, 409, 429, 451, 453, 521, 524, 537, 544, 553, 564, 566, 571, 644
 Свечин М. А. 20, 32, 33, 537
 Свечин П. А. 537, 644
 Свечина И. В. 537, 644
 Свечников М. С. 171, 283, 340, 351, 526, 559
 Свирчевский И. В. 309
 Свяцкий В. Н. 161, 385
 Сегеркранц Н. К. 403
 Сегеркранц С. К. 385, 403, 409, 410
 Седачев В. К. 491, 492
 Сект Г., фон 10
 Селивачев Б. В. 348
 Селивачев В. И. 159, 161, 165, 193, 207, 212, 247, 348, 395, 448, 449, 524, 525, 554, 559, 594
 Селиков В. С. 404
 Семашко А. Я. 206
 Семенихин Г. З. 297
 Семенов А. К. 172
 Семенов (Васильев) Г. И. 201
 Семенов Г. М. 297, 459
 Семенов Н. Г. 410, 542
 Семенов П. К. 289, 294
 Семчевский К. В. 605
 Сербинович К. И. 242, 297
 Сергеев В. В. 169
 Сергеев Е. Н. 278, 280, 410, 549, 566, 620
 Сергеевский Б. Н. 81, 583
 Серебренников И. К. 271
 Серебренникова О. И. 271
 Серебряков Л. П. 174, 450
 Серебрянников В. Г. 435
 Сиверс А. Н. 403
 Сиверс Р. Ф. 443
 Сиверс Я. Я. 553
 Сидорин В. И. 343
 Сидорович С. К. 116, 187, 188, 536
 Сильнь О. А. 314
 Симонов А. А. 591, 648
 Симонов А. Л. 184, 204, 598
 Симонов М. А. 619
 Симонов К. М. 619
 Синееков Н. Г. 240
 Скалон В. Е. 125, 598
 Скворцов Б. Н. 189, 560, 598
 Скворцов-Степанов И. И. 122, 174
 Склянский Э. М. 58, 64, 92, 94, 103, 106, 111, 116, 120, 121, 124, 128, 134, 135, 147, 154, 172, 227, 309, 311, 332, 335, 336, 378, 399, 413, 427, 431, 451, 467, 469, 487, 501, 522, 559, 561, 589
 Скобелев М. Д. 303, 527
 Скоропадский П. П. 50, 74, 215, 285, 286, 297, 426
 Скрябин А. Н. 549
 Славен П. А. 149
 Слашов Я. А. 68, 211, 343–345, 347, 644
 Слесарев К. М. 303, 304, 614
 Слефогт А. Г. 54, 580
 Сливинский А. В. 134
 Слицкоухов П. П. 599
 Слушко 605
 Смилга И. Т. 104, 108, 112, 149, 167, 230, 451, 493
 Смирнитский В. А. 462
 Смирнов В. В. 23, 462
 Смирнов В. М. 403
 Смирнов И. Н. 134, 487
 Смольнин-Терванд И. И. 207, 316
 Смородинов И. В. 325
 Снесарев А. А. 38
 Снесарев А. Е. 37, 38, 39, 82, 91, 92, 117, 130, 133, 160, 203, 221, 250, 255, 273, 283, 351, 356, 358, 360, 361, 385, 390, 392, 395, 413, 414, 432, 441, 451, 468, 492, 502, 521, 533, 542, 548–553, 638, 639, 641, 643, 646
 Снесарев Г. А. 38
 Снесарева Е. В. 468
 Снесарева Е. А. 533, 541, 550
 Снесарева К. Е. 38
 Снесаревы 541, 577, 589, 629, 633, 639, 641, 643, 644, 645, 646
 Снессорев Ф. А. 605
 Собинов Л. В. 549
 Соковнин В. А. 21
 Соковнин М. А. 21, 366
 Соколов 239
 Соколов В. И. 47, 159, 207, 579, 594
 Соколов В. Н. 312, 313, 403
 Соколов Н. В. 299
 Соколов П. Н. 289
 Соколовский 308
 Соколовский Н. Ф. 215, 241, 343, 344, 615
 Сокольников Г. Я. 451
 Солдатов С. С. 617
 Соллогуб Н. В. 197, 278, 279, 280, 449, 566, 620
 Соловьев В. И. 546
 Соловьева Н. С. 546
 Соломаха Г. К. 312, 617
 Соломон Г. А. 465, 592
 Сольц И. Г. 502
 Сорин В. Г. 445
 Ставровский К. Н. 23
 Сталин И. В. 98, 99, 104, 112, 124, 143, 176, 180, 203, 273, 280, 284, 308, 332, 334, 336, 337, 342, 349, 354, 356, 358, 359, 362, 365, 441–446, 448, 449, 454–457, 459, 494, 503, 504–506, 525, 572, 616, 622
 Станиславский А. В. 125, 209
 Станкевич А. В. 224, 481
 Станкевич В. В. 224
 Староскольский 605
 Староскольский К. Н. 231
 Стасевич В. Е. 270, 599
 Степанов А. Б. 275
 Степанов В. А. 465–467
 Степанова В. В. 644
 Стогов Н. Н. 27, 47, 58, 132, 145, 161, 179, 193, 207–211, 221, 222, 258, 484, 526, 579
 Сторожев В. 463
 Строгановы 552
 Строев (Рихтер) М. П. 254, 281, 364, 440, 608
 Стрельман О. С. см. Каппель О. С.
 Стрыхарь П. М. 301
 Стугин М. А. 403
 Стульба В. Ю. 598
 Ступин В. В. 404, 544
 Стучка П. И. 261, 262
 Суворов А. Н. 401, 403, 594

Суворов М. Н. 205, 231, 232, 449, 450
 Сукин Н. Т. 343
 Сулейман Н. А. 83, 127, 161, 255, 351, 382, 385, 414
 Сурконт Е. И. 546
 Сухов В. Г. 125, 360, 409, 539, 553
 Суходольский Г. Д. 247, 309, 310
 Сухомлин С. А. 409, 562
 Сухомлинов В. А. 44, 485, 567
 Сухотин Н. Н. 619
 Сыромятников А. Д. 243, 351
 Сысоев Е. В. 364, 376, 598
 Сытин И. П. 20, 32, 51, 177, 250, 253, 520
 Сытин П. П. 20, 25, 43, 44, 118, 133, 156, 177, 255, 283, 284, 331, 362, 442–445, 449, 455, 566, 620

Т

Талаат-паша 433
 Таль Б. М. 491
 Тамручи В. С. 331, 364, 376
 Тарановский А. Д. 52, 172, 361, 362, 389, 390, 395, 414, 469
 Тарасов В. И. 599
 Тарасов В. Ф. 137, 191, 247, 290
 Тассо А. 342
 Таубе (Таубе) А. А., фон 22, 34, 123, 124
 Таубе (Таубе) С. Ф., фон 22, 403
 Текелин Л. А. 227, 228, 230, 296, 299, 303
 Теодори Г. И. 116, 119, 185, 186, 189–196, 226, 347, 376, 385, 395, 473, 481, 517, 546, 598, 599
 Тер-Арутюнянц М. К. 18, 438
 Тер-Никогосов Г. 315
 Тетеревятников В. Я. 465–467, 633
 Тимошенко С. К. 408, 458
 Тихменев Н. М. 20, 241
 Тихобразов Д. Н. 33, 82

Тищенко А. К. 394
 Токаревский В. К. 325, 326, 351, 548, 620
 Толбухин Ф. И. 407
 Толстов В. С. 297, 298
 Толстой А. Н. 281
 Толубаев Л. М. 292
 Тониев А. 315
 Тонких И. В. 57, 343
 Торкнус Ф. И., фон 23
 Торстенсен В. 542
 Трапезников А. В. 415
 Третьяков М. Н. 617
 Триандафиллов В. К. 352
 Трифонов В. А. 589
 Троицкая В. П. 193, 546
 Троицкий И. А. 397
 Троицкий В. Н. 316
 Тростянский А. А. 541
 Трофимов В. В. 469, 598, 599
 Троцкий В. И. 23
 Троцкий Л. Д. 10, 13, 33, 38, 44, 48, 58, 64, 81, 83, 84, 86–91, 93–95, 98, 99, 101, 103–105, 107, 108, 111, 118, 123, 125, 128, 132, 134, 135, 143, 147, 148, 152, 154, 156–159, 164, 173, 175, 176, 190, 191, 194, 198, 206, 208, 219, 221, 226, 230, 249, 254–257, 260, 324, 326, 329, 332–337, 342–344, 360, 362, 378, 383, 385, 398, 401, 413, 420, 425–427, 431, 435–459, 461, 467, 469, 470, 472, 475–479, 482, 484, 486–488, 501, 502, 504, 515, 524, 529, 538, 556, 559, 565, 569, 572, 573, 588, 592, 601, 616, 632, 637
 Трутко Ф. И. 494, 499
 Трухачев С. М. 240
 Трухин Н. Н. 231
 Туманов Г. А. 462
 Туманов Н. Е. 23
 Турло С. С. 217
 Тухарели Г. А. 359

Тухачевский М. Н. 18, 67, 68, 149, 173, 197, 279, 332, 334, 336, 340–342, 352, 354, 358–360, 362, 385, 386, 394, 395, 397, 409, 433, 441, 446, 447, 458, 502
 Тухачевский Н. Н. 394
 Тюленев И. В. 397
 Тюренков Б. Н. 246

У

Уборевич И. П. 68, 173, 282, 547, 611
 Ульрих В. В. 359
 Ульянов (Ленин) В. И.
 см. Ленин В. И.
 Умнов К. А. 213
 Уншлихт И. С. 327
 Урицкий С. П. 324
 Устимович Ю. К. 605
 Ухенберг В. А. 261, 264, 265, 268

Ф

Фабрициус Я. Ф. 398, 408
 Фастыковский М. В. 27, 28, 343, 345, 430
 Федоров А. Ф. 392
 Федотов А. И. 403
 Федько И. Ф. 18, 324, 397, 398, 500, 501
 Федюкин С. А. 425
 Фельдман Б. М. 325, 362
 Фенин В. В. 216
 Фесенко М. Г. 331
 Филатьев Д. В. 23, 254, 255
 Филимонов Б. Б. 210
 Финицкий И. М. 227, 228, 230, 289
 Фиол К. И. 289
 Флейшер А. Е. 210
 Флоровский И. Д. 499
 Флуг В. Е. 30, 244, 607

Фокке Д. Г. 125, 271, 346, 468
 Фостиков М. А. 487
 Фролов П. А. 23
 Фрунзе М. В. 68, 143, 149, 173, 197, 279–281, 298, 332, 336, 337, 340, 357, 363, 375, 385, 395, 413, 418, 434, 449, 451, 458, 550, 611
 Фурт П. С. 363

Х

Хайрулин М. А. 636
 Харламов С. Д. 35, 56, 65, 92, 143, 147, 148, 154, 161, 168, 224, 385, 403, 449, 604, 620
 Хартулари В. Д. 214, 440
 Хачатурян С. 315
 Хведкевич А. К. 300, 613, 614, 617
 Хвоцинский Г. Н. 336, 552, 619, 620
 Хенриксон Н. В. 161, 385
 Хитрово К. С. 598
 Холومانов Г. К. 526
 Хольмсен И. А. 347
 Хренов А. Ф. 360
 Христиани Г. Г. 125, 316
 Хрулев А. В. 458
 Хрулев А. С. 531
 Хрулев В. В. 190, 194, 195, 599
 Худашев И. И. 605
 Худеев С. Е. 617

Ц

Цветков В. Ж. 608
 Цедерберг В. Н. 299
 Цейтлин 294
 Цейтлин В. М. 123, 130, 165, 187, 188, 351, 409, 515, 516
 Цеplit И. Я. 125
 Цириц Г. 320
 Цироне А. 69

Цихович Я. К. 158, 159, 210, 224,
345
Цуриков А. А. 174, 175
Цурпалев А. Н. 481, 482

Ч

Чайковский П. И. 549
Чапаев В. И. 393, 439
Чебеняев И. М. 303
Чебышев Н. Н. 26
Чеканов 362
Червинский Л. П. 301
Черданцев Г. Н. 414
Червин А. А. 171
Черепанов А. И. 490, 491
Черкасов П. В. 159, 409, 410
Черкас В. И. 605
Чернавин А. Н. 617
Чернавин В. В. 251, 608
Черниговский-Сокол Б. Ф. 232
Чернов В. М. 360
Черноморцев А., см. Носович А. Л.
Чернышев В. Н. 364, 620
Чернявский В. Т. 23
Черняев 301
Чеснаков П. В. 187, 188
Четверухин Г. Н. 354
Четков В. М. 351, 364
Чечек С. 202
Чинтулов И. Д. 190, 203, 226,
268–270, 598, 599, 609
Чичерин Г. В. 454
Чойбалсан Х. 407
Чубаков И. И. 38, 290
Чугунков К. В. 301

Ш

Шавельский Г. 240, 250, 251
Шавров Б. Н. 562
Шайтанов В. Е. 288, 292, 617

Шалапин Ф. И. 549, 552
Шапкин Т. Т. 408
Шапошников Б. М. 18, 23, 24,
114–116, 145, 278, 280, 305,
312, 327, 328, 332, 333, 347,
351, 354, 357–360, 363–366,
409, 457, 511, 549, 566, 573,
575, 620, 632
Шапошников Д. Т. 494
Шарангович П. М. 289
Шарангович С. М. 289
Шарбо 205
Шафалович Ф. П. 42, 65, 328, 329,
362–364, 409, 410, 620
Шварц 533
Шварц А. В., фон 201
Шварц Н. Н. 279, 351, 364, 458, 566
Шевелев С. С. 313
Шевцов А. П. 462
Шейдеман А. С. 633
Шейдеман Г. М. 21
Шейдеман Е. С. 633
Шейдеман С. М. 21, 161, 187, 361,
382, 385, 386, 395, 463, 464
Шелавин А. Н. 343
Шеманский А. Д. 469
Шереметев 384
Шестун В. В. 341
Шехаев Б. А. 34
Шибаетов Л. Н. 299
Шиловский Е. А. 281, 317, 351,
362–364, 366, 376, 397, 620
Шильдбах (Литовцев) К. К.
см. Литовцев (Шильдбах) К. К.
Шиманская Л. М. 178, 179
Широков В. П. 130
Шишкин В. И. 125, 190, 226
Шишковская Л. И. 272
Шишковский Е. Е. 271, 272, 361,
403, 404
Шишковский Н. Е. 271
Шкляр-Олексюк С. И. 232
Шкуро А. Г. 242
Шляпников А. Г. 83

Шомполонский (Шемполонский)
К. Е. 502
Шопен Ф. 549
Шорин В. И. 109, 149, 454, 546,
48, 588
Шохов М. Е. 299
Штейфон Б. А. 37, 252
Штеменко С. М. 365
Штубендорф А. О., фон 346
Шуваев А. Д. 21, 325, 472, 620
Шуваев Д. С. 21, 23
Шульгин В. В. 199, 213, 236
Шурупов Д. Д. 397
Шутко К. И. 128

Щ

Щастный А. М. 201, 576, 599
Щепихин С. А. 43
Щепкин Н. Н. 209, 211, 484
Щербаков Н. М. 227, 228
Щербинин Н. Ф. 289, 617
Щербов-Нефедович П. О. 23
Щолоков И. И. 403, 526
Щорс Н. А. 18

Э

Эверт Г. А. 237, 241
Эзеринг К. И. 345
Эйдеман Р. П. 353, 385
Эйдук А. В. 286, 302
Эйхгольц А. Р. 527
Эксе В. Ф. 344

Эль-Мурза Заур-Бек см. Бекович-
Валуйский Б. С.
Энвер-паша 111, 283, 433
Энгельгардт А. А. 595
Энгельгардт Б. А. 30, 165, 169, 203, 365
Энглер Н. В. 598
Энден М. М. 347, 620

Ю

Юденич Н. Н. 18, 108, 111, 142, 143,
147, 148, 201, 212, 258, 320, 390,
454, 469, 472, 592
Юренев К. К. 108, 130, 486, 589
Юршевский Я. Я. 346

Я

Яблонский А. Н. 558
Ягода А. Н. 232
Ягодкин П. Я. 345
Ягунов П. А. 498
Языков Н. М. 469
Языков С. М. 151, 240, 241, 469
Яковлев 308
Яковлев 382
Яковлев А. А. 414
Яковлева В. Н. 478
Якубович Г. А. 23
Яновский А. Я. 305, 351, 364, 376
Янушкевич Н. Н. 462
Япон 616
Ярцев Г. В. 230
Яцко И. В. 119, 146

Отзывы на книгу можно присылать
на электронный адрес автора: *andrey_ganin@mail.ru*

Ганин Андрей Владиславович

**Повседневная жизнь генштабистов
при Ленине и Троцком**

2-е издание, исправленное

Художественное оформление *М. А. Миллер*

Корректор *Н. С. Самбу*

Компьютерная верстка: *М. А. Рогова*

Цветокоррекция: *И. Л. Кочергин*

ООО «Кучково поле»

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420

Тел./факс: (495) 256-04-56

E-mail: info@kpole.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 24.01.2017. Формат 70×100¹/₁₆

Усл. печ. л. 54,83. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

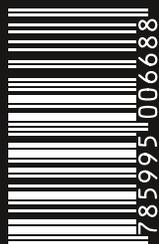
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: 8(499)270-73-59

E-mail: sales@chpd.ru

www.chpd.ru

ISBN 978-5-9950-0757-9

9 785995 006688

